This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 3420.93 (1)

VE RI TAS

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Г 66
28

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

НА

КАВКАЗѢ

(1842—1867)

А. Л. ЗИССЕРМАНА

Часть первая

1842—1851

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1879

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

НА

КАВКАЗѢ

(1842—1867)

А. Л. ЗИССЕРМАНА

Часть Первая

1842—1851

БИБЛІОТЕКА
МДМ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1879

Slav 3420.93 (1)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 1 1959

Въ теченіи 1876—1878 годовъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ печатались отрывки изъ моихъ воспоминаній о долголѣтней службѣ на Кавказѣ.

Для многихъ чтеніе журналовъ или совершенно не досуг, тупно, или сопряжено съ различными затрудненіями, лишающими читателя возможности сохранить въ памяти связное представленіе о прочитанномъ, особенно если нечатаніе продолжалось долго и съ перерывами. Это побудило меня издать „воспоминанія“, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями отдѣльной книгой, раздѣливъ ее для удобства на двѣ части.

Не придаю своему труду никкаого историческаго, а тѣмъ болѣе литературнаго значенія, но полагаю, что всѣмъ служившимъ на Кавказѣ, въ продолженіе долгой эпохи войны нашей съ тамошними горцами, не безъинтересно пробѣжать нѣсколько страницъ, могущихъ напомнить имъ давно минувшее время и нѣкоторыхъ лицъ, съ коими всякому изъ нихъ, безъ сомнѣнія, приходилось, болѣе или менѣе, сталкиваться.

Кавказъ прежнихъ временъ имѣлъ свойство такъ привлекать къ себѣ всѣхъ проведшихъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, что привязанность къ нему не исчезала и послѣ долгаго времени, проведеннаго въ другихъ мѣстахъ. Такимъ старымъ кавказцамъ дороги всякія объ немъ воспоминанія, и ихъ то (а число ихъ, разсѣянныхъ по всѣмъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, очень значительно) имѣлъ я главнѣйше въ виду, составляя мой посильный трудъ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

				Напечатано:	*Читай:*
стр.	7	стр.	18	Гутъ-торѣ	Гутъ-горѣ
—	145	—	1	въ дѣйствительности	было въ дѣйствительности
—	184	—	5	а	я
—	177	—	3	(въ примѣчаніи) вѣроятно	впрочемъ

I.

Мнѣ было 17 лѣтъ, когда, живя въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, я въ первый разъ прочиталъ нѣкоторыя сочиненія Марлинскаго. Не стану распространяться объ энтузіазмѣ, съ какимъ я восхищался *Амалатъ-Бекомъ*, *Мулла-Нуромъ* и другими очерками Кавказа; довольно сказать, что чтеніе это родило во мнѣ мысль бросить все и летѣть на Кавказъ, въ эту обѣтованную землю, съ ея грозною природой, воинственными обитателями, чудными женщинами, поэтическимъ небомъ, высокими, вѣчно покрытыми снѣгомъ горами и прочими прелестями, неминуемо воспламеняющими воображеніе семнадцатилѣтней головы, да еще у мальчика, съ дѣтства уже обнаруживавшаго чрезвычайную наклонность къ ощущеніямъ болѣе сильнымъ, чѣмъ обыкновенныя школьническія забавы. Оставалось придумать средства привести планъ въ исполненіе и я строилъ ежедневно кучу предположеній, оказывавшихся на другой день никуда нигодными. Вдругъ, совершенно неожиданно, представился, повидимому, удобный случай. Одинъ знакомый мнѣ канцелярскій чиновникъ, съ которымъ я заговорилъ о Кавказѣ, вспомнилъ, что недавно читалъ какое-то новое положеніе объ этомъ краѣ, о льготахъ, предоставляемыхъ служащимъ въ немъ и пр., и что самое лучшее было бы проситься туда на службу. Мысль мнѣ понравилась и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, какъ и подабаетъ юношамъ, мы

предварительно достали огромную канцелярскую книжицу сенатскихъ указовъ, прочитали составленное сенаторомъ барономъ Ганомъ *Положеніе объ управленіи Закавказскимъ краемъ 1840 года*, то есть читали не все *Положеніе*, а главы о преимуществахъ вызываемыхъ туда на службу, и въ началѣ декабря 1841 года отправили просьбы къ тифлисскому губернатору о принятіи насъ на службу въ его вѣдомство.

Признаться сказать, мы имѣли весьма мало надежды на успѣхъ, и когда наступилъ уже май 1842, а извѣстій изъ Тифлиса никакихъ нн было, мы, что называется, махнули рукой и стали подумывать не попытаться ли поступить на службу въ Восточную Сибирь, лишь бы куда нибудь подальше пропутешествовать и удовлетворить страсти къ передвиженіямъ и сильнымъ ощущеніямъ. Между тѣмъ, около половины мая въ губернскомъ правленіи получилась бумага изъ Тифлиса, что просьбы наши приняты, что насъ вызываютъ на основаніи такого-то параграфа Положенія, для чего снабдить подорожными, прогонами и проч. Съ восторгомъ выслушавъ это извѣстіе, мы, послѣ короткихъ сборовъ, безъ малѣйшихъ опасеній за будущее, 30 мая 1842 усѣлись на перекладную и пустились въ далекій, невѣдомый путь.

Скучна и утомительна была однообразная дорога по степямъ Херсонской, Екатеринославской и другихъ южныхъ губерній. Невыносимый жаръ, недостатокъ воды, полуразвалившіяся хаты вмѣсто почтовыхъ станцій, скверныя клячи, едва везущія тряскую телѣгу, стада сусликовъ (овражковъ), да миражи, дразнящіе на каждомъ шагу надежды на тѣнь и воду. Въ добавокъ, мы ѣхали безъ всякаго маршрута и по произволу станціонныхъ смотрителей попали на какой-то кружный путь чресъ Орѣховъ, Мелитополь, Бердянскъ, Маріуполь и Таганрогъ, по самымъ пустыннымъ степямъ, палимымъ іюньскимъ солнцемъ. Наконецъ, набравшись горя на славившихся своими безпорядками станціяхъ въ Войскѣ Донскомъ, мы дотащились до Ставрополя, который хотя и считался уже Кавказомъ, но ничѣмъ не отличался отъ любого губернскаго

города средней руки. Два условія только придавали ему особенный характеръ: костюмы линейныхъ казаковъ и изрѣдка попадавшихся туземцевъ, особенно верхами въ полномъ вооруженіи; еще болѣе, великолѣпный видъ на Кавказскій хребетъ, который, не взирая на почти четырехсотверстное отдаленіе, въ свѣтлое утро весь, какъ выточенный рельефъ гигантскихъ размѣровъ, величественно поднимался между мглою долинъ и синевою неба. До Георгіевска опять степная, изрѣзанная глубокими балками дорога. Вдругъ вправо показывается Эльборусъ, какъ будто окруженный четырьми огромными отдѣльно стоящими холмами, и все это кажется рукой подать, между тѣмъ до этихъ холмовъ, у подножія коихъ Пятигорскъ и минеральныя воды, 40 верстъ. Далѣе до Екатериноградa и оттуда до Владикавказа на дорогѣ стояли пикеты казаковъ на вышкахъ, ѣздили съ конвоемъ, попадались двухколесныя скрипучія арбы съ вооруженными туземцами погоньщиками, да на каждой станціи угощали разсказами о тревогахъ, нападеніяхъ и вообще происшествіяхъ, въ которыхъ только и слышались слова: немирные, мошенники-мирные, убили, зарѣзали, схватили, угнали... Все это очень рѣзко бросалось въ глаза ѣдущимъ изъ тѣхъ городковъ, гдѣ тишина нарушалась развѣ пьянымъ крикомъ „караулъ“...

Во Владикавказѣ туземный элементъ уже видимо преобладалъ на улицахъ и я останавливался на каждомъ шагу любоваться этими молодецкими фигурами, въ живописныхъ костюмахъ, ловко сидящими въ сѣдлѣ. Здѣсь же въ первый разъ увидѣлъ я туземныхъ женщинъ, пришедшихъ на базаръ продовать куръ, масло и проч. Всѣ онѣ были въ какихъ-то лохмотьяхъ зеленаго или синяго цвѣтовъ; наружность весьма непривлекательная, грязь непомѣрная. Гдѣ же „дѣвы горъ“?..

Владикавказъ, преддверіе настоящаго Кавказа, очень оживленное мѣсто; миновать его нельзя, онъ связываетъ Россію и Грузію; окрестности его очень живописны; въ самомъ городѣ съ шумомъ быстро несется мутный Терекъ. По истеченіи сутокъ, мы убѣдились въ напрасномъ ожиданіи почтовыхъ лошадей,

которыя, по словамъ смотрителя, въ разгонѣ. Случившійся въ казенной гостиницѣ офицеръ, старожилъ, далъ намъ добрый совѣтъ, не теряя напрасно времени, нанять лошадей у осетинъ и ѣхать верхомъ до станціи Коби, лежащей у подножія перевала черезъ хребетъ.

Заплативъ чуть-ли не тройные прогоны за двѣ кляченки, на которыхъ вмѣсто сѣделъ были какіе-то обрывки войлоковъ (вещи навьючили на третью), мы пустились въ путь съ двумя оборванными проводниками. Они всю дорогу, безъ умолку, такъ громко говорили между собою, такъ сильно жестикулировали, что мы все ожидали драки; не понимая ни слова, съ воображеніемъ настроеннымъ преувеличенными толками объ опасностяхъ, подъ впечатлѣніемъ дико-угрюмой мѣстности, мы уже стали опасаться что насъ заведутъ въ трущобу и зарѣжутъ огромными, болтавшимися на поясахъ, кинжалами... Однако нечего было дѣлать, подвигались все дальше, проѣхали Балту—небольшое поселеніе военнорабочихъ на дорогѣ и стали углубляться въ ущелье; у станціи Ларсъ дѣлали привалъ, да среди русскаго населенія отдохнули отъ страха, испытаннаго въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, и увѣрились, что проводники курицы не обидятъ, что „кричатъ они всегда — такой ужь у нихъ, баринъ, нравъ азіятскій“, такъ выразился солдатикъ—сторожъ почтовой станціи.

Опять вскарабкались на тощихъ буцефаловъ и тронулись мѣрнымъ шагомъ дальше къ знаменитому Дарьялу, гдѣ ревъ Терека, громадность упирающихся въ него отвѣсныхъ скалъ, огромные грозящіе паденіемъ на голову камни, вся эта величаво-дикая природа производитъ, особенно на ѣдущихъ въ первый разъ, впечатлѣніе трудно передаваемое на бумагѣ. Всѣ поэтическія описанія, посвященныя этимъ мѣстамъ, все-таки слабы предъ дѣйствительностью. Понятно, что я былъ восхищенъ и съ какимъ-то трепетомъ сердечнымъ то поднималъ голову вверхъ чтобы смотрѣть на скалы, на торчащія изъ ращелинъ сосны, на сочащіеся источники, то опускалъ ихъ внизъ, чтобы смотрѣть на пѣнящуюся рѣку, съ какимъ то

бѣшенствомъ стремящуюся миновать всѣ препятствія, образовавшіяся на ея пути, въ видѣ обломковъ скалъ и гранитныхъ тѣснинъ; я вслушивался въ этотъ особенный шумъ, будто не совсѣмъ однообразный, будто силящійся что-то выразить.

Ущелье все съуживалось, не допуская солнечныхъ лучей; оно принимало все болѣе мрачный видъ; люди и лошади, даже кой-какія постройки по дорогѣ, все это казалось чѣмъ-то такимъ мелкимъ, невзрачнымъ противъ этой величественной обстановки... Дорога, безпрестанно поднимающаяся и спускающаяся по крутымъ береговымъ откосамъ, вся усѣяна камнями и нужно было удивляться какъ выносили во время оно русскія кости скачку въ телѣгахъ по этому пути. Въ аулѣ Казбекъ, лежащемъ недалеко отъ подножія горы этого имени, проводники пригласили насъ къ себѣ. Въ первый разъ былъ я въ домѣ туземца, но не взирая на любопытство, долго не могъ оставаться: ѣдкій дымъ сосноваго дерева, вонь отъ навоза, невыдѣланныхъ овчинъ и сквернаго табаку, полунагія грязныя дѣти, оборванныя женщины, овцы, телята, все это вмѣстѣ, у одного разведеннаго посрединѣ сакли огня, надъ которымъ на желѣзной цѣпи виситъ черный котелъ съ какою-то похлебкой, а въ золѣ пекутся лепешки, вотъ что составляло видъ этого жилища. Привыкши къ деревенской обстановкѣ въ Малороссіи, гдѣ у бѣднѣйшаго крестьянина въ хатѣ все опрятно, я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ. Какая же тутъ, думалъ я, возможна поэзія, гдѣ же дѣвы горъ, гдѣ же эти эдемы Марлинскаго? Вѣрно дальше—вѣдь край большой; ну, скорѣе впередъ.

Къ позднему вечеру достигли Коби. Картина измѣнилась; ущелье шире; Терекъ не шумитъ, а едва замѣтно пробирается по долинкѣ, горы кругомъ уже не отвѣсными скалами, а болѣе покатыми грядами обступаютъ долину; нигдѣ ни деревца, ни цвѣтка. Хотя это было въ послѣднихъ числахъ іюня, но ночь была холодная, мартовская: комната на почтовой станціи—совершенный ледникъ; сторожъ изъ военно-рабочихъ

солдатъ-еврей весьма любезно предложилъ затопить „если господа желаютъ“. Что за вопросъ, кто же не пожелаетъ? „Пожалуста, поскорѣе, да хорошенько, мы вамъ ужо на чаекъ за это“. „Ради стараться, ваше высокоблагородіе“, совершенно уже по солдатски выкрикнулъ лукавый солдатикъ-еврей и исчезъ. Черезъ десять минутъ онъ явился съ небольшою вязанкой дровъ, затопилъ печь и скрылся опять. Тепла отъ этой топки не произошло; печь огромная, комната тоже большая, остуженная; нужно бы много дровъ, чтобъ ее согрѣть; но мы уже напились чаю, не рѣшались во зло употреблять любезность сторожа и собирались улечься на твердыхъ досчатыхъ диванахъ, накрывшись всѣмъ удобнымъ для этого, какъ дверь отворилась и онъ появился съ тою же услужливо-улыбающеюся физіономіей. „Такъ какъ я, ваше высокоблагородіе, долженъ до разсвѣта отправляться по службѣ на Казбекскую станцію, то позвольте получить теперь разсчетъ“. „Очень хорошо. Сколько слѣдуетъ за самоваръ? (больше мы ничего не брали).“ — „За самоваръ 30 коп., да 15 фунтовъ дровъ, по пяти копѣекъ за фунтъ — 75, да мнѣ за работу, если больше не пожалуете, то по положенію десять копѣекъ“. Вотъ чѣмъ окончилась услужливость сторожа. Не говоря уже что при нашихъ средствахъ издержка была очень чувствительная, мы были возмущены положеніемъ, чтобы проѣзжающіе, да еще на службу, сами отапливали станцію; наконецъ этою формой эксплуатированія невѣдающихъ правилъ и цѣнъ. Дрова на фунты! Этого мы никакъ не могли сообразить. Впрочемъ, здѣсь кстати замѣтить, что послѣ, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, я достаточно убѣдился, что такого самоуправства, такого безконтрольнаго, просто нахальнаго попиранія всякихъ правилъ, какъ въ управленіи почтовою гоньбой, едва ли еще гдѣ нибудь можно было встрѣтить. Мнѣ придется еще подробнѣе разсказывать объ этомъ предметѣ и во времена болѣе намъ близкія.

На другое утро туманъ покрывалъ все вокругъ и сырость въ видѣ инея садилась на платье. Я никакъ не могъ

составить себѣ яснаго понятія какъ совершается предстоящій намъ перевалъ чрезъ горы, какъ долго онъ совершается и въ чемъ заключается опасность, ради коей всѣ проѣзжающіе какъ-то стереотипно повторяютъ: „вотъ лишь бы чрезъ горы благополучно перебраться“. Наконецъ, звеня двумя колоколами подъ дугой и десятками бубенцовъ, подкатила къ крыльцу ухорская тройка, мы усѣлись и версты двѣ по ровной почти дорогѣ пронеслись какъ только можно пронестись на Руси, когда ямщикъ лихой парень, а тройка сытая, не загнанная. Начался подъемъ; я весь обратился во вниманіе, думая какія препятствія должны встрѣчаться на переѣздѣ чрезъ горы, вѣчно покрытыя снѣгами видимыя за 400 верстъ.... Однако то шагомъ, то кое гдѣ рысцой, то по обрывистому берегу какого-то бурливаго потока, то по долинѣ, встрѣчая и тройки, и верблюжьи караваны, и верховыхъ, мы чрезъ $2^1/_2$ часа были уже на станціи Кайшауръ, на южномъ склонѣ хребта, не вылѣзая за всю дорогу изъ телѣги... Подъемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ крутъ; по Гутъ-торѣ дорога шла надъ обрывомъ, казавшимися неизмѣримою бездной, въ которой видпѣлись аулы и постройки весьма миніатюрныхъ размѣровъ; видъ былъ вообще дико-унылый, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежали грязныя, снѣжныя глыбы, остатки обваловъ; но ничего ни особенно поражающаго, ни опаснаго я не замѣтилъ. Въ послѣдствіи, проѣхавъ по этому пути не одинъ десятокъ разъ и въ разныя времена года, я уяснилъ себѣ почему дѣйствительность такъ не соотвѣтствовала тогдашнему воображенію и убѣдился, что объ опасностяхъ не даромъ толковали и вообще почему переѣздъ черезъ горы считали чуть не подвигомъ.

Высшая точка перевала—около 7,600 футовъ, изъ коихъ до половины, если не болѣе, уже пройдено отъ Владикавказа до Коби, по-степенымъ, не совсѣмъ замѣтнымъ подъемомъ; слѣдовательно вторую половину по разработанной дорогѣ не мудрено было безъ большихъ затрудненій въ два часа проѣхать, а что виднѣется за 400 верстъ въ видѣ сплошной

цѣпи горъ покрытыхъ снѣгомъ,—это только вершины отдѣльно поднимающихся горъ, высшія точки хребта, удерживающія снѣгъ всегда и на далекомъ разстояніи кажущіяся сплошнымъ протяженіемъ; переѣзды же, само собою, выбираются на болѣе низкихъ уступахъ. Опасность, смотря по времени года, заключалась въ снѣговыхъ или земляныхъ завалахъ, обрушивающихся на дорогу непредвидѣнно, съ ужасною быстротой и силой, да въ бѣшеныхъ потокахъ, да въ возможности полетѣть съ обрыва, еслибы лошади испугавшись бросились въ сторону или не удержались на спускѣ и т. д.; но чуть ли не главную опасность видѣли въ возможности остаться въ какомъ-нибудь Кайшаурѣ или Коби пять, шесть дней, когда всякое сообщеніе прекращалось вслѣдствіе заваловъ или сноса бѣшенымъ водопадомъ моста, или разливомъ Терека по дорогѣ. Мы проѣзжали въ хорошее время и при особенно счастливыхъ условіяхъ: дорога готовилась для проѣзда военнаго министра графа Чернышева и станціонные диктаторы не только не задерживали проѣзжающихъ, но даже съ любезностью старались скорѣе выпроваживать гостей.

Спускъ отъ Кайшаура къ Квишету, резиденціи окружнаго начальника, управляющаго племенами по дорогѣ живущими, былъ хорошо разработанъ; словомъ, мы безъ всякихъ затрудненій подвигались очень скоро, и достигли станціи Пасанауръ, на берегу быстрой Арагвы, въ живописномъ ущельи: крутыя покатости горъ покрыты лѣсомъ: каменныя башнеобразныя жилища горцевъ разбросаны по склонамъ горъ, клочки пашень по крутизнамъ, множество потоковъ низвергающихся бѣлыми пѣнистыми полосками, безпрерывный шумъ воды, подъ часъ трескъ—будто паденіе большого срубленнаго дерева, едва замѣтныя стада овецъ пасущихся надъ обрывами, переѣзжающіе чрезъ быструю рѣку верхами туземцы, все это слитое въ одну картину, въ одно впечатлѣніе чрезвычайно своеобразнаго, никогда не виданнаго.

Далѣе, Ананауръ, Душетъ, небольшіе грузинскіе городки, въ которыхъ рѣзко выразился уже характеръ плодородной

Грузіи съ ея безпечно веселымъ населеніемъ, живущимъ подъ теплымъ небомъ; здѣсь ужь встрѣчались тяжелыя, неуклюжія духколесныя арбы, запряженныя парой буйволовъ, еле-еле переставляющихъ ноги; загорѣлый, въ разстегнутой красной рубахѣ, съ черными кудрявыми волосами погоньщикъ, распѣвающій во всю здоровую глотку какую-то неуловимую мелодію, прерываемую гикомъ на животныхъ и хлопаніемъ кнута; женщины укутанныя въ бѣлыя чадры (покрывала), въ кошахъ (туфли на высокихъ каблукахъ), поглядывающія изподлобья. Далѣе виноградные сады, фиговыя, персиковыя деревья; становится невыносимо жарко, солнце палитъ, воздухъ какъ-то особенно сухъ, земля тверда какъ камень, тряска и пыль невыносимы. Миновали Мцхетъ, древнюю столицу грузинскихъ царей, переѣхали по прекрасному мосту рѣку Куру у сліянія ея съ Арагвой; духаны (кабаки) стали умножаться, транспорты арбъ съ дровами, ословъ навьюченныхъ корзинами съ зеленью, съ угольями, все болѣе и болѣе стѣсняютъ дорогу; все чаще попадаются верховыя женщины, сидя по-мужски, подъ большими зонтиками, иногда сзади мущина на той же лошади, иногда, напротивъ, мущина въ сѣдлѣ, а женщина сзади свѣсивъ ноги въ разноцвѣтныхъ шерстяныхъ носкахъ, въ рукахъ держитъ свои коши... Все картинки врѣзывающіяся въ память своею оригинальностью и возбуждающія усиленное вниманіе человѣка, не покидавшаго до этого времени своего степного уѣзда.

Движеніе стало замѣтно увеличиваться; чувствуется близость большого города, цѣли долгаго путешествія. Мы поднялись на небольшой холмъ—и глазамъ нашимъ вдругъ открылась огромная котловина со множествомъ сидящихъ другъ на другѣ строеній, съ быстрою рѣкой разрѣзающей эту картину; вдали, на высокомъ лѣвомъ берегу, большія бѣлыя зданія, очевидно, казеныя, далѣе неизмѣримая равнина, сливающаяся на горизонтѣ съ полосой высокаго хребта горъ. Еще спускъ мимо памятника, гдѣ императоръ Николай въ 1837 году

упалъ изъ опрокинутаго испугавшимися лошадьми экипажа, переѣздъ черезъ рѣчку Веру, опять подъемъ и—„пожалуйте подорожную“, забасилъ унтеръ въ фуражкѣ съ бѣлымъ чехломъ, выйдя изъ караульнаго дома; а ямщикъ въ это время подвязывалъ колокольчикъ. Итакъ, я очутился въ Тифлисѣ.

Представить очеркъ этого города, по которому можно бы себѣ составить о немъ приблизительное понятіе, довольно трудно. (Не нужно забывать, что Тифлисъ 1842 и 78 годовъ, это—Азія и Европа; теперь приходится искать восточныхъ особенностей, а тогда онѣ просто бросались въ глаза). На каждомъ шагу встрѣчалось столько разнообразія, столько обращавшаго на себя вниманіе пріѣзжаго; такъ было мало сходства съ нашими городами, столько смѣси восточнаго съ западнымъ, что только талантливая кисть могла бы живо набросать эту картину. При самомъ отчетливомъ, подробномъ описаніи пропустишь какой-нибудь предметъ, едва уловимый, но рѣзко характеризующій городъ, съ его разноплеменнымъ населеніемъ, оригинальными обычаями и веселою на свой ладъ, шумною жизнью.

Издали казалось, что увижу совершенно азіятскій городъ, съ узенькими переулками, безъ площадей, съ маленькими скрытыми за каменными оградами домиками, съ неподвижнымъ населеніемъ, избѣгающимъ палящихъ лучей солнца; но миновавъ заставу, мы поѣхали по широкой улицѣ съ красивыми этажными домами; встрѣчались извощичьи дрожки, коляски, модно одѣтыя дамы и франты, какъ во всякомъ большомъ губернскомъ городѣ. Медленно подвигаясь впередъ мимо гимназіи, дома главнокомандующаго, корпуснаго штаба, мы очутились на Эриванской площади, застроенной большими домами; но все это было не вымощено, въ ухабахъ, пыль вершковымъ слоемъ покрывала улицы, носилась густымъ облакомъ въ воздухѣ. Середина площади была завалена складами бревенъ, у которыхъ толпилась кучка туземныхъ горожанъ, передавая другъ другу новости и сплетни. Затѣмъ поворотъ налѣво—Армянскій базаръ—и картина рѣзко измѣ-

нилась: просто скачокъ изъ Европы въ Азію. Узенькая улица, гдѣ двумъ дрожкамъ съ трудомъ можно разминуться, и на ней „какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!“

Взгляните на этого важнаго персіянина, въ высокомъ остроконечномъ папахѣ, въ нѣсколькихъ, надѣтыхъ одинъ на другой, бешметахъ, подпоясаннаго широкою кашмирскою шалью, постукивающаго кованными каблуками зеленыхъ кошей. Полюбуйтесь на этого грузина: какая красивая физіономія, какая энергія во всѣхъ движеніяхъ, какъ онъ хорошъ въ своемъ загнутомъ папахѣ, въ чухѣ съ закинутыми на плеча рукавами (совершенно польскій кунтушъ), въ шелковомъ ахалукѣ, обшитомъ позументами, въ широкихъ шелковыхъ шароварахъ, шумящихъ при каждомъ движеніи, въ сапогахъ съ загнутыми носками, въ видѣ усиковъ; какъ онъ молодецки идетъ, держась одною рукой за большой въ серебрѣ кинжалъ и покручивая другой черные длинные усы. А вотъ купецъ армянинъ, идущій медленно, не обращая никакого вниманія на снующую мимо толпу, углубленный въ собственную мысль—вѣрно коммерческія соображенія; какая положительность во всемъ, отъ костюма до походки, отъ плотной матеріи ахалука до степеннаго покроя чухи, отъ гладко-выбритаго лица и даже затылка до объемистаго брюха, отъ огромнаго носа до коротко-подстриженныхъ усовъ. Обратите вниманіе на этого мушу (муша—носильщикъ тяжестей) имеретина, у котораго на головѣ вмѣсто шапки какой-то войлочный блинъ; длинные кудрявые волосы покрываютъ шею, на немъ ободранный солдатскій мундиръ, пріобрѣтенный за нѣсколько копѣекъ на толкучкѣ, широкія шаровары и коломаны (родъ лаптей изъ сыромятной кожи); онъ согнулся подъ тяжестью огромнаго шкапа или непомѣрной длины мѣшка съ хлопчатою бумагой, такъ что смотря сзади, кажется, будто шкапъ движется самъ собой... Или вотъ борчалинскій татаринъ, съ лицомъ оливковаго цвѣта, въ огромномъ рыжемъ папахѣ, въ буркѣ, не взирая на 35 жаръ, подпоясанный желтымъ шер-

стянымъ платкомъ, на которомъ болтается кинжалъ. А какъ хорошъ этотъ черкесъ, съ черною бородкой, въ круглой мѣховой шапкѣ, подтянутый ремнемъ, за которымъ торчитъ пара красивыхъ пистолетовъ, въ разноцвѣтныхъ ногавицахъ и красныхъ сафьянныхъ чувякахъ (родъ башмаковъ); какъ легки всѣ его движенія, какъ все изобличаетъ лихого наѣздника. Замѣтьте этихъ куртинъ, рослыхъ здоровыхъ людей, въ красныхъ курткахъ, вышитыхъ синими или желтыми шнурками, въ широчайшихъ синихъ шароварахъ, тяжелыхъ красныхъ сапогахъ, въ разноцвѣтныхъ чалмахъ, съ кривыми турецкими саблями у боковъ. А тутъ на встрѣчу оборванный кро (такъ называютъ переселенцевъ Азіятской Турціи) въ какой-то войлочной арлекинской шапкѣ, несущій большой кувшинъ воды; или тулухъ-чи (водовозъ), ведущій лошадь, навьюченную двумя огромными кожаными мѣхами, въ которыхъ онъ развозитъ воду. Дальше цѣлыя вереницы женщинъ, укутанныхъ съ ногъ до головы въ бѣлыя чадры, какъ привидѣнія, тихо подвигаются, постукивая желѣзными каблучками; иныя, уже обрусѣвшія, въ салопахъ, но съ грузинскимъ головнымъ уборомъ; татарки въ клѣтчатыхъ чадрахъ; тутъ же попадаются и наши бородатые мужички, неуклюжія бабы съ таліями подъ мышками, кучки солдатъ, форменные сюртуки и все это перемѣшано, все движется, толкается, шумитъ на разныхъ нарѣчіяхъ; дрожки скачутъ взадъ и впередъ, гремя несносно по мерзкой мостовой, извощики кричатъ хабаръ-да! (сторонись); продавцы зелени, полузакрытые кучами овощей и травъ (до которыхъ азіятцы большіе охотники), стучатъ желѣзными вѣсами, звенятъ привѣшанными къ потолку лавки колокольчиками, зазывая покупателей пронзительными криками: ба, ба, ба: суда, суда! (т. е. сюда). Лавочные сидѣльцы поигрываютъ на гармоніяхъ, не забывая, въ подражаніе нашимъ гостинодворцамъ, всякаго проходящаго забросать извѣстными: „что покупаете? пожалуйте, дешево продаемъ“ и проч.; въ сапожныхъ лавкахъ стучатъ молотками, въ шубныхъ—распѣваютъ во все горло, въ оружейныхъ—стукотня и визгъ подпилковъ;

множество мальчишекъ бранятся или поютъ, силясь издавать визгливые горловые звуки и шныряютъ между толпой; все открыто, на распашку, и работаютъ, и ѣдятъ, не развлекаясь происходящимъ предъ глазами. Плоскія кровли домовъ усѣяны женщинами и дѣтьми; тоже иныя ссорятся, иныя пляшутъ подъ бубенъ; тамъ идетъ веселая компанія, пищитъ зурна (родъ кларнета), напрасно силясь заглушить звонкій голосъ восторженнаго пѣвца, ободряемаго возгласами пирующихъ дардымандовъ (такъ называли туземцы забубенныхъ кутилъ, ведущихъ разгульную жизнь, главою которыхъ въ тѣ времена былъ князь Арчилъ Багратіонъ-Мухранскій, къ великому огорченію своей аристократической родни). Тутъ скрипитъ арба, везущая огромный румби *) съ кахетинскимъ виномъ; тамъ рядъ лѣниво выступающихъ верблюдовъ, навьюченныхъ бѣлыми кожаными тюками, столпились у воротъ караванъ-сарая, загородивъ всю дорогу; десятки навьюченныхъ ословъ, понуря голову, пробираются въ толпѣ, подгоняемые немилосердыми мальчишками, израненные пинками острыхъ палокъ. Наконецъ, послѣ всего этого, попадаешь на татарскій мейданъ (площадь, базаръ), на которомъ видны только сотни головъ въ бараньихъ папахахъ и чалмахъ, или обнаженныхъ, бритыхъ; слышенъ какой-то гулъ, совершенное жужжаніе пчелъ, сливающійся съ однообразнымъ шумомъ рѣки, въ нѣсколькихъ шагахъ протекающей.

Мы переѣхали мостъ, и мимо лавокъ съ сушеною рыбой, повернули въ очень грязную улицу, застроенную однако небольшими европейскими домиками,—это „Пески“, часть нѣмецкой колоніи,—гдѣ былъ извѣстный тогда всему служебному Кавказу трактиръ колониста Зальцмана.

Когда ямщикъ, внеся вещи и почесавъ затылокъ, получилъ на водку, вышелъ и стоя повернувъ тройку назадъ, вскорѣ скрылся изъ глазъ, мною въ первый разъ послѣ выѣзда съ родины овладѣла сильнѣйшая тоска...

---

*) Бурдюкъ, мѣхъ, изъ цѣльной кожи буйвола.

Гостиница оказалась мерзѣйшею во всѣхъ отношеніяхъ: и грязь, и множество насѣкомыхъ, между которыми я нѣкоторыхъ принялъ за скорпіоновъ и фалангъ, и потому первую ночь не рѣшился лечь и просидѣлъ до утра при свѣчѣ... Первыя впечатлѣнія въ Тифлисѣ были не особенно веселаго свойства. Въ добавокъ разстояніе до европейской части города было не менѣе двухъ съ половиною верстъ, которыя приходилось при невыносимой жарѣ до 38 — 40 проходить по грязнымъ торговымъ площадкамъ и тѣснымъ переулкамъ; а на извощиковъ не хватало средствъ.

На другой день нашего пріѣзда былъ праздникъ и всякіе нарады и торжественные проводы въ честь отъѣзжавшаго военнаго министра графа Чернышева, ревизовавшаго и „благоустраивавшаго“ Кавказскій край, при помощи статсъ-секретаря Позена...

Жаръ и невыносимая пыль отъ усиленной ѣзды парадныхъ мундировъ и разряженныхъ дамъ были поводомъ, что я отъ Сіонскаго собора долженъ былъ вернуться въ свой грязный трактиръ, и только около семи часовъ вечера опять пустился на Головинскій проспектъ, центръ всѣхъ празднествъ.

Въ зданіи гимназіи былъ балъ, а противъ нея на площадкѣ фейерверкъ. Видъ былъ великолѣпный, множество огней, взрывы ракетъ. Кура, пылавшая смоляными бочками, смѣшанные звуки военной музыки съ зурнами и бубнами, хлопанье нѣсколькихъ сотъ человѣкъ въ ладоши, плясавшимъ на улицѣ туземцамъ, толпы женщинъ въ бѣлыхъ чадрахъ, медленно двигавшихся кругомъ какъ привидѣнія, на горизонтѣ старая крѣпость на высокой горѣ, освѣщенная длиннымъ рядомъ плошекъ, все въ одномъ общемъ неясномъ гулѣ, и надъ всѣмъ южное, какъ-то особенно темное, усѣянное мигающими звѣздами небо....

II.

Іюль 1842 года изобиловалъ такими жаркими днями, что многіе пробывшіе въ Тифлисѣ нѣсколько лѣтъ съ трудомъ переносили эту удушливую, разслабляющую атмосферу; доходило до 44°; ночью не многимъ было легче; да вездѣ пыль; а вода теплая, мутная, изъ кожанныхъ мѣховъ. Трудно было въ такое время совершать немалые переходы по городу, но откладывать некогда, дѣла оказалось много: губернское правленіе вызывало чиновниковъ на службу, но мѣстъ имъ не давало, а предоставляло искать самимъ, или же ожидать открытія вакансій, а до того заниматься въ правленіи безъ содержанія; впрочемъ вакансіи открывались весьма часто, но въ уѣздахъ, внѣ Тифлиса; на выѣздъ же я не могъ никакъ рѣшиться сначала и потому долженъ былъ искать въ городѣ службы съ какимъ-нибудь содержаніемъ, — а то, голодъ не свой братъ....

Моя чрезвычайная молодость (18-й годъ), видъ скорѣе гимназиста, нежели человѣка пріѣхавшаго за двѣ тысячи верстъ на службу, возбудили особенное участіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ чиновниковъ губернскаго правленія и они дали мнѣ нѣсколько наставленій, благодаря коимъ я уже дней чрезъ десять имѣлъ по крайней мѣрѣ обезпеченное положеніе, службу въ палатѣ государственныхъ имуществъ, и могъ, разсчитавшись съ грязною гостиницей на Пескахъ, перебраться въ сосѣдство къ мѣсту службы, въ такъ-называемую Арсенальную слободку, къ одному изъ моихъ новыхъ сослуживцевъ, нѣкоему В. Ѳ. Б, годомъ раньше пріѣхавшему изъ Смоленска, отличному во всѣхъ отношеніяхъ человѣку и чиновнику, нынѣ занимающему тамъ же довольно видный постъ.

Устроились мы съ нимъ, по тогдашнимъ условіямъ, хорошо, въ какой-то землянкѣ, окна которой были на горизонтѣ улицы, впрочемъ опрятно содержимой (не улицѣ, а землянкѣ). Обѣдъ приносила намъ сосѣдняя солдатка хорошій,

кажется за 10 р. въ мѣсяцъ; вообще 25 р., мѣсячное жалованье, удовлетворяло главнымъ потребностямъ. Служба состояла въ переписываніи отъ 8—9 до 2—3 дня и отъ 6—7 до 10—11 вечера... Господи, какъ вспомнишь это неустанное (часто и по праздникамъ) общее скрипѣніе какихъ нибудь пятидесяти перьевъ, думавшихъ, что совершаютъ важное дѣло, — просто жутко становится. Такой бюрократической квинтъ-эссенціи, какъ была напримѣръ эта палата государственныхъ имуществъ, трудно себѣ представить; управлялъ ею нѣкто Никита Степановичъ Орловскій, человѣкъ весьма почтенный, но бюрократъ до ногтей, всю жизнь свою, съ двѣнадцатилѣтняго возраста, проведшій въ канцеляріяхъ, начавъ мальчикомъ бѣгающимъ за водкой и бубликами для старыхъ подъячихъ, въ Черниговѣ кажется, поднявшись затѣмъ до должности казначея въ канцеляріи главныхъ начальниковъ Грузіи, наконецъ назначенный управляющимъ палатой, украшенный нѣсколькими орденами и съ властію казнить и миловать всѣхъ своихъ подчиненныхъ. Къ чести его однако должно сказать, что работалъ онъ самъ чутъ ли не больше всѣхъ своихъ чиновниковъ и ни въ какихъ злоупотребленіяхъ никто никогда его не заподозрѣвалъ.

Всѣ государственныя имущества, за исключеніемъ нѣсколькихъ оброчныхъ статей, по тогдашнимъ обстоятельствамъ Кавказскаго края, едва ли стоили того, во что обходилось содержаніе палаты съ ея подвѣдомственными уѣздными управленіями; они точно также могли завѣдываться казенною палатой, безъ новыхъ издержекъ, какъ и до 1841 года, то-есть до учрежденія особой палаты государственныхъ имуществъ. Напримѣръ, въ Эриванской провинціи (уѣздѣ), въ числѣ казенныхъ имуществъ считались имѣнія, конфискованныя у бѣжавшихъ въ Персію жителей, состоявшія нерѣдко изъ одной-восьмой даже одной-двѣнадцатой части мельницы, коей вся-то цѣна 100—150 р., слѣдовательно казенная часть 8—10 р.; или изъ такой же доли земельнаго участка, на которомъ сѣютъ ёнжу, родъ клевера. И вотъ палата госу-

дарственныхъ имуществъ (названіе громкое) завѣдываетъ этими частями мельницъ чрезъ своего особаго мѣстнаго агента, окружнаго начальника, а остальныя части ея въ распоряженіи другихъ частныхъ владѣльцевъ, не ушедшихъ въ Персію; собираются доходы, ведется имъ отчетность, возбуждаются вопросы, пишутся огромныя журнальныя постановленія съ неизбѣжными „Приказали: Такъ какъ... а потому"; перья скрипятъ, спины ноютъ; въ результатѣ или 1 р. 76½ коп. внесенныхъ въ уѣздное казначейство за проданные 155 пучковъ ёнжи, или исключеніе оной осьмой части мельницы изъ табелей за совершенною бездоходностью, или за явкой обратно изъ-за границы Келбалай-Гассанъ-Мустафы-Оглы и проч. и проч!...

Это монотонное канцелярское существованіе не могло удовлетворять моей подвижной натурѣ, постоянно жаждавшей перемѣнъ, новыхъ образовъ и ощущеній. Внѣ службы, я предался чтенію съ какимъ-то запоемъ. *Библіотека для Чтенія*, *Отечественныя Записки*, сочиненія Марлинскаго, переводные романы Дюма, Сю, и множество всякаго печатнаго хлама, за недостаткомъ тогда болѣе питательной умственной пищи, проглатывались съ жадностью. Городъ и его окрестности, послѣ первыхъ, скоро исчезнувшихъ впечатлѣній, сталъ мнѣ противенъ. Я рвался вонъ, куда бы то ни было, лишь бы побывать въ новыхъ мѣстахъ, посмотрѣть поближе на тотъ Кавказъ, который рисовала мнѣ собственная фантазія, возбужденная очерками Марлинскаго; на тѣ горы и дикія ущелья, гдѣ геройствовали наши войска, однимъ словомъ гдѣ, казалось, долженъ быть другой, невѣдомый міръ, полный всякихъ диковинъ и сильныхъ ощущеній. Скука и тоска, одолѣвавшія рано или поздно всѣхъ пріѣзжихъ, отсутствіе всякихъ общественныхъ удовольствій, при ежедневныхъ утомительно-механическихъ занятіяхъ переписываніемъ „такъ какъ и потому" дѣлались невыносимы.

Чиновный классъ такъ рѣзко дѣлился на высшій и низшій, что средняго почти не было; гостиныя первыхъ были недоступны низшимъ, а эти, по недостатку средствъ, жили

замкнуто, вынужденные предаваться картамъ, или вакхическимъ развлеченіямъ, страсть къ коимъ была развита въ поразительной степени, особенно въ уѣздныхъ городкахъ. Изобиліе и дешевизна мѣстнаго вина загубили не одного, даже и порядочнаго чиновника; пьянство доходило до безобразія, особенно рѣзко бросавшагося въ глаза среди туземцевъ, или не пьющихъ вовсе, какъ мусульмане, или пьющихъ хотя и много, но весьма рѣдко пьянѣющихъ, какъ грузины, у которыхъ слова Русси (Русскій) и *лоти* (пьяница) были синонимы не разлучаемые... Каково было нравственное вліяніе подобныхъ представителей русскаго управленія и какое уваженіе къ нимъ туземцевъ—представить себѣ не трудно, въ особенности если прибавить преобладающій элементъ взяточничества, опять-таки болѣе среди уѣздной и особенно полицейской администраціи.... Въ послѣднемъ отношеніи за Кавказомъ многіе перещеголяли тѣхъ героевъ, которыхъ Щедринъ и его послѣдователи такъ обильно рисовали въ концѣ 50 годовъ. Продѣлки нѣкоторыхъ уѣздныхъ начальниковъ и участковыхъ засѣдателей (становыхъ) долго хранились въ памяти кавказскихъ старожиловъ и теперь показались бы развѣ анекдотами, болѣе или менѣе остроумными... Одинъ собиралъ со всѣхъ жителей своего участка по нѣскольку гривенъ будто бы на „приданое“ одной изъ Великихъ Княженъ, выходившей за Германскаго принца. Теперь память мнѣ измѣнила, а то можно бы не одну страницу наполнить подобными обращиками. Грустно и обидно, да шила въ мѣшкѣ не утаишь... Что̀ и говорить, не многимъ отставали въ этомъ отношеніи отъ нашихъ артистовъ и чиновники изъ туземцевъ. Но, вопервыхъ, это для нашихъ плохое оправданіе, вовторыхъ, туземцы какъ-то ловчѣе умѣли дѣлаться съ своими единоплеменниками, заглаживали свои продѣлки то укрывательствомъ и потворствомъ ихъ преступленій, то угощеніями, то запанибратствомъ съ болѣе вліятельными людьми, или маскированнымъ поклоненіемъ разнымъ мѣстнымъ обычаямъ.

Возвращаюсь къ тифлисской жизни. Переписываніе въ палатѣ до ломоты въ плечѣ, чтеніе дома до рѣзи въ глазахъ, изо дня въ день; дѣваться некуда; съ туземцами-сослуживцами у насъ тогда не было ничего общаго; у нихъ свои привычки, свои потребности, свои страсти, между прочимъ къ новостямъ и сплетнямъ. При каждой встрѣчѣ двухъ грузинъ, первый вопросъ: *ра-амбавія?* двухъ армянъ: *инчь-хабаре?* двухъ татаръ: *на-хабаръ?* (что̀ новаго?) безъ этого разговоръ не начинается. Назначеніе новаго главноуправляющаго краемъ, генерала Нейдгарта, его строгія распоряженія, преслѣдовавшія злоупотребленій, несчастныя военныя дѣйствія 1843 года, давали обильную пищу всѣмъ *амбавистамъ;* постоянное мѣсто ихъ вечернихъ сходбищъ—кучи бревенъ на Эриванской площади, представляло часовъ около 7—8 разнообразную картину: по всѣмъ направленіямъ стояли кучки въ пестрыхъ костюмахъ, перебирали четки и вполголоса разсказывали новости. Тайны для нихъ не существовало; что̀ бы ни случилось, какое бы ни затѣвалось дѣло, стоило выйти на площадь и, зная туземный языкъ, можно было все узнать, конечно не рѣдко въ искаженномъ, преувеличенномъ видѣ, но большею частью все-таки съ долей правды. По поводу этихъ *хабаровъ*, въ Тифлисѣ часто разсказывались забавные анекдоты. Такъ, одинъ изъ чиновниковъ *средней* важности долго ждалъ обѣщаннаго мѣста и былъ, что-называется, на иголкахъ. При встрѣчѣ съ однимъ знакомымъ старожиломъ, онъ передалъ ему свое непріятное положеніе, а тотъ далъ ему, не шутя, совѣтъ послать довѣренное лицо вечеромъ на Эриванскую площадь. И дѣйствительно, посланный вечеромъ возвратился съ извѣстіемъ, что на площади разсказывали о назначеніи NN на такое-то мѣсто, а на другой день явилась и офиціальная бумага. Такъ, вскорѣ послѣ отъѣзда графа Чернышева, *амбависты* уже толковали, что генералъ Головинъ, главноуправлявшій Кавказомъ, будетъ смѣненъ; и дѣйствительно, мѣсяцевъ чрезъ пять не больше сдѣлалось извѣстнымъ назначеніе генерала Нейдгарта.

Евгеній Александровичъ Головинъ былъ назначенъ главнымъначальникомъ Кавказавъ 1837 году, на мѣсто барона Розена, которымъ императоръ Николай остался недоволенъ въ пріѣздъ свой на Кавказъ, при чемъ открылись большія злоупотребленія нѣкоторыхъ полковыхъ командировъ, вътомъ числѣ флигель-адъютанта князя Дадьяна, женатаго на дочери барона Розена. Дадьянъ былъ тутъ же разжалованъ и отправленъ въ ссылку и хотя государь тогда же возложилъ снятые съ Дадьяна флигель-адъютантскіе аксельбанты на сына Розена, но старика это не спасло и онъ вслѣдъ затѣмъ былъ уволенъ. Считаю нелишнимъ присовокупить, что неправильныя дѣйствія, за которыя Дадьянъ такъ тяжко поплатился, были, къ сожалѣнію далеко не рѣдкостью въ то время въ нашей арміи.

Генералъ Головинъ былъ человѣкъ умный, начитанный и, какъ видно по многимъ бумагамъ, лично имъ писаннымъ, владѣвшій хорошо перомъ. Ему однако, кажется, недоставало энергіи и самостоятельности, особенно въ военныхъ дѣлахъ. Говорятъ, что когда выборъ покойнаго государя остановился на немъ для должности кавказскаго главно-управляющаго, чуть ли не Чернышевъ доложилъ, что Головинъ все время своего генералъ-губернаторства въ Варшавѣ проспалъ: „Ну, тѣмъ лучше, значитъ выспался и теперь не будетъ дрематъ“, возразилъ государь. Должно быть однако Чернышевъ не жаловалъ его и по возвращеніи съ Кавказа въ Петербургъ вскорѣ устроилъ его увольненіе, за неуспѣшность военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ самъ сей всесильный тогда вельможа принесъ своимъ пріѣздомъ ту пользу Кавказу, что нѣсколько хорошенькихъ туземокъ, ихъ мужья и родственники получили крупныя пенсіи за небывалыя услуги русскому правительству, да въ управленіи Черноморскаго Казачьяго Войска послѣдовали нововведенія, оказавшіяся въ послѣдствіи негодными; наконецъ, по его, Чернышева, соображеніямъ, основаннымъ повидимому главнѣйше на свѣжихъ впечатлѣніяхъ весьма неудачной, чуть не на его глазахъ совершенной генераломъ Граббе Ичкеринской экспедиціи, ввели новую систему воен-

ныхъ дѣйствій, „оборонительную“, чрезвычайно поднявшую духъ горцевъ и Шамиля, увѣрявшаго ихъ, что русскіе его боятся. Бездѣйствіе наше дало имъ возможность выполнить давно задуманный планъ—возмутить всю покорную часть Дагестана; печальнымъ результатомъ этого былъ переходъ Шамиля изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе, потеря нами десятка укрѣпленій въ нагорномъ Дагестанѣ, истребленіе всѣхъ ихъ гарнизоновъ, пріобрѣтеніе Шамилемъ множества орудій, снарядовъ и проч. запасовъ, нравственное усиленіе его на всей обширной враждебной намъ территоріи, что заставило насъ опять перейти въ наступленіе и вызвало наконецъ съ нашей стороны чрезвычайныя усилія, подняло войну до небывалыхъ размѣровъ и послужило поводомъ паденія только-что назначеннаго генерала Нейдгарта, весьма мало въ этомъ повиннаго, сыгравшаго только жалкую роль козла отпущенія... Онъ, впрочемъ, въ короткій періодъ своего управленія обратилъ большое вниманіе на гражданскія дѣла, на соблюденіе экономіи и принялся было за чиновниковъ, по тогдашнему военному пріему, нагнавъ панику не малую.

III.

Прошло почти два года со времени моего пріѣзда въ Тифлисъ, и я все еще не нашелъ возможности вырваться изъ него. Я уже сталъ подумывать не бросить ли вообще гражданскую службу, не представлявшую въ будущемъ ничего, кромѣ того же безплоднаго скрипѣнія перомъ, и не поступить ли юнкеромъ въ полкъ? Я бы такъ и сдѣлалъ, еслибы не препятствіе, преодолѣть которое я не имѣлъ возможности. Получивъ казенные прогоны и кажется около 200 руб. пособія на пріѣздъ въ Тифлисъ, я обязанъ былъ за это прослужить три года; если же бы вздумалъ выйти раньше, то долженъ былъ возвратить назадъ всѣ деньги; переходъ же въ военную службу считался бы все равно нарушеніемъ обязательства. Такимъ образомъ оставалось ждать еще цѣлый

годъ, что для нетерпѣливаго девятнадцатилѣтняго юноши было очень трудно, или бросить идею о переходѣ въ военную службу. И вѣдь странно, что мнѣ, уже съ дѣтства проявлявшему рѣшительную наклониость ко всему военному, до того что 9—10-лѣтнимъ мальчикомъ я жертвовалъ самымъ сладкимъ утреннимъ сномъ, рисковалъ быть строго наказаннымъ, въ 3—4 часа утра бѣжалъ за городъ, лишь бы хоть часочекъ посмотрѣть на ученье какого нибудь баталіона, послушать зычную команду молодцоватаго майора и тотъ особенный, шикозный, единозвучный лязгъ, раздававшійся при продѣлываніи нѣкоторыхъ ружейныхъ пріемовъ, который составлялъ гордость истыхъ служакъ того времени и наслажденіе зрителей не только мальчиковъ, но и многихъ взрослыхъ обоего пола особъ, конечно не изъ низшаго рабочаго класса. Итакъ мнѣ на пути къ удовлетворенію этой страстной наклонности ставились препятствія, заставлявшія меня сворачивать на другіе, не добровольно избираемые пути. Должно быть, однако, что искреннее, сознательное настойчивое стремленіе къ чему-нибудь въ большинствѣ случаевъ достигаетъ цѣли, не взирая на препоны, и я, хоть гораздо позже, при совершенно уже другихъ обстоятельствахъ, попалъ-таки въ военные, но уже не въ тѣ, которые наслаждались ружейными пріемами; да такихъ и вообще на Кавказѣ было весьма мало. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Совершенно неожиданный случай познакомилъ меня съ майоромъ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Челокаевымъ, начальникомъ Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа, человѣкомъ безъ всякаго образованія, но по-своему весьма умнымъ. Я просилъ его о назначеніи меня на вакантную должность письмоводителя окружнаго управленія, что дало бы мнѣ возможность выбраться наконецъ изъ душной городской и канцелярской атмосферы въ горы и дикія ущелья, къ которымъ я такъ давно стремился, да въ добавокъ увеличило бы мое содержаніе до 450 р. вмѣсто 300 р. въ годъ. Просьба моя была принята и въ двацатыхъ числахъ іюля 1844 года я ос-

тавилъ надоѣвшій мнѣ Тифлисъ, пускаясь опять въ странствія къ невѣдомымъ мѣстамъ, къ неизвѣстнымъ людямъ. Чтобъ избѣгнуть палящаго зноя, я выѣхалъ вечеромъ, ѣхалъ всю ночь и къ разсвѣту очутился на рѣкѣ Іорѣ. Чрезъ эту быструю рѣку, разливающуюся у села Муганло на нѣсколько рукавовъ, переѣзжали въ бродъ, при помощи жителей татаръ, поддерживавшихъ въ водѣ экипажи. Мѣстность эта пользовалась тогда особенною извѣстностью: здѣсь „потонулъ" одинъ изъ почтовыхъ чемодановъ съ 47.000 рублями. Подозрѣвался въ этой исторіи сильно помѣщикъ ближайшей деревни полковникъ князь Андрониковъ и мѣстная полиція; были они въ послѣдствіи и арестованы; слѣдственныхъ коммисій было много, а чемоданъ съ деньгами „канулъ въ воду". На этотъ разъ поговорка, что „казенное въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ" не оправдалась.

Проѣхавъ уѣздный городъ Сигнахъ, раскинувшійся въ живописномъ безпорядкѣ у подножія довольно крутой горы, увѣнчанной старинною крѣпостью, я поздно къ вечеру достигъ другого уѣзднаго городка Телава, бывшаго столицею кахетинскихъ царей и любимымъ мѣстопребываніемъ послѣднихъ двухъ царей Грузіи, Ираклія II и Георгія XIII, передавшихъ свое маленькое царство Россіи, для предохраненія его отъ окончательнаго истребленія мусульманами. Городъ раскинутъ довольно живописно на высотѣ, среди садовъ; вся долина Алазани (Кахетія) какъ на ладони, и по срединѣ ея виднѣется извѣстный всему Кавказу Алавердскій соборъ, постройку коего приписываютъ кахетинскому царю Кирику, еще въ IX вѣкѣ. 14 сентября въ немъ бываетъ годовой праздникъ, къ которому стекается множество богомольцевъ изо всей Грузіи; но конечно „богомольцы" эти не то что толпы лапотниковъ, стремящихся къ Кіеву, Соловкамъ и Воронежу; здѣсь это разряженная, праздничная толпа, желающая повеселиться, предпринявшая partie de plaisir, окруженная великолѣпною природой, роскошными виноградниками, фруктовыми садами, пирующая подъ чистымъ сводомъ южнаго неба. Тутъ разгульная жизнь

кахетинцевъ: не только князья, но и простой народъ, выказываются на распашку,—пьютъ, поютъ, пляшутъ, стрѣляютъ, потѣшаются разными фокусниками, борцами и другими народными забавами, и все это цѣлыя сутки безъ перерыва, только приличія ради съ утра заглянутъ въ церковь, наполненную старухами... Ночью особенно хороша картина: кругомъ версты на три, тысячи костровъ освѣщаютъ пирующія группы; пѣсни, выстрѣлы, ржаніе коней, блеяніе и мычаніе скота, рокотъ тутъ же бѣгущей быстрой Алазани, все это въ одномъ гулѣ, въ одномъ дико-эффектномъ освѣщеніи!

Изъ Телава, гдѣ прекращается почтовое сообщеніе, я нанялъ верховыхъ лошадей и отправился въ село Матаны, имѣніе князя Челокаева. Дорога пролегала чрезъ много деревень, тонувшихъ въ зелени; богатая растительность, красивые виды заставляли забывать неудобства ѣзды, тѣмъ болѣе скучной, что проводникъ не зналъ ни слова по-русски, и мы обречены были на молчаніе. Кругомъ видны были развалины церквей и замковъ, построенныхъ большею частью на крутыхъ лѣсистыхъ возвышенностяхъ; въ густыхъ кустарникахъ, издававшихъ пріятный ароматъ, перепархивало множество невиданныхъ мною до того птичекъ. Встрѣчные грузины на тяжелыхъ арбахъ, едва влекомыхъ неуклюжими буйволами, прерывали свои дико-заунывные напѣвы чтобы произнести обычное: *гамарджобадъ*—„побѣда вамъ“, то-есть здравствуйте, и слить послѣднюю букву опять съ напѣвомъ; попадались женщины верхомъ и подъ зонтиками, цѣлыя семейства въ арбахъ, закрытыхъ коврами, сопровождаемыхъ своими мужьями и слугами верхомъ; или рядъ навьюченныхъ лошадей и катеровъ (мулы); на передней сидитъ верховой, а шесть-семь заднихъ привязаны къ хвостамъ другъ за дружкой, оттягиваются, лягаются—очень комичный видъ съ непривычки.

Переѣхавъ въ бродъ быструю рѣчку Ильто, я прибылъ въ Матаны уже въ сумерки. Домъ князя Челокаева находился внутри крѣпости, составлявшей четвероугольникъ съ башнями по всѣмъ угламъ, еще хорошо сохранившейся; такія крѣпо-

сти были у всѣхъ князей, даже у нѣкоторыхъ дворянъ, и туда въ случаѣ сильныхъ нападеній горцевъ скрывались семейства и имущества всей деревни; только съ сороковыхъ годовъ начали многіе уже строить себѣ новые дома, полуевропейской архитектуры; крѣпости стали приходить въ упадокъ. Горцы продолжали мелкія хищничества, но грозныя появленія цѣлыхъ полчищъ сдѣлались чрезвычайною рѣдкостью. (За мое время ихъ было только два; разскажу объ нихъ въ своемъ мѣстѣ). Во дворѣ крѣпости была небольшая каменная церковь; къ одной изъ стѣнъ былъ пристроенъ домъ князя, состоявшій изъ нѣсколькихъ комнатъ полуевропейски убранныхъ, большой, во всю длину, деревянной галереи и внизу кухни, служебъ и пр. Въ комнатахъ длинныя нары (тахта) покрытыя персидскими коврами; много оружія развѣшано по стѣнамъ; въ углахъ шкапы съ посудой, между коей серебряные *азарпеши* (въ родѣ разливныхъ ложекъ), *кулы* (кувшинчики съ длинными узенькими горлышками), большіе кувшины, чаши, нѣсколько паръ огромныхъ турьихъ роговъ, оправленныхъ въ серебро съ бирюзой, все напоминало о гомерическихъ попойкахъ.

Радушно принятый хозяиномъ и начальникомъ, я расположился въ отведенной мнѣ въ нижнемъ этажѣ комнатѣ, или правильнѣе подвалѣ, въ которомъ кромѣ покрытыхъ старыми ковриками двухъ *тахтъ*, да треногаго столика, ничего не было; окно заклеено бумагой, сырость и мракъ, общая принадлежность не-княжескихъ азіятскихъ жилищъ, царствовали тутъ; впрочемъ, въ очень жаркое время это было пріятно. Множество прислуги, оборванной, грязной, лѣнивой, суетящейся только по крику князя (то же, что и въ большей части русскихъ помѣщичьихъ домовъ недавняго времени), отъ которой трудно было допроситься кувшина свѣжей воды, не обѣщали особыхъ удобствъ жизни. Первые дни однимъ изъ моихъ единственныхъ развлеченій было взбираться на высокія фиговыя деревья и, подбирая лучшіе зрѣлые плоды, въ то же время любоваться прелестнѣйшимъ видомъ всей долины до

Телава. Къ Челокаеву, славившемуся своимъ гостепріимствомъ даже между своими, вообще столь гостепріимными соотечественниками, постоянно пріѣзжали и по дѣламъ и въ гости сосѣдніе князья. Не понимая ни слова, я однако съ любопытствомъ наблюдалъ ихъ всѣ пріемы, манеры, рѣзко оригинальные и характеристическіе, носившіе впрочемъ сильный отпечатокъ персіянизма, утонченной лести и десяти тысячъ церемоній. Иной, подъѣзжая къ крѣпости, вдали слѣзалъ съ коня, поправлялъ платье, опускалъ рукава *чухи*—знакъ почтенія, входилъ съ докладомъ, съ низкими поклонами, на что хозяинъ, не измѣняя обычнаго полулежачаго на *тахтѣ* положенія, произносилъ а, а! и спрашивалъ *ра-амбавія?* Гость садился, какъ видно было, уже послѣ нѣсколькихъ приглашеній. Другой слѣзалъ съ коня у самыхъ воротъ, входилъ безъ доклада. Хозяинъ вставалъ, подавалъ руку, тотчасъ начинался шумный, живой разговоръ, сопровождаемый громкимъ смѣхомъ и жестами. Къ пріѣзду третьяго, опять, завидѣннаго издали, хозяинъ выходилъ на крыльцо или даже за ворота, кричалъ „а, а! князь NN!“ еще сидѣвшему на лошади гостю съ этимъ обнимались, провожали въ комнату, снимали съ него саблю (безъ сабли, кинжала, а помоложе безъ пистолета—никто не выѣзжалъ); онъ сейчасъ посылалъ человѣка къ княгинѣ, по обычаю не выходившей изъ женской половины, доложить о пріѣздѣ, передать почтеніе и поклонъ отъ своей семьи; начиналась бѣготня, добавочная стряпня къ обѣду или ужину; при этомъ я замѣтилъ, что для излюбленныхъ гостей непремѣнно заказывались макароны, европейское нововведеніе и нѣчто въ родѣ рѣдкости. Громкій разговоръ, сопровождаемый непремѣнно раскатами особенно здороваго, отъ всего сердца хохота и энергическою жестикуляціей, не умолкалъ; иногда хозяинъ или гость брали *тари* (родъ балалайки) и, ударяя по металлическимъ струнамъ, запѣвали большею частью персидскія мелодіи или стихи изъ извѣстной грузинской поэмы Руставеля, *Барсова Кожа*, выше которой, по мнѣнію тогдашнихъ грузинъ, ужь конечно ни одна литература ни-

чего представить не могла. Затѣмъ опять разговоры, рукопожатія и разные жесты; очевидно увѣряли другъ друга въ неизмѣнной любви и преданности. Такимъ образомъ собиралось иногда нѣсколько человѣкъ; наступало время обѣда, накрывали въ большой комнатѣ на *тахтѣ*; вмѣсто скатерти разстилали узкій длинный кусокъ темнаго ситцу, предъ каждымъ приборомъ клали большой *шоти* (прѣсный хлѣбъ) и ставилась бутылка съ виномъ; кувшины про запасъ оставались въ углу.

По приглашенію хозяина, гости, поджавъ ноги, садились на той же тахтѣ по старшинству, въ рядъ, и начинался обѣдъ съ *бозбаша* или *чихиртма* (родъ суповъ изъ баранины, второй—кислый изъ куръ), каждый крошилъ себѣ туда хлѣбъ и ѣли большею частью руками,—ложки, вилки и ножи оставались безъ употребленія; для отрѣзыванія вынимались изъ ноженъ кинжаловъ ножики; аппетитъ безъ исключенія бывалъ у всѣхъ отличный, ѣли съ особеннымъ присмакиваніемъ, здорово, не жеманясь, даже вчужѣ славно было смотрѣть. Кто-нибудь изъ старшихъ гостей, или самъ хозяинъ, наливъ стаканъ вина, обращался къ присутствующимъ съ неизмѣннымъ привѣтствіемъ: „Хвала Богу, да даруетъ побѣду хозяину дома, или князю NN, и всѣмъ здѣсь присутствующимъ“. Это повторялось тотчасъ всѣми. Послѣ пили уже кто когда вздумаетъ, желая здоровья хозяину и почетнымъ гостямъ. Если же обѣдъ принималъ характеръ болѣе шумный и сопровождался доброю попойкой,—такъ большею частью и бывало,—то кого нибудь поздравляли „толу-башемъ“ (глава, законодатель пирушекъ). и начинались тосты, одинъ за другимъ безъ перерыва, и за всѣхъ присутствующихъ, и за ихъ семейства, и за отсутствующихъ и пр. Сначала ходили по рукамъ стаканы, потомъ чаши, рога, или по нѣскольку стакановъ разомъ на тарелкѣ; обнимались, цѣловались, кричали „алла-верды“ (по татарски—Богъ далъ), на что отвѣчалось: „іахши-олъ“ (будь здоровъ); раскутившись, бросали стаканы и тарелки, полъ покрывался черепками, проворно убираемыми прислугой. Лица

краснѣли, разговоръ превращался въ общій шумъ, начинались хоровыя пѣсни, несовсѣмъ пріятныя для слуха, гдѣ видно было стараніе перекричать другъ друга, до охрипки. Для подобнаго пѣнія призывали иногда кое-кого изъ дворни или изъ крестьянъ, который съ подобострастіемъ, послѣ множества поклоновъ, подходилъ къ тахтѣ, становился на колѣни и затягивалъ; получивъ въ награду большущій сосудъ съ виномъ, онъ произносилъ обычное поздравленіе и, осушивъ до дна, незамѣтно, задкомъ, исчезалъ. Иногда хозяинъ схватывалъ бубенъ, съ особенною ловкостью ударялъ въ него въ тактъ *Лезгинки*—единственный общеупотребительный танецъ—и кто помоложе, половчѣе, пускался въ плясъ, иногда тутъ же по скатерти между тарелокъ, выдѣлывая ногами такіе дроби и фокусы, и все такъ ловко, граціозно, что дѣйствительно хоть на сценѣ показать; всѣ присутствующіе хлопали въ тактъ въ ладоши, выражая удовольствіе покрикиваніями. Кутежъ продолжался до сумерекъ; пирующіе расходились кто на дворъ посидѣть на свѣжемъ воздухѣ, кто въ уголъ вздремнуть. Гости оставались большею частью ночевать, подавались сальныя свѣчи въ большихъ, старинныхъ мѣдныхъ шандалахъ, чай, главное достоинство коего—побольше сахару; начинались игры въ *нарды* (бросаніе костей) или въ карты: *цхра* и *асунасъ*—азартныя игры; играли на *тари*, пѣли уныло-сладострастныя персидскія мелодіи. Въ десять часовъ ужинъ и большею частью опять тотъ же кутежъ до полуночи... Затѣмъ гостей укладывали спать по нѣскольку въ рядъ на тахтѣ; нѣкоторыхъ старшихъ особо, на диванахъ, а кто помельче, отправлялся внизъ ко мнѣ; храпъ раздавался гигантскій; воды за ночь испивались бочки. Но пьяныхъ, не держащихся на ногахъ или лѣзущихъ драться, я никогда не видѣлъ; такова ужь сила привычки къ вину и, должно быть, натура.

Родословная—это альфа и омега для грузина: настоящій человѣкъ только князь хорошей старой фамиліи, а дворянинъ и все остальное—мелочь, обязанная покланяться и честь знать; а ужь особенно русскій, если по занимаемому

мѣсту не имѣлъ выдающагося значенія и силы, трактовался не только какъ не князь, слѣдовательно во всякомъ случаѣ мелкій человѣкъ, но еще и какъ *Симбирели* (сибирякъ, въ презрительномъ смыслѣ) и какъ *лоти* (пьянчужка). Много горечи пришлось мнѣ испытать, пока я впослѣдствіи-таки довелъ этихъ сіятельныхъ, недалекихъ умомъ и образованіемъ добряковъ, до вѣжливаго обращенія и до сознанія, что нѣтъ правилъ безъ исключенія.

Я довольно скоро сталъ понимать болѣе употребительныя фразы, записывая слова по русски; но пока не достигъ болѣе правильнаго умѣнія говорить по грузински, всегда показывалъ видъ, что ничего не понимаю, и когда обращались ко мнѣ, я, въ свою очередь, обращался къ князю Челокаеву или его помощнику, Русіеву, за переводомъ. Это чрезвычайно облегчало мнѣ мою задачу — вразумить господъ князей, что у насъ и не князья люди, что невѣжливости дурно рекомендуютъ тѣхъ, кто ихъ себѣ позволяетъ, и что они, какъ видно, не имѣли случая встрѣтить русскаго, который бы опровергъ ихъ ложное понятіе о всей націи. Помню, однажды, за обѣдомъ, по обыкновенію шумнымъ, одинъ князь съ нахальною миной обратился ко мнѣ: „э, руссо, даліе“ (э, русскій, пей). Я, будто не понимая, спросилъ у Челокаева: что говоритъ этотъ господинъ? „Князь предлагаетъ вамъ пить“. Скажите ему пожалуйста, отвѣтилъ я, что, во-первыхъ, по нашимъ обычаямъ ко всѣмъ обращаются по имени-отчеству, безъ „э!“, что считается невѣжливостью; во-вторыхъ, что угощать гостей можетъ только хозяинъ, а не такой же гость; въ третьихъ, что еслибъ я хотѣлъ пить, то предо мною бутылки и стаканъ, а подобныя напоминанія похожи на то, какъ кучера посвистываютъ лошадямъ въ водѣ, приглашая ихъ пить. Князь Челокаевъ, казалось, смягчилъ переводъ, но послѣднее сравненіе пришлось по вкусу публикѣ, раздался громкій хохотъ и даже тосты за меня.

Да, бывали непріятныя минуты въ первое время пребыванія въ этомъ новомъ для меня кругу; подчасъ съ сожалѣ-

ніемъ вспоминались и тифлисская канцелярія, и еще болѣе далекая родина... Но дѣлать было нечего, выходъ изъ этого положенія былъ слишкомъ труденъ. Бросить службу и уѣхать обратно въ Тифлисъ,—но нечѣмъ было жить, другого мѣста не скоро можно было добиться, когда число чиновниковъ до того увеличилось, что уже прекратили вызовы и на каждую вакантную должность считалось по нѣскольку кандидатовъ. Я рѣшился терпѣть до возможности, какъ ни возмущали меня эти пренебрежительныя обращенія ко мнѣ тогдашнихъ сіятельныхъ кахетинцевъ, а еще болѣе постоянныя насмѣшки и остроты надъ русскими. Между тѣмъ, самъ окружный начальникъ былъ довольно вѣжливъ, пускался въ откровенности, представлялъ возможность служебной карьеры въ случаѣ ожидавшихся военныхъ дѣйствій съ его участіемъ, старался загладить скверныя впечатлѣнія, о которыхъ я сталъ ему намекать, оправдывая своихъ соотечественниковъ незнаніемъ Россіи и ея обычаевъ и пр.

Тяжелъ былъ для меня первый годъ, пока я не овладѣлъ вполнѣ грузинскимъ языкомъ и не ознакомился съ мѣстными обычаями и нравами. За то ужь и удовлетворялъ же я себя послѣ насчетъ большинства тѣхъ господъ князей, которые отличались особеннымъ злорадствомъ. Впослѣдствіи, чтобы поддерживать свое упорное убѣжденіе, что русскій, да еще такой маленькій чиновникъ, долженъ быть непремѣнно *лотти* и вообще не заслуживающій уваженія субъектъ, они ухватились за мою нѣмецкую фамилію и вѣроисповѣданіе и не иначе звали меня, какъ *нэмса* (нѣмецъ), слѣдовательно и не удивительно, что не *лотти* и другой человѣкъ... Всѣ мои увѣренія, что ни фамилія, ни исповѣданіе ничего не значатъ, что я чисто русскій душой и тѣломъ, что десятокъ дрянныхъ чиновниковъ не могутъ служить представителями семидесяти-милліонной націи и пр. ни къ чему не вели. Даже нѣсколько князей, воспитывавшихся въ Петербургѣ, служившихъ въ гвардіи, не могли измѣнить взглядовъ большинства, опиравшагося на факты и разсказы о различныхъ бе-

зобразіяхъ чиновниковъ уѣздной администраціи, равно офицеровъ и солдатъ войскъ, расположенныхъ за Алазанью на кордонѣ.

Грустно вспоминать объ этихъ временахъ, къ счастью, давно уже минувшихъ и, должно надѣяться, безвозвратно. Уже съ конца сороковыхъ годовъ Закавказскій край сталъ исподоволь наполняться другими людьми, вытѣсняя негодную закваску прежнихъ безобразныхъ вызововъ, а еще чрезъ десять лѣтъ контингентъ чиновниковъ, за малыми исключеніями, могъ считаться относительно внутреннихъ губерній образцовымъ. Какъ и по какимъ причинамъ произошла такая перемѣна къ лучшему, я постараюсь подробно изложить дальше, когда придется говорить о временахъ князя Воронцова, замѣчательнаго государственнаго человѣка, который, при нѣкоторыхъ своихъ недостаткахъ (а кто же ихъ не имѣетъ?), двѣ обширныя области Россіи — Новороссійскую и Кавказскую, можно сказать, извлекъ изъ хаоса и поставилъ на путь правильнаго развитія.

IV.

Собственно резиденція окружного управленія была въ селѣ Тіонеты, верстъ около 25 отъ Матаны, далѣе къ горамъ; но Челокаевъ предпочиталъ жить у себя въ деревнѣ, считавшейся тоже въ составѣ округа, и здѣсь устраивалась походная канцелярія. Однако, проживъ нѣкоторое время тутъ, я заявилъ желаніе отправиться, наконецъ, въ Тіонеты, чтобъ ознакомиться ближе съ дѣлами, съ тамошнимъ помѣщеніемъ и проч.

Дорога изъ Кахетіи въ Тіонеты самая привлекательная поѣздка; первыя семь-восемь верстъ она идетъ по ущелью рѣки Ильто, которую приходится переѣзжать въ бродъ на этомъ пространствѣ до десяти разъ; рѣчка то съ шумомъ низвергается съ высоты нѣсколькихъ футовъ, то пробивается между огромныхъ камней, то сочится подъ вѣковыми де-

ревьями, снесенными съ корнемъ бѣшеными потоками, мгновенно образующимися при сильныхъ дождяхъ; оставивъ вправо рѣчку, дорога идетъ по небольшимъ лѣсистымъ возвышенностямъ и вдругъ съ одной открываетъ двѣ прекрасныя картины: назади вся Кахетія, окаймленная слѣва гигантскими снѣжными вершинами главнаго хребта, справа лѣсистымъ Гомборскимъ хребтомъ, по коему разбросаны старыя крѣпости и монастыри; по срединѣ бѣжитъ Алазань, берега коей усѣяны деревьями и виноградниками, потонувшими въ синеватой мглѣ; въ центрѣ рѣзко выдающійся бѣлизною Аллавердскій соборъ и далѣе едва бѣлѣющіе домики Телава. А посмотрите впередъ: плоскость верстъ десять въ окружности, раскинувшаяся у подножія лѣсистыхъ горъ, прорѣзанная быстрою, извилистою рѣкою Іорой и множествомъ мелкихъ рѣчекъ, усѣянная деревушками, среди которыхъ отличается величиною Тіонеты; вдали снѣжныя макушки Борбало и Чичосъ-Тави, высочайшихъ точекъ этой части главнаго кавказскаго хребта.

Спустившись на эту плоскость, я переѣхалъ въ бродъ чрезъ Іору у самыхъ Тіонетъ и очутился во дворѣ полуразвалившейся старой крѣпости, постройку коей, какъ и всѣхъ древнихъ зданій въ Грузіи, приписываютъ царицѣ Тамарѣ. Надъ воротами, къ стѣнѣ, были прибиты деревянными колышками десятка два *рукъ*, настоящихъ, человѣческихъ и все правыхъ; многія совсѣмъ почти черныя, нѣкоторыя только голыя кости. Это обычай большинства кавказскихъ горцевъ отрѣзывать у убитыхъ враговъ кисти правыхъ рукъ и, въ видѣ трофея, прибивать къ стѣнамъ собственныхъ домовъ или домовъ своего начальства. На первыхъ порахъ видъ этихъ звѣрскихъ трофеевъ возбуждалъ во мнѣ сильное отвращеніе, но я напрасно старался, проходя мимо, не поднимать къ нимъ глазъ. Наконецъ, я привыкъ къ этой отвратительной картинѣ. Снять руки со стѣны князь Челокаевъ не соглашался, чтобы не оскорбить горцевъ; они могли бы почесть это знакомъ неудовольствія къ ихъ подвигамъ въ дѣлѣ истребленія хищническихъ шаекъ; а между тѣмъ это слѣдовало всѣми

мѣрами поощрять. Внутри развалинъ стояла одинокая хижина, подобіе малороссійскихъ крестьянскихъ хатъ, съ двумя заклеенными бумагой окошечками—это была канцелярія, да двѣ уцѣлѣвшія башни; въ одной была устроена комната, гдѣ помѣщался окружной начальникъ, пріѣзжая сюда, въ другой кое-какъ мѣстились четыре донскіе казака — единственные русскіе люди въ округѣ. Перспектива жизни при такихъ условіяхъ, да вдобавокъ безъ книгъ, которыхъ я, съ трудомъ и долго ожидая, едва могъ добиться изъ Тифлиса, признаться, была не блистательна: ни товарищей, ни общества, среди народа, не понимающаго по-русски, и при скверной матеріальной обстановкѣ... Но я рѣшился выдержать характеръ. Время проходило среди служебныхъ занятій, то-есть *отписыванія* бумагъ, посылавшихся къ подписи въ Матаны, въ прогулкахъ по берегу Іоры и смотрѣніи на ловкихъ рыболововъ, закидывавшихъ искусно свои сѣти и вытаскивавшихъ всегда десятки прекрасной форели и другихъ вкусныхъ рыбокъ, да въ изученіи грузинскаго языка. Съ каждымъ днемъ я сталъ болѣе и болѣе убѣждаться, что жить среди этого народа и придерживаться своихъ европейскихъ обычаевъ невозможно. Между сотнями людей, не покидающихъ оружія, ходить въ статскомъ сюртучкѣ и неудобно, и смѣшно; постоянно разъѣзжать верхомъ по гористымъ, неудобнымъ дорогамъ, переправляться въ бродъ чрезъ быстрыя рѣки, ждать нападенія хищническихъ шаекъ близкихъ сосѣдей—непокорныхъ горцевъ, въ нашемъ костюмѣ, безъ оружія, опять и неудобно, и даже какъ-то щекотливо. Я началъ съ того, что нарядился въ черкесскій костюмъ, самый удобный и красивый, получившій право гражданства на всемъ Кавказѣ, обзавелся собственною верховою лошадью, оружіемъ и всѣми принадлежностями коренного джигита (удальца-наѣздника), да съ большимъ успѣхомъ и довольно скоро усовершенствовался въ верховой ѣздѣ. Одно это уже подняло меня въ глазахъ жителей, которые не могли никогда безъ смѣху видѣть чиновниковъ, уродливо болтавшихся на лошадяхъ, державшихся

обѣими руками за гриву и дѣйствительно изображавшихъ всею своею наружностью весьма жалкія комическія фигуры. Повозочнаго же сообщенія здѣсь, какъ и въ большинствѣ мѣстъ за Кавказомъ, не было и всякъ долженъ былъ садиться верхомъ на плохо выѣзженныхъ, горячихъ горскихъ лошадей.

Чрезъ годъ я сталъ свободно объясняться по-грузински, а выучившись послѣ еще читать и писать, усовершенствовался на удивленіе всѣмъ грузинамъ. Выговоръ — это неодолимое препятствіе для всѣхъ европейцевъ — дался мнѣ однако настолько, что даже трудно было угадать во мнѣ не грузина. Постоянною наблюдательностью, разспросами, сношеніями съ туземцами я узналъ въ подробности ихъ нравы, образъ жизни, взгляды и наклонности, и впослѣдствіи въ обществѣ туземцы почти забывали, что я русскій, однако перестали при мнѣ пускаться въ ругательства и насмѣшки. При этихъ условіяхъ и жизнь моя стала разнообразнѣе и легче; я сталъ находить въ этой воинственной, полукочевой жизни своего рода поэзію и, наконецъ, пристрастился къ ней до того, что измѣнить ей и разстаться съ средой, у которой я пріобрѣлъ уваженіе, казалось мнѣ невозможнымъ. Тѣ же князья, обращеніе которыхъ такъ раздражало меня годъ назадъ, наперерывъ стали выказывать мнѣ свое дружеское расположеніе, извиняясь за прошлое и ссылаясь на свои вкоренившіяся убѣжденія, что дворянинъ ни въ чемъ не можетъ равняться съ княземъ и пользоваться одинаковымъ вниманіемъ. И дѣйствительно, у нихъ дворяне, большею частью бѣдняки, составляли низшій классъ, а въ Имеретіи, до недавняго еще времени, были *крѣпостные* дворяне, законно признанные и утвержденные нашимъ правительствомъ...

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ оффиціальномъ значеніи Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа, его отношеніяхъ къ высшимъ властямъ и пр. Округъ заключалъ въ себѣ значительное пространство главнаго Кавказскаго хребта по обѣимъ его скло-

намъ, населенное въ дикихъ, трудно доступныхъ ущельяхъ, тремя племенами, по которымъ и названъ округъ; кромѣ того Тіонетскую долину, въ верхнемъ теченіи Іоры, съ грузинскимъ населеніемъ, и три деревни въ Кахетіи, ближе къ округу лежащія, причисленныя къ нему будто бы по большему удобству управленія, а въ сущности по ловко проведенному ходатайству Челокаева, желавшаго свое имѣніе село Матаны и село Ахметы имѣть въ своемъ же оффиціальномъ вѣдѣніи а также для того чтобы надъ князьями Челокаевыми, его дальними родственниками, которымъ Ахметы принадлежатъ, имѣть вліяніе, играть роль старшаго и имѣть возможность властью мѣстнаго начальника оказывать или не оказывать свое расположеніе, однимъ словомъ, удовлетворять своему непомѣрному тщеславію.

Округъ, входя въ составъ Тифлисской губерніи, подчинялся губернатору и всѣмъ губернскимъ учрежденіямъ; но такъ какъ онъ въ горныхъ своихъ предѣлахъ прилегалъ къ нѣкоторымъ непокорнымъ обществамъ, производившимъ мелкими партіями хищническія нападенія и въ округѣ, и проходя чрезъ него въ ближайшихъ мѣстностяхъ Кахетіи, то въ отношеніи обороны и другихъ этого рода дѣлъ округъ былъ подчиненъ и военному начальству Лезгинской кордонной линіи. Сношенія съ гражданскими управленіями ограничивались пустѣйшими форменными перепиской и такъ-называемыми срочными донесеніями съ цифрами наобумъ; а чтобы не связывать себя излишнимъ контролемъ Челокаевъ ловко обходилъ тифлисское начальство, которому онъ съумѣлъ отуманивать глаза исключительностью положенія своего округа, находящагося въ безпрерывной будто бы опасности и потому трудно подводимаго подъ общія правила и законы. Такъ тамъ и махнули на этотъ округъ рукой. У военнаго же начальства, не вмѣшивавшагося во внутреннее управленіе, гораздо легче было пріобрѣсти расположеніе, выставляя послѣдствіемъ своей благоразумной дѣятельности незначительность хищническихъ нападеній, тогда какъ это просто зависѣло отъ свой-

ства самой мѣстности, да и жители, особенно тушины, ближайшіе къ непріятельскому населенію, были люди воинственные, хорошо вооруженные и нерѣдко истребляли цѣлыя шайки, и сами хаживали на такой же промыселъ въ отместку лезгинамъ. Такимъ образомъ округъ управлялся болѣе по стариннымъ преданіямъ, патріархально, или просто говоря, вполнѣ по личному произволу окружнаго начальника, соединявшаго въ себѣ и судью, и администратора. Высшее начальство никогда сюда не заглядывало, жалобъ до него не доходило, потому что населеніе со временъ грузинскихъ царей привыкло видѣть въ своемъ правителѣ полновластнаго человѣка, на котораго некому жаловаться. Самъ князь Челокаевъ былъ человѣкъ ловкій, дѣйствовавшій по сложившимся издавна понятіямъ, и хотя сознавалъ, что по смыслу русскаго закона онъ злоупотребляетъ властью, но не придавалъ этому особаго значенія, видя кругомъ себя не лучшій ходъ дѣлъ и большею частью совершенную безнаказанность. Характеръ у него былъ трудно опредѣлимый, загадочный. То откровенный добрякъ, простота сердечная, то скрытенъ, хитеръ и жестокъ подчасъ до свирѣпости; то щедръ, юношески расточителенъ, готовъ съ безпечностью не по лѣтамъ на всякую глупость, то ужасно скупъ, угрюмъ, грубъ; за обѣдомъ гость его, какой-нибудь князь Отаръ или Давидъ, другъ сердечный, излюбленный, которому онъ клянется (да вѣдь какъ клянется: и гробомъ отца, и счастьемъ дѣтей) въ самой душевной привязанности, въ готовности пожертвовать всѣмъ, только прикажи; а чрезъ часъ послѣ отъѣзда этого гостя онъ предъ другимъ, все это слышавшимъ гостемъ же, или предо мною, пустится ругать *друга* на чемъ свѣтъ стоитъ: зоветъ его своимъ заклятымъ врагомъ и „пусть у меня рука отсохнетъ, пусть всѣ дѣти погибнутъ если я не заставлю его ползать предо мною“. Явятся какіе-нибудь просители, особенно изъ пшавцевъ, большихъ охотниковъ до сутяжества, слушаетъ онъ ихъ со вниманіемъ, очень ласково объясняетъ, разспрашиваетъ и когда тѣ вполнѣ увѣрены въ отличномъ

исходѣ своего дѣла, онъ вдругъ вскочитъ, начнетъ площадно ругать, колотить по щекамъ, прикажетъ гнать нагайками изъ крѣпости, или совсѣмъ разсвирѣпѣетъ, велитъ арестовать, набить кандалы. А то наоборотъ: не успѣетъ проситель ротъ разинуть, какъ ужь на него сыплются ругань, удары, приказанія сѣчь, гнать; но не прошло часу, несчастнаго просителя разыскиваютъ по всей деревнѣ, ведутъ ни живаго ни мертваго предъ грозныя очи начальника, а тотъ какъ ни въ чемъ не бывало начинаетъ ему говорить любезности, обѣщаетъ устроить его дѣло, велитъ подать вина и угоститъ, даже иного съ собою посадитъ за столъ. Изучалъ я его долго и все же онъ оставался для меня какою-то загадкой; думаю, однако, что выходки съ просителями были напускныя запугиванія, чтобы боялись, безпрекословно покорялись всѣмъ требованіямъ, заявлявшимся безъ особыхъ церемоній, впрочемъ большею частью чрезъ кого-нибудь посторонняго, напримѣръ священника или какого-нибудь старика изъ тіонетскихъ жителей, въ видѣ добраго совѣта просителю.

Вслѣдствіе подчиненности военному начальству, съ которымъ происходили довольно дѣятельныя сношенія, я невольно сталъ знакомиться какъ съ военно-распорядительными порядками, такъ частью съ ходомъ дѣла, общими предположеніями и мѣрами къ оборонѣ края и дѣйствіями противъ непріятеля, даже внѣ предѣловъ округа. Лезгинская линія вмѣщала въ себѣ значительное пространство отъ города Нухи до крайнихъ предѣловъ нашего округа въ верховьяхъ рѣки Аргуна; оконечности этой линіи считались менѣе подверженными вторженіямъ непріятеля, а центръ отъ кахетинскихъ селеній Шильда, Енисели, Кварели до крѣпости Закаталы (мѣстопребыванія главнаго начальника линіи) болѣе всего опасными. Между Закаталами и Нухой находилось владѣніе султана Илисуйскаго Даніель-бека, генералъ-маіора русской службы, самовластнаго управителя своего ханства, человѣка считавшагося преданнымъ нашему правительству. У него было нѣсколько ауловъ и по ту сторону хребта, въ верхнемъ

теченіи рѣки Самура, при содѣйствіи коихъ онъ обезпечивалъ наши сообщенія съ лежащими ниже по этой рѣкѣ покорными намъ обществами и охранялъ не только свое владѣніе, но и всѣ окрестности, и, что весьма важно, почтовый путь отъ Тифлиса къ Нухѣ отъ всякихъ непріятельскихъ нападеній. Хотя мусульманинъ, но человѣкъ богатый и вліятельный своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, онъ не допускалъ фанатически-религіознымъ ученіямъ Шамиля и его приверженцевъ, о кровавой враждѣ къ русскимъ, распространяться между сосѣднимъ съ Кахетіей мусульманскимъ населеніемъ. Все это обезпечивало насъ съ этой стороны настолько, что военныя средства Лезгинской линіи ограничивались тремя линейными баталіонами, нѣсколькими сотнями донскихъ казаковъ, да незначительною кордонною стражей, выставляемою кахетинцами. Никакихъ военныхъ дѣйствій съ этой стороны не было; всѣ военныя средства и усилія могли быть обращены въ Дагестанъ и Чечню, гдѣ былъ главный театръ шамилевскаго поприща.

Казалось бы, чего, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и желать больше? Отчего бы такому Даніель-беку не давать хотя каждый годъ по звѣздѣ, если ему это нравилось и не оказывать ему ничего не стоющаго любезнаго вниманія? Однако нѣтъ; по какому-то весьма незначительному поводу (до истины мнѣ никогда не удалось добраться, а толкованій было много и все различныхъ) начались *пререканія* закатальскаго начальства съ султаномъ, придирки, канцелярскія грубости, отказы въ пустыхъ просьбахъ, донесенія на него въ Тифлисъ, оттуда внушенія и угрозы, доведшія оскорбленнаго, самолюбиваго и избалованнаго привычкой самовластія восточнаго владѣтельнаго деспота до бунта. Онъ поднялъ все свое владѣніе, укрѣпился въ ущельи впереди своей резиденціи Илису, казнилъ бывшаго при немъ переводчикомъ чиновника изъ армянъ, котораго подозрѣвалъ въ тайныхъ противъ него сношеніяхъ съ начальствомъ, и сообщилъ начальнику линіи генералъ-маіору Шварцу, что онъ отнынѣ ни съ нимъ,

ни вообще съ русскими властями ничего общаго имѣть не намѣренъ, и что всякую попытку принудить его къ повиновенію встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ, надѣясь на Аллаха, на свою правоту и на поддержку всѣхъ горцевъ...

Власти переполошились, поняли, что дѣло не шуточное, что пламя возмущенія можетъ мигомъ разлиться по всѣмъ мусульманскимъ провинціямъ за Кавказомъ, и безъ того едва удерживавшимъ затаенную къ намъ вражду, особенно въ то время, когда всѣ войска съ самимъ главнымъ начальникомъ края были далеко въ горахъ Дагестана для дѣйствій противъ Шамиля, и рѣшились принять энергическія мѣры. Обвинять за это, конечно, нельзя, въ виду страшныхъ послѣдствій, какія могли произойти при замедленіи; хотя, съ другой стороны, ловко обставленная и умно поведевная попытка къ примиренію, минуя закатальское начальство, можетъ-быть имѣла бы менѣе кровавыя послѣдствія.

Въ нѣсколько дней предъ возмутившимся султаномъ явился отрядъ, въ который стянули, начиная отъ Тифлиса, все, что изъ войскъ могли собрать, и штурмъ, дружное ура, русская дисциплинированная храбрость побѣдили нестройную, хотя и воинственно-ловкую толпу. Даніель-бекъ, заранѣе отославшій семейство и все свое имущество въ горы, едва успѣлъ спастись съ нѣсколькими приверженцами и явился покорнымъ бѣглецомъ къ Шамилю, котораго до тѣхъ поръ третировалъ съ высокомѣріемъ.

Такимъ образомъ, грозившая, въ случаѣ распространенія возмущенія, опасность, чисто военнымъ способомъ, была устранена; но за то печальнымъ послѣдствіямъ этого происшествія суждено было выразиться вскорѣ совершенно въ другомъ видѣ.

Шамиль назначилъ мѣстопребываніемъ Даніель-беку аулъ Ирибъ, въ одномъ изъ обществъ сосѣднихъ съ лезгинскою кордонною линіей, далъ ему власть наиба (правителя) и поручилъ ему открыть противу насъ враждебныя дѣйствія, размѣры и успѣхъ коихъ должны были служить мѣриломъ его

приверженности дѣлу мюридизма. Съ тѣхъ поръ эта часть Закавказскаго края, дотолѣ спокойная, и, какъ выше упомянуто, подвергавшаяся лишь мелкимъ хищничествамъ, обратилась въ новый кровавый театръ военныхъ дѣйствій, вызвала необходимость усиленія военныхъ средствъ, всякихъ денежныхъ расходовъ и стоила многихъ жертвъ. Конечно, ни генералъ Шварцъ, ни разные другіе военные люди объ этомъ не жалѣли: для нихъ настала пора военныхъ реляцій, громкихъ подвиговъ, щедрыхъ наградъ и другихъ выгодъ, но съ точки зрѣнія выгодъ общихъ государственныхъ и частныхъ ближайшаго народонаселенія, — это было весьма печально... Мнѣ, къ сожалѣнію, еще не разъ придется упоминать о такихъ, не знаю какъ ихъ и назвать, несчастныхъ, преступныхъ или неумышленно-безразсудныхъ дѣяніяхъ нашихъ властей, имѣвшихъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, тяжкія для государства и общей пользы жертвы, съ другой — отличія, награды и военную славу...

Вслѣдствіе вышеописаннаго событія, заботы объ „обезпеченіи нашихъ предѣловъ отъ вторженія непокорныхъ горцевъ“ (какъ выражались въ оффиціальныхъ бумагахъ) усилились и выражались въ болѣе частыхъ и быстрыхъ сношеніяхъ начальства Лезгинской линіи со всѣми мѣстными управленіями, въ сборахъ милицій, въ движеніяхъ въ горы „для отвлеченія непріятеля, для его устрашенія, наказанія“ и пр. Все это отозвалось и на Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ и все болѣе и болѣе втягивало меня въ сферу военной дѣятельности, къ которой я такъ давно, такъ искренно и напрасно стремился. Судьба!

Въ томъ же 1844 году, вскорѣ послѣ измѣны и бѣгства илисуйскаго султана, уже явились опасенія усиленныхъ враждебныхъ дѣйствій сосѣднихъ горцевъ, и потому предписано было собрать изъ округа болѣе тысячи человѣкъ конной и пѣшей милиціи и расположиться съ нею на лѣвомъ берегу Алазани, на Алванскомъ полѣ, для того, чтобы быть готовыми спѣшить на помощь угрожаемому пункту и вмѣстѣ съ тѣмъ

заставить горцевъ опасаться вторженія нашего къ нимъ. Распоряженія для исполненія этого предписанія должны были дѣлаться, какъ и подобаетъ въ военномъ дѣлѣ, съ возможною быстротой. Поэтому окружной начальникъ, кромѣ своихъ двухъ помощниковъ, малограмотныхъ грузинскихъ князей, возложилъ часть дѣла и на меня, хотя моя спеціальность была собственно канцелярія. И вотъ я въ первый разъ очутился въ роли распорядителя, отчасти начальствующаго лица. Я былъ въ восторгѣ, энергію выказалъ блистательную, не жалѣлъ ни себя, ни лошади и скорѣе прочихъ явился на назначенное мѣсто съ вооруженною толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ, обращавшеюся *ко мнѣ* съ просьбами, недоразумѣніями и пр. Для двадцатилѣтняго юноши, съ пылкою фантазіей, это было какимъ-то торжествомъ: мнѣ уже грезились битвы, геройскіе подвиги, слава, военныя награды, цѣлое море сильныхъ ощущеній... И вѣдь много, много разъ еще повторялись въ моей долголѣтней кавказской службѣ такія восторженныя минуты; и съ какою же улыбкой вспоминается о нихъ теперь, когда сѣдина пробилась въ бороду, кровь плохо грѣетъ и вмѣсто поэзіи давно наступила пора равнодушія и критики!...

Вся собранная милиція расположилась на Алванскомъ полѣ, среди живущихъ здѣсь зимою тушинъ (лѣтомъ они откочевываютъ въ горы), въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Стоянка эта дала мнѣ нѣкоторыя первоначальныя понятія о жителяхъ округа. Рѣзко отличающіеся другъ отъ друга тушины, пшавы и хевсуры проводили все время въ своихъ національныхъ воинственныхъ забавахъ. Скачки, стрѣльба въ цѣль, фехтованіе хевсуръ, вооруженныхъ мечами и щитами, продолжались цѣлые дни; ночью, вокругъ костровъ, раздавались громкія и заунывныя пѣсни, пляски, напоминавшія дикихъ индѣйцевъ Америки; все это такъ поражало меня своею новизной и оригинальностью, что я проводилъ цѣлые часы, смотря на этихъ полудикихъ людей, о которыхъ въ Россіи едва ли кто и слыхалъ, и тогда же задался мыслью узнать и изучить ихъ

поближе, чтобы при случаѣ познакомить съ ними читающую часть общества.

Между тѣмъ прошло около двухъ недѣль; продовольствіе, взятое милиціонерами изъ своихъ домовъ, стало подходить къ концу, всякія забавы стали надоѣдать; наконецъ, на нѣсколько запросныхъ донесеній, получился приказъ—распустить людей по домамъ. Мечтамъ о военныхъ подвигахъ не суждено было пока осуществиться; однако, я не унывалъ, запасъ надежды былъ еще слишкомъ обиленъ и такъ, вдругъ, онъ не могъ истощиться...

V.

Возвратясь съ Алванскаго поля, я въ первый разъ присутствовалъ при сборѣ и давкѣ винограда. Село Ахметы представляетъ цѣлый лѣсъ виноградныхъ садовъ; оно было необыкновенно оживленно; сотни разсѣянныхъ по садамъ работниковъ, громко распѣвая, двигались постоянно взадъ и впередъ; кто работалъ ножемъ, срѣзывая кисти, кто накладывалъ ихъ въ большія плетеныя корзины, или ставилъ послѣднія на арбы и отвозилъ въ *маранъ* (строеніе, гдѣ давятъ и хранятъ вино), въ которой нѣсколько человѣкъ обнаженными до колѣнъ ногами давили виноградъ, и мутная струя сбѣгала по небольшимъ корытамъ въ кувшины, врытые въ землю. Величина нѣкоторыхъ кувшиновъ, большею частью выдѣлываемыхъ въ Имеретіи, почти баснословна: они вмѣщаютъ до двухъ тысячъ большихъ бутылокъ. Мнѣ разсказывали по этому поводу будто бы достовѣрное происшествіе: однажды въ селѣ Кварели солдатъ линейнаго баталіона забрался ночью въ маранъ, открылъ кувшинъ, легъ на землю и началъ пить вино, но, повидимому, отуманенный газами, осунулся и *утонулъ въ кувшинѣ*, гдѣ на другое утро нашли его по плававшей на поверхности фуражкѣ!...

Впрочемъ въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ, если принять въ соображеніе, что когда кувшины, предъ напускані-

емъ новаго вина, моютъ, то въ нихъ ставятъ лѣстницы, туда спускается человѣкъ съ фонаремъ, какъ въ погребъ и третъ вѣникомъ, а голосъ его раздается какимъ-то глухимъ подземнымъ эхомъ. Для этой работы есть даже особые спеціалисты—жители военно-грузинской дороги, гудомакары; они же привозятъ съ собою и шиферныя плиты, употребляемыя для накрыванія кувшиновъ. Молодое вино (маджари) слабо, сладковато и мутно, но въ февралѣ, мартѣ оно уже окрѣпло, очистилось и бываетъ такихъ качествъ, что не уступитъ многимъ прославленнымъ европейскимъ винамъ. Красное, или почти черное, гуще, крѣпче, а бѣлое, почти померанцеваго цвѣта, слабѣе, но съ превосходнымъ букетомъ соединяетъ прекрасный вкусъ. Достоинство этихъ винъ—совершенная безвредность: сколько ни выпить — головной боли не чувствуешь и грузины, пьющіе невѣроятное количество вина не слыхали о подагрѣ. За то кахетинское вино не выдерживаетъ долгаго храненія и киснетъ; но вѣрнѣе, что это происходитъ отъ дурной, патріархальной системы выдѣлки. Большею частью вино развозится въ бурдюкахъ, смазанныхъ внутри нефтью, почему и принимаетъ не совсѣмъ пріятный, вяжущій вкусъ; въ послѣднее время, однако, стало уже развиваться употребленіе бочекъ и бутылокъ, и въ Тифлисѣ хорошее вино въ продажѣ безъ нефтянаго вкуса.

По окончаніи сбора винограда, въ Кахетіи настаетъ самое веселое время; князья начинаютъ разъѣзжать другъ къ другу и, собираясь цѣлыми партіями, гостятъ по нѣскольку дней у своихъ знакомыхъ; къ тому же времени устраиваются большею частью свадьбы, празднуемыя съ большою пышностью.

Мы съ княземъ Челокаевымъ тоже сдѣлали поѣздку чрезъ села Артаны и Шильды въ Кварели, гдѣ была часть управленія Лезгинской линіи подъ начальствомъ полковника Маркова, весьма благоволившаго къ моему начальнику. Здѣсь, устроивъ кое-какія свои служебныя дѣла и отношенія, мы пробыли нѣсколько дней, пируя у князей Чавчавадзе пооче-

редно. Принимали насъ, благодаря значенію и родственнымъ связямъ Челокаева, вездѣ отлично и вся поѣздка—дней десять—была рядомъ кутежей, о которыхъ трудно дать понятіе тѣмъ, кто самъ ихъ не видѣлъ. И питье, и ѣда, и пѣніе,—все въ размѣрахъ героевъ Илліады. На обратномъ пути въ селѣ Лалискури мы заѣзжали къ семейству одного незадолго предъ тѣмъ убитаго въ Дагестанѣ офицера, тоже князя Челокаева, и здѣсь мой начальникъ, какъ дальній родственникъ покойнаго, исполнилъ обрядъ „сожалѣнія"; церемонія заключалась въ томъ, что, войдя въ комнату, гдѣ на полу, въ черныхъ одеждахъ, сидѣли вдова и сестра покойнаго, Челокаевъ началъ выражать сожалѣніе о несчастіи, постигшемъ не только родныхъ, но и всю Грузію, потерявшую такого доблестнаго князя, а онѣ тотчасъ пустились въ слезы; онъ тоже, закрывшись на минутку шапкой, сдѣлалъ видъ, что плачетъ, затѣмъ совѣтовалъ не предаваться отчаянію и пр.; слезы мгновенно осушились, вдова стала разспрашивать о семействѣ, передавала поклоны, послѣ чего Челокаевъ откланялся и мы уѣхали. Этотъ, какъ и многіе подобные ему обычаи, совершаются повсемѣстно на Кавказѣ съ большимъ педантизмомъ.

Къ числу любимыхъ развлеченій кахетинскихъ князей принадлежитъ ястребиная охота за фазанами. Ястреба ловятся особыми силками, къ которымъ для приманки привязываютъ живую курицу. Попавшемуся ястребу *зашиваютъ* (буквально) глаза ниткой, на ноги надѣваютъ небольшіе мѣдные бубенчики, пришитые къ кожанымъ ногавичкамъ, и сажаютъ на руку; такъ охотникъ держитъ ястреба цѣлую ночь, постоянно его поглаживая, посвистывая, чтобы пріучить къ звуку бубенцовъ и человѣческаго голоса; кормятъ его сырымъ моченымъ мясомъ и для пищеваренія даютъ *проглатывать кусочекъ холста* (?). На третью ночь ястребу раскрываютъ глаза; сначала онъ боязливо оглядывается, срывается съ руки, повисаетъ на шнуркахъ, опять садится на руку, затѣмъ успокоится; цѣлый день не даютъ ему ѣсть, сажаютъ въ нѣ-

сколькихъ шагахъ отъ себя, манятъ мясомъ, цмокаютъ, присвистываютъ, пока онъ самъ не прилетитъ на руку. Подобнымъ образомъ онъ въ недѣлю дѣлается ручнымъ и послѣ, отлетѣвъ иногда на двѣ версты, опять возвращается къ хозяину.

Фазаны водятся вообще въ колючихъ кустарникахъ, густыхъ бурьянахъ, обилующихъ разными ягодами. Въ первый день охоты, лишь только ястребъ поймаетъ фазана, добычу отдаютъ ему и прекращаютъ охоту. На слѣдующій день охота ведется уже какъ слѣдуетъ; князь верхомъ, съ ястребомъ на рукѣ, нѣсколько человѣкъ съ лягавыми собаками входятъ въ чащу и разными криками, визжаніемъ, лаемъ спугиваютъ фазана; ястребъ стрѣлой пускается за нимъ и схваченный когтями бѣднякъ падаетъ на земь, гдѣ его подбѣгающіе люди и отнимаютъ у ястреба, большею частію живымъ; иногда же фазанъ, не настигнутый еще врагомъ, падаетъ въ кусты, куда ястребъ, боящійся колючекъ и чащи, не смѣетъ за нимъ забраться; тогда этотъ взберется на ближайшее къ мѣсту дерево, не спуская своихъ острыхъ глазъ съ жертвы, и начинаетъ звенѣть бубенцами, махать крыльями, пока обратитъ вниманіе охотниковъ, которые тутъ же и вытащатъ омертвѣвшаго отъ испуга фазана, или же спугнутъ его и въ другой разъ уже рѣдко удается ему уйти отъ страшныхъ когтей. Во время ястребиной охоты никогда не стрѣляютъ, считая это вреднымъ для ястреба.

Послѣ цѣлаго ряда различныхъ удовольствій въ веселомъ обществѣ князей, пора было возвратиться, наконецъ, и къ дѣламъ. Я оставилъ Кахетію, облитую золотистыми лучами осенняго солнца, и только грозный рядъ великановъ, совершенно одѣтыхъ въ снѣгъ, напоминалъ, что существуетъ зима; а пріѣхавъ въ Тіонеты, засталъ совершенно русскую зиму: все было покрыто снѣгомъ, ледъ оковалъ почти до самой средины быструю Іору; скрипучія арбы замѣнились полозьями.

По приглашенію одного изъ жителей, я былъ у него на свадьбѣ. Невѣста была привезена изъ Ахметъ въ сопровожде-

ніи жениха и нѣсколькихъ родственниковъ, подкутившихъ порядкомъ, стрѣлявшихъ изъ ружей, распѣвавшихъ всю дорогу во все горло и подчивавшихъ всѣхъ встрѣчныхъ виномъ изъ бурдючковъ, привязанныхъ у каждаго за сѣдломъ. Изъ церкви послѣ вѣнчанія женихъ и невѣста шли рядомъ, держась за концы цвѣтного платка; ихъ окружали съ восковыми свѣчами въ рукахъ; пѣсни и стрѣльба не прекращались; у молодыхъ были на головахъ вѣнки, надѣтые въ церкви при вѣнчаніи. При входѣ въ саклю ихъ встрѣтили родители, приглашая войдти и занять мѣста; но тамъ, гдѣ должны были сѣсть молодые (по-грузински *мэпэ* и *дэдопали*, то-есть царь и царица), лежалъ ничкомъ какой-то мальчикъ и, несмотря на просьбы, брань, удары плетью, не хотѣлъ вставать пока ему не дали денегъ и яблоковъ; тогда онъ поднялся при громкомъ смѣхѣ присутствовавшихъ. То же, говорили, бываетъ и въ спальнѣ молодыхъ; какая-нибудь служанка разлижется поперегъ кровати и безъ платы не встанетъ. Возлѣ невѣсты усѣлась рядомъ старуха, обязанность коей состояла въ томъ чтобы весь вечеръ постоянно поправлять на молодой то покрывало, то платочекъ, то ленточку, хотя бы все было въ отличномъ порядкѣ, и по временамъ что-то нашептывать ей на ухо. Предъ молодыми ставится подносъ, на который всѣ, подходя съ поздравленіями, бросаютъ деньги (у высшихъ сословій въ пользу прислуги). Невѣста съ опущенными глазами какъ истуканъ просиживала эти нѣсколько часовъ безъ движенія, безъ словъ. Гости, усѣвшись на другой сторонѣ, послѣ благословенія священника, приступали къ ужину, принимавшему подъ конецъ самый шумный характеръ: пѣніе, крики, пальба изъ пистолетовъ, плясаніе *Лезгинки*, пока не расходились или развозились по домамъ. На другое утро, если все было благополучно и женихъ былъ веселъ, сходились гости, ихъ угощали *полустаки* (тѣсто съ медомъ и орѣхами), начинались поздравленія, кутилы настаивали, чтобы молодая вышла и непремѣнно проплясала *Лезгинку*. Если она была въ силахъ это исполнить, ее расхваливали, пророчили мужу

счасливое супружество. Въ случаѣ же неблагополучнаго окончанія свадьбы, что случается впрочемъ весьма рѣдко, *полуетаки* не разносили, родственники расхаживали съ унылымъ видомъ, а гости торопились пускать въ ходъ остроты и сплетни.

Самый обрядъ вѣнчанія совершается такъ же какъ вообще у православныхъ; только при входѣ молодыхъ въ церковь, у дверей дружки держатъ двѣ скрещенныя сабли, подъ которыя они должны пройдти; тѣ же сабли кладутъ молодымъ подъ ноги у налоя и кто первый наступитъ на саблю, будетъ, по повѣрью, первенствовать въ домѣ; а у кого изъ молодыхъ прежде потухнетъ восковая свѣча, тотъ прежде и умретъ.

Въ январѣ 1845 года, послѣ осьмнадцати мѣсяцевъ отсутствія, я собрался съѣздить въ Тифлисъ, выбравъ кратчайшую дорогу, о которой прежде вовсе не зналъ; оказалось, что по ней, конечно только верхомъ, не болѣе какихъ-нибудь 75 верстъ, между тѣмъ какъ кругомъ чрезъ Телавъ до Тифлиса болѣе 200. Въ Тифлисѣ я засталъ тьму *амбавій* по случаю назначенія графа Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ. Дѣлались большія приготовленія для его встрѣчи; всѣ какъ-то инстинктивно понимали, что нужно ожидать общихъ улучшеній и разныхъ перемѣнъ. Слава графа Михаила Семеновича, какъ устроителя Одессы и Новороссійскаго края, предшествовала ему и пронеслась по всѣмъ уголкамъ Кавказа *).

*) Въ Тифлисѣ было тогда распространено рукописное описаніе обѣда, даннаго графу Воронцову тузами Англійскаго Клуба въ Петербургѣ, по случаю его новаго назначенія. Между прочимъ, тамъ приводилась рѣчь извѣстнаго инвалида-ветерана Скобелева, изъ которой я до сихъ поръ еще помню слѣдующія, приблизительно такъ сказанныя слова: «Еслибъ я оставшимися у меня двумя пальцами единственной руки могъ поднять пушку, то сдѣлалъ бы ею на караулъ передъ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ, чтобъ отдать честь славному сопернику великаго Наполеона и не менѣе славному государственному мужу, устроителю Одессы». (Скобелевъ съ своимъ Рязанскимъ пѣхотнымъ полкомъ былъ въ колоннѣ Воронцова, выдер-

Всѣ эти восторги и толки не могли быть пріятны старику Нейдгарту, и онъ поторопился выѣхать изъ края. Два года его главнаго управленія Кавказомъ были рядомъ неудачъ, за которыя трудно его обвинять. Не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ лѣтомъ 1843 года Шамиль, въ теченіе короткаго времени, истребилъ въ буквальномъ значеніи этого слова отборный баталіонъ Апшеронскаго полка, слѣдовавшій въ горы для подкрѣпленія гарнизоновъ укрѣпленій (спаслись *два* солдата, принесшіе печальную вѣсть); взялъ десять нашихъ укрѣпленій, перебилъ и на половину полонилъ ихъ гарнизоны, пріобрѣлъ большой запасъ всякихъ снарядовъ и артиллеріи, которой у него до того почти не было. Это были первые примѣры взятія горцами нашихъ укрѣпленій и истребленія цѣлыхъ частей. На восточномъ берегу Чернаго моря случались атаки укрѣпленій, но они падали развѣ такимъ геройскимъ образомъ, какъ Михайловское въ 1840 году, которое было взорвано солдатомъ Архипомъ Осиповымъ вмѣстѣ съ проникнувшими въ него горцами. А тутъ разомъ десять укрѣпленій взято горцами, „этою ободранною аравой", которую побить считалось до тѣхъ временъ дѣломъ само собою разумѣющимся.

И вѣдь большинство гарнизоновъ защищались геройски и падали уже только за совершеннымъ истощеніемъ силъ, за недостаткомъ патроновъ, продовольствія или воды. (Одно только маленькое укрѣпленьице Ахальчи, въ которомъ было человѣкъ 40 гарнизона, сдано безъ выстрѣла прапорщикомъ Тифлисскаго егерскаго полка Залетовымъ, явившимся, какъ разсказывали, къ Шамилю по формѣ, съ рапортомъ, какъ яв-

---

жавшаго бой противъ Наполеона подъ Краономъ въ 1814 году). Затѣмъ разсказывалось, что подавали трехъаршинныхъ (?) стерлядей и что обѣдъ стоилъ 10,000 рублей; кажется еще сообщалось, что баллотировавшійся въ тоже время въ члены клуба военный министръ графъ Чернышевъ былъ будто бы забаллотированъ. А нужно сказать, что онъ съ графомъ Воронцовымъ былъ не въ пріятныхъ отношеніяхъ, видя въ немъ не раболѣпнаго подчиненнаго, каковыми были всѣ остальные генералы (за исключеніемъ конечно Паскевича), а соперника и вообще слишкомъ самостоятельнаго человѣка.

ляются къ инспектирующему начальнику). Эти печальныя событія сильно подѣйствовали на духъ войскъ и рѣшимость частныхъ начальниковъ, въ большинствѣ отличавшихся этимъ полезнымъ въ малой войнѣ качествомъ. Выступившій было изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, подъ командой генерала Гурко, небольшой, но по тогдашнимъ кавказскимъ обстоятельствамъ считавшійся самостоятельнымъ, отрядъ изъ трехъ баталіоновъ при четырехъ орудіяхъ и сотни казаковъ на выручку осажденнаго горцами укрѣпленія Гергебиль, поднялся на высоты, съ которыхъ видно было едва еще державшееся укрѣпленіе, и ободренное видомъ отряда, рѣшившееся даже на отчаянную, безполезную вылазку; отрядъ простоялъ около сутокъ и—отступилъ; Гурко не рѣшился спускаться въ ущелье на выручку гибнущаго гарнизона, опасаясь возстанія жителей въ своемъ тылу, что могло повести къ его окончательному уничтоженію и во всякомъ случаѣ ко всеобщему возстанію части туземцевъ, остававшихся еще хоть для вида покорными, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ паденію Темиръ-Ханъ-Шуры, въ которой остались защитниками уже только вооруженные писаря, музыканты, инвалиды... Можетъ быть человѣкъ болѣе рѣшительный, чѣмъ недавно прибывшій на Кавказъ Гурко, безъ всякихъ долгихъ разсужденій, попыталъ бы счастья и, спустившись, аттаковалъ бы горцевъ; въ случаѣ удачи, онъ не только выручилъ бы осажденное укрѣпленіе, но спасъ бы весь Дагестанъ отъ всѣхъ послѣдовавшихъ катастрофъ и покрылъ бы себя и свой отрядъ вполнѣ заслуженною славой; но въ случаѣ неудачи, оставалось погибнуть вмѣстѣ съ остатками гарнизона, безъ всякой надежды на помощь, и тогда общее возстаніе, паденіе Шуры, изгнаніе насъ изъ большаго Дагестанскаго района были бы неизбѣжны. Такимъ образомъ, благоразуміе требовало отступленія, и нельзя этого не одобрить. Но гораздо лучше было вовсе не итди, не показывать непріятелю своей слабости и своимъ осажденнымъ товарищамъ такого малодушія. Это отступленіе отряда, въ виду гибнувшаго укрѣпленія, еще усилило упадокъ духа въ войскахъ и

навело рѣшительное уныніе на всѣхъ, считавшихъ прежде за удовольствіе встрѣчу съ непріятелемъ и объ отступленіи никогда не думавшихъ. Горцы же, напротивъ, сдѣлались самоувѣренными, выросли, такъ сказать, въ собственныхъ глазахъ, довѣріе къ Шамилю укрѣпилось, устранивъ послѣднихъ скептиковъ, и надежды на полный успѣхъ, то-есть изгнаніе русскихъ съ Кавказа, оживились...

Во всѣхъ этихъ событіяхъ генералъ Нейдгартъ едва ли виноватъ; ужь скорѣе его предмѣстникъ Головинъ, не принявшій заранѣе никакихъ мѣръ противъ возможности ихъ осуществленія, хотя ему годомъ ранѣе доносилъ и настойчиво требовалъ подкрѣпленій начальствовавшій въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ генералъ-майоръ Клюки фонъ-Клугенау. Затѣмъ, въ 1844 году въ Петербургѣ убѣдились, что „оборонительная“ система, введенная Чернышевымъ, никуда не годится, а нужны рѣшительныя дѣйствія; двинули на Кавказъ цѣлый пятый корпусъ и приказали Нейдгардту разгромить Шамилевскія орды. Но приказаніе, въ самой сущности своей мало опредѣленное, въ рукахъ малознакомаго съ краемъ стараго генерала, не рѣшившагося взять на себя отвѣтственности за потери людей безъ видимой пользы, вмѣсто эффектнаго исполненія, послужило новымъ фіаско не только для самого Нейдгарта, но и для всѣхъ войскъ. Огромный и рѣдко на Кавказѣ виданный отрядъ—тысячъ въ 35, съ массой артиллеріи, съ двумя корпусными командирами (Нейдгартъ и Лидерсъ) и множествомъ генераловъ, съѣхавшихся за звѣздами со всѣхъ концовъ, простоялъ на Буртунайскихъ высотахъ довольно долго, въ виду Шамиля и его значительныхъ полчищъ—тысячъ въ 12—15; оба стана раздѣлялъ лѣсистый, глубокій Теренгульскій оврагъ; у насъ совѣщались, раздумывали, поѣдали дорого обошедшіеся казнѣ запасы, а Шамиль устраивалъ своимъ толпамъ что-то въ родѣ церемоніальныхъ маршей, какъ бы вызывая насъ на ратоборство... Кончилось тѣмъ, что мы ушли... Какъ отразилось это на обоихъ противникахъ, понять легко всякому... Тогдашняя система не допускавшая разсужденій, лишила спо-

собности иниціативы даже высшихъ генераловъ; не удивительно, что, пріѣзжая прямо съ плацпарадовъ, и лучшіе изъ нихъ каждый свой шагъ хотѣли основывать на точномъ приказаніи свыше, на примѣненіи ко вглядамъ тѣхъ, отъ кого зависѣло ихъ „быть или не быть". Къ старымъ кавказцамъ, болѣе рѣшительнымъ, самостоятельнымъ, эти генералы и самъ Петербургъ относились почти враждебно, и кавказскія войска считались послѣдними въ Россіи...

Однако я далеко уклонился въ сторону отъ моихъ личныхъ воспоминаній и вдаюсь въ разсказы о дѣлахъ, въ которыхъ я участникомъ не былъ. О нихъ должна подробно говорить исторія кавказской войны, или вообще спеціально этому предмету посвященныя статьи, а такъ, въ летучей замѣткѣ, ничего не скажешь яснаго для незнакомыхъ съ кавказскими событіями читателей.

Итакъ состоялось назначеніе графа Воронцова намѣстникомъ Кавказа, главнокомандующимъ арміей, съ правами равными правамъ князя Паскевича въ Варшавѣ. На всѣхъ перекресткахъ въ Тифлисѣ только и рѣчи было объ этомъ; всѣ слои общества ожидали для себя всего лучшаго. Армяне—развитія торговли и благосостоянія, чиновники—высшихъ окладовъ, новыхъ штатовъ, мѣстная аристократія—разныхъ почетовъ и льготъ, военные—усиленныхъ военныхъ дѣйствій и щедрыхъ наградъ; дамы—блистательныхъ баловъ и пріемовъ у графини Воронцовой; однимъ словомъ, всѣ безъ исключенія были радостно настроены, и, какъ рѣдкое исключеніе въ нашемъ мірѣ, въ этотъ разъ никто не ошибся, почти всѣмъ надеждамъ суждено было сбыться.

Проведя нѣсколько дней въ Тифлисѣ, показавшемся мнѣ послѣ горъ, ущелій и ауловъ роскошною столицей, я поѣхалъ назадъ еще по иной, очень живописной дорогѣ, ближайшей къ Кахетіи, чрезъ Мухровань и Гомборы — штабы артиллеріи, и ночевалъ въ кахетинскомъ селеніи Руиспири, у поселившагося тамъ нѣмца изъ Кексгольма Ленца, занимавшагося выдѣлкой изъ мѣстнаго вина шампанскаго, бишофа и

проч. Извѣстіе о графѣ Воронцовѣ и его очень обрадовало; онъ понялъ, что въ извѣстномъ покровителѣ всякихъ промышленныхъ предпріятій найдетъ поддержку и своему дѣлу, —и этотъ не ошибся. Хотя уже въ 47 году холера помѣстила бѣднаго Ленца въ число своихъ жертвъ, однако онъ успѣлъ обратить вниманіе новаго намѣстника на свое предпріятіе, и сынъ его чуть ли не до сихъ поръ продолжаетъ въ Тифлисѣ торговлю, хотя ни Bischof, ни шампанское не создали новаго вида торговли виномъ.

Пріѣхавъ въ Матаны, я засталъ свое начальство, по обыкновенію, съ множествомъ гостей и *сазандари* (странствующіе музыканты) за шумнымъ обѣдомъ. Вѣсть о намѣстникѣ произвела необыкновенный эффектъ, и немедленно были осушены тосты за его здоровье, хотя изъ присутствовавшихъ едва ли кто могъ ясно дать отчетъ въ причинахъ восторга; такъ ужь, должно быть инстинктивно, большинство радовалось.

На другой день я уѣхалъ въ Тіонеты, гдѣ засталъ трехъ лезгинъ-джарцевъ, шляющихся по всѣмъ грузинскимъ деревнямъ, восхищая народъ своимъ искуствомъ плясать на канатѣ. И дѣйствительно, ихъ можно смотрѣть даже послѣ лучшихъ европейскихъ акробатовъ. Лезгинъ, парень лѣтъ 25, въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, въ кошахъ (туфли съ высокими желѣзными каблуками), въ которыхъ трудно по комнатѣ пройти безъ особенной привычки, взбирается на канатъ, натянутый туго на вышинѣ 2—3 саженъ; у него на головѣ кувшинъ съ водой, на немъ тарелка, на ней стаканъ, на стаканѣ бутылка; къ ногамъ привязаны два обнаженные кинжала, не картонные, а настоящіе, отточенные, остріемъ вверхъ, глаза завязаны платкомъ, — и въ такомъ видѣ, подъ звуки зурны и бубна, онъ слегка подпрыгиваетъ и дѣлаетъ тѣлодвиженія въ тактъ, безъ всякаго шеста, безъ натиранія подошвы мѣломъ и вообще безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ и мишурно-блестящей обстановки, усиливающихъ эффектъ подобныхъ представленій нашихъ штукарей. Пред-

ставленіе въ Тіонетахъ происходило во дворѣ старой крѣпости; кругомъ толпа народа; за два часа удовольствія давали что кто хотѣлъ деньгами или провизіей и вознагражденіе во всякомъ случаѣ выходило жалкое. Весь багажъ этой кочующей труппы укладывался на двѣ лошаденки, и такъ они обходили деревни отъ Святой до Масляницы. Говорили, у лезгинъ почти большинство мальчишекъ занимаются изученіемъ этого искуства. Они протягиваютъ канатъ надъ рѣкой и упражняются, падая въ воду, пока не выучатся какъ слѣдуетъ свободно ходить по канату. Разсказывали, что и Шамиль тоже въ юности занимался подобною пляской на канатѣ, но если это, какъ мнѣ кажется, пустая выдумка, то во всякомъ случаѣ достовѣрно, что Шамиль въ молодости былъ одинъ изъ самыхъ ловкихъ между своими сверстниками. Въ 1859 году, когда мы возвращались послѣ взятія Гуниба, въ одномъ изъ ауловъ Аваріи (названіе забылъ) жители показывали князю Барятинскому огромный камень, обрывокъ скалы, чрезъ который Шамиль, будучи 15—16-ти лѣтнимъ ученикомъ у мѣстнаго муллы, въ числѣ весьма не многихъ юношей, перепрыгивалъ съ необычайною ловкостью. По высотѣ камня, намъ просто не хотѣлось вѣрить этому разсказу.

VI.

Тотчасъ съ прибытіемъ въ Тифлисъ графа Воронцова, въ мартѣ 1845 года, разнеслись слухи, что лѣтомъ будутъ предприняты рѣшительныя военныя дѣйствія, въ небывалыхъ до того размѣрахъ, и что новый сердарь (главнокомандующій) однимъ ударомъ сокрушитъ Шамиля со всѣми его ордами. Въ числѣ приготовленій къ этому явились распоряженія о повсемѣстномъ въ Грузіи сборѣ милиціи пѣшей и конной и вызовѣ кромѣ того охотниковъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, изъ всѣхъ національностей и сословій. Очень хотѣлось и мнѣ воспользоваться этими вызовами и отправиться въ качествѣ волонтера въ предстоявшую экспедицію, но Че-

локаевъ наотрѣзъ отказалъ мнѣ въ этомъ или въ противномъ случаѣ предлагалъ оставить должность, на что я рѣшиться не могъ и потому все лѣто 1845 года, столь богатое въ исторіи кавказской войны эпизодами славныхъ подвиговъ, сильныхъ пораженій, ужасныхъ лишеній и безвыходныхъ положеній, долженъ былъ провести въ своемъ глухомъ округѣ. Впрочемъ, однообразіе было прервано однимъ небольшимъ происшествіемъ дико-воинственнаго характера.

Дѣло было такъ. Тушины, живущіе зимою на лѣвомъ берегу Алазани, въ Кахетіи, при наступленіи жаркаго времени, обыкновенно въ половинѣ іюня, перекочевываютъ въ свои горные аулы, въ ущельяхъ главнаго хребта. Въ это время сосѣдніе лезгины, особенно дидойцы, вѣчно враждующіе съ тушинами, собираются партіями по дорогѣ и нападаютъ на перекочевывающихъ, не имѣющихъ возможности хорошо защищаться на сильно пересѣченной мѣстности, обремененные притомъ семействами, вьюками и стадами. Чтобъ обезопасить ихъ путь и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить для расположеннаго въ передовыхъ горахъ караула на лѣто провіантъ, Челокаевъ собралъ человѣкъ 200 отборной милиціи, и 5-го іюня мы отправились по ущелью рѣки Шторы на гору Накерали, лежащую по серединѣ перехода въ горную Тушетію. О трудностяхъ подобнаго движенія не легко составить себѣ понятіе. Сначала крутой подъемъ, весь изрытый водомоинами, поросшій вѣковымъ лѣсомъ, не пропускающимъ солнечныхъ лучей, далѣе узенькая тропинка межь голыхъ скалъ, надъ крутыми глубокими обрывами; при этомъ густой туманъ, порывистый холодный вѣтеръ, бьющій въ лицо какими-то ледяными крупинками; ознобъ пробираетъ хуже лихорадочнаго. Все это въ горахъ вовсе не рѣдкость, даже въ концѣ іюня и въ началѣ іюля; случалось, что люди отмораживали себѣ въ это время руки и ноги, и въ томъ же 1845 году въ отрядахъ нѣсколько десятковъ грузинскихъ милиціонеровъ потеряли свои пальцы, а донскіе казаки, чтобы хоть немного согрѣть окоченѣвшіе члены, должны были пожечь всѣ свои

пики, кстати совершенно безполезныя въ горахъ. Хорошъ и ночлегъ на верхушкѣ такой горы, подъ буркой, въ платьѣ, напитавшемся, подобно губкѣ, туманною сыростью, когда вдобавокъ льетъ дождь и уже ни башлыкъ, ни бурка не помогаютъ: ручейки со всѣхъ сторонъ подмываютъ, ромъ не грѣетъ, оконечности коченѣютъ. Крехтя приходится подняться и, утѣшая другъ друга разными остротами и шутками, поплясывать на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ поровнѣе мѣста, да посматривать на жалкихъ, конвульсивно трясущихся лошадей, да слушать оглушительные раскаты грома. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось проводить такія ночи, и всегда одна и та же причина была, что мы не на лучшемъ мѣстѣ останавливались на ночлегъ: на пути являлись такія препятствія, движеніе совершалось такъ медленно,—версты $2^1/_2$ въ часъ, иногда менѣе—*одной* версты,—что пока мы достигали вершины перевала, уже темнѣло и двигаться дальше въ темь по этимъ скользкимъ тропинкамъ надъ обрывами значило рисковать всѣми лошадьми, вещами, да и не однимъ солдатомъ. Нечего дѣлать, останавливались на верхушкѣ, отъ 7 до 9 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, подвергаясь произволу самаго пронзительнаго, рѣзкаго вѣтра; а нѣкоторымъ, не успѣвшимъ достигнуть верхушки, приходилось простаивать до разсвѣта на узенькой тропинкѣ, безъ возможности не только прилечь, но даже хоть маленькимъ движеніемъ согрѣться, рискуя поминутно поскользнуться и очутиться на 200—300 саженъ въ безднѣ. Это положеніе еще хуже, чѣмъ стоянка на вершинѣ, и отряды на лезгинской линіи, чаще всѣхъ испытывавшіе такія удовольствія, особенно батальоны, часто бывавшіе въ арріергардѣ, могли бы многое поразсказать, чтобы вполнѣ изобразить, какова была служба кавказскихъ войскъ вообще, а дѣйствовавшихъ въ горахъ въ особенности.

Вотъ въ такомъ положеніи провели и мы ночь на горѣ Накерали 7-го іюня 1845 года, да еще вынуждены были оставаться тутъ до 4 часовъ пополудни, чтобы выждать приближенія отставшихъ и растянувшихся кочевниковъ, которые

могли подвергнуться нападенію и быть лишены всякой съ нашей стороны поддержки. Наконецъ, ливень пересталъ, вѣтеръ носилъ цѣлыя массы облаковъ по ребрамъ скалъ, то вдругъ застилая отъ насъ все, то вдругъ открывая огромныя пространства; подчасъ слышался какой-то отдаленный, глухой грохотъ: это гремѣло *подъ нами* въ ущельяхъ, въ Кахетіи. Мы тронулись, таща за поводья едва переставлявшихъ ноги лошадей, спустились версты четыре ниже на поляну, поросшую густою травой, и расположились ночевать. Съ лѣвой стороны у насъ, къ обрыву, тощая растительность въ видѣ нѣсколькихъ корявыхъ березъ и дубнячка, куда мы тотчасъ и отправили людей нарубить вѣтокъ, чтобы скорѣе достичь блаженства посушиться у огня да вскипятить воды въ мѣдномъ чайничкѣ и согрѣться стаканомъ чаю. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, посланные прибѣжали сказать, что внизу подъ обрывомъ видѣнъ значительный дымъ, что это, безъ сомнѣнія, непріятельская партія, расположившаяся на ночлегъ, и что они не рубили дровъ, чтобы стукомъ не обратить на себя вниманія. Послѣ нѣсколькихъ минутъ совѣщанія съ опытными тушинскими старшинами, рѣшено было, не теряя времени, пользоваться остававшимися еще двумя часами дня и врасплохъ напасть на непріятеля, который не можетъ быть въ значительномъ числѣ, а неожиданность и быстрота въ нападеніи самые лучшіе союзники. Выбравъ человѣкъ до 50 лучшихъ людей, мы пустились внизъ, безъ дороги, поддерживая другъ друга, цѣпляясь за березки и бурьяны въ направленіи видѣннаго дыма; туманъ содѣйствовалъ намъ, скрывая наше движеніе, и мы незамѣтно добрались до низу; мѣсто оказалось въ родѣ маленькаго ущельица, поросшаго рѣдколѣсьемъ, извѣстнаго тушинскимъ охотникамъ подъ названіемъ Чхатани, изъ коего тропинкой можно были выйти на вьючную дорогу, проходящую въ Кахетію. Не болѣе 50 саженъ отъ насъ сидѣли два караульные лезгина, занятые разговоромъ; шагахъ во ста за ними виднѣлись нѣсколько наскоро сложенныхъ изъ вѣтвей балагановъ, въ которыхъ че-

ловѣкъ около ста горцевъ расположились, какъ видно было, ночевать; кто спалъ, кто чистилъ оружіе, кто сушилъ у разведенныхъ костровъ одежду. Осмотрѣвъ все подробно, мы рѣшились воспользоваться безпечностью партіи и нечаянностью нападенія скрыть нашу малочисленность. Пройдя незамѣтно еще саженъ двадцать, тушины первыми выстрѣлами отправили двухъ караульныхъ къ праотцамъ, затѣмъ съ крикомъ „ги!", какъ-то особенно пронзительно прозвучавшимъ въ ущельи, бросились впередъ, дали залпъ въ смѣшавшихся и оторопѣвшихъ лезгинъ и выхватили сабли... Несчастные горцы, не успѣвъ захватить даже всего своего оружія, бросились бѣжать въ разныхъ направленіяхъ, а крики „ги!", одиночные выстрѣлы преслѣдующихъ тушинъ за ними.

Въ первый разъ пришлось мнѣ быть въ подобной встрѣчѣ и видѣть непріятную картину насильственной смерти, видѣть людей, бросающихся другъ на друга, подобно дикимъ звѣрямъ, издающихъ крики тоже не человѣческіе; видѣть какъ одинъ конвульсивно умиралъ подъ ударами сабли, другой отмахивался огромнымъ кинжаломъ отъ нападавшаго тушина, отступая и стараясь добраться до лѣса; третій борется съ противникомъ, кусая въ бѣшенствѣ его лицо, а у самого изъ раны кровь льетъ ручьемъ; еще одинъ, не видя возможности уйти, останавливается, прицѣливается изъ ружья, вѣрно не заряженнаго, задерживаетъ тѣмъ преслѣдующаго, но вдругъ сбоку раздается выстрѣлъ и онъ какъ снопъ валится съ какимъ-то ужасающимъ стономъ...

Смерклось. Изрѣдка раздавались еще вдали выстрѣлы и гикъ. Люди начали собираться къ лезгинскимъ балаганамъ, гдѣ мы за наступившею темнотою остались ночевать. Четырнадцать труповъ валялись кругомъ; много оружія, бурокъ, *гуды* (кожаные мѣшки) съ сыромъ, курдюкомъ (бараній жиръ), оленьею колбасой, да нѣсколько ременныхъ аркановъ, на которыхъ лезгины уводятъ плѣнныхъ, были нашею добычей... Поутру мы возвратились къ своимъ на гору, встрѣченные выстрѣлами и поздравленіями. 14 кистей правыхъ рукъ убитыхъ непрія-

телей были отрѣзаны и воткнуты на палки... Таковъ исконный горскій обычай.

Вспоминая теперь объ этомъ первомъ кровавомъ происшествіи, въ которое я попалъ, мнѣ кажется естественнымъ анализировать тѣ ощущенія, какія я при этомъ испытывалъ. Къ стыду своему долженъ признаться, что ощущенія были самаго кровожаднаго свойства... Съ обнаженною шашкою въ рукѣ, я бѣжалъ съ другими, думая только о возможности догнать, рубнуть... За что̀, почему, что̀ сдѣлали мнѣ эти жалкіе дикари?.. Вотъ, подите-жъ! такова трудно объяснимая сила минутныхъ впечатлѣній, всѣхъ этихъ выстрѣловъ, гиковъ, этихъ кровавыхъ сценъ. И вѣдь сколько разъ мнѣ послѣ приходилось бывать въ такъ-называемыхъ „дѣлахъ", т. е. дракахъ, опять то же кровожадное чувство всплывало на верхъ, опять забывались всѣ разсужденія... Да и не я одинъ; почти безъ исключенія всѣ попавшіе въ эту сферу подвергались тѣмъ же вліяніямъ какихъ-то звѣрскихъ инстинктовъ. Какъ разрѣшить такое противорѣчіе въ душевныхъ движеніяхъ человѣка? Вѣдь въ обыкновенное время я никогда не могъ видѣть безъ сожалѣнія, даже безъ особаго нервнаго содроганія, страданій больного, искалѣченнаго человѣка, даже животнаго, а тутъ вдругъ видъ покатившагося подстрѣленнаго человѣка, или изрубленнаго черепа, какъ будто доставлялъ особое удовольствіе, да еще хуже, возбуждалъ сильное желаніе самолично произвесть такую же операцію... Это трудно объяснимое чувство играетъ немаловажную роль во всѣхъ войнахъ, когда приходится удивляться, какъ это десятки тысячъ людей убиваютъ и калѣчатъ другъ друга, безъ всякаго личнаго къ тому повода, большею частью безъ яснаго пониманія причинъ войны и съ искусственно-возбужденною враждебностью къ противнику. Одинъ мой знакомый, когда зашелъ разговоръ о любви къ ближнему, выразился, что это на словахъ очень хорошо выходитъ, а на дѣлѣ какъ будто сама природа отмѣтила это неудобоисполнимымъ, несоотвѣтствующимъ свойствамъ живыхъ существъ. „Вотъ, посмотрите, продолжалъ онъ,—

встрѣтились двѣ собаки, обнюхались, сейчасъ лѣзутъ кусаться, такъ, безъ всякой причины; вотъ кучка воробьевъ,—только и дѣлаютъ, дерутся, да щиплютъ другъ дружку за перья; вонъ два пѣтуха уже надуваются, готовятся впиться другъ въ друга; вотъ встрѣтились двое верховыхъ, ихъ жеребцы уже завизжали, уже собираются грызнуть и лягнуть другъ друга. Почему это у всѣхъ животныхъ такая инстинктивная взаимная вражда? Почему большинство людей завистливы, другъ другу не вѣрятъ, и вообще „брось имъ кость—что̀ твои собаки!“ При всемъ цинизмѣ такого замѣчанія, доля правды въ немъ все-таки есть...

Когда подошли всѣ тушинскіе караваны, мы проводили ихъ до болѣе открытыхъ, безопасныхъ мѣстъ и отправились тѣмъ же путемъ обратно. Проѣзжая чрезъ кахетинскія деревни съ наткнутыми на палки кровавыми трофеями, тушины дѣлали выстрѣлы, пѣли хоромъ свои дикія пѣсни, и гордо кивали головой на искреннія привѣтствія грузинъ, очень радовавшихся пораженію исконныхъ своихъ враговъ.

По возвращеніи въ Тіонеты, я впервые заболѣлъ лихорадкой, должно быть послѣдствіе ночлега на Накералѣ, и мучила она меня нѣсколько мѣсяцевъ. При отсутствіи въ округѣ медика, я лѣчился самъ, принимая въ большихъ пропорціяхъ хининъ. Тогда молодость успѣшно боролась съ болѣзнью и слѣдующіе за пароксизмами дни я чувствовалъ себя почти здоровымъ, такъ что разъѣзжалъ по чертовскимъ дорогамъ горной Пшавіи, промокалъ до костей въ проливные дожди, согрѣвался и высушивалъ на себѣ платье, дѣлая переходы верхомъ и пѣшкомъ по горамъ, удивлявшіе самихъ горцевъ. Въ послѣдствіи еще не разъ мучила меня лихорадка и гораздо упорнѣе, не взирая на помощь медиковъ и лучшую обстановку; лѣта значитъ брали свое, организмъ уже не выносилъ того, что̀ на двадцать первомъ году отъ роду.

Отъ тоски одиночества и вообще страсти къ перемѣнамъ я пользовался малѣйшимъ предлогомъ и почти безпрерывно разъѣзжалъ особенно въ ближайшую къ Тіонетамъ Пшавію,

по ущельямъ истоковъ Іоры и Арагвы. Повсюду голыя скалы да горы, изрѣдка поросшія мелкимъ кустарникомъ; деревни висятъ, какъ гнѣзда, надъ крутыми обрывами; сакли, сложенныя изъ плитняка, безъ извести и глины, построены ярусами, одна на другой, у большинства—башни съ бойницами. Природа дика; растительности мало, клочки запаханной земли, въ видѣ шахматовъ, разбросаны по крутизнамъ. На склонахъ горъ, поросшихъ сочною травой, пасутся большія стада овецъ и рогатаго скота. Народъ дикъ, грязенъ, неуклюжъ; пьянство развито сильно и нерѣдкость видѣть пьяныхъ до безобразія, напоминающихъ наши кабаки; у хевсуръ, а особенно у тушинъ, я ничего подобнаго не встрѣчалъ. За то пшавы добродушнѣе и трудолюбивѣе; многіе изъ нихъ очень богаты, имѣютъ по нѣскольку тысячъ барановъ, много скота, лошадей и катеровъ (мулъ), да и серебряныхъ рублей, зарытыхъ въ землю, у нихъ, по слухамъ, количество не малое. Мнѣ попадались тамъ нерѣдко рубли, очевидно, долго пролежавшіе въ какой-нибудь ямѣ, позеленѣлые и почернѣлые. Между тѣмъ, по грязному виду и образу жизни, пшавовъ слѣдовало бы считать нищими-дикарями.

О бывшей въ іюнѣ мѣсяцѣ стычкѣ нашей съ лезгинами мы, по обыкновенію, донесли начальству Лезгинской линіи. Оно выразило свое удовольствіе и предоставило войдти съ представленіемъ къ наградамъ нѣсколькихъ человѣкъ, болѣе другихъ отличившихся. Челокаевъ хотѣлъ помѣстить въ представленіи и меня, но къ какой наградѣ представить—становилось вопросомъ дѣйствительно затруднительнымъ: *гражданскій* чиновникъ, не имѣющій еще чина, оказывающій *военное* отличіе? Онъ послалъ письмо къ полковнику Маркову, спрашивая нельзя ли меня представить къ производству въ прапорщики, хотя бы по милиціи, что̀ въ послѣдствіи, при новомъ отличіи, дало бы возможность ходатайствовать о переименованіи въ офицеры регулярныхъ войскъ. Отвѣтъ былъ полученъ благосклонный, хотя г. Марковъ выражалъ сомнѣніе въ успѣхѣ подобнаго, еще никогда не бывавшаго награжденія

гражданскаго чиновника военнымъ чиномъ; онъ при этомъ, въ видѣ шутки, прибавилъ, что лучше бы было присоединить къ моей фамиліи частицу „дзе“, дать ей этимъ видъ фамиліи грузинской (въ родѣ Абашидзе, Бакрадзе и проч.), что устранило бы всякія препятствія къ производству, такъ какъ туземцевъ сплошь и рядомъ производили въ офицеры милиціи за военныя отличія, хотя бы они собственно на дѣйствительной службѣ никогда не состояли. Шутка начальства показалась намъ очень забавною, и представленіе, конечно безъ „дзе“, ушло съ большими надеждами для меня, уже мечтавшаго объ эполетахъ и объ эффектѣ, какой произведетъ это на родинѣ и въ Тифлисѣ между товарищами по канцелярской службѣ; дальше фантазія разыгрывалась уже до недосягаемой высоты, до шляпы съ бѣлымъ султаномъ, чего добраго, даже до аксельбантовъ... Вѣдь это было болѣе тридцати трехъ лѣтъ тому назадъ!

Вскорѣ послѣ этого пріѣзжалъ въ Тіонеты генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Вревскій, которому генералъ Шварцъ, кажется, вообще хотѣлъ оказать особое вниманіе, какъ человѣку съ большими связями, а потому далъ порученіе осмотрѣть все протяженіе линіи, ознакомиться съ мѣстностью и проч., въ виду могущей представиться ему здѣсь особой дѣятельности. Челокаевъ встрѣтилъ гостя самымъ угодливымъ образомъ, изъ Тіонетъ повезъ къ себѣ въ Матаны, пригласилъ въ крестные отцы недавно родившейся у него дѣвочки; угощеніямъ и любезностямъ не было конца, такъ что Вревскій уѣхалъ вполнѣ очарованнымъ. Искусство, называемое „замазать глаза“ на Руси вообще, а на Кавказѣ въ особенности, было усовершенствовано до нельзя... Упоминаю объ этомъ пріѣздѣ барона Вревскаго не потому, чтобы считалъ это чѣмъ-нибудь интереснымъ, а потому что этому первому знакомству съ нимъ суждено было возобновиться болѣе близкимъ образомъ, при совершенно другихъ условіяхъ, десять лѣтъ спустя, о чемъ придется мнѣ разсказывать еще не мало.

Изъ времени, слѣдовавшаго за этимъ, въ теченіе почти го-

да, я не могу ничего такого вспомнить, что бы выходило изъ ряда ежедневныхъ, будничныхъ событій и заслуживало бы упоминанія. Канцелярскія занятія, чтеніе, изученіе грузинскаго языка и грамоты, разъѣзды, просиживанія у дымныхъ очаговъ въ длинные зимніе вечера со стариками изъ туземцевъ, слушая ихъ разсказы о послѣднихъ временахъ грузинскихъ царей, о первыхъ годахъ русскаго владычества и т. п., —вотъ въ главныхъ чертахъ картины того образа жизни, какую я велъ въ одномъ изъ заброшенныхъ угловъ далекаго края. Любимое развлеченіе, которое я по нѣскольку разъ въ недѣлю себѣ доставлялъ, была ловля форели сѣтью, ловко закидываемою многими тіонетцами, и въ особенности служившимъ у меня Давидомъ Гвинія-швили, начавшимъ съ званія конюха и въ теченіе десяти лѣтъ, проведенныхъ со мною, прошедшимъ всѣ степени отличія до чина прапорщика милиціи включительно... Вотъ, бывало, выйдемъ за ворота старой крѣпости, Давидъ съ сѣтью, другой человѣкъ съ переметною сумкой, въ которой бурдючекъ кахетинскаго вина, да хлѣбъ, соль, кастрюлька; отойдя версты три-четыре по усѣянному мелкимъ булыжникомъ берегу, мы наломаемъ сучьевъ, разведемъ огонь, животрепещущую форель въ кастрюльку съ соленою водой и, усѣвшись съ поджатыми ногами на землѣ, не взирая иногда на нѣсколько градусовъ морозу съ вѣтромъ, изрядно тянущимъ по ущелью, совершимъ такую трапезу и выпивку, что никакой table d'hôte въ лучшемъ европейскомъ ресторанѣ не казался мнѣ такимъ вкуснымъ. Движеніе, свѣжій воздухъ, вкуснѣйшая рыба, сваренная совершенно просто въ крѣпко соленой водѣ, нѣсколько бараньихъ шашлыковъ, тутъ же на палочкѣ поджаренныхъ, отличное вино, да особое умѣнье грузинъ пріохотить къ ѣдѣ и питью, то остротой, то замысловатымъ тостомъ и т. д., все это, при отличномъ аппетитѣ, такой вкусъ придавало этому незатѣйливому завтраку, что проведя за нимъ часика два съ неподдѣльнымъ весельемъ и удовольствіемъ, мы возвращались домой въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и съ большою наклонностію соснуть. Де-

сятки лѣтъ прошли съ того времени, а все еще съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаются такіе незначительные, чисто мѣстнаго колорита, эпизоды, и какъ хотѣлось бы перенестись хотя на нѣсколько дней опять туда, на Іору, на ловлю форелей, побыть съ этими простыми добряками, во многомъ напоминающими еще людей временъ патуршескихъ, патріархальныхъ!

VII.

Въ февралѣ или началѣ марта 1845 года, на лѣвомъ флангѣ лезгинской линіи случилось происшествіе, въ сущности не выходившее вообще изъ ряда свойственныхъ въ свое время Кавказу происшествій, но все же настолько непредвидѣнное, дерзкое и кровавое, что переполошило и власти и населеніе Кахетіи. Село Кварели, одно изъ самыхъ большихъ за Алазанью, какъ я уже упоминалъ, служило мѣстопребываніемъ начальника лѣваго фланга, полковника Маркова, помѣщавшагося въ укрѣпленіи, возведенномъ въ концѣ деревни, у входа въ горное ущелье и занятомъ линейнымъ баталіономъ. Въ Кварели же имѣлъ мѣстопребываніе и участковый засѣдатель (становой приставъ) съ своею канцеляріей. Человѣкъ шестьсотъ лезгинъ ближайшаго общества Дидо, подъ предводительствомъ одного изъ своихъ вожаковъ, часто бывавшаго въ Кахетіи, хорошо знакомаго съ мѣстностью и грузинскимъ языкомъ, перевалились чрезъ главный хребетъ и въ сумерки, совершенно неожиданно, появились въ Кварели. Никому въ голову не могло придти чтобы въ это время года, при глубокихъ снѣгахъ покрывавшихъ горы, кто-нибудь изъ горцевъ рѣшился спуститься въ Кахетію, и потому, понятно, никакихъ мѣръ предосторожности не было принято; горцы прошли чуть не половину деревни совершенно свободно, пока не наткнулись на возвращавшихся откуда-то домой двухъ-трехъ жителей, изумленныхъ движеніемъ такой значительной толпы вооруженныхъ людей; распознавъ по костюму Лезгинъ,

они сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и побѣжали назадъ къ дому участковаго засѣдателя, гдѣ и подняли тревогу. Горцы бѣгомъ, вслѣдъ за ними, ворвались туда же. Засѣдатель Дадаевъ съ женою, своимъ переводчикомъ изъ армянъ Сукіясовымъ и двумя-тремя разсыльными изъ грузинъ успѣли наскоро запереть и завалить кое-чѣмъ двери въ свои комнаты и рѣшились защищаться. Нападающіе, изрубивъ между тѣмъ нѣсколько встрѣченныхъ во дворѣ и выбѣжавшихъ на выстрѣлы человѣкъ, приступили къ ставнямъ и дверямъ дома занятаго Дадаевымъ; плохія затворки не могли долго выдержать и лезгины ворвались въ комнаты. Дадаевъ съ разсыльными встрѣтили ихъ кинжалами, защищались отчаянно и пали, дорого продавъ свою жизнь; жена Дадаева въ испугѣ спряталась за вѣшалку съ платьями, но ее нашли и одинъ лезгинъ сталъ торопливо сдирать съ пальцевъ ея бриллiантовыя кольца, когда же это не удалось, онъ, не долго думая, отрубилъ ей всю руку и бросилъ омертвѣвшую женщину на полъ; переводчикъ Сукіясовъ, струсившій ужасно въ самомъ началѣ появленія горцевъ, взобрался на какое-то возвышеніе въ родѣ полки, устроенное въ одной изъ комнатъ, но его замѣтили, стащили на полъ и ударомъ кинжала разрубили голову, отъ чего онъ и упалъ замертво; лезгинъ, по своему обычаю, отрубилъ ему кисть руки, но вдругъ замѣтилъ что ошибся: кисть была лѣвая; тогда онъ вернулся и отрубилъ правую... Между тѣмъ тревога распространилась по всему селенію, дошла до укрѣпленія, откуда была послана рота солдатъ; раздавшійся звукъ барабана заставилъ горцевъ торопиться; они заиграли въ свою зурну для сбора разсѣявшихся по ближайшимъ саклямъ на грабежъ товарищей и двинулись обратно; плѣнныхъ въ этотъ разъ они не брали, потому что они могли ихъ задерживать при быстромъ отступленіи и едва ли смогли бы перебраться по снѣгамъ чрезъ горы. Прибѣжавшая рота успѣла захватить еще хвостъ непріятельской партіи, переколола нѣсколько человѣкъ, но преслѣдовать въ темнотѣ столь значительную партію не могла

рѣшиться, и горцы благополучно убрались во-свояси. Кромѣ Дадаева и разсыльныхъ, погибло еще десятка два человѣкъ; жена Дадаева осталась жива, но помѣшалась, а злополучный Сукіясовъ, благодаря молодости и крѣпкой натурѣ, выздоровѣлъ и я его въ послѣдствіи видѣлъ въ Телавѣ квартальнымъ надзирателемъ, съ придѣланными къ обѣимъ рукамъ перчатками, туго набитыми шерстью...

Происшествіе это вызвало не мало предписаній и распоряженій о принятіи надлежащихъ мѣръ, учрежденіи бдительныхъ карауловъ и проч.

Между тѣмъ о разныхъ важныхъ событіяхъ, происходившихъ на Кавказѣ со времени основанія намѣстничества и прибытія графа Воронцова, ко мнѣ доносились разными путями слухи, по обыкновенію, часто противорѣчившіе другъ другу. Впослѣдствіи кое-что стали мы узнавать изъ начавшей съ 1846 года издаваться газеты *Кавказъ*.

Къ сожалѣнію, первые шаги графа Воронцова въ Кавказскомъ краѣ были печальнаго свойства, и не будь это именно графъ М. С. Воронцовъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ государя, его постигла бы, безъ сомнѣнія, участь Нейдгарта. Большая военная экспедиція, подъ личнымъ начальствомъ графа, имѣвшая цѣлью однимъ ударомъ порѣшить съ Шамилемъ, окончилась, не взирая на огромныя средства, полнымъ нашимъ пораженіемъ... Взятіемъ чеченскаго аула Дарго, въ которомъ жилъ Шамиль, думали съ нашей стороны достигнуть покоренія всего подвластнаго ему пространства, вѣроятно по тому примѣру, какъ Наполеонъ со взятіемъ Вѣны и Берлина предписывалъ по своему усмотрѣнію условія Австріи и Пруссіи. Но если такъ, то почему же забыли о Москвѣ, взятіе коей послужило поводомъ противоположныхъ для Наполеона результатовъ? А главное, какъ не подумали, что какой-нибудь чеченскій аулишка въ родѣ Дарго, съ нѣсколькими десятками хижинъ, даже для нищихъ чеченцевъ никакого особаго значенія имѣть не можетъ, и что Шамилю, при его ограниченныхъ требованіяхъ, хоть каждую

недѣлю перемѣнять резиденцію—особаго затрудненія не составитъ? Къ довершенію бѣдствія, это непремѣнное желаніе овладѣть Шамилевскою „столицей“ завлекло войска въ глубь тѣхъ самыхъ Ичкеринскихъ лѣсовъ, которые въ 1842 году такъ кроваво проводили отрядъ генерала Граббе, и новые баталіоны подверглись не лучшей участи... Были минуты, когда боялись за жизнь, еще хуже, за свободу самого главнокомандующаго!..

Понеся огромныя для кавказской войны потери, до 4.000 чел., отрядъ, наконецъ, прошелъ кое-какъ часть дремучаго лѣса и очутился на полянѣ Шаухалъ-берды въ самомъ отчаянномъ положеніи, лишенный возможности дальше отступать, за неимѣніемъ ни продовольствія, ни средствъ поднять раненыхъ и больныхъ, не взирая на то, что всѣ тяжести, начиная съ графскаго багажа, были сожжены и лошади были отданы подъ раненыхъ; окруженный толпами торжествующихъ чеченцевъ, безъ хлѣба, безъ воды, съ весьма небольшимъ остаткомъ патроновъ и снарядовъ, берегомыхъ для крайняго случая, отрядъ былъ вообще въ безвыходномъ положеніи *). Какой-то смѣльчакъ, изъ юнкеровъ кажется, успѣлъ пробраться сквозь усѣянные непріятелемъ лѣса на нашу линію и доставилъ записочку генералу Фрейтагу въ крѣпость Грозную; этотъ, схвативъ съ покосовъ и разныхъ гарнизоновъ все что можно было найдти подъ рукой, кажется три-четыре баталіона съ нѣсколькими орудіями, поспѣшилъ на выручку. Опоздай онъ однимъ, двумя днями, можетъ быть ужь и выручать бы нечего было... Правдивое, подробное описаніе этого похода, безъ сомнѣнія, когда-нибудь появится и будетъ весьма назидательно. Я разскажу здѣсь вкратцѣ только одинъ изъ самыхъ кровавыхъ эпизодовъ, подробно мнѣ извѣстный изъ оффиціальныхъ и частныхъ документовъ и по разсказамъ участниковъ совершенно различныхъ по своему положенію, заслуживающихъ, однако, полной вѣры. Дѣло въ томъ, что отрядъ, послѣ про-

*) Въ этомъ отрядѣ находился и принцъ Александръ Гессенскій.

должительной стоянки въ Анди, съ истощившимися уже запасами продовольствія, двинулся въ Дарго, разсчитывая на скорый подвозъ сухарей изъ Дагестана. Послѣ взятія Дарго, движеніе къ которому стоило не малыхъ жертвъ, войска очутились въ мѣстности, окруженной большими лѣсами, что въ лѣтнее время составляло для насъ всегда самую главную опасность, такъ какъ мы имѣли дѣло съ ловкимъ непріятелемъ, свыкшимся съ лѣсомъ, какъ рыба съ водою. Въ виду значительныхъ скопищъ горцевъ, наполнявшихъ лѣса, слѣдовало избрать другой путь отступленія и разсчитывать на трудное, опасное и весьма медленное движеніе, сопряженное съ безпрестаннымъ боемъ и преодолѣніемъ природныхъ и искусственныхъ преградъ, и потому нужно было обезпечить себя продовольствіемъ на нѣсколько лишнихъ дней. Рѣшено было отправить колонну для принятія провіанта отъ имѣвшаго доставить продовольствіе дагестанскаго отряда, который долженъ былъ остановиться на безлѣсной высотѣ, надъ крутымъ гребнемъ, по которому спускалась дорога къ Дарго. Колонна была составлена весьма неудачно, именно: отъ всѣхъ баталіоновъ и командъ часть людей, составившихъ сводные баталіоны и роты. Сдѣлано это было съ тѣмъ, чтобы каждый солдатъ принесъ сухарей для себя и своего оставшагося въ Дарго товарища; но это повело къ тому, что эти, такъ-сказать, на живую нитку сшитыя, части лишены были главнаго достоинства тактическихъ единицъ: офицеры, фельдфебели, капралы и солдаты не знали другъ друга, нравственной связи у нихъ не было никакой. Назначенный командовать этою колонной старый кавказскій боевой генералъ Клюки фонъ-Клугенау, сознавая всю опасность предстоявшаго ему движенія съ такими сводными баталіонами, на половину изъ недавно прибывшихъ на Кавказъ полковъ 5-го корпуса, не обстрѣленныхъ и не знакомыхъ съ особенностями кавказской войны, при значительномъ числѣ вьючныхъ лошадей, затрудняющихъ свободный маршъ въ горныхъ лѣсныхъ трущобахъ, объяснилъ начальнику штаба генералу Гурко все

это и просилъ измѣнить составъ колонны; но требованіе его было отклонено, потому будто.бы, что главнокомандующій самъ такъ приказалъ, что противорѣчіе будетъ ему непріятно (?), и что наконецъ теперь уже поздно измѣнять всѣ сдѣланныя распоряженія, когда колонна рано утромъ должна выступить. Клугенау, конечно, оставалось повиноваться, и на другое утро, 10 іюля 1845 года, онъ выступилъ изъ Дарго.

Все протяженіе по лѣсистому, съ обѣихъ сторонъ обрывистому гребню было занято непріятелемъ, устроившимъ во многихъ мѣстахъ изъ срубленныхъ деревьевъ завалы. Войска наши въ этотъ день, не обремененныя тяжелою ношей и съ порожними лошадьми, были подвижнѣе и потому хоть и съ значительною потерей, однако двигались впередъ, штурмуя завалы и отбиваясь отъ назойливыхъ горцевъ. Авангардъ колонны, подъ начальствомъ пріобрѣвщаго славу храбреца генералъ-маіора Пассека, бралъ завалы одинъ за другимъ, но Пассекъ по натурѣ своей увлекался впередъ, не заботясь о слѣдовавшихъ за нимъ... Такимъ образомъ въ значительные остававшіеся промежутки врывался только-что выбитый непріятель, опять заваливая тропинку деревьями и главной колоннѣ снова приходилось дѣлать то, что̀ уже сдѣлано было авангардомъ,— очевидно, напрасная двойная потеря людей и времени. Наконецъ, поздно вечеромъ, до крайности утомленные, со множествомъ раненыхъ, бросивъ нѣсколько сотъ убитыхъ и безъ вѣсти погибшихъ въ лѣсной чащѣ людей (въ томъ числѣ начальника аріергарда генералъ-маіора Викторова), добрались войска генерала Клюки до высоты, на коей застали отрядъ князя Бебутова, пришедшій съ провіантомъ. Всю ночь, вмѣсто отдыха, несчастные люди должны были сдавать раненыхъ, принимать продовольствіе, разбирать сухари по ранцамъ, готовить вьюки и проч.

Непріятель тоже не отдыхалъ. Подкрѣпленный новыми секурсами, ободренный успѣхомъ и видомъ разсѣянныхъ по лѣсу русскихъ труповъ, онъ всю ночь устраивалъ новые завалы и готовился ко вторичной кровавой встрѣчѣ.

На утро 11 іюля, сдѣлавъ нѣсколько условныхъ пушечныхъ выстрѣловъ чтобы дать знать въ Дарго о своемъ выступленіи, колонна двинулась обратно по той же адской, наканунѣ упитанной кровью тропинкѣ... Въ этотъ разъ утомленныя, тяжело навьюченныя лошади и люди очевидно уже не могли такъ свободно двигаться. Генералъ Пассекъ опять пошелъ въ авангардѣ. При всемъ моемъ уваженіи къ памяти генерала Клюки, я однако нахожу въ этомъ случаѣ съ его стороны непростительную слабость: вѣроятно, не желая уязвлять самолюбіе своего пріятеля, онъ, испытавъ уже наканунѣ послѣдствія легкомысленно храбраго увлеченія Пассека, опять поручилъ ему авангардъ. Дѣло было слишкомъ серіозно, чтобы думать о чьемъ бы то ни было самолюбіи. Даже напротивъ, на этотъ разъ слѣдовало въ авангардъ послать возможно менѣе заносчиво-храбраго человѣка, нуженъ былъ хладнокровно-распорядительный, стойкій человѣкъ, не забывающій отданныхъ ему приказаній; увлекающагося же Пассека слѣдовало оставить въ аріергардѣ, гдѣ его беззавѣтная удаль принесла бы огромную пользу, а для увлеченія не было бы мѣста. Въ этотъ день повторилась та же исторія: Пассекъ, выбивая горцевъ изъ одного завала, бѣжалъ къ другому; дружные штурмы, молодецкіе удары въ штыки, однимъ словомъ—впередъ, да впередъ. Кончилось тѣмъ, что онъ удалился отъ колонны на нѣсколько верстъ и въ одной трущобѣ залпъ изъ нѣсколькихъ сотъ винтовокъ скосилъ и Пассека, и многихъ офицеровъ, и множество солдатъ и лошадей подъ орудіями; чеченцы воспользовались минутой неизбѣжнаго замѣшательства, выхватили шашки и бросились на добычу... Авангардъ былъ истребленъ, пушки сброшены въ кручу... Что произошло дальше съ главною колонной, поражаемой съ боковъ, спереди, смѣшавшейся въ одну нестройную кучу вьючныхъ лошадей, погонщиковъ, милиціонеровъ, раненыхъ, обезумѣвшихъ отъ паническаго страха солдатъ, всякій понюхавшій пороху можетъ себѣ представить. Генералъ Клюки, потерявшій убитыми всѣхъ своихъ адъютантовъ,

ординарцевъ и вѣстовыхъ, пересаживался съ одной убитой лошади на другую, бросался во всѣ стороны чтобъ устроить хоть какой-нибудь порядокъ, приказывалъ солдатамъ наконецъ употребить штыки противъ смѣшавшейся, столпившейся кучи милиціонеровъ, препятствовавшей выдвинуть хоть какую-нибудь сохранившую порядокъ роту... Надо отдать ему полную справедливость: не потерять въ такомъ случаѣ присутствія духа могъ только поистинѣ человѣкъ съ сильною волей, наторѣвшій въ кавказской войнѣ. Положеніе было отчаянное; можно было ожидать совершенной гибели всей колонны; а между тѣмъ обѣщанная наканунѣ, при выступленіи изъ Дарго, высылка подкрѣпленія на встрѣчу не появлялась; въ довершеніе пошелъ проливной дождь и глинистая почва мгновенно превратилась въ густую непролазную грязь, окончательно затруднившую хоть бы медленное движеніе; а люди и лошади между тѣмъ валились десятками, создавъ изъ себя самихъ завалы... Наконецъ, остатки колонны стали стягиваться къ небольшой площадкѣ, на которой генералъ Клюки надѣялся устроить хоть кой-какой порядокъ; въ это время появился высланный на встрѣчу баталіонъ храбрыхъ Кабардинцевъ съ майоромъ Тиммерманомъ, котораго ге ералъ Клюки тотчасъ и послалъ отогнать, по возможности, непріятеля съ боковъ и облегчить движеніе остатковъ аріергарда... Позднею ночью несчастныя уцѣлѣвшія кучки отряда генерала клюки прибыли въ Дарго, потерявъ двухъ генераловъ, трехъ штабъ-офицеровъ, 33 оберъ-офицера и 1,500 человѣкъ; провіанта же доставили очень не много: онъ остался въ лѣсу...

Таковъ былъ этотъ эпизодъ Даргинскаго похода, названный солдатами „сухарною экспедиціей“.

Какое впечатлѣніе произвелъ исходъ всей большой экспедиціи 1845 года на наши войска, на преданное намъ христіанское населеніе Закавказья и на враждебное мусульманское, можетъ себѣ всякій представить. О торжествѣ Шамиля и горцевъ нечего и говорить. Такимъ образомъ, повторяю, не будь это графъ Воронцовъ, пользовавшійся большимъ до-

вѣріемъ и уваженіемъ государя Николая Павловича и стоявшій выше вліянія интригъ даже могущественнаго Чернышева, вѣроятно съ окончаніемъ экспедиціи окончилась бы и его кавказская карьера. Въ этотъ же разъ вышло совсѣмъ противное. Вопервыхъ, весь планъ дѣйствій 1845 года и даже подробности исполненія были составлены въ Петербургѣ и съ назначеніемъ графа Воронцова на Кавказъ переданы ему готовыми для руководства; вовторыхъ, когда Воронцовъ, какъ говорятъ, возразилъ, что не лучше ли отложить все дѣло на годъ, чтобы дать ему возможность самому ознакомиться со всѣми мѣстными обстоятельствами и тогда уже сказать свое мнѣніе, то ему отвѣтили, что откладывать нельзя, что теперь на Кавказѣ весь пятый пѣхотный корпусъ, присутствіемъ коего и слѣдуетъ воспользоваться, оставлять же корпусъ еще долѣе на Кавказѣ невозможно, что это слишкомъ дорого стоитъ, наконецъ все уже приготовлено и потому Его Величество желаетъ, чтобы предположенная экспедиція была выполнена. Однимъ словомъ, видно, что государь былъ твердо убѣжденъ и въ безошибочности самаго плана, и въ невозможности борьбы какихъ-нибудь нестройныхъ горскихъ полчищъ противъ нашихъ полковъ; къ тому же вся эта масса войска сосредоточивалась въ рукахъ такого генерала, какъ графъ Воронцовъ, который съ успѣхомъ выдерживалъ бой противу самого Наполеона (въ 1814 году, подъ Краономъ). О такихъ отношеніяхъ графа Воронцова къ предпринятому походу толковали во всѣхъ слояхъ кавказскаго общества, и не вѣрить этому нѣтъ основаній; да и совершенно естественно, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своего назначенія находившійся въ Одессѣ, графъ не могъ не только принять участіе въ составленіи предположеній, но и сказать что-нибудь за или противъ нихъ; ему пришлось просто повиноваться требованію государя и взяться за дѣло, въ исходѣ котораго быть-можетъ онъ самъ сомнѣвался. Въ добавокъ, ближайшимъ помощникомъ графа былъ генералъ Гурко, хотя уже прослужившій на Кавказѣ два года, но все еще мало знакомый и съ краемъ,

и съ духомъ мѣстнаго населенія, и съ своеобразностью кавказской войны. Слѣдовательно, и за печальный результатъ обвинять графа Воронцова не было никакой возможности. Такимъ образомъ его не только оставили на Кавказѣ, но довѣріе къ нему должно было усилиться и ему предоставили на будущее время совершенную свободу дѣйствій. Самъ же графъ Воронцовъ, наученный печальнымъ опытомъ своего похода въ Дарго, что такимъ способомъ на Кавказѣ ничего не сдѣлаешь, перешелъ къ другой системѣ дѣйствій противъ горцевъ. Эту систему можно назвать системой *топора*, какъ прежняя была система *штыка*. Она состояла въ томъ чтобы рубить въ лѣсахъ непріятельской земли широкія просѣки, дающія возможность свободно двигаться войскамъ, и по мѣрѣ занятія ими позицій, въ тылу заселять отнятыя у горцевъ земли казачьими станицами. Мысль эта была впрочемъ не совсѣмъ новая; она возникла еще при А. П. Ермоловѣ и особенно подробно и наглядно развивалась его начальникомъ штаба генераломъ Вельяминовымъ; но въ тѣ времена недостатокъ средствъ ограничилъ ея примѣненіе нѣкоторыми небольшими попытками. Теперь же, болѣе совершенно развитая, система эта, поддержанная щедрыми матеріальными средствами, въ теченіе 10 — 12 лѣтъ энергически выполняемая, перейдя напослѣдокъ въ еще болѣе энергическія руки князя Барятинскаго, имѣла результатомъ паденіе упорнаго Шамиля, боровшагося двадцать пять лѣтъ съ такой державой, которая казалась грозой цѣлой Европѣ! Итакъ кровавый урокъ, данный намъ въ Даргинскую экспедицію, пропалъ не даромъ.

Что касается гражданской дѣятельности графа, то противорѣчивымъ слухамъ и толкамъ не было конца. Очень много заставилъ о себѣ говорить на первыхъ порахъ *желтый ящикъ*, прибитый къ стѣнѣ у параднаго подъѣзда намѣстническаго дворца, съ лаконическою надписью: „для писемъ и прошеній“. Очевидно, что когда для подачи прошеній были разъ навсегда назначены два дня въ недѣлю и доступъ къ намѣстнику былъ вообще очень легокъ, то подобный ящикъ становился

излишнимъ нововведеніемъ; большинство очень хорошо поняло, что настоящая суть этой мѣры—привлечь такія письма и прошенія, которыя рѣдко лично и даже по почтѣ подаются, по-просту сказать—доносы... И посыпались они сначала таки изрядно, и многіе возымѣли свои дѣйствія, отозвавшись отрѣшеніями, слѣдствіями, судомъ. Но дальше приманка стала терять свое значеніе, въ ящикъ бросались всякія дрязги, пошлости, даже пасквили, не щадившіе и нѣкоторыхъ приближенныхъ къ графу лицъ, между коими были весьма нелюбимые и, по народной молвѣ, пользовавшіеся своимъ вліяніемъ для цѣлей не совсѣмъ безупречныхъ.

Конецъ *желтаго ящика* былъ тотъ, что и снять его не хотѣли, чтобы не сознаться въ неловкости этой мѣры, и опоражнивать его стало даже неловко... Впослѣдствіи посылался дежурный по канцеляріи чиновникъ, который забиралъ оттуда бумаги и передавалъ ихъ директору, а онъ обыкновенныя просьбы или жалобы отсылалъ въ подлежащія вѣдомства, прочія же уничтожались. Исчезъ ящикъ совсѣмъ только послѣ выѣзда князя Воронцова изъ Тифлиса въ началѣ 1854 года.

Частыми разъѣздами по всѣмъ направленіямъ обширнаго Кавказа новый намѣстникъ знакомился съ мѣстными условіями и нуждами, давалъ населенію возможность лично заявлять свои желанія и жалобы, тутъ же дѣлались соотвѣтствующія распоряженія, оказывались вспомоществованія, поощрялись полезныя предпріятія, учреждались школы, благотворительныя заведенія, однимъ словомъ, дѣлалось много полезнаго; многое не удалось, но многое осталось до сихъ поръ, пустило уже прочные корни, напоминающіе о благотворномъ результатѣ этихъ неутомимыхъ разъѣздовъ графа и его супруги, весьма часто его сопровождавшей. Конечно не обходилось безъ промаховъ, безъ неудовольствій и проч., но все это не могло устоять на вѣсахъ противу неопровержимо очевидной великой пользы, принесенной всему Кавказу управ-

леніемъ графа Воронцова. Трудно безъ соотвѣтствующихъ данныхъ подъ рукой исчислить хотя бы всѣ болѣе выдающіеся факты всеобщаго преуспѣянія, достигнутаго краемъ въ эти нѣсколько лѣтъ. Тифлисъ обратился въ одинъ изъ лучшихъ городовъ Россіи, только благодаря заботливости и иниціативѣ графа; улучшены пути сообщенія, явилось пароходство въ низовьяхъ Куры и на озерѣ Гокча, заведены женскія учебныя заведенія и много благотворительныхъ учрежденій, поддерживались и развивались всѣ виды промышленности, и если многое стоило только напрасныхъ затратъ казнѣ и самому князю, то единственно по недостатку способныхъ и честныхъ людей, и по общему невѣжеству, съ которымъ такъ трудно бороться. Вообще, въ краѣ всему данъ былъ толчокъ впередъ, къ лучшему. Въ странѣ, которая дотолѣ не знала почти значенія гражданской дѣятельности (если не считать таковою бюрократическихъ подвиговъ на канцелярскомъ полѣ), закипѣла жизнь, дремавшія силы были вызваны наружу; всякій почувствовалъ потребность если не дѣлать, то хотя заявить о чемъ-нибудь полезномъ; и такъ какъ графъ былъ чрезвычайно любезенъ и внимателенъ, то предположенія и проекты посыпались со всѣхъ сторонъ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, многое оказывалось дѣльнымъ, удобопримѣнимымъ, иное давало хорошій матеріалъ или полезныя указанія, еще болѣе оказывалось нелѣпостей, абсурдовъ, о которыхъ долго ходили разсказы, могущіе показаться анекдотами. Напримѣръ, разсказывали объ одномъ забавномъ проектѣ, исходившемъ будто бы отъ генерала князя Ч., предлагавшемъ для обезпеченія лезгинской линіи отъ набѣговъ горцевъ, особенно на протяженіи Кахетіи, *обрыть* всѣ горы такъ, чтобы невозможно было спускаться по нимъ... Другой проектъ, имѣвшій авторомъ чуть ли не какого-то учителя французскаго языка въ гимназіи, предлагалъ послать къ Шамилю мирную депутацію и съ нею труппу вольтижоровъ, всякаго рода фокусниковъ, пиротехниковъ и т. п., имѣвшихъ удивить и прельстить грознаго имама, убѣдивъ, что

борьба съ народомъ—у котораго водятся такіе чудодѣи—невозможна.

Дѣятельность графа Воронцова была просто изумительна. Отъ восьми часовъ утра до четырехъ пополудни онъ не оставлялъ кабинета, работая постоянно, то выслушивая доклады, давая рѣшенія, то диктуя своимъ кабинетнымъ секретарямъ. Не взирая на свои почти семьдесятъ лѣтъ, онъ первые годы лично принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ въ 1845 году въ даргинскую экспедицію и въ 1847 при осадѣ Гергебиля и Салты ему пришлось перенести не мало трудовъ и лишеній лагерной жизни. Онъ не лѣнился безпрерывно объѣзжать обширный край по сквернымъ, большею частью не безопаснымъ дорогамъ, и нерѣдко верхомъ; затѣмъ удѣлять еще время на разные пріемы и удовольствія, ради сближенія общества. Его супруга тоже не мало и серьезно занималась по дѣламъ женскихъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, пожертвовавъ на это не одну сотню тысячъ рублей.

Обращаясь за тѣмъ къ послѣдующей за даргинскимъ походомъ военной дѣятельности графа, какъ главнокомандующаго кавказскою арміей, должно сказать, что какъ ни печаленъ былъ исходъ первой его экспедиціи и какъ ни безплодны были еще послѣ того попытки борьбы съ Шамилемъ посредствомъ овладѣнія его укрѣпленіями въ Дагестанѣ (Гергебиль, Салты, Чохъ), стоившія намъ огромныхъ жертвъ, безъ всякой почти пользы, однако никто не станетъ оспаривать у графа заслуги введенія наконецъ той системы военныхъ дѣйствій, которая послужила исходною точкой въ покореніи Кавказа и прекращеніи шестидесятилѣтней борьбы, лежавшей тяжелымъ бременемъ на Россіи. Современное сознаніе ошибокъ повело къ пользѣ; жертвы по крайней мѣрѣ окупились. Самый бытъ нашихъ войскъ при графѣ Воронцовѣ улучшился, ихъ положеніе, бывшее до того, вслѣдствіе скудости средствъ и многихъ злоупотребленій, крайне тягостнымъ, сдѣлалось обезпеченнѣе и давало имъ возможность выносить тѣ чрез-

мѣрныя тягости и лишенія, на которыя эти достойные люди были обречены. Однимъ словомъ, въ исторіи Кавказа, страницы, заключающія очеркъ намѣстничества графа Воронцова, будутъ однѣми изъ блистательныхъ и поставленный ему въ Тифлисѣ памятникъ есть вполнѣ заслуженная дань уваженія и благодарности. „Alles hat seine Schattenseite“, говорятъ нѣмцы, и потому, читая напыщенные панегирики хотя бы и величайшимъ государственнымъ людямъ и историческимъ дѣятелямъ, невольно является подозрѣніе въ пристрастіи; совершенства нѣтъ: отъ Александра Македонскаго, Юлія Цезаря до Петра Великаго, Наполеона или Фридриха, никто не свободенъ отъ многихъ недостатковъ, становящихся особенно видимыми потомству. Дѣло только въ томъ, что̀ перетягиваетъ на вѣсахъ: недостатки, пороки, или геніальные, обильные великими послѣдствіями дѣла и подвиги.

VIII.

Съ 1846 года, по желанію графа Воронцова, стала издаваться въ Тифлисѣ мѣстная газета *Кавказъ*, подъ редакціею способнаго и вообще отличнаго чиновника Константинова. Всѣ казенныя учрежденія и должностныя лица обязаны были ее выписывать, на что̀ впрочемъ тогда никто не роптал̀ъ, потому что первыя нѣсколько лѣтъ газета, не взирая на свои скромныя средства и чисто мѣстную рамку, издавалась очень хорошо, заключала много интереснаго и, при всеобщей бѣдности въ книгахъ, читалась съ удовольствіемъ. Нѣсколько прочитанныхъ мною нумеровъ *Кавказа*, въ которыхъ были помѣщены разсказы о нѣкоторыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, поѣздкахъ по краю и т. п., дали мнѣ мысль попытать и себя на литературномъ поприщѣ... Я описалъ наше движеніе въ іюнѣ 1845 года въ горы для прикрытія тушинскихъ каравановъ и стычку съ непріятельскою партіей, и послалъ это ученическое произведеніе къ редактору, при весьма робкомъ письмѣ, съ большимъ волненіемъ ожидая какую судьбу ис-

пытаетъ моя первая попытка. Чрезъ нѣсколько времени, къ великому моему удовольствію, получился нумеръ газеты съ моею статьей, подписанною полнымъ именемъ *автора*... Въ тѣ времена, мнѣ увидѣть свое имя первый разъ въ печати,— да это былъ восторгъ, которому могъ равняться развѣ восторгъ испытываемый только-что произведеннымъ прапорщикомъ, когда онъ въ первый разъ вышелъ на улицу въ эполетахъ и преважно принимаетъ выдѣлываемые предъ нимъ часовымъ „на караулъ"...

Ободренный такимъ началомъ, я послѣ снабжалъ довольно часто редакцію *Кавказа* статейками о разныхъ поѣздкахъ по горамъ, о народныхъ праздникахъ и другихъ особенно оригинальныхъ чертахъ народныхъ обычаевъ у горцевъ и т. п., а впослѣдствіи и военно-историческими очерками по матеріаламъ архива главнаго штаба, въ который мнѣ былъ разрѣшенъ свободный доступъ. Впослѣдствіи я перешелъ къ печатанію статей въ *Современникѣ* и *Русскомъ Вѣстникѣ* 1850—60 годовъ. Понятно, что упоминаю объ этомъ безъ всякаго желанія порисоваться званіемъ литератора или писателя, до котораго нѣсколькими журнальными и газетными статьями и трудно добраться, а просто какъ объ одномъ изъ эпизодовъ моей полной приключеніями жизни, бывшемъ отчасти поводомъ къ нѣкоторой извѣстности въ высшей служебной сферѣ Кавказа, что̀ въ свою очередь служило не разъ причиной нѣкотораго исключительнаго ко мнѣ вниманія, порученія мнѣ болѣе видныхъ должностей и вообще облегчало мнѣ, человѣку безъ связей и протекцій, трудный служебный путь. Особенно много обязанъ я былъ этому обстоятельству впослѣдствіи, въ военной службѣ, гдѣ, признаться сказать, количество порядочно грамотныхъ людей ограничивалось нѣкоторымъ числомъ офицеровъ генеральнаго штаба и весьма рѣдкими исключеніями между обыкновенными, не принадлежащими къ этому привиллегироваоному классу офицерами. Изъ дальнѣйшаго разсказа видно будетъ какую

роль это quasi-авторство, а еще болѣе знаніе туземныхъ языковъ играло въ моей судьбѣ.

Въ началѣ 1846 года князь Челокаевъ поѣхалъ въ Тифлисъ, взявъ и меня съ собою. Это было время совершенно новой жизни для Тифлиса, особенно для грузинскихъ князей. Представьте себѣ большой барскій домъ, изъ котораго господа давно выѣхали; тишина, отсутствіе всякаго движенія; только изрѣдка. лѣниво пройдетъ кто-нибудь изъ оставшейся дворни. Вдругъ господа возвратились, появилась куча народу, наѣхали со всѣхъ сторонъ гости, шумные обѣды смѣняются веселыми балами, гремитъ музыка, вездѣ кипитъ беззаботная жизнь, прежняя тишина уступила мѣсто шумной суетнѣ, картина рѣзко измѣнилась. То же было съ Тифлисомъ. Уныло монотонный видъ города при Нейдгартѣ вдругъ превратился въ какой-то шумный, праздничный; у всѣхъ стала какъ-то живѣе кровь обращаться. Дворецъ намѣстника, съ безпрестаннымъ приливомъ и отливомъ экипажей, сдѣлался центромъ, около котораго все вращалось, кто непосредственно, кто окольными путями. Появился театръ, циркъ, новые кондитерскія и магазины, пошли новыя постройки, громадный пустырь Эриванской площади украшался великолѣпнымъ зданіемъ театра, гостинаго двора; вечера, балы и всякія пиршества, въ подражаніе намѣстнику, стали даваться и прочею служебною знатью; мѣстные князья, полные блистательныхъ надеждъ впереди, развернулись по-своему и обѣды безъ Ага-Сатара (извѣстный персидскій пѣвецъ) стали уже рѣдкостью. А поелику въ мірѣ семъ законъ отраженія сверху внизъ неизбѣженъ, то шумный образъ жизни и вообще какое-то безотчетно веселое расположеніе духа сказалось почти на всемъ народонаселеніи. Не мудрено послѣ этого, что городъ изо дня въ день представлялся въ какомъ-то праздничномъ, ликующемъ видѣ.

Моему начальнику Челокаеву, при содѣйствіи родныхъ, не стоило большого труда попасть въ число отличаемыхъ графомъ людей, тѣмъ болѣе что кромѣ своего древняго кня-

жескаго имени онъ занималъ постъ въ глазахъ начальства не маловажный, и былъ притомъ человѣхъ съ природнымъ умомъ и весьма ловкій.

Въ это время было въ самомъ разгарѣ дѣло объ утонувшемъ въ 1844 году въ Іорской канавѣ почтовомъ чемоданѣ съ 48,000 рублей, въ похищеніи коего сильно подозрѣвался князь Андрониковъ и мѣстные полицейскіе чиновники. Господа эти были арестованы, народная молва рѣшительно указывала на нихъ, однако по слѣдствію никакихъ доказательствъ виновности не оказывалось. Графъ приказалъ составить особую слѣдственную коммиссію подъ предсѣдательствомъ Челокаева изъ членовъ: чиновника особыхъ порученій В. П. Александровскаго, жандармскаго майора Іерусалимскаго и адъютанта князя Бебутова, капитана Лорисъ-Меликова (въ послѣдствіи тифлисскій полицеймейстеръ). Челокаевъ съ восторгомъ принялъ данное ему порученіе, какъ знакъ особаго вниманія, выказалъ полную увѣренность въ успѣшномъ раскрытіи истины и убѣжденіе въ виновности Андроникова, которому по какимъ-то личнымъ отношеніямъ радъ былъ насолить...

Поѣхали мы на мѣсто происшествія въ село Цицматіяны, прожили, кажется, недѣли двѣ, прибѣгали къ хитростямъ, угрозамъ и арестамъ, для пущаго страха вытребовали даже цѣлую сотню Донскихъ казаковъ, исписали показаніями окрестныхъ татаръ цѣлыя кипы бумаги, однако дѣла ничуть не подвинули, подозрѣній на Андроникова и полицію ничѣмъ не подкрѣпили, виновныхъ не оказывалось, чемоданъ „канулъ въ воду“...

Возвратились мы въ Тифлисъ. Какъ и что принесъ въ оправданіе безуспѣшности слѣдствія Челокаевъ, не помню; но вниманіе къ нему не охладѣло. Вслѣдъ затѣмъ мы возвратились въ Тіонеты.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же 1846 года мы были чрезвычайно обрадованы оффиціальнымъ извѣстіемъ что намѣстникъ, на обратномъ пути изъ Владикавказа въ Тифлисъ, желаетъ свер-

нуть въ сторону и изъ Ананура проѣхать чрезъ Тіонеты въ Кахетію. Для этого ведущая здѣсь по лѣсистымъ горамъ хребта, отдѣляющаго Арагву отъ Іоры, едва годная для верхового сообщенія дорога, была нами наскоро исправлена, собранъ почетный конвой изъ отборныхъ людей всѣхъ племенъ округа, сдѣланы всѣ нужныя распоряженія и 15-го іюля мы отправились въ Анануръ, куда 16-го долженъ былъ прибыть графъ; но маршрутъ почему-то измѣнился, пріѣздъ былъ отсроченъ на сутки. Между тѣмъ князь Челокаевъ вспомнилъ еще о нѣкоторыхъ необходимыхъ распоряжеціяхъ къ пріему высокаго гостя и отправилъ меня для этого назадъ въ Тіонеты.

17-го числа, часу въ третьемъ пополудни, наконецъ показался поѣздъ. Верстахъ въ двухъ отъ деревни встрѣтили графа почетные старшины всѣхъ обществъ съ хлѣбомъ-солью, а одинъ изъ тушинъ произнесъ по-грузински привѣтствіе, надъ сочиненіемъ котораго Челокаевъ, отчасти и я, хлопотали нѣсколько дней. Вотъ буквальный переводъ: „*Гамарджоба шена* (побѣда тебѣ) намѣстникъ царскій! Мы, тушины, пшавы и хевсуры, издревле привыкли быть вѣрными подданными нашихъ царей. Милости великаго государя къ намъ неисчислимы. Теперь считаемъ себя еще болѣе счастливыми и гордимся, видя тебя, его представителя, на нашей родинѣ. За все это у насъ нѣтъ приличнаго дара; въ жертву государю приносимъ самихъ себя, прольемъ кровь гдѣ ты укажешь, и острыя сабли наши, давно привыкшія разить враговъ, иступимъ объ ихъ черепы!“ Переводчикъ тутъ же передалъ содержаніе этой рѣчи и графъ остался очень доволенъ. Въ деревнѣ я встрѣтилъ намѣстника у воротъ нашей старой крѣпости и былъ ему представленъ княземъ Челокаевымъ, сказавшимъ при этомъ нѣсколько весьма лестныхъ для меня словъ объ изученіи мною грузинскаго языка и пр. Графъ подалъ мнѣ руку, выразилъ удовольствіе что о единственномъ русскомъ человѣкѣ въ округѣ такъ хорошо отзываются и вообще обласкалъ меня тѣмъ ему одному свойственнымъ

обхожденіемъ, которое покоряло ему почти всѣхъ имѣвшихъ случай дѣлаться лично ему извѣстными. Понятно, что я былъ въ восторгѣ.

Во дворѣ крѣпости былъ устроенъ балаганъ изъ зеленыхъ вѣтвей и въ немъ приготовленъ обильный завтракъ, главнымъ украшеніемъ коего были рѣдкой величины форели, поднесенныя живыми графу мѣстными рыболовами, и батарея бутылокъ отборнѣйшаго кахетинскаго вина. Самъ графъ въ эту пору ничего не кушалъ (онъ обыкновенно обѣдалъ въ 6 часовъ вечера), но свита его оказала и форелямъ, и шашлыкамъ изъ безподобныхъ тушинскихъ барашковъ, и кахетинскому свое полное вниманіе. Между тѣмъ графъ чрезъ меня разговаривалъ съ жителями, разспрашивалъ объ ихъ мѣстныхъ произведеніяхъ, о сбытѣ ихъ и пр. Одинъ изъ тіонетскихъ жителей заявилъ весьма дѣльно, что ихъ долина весьма благодатна, хлѣбъ родится прекрасно, сѣна много, лѣсу тоже, но они такъ замкнуты кругомъ горами, что никуда почти не имѣютъ свободнаго сообщенія, и сбыта всѣмъ ихъ произведеніямъ нѣтъ. Намѣстникъ сейчасъ обратилъ вниманіе на это заявленіе, обѣщалъ сдѣлать нужныя распоряженія, разспросилъ подробно Челокаева о направленіи дороги къ Тифлису, о ея протяженіи, о возможности разработать ее для повозочнаго сообщенія, провѣрилъ тутъ же все на картѣ, и приказалъ къ его возвращенію въ Тифлисъ доставить ему подробное предположеніе по этому предмету.

Часовъ около пяти выѣхалъ графъ изъ Тіонетъ на ночлегъ въ Ахметы, а на другой день утромъ, за завтракомъ, ему представлялись всѣ тамошніе князья Челокаевы и почетные жители, также жена хозяина дома, въ которомъ былъ ночлегъ, княгиня Нина Челокаева, весьма красивая женщина, получившая тутъ же богатый подарокъ, кажется, великолѣпную бриллiантовую брошку. (Съ княземъ всегда разъѣзжалъ чиновникъ особыхъ порученій В. П. Александровскій, въ качествѣ походнаго казначея, у котораго былъ постоянно большой запасъ такъ-называемыхъ „экстраординарныхъ вещей“,

часовъ, перстней и т. п. для подарковъ.) Князья были очарованы ласковымъ обхожденіемъ графа, его разговоромъ о близкомъ имъ предметѣ—винодѣліи, въ которомъ онъ зналъ толкъ, какъ владѣтель извѣстныхъ виноградниковъ въ Крыму.

Въ Ахметы были присланы изъ Телава нѣсколько экипажей, такъ что графъ и его свита съ большимъ удовольствіемъ разстались съ верховыми лошадьми, и часовъ въ десять, мы, верхами у экипажей, отправились дальше чрезъ Алванское Поле въ село Енисели (верстъ 60—70), близь котораго былъ расположенъ лагеремъ отрядъ, разрабатывавшій дорогу на гору Кодоръ, на вершинѣ коей строилось укрѣпленіе, составлявшее на Кавказѣ высшую обитаемую точку. На другой день, не взирая на вдругъ наступившую отвратительную погоду и проливной дождь, графъ опять пересѣлъ на лошадь и по мерзѣйшей дорогѣ отправился на Кодоръ. За отсутствіемъ генерала Шварца въ отпускъ, Лезгинскою линіей завѣдывалъ какой-то неизвѣстный до того на Кавказѣ генералъ-майоръ Горскій, какъ говорили, изъ весьма ученыхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Не знаю насколько былъ онъ ученый, но что онъ былъ весьма забавенъ, это видѣли всѣ, начиная съ самого главнокомандующаго, который своей стереотипной улыбкѣ придавалъ въ этотъ разъ особый, едва замѣтный оттѣнокъ. Маленькій, толстенькій, верхомъ на большой лошади, съ коротенькими ножками, едва достававшими до стремянъ, и при обыкновенномъ военномъ сюртукѣ въ мѣховой остроконечной персидской папахѣ, генералъ изображалъ фигуру уморительную. Нагнувшись при подъемѣ на гору чуть не до лошадиной головы, обливаемый дождемъ, онъ все ѣхалъ рядомъ съ графомъ, что-то ему докладывая, и представлялъ нѣчто до того комическое, что всѣ помирали со смѣху. Особенно, помню, забавлялъ онъ тогдашняго директора походной канцеляріи намѣстника, М. П. Щербинина (нынѣ первоприсутствующаго сенатора), ѣхавшаго все время рядомъ со мною, и разспрашивавшаго меня о подробностяхъ образа жизни горцевъ, ихъ обычаяхъ и т. п., что̀ его весьма интересовало.

Достигнувъ вершины Кодора, болѣе 8,000 фут., графъ осмотрѣлъ бывшія тамъ войска и работы по устройству укрѣпленія, при непереставшемъ сильнѣйшемъ ливнѣ и едва проницаемомъ туманѣ. Отъ этого укрѣпленія ожидали, кажется, весьма большой пользы въ смыслѣ обезпеченія Кахетіи отъ вторженія горскихъ шаекъ, которыя могутъ-де быть преслѣдуемы и отрѣзываемы гарнизономъ. Нѣкоторые изъ опытныхъ туземцевъ, бывшихъ въ числѣ почетнаго конвоя, тутъ же мнѣ высказывали свое мнѣніе, что строющееся укрѣпленіе—напрасная трата денегъ, напрасное изнуреніе солдатъ; что зимою оно будетъ заносимо такою массой снѣга, который по мѣсяцамъ прекратитъ съ нимъ сообщеніе и гарнизонъ будетъ какъ въ тюрьмѣ, безъ всякой возможности выйти, а лѣтомъ здѣсь большею частью такіе дожди и туманы, что просто опасно удаляться, чтобы не попасть подъ обрывъ. Шайки же привычныхъ горцевъ найдутъ себѣ много тропинокъ въ обходъ укрѣпленія, и гарнизонъ никогда вовремя не узнаетъ ни о проходѣ ихъ, ни о взятомъ ими направленіи. Однако намъ не приходилось мѣшаться не въ свое дѣло и разговоры эти, переданные мною впрочемъ и Челокаеву, остались безъ послѣдствій. А между тѣмъ справедливость этого мнѣнія вскорѣ вполнѣ подтвердилась и, кажется чрезъ годъ или полтора, должны были бросить укрѣпленіе на Кодорѣ, въ которомъ за это время не мало настрадались люди, гибнувшіе отъ цынги и вообще отвратительнаго существованія.

На ночлегъ возвратились въ село Енисели, гдѣ за позднимъ обѣдомъ графъ Михаилъ Семеновичъ, не взирая на такой утомительно проведенный на конѣ день, былъ въ отличномъ расположеніи духа и разсказывалъ нѣсколько эпизодовъ изъ своихъ походовъ въ Наполеоновскія войны. Всѣ слушали съ большимъ и вовсе не поддѣльнымъ вниманіемъ, потому что такого разскащика, умѣющаго въ простой формѣ живо изобразить интересныя военныя сцены, я больше никогда не встрѣчалъ. Графъ послѣ обѣда объявилъ, что на другое утро

въ девять часовъ намѣренъ выѣхать дальше въ Кварели, а тамъ, переправясь черезъ Алазань, въ Сигнахъ и Тифлисъ; здѣсь же желаетъ попрощаться со всѣми провожающими его изъ Тіонетъ.

Когда мы разошлись послѣ этого обѣда, Челокаевъ вздумалъ воспользоваться удобною минутой и похлопотать о моей наградѣ, за выше разсказанную мною стычку съ горцами въ 1845 году, ибо представленные тогда тушины всѣ давно уже получили кресты и медали, а обо мнѣ ничего не получалось и приходилось предположить, что или въ Тифлисѣ или въ Петербургѣ представленію не дано было никакого хода. Мы вмѣстѣ пошли къ бывшему съ графомъ въ качествѣ начальника штаба свитскому генералъ-майору Николаю Ивановичу Вольфу, доложили ему объ этомъ обстоятельствѣ; онъ весьма любезно выслушалъ объясненіе Челокаева, обѣщалъ все свое содѣйствіе и просилъ въ тотъ же вечеръ еще доставить ему короткую записку объ этомъ. Понятно, что я поспѣшилъ исполнить это требованіе и чрезъ часъ уже доставилъ записку генералу Вольфу, который задержалъ меня у себя долго, сталъ разспрашивать о направленіи въ округѣ хребтовъ, рѣкъ, названіяхъ главныхъ горъ, ущелій и проч., свѣряя все тутъ же съ подробною картою, оказывавшейся во многомъ невѣрной, особенно съ большими ошибками въ названіяхъ; онъ ее исправлялъ, дѣлалъ замѣтки и, поблагодаривъ меня, выразилъ удовольствіе знакомству со мною, приглашая навѣстить его въ Тифлисѣ. Такіе почеты, оказываемые мелкому канцелярскому чиновнику, юношѣ двадцати одного года, просто кружили мнѣ голову, и я отъ особеннаго волненія, усиливаемаго мыслію о предстоявшей мнѣ на другое утро наградѣ, рѣшительно всю ночь уснуть не могъ.

Наконецъ, настало утро памятнаго мнѣ 20 іюля 1846 года. Около 9 часовъ главнокомандующій вышелъ изъ своей комнаты на большую деревянную галлерею, окружавшую домъ, гдѣ толпилась вся свита и множество разныхъ князей, почетныхъ жителей, чиновниковъ изъ Телава, военныхъ изъ ла-

геря; привѣтствовалъ всѣхъ весьма любезно и затѣмъ съ генераломъ Вольфомъ подошелъ ко мнѣ: „Мнѣ очень пріятно, любезный З—, слышать о *тебѣ* (графъ говорилъ „ты“ молодымъ людямъ, которымъ хотѣлъ выразить свое расположеніе, и оскорбляться этимъ не только никому не приходило въ голову, а напротивъ это выходило у него какъ-то особенно дружески, привѣтливо) такіе лестные со всѣхъ сторонъ отзывы; еслибы большинство нашихъ чиновниковъ и офицеровъ, по твоему примѣру, изучали языки и обычаи страны, то это очень облегчило бы намъ всю задачу; къ тому же ты еще такой лихой наѣздникъ и храбрый воинъ, что я съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю просьбу твоего начальника и награждаю тебя Георгіевскимъ крестомъ, вполнѣ тобою заслуженнымъ.“ Взявъ отъ генерала Вольфа крестъ съ ленточкой, графъ прицѣпилъ мнѣ его къ груди булавкой, пожалъ руку и отошелъ къ другимъ. Съ этого дня прошло почти тридцать три года, но впечатлѣніе его живо сохранилось въ моей памяти; вся обстановка, отъ великолѣпнаго солнечнаго утра до громадныхъ орѣховыхъ деревьевъ, оттѣнявшихъ сцену, этой разнородной толпы представителей воинственныхъ племенъ Кавказа, до величественной фигуры графа Михаила Семеоновича Воронцова, въ его любимомъ егерьскомъ длинномъ сюртукѣ съ генералъ-адъютантскими вензелями Александра I, какая-то торжественная тишина, внимавшая словамъ его, обращеннымъ ко мнѣ, все это какъ бы до сихъ поръ предъ моими глазами... Что я въ ту минуту чувствовалъ, какъ у меня захватило духъ и я не могъ произнести ни одного слова въ отвѣтъ, выразить довольно трудно, но всякому легко себѣ представить...

Проскакавъ близь экипажа графа, джигитуя и стрѣляя еще нѣсколько верстъ за деревню, мы наконецъ откланялись, наши горцы крикнули ему громкое *ура*, и потянулись обратно домой. По прибытіи въ Матаны, мы застали довольно много полученныхъ въ наше отсутствіе пакетовъ и между прочимъ, увѣдомленіе начальства Лезгинской линіи, что по представ-

ленію объ оказанномъ мною въ дѣлѣ съ горцами 8-го іюня 1845 года отличіи, я всемилостивѣйше произведенъ въ коллежскіе регистраторы... Мечты объ эполетахъ разлетѣлись прахомъ; награда оказалась собственно далеко не наградой, потому что чинъ слѣдовалъ мнѣ уже давно, просто за выслугу лѣтъ, и я утѣшился въ этой неудачѣ только-что навѣшеннымъ мнѣ Георгіемъ, ставшимъ мнѣ еще дороже, и какъ рѣдкое исключеніе для гражданскаго чиновника, и какъ память такой торжественной минуты въ моей жизни... И какое счастье, что это печальное увѣдомленіе о чинѣ получилось нѣсколькими днями позже, а то не видать бы мнѣ креста, ибо по закону имъ могутъ быть награждаемы только лица не имѣющія чиновъ.

IX.

Первымъ дѣломъ по возвращеніи въ Тіонеты было составленіе подробной записки о разработкѣ дороги къ Тифлису. Предметъ этотъ, минуя желаніе скорѣе исполнить личное приказаніе намѣстника, былъ большой важности не только для жителей Тіонетской и сосѣдней Эрцойской долинъ, населяющихъ очень богатую почву, но и для самаго Тифлиса, потребляющаго огромное количество дровъ, сѣна и другихъ сельскихъ произведеній, доставляемыхъ только ближайшими деревнями, по очень высокимъ цѣнамъ. Для жителей открывался путь выгоднаго сбыта, а для города—новая масса продуктовъ и неизбѣжное пониженіе цѣнъ.

Представляя эту записку, мы обѣщали къ лѣту 1847 года окончить всю дорогу и заявили притомъ слѣдующія требованія: 1) Разрѣшить собирать рабочихъ изъ жителей, по мѣрѣ надобности, не свыше впрочемъ 600 человѣкъ въ одинъ разъ. 2) По достиженіи района Тифлисскаго уѣзда, требовать половину рабочихъ отъ тамошнихъ жителей. 3) Отпустить намъ 600 топоровъ и 600 р. денегъ, для угощенія по праздничнымъ днямъ рабочихъ виномъ. 4) Выслать небольшую команду

саперъ съ нужнымъ инструментомъ и достаточнымъ количествомъ пороха для взрыва скалистыхъ мѣстъ, указанія рабочимъ лучшей постройки мостиковъ, небольшихъ плотинъ и тому подобныхъ дорожныхъ сооруженій.

Въ Тифлисѣ, само собою, тотчасъ разрѣшили все и въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ благодарили за скорое представленіе соображеній и *умѣренность* затребованныхъ *средствъ*. Въ послѣдствіи, когда мнѣ случилось познакомиться съ системой смѣтъ на дорожныя работы, составлявшихся чинами путей сообщенія, по урочному положенію, справочнымъ цѣнамъ и прочимъ удопримѣнявшимся формальнымъ атрибутамъ, я уразумѣлъ значеніе благодарности за *умѣренныя средства* и съ улыбкой вспоминалъ о нашихъ требованіяхъ для новой дороги въ 75 верстъ, изъ коихъ половина непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и обрывовъ... Она обошлась казнѣ въ 600 р. деньгами, да 360 р. заплаченныхъ за топоры, да кажется еще два-три пуда пороху. До какихъ размѣровъ разрослась бы смѣта на такую работу, еслибъ ее поручить офицерамъ путей сообщенія и сколько времени потребовалось бы на нее! Въ Тифлисѣ, привыкнувъ къ такого рода смѣтамъ, очевидно, должны были умилиться нашей скромности...

Начало работъ мы однако отложили до осени, чтобы не отрывать жителей отъ полевыхъ занятій; кромѣ того и рубка лѣса, составлявшая главнѣйшій трудъ, гораздо легче въ холодное время, когда спадетъ листъ и деревья теряютъ сокъ.

Между тѣмъ въ округъ прибыли разомъ два офицера генеральнаго штаба, подполковникъ Дмитрій Ивановичъ Гродскій и капитанъ Титъ Петровичъ Колянковскій, первый изъ Закаталы, отъ начальника Лезгинской линіи, второй изъ Тифлиса, отъ главнаго штаба, для съемокъ и подробныхъ описаній важнѣйшихъ въ военномъ отношеніи мѣстностей въ округѣ. Все почти лѣто провелъ я въ разъѣздахъ съ ними по горнымъ мѣстамъ округа.

Все протяженіе главнаго хребта, у истоковъ Ассы, въ верховьяхъ Аргуна и Койсу, представляетъ одинъ и тотъ же

видъ грозныхъ скалъ, дикихъ ущелій, кой-гдѣ поросшихъ мелкими соснами или тощими кустарниками; деревни всѣхъ племенъ, населеляющихъ эти мѣста, строены по одному образцу: на вышинѣ обращенныхъ къ солнцу горныхъ скатовъ, ярусами (амфитеатромъ), съ весьма узенькими переулками; дома сложены очень искуссно и прочно изъ камня, безъ всякаго связывающаго матеріала—глины, известки и т. п., при каждомъ почти высокая башня съ бойницами, все съ цѣлью сдѣлать свои жилья неприступными нападеніямъ враговъ, а таковыми споконъ вѣку считались у горцевъ всѣ другія племена, а не рѣдко по дѣламъ кровомщенія и свои ближайшіе одноплеменники. Встрѣчаются сплошь и рядомъ мѣста, отъ которыхъ просто въ восторгъ приходишь. Что за величіе, грозное, поражающее! Какою мелкотой кажешься самъ себѣ противъ этого торжественно-молчаливаго окружающаго!

Въ Тушинскомъ округѣ находится гора Борбало, дающая начало большинству значительныхъ рѣкъ — Алазани, Іорѣ, Арагвѣ (пшаво-хевсурской), Андійскому Койсу и Аргуну; всѣ онѣ радіусами расходятся отъ нея по разнымъ направленіямъ сѣвернаго и южнаго склоновъ главнаго хребта. Изъ Хевсуріи въ Тушетію дорога идетъ чрезъ Борбало, большею частію покрытую туманомъ и вообще извѣстную негостепріимствомъ. Мы проходили ее, кажется, около 10-го августа, во многихъ мѣстахъ по снѣгу, окруженные непроницаемымъ туманомъ и осыпаемые чѣмъ-то въ родѣ небольшихъ градинокъ, больно бьющихъ въ лицо. Очень величественно ущелье рѣки Аргуна, которая начинаетъ свое теченіе маленькимъ, едва замѣтнымъ водопадцемъ, а чрезъ нѣсколько верстъ, приближаясь къ хевсурскому аулу Шатиль, составлявшему крайній предѣлъ покорной намъ страны, превращается въ разъяренный потокъ, низвергающій по ступенямъ, расположеннымъ почти на правильно прогрессивномъ разстояніи, цѣлыя массы бѣлой пѣны. По обѣимъ сторонамъ потока отвѣсныя скалы, у уступовъ коихъ едва нашлась возможность проложить узенькую тропинку; рѣка обдаетъ васъ водяною пылью и ревомъ заглу-

шаетъ ваши слова. Изъ трещинъ въ скалахъ сочится вода, и падая капля за каплей, отражается въ солнечныхъ лучахъ тысячью разноцвѣтныхъ камней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уступы скалъ до того въ упоръ примкнули къ рѣкѣ, что идти дальше нельзя и пришлось перебираться на лѣвый берегъ, пока тамъ встрѣчалось то же препятствіе и заставляло возвращаться опять на правый; переправы эти совершаются по мостикамъ, если не „чортовымъ", то чертовски опаснымъ и далеко не для слабонервныхъ путешественниковъ устроеннымъ. Горцы перебрасываютъ два не толстыхъ сосновыхъ бревна чрезъ рѣку, кладутъ на нихъ безъ всякой связи и прикрѣпы рядъ шиферныхъ плитъ, и мостъ готовъ. „Дешево и сердито", какъ выражаются солдаты. Идешь по срединѣ, лошадь сзади, мостъ гнется, качается; между плитняка видѣнъ кипящій омутъ, перилъ нѣтъ и достаточно неосторожно ступить чтобъ очутиться въ пучинѣ... Дерзалъ я не разъ, просто шалости ради, переѣзжать эти мостики верхомъ, правда на горскихъ привычныхъ лошадяхъ, но все же это сумасбродство. Гродскій и Колянковскій, да и большинство не мѣстныхъ жителей пробирались осторожно, держась рукой за идущаго впереди горца, лошадей переводили уже послѣ нихъ и т.

Изъ Шатиля, гдѣ былъ съ нами и самъ оружный начальникъ, мы проѣхали верстъ десять впередъ по ущелью Аргуна, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ шатильцевъ и другихъ окрестныхъ хевсуръ, къ ближайшему непокорному обществу Кистинъ-Митхо. Съ небольшой возвышенной плоскости намъ открылась долина, окаймленная невысокими гребнями безлѣсныхъ горъ, и въ ней нѣсколько небольшихъ ауловъ съ башнями. Видъ былъ очень красивъ; грозная природа Хевсуріи замѣнилась болѣе скромнымъ, привѣтливымъ горнымъ ландшафтомъ. Вдали, по направленію терявшагося въ туманѣ ущелья Аргуна, виднѣлись перепутанные хребты лѣсистыхъ горъ, упирающихся въ Чечню, этотъ кровавый тогда театръ кавказской войны.

Въ первый разъ, имѣя предъ глазами непокорную, непрі-

ятельскую часть страны, я испытывалъ какое-то особое, трудно объяснимое чувство. Такъ вотъ они, эти аулы, высылающіе людей въ шамилевы полчища, ведущіе войну съ русскими войсками; отсюда-то выходятъ тѣ мелкія хищническія шайки, которыя пробираются то въ Кахетію, то въ окрестности Владикавказа, на Военно-Грузинскую дорогу, нападая на проѣзжихъ, на отставшихъ отъ своихъ командъ солдатъ или работающихъ въ поляхъ казаковъ; они-то заставляютъ насъ ѣздить съ конвоями и то только днемъ, да принимать множество тягостныхъ предосторожностей, а у себя живутъ эти люди совершенно беззаботно, не боясь никакихъ нападеній и тревогъ...

Наши хевсуры, желая погарцовать и хоть подразнить своихъ сосѣдей, называемыхъ ими „урджули“ (невѣрный), такъ какъ они считаютъ себя христіанами, спустились къ крайнему аулу и затѣяли пустую перестрѣлку. Офицеры генеральнаго штаба въ это время рисовали, записывали по разсказамъ бывалыхъ хевсуръ разныя свѣдѣнія, а я сидѣлъ на площадкѣ, весь погруженный въ цѣлый водоворотъ толпившихся въ головѣ мыслей о возможности наступленія съ этой стороны нашихъ войскъ, для постепеннаго занятія ближайшихъ кистинскихъ обществъ, не вполнѣ еще порабощенныхъ Шамилемъ и, по отдаленности отъ центра его дѣятельности, не могущихъ разсчитывать на серьезную съ его стороны поддержку. Этимъ уменьшилось бы число ближайшихъ нашихъ враговъ, приносящихъ столько вреда своими набѣгами. Отсюда мы постоянно угрожали бы слѣдующимъ приаргунскимъ обществамъ, удерживая ихъ отъ свободнаго движенія на плоскость Чечни противъ нашихъ войскъ; далѣе мнѣ казалось возможнымъ войти отсюда въ связь съ Владикавказскимъ округомъ и такъ-сказать отрѣзать цѣлый уголъ непокорной страны, особенно важный по сосѣдству съ главнымъ путемъ сообщенія Россіи съ Тифлисомъ; а подвигаясь постепенно внизъ по Аргуну, на встрѣчу войскамъ наступавшимъ вверхъ по этой рѣкѣ изъ Чечни, мы могли бы постепенно укрѣпиться по теченію Ар-

гуна и разрѣзать Чечню, эту главную опору Шамилевскаго владычества, на двѣ, лишенныхъ взаимной поддержки, части... Весьма мало знакомый тогда съ мѣстностью, даже по картѣ, еще менѣе съ положеніемъ нашихъ линій и ходомъ военныхъ дѣйствій, я какъ-то смутно проникался убѣжденіемъ, что мелькнувшая у меня идея должна имѣть свои основанія. Съ высоты человѣкъ вообще лучше видитъ, охватываетъ разомъ далекія пространства и мысли принимаютъ невольно болѣе свободный, широкій полетъ. Что это не фигурная фраза, я убѣдился послѣ неоднократно. Бывало въ Чечнѣ, съ плоскости, смотришь впередъ, видишь предъ собою поросшую непроходимымъ орѣшникомъ равнину, далѣе—цѣпь лѣсистыхъ хребтовъ, какъ бы барьеромъ заграждающихъ взорамъ дальнѣйшее пространство, и нетолько нельзя представить себѣ какой-нибудь общій абрисъ мѣстности, но даже и подробные разсказы проводниковъ оставляютъ только смутное впечатлѣніе. Какая разница, когда съ высоты какого-нибудь водораздѣльнаго хребта, въ ясную погоду, слѣдишь бывало за указаніями старожиловъ и какъ бы видишь предъ собою самыя отдаленныя части огромнаго пространства горъ, рельефно обозначающихся по направленію главныхъ рѣкъ и отроговъ,—то снѣжно-скалистыхъ, то выступающихъ темною массой дремучихъ, вѣковыхъ лѣсовъ! Тутъ человѣкъ чувствуетъ себя какъ-то сильнѣе, свободнѣе, „erhabener“ какъ говорятъ нѣмцы.

Хевсуры, выпустивъ напрасно нѣсколько сотъ патроновъ, возвратились на гору и мы отправились назадъ въ Шатиль ночевать, а на другой день дальше, по маршруту офицеровъ генеральнаго штаба.

Я очень дружески сошелся съ обоими этими офицерами, долго въ послѣдствіи съ ними переписывался, встрѣчалъ ихъ еще нѣсколько разъ, затѣмъ однако судьба разнесла насъ такъ врозь, что я потерялъ ихъ изъ виду, и живы ли они еще, отдыхаютъ отъ службы, хозяйничаютъ ли въ какихъ-нибудь степныхъ деревняхъ — не знаю. Проводивъ ихъ изъ округа до Телава, я возвратился въ Тіонеты, гдѣ по поводу

полученнаго утвержденія нашего представленія о разработкѣ дороги къ Тифлису нужно было спѣшить всѣми распоряженіями, чтобы въ октябрѣ приступить къ дѣлу.

Между тѣмъ одинъ изъ помощниковъ Челокаева, телавскій князь Русіевъ, не захотѣлъ больше служить и на его мѣсто былъ представленъ я; утвержденіе не замедлило, и такимъ образомъ я отъ чисто-канцелярской роли совсѣмъ избавился и сталъ принимать участіе въ административной дѣятельности уже по прямой своей обязанности.

Зима 1846—47 годовъ прошла главнѣйшимъ образомъ въ вырубкѣ широкой просѣки. Князь Челокаевъ пріѣзжалъ, оставался нѣсколько дней въ какой-нибудь сосѣдней деревнѣ, привозилъ нѣсколько человѣкъ князей съ собою; обѣды и ужины происходили въ обычной уже разсказанной мною формѣ, затѣмъ уѣзжалъ къ себѣ въ Матаны; я же бо̀льшую часть зимы проводилъ въ балаганахъ между рабочими, которыхъ нужно было всѣми возможными способами удерживать, а то не успѣешь отвернуться, уже половина исчезла; и безъ того много времени терялось въ разбирательствѣ жалобъ: неправильно де его на работу выслали, слѣдовало вотъ тому-то, то хлѣбъ уже вышелъ, то руки у него болятъ и т. д. безъ конца; особенно пшавцы, по своей страсти сутяжничать, выводили меня изъ всякаго терпѣнія. Одинъ за другимъ подходили они, прося выслушать, и начинались исторіи со временъ грузинскихъ царей объ отнятомъ у него баранѣ и требованіе справедливаго вознагражденія...

Такъ или иначе, работа подвигалась: цѣлые дни раздавался стукъ топоровъ и трескъ валившихся вѣковыхъ чинаровъ и осинъ; заготовлялись матерьялы для мостовъ и гатей, можно было надѣяться къ сроку окончить дорогу. Весною дѣятельно взялись за работу, отводили канавами болота, рыли спуски, рвали камни; чѣмъ далѣе къ Тифлису, по равнинѣ, тѣмъ дѣло становилось легче, и къ концу августа всѣ 75 верстъ были отдѣланы на славу, о чемъ тотчасъ и донесли начальству.

X.

Въ послѣднее время Челокаевъ что-то все слегка похварывалъ, почти не выѣзжалъ изъ своего дома и не только дороги, но и вообще бо̀льшая часть дѣлъ округа, разбирательство безчисленнаго множества жалобъ жителей, переписка и нѣсколько слѣдствій по болѣе важнымъ преступленіямъ, лежали на мнѣ. Жара стояла ужасная, дождей не видали уже мѣсяца два-три, въ Грузіи свирѣпствовала холера, саранча истребляла всю растительность, и безъ того спаленную зноемъ; картина въ низменной долинѣ Арагвы, гдѣ я тогда торопился оканчивать дорогу, была весьма печальная и я былъ очень радъ, что отдѣлался тогда лишь нѣсколькими днями горячечнаго состоянія, по случаю котораго я однако долженъ былъ доѣхать на арбѣ до ближайшаго городка. Душета и пролежать тамъ въ военномъ госпиталѣ; но какъ только я почувствовалъ себя въ силахъ стать на ноги, я поспѣшилъ выѣхать въ горы, гдѣ воздухъ въ нѣсколько дней возстановилъ меня.

Въ это время я первый разъ присутствовалъ на нѣсколькихъ, почти языческихъ празднествахъ въ Пшавіи, къ которымъ стекается много народа изъ Грузіи, не взирая на то что всѣ эти люди считаютъ себя христіанами православнаго исповѣданія. Тутъ происходятъ и жертвоприношенія, и предсказанія кликушъ, и разныя странныя церемоніи, торжественно совершаемыя „деканози“, то-есть ихъ доморощенными священниками, и пр., что̀ будетъ описано подробно ниже.

Получивъ извѣстіе, что князь Челокаевъ очень трудно боленъ, я поспѣшилъ въ Матаны и засталъ его уже въ безпамятствѣ; чрезъ сутки онъ умеръ, какъ объясняли бывшіе тутъ два доктора, отъ воспаленія въ кишкахъ, благодаря собственной неосторожности, ибо вмѣсто того, чтобы соблюдать строгую

діэту, какъ ему при первыхъ дняхъ нездоровья предписали доктора, онъ продолжалъ свой образъ жизни и не задолго предъ тѣмъ еще угостился не въ мѣру свѣжею осетриной, что̀ имѣло послѣдствіемъ воспаленіе.

Какъ помощникъ и старшій по немъ, я вступилъ въ управленіе округомъ и донесъ о смерти Челокаева начальству. Что казенныя денежныя дѣла при покойникѣ были въ совершенномъ безпорядкѣ, я очень хорошо зналъ, но такъ какъ суммы поступавшія въ округъ были весьма незначительны, ограничиваясь почти исключительно деньгами, слѣдуемыми по штату окружнаго управленія на жалованье служащимъ, то я и не подумалъ доносить объ этомъ, въ полной увѣренности, что вдова, поуспокоившись, вникнетъ въ это и безъ сомнѣнія удовлетворитъ кого будетъ слѣдовать. Но я ошибся, и горько пришлось мнѣ каяться въ своей опрометчивости, въ юношеской такъ-сказать наивности, съ которой я отнесся къ дѣлу связанному съ казенными, хотя и небольшими (около 2,000 р.) деньгами. У насъ вѣдь такъ было искони: дѣло не въ томъ— украдены, размотаны ли казенныя деньги, а чтобы все было сдѣлано по формѣ, съ запиской въ шнуровыя книги и пр. А не соблюдена форма, то хотя бы и денегъ никто не укралъ, все равно скверно, слѣдствіе нарядятъ и вообще выкажутъ чрезвычайный задоръ къ законности...

По моему донесенію объ окончаніи дороги, изъ Тифлиса былъ командированъ генеральнаго штаба капитанъ Дмитрій Ивановичъ Свѣчинъ для ея осмотра и описанія. Я выѣхалъ на встрѣчу Свѣчину верстъ за 50 по новой дорогѣ, чтобъ имѣть больше времени поговорить съ нимъ о моихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ на счетъ продолженія этой дороги изъ Тіонетъ до Кахетіи и разработкѣ такимъ же способомъ еще пути отъ Тіонетъ до Анаѣура, что̀ имѣло бы, между прочимъ, полезныя послѣдствія для виноторговли, ибо теперь все вино, назначенное для сѣвернаго Кавказа, вынуждены возить изъ Кахетіи на вьюкахъ, въ бурдюкахъ, до Ана-

нура и оттуда уже только нѣкоторая часть идетъ дальше по Военно-Грузинской дорогѣ на арбахъ до Владикавказа.

Свѣчинъ оказался, что называется, „славнымъ малымъ", былъ въ восторгѣ и отъ дороги, и отъ живописныхъ видовъ, и отъ свѣжей форели съ хорошимъ виномъ, постоянно выражалъ удивленіе какъ это за 600 р. дорогу построили, по которой можно было свободно въ каретѣ проѣхать! Польза же этой дороги представлялась ему на каждомъ шагу воочію: населеніе Эрцойской и Тіонетской долинъ, особенно на первыхъ порахъ, просто огуломъ ринулось въ Тифлисъ съ дровами, сѣномъ и пр.

Пробывъ въ Тіонетахъ сутки, Свѣчинъ возвратился въ Тифлисъ, гдѣ и представилъ отчетъ о своей поѣздкѣ, съ изложеніемъ моихъ новыхъ предположеній, вполнѣ имъ раздѣлявшихся. Намѣстникъ былъ очень доволенъ, тотчасъ же приказалъ сдѣлать всѣ нужныя распоряженія къ немедленному продолженію работъ до Кахетіи и Ананура, а меня представить къ наградѣ. Обо всемъ этомъ Свѣчинъ иизвѣстилъ меня, дней кажется чрезъ десять послѣ своего возвращенія въ Тифлисъ, впередъ поздравляя съ Анной 3-й степени.

Вслѣдъ за тѣмъ я получилъ оффиціальное приказаніе приступить къ разработкѣ дороги въ Кахетію, на такихъ же основаніяхъ, какъ производилась работа на тифлисской дорогѣ; о числѣ денегъ нужныхъ по нашему соображенію на это дѣло, требовали моего донесенія.

Я не медлилъ, тотчасъ собралъ рабочихъ и опять началась рубка лѣса. Въ этотъ разъ предстояло меньше труда, вопервыхъ, протяженіе дороги всего 25 верстъ, вовторыхъ, не было ни скалъ, ни болотъ и вообще меньше всякихъ препятствій. Денегъ я попросилъ 300 р., которыя мнѣ, само собою, тотчасъ и выслали. Къ веснѣ дорога эта была уже совершенно готова; осматривать ее пріѣзжалъ офицеръ путей сообщенія, отнесшійся къ дѣлу уже не совсѣмъ такъ, какъ Дмитрій Ивановичъ Свѣчинъ: съ его спеціальной точки зрѣнія, конечно, все не такъ было сдѣлано; онъ измѣрялъ ши-

рину дороги, разсчитывалъ градусы уклоновъ и прочее, все по карманнымъ книжечкамъ; онъ забывалъ только при этомъ, что дорога проведена не спеціалистомъ, а такъ-сказать для домашняго обихода, съ затратой всего 300 руб. казенныхъ денегъ и тѣмъ не менѣе вполнѣ удовлетворяла цѣли: по ней стали свободно ѣздить на арбахъ, можно было проѣхать и въ любомъ экипажѣ, а до того сообщеніе было только возможно верхомъ. Какое донесеніе представилъ этотъ путейскій капитанъ (кажется фамилія его была Шишко) я не узналъ; однако получилъ благодарность намѣстника, выраженную въ оффиціальной бумагѣ.

Вскорѣ затѣмъ, вмѣсто ожидавшейся Анны третьей степени, получилось увѣдомленіе о производствѣ меня „за особенно отлично-полезную службу“ въ слѣдующій чинъ, то-есть губернскаго секретаря. Это меня опять огорчило: юношѣ двадцати трехъ лѣтъ прицѣпить Анну третьей степени, это что-нибудь въ тѣ времена значило, этимъ можно было пошиковать, а чинъ губернскаго секретаря, что въ немъ? онъ какъ будто еще болѣе удалялъ меня отъ малѣйшей надежды попасть когда-нибудь въ военные офицеры...

XI.

Позднею осенью того же 1847 года я получилъ свѣдѣніе, что Шамиль, или просто одинъ изъ его наибовъ, управлявшихъ сосѣдними съ округомъ Верхне-Аргунскими обществами, прислалъ къ хевсурамъ трехъ ауловъ, Ардоты, Муцо и Хахабо, лежащихъ въ небольшомъ, отдѣленномъ высокими горами отъ прочей Хевсуріи ущельи, параллельно Аргуну, своихъ людей, требуя ихъ покорности Шамилю и въ знакъ ея уплаты дани, угрожая въ противномъ случаѣ разореніемъ. Чтобы не допустить такого неблагопріятнаго для насъ расширенія непріятельскаго вліянія, я отправилъ одного служившаго при окружномъ управленіи для посылокъ имеретина съ двумя пшавцами въ означенныя хевсурскія деревни объ-

явить жителямъ, чтобы не подчинялись требованіямъ Шамиля, что я вслѣдъ затѣмъ соберу милицію и явлюсь къ нимъ для ихъ защиты. Сдѣлавъ всѣ соотвѣтствующія распоряженія, я донесъ объ этомъ военному начальству въ Закаталы и тифлисскому губернатору, а чрезъ нѣсколько дней съ 300 человѣкъ пѣшихъ тіонетскихъ грузинъ и пшавцевъ отправился въ походъ.

Громадные снѣга покрывали горы; дороги по обледенѣлымъ тропинкамъ были едва проходимы, даже для привычныхъ туземцевъ. Мы кое-какъ добрались до пшавскаго селенія Матура, большею частью пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу, рискуя ежеминутно сломать себѣ шею. Отдохнувъ здѣсь сутки и дождавшись сбора всѣхъ людей, я, не взирая на убѣжденіе мѣстныхъ старожиловъ, что переходъ чрезъ главный хребетъ въ Ардотское ущелье въ эту пору года почти невозможенъ и сопряженъ съ величайшими опасностями, рѣшился двигаться далѣе. Напротивъ, вся картина представлявшихся трудовъ и опасностей только подстрекала меня, я становился лицомъ къ лицу съ сильными ощущеніями, такъ увлекавшими меня въ тѣ годы...

Оставивъ въ Матурѣ лошадей и нѣсколько лишныхъ вещей, мы выступили до разсвѣта, чтобъ успѣть совершить перевалъ чрезъ хребетъ и непремѣнно къ ночи добраться до аула Хахабо; ночевать же на дорогѣ нечего было и думать, не рискуя быть занесенными снѣгомъ и замерзнуть. Вооружившись всѣми принадлежностями такого похода: желѣзными остроконечными подковами, привязываемыми ремнями къ подошвамъ, окованными палками, лопатками и проч., мы тронулись. Всякая попытка описать наше движеніе была бы напрасна. Первыя нѣсколько верстъ по узенькой, обледенѣлой тропинкѣ надъ отвѣснымъ обрывомъ въ 200—300 саженъ, мы проползли почти на четвереньках и то при помощи нѣсколькихъ отличнѣйшихъ ходоковъ пшавцевъ, которые шли впереди съ желѣзными лопатками и дѣлали по тропинкѣ насѣчки. Около полудня мы достигли наконецъ болѣе свобод-

наго пространства; начался перевалъ чрезъ хребетъ. Вся окрестность представляла безбрежную снѣжную пустыню, безъ малѣйшаго признака жизни; ослѣпительная бѣлизна невыносимо рѣзала глаза; мы намазали себѣ всѣ щеки растертымъ порохомъ, чтобы дать глазу возможность скользить по черному предмету (весьма дѣйствительное испытанное средство), отдохнули съ часъ, позавтракали и тронулись дальше. Утопая въ снѣгу, едва переводя дыханіе, спираемое рѣзкимъ воздухомъ, мы каждые пять, шесть шаговъ вынуждены были останавливаться; сердцебіеніе сдѣлалось невыносимымъ, глотки вина и снѣгу облегчали только на минуту; я чувствовалъ разслабленіе во всѣхъ дрожавшихъ членахъ и какое-то, почти обморочное состояніе. Уже нѣсколько разъ старшины пшавцы заговаривали, чтобъ я отказался отъ дальнѣйшаго движенія, но я не хотѣлъ сознаться въ своей слабости и съ ребяческимъ упорствомъ конвульсивно напрягалъ послѣднія силы, подвигался по нѣскольку шаговъ впередъ, все думая, что удастся добраться до болѣе крутой части подъема, гдѣ снѣгъ твердый, и по немъ уже гораздо легче будетъ достигнуть вершины... Наконецъ, около трехъ часовъ пополудни, я почувствовалъ, что силы мнѣ окончательно измѣняютъ, и опустился на снѣгъ... Многіе изъ милиціонеровъ, особенно тіонетскихъ, остались далеко назади. Меня опять стали уговаривать возвратиться, доказывая, что промедленіе грозитъ страшною опасностью, что нужно или идти скорѣе впередъ и до ночи достигнуть Хахабо, или возвращаться и поспѣть засвѣтло хотя бы въ глубь ущелья, гдѣ есть кустарникъ и можно кое-какъ укрыться отъ бури, которая ночью почти навѣрное начнетъ бушевать, и тогда въ этой открытой пустынѣ гибель неминуема; нѣкоторые, наконецъ, сдѣлали еще такое замѣчаніе, особенно на меня подѣйствовавшее, что если и удастся добраться на ту сторону, въ Ардотское ущелье, то въ теченіе сутокъ могутъ начаться свирѣпствующіе здѣсь почти всю зиму снѣжные ураганы и тогда на два, на три мѣсяца всякое сообщеніе прекратится и мы вынуждены будемъ

оставаться у хевсуръ, едва ли имѣющихъ такіе запасы продовольствія, которыхъ хватило бы на нѣсколько сотъ лишнихъ человѣкъ. Я согласился, наконецъ, идти назадъ... А чтобъ ободрить и поддержать хевсуръ, я все-таки рѣшился послать къ нимъ хоть на короткое время нѣсколько десятковъ человѣкъ, зная, что слухи вездѣ, а между горцами въ особенности, имѣютъ свойство увеличиваться до небывалыхъ размѣровъ, и въ непріятельскихъ обществахъ уже будутъ говорить о подкрѣпленіи въ нѣсколько тысячъ человѣкъ... Вызвали охотниковъ, обѣщая имъ награды. Оказалось человѣкъ сорокъ; я поручилъ ихъ въ завѣдываніе одного расторопнаго тіонетскаго грузина, Нинія-Далаки-Швили, давъ имъ нужныя наставленія; на случай явной опасности приказалъ дать знать въ Матура, гдѣ я буду ждать отъ нихъ извѣстій въ теченіе нѣсколькихъ дней. Ободривъ ихъ разными комплиментами мѣстнаго колорита и надеждой на награды отъ *сардаря*, приказалъ имъ съ Богомъ трогаться впередъ, а самъ съ прочими людьми пустился обратно.

Какъ мы ни торопились, но едва вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣга, въ который мы зарывались буквально по поясъ, подвигались мы даже и подъ гору очень медленно, такъ что ночь наступила, когда мы достигли самыхъ опасныхъ мѣстъ надъ обрывомъ, еще довольно далеко отъ мѣстности поросшей кустарникомъ, гдѣ можно было бы дождаться разсвѣта. Однако нечего было дѣлать: оставаться всю ночь на мѣстѣ, безъ возможности согрѣваться хотя бы движеніемъ, и думать нельзя было. Мы почти ползкомъ все подвигались; передовые предваряли послѣдующихъ постоянными замѣчаніями держаться правѣе, лѣвѣе и т. п., такъ что часу въ десятомъ только добрались мы до болѣе отлогой мѣстности, гдѣ изъ-подъ снѣгу торчали кое-гдѣ жалкіе корявые кустарники, да чернѣлись на косогорахъ оставшіяся не свезенными копенки сѣна. Мы съ трудомъ развели нѣсколько огоньковъ, натаскали сѣна, и то сидя у огня, то прыгая, то угощаясь изъ бурдючковъ кахетинскимъ виномъ и фруктовою водкой, дотянули до

разсвѣта, послѣ чего благополучно добрались до Матура. Я былъ весь какъ избитый, руки и ноги дрожали какъ въ сильнѣйшемъ пароксизмѣ, а между тѣмъ холодная, дымная шпавская сакля не представляла возможности порядочно отдохнуть и обогрѣться; выпивъ нѣсколько стакановъ горячаго чая съ водкой, вытеревъ ею же ноги, я укрылся нѣсколькими отвратительно-вонючими овчинными тулупами, проспалъ до вечера мертвымъ сномъ и—проснулся какъ ни въ чемъ не бывало! Да, въ двадцать три года все сходитъ съ рукъ, особенно не совсѣмъ изнѣженному и хоть немного привычному человѣку.

Послѣдовавшіе затѣмъ первые два дня очень безпокоили меня о судьбѣ посланныхъ мною людей, хотя шпавцы успокоивали, что случись что нибудь дурное, то не всѣ же сорокъ два человѣка погибнутъ, и нашелся бы ужь какой нибудь молодецъ дать намъ знать. Наконецъ, на третій день къ вечеру прибылъ одинъ изъ шпавцевъ, въ сопровожденіи двухъ хахабскихъ хевсуръ съ извѣстіемъ, что они, тогда какъ и мы, застигнутые ночью, провели ее въ верховьяхъ ущелья по ту сторону хребта и затѣмъ благополучно пришли въ Хахабо; что около мѣсяца тому назадъ дѣйствительно приходили въ Муцо Кистины сосѣдняго общества Майсти и объявили хевсурамъ, что ихъ наибъ, по приказанію Шамиля, требуетъ покорности и по 1 р. съ каждаго двора дани деньгами или скотомъ, говоря, что если они этого не исполнятъ, то будетъ послано большое войско для ихъ истребленія, что на помощь русскихъ имъ разсчитывать нечего, ибо они-де окончательно разбиты Шамилемъ подъ Гергебилемъ и Салты, не взирая на присутствіе самого ихъ сардаря. (Дѣйствительно, въ 1847 году наши войска, подъ личнымъ начальствомъ графа Воронцова, осаждали непріятельскія укрѣпленія Гергебиль и Салты. Первое, послѣ отбитаго кроваваго штурма, стоившаго намъ многихъ жертвъ, не было взято и войска отступили; второе, осада коего длилась 52 дня, послѣ неслыханно-геройской защиты, послѣ двукратно отбитаго штурма, послѣ ожесточенной бойни за каждою саклей, пало

наконецъ отъ совершеннаго истощенія силъ гарнизона горцевъ, лишеннаго воды и возможности перевязать раненыхъ... Тутъ горцы показали, съ какимъ непріятелемъ имѣемъ мы дѣло. Подробности этой осады были бы интересны и поучительны для всякаго военнаго читателя, и едва ли даже знаменитая защита Саррагосы можетъ выдержать сравненіе съ защитой горцами Салты). На это жители Муцо отвѣчали, что покоряться Шамилю и платить ему дань они не намѣрены, что русскій падишахъ посильнѣе Шамиля, да и тотъ съ нихъ никакой дани не требуетъ, а что если придетъ войско, то они будутъ защищаться до крайности и надѣются на помощь всей Хевсуріи и Пшавіи; при этомъ напомнили посланному о неудачной попыткѣ Шамиля въ 1844 году покорить ихъ сосѣдей шатильцевъ (объ этомъ разскажу въ своемъ мѣстѣ). Что же касается селеній Ардоты и Хахабо, то они за другихъ ничего отвѣчать не могутъ и потому не угодно ли посламъ самимъ туда отправиться. Однако кистины дальше не пошли и возвратились въ Майсты, и затѣмъ никакихъ больше посланныхъ или слуховъ о враждебныхъ замыслахъ не было. При этомъ пришедшіе хахабскіе хевсуры, отъ имени своего общества, благодарили меня за готовность ихъ поддержать и увѣрили, что зимою за нихъ опасаться нечего, ибо едва ли непріятель рѣшился бы по трудно-проходнымъ дорогамъ двинуться въ эту пору къ нимъ, лѣтомъ же отовсюду можетъ поспѣть къ нимъ помощь, да и сами они, за своими крѣпкими саклями, не такъ легко сдадутся хоть бы и самому Шамилю.

Угостивъ пришедшихъ Хевсуръ и подаривъ имъ по рублю, я на другой день отправилъ ихъ назадъ, съ приказаніемъ къ Далаки-Швили возвратиться, раздавъ тамъ жителямъ всѣ свои патроны, которые бѣдными горцами всегда очень дорого цѣнятся; а самъ уѣхалъ въ Тіонеты, не вполнѣ спокойный за судьбу посланнаго мною гораздо ранѣе Имеретина, который однако въ Хахабо не являлся. Я послалъ собирать объ немъ свѣдѣнія и уже чрезъ нѣсколько дней наконецъ узналъ, что

онъ избралъ другой путь, чрезъ Хахматы и Шатиль, куда и добрался, но оттуда въ Ардотское ущелье проникнуть не могъ, а перевалившись опять чрезъ хребетъ въ Хахматы, услыхалъ о моемъ движеніи и пустился меня догонять, пока наконецъ въ Матура узналъ обо всемъ подробно и остался тамъ въ ожиданіи Далаки-Швили, съ которымъ послѣ и возвратился въ Тіонеты.

На мои донесенія объ угрожающей Ардотскому ущелью опасности получены были отвѣты. И военное, и гражданское начальство придавали дѣлу чрезвычайное значеніе, одобряли мои распоряженія, предписывали величайшую осторожность въ случаѣ дѣйствительнаго столкновенія съ непріятелемъ и требовали немедленныхъ, подробныхъ донесеній, съ особыми нарочными. Я тотчасъ донесъ о своемъ движеніи, о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, объ успокоительныхъ увѣреніяхъ Хевсуръ; при этомъ, само-собою, немного украсилъ дѣло присовокупленіемъ хорошихъ результатовъ оказанной мною хоть и незначительной поддержки, ободрившей Хевсуръ и показавшей имъ нашу готовность, даже въ самое неблагопріятное время, спѣшить къ нимъ на помощь и т. п.

Между тѣмъ проходило уже мѣсяца три или четыре со смерти Челокаева, я все еще управлялъ округомъ, какъ стали носиться слухи, что новымъ окружнымъ начальникомъ назначается опять одинъ изъ членовъ фамиліи Челокаевыхъ (впрочемъ не родственникъ умершему), бывшій до того окружнымъ же начальникомъ въ Осетіи, очевидно стремившійся переѣхать ближе къ своей родной Кахетіи и къ болѣе насиженному Челокаевыми мѣсту. Этого князя Челокаева, по имени Левана, я никогда прежде не встрѣчалъ и вовсе не зналъ.

Нѣкоторые изъ самыхъ толковыхъ жителей округа, узнавъ объ этой новости, стали выражать мнѣ свои недоумѣнія—почему правительство считаетъ нужнымъ назначать къ нимъ начальникомъ непремѣнно Челокаева; что этотъ родъ, начиная съ Грузинскихъ царей до сихъ поръ, все ими управляетъ, и что, пожалуй, кончится тѣмъ что закрѣпоститъ

ихъ, свободныхъ людей, за собой; что для управленія ими нѣтъ надобности въ какой-то спеціальной фамиліи Челокаевыхъ; что ихъ начальникомъ можетъ быть и всякій Русскій, какъ въ Телавѣ, Сигнахѣ и другихъ уѣздахъ Грузіи; что, наконецъ, патріархально-помѣщичье управленіе Челокаевыхъ имъ не всегда удобно, и что они весьма желали бы что-нибудь предпринять противъ этого. Они просили моего совѣта. (Въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ само собою все тамъ измѣнилось, и читатель не долженъ забывать что мною разсказывается о дѣлахъ давно минувшихъ дней. Теперь и князь Челокаевъ, и всякій другой уже вынужденъ руководствоваться закономъ общимъ, забывая о патріархальности, слѣдовательно дѣло не въ фамиліи, а вообще въ личныхъ достоинствахъ назначаемаго на должность лица).

Случись со мною такое обстоятельство не въ 1847, а въ 67 году, я, вѣроятно, отнесся бы къ такому щекотливому вопросу болѣе практически, внушилъ бы рекламаторамъ что долгъ всякаго есть де повиноваться волѣ высшаго начальства и поставленнымъ отъ него лицамъ и т. д., да постарался бы прежде всего устранить себя, чтобы не сочли участникомъ интриги и человѣкомъ „безпокойнаго характера". Но я поступилъ какъ школьникъ. Встрѣтивъ въ вышеприведенныхъ разсужденіяхъ жителей только полное подтвержденіе моихъ собственныхъ, уже давно сложившихся мнѣній на счетъ абсолютнаго вреда отъ назначенія вообще начальниками лицъ въ ихъ родныхъ округахъ, и вполнѣ убѣжденный, что попадись въ Тушинскій округъ образованный человѣкъ начальникомъ, то можно бы много полезнаго сдѣлать не только для ближайшихъ интересовъ населенія, къ которому я, со свойственнымъ молодости увлеченіемъ, успѣлъ искренно привязаться, но и въ смыслѣ осуществленія моихъ идей насчетъ занятія Приаргунскихъ обществъ, движенія къ Чечнѣ, однимъ словомъ, насчетъ совершенія дѣлъ казавшихся мнѣ несомнѣнно полезными и могшими кромѣ того доставить намъ, исполнителямъ, извѣстность и удовлетвореніе честолюбивыхъ помы-

словъ,—я такъ и высказалъ предъ жителями, что вполнѣ раздѣляю ихъ взглядъ, что дѣйствительно очень хорошо бы было получить имъ наконецъ посторонняго начальника, что они могутъ выбрать нѣсколько человѣкъ и послать ихъ въ Тифлисъ къ намѣстнику, который такъ доступенъ, что, конечно, ихъ выслушаетъ, и что хорошо было бы имъ при этомъ указать на подполковника Гродскаго, какъ человѣка ознакомившагося съ округомъ и пріобрѣтшаго въ короткое время пребыванія въ ихъ мѣстахъ уваженіе многихъ. Тутъ я сдѣлалъ еще большую школьническую безтактность, — впуталъ имя человѣка безъ предварительнаго его согласія, рискуя навлечь на него подозрѣніе въ участіи въ интригѣ, между тѣмъ какъ тотъ, сидя въ Закаталахъ, и во снѣ ничего подобнаго не видѣлъ... Все это теперь мнѣ, сильно опаленному порохомъ житейскихъ битвъ, ясно и кажется непростительною наивностью даже для двадцатитрехъ-лѣтняго юноши; но тогда я, человѣкъ вообще весьма легко поддающійся первымъ впечатлѣніямъ и постоянно дѣлавшій промахи противъ житейской премудрости, поступилъ просто, безъ всякой задней мысли, не думая ни о какихъ интригахъ и возможныхъ послѣдствіяхъ. Вышло не такъ. Когда выбранные изъ округа нѣсколько человѣкъ прибыли въ Тифлисъ съ цѣлью въ ближайшій пріемный день обратиться къ намѣстнику съ своими заявленіями, то это сдѣлалось тотчасъ же извѣстнымъ нѣкоторымъ тамошнимъ князьямъ, знакомымъ Левана Челокаева, и тѣ рѣшили не допустить пріѣхавшихъ къ графу. Ихъ пригласили къ себѣ, обласкали, затѣмъ краснорѣчиво напомнили о патріотизмѣ, о вѣковой связи съ Челокаевыми, удивлялись, что они, *извѣстные своимъ умомъ*, и пр. и проч., достоинствами, дали себя одурачить такому неизвѣстному мальчишкѣ, *Симбирели*, что они такимъ заявленіемъ были бы пристыжены предъ всею Грузіей и т. д. въ этомъ родѣ; при томъ угощеніе хорошимъ обѣдомъ съ обиліемъ вина, и милые „депутаты“ сѣли на коней и воротились по домамъ...

Узналъ я о происшедшемъ вскорѣ, по разсказааъ дру-

гихъ, много смѣялся простотѣ „депутатовъ“ и оставилъ все это дѣло безъ вниманія.

Между тѣмъ тифлисскіе политики, выпроводивъ такъ удачно непріятную для нихъ депутацію, рѣшили ускорить назначеніемъ Левана Челокаева, поручивъ ему заняться выжитіемъ изъ округа меня. Задача столь легкая, что не стоило и задумываться. И дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ уже прибылъ въ Тіонеты новый окружной начальникъ. Съ перваго же дня ясно обнаружилась его предвзятая враждебность ко мнѣ. Для достиженія цѣли онъ избралъ казусъ о неоказывающихся послѣ смерти его предшественника казенныхъ деньгахъ, и повелъ дѣло чисто форменнымъ порядкомъ. Самъ безграмотный, едва умѣвшій даже по-грузински нѣсколько строкъ написать, а по-русски только кое-какъ царапавшій букву Ч и нѣсколько палочекъ за нею, къ тому же человѣкъ весьма ограниченный, этотъ князь Леванъ привезъ съ собой въ качествѣ частнаго секретаря какого-то выключеннаго по рѣшенію Сената за подлоги и подчистки документовъ чиновника, долженствовавшаго пустить въ ходъ все богатство своего крючкотворнаго арсенала на мою пагубу... Начались разныя придирки, требованія сдачи документовъ и денегъ на законныхъ основаніяхъ, все это въ длиннѣйшихъ, безграмотно составленныхъ, но испещренныхъ статьями Свода Законовъ, предписаніяхъ.

Полнѣйшая увѣренность въ невозможности обвинить меня за недостатокъ денегъ, полученныхъ и истраченныхъ умершимъ Челокаевымъ, что̀ было извѣстно всѣмъ служившимъ въ округѣ и даже вообще большинству сосѣдей Челокаева, а еще болѣе надежда на защиту, которую я могъ найти у самого намѣстника, оказывавшаго мнѣ очевидно со времени своей поѣздки чрезъ Тіонеты вниманіе, дѣлали меня болѣе или менѣе равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ канцелярскимъ атакамъ и это еще болѣе озлобляло моихъ гонителей. Я опять-таки, съ непонятною даже въ молодые годы наивностью, не съумѣлъ оцѣнить силы оружія моихъ противниковъ; я или

вовсе имъ не отвѣчалъ, или довольно лаконически и колко; а они радовались такому дорогому матерьялу для своего обвинительнаго акта...

Однако всѣ эти задиранія, сопровождаемыя разными мелкими непріятностями, въ видѣ отмѣны окружнымъ начальникомъ всякаго моего распоряженія, или рѣшенія по чьей-нибудь жалобѣ и тому подобное, заставили меня рѣшиться просить увольненія изъ округа и искать другой службы; я попросилъ для этого отпускъ въ Тифлисъ и въ ожиданіи разрѣшенія занялся составленіемъ записки, въ коей, послѣ общаго краткаго очерка горныхъ мѣстъ округа и прилегающихъ къ нему непокорныхъ племенъ, изложилъ свой взглядъ на возможность занятія Приаргунскихъ обществъ, на пользу этого, въ смыслѣ обезпеченія нашихъ предѣловъ отъ набѣговъ, и облегченія наступательныхъ дѣйствій со стороны Чечни. Первымъ приступомъ къ выполненію такихъ предположеній, я предлагалъ разработку дороги, на половину колесной, на половину вьючной, по Арагвѣ, отъ села Жинвали чрезъ Хахматы, и перейдя здѣсь главный хребетъ по относительно весьма удобному перевалу Велькетили, по Аргуну, чрезъ Шатиль, до той удобной для расположенія войскъ возвышенности надъ Кистинскимъ обществомъ Митхо, на которой, во время поѣздки съ Гродскимъ и Колянковскимъ, мнѣ въ первый разъ и пришла эта идея.

Прибывъ въ Тифлисъ, я представлялся, какъ и всѣ пріѣзжавшіе должностные, намѣстнику. Графъ встрѣтилъ меня такъ, что я просто голову потерялъ... Въ общей залѣ, предъ всею толпой разныхъ просителей, представляющихся и пресмыкающихся, графъ Михаилъ Семеновичъ, послѣ особенно продолжительнаго рукопожатія, обратился ко мнѣ съ самыми лестными выраженіями благодарности за разработанныя дороги, за послѣднее движеніе въ Хевсурію и вообще за мою службу, выразилъ удовольствіе видѣть меня и приказалъ дождаться конца пріема, чтобы быть представленнымъ графинѣ.

Попавъ въ первый разъ въ жизни въ такой залъ, съ та-

кою обстановкой, блиставшей массами звѣздъ, лентъ и всякихъ шитыхъ мундировъ, принятый такъ намѣстникомъ, который, минуя свое полудержавное положеніе на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ краѣ, былъ и безъ того значительнымъ историческимъ лицемъ въ Россіи и, конечно, дѣлалъ исключительную, непритворную честь такому мелкому изъ тысячи своихъ подчиненныхъ, я просто опьянѣлъ... А тутъ подходятъ генералъ Вольфъ, и другія занимавшія важные посты лица, знавшія меня по поѣздкѣ 1846 года чрезъ Тіонеты, съ весьма любезными привѣтствіями и еще болѣе обращаютъ на меня общее вниманіе...

Что̀ за господинъ? кто это такой? что̀ онъ сдѣлалъ? раздается по залѣ, и множество взоровъ, обращенныхъ въ мою сторону, окончательно приводятъ меня въ конфузъ...

Наконецъ пріемъ окончился, толпа начинаетъ валить къ выходу, графъ проходитъ мимо меня и съ своею увлекательнѣйшею улыбкой приказываетъ слѣдовать за нимъ. Пройдя цѣлую амфиладу комнатъ, поражавшихъ меня, тіонетскаго дикаря, своею роскошною обстановкой, картинами, лампами, ливрейными лакеями, попарно торчавшими у дверей, и пр., мы вступили въ кабинетъ графа—огромную комнату, въ которой и графиня имѣла свой особенный письменный столъ; за нимъ-то мы и застали ее пишущую. „Chère Lise, обратился графъ къ женѣ, вотъ З—, тотъ самый молодой человѣкъ о которомъ я тебѣ уже разсказывалъ, преобразившійся изъ русскаго чиновника въ такого лихого кавказскаго наѣздника“. Графиня Елисавета Ксаверьевна, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и весьма любезныхъ фразъ, пригласила меня на другой день обѣдать, и, пока останусь въ Тифлисѣ, по понедѣльникамъ на вечера, „поплясать“, добавилъ графъ. Я откланялся, и въ какомъ-то туманѣ вышелъ изъ дво̀рца, не чувствуя подъ собою ногъ.

Обѣды у графа Воронцова начинались ровно въ 6 часовъ, при свѣчахъ; приглашенныхъ каждый день было не менѣе 25—30 человѣкъ; графъ садился по срединѣ стола на одной, графиня на другой сторонѣ; ближе къ нимъ садились кому

они сами укажутъ, прочіе размѣщались, соблюдая между собою принятую послѣдовательность по чинамъ; обѣдъ продолжался ровно часъ; разговоры велись, конечно, не громкіе, но оживленные, и только когда графъ Михаилъ Семеновичъ что-нибудь начиналъ разсказывать, наступало общее молчаніе. Послѣ обѣда, когда обносили кофе, котораго графъ никогда не пилъ, онъ обходилъ своихъ гостей, кому говорилъ какую-нибудь любезность, предлагалъ вопросъ, или вспоминалъ что-нибудь дѣловое и велѣлъ являться на другой день; затѣмъ уходилъ въ гостиную, садился за карты, большею частью съ постоянными партнерами, игралъ въ ломберъ, шутилъ съ садившимися около него дамами, обыкновенно проигрывалъ и расплачивался все гривенничками и пятачками; изрѣдка закуривалъ пахитосу, иногда бралъ щепотку изъ лежавшей около него золотой табакерки, съ портретомъ императора Александра I, и какъ будто нюхалъ. Все у него выходило просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то особенно величаво, если можно такъ выразиться, не такъ, какъ у обыкновенныхъ, видѣнныхъ мною до того людей. Чрезвычайно доволенъ бывалъ графъ, если около него садились княгини—умнѣйшая изъ туземокъ Марья Ивановна Орбельянъ (въ послѣдствіи теща фельдмаршала князя Барятинскаго), Манана Орбельянъ или Елена Эристова. Княгиня Манана, не взирая на свои тогда уже немолодыя лѣта, не менѣе 45, была одна изъ красивѣйшихъ женщинъ, такъ что остряки обвиняли ее за то, что ея дочь засидѣлась въ дѣвушкахъ: она являлась вездѣ вмѣстѣ съ дочерью; на эту никто и смотрѣть не хотѣлъ... Дѣйствительно, дочь Настасья (въ послѣдствіи вышедшая за князя Алекс. Иван. Гагарина, о которомъ мнѣ придется говорить подробно) была далеко не такъ красива, какъ ея мать. Всѣ подобныя мелочи покажутся, конечно, не интересными и лишними читателю, не кавказскому старожилу; но, возобновляя въ моей памяти эти мелочи, переносящія въ давно минувшій, лучшій періодъ кавказской жизни, я убѣжденъ, что встрѣчу у многихъ къ нимъ интересъ и сочувствіе.

Вечера по понедѣльникамъ были одними изъ тѣхъ пріятныхъ собраній, которыя только и возможны у вельможъ подобныхъ графу Воронцову. Неизмѣнная любезность и привѣтливость обоихъ супруговъ, становившихся у дверей гостиной для встрѣчи всѣхъ подходившихъ гостей, полная непринужденность, оживленный говоръ, множество красивыхъ женщинъ и блестящей молодежи, въ чемъ развѣ столицы могли поспорить съ Тифлисомъ, обширность помѣщенія, великолѣпная обстановка, прекрасный оркестръ, щедро уставленный буфетъ и въ заключеніе отличный ужинъ на отдѣльныхъ столикахъ, занимаемыхъ своими кружками, превосходныя вина—все это съ заключительною мазуркой, особенно протежируемымъ графиней танцемъ (какъ полька, она, сама собою, отдавала ему преимущество), исполнявшейся такъ, какъ мнѣ ужь послѣ никогда и не случалось видѣть, производило неотразимо увлекающее, радостное впечатлѣніе, особенно на такого молодого, мало видѣвшаго людей человѣка, какимъ я былъ въ тѣ поры. Графъ садился за свою партію ломбера, когда всѣ гости уже нашли свои занятія за танцами, игрой или въ кружкахъ группировавшихся около графини Елисаветы Ксаверьевны, или около жившей въ ихъ домѣ старой пріятельницы графини Шуазёль де-Гуфье. Въ одинадцать часовъ Михаилъ Семеновичъ незамѣтно уходилъ и за ужиномъ его очень рѣдко можно было видѣть. Онъ велъ вообще жизнь педантически-регулярную, какъ истый англійскій лордъ; вставалъ въ семь, въ восемь уже сидѣлъ въ кабинетѣ, выслушивая чтеніе иностранныхъ газетъ, въ девять тутъ же завтракалъ обильно по-англійски, въ двѣнадцать выпивалъ рюмочку съ наперстокъ коньяку, закусывая крошками сухарика, въ четыре отправлялся верхомъ или въ экипажѣ, а въ хорошую погоду пѣшкомъ съ графиней гулять, въ шесть обѣдалъ, въ одинадцать удалялся на покой и выслушивалъ еще доклады своего метрдотеля, главнаго кухмистера, да болтовню своего ловкаго, всему Кавказу хорошо извѣстнаго камердинера „Джовани“, то-есть просто Ивана Мартыныча, изъ одесскихъ, кажется, молдаванъ,—

лицо знаменитое въ двухъ отношеніяхъ; вопервыхъ, онъ былъ, безъ всякаго преувеличенія, русскій Меццофанти и говорилъ одинаково бѣгло на двадцати, по крайней мѣрѣ, европейскихъ и восточныхъ языкахъ, въ томъ числѣ по-гречески, черногорски, болгарски и пр.; вовторыхъ, онъ такъ игралъ на билліардѣ, что на его игру сходились смотрѣть какъ на представленіе фокусника; онъ дѣлывалъ по нѣскольку сотъ очковъ на одномъ и томъ же красномъ шарѣ, какіе-то заказные триплеты, означалъ мѣломъ мѣсто, гдѣ его шаръ долженъ остановиться и т. п. Вообще, этотъ „Джовани" былъ человѣкъ недюжинный, и про многихъ генераловъ говорили, что они при встрѣчѣ весьма любезно жали ему руку, спрашивая о здоровьѣ... Былъ тогда въ Тифлисѣ полковникъ Д., командиръ гренадерскаго полка, такъ тотъ не стѣснялся и дѣлалъ это даже при другихъ, да приглашалъ нерѣдко Джовани къ себѣ на завтраки. Онъ же Д. былъ постоянный партнеръ графа въ ломберъ и, чтобы не упустить только этотъ дорогой для него случай, стать такъ-сказать домашнимъ человѣкомъ графа, онъ ломберу выучился въ одну ночь у того же Джовани...

Никакъ не могу вспомнить теперь, какъ и чрезъ кого довелъ я до свѣдѣнія графа о моей запискѣ и о просьбѣ перевести меня въ другое мѣсто на службу. Чуть ли не чрезъ любимца графа, молодого князя Илью Орбельяни, знавшаго меня съ поѣздки чрезъ Тіонеты и очень дружелюбно меня встрѣчавшаго всегда въ Тифлисѣ; онъ, повидимому, нетолько не сочувствовалъ новому назначенію Левана Челокаева, но въ видѣ шутки, мнѣ говорилъ: какъ вамъ нравится вашъ новый начальникъ „камбечи" (буйволъ)? Говорилъ онъ со мною всегда по грузински и, должно быть, это его такъ и располагало ко мнѣ. Человѣкъ онъ былъ хоть безъ образованія, но умный, весьма симпатичный и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный; пользовался неограниченнымъ расположеніемъ графа Воронцова, которымъ во зло не употреблялъ. Молодой, красивый, онъ женился на царевнѣ грузинской Варварѣ Ильинишнѣ, былъ послѣ командиромъ Грузинскагог ренадерскаго

полка и въ чинѣ генералъ-маіора погибъ въ сраженіи съ турками при Башъ-Кадыкларѣ отъ смертельной раны (1853). (Онъ, будучи адъютантомъ генерала Фези, былъ въ 1842 взятъ въ плѣнъ Шамилемъ въ Казикумухѣ и выкупленъ или обмѣненъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. И какая страшная судьба! женѣ его тоже пришлось побывать у Шамиля въ плѣну, въ 1854 году, мѣсяцевъ черезъ восемь послѣ смерти мужа; хорошо, что онъ не дожилъ до этого несчастія!...)

У меня совершенно ясна до сихъ поръ предъ глазами сцена, какъ я читалъ свою записку графу въ его кабинетѣ и въ присутствіи князя Василія Осиповича Бебутова, тогдашняго начальника гражданскаго управленія за Кавказомъ. (Знаменитый въ послѣдствіи побѣдитель турокъ при Башъ-Кадыклярѣ и Курюкъ-Дара). Графъ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ мое громкое чтеніе и очевидно старался обратить на предметъ вниманіе князя Бебутова. Помню еще при этомъ слѣдующій случай: описывая перевалъ чрезъ главный хребетъ у села Хахматы, называемый Велькетили, я считалъ его весьма удобнымъ для движенія войска и тяжестей; тутъ я былъ прерванъ замѣчаніемъ князя Бебутова что самое названіе перевала доказываетъ однако его не хорошія качества. Но какъ напротивъ Вели-кетили по-грузински значитъ благородная (благодатная) поляна, то я и возразилъ князю, пояснивъ это значеніе; на что̀ Василій Осиповичъ отвѣтилъ, что я совершенно правъ, а онъ не разслышалъ и думалъ, что я прочиталъ „Веркетили“, т. е. *не* благородная; причемъ, обратясь къ графу, весьма внимательно слѣдившему за непонятнымъ для него споромъ на грузинскомъ языкѣ, сказалъ: „Какъ онъ хорошо знаетъ и выговариваетъ грузинскія слова“. Это вызвало улыбку удовольствія у графа и, когда я кончилъ чтеніе, онъ сказалъ мнѣ: „спасибо тебѣ, любезный З—, за всѣ эти свѣдѣнія; оставь записку у меня, я еще ее просмотрю и дамъ тебѣ знать о послѣдствіяхъ; а завтра приходи обѣдать“.

Я откланялся, а вслѣдъ за мною вышелъ изъ кабинета и

князь Бебутовъ, выразилъ удовольствіе „познакомиться“ (усыпанный звѣздами генералъ, начальникъ всего закавказскаго гражданскаго міра, знакомится съ малѣйшимъ изъ своихъ подчиненныхъ, помощникомъ окружнаго начальника, губернскимъ секретаремъ! Очень мнѣ это чудно показалось, я становился просто въ тупикъ отъ всѣхъ этихъ обращеній служебныхъ Геркулесовъ, стоявшихъ тогда въ моихъ глазахъ на недосягаемой высотѣ). Сходя вмѣстѣ съ лѣстницы, князь разспрашивалъ меня о прежней службѣ и проч., а садясь въ экипажъ добавилъ: „надѣюсь, мы съ вами еще увидимся“.

Понятно, что на другой день я поспѣшилъ ему представиться (представленіе такихъ мелкихъ пріѣзжихъ, какъ я, къ начальнику гражданскихъ управленій вовсе не было обязательнымъ), былъ очень любезно принятъ, долженъ былъ выдержать нѣчто въ родѣ экзамена на грузинскомъ языкѣ, поговорилъ немного и по-нѣмецки, отвѣтилъ на нѣсколько вопросовъ о положеніи Тушинскаго округа и получилъ похвалу, особенно за грузинскій выговоръ. А нужно знать, что князь Василій Осиповичъ, вообще умный и образованный человѣкъ, былъ замѣчательный лингвистъ; онъ одинаково говорилъ по-русски, французски, нѣмецки, армянски, персидски, татарски, грузински и не дурно по-польски; говорилъ отлично не только въ смыслѣ грамматическомъ, но и ораторскомъ, — таковъ былъ общій отзывъ всѣхъ близко его знавшихъ. Вообще это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ генераловъ, которые десятки лѣтъ съ пользою послужили государству и не даромъ осыпались наградами. Онъ, какъ рѣдкое, да едва ли и бывалое исключеніе, въ чинѣ генералъ-лейтенанта получилъ Андреевскую звѣзду за побѣду надъ турками при Курюкъ-Дара (умеръ въ Тифлисѣ въ 1857—58-мъ году). Говорили, что онъ имѣлъ много важныхъ недостатковъ. Но это едва ли должно падать великимъ упрекомъ на его память. Много ли въ то время было на Кавказѣ, да и вообще въ Россіи безупречныхъ генераловъ? Въ отрядѣ князя Бебутова, на турецкой границѣ, ни люди, ни лошади не

гибли отъ недостатка продовольствія, а въ то же время въ Крыму что̀ происходило? Онъ одержалъ двѣ рѣшительныя побѣды надъ тройными силами лучшихъ турецкихъ войскъ, а въ то же время на Дунаѣ и въ Крыму мы терпѣли только пораженія, даже и отъ турокъ... Говорили, что будто въ побѣдахъ своихъ самъ князь Бебутовъ вовсе не повиненъ, что у него никакого заранѣе опредѣленнаго плана не было, что въ рѣшительныя минуты онъ даже не зналъ что̀ предпринять. Хотя человѣчеству вообще больше присуще злорадное чувство охужденія и, безъ сомнѣнія, это чувство играло въ такихъ отзывахъ свою роль, но допустимъ, что все это было и такъ. Что̀ же слѣдуетъ? Кому же приписать славу побѣды и успѣха (тѣмъ болѣе важныхъ тогда, какъ единственныя ободряющія извѣстія среди печальныхъ событій)? Храбрости войскъ? Но развѣ тѣ войска что̀, загнатыя въ болото подъ Ольтеницей, гибли отъ убійственнаго штуцернаго огня и едва убрались, были менѣе храбры? Или тѣ что̀ лѣзли на Инкерманскія высоты, или на Ѳедюхины горы? Такъ или иначе, а среди унынія, обуявшаго всю Россію — два раза раздаются побѣдные звуки, везутъ на показъ отнятыя знамена и сотни пушекъ, это что-нибудь да значитъ! И все тотъ же князь Бебутъ, какъ солдаты острили, задалъ турку капутъ. Ни отнять, ни уменьшить даже поэтому заслуги его невозможно. Что же касается злоупотребленій по дѣламъ съ подрядчиками, о которыхъ разсказывалось, то, допуская даже ихъ основательность, приходится только жалѣть о слабостяхъ человѣчества и не забывать *смягчающихъ обстоятельствъ*, не забывать заразительности примѣровъ окружающихъ людей, не забывать взглядовъ почти традиціонныхъ въ извѣстныхъ слояхъ общества и, еще болѣе, плохой системы, при которой не только возможны всякія незаконныя наживы, но какъ будто поощряющей ихъ...

Возвращаюсь къ прерваннымъ моимъ похожденіямъ. Когда я на другой день явился къ обѣду, графъ Михаилъ Семеновичъ лично подвелъ меня къ полковнику Ефиму Ивановичу Золо-

тареву (тогда командиръ линейнаго баталіона въ Ананурѣ и начальникъ всѣхъ военныхъ постовъ по Военно-Грузинской дорогѣ до Ларса включительно) и сказалъ: „Вотъ, полковникъ, тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ, познакомтесь съ нимъ, поговорите и послѣ вмѣстѣ явитесь къ начальнику главнаго штаба“.

Я сначала былъ въ недоумѣніи къ чему понадобилось мое знакомство съ этимъ совершенно неизвѣстнымъ мнѣ господиномъ полковникомъ; однако мы сѣли за столъ рядомъ и дѣло объяснилось. Графъ требовалъ Золотарева къ себѣ, давалъ ему читать мою записку и спрашивалъ его мнѣнія, какъ старожила на Военно-Грузинской дорогѣ и будто знающаго хорошо положеніе прилегающихъ кистинскихъ племенъ. Золотаревъ совершенно одобрилъ мое предположеніе. Тогда графъ сказалъ ему что намѣренъ на него возложить исполненіе этого дѣла, что записку передастъ начальнику главнаго штаба и мы должны съ нимъ подробно объясниться. Послѣ обѣда я отправился къ г. Золотареву на квартиру, гдѣ мы довольно долго бесѣдовали. Разсказалъ онъ мнѣ, что, очень давно служа на Военно-Грузинской дорогѣ, имѣлъ случай близко познакомиться съ кистинами, которые въ качествѣ какихъ-то полупокорныхъ часто приходятъ на работы или для мелкой торговли въ ближайшія осетинскія ущелья, что они же главнымъ образомъ виновники всѣхъ происшествій въ этихъ мѣстахъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мой взглядъ на важность занятія этихъ обществъ, что̀ это совершенно обезпечило бы свободное сообщеніе по дорогѣ къ Владикавказу и что его родственникъ полковникъ князь Аваловъ, начальникъ туземныхъ племенъ по Военно-Грузинской дорогѣ (хорошо знакомый съ положеніемъ Хевсуріи и Кистетіи), совершенно такого же мнѣнія; но что не имѣли они объ этомъ до сихъ поръ случая заявить начальству. Полковникъ Золотаревъ выразилъ большое удовольствіе, что моя записка, повидимому, дастъ толчокъ этому полезному дѣлу и думалъ, что начальникъ штаба будетъ, безъ сомнѣнія, требовать по-

дробностей о средствахъ исполненія, о числѣ нужныхъ войскъ, денегъ и пр.; что поэтому слѣдуетъ заранѣе приготовитьсякъ отвѣту на всѣ вопросы. Мы условились на другой день въ десять часовъ утра вмѣстѣ явиться къ начальнику главнаго штаба.

Г. Золотаревъ показался мнѣ человѣкомъ не весьма далекимъ, многорѣчивымъ, но какъ-то не совсѣмъ въ ладу съ логикой, вообще типомъ армейскаго штабъ-офицера, между прочимъ очень занятаго собою, не взирая на свои не молодые уже годы; носилъ онъ ордена какого-то особаго громаднаго размѣра, красилъ усы и волосы, весьма изысканно ихъ причесывая. Однако я очень радъ былъ, что онъ, все же вѣдь полковникъ съ Владиміромъ на шеѣ, повидимому отличаемый главнокомандующимъ, раздѣлялъ мои предположенія и всѣми силами старался ихъ поддерживать. Я былъ въ полной увѣренности, что затѣмъ къ ихъ осуществленію никакихъ препятствій быть уже не можетъ, и что я такимъ образомъ могу отлично устроиться, съ совершеннымъ изъятіемъ отъ невыносимой подчиненности князю Левану Челокаеву и отъ опасныхъ козней его грознаго кабинетъ-секретаря...

XII.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, я долженъ сдѣлать отступленіе и возвратиться къ характеристикѣ управленія князя Воронцова Кавказскимъ краемъ.

Изъ сказаннаго уже мною по этому поводу прежде, читатель достаточно могъ убѣдиться, что управленіе это принесло краю огромную пользу, какъ въ гражданскомъ такъ и въ военномъ отношеніяхъ, хотя я и оговорился, что, какъ во всемъ на свѣтѣ, такъ и въ этомъ были свои тѣни. Не скрываю своей принадлежности къ числу поклонниковъ князя Михаила Семеновича Воронцова и донынѣ, хотя четверть столѣтія прошла съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь въ послѣдній разъ его видѣть, сохраняю объ немъ самое почтительнѣйшее воспоминаніе. Тѣмъ не менѣе истина не

должна склоняться ни предъ чѣмъ и тѣни историческихъ лицъ, заслуги коихъ своей странѣ неопровержимы, не могутъ оскорбляться обличеніями какой-нибудь одной ошибочной стороны ихъ дѣятельности. Въ настоящемъ случаѣ это тѣмъ болѣе такъ, что и самая ошибочность дѣйствій, о коихъ будетъ сказано ниже, можетъ быть еще оспариваема или оправдываема соображеніями, въ то время не для всѣхъ ясными. Во всякомъ же случаѣ, на непогрѣшимость никто изъ смертныхъ претендовать не можетъ.

Съ самаго начала управленія новаго намѣстника (1845), яснѣе всего высказалось одно направленіе: возвышеніе всѣми возможными способами туземной аристократіи, даже мусульманской, хотя этой и не въ такой степени какъ грузинской и армянской, и покровительство вообще въ служебныхъ сферахъ туземному элементу. Князь Воронцовъ окружилъ себя адъютантами, чиновниками особыхъ порученій и разными состоявшими при немъ изъ туземныхъ князей, переводившимися по этому случаю въ гвардію; нѣсколько княженъ были назначены фрейлинами; всѣ генералы и штабъ-офицеры изъ князей, состоявшіе до того „при арміи“, то-есть не у дѣлъ, получили весьма видныя и значительныя назначенія; какъ въ военномъ такъ и въ гражданскомъ вѣдомствахъ лучшія мѣста стали заниматься туземцами.

Большинство князей были бѣдны, обременены долгами, имѣнія ихъ были заложены; связанные множествомъ процессовъ и всякихъ запутанныхъ дѣлъ, они были въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а жившіе въ Тифлисѣ въ особенности; этимъ послѣднимъ нужны были большія средства для придворныхъ посѣщеній и удовлетворенія прихотямъ сильно развившейся роскоши, особенно по части женскихъ нарядовъ. Грузины вообще тароваты, у нихъ тоже широкая натура: разъ попались въ руки деньги, все забыто, и нужда, и долги, и недавнее критическое положеніе; въ этомъ они не отстали отъ русскихъ замашекъ. Два-три заѣзжихъ Француза отлично воспользовались установившимися тогда въ Тифлисѣ усло-

віями общественной жизни и обирали княгинь, да и вообще дамскую публику, до непозволительныхъ размѣровъ, продавая на вѣсъ золота всякія тряпки и модныя произведенія своего Вавилона.

Отъ вниманія князя Воронцова не укрылась эта сторона быта грузинскихъ князей, и, благодаря его сильному покровительству, ускорены были благопріятныя рѣшенія тяжебъ, слагались со счетовъ казенные долги и взысканія, выдавались новыя ссуды на условіяхъ болѣе чѣмъ льготныхъ, отчуждались казенныя и церковныя имущества и т. п. Дѣлалось это болѣе или менѣе для всѣхъ вообще князей, но въ частности особенно для двухъ, трехъ болѣе приближенныхъ семействъ, что̀ возбуждало зависть и досаду другихъ.

Чтобы сблизить туземную аристократію съ русскими, намѣстникъ покровительствовалъ и поощрялъ браки между княжнами и своими приближенными. По традиціоннымъ понятіямъ, княжны грузинскія въ то время вообще выходили только за своихъ князей; за русскихъ же въ видѣ рѣдкаго исключенія, и то развѣ за аристократа, или очень важнаго по служебному положенію, или протежируемаго кѣмъ-нибудь изъ сильныхъ міра сего. Хлопоты князя и княгини Воронцовыхъ, конечно, увѣнчивались успѣхомъ, и союзовъ состоялось не мало. Начало было сдѣлано докторомъ Андреевскимъ, хотя и не аристократомъ по происхожденію, но стоявшимъ высоко, вслѣдствіе положенія, которое онъ занималъ при князѣ.

Однимъ словомъ, и въ оффиціальной, и въ частной своей дѣятельности намѣстникъ очевидно выказывалъ рѣшительное предпочтеніе туземному высшему сословію. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вслѣдствіе этого русская часть общества, особенно въ Тифлисѣ и въ высшихъ служебныхъ слояхъ, имѣвшихъ возможность ближе и яснѣе видѣть эту систему во всѣхъ ея проявленіяхъ, была не совсѣмъ довольна, и въ своихъ порицаніяхъ и сужденіяхъ невольно приняла оппозиціонный характеръ. Такое настроеніе еще болѣе усиливалось тѣмъ, что многіе изъ туземныхъ князей прини-

мали посыпавшіяся на нихъ милости какъ должную ихъ званію и достоинствамъ дань и уже стали обращаться съ русскими, даже съ тѣми у которыхъ еще весьма недавно заискивали, съ нѣкоторымъ презрительно-покровительственнымъ видомъ. Большинство русскихъ объясняло эту систему князя Воронцова простымъ желаніемъ пріобрѣсти популярность у туземцевъ, создавъ себѣ при жизни памятникъ, и обвиняло его въ стремленіи къ этой личной цѣли даже въ ущербъ государственнымъ интересамъ. Но какъ подъ впечатлѣніями минуты ошибалась очевидно одна сторона, принимая все для нея дѣлаемое за должное, такъ конечно ошибалась и другая, видя въ дѣйствіяхъ князя Михаила Семеновича исключительно эгоистическую цѣль исканія популярности. Между этими двумя крайними мнѣніями истину приходится искать въ серединѣ.

Если допустить, что исканіе популярности или желаніе проводить принципъ преобладанія аристократизма на новой, весьма удобной въ этомъ отношеніи почвѣ и играло тутъ свою роль, то еще въ большей степени могла руководить дѣйствіями князя идея привязать къ Россіи высшія сословія края, а чрезъ нихъ скрѣпить съ нею тѣснѣе и весь край. При значительности вліянія тогдашней аристократіи за Кавказомъ на туземное населеніе, идея эта имѣла свои достаточныя основанія. Мусульманская аристократія, съ усиленіемъ ея значенія и вліянія, могла бы даже оказать, особенно въ пригорныхъ областяхъ, большую пользу, служа противовѣсомъ усилившемуся преобладанію фанатическаго духовенства, проповѣдывавшаго чистый демократизмъ и священную войну противъ насъ. Къ сожалѣнію, большинство хановъ и мусульманскихъ аристократовъ не отличались искренностью, и даже наиболѣе взысканные милостями нашего правительства всегда играли двойную роль: предъ русскими щеголяли большою любовью къ эполетамъ, орденамъ, низкопоклонничая нерѣдко до приторности, а предъ своими горцами старались выказываться педантическимъ исполненіемъ намазовъ и презритель-

ными рѣчами о гяурахъ. Что касается туземной христіанской аристократіи, то желаніе привлечь ее на службу и замѣнить ею большинство пріѣзжихъ чиновниковъ, не связанныхъ съ интересами края, порицаемо быть не могло, если бы только соблюдалось болѣе строгости въ выборѣ.

Дѣло однако въ томъ, что образъ дѣйствій намѣстника въ отношеніи всей этой системы покровительства туземнымъ высшимъ сословіямъ страдалъ слишкомъ очевидною исключительностью: для аристократіи все, хотя бы и не вполнѣ законное, справедливое, и въ ущербъ другимъ; для служащихъ князей полнѣйшее вниманіе, широкая благосклонность, а для русскихъ чиновниковъ и даже туземцевъ не князей, за весьма рѣдкими исключеніями, нѣчто въ родѣ холодно-презрительнаго равнодушія.

Рѣзче всего обнаруживалось подобное отношеніе намѣстника къ туземцамъ и представителямъ русской администраціи во время его частыхъ объѣздовъ края. Подъѣзжаетъ, напримѣръ, князь Михаилъ Семеновичъ къ границѣ какого-нибудь уѣзда. Тутъ уѣздный начальникъ, большею частію изъ военныхъ штабъ-офицеровъ или гражданскихъ чиновъ VI—VII класса, его помощникъ, участковый засѣдатель (становой приставъ) и толпа мѣстныхъ жителей-князей или бековъ, почетныхъ старшинъ, муллъ и много просто любопытныхъ (мусульмане особенно падки на всякія встрѣчи и проводы высшихъ властей, чтобъ услышать что-нибудь могущее возбудить глубокомысленныя политическія разсужденія и догадки). Князь, бывало, выйдетъ изъ экипажа, почти не замѣтитъ вытянувшихся въ струнку мѣстныхъ администраторовъ, подойдетъ къ толпѣ, съ своею столь памятною всѣмъ его знавшимъ улыбкой начнетъ привѣтливо протягивать руку не только аристократамъ или почетнѣйшимъ лицамъ, а чуть не всѣмъ безъ разбора, нерѣдко такимъ, которымъ свой-же, дѣйствительно почетный человѣкъ никогда руки не подастъ, мало того, которымъ тотъ же незамѣтный въ ту минуту участковый засѣдатель быть-можетъ не разъ, и пожалуй еще наканунѣ, отпу-

скалъ по десятку нагаекъ и пощечинъ, съ прибавленіемъ энергическихъ татарскихъ ругательствъ, въ родѣ анасыны, бабасыны...

Туземцы народъ весьма смѣтливый и политичный; отъ нихъ такое обращеніе съ ближайшимъ начальствомъ не могло ускользнуть и результатомъ неминуемо должно было быть неуваженіе къ чиновному элементу, между тѣмъ, какъ на этой далекой окраинѣ этотъ элементъ былъ единственнымъ представителемъ Россіи, единственнымъ пока орудіемъ для введенія въ краѣ нѣкотораго гражданскаго порядка и ассимилирующаго начала. Князь Воронцовъ, повидимому, болѣе разсчитывалъ въ этомъ отношеніи на мѣстную аристократію, но осуществленіе такой надежды требовало не мало времени, а между тѣмъ ослабленіе вліянія представителей русской администраціи могло отодвинуть назадъ результаты многихъ лѣтъ, результаты если не блестящіе, то однако и не ничтожные, обезпечившіе во всякомъ случаѣ и порядокъ, и поступленіе податей, и охрану правъ семейныхъ и имущественныхъ. Да и самый разсчетъ на мусульманскую аристократію, какъ на звено между ихъ соплеменниками и Россіей, нельзя было не считать весьма шаткимъ; ихъ дѣйствія всегда и во всемъ требовали строгаго надзора, еще болѣе—близкаго присутствія внушительной силы; а приверженность ихъ обходилась довольно дорого правительству въ видѣ подарковъ, пенсій и т. п., народу же въ видѣ разныхъ поборовъ и соковыжимательствъ, на которое правительство вынуждено было смотрѣть сквозь пальцы и тѣмъ возбуждать справедливые упреки.

Нѣтъ сомнѣнія, что коренившаяся между большинствомъ уѣздныхъ властей наклонность ко всякаго рода злоупотребленіямъ, какъ въ Новороссійскомъ краѣ и среди крымскихъ татаръ, долго управляемыхъ княземъ Воронцовымъ, такъ и въ Закавказскомъ краѣ, внушили князю чувства крайняго нерасположенія къ этимъ господамъ чиновникамъ; но слѣдовало ли намѣстнику подчинять свои дѣйствія этому чувству и высказывать его предъ туземнымъ населеніемъ, это другой вопросъ.

Преслѣдуйте, казните обвиненныхъ въ злоупотребленіяхъ чиновниковъ, не давая имъ, если угодно, никакого снисхожденія; но пока человѣкъ занимаетъ извѣстное служебное положеніе, представляетъ въ лицѣ своемъ законную власть, считается, такимъ образомъ, заслуживающимъ довѣрія (иначе не слѣдовало бы его назначать), не политично подрывать къ нему уваженіе, безъ котораго трудно ожидать выполненія лежащихъ на немъ многосложныхъ обязанностей, тѣмъ болѣе важныхъ, что онѣ сталкиваются съ жизнью, съ живыми людьми, а не съ бумагой и формами, какъ въ высшихъ административныхъ учрежденіяхъ... Не рѣдко даже сами туземцы высказывали по этому случаю свое недоумѣніе, особенно когда протягиваніе руки намѣстника распространялось на такихъ субъектовъ, которые, какъ уже сказано выше, такой чести не удостоивались отъ своихъ старшинъ, а отъ мѣстныхъ администраторовъ испытывали нерѣдко практиковавшіяся тогда тѣлесныя наказанія.

Неравенство обращенія еще рѣзче бросалось въ глаза, когда уѣздный начальникъ, или даже участковый засѣдатель, былъ изъ мѣстныхъ князей: такому оказывалось и другое вниманіе, и рукопожатія и пр. А простой народъ за Кавказомъ, и мусульмане, и даже свои грузины, все-таки предпочитали въ тѣ времена начальниковъ изъ русскихъ, чѣмъ изъ туземцевъ, которые, уступая русскимъ въ знаніи дѣла и въ усердіи исполненія своихъ обязанностей, ни мало не уступали между тѣмъ имъ въ желаніи нажиться, а по части произвола гораздо превосходили русскихъ, ибо руководствовались традиціями азіятскихъ правителей стараго закала и не такъ страшились послѣдствій за свои незаконныя дѣйствія.

Съ этими пашами и ханами изъ туземной аристократіи населенію было весьма трудно справиться, потому что вслѣдъ за намѣстникомъ ихъ протежировало и все высшее начальство, они были сильны своими связями въ Тифлисѣ. Въ крайнемъ случаѣ отрѣшался такой князь отъ должности; что же это для него значило? Онъ возвращался въ свое кахетинское

или карталинское имѣніе съ запасцемъ, и въ своемъ кругу не терялъ ни на іоту ни уваженія, ни вліянія. Между тѣмъ какой-нибудь титулярный совѣтникъ Сидоровъ или губернскій секретарь Ивановъ весьма легко летѣли съ своихъ мѣстъ не только по жалобѣ общества, которому могли уже слишкомъ солоно придтись ихъ вымогательства (иногда же за слишкомъ строгое преслѣдованіе воровства и другихъ преступленій), но нерѣдко даже по одной бездоказательной жалобѣ какого-нибудь мѣстнаго туза бека, извѣстнаго не только въ своемъ кругу, но часто и высшимъ губернскихъ начальственнымъ сферамъ за отъявленнаго покровителя воровъ, грабителей и контрабандистовъ, нерѣдко личнаго ихъ соучастника, что̀ между мусульманскими аристократами вовсе не составляло особаго исключенія. А отрѣшеніе отъ должности Сидорова или Иванова, не говорю съ преданіемъ суду, но даже и безъ того, отзывалось на немъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на туземномъ отрѣшенномъ чиновникѣ: онъ становился какимъ-то паріей, гонимымъ изъ служебной среды, презираемымъ, напрасно толкающимся по переднимъ всякаго начальства и большею частью нищимъ, лишеннымъ всякихъ средствъ существованія, ибо нахватанныхъ имъ незаконно нѣсколькихъ сотъ или даже тысячъ рублей, въ особенности если онъ былъ человѣкъ семейный, доставало лишь на короткое время, при относительной дороговизнѣ жизни въ Закавказскомъ краѣ.

Желаніе князя Воронцова возвышать туземцевъ и давать имъ всѣми возможными способами ходъ выражалось систематически на каждомъ шагу. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Шемаху, послѣ представленія ему всѣхъ губернскихъ чиновниковъ, намѣстникъ обратился къ губернатору, барону А. Е. Врангелю, съ вопросомъ, въ которомъ звучала нота неудовольствія: отчего у васъ такъ мало чиновниковъ изъ туземцевъ? На отвѣтъ же барона, что желающихъ служить туземцевъ онъ прикомандировываетъ къ губернскому правленію для испытанія, но что большинство ихъ оказываются малоспособными, князь ничего не возразилъ, но ему видимо это не понравилось.

Большинство представлявшихся чиновниковъ были русскіе, нѣсколько поляковъ и на всю губернію два-три нѣмца. Баронъ Врангель былъ увѣренъ, что намѣстникъ замѣтитъ его безпристрастіе въ этомъ отношеніи, то-есть что онъ не окружаетъ себя исключительно баронами,—слабость многихъ высокопоставленныхъ нѣмцевъ, строго порицавшаяся княземъ Воронцовымъ. Порицаніе совершенно справедливое; только, къ сожалѣнію, князь не замѣчалъ, что самъ впадалъ въ этого рода пристрастіе: какъ начальники изъ нѣмцевъ хотѣли давать исключительно ходъ остзейскимъ баронамъ, такъ онъ желалъ наполнить всѣ вѣдомства исключительно туземцами-аристократами. Я уже упоминалъ выше, что въ этомъ стремленіи выдвигать туземные аристократическіе элементы княземъ Воронцовымъ, безъ сомнѣнія, руководила не одна узкая эгоистическая мысль пріобрѣсти популярность, какъ думали многіе, крайне недовольные его дѣйствіями въ этомъ отношеніи старослуживые кавказцы, люди впрочемъ безспорно умные, честные и занимавшіе высшіе посты. Онъ, конечно, имѣлъ въ виду и другую, государственную цѣль; да и справедливость требуетъ сказать, что если изъ туземной аристократіи оказались нѣкоторые не оправдавшіе ни своими способностями, ни безкорыстіемъ дѣйствій оказаннаго имъ вниманія и довѣрія, за то многіе изъ нихъ все это вполнѣ оправдали, принесли краю не мало пользы, служили честно и усердно, занимали долго съ достоинствомъ высшія военныя и гражданскія должности и внесли свои имена на страницы исторіи нашего владычества на Кавказѣ. Было бы нелѣпо предположить, что кто-нибудь претендовалъ на какое-то исключительное право однихъ русскихъ служить и править за Кавказомъ, и что князь Воронцовъ, передавая многія должности въ руки туземцевъ, причинялъ этимъ какой-нибудь ущербъ государственнымъ интересамъ. (Читателю не слѣдуетъ забывать, что все здѣсь говорится о временахъ давно минувшихъ, болѣе 30 лѣтъ назадъ; съ тѣхъ поръ все такъ измѣнилось, что, можно сказать, даже связи прошедшаго съ настоящимъ не оказывается). Дѣло во-

все не въ томъ. Упрекъ можетъ заключаться единственно въ исключительности, въ пристрастномъ выполненіи идеи, которая сама-по-себѣ могла имѣть первостепенныя достоинства. А что это пристрастіе было, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Мало того, я вполнѣ убѣжденъ, что лучшіе изъ туземной аристократіи, выдвинутые княземъ Воронцовымъ и могущіе безпристрастно отнестись и къ давно прошедшимъ фактамъ, и къ ихъ послѣдующимъ результатамъ, сами не отвергнутъ того, что пристрастіе было и легко могло быть устранено не только безъ всякаго ущерба основной идеѣ, но даже съ пользой для нея.

По истеченіи столькихъ лѣтъ страсти улеглись; къ тогдашнимъ событіямъ можно отнестись съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, ни чьи чувства, ни даже самыхъ фанатическихъ поклонниковъ князя Воронцова, не могутъ оскорбиться указаніемъ на эту сторону его дѣятельности, возбуждавшую въ свое время неудовольствіе нѣкоторыхъ и носившую, по безпристрастному анализу, характеръ предвзятой исключительности. Совершенства въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ и быть не можетъ: было бы недостойно памяти великаго человѣка желаніе выставлять всѣ его дѣянія совершенствомъ, непогрѣшимостью. Напротивъ, сопоставленія нѣкоторыхъ тѣневыхъ сторонъ только усиливаютъ свѣтлую сторону его великихъ заслугъ, оказанныхъ государству въ теченіе болѣе полувѣковой службы.

Было, впрочемъ, и еще одно обстоятельство, вызывавшее недовольные толки, опять же болѣе всего въ кругу высшихъ сферъ служебнаго міра: вмѣшательство въ дѣла и очевидное вліяніе на ихъ рѣшенія нѣкоторыхъ приближенныхъ къ князю лицъ, особенно одного, не имѣвшаго по званію своему никакого права на участіе въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, ни гражданскихъ, ни военныхъ. Неудовольствіе усиливалось еще тѣмъ болѣе, что вліяніе это носило очевидный характеръ эгоистическихъ побужденій и избирало пути не всегда безупречные. При всеобщемъ твердомъ убѣжденіи въ высокомъ безкорыстіи князя Воронцова и въ его стремленіи способство-

вать единственно пользамъ состоявшаго въ его управленіи края, искореняя на сколько возможно практиковавшіяся въ немъ (впрочемъ и во всей Россіи) злоупотребленія, общество, само собою, еще сильнѣе возмущалось, видя какъ нѣкоторыя личности, пользуясь широкимъ довѣріемъ и расположеніемъ князя, вводили его въ заблужденіе и достигали совершенія крупныхъ дѣлъ, весьма сомнительнаго свойства... Какъ примѣръ, можно привести дѣло о довольствіи войскъ Кавказской арміи спиртомъ. Изъ этого была устроена долголѣтняя монополія для одного тифлисскаго торговаго человѣка, извлекшаго милліонные барыши; между тѣмъ, какъ съ допущеніемъ свободной конкуренціи могли только выиграть и войска, и казна. Тутъ совершенно излишне разъяснять подробности; всякая монополія вредна и составляетъ источники злоупотребленій. Но князя такъ успѣли увѣрить въ противномъ, что онъ и слушать не хотѣлъ никакихъ доводовъ и возраженій, исходившихъ отъ лицъ, до коихъ это дѣло прямо относилось по ихъ служебному положенію и которыя по своей опытности и заслуженному всеобщему уваженію имѣли право на полное довѣріе. Было и еще не мало такихъ крупныхъ интересныхъ дѣлъ, гдѣ чрезъ доктора достигали рѣшенія къ явному ущербу казнѣ и общественнымъ интересамъ. Наконецъ, по случаю вмѣшательства всесильнаго эскулапа въ дѣло о введеніи въ Тифлисѣ монополіи на продажу мяса, терпѣніе публики лопнуло, толпа направилась къ его дому, перебила ему стекла и проч. Скандалъ вышелъ порядочный; но, какъ говорили, А. этимъ не смутился и послѣ короткой паузы дѣйствія его возобновились въ прежнемъ направленіи... Естественнымъ послѣдствіемъ этого было неудовольствіе, раздраженіе, не имѣвшія возможности заявляться открыто и вгонявшіяся поэтому внутрь; образовывалась незамѣтная оппозиція, умѣвшая, при всей наружной покорности, находить случаи оставлять нѣкоторыя желанія намѣстника неисполненными отчасти, а нѣкоторыя и вовсе, хотя въ этотъ разрядъ попадали иногда и полезныя, совершенно основательныя желанія. Случалось вслѣд-

ствіе этого также и то, что отлично выражается малороссійскою пословицей: „паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ“... Не странно ли, что такой государственный человѣкъ, какъ М. С. Воронцовъ, не взирая на подобныя достаточно явныя доказательства, не лишалъ А. своего довѣрія. Многіе старались объяснять это привычкой къ человѣку, въ которомъ постоянно встрѣчалась нужда. Можетъ быть и такъ. Впрочемъ, извѣстно, что графъ вообще былъ убѣжденъ въ невозможности существованія вполнѣ честнаго человѣка—не аристократа, и потому считалъ всякія злоупотребленія неизбѣжнымъ зломъ, которое слѣдуетъ по возможности удерживать лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ... Такой взглядъ усвоили себѣ и иные изъ его приближенныхъ, изъ аристократовъ, и достигнувъ впослѣдствіи высшихъ степеней и самостоятельныхъ мѣстъ, руководствовались имъ, допускали назначеніе лицъ сомнительныхъ качествъ на *доходныя* мѣста, не обращали никакого вниманія на громкій голосъ возмущавшагося общества; мало того—какъ-будто покровительствовали подобнымъ лицамъ. Невольно приходится задуматься: какая же особая разница между тѣми высшими начальствовавшими лицами, которыхъ обвиняли въ наживаніи капиталовъ незаконными путями, или такими, которые только потворствовали другимъ въ наживаніи, довольствуясь презрительнымъ отношеніемъ къ человѣчеству?.. И одно скверно, и другое не особенно похвально.

XIII.

Итакъ, на другой день послѣ обѣда у князя Воронцова и знакомства съ полковникомъ Золотаревымъ (начало 1848 г.), часовъ въ 10 утра явились мы къ начальнику главнаго штаба кавказской арміи и были тотчасъ потребованы въ кабинетъ. Тутъ я въ первый разъ и увидѣлъ вблизи столь извѣстнаго всему Кавказу начальника штаба. Генералъ Коцебу, щеголевато одѣтый, въ бархатной шитой золотомъ ермолкѣ на головѣ и съ янтарнымъ чубукомъ въ рукахъ, встрѣтилъ насъ нѣ-

сколькими обычными привѣтственными словами, при чемъ на лицѣ его выражалось нѣчто въ родѣ иронической улыбки. Обратясь ко мнѣ, генералъ сказалъ: „читалъ я вашу записку; все это прекрасно, только что же думаете вы этимъ достигнуть?“ Не успѣлъ я сообразить отвѣтъ на этотъ не совсѣмъ мнѣ ясный вопросъ, ибо цѣль объяснялась въ самой же запискѣ, какъ полковникъ Золотаревъ взялся за меня отвѣчать, и понесъ, понесъ!... Генералъ молчитъ, улыбается, пускаетъ дымъ изъ янтаря, а ораторъ, вѣроятно принимая это за одобреніе, несетъ, несетъ дальше, все звонко возвышающимся голосомъ, въ родѣ дьякона читающаго Евангеліе. Я и краснѣлъ, и волновался, и переминался съ ноги на ногу, однако не нашелся какъ тутъ быть, прервать ли полковника, видимо наслаждавшагося собственнымъ краснорѣчіемъ, и сказать „позвольте, вовсе не въ этомъ дѣло“, или дождаться когда онъ наконецъ замолчитъ и тогда уже повести свое слово. Между тѣмъ, воспользовавшись пріостановкой въ потокѣ словъ г. Золотарева, генералъ съ болѣе ясною ироническою улыбкою сказалъ: „все это *очень хорошо,* только *пользы* я тутъ *никакой не вижу;* а вамъ, господа, просто хочется *сочинить экспедицію*, чтобъ имѣть случай реляціи писать и награды получать.“ — „Помилуйте, обиженнымъ тономъ началъ опять полковникъ, напрасно изволите меня такими подозрѣніями оскорблять,“ и еще, еще, все въ этомъ родѣ... Однимъ словомъ, кончилось тѣмъ, что генералъ посмотрѣлъ на часы, весьма любезно поклонился, щелкнувъ шпорами, и мы вышли „не солоно хлебавши“. Я за всю аудіенцію не успѣлъ сказать ни единаго слова...

„Вотъ видите, заговорилъ Золотаревъ, когда мы очутились на улицѣ, — я былъ правъ: педантъ-съ, канцелярскій чиновникъ-съ и больше ничего-съ; вдобавокъ терпѣть не можетъ князя Михаила Семеновича, особенно за протежированіе Грузинъ-съ и гдѣ можетъ вымещаетъ на другихъ-съ“.

Болтовня эта меня, конечно, не утѣшала; мною овладѣло

какое-то уныніе и хотя бы облегчить свою досаду, высказавъ г. Золотареву, что его ораторство погубило дѣло, однако я и этого не сдѣлалъ, просто растерялся. Чѣмъ же вся эта исторія кончится?

Въ словахъ начальника главнаго штаба что „вы де хотите сочинить экспедицію, чтобы реляціи писать и награды получать", само собою, было не мало оскорбительнаго, но если принять во вниманіе, что на Кавказѣ дѣйствительно нерѣдко *сочинялись экспедиціи* съ цѣлью еще *большаго сочиненія реляцій о подвигахъ,* то онъ имѣлъ основаніе заявить такого рода подозрѣніе. Однако въ данномъ случаѣ, еслибы мнѣ пришлось сказать хоть нѣсколько словъ, генералъ К. вѣроятно бы убѣдился въ отсутствіи основаній для такого подозрѣнія. Предположеніе о движеніи чрезъ Хевсурію исходило отъ меня; г. Золотаревъ объ немъ рѣшительно ничего не зналъ и если по личному приглашенію самого князя Воронцова познакомиться со мною и съ моимъ предложеніемъ, отозвался, что совершенно раздѣляетъ мою мысль, то это произошло должно думать отчасти искренно, вслѣдствіе знакомства съ мѣстными обстоятельствами, отчасти вслѣдствіе обаянія, какое имѣло слово князя. Я же, составляя свою записку, былъ такой молодой и маленькій чиновникъ, ни въ какихъ до того экспедиціяхъ не участвовавшій и о писаніяхъ реляцій понятія не имѣвшій, что меня уже конечно нельзя было заподозрить въ такомъ поползновеніи, составлявшемъ спеціальность чисто военныхъ людей и большею частію изъ скороспѣлыхъ карьеристовъ высшаго общества. Къ тому же, еслибы мое предположеніе даже и осуществилось, то вѣдь не я былъ бы его руководителемъ и не отъ меня зависѣло бы сочиненіе реляцій. Вся моя записка и самая мысль о движеніи чрезъ Хевсурію къ верховьямъ Аргуна была, пожалуй, архи-юношескимъ произведеніемъ и хромала къ томуже отсутствіемъ убѣдительности въ изложеніи, и многихъ выводовъ и данныхъ, необходимыхъ въ такихъ случаяхъ для подкрѣпленія основательности самаго предположенія; можетъ быть совершенно справед-

ливо было бы сказать, что это ребяческое произведеніе, не заслуживающее серьознаго вниманія, порожденное какъ бы носившеюся тогда въ воздухѣ наклонностью всѣхъ къ проектамъ, но заподозривать искренность юношескаго побужденія оказать пользу общему дѣлу было несправедливостію.

Прошло съ недѣлю и я ничего не зналъ ни о судьбѣ записки, ни о моей собственной, а характеръ былъ у меня болѣзненно-нетерпѣливый и всякая неизвѣстность, долгое ожиданіе, были для меня самымъ мучительнымъ душевнымъ состояніемъ. Я шлялся по городу и, благодаря обширному знакомству съ туземною молодежью, въ томъ числѣ и съ знаменитымъ вожакомъ всѣхъ „дардимандовъ" (кутилъ), княземъ Арчиломъ Мухранскимъ, чуть не каждый день попадалъ на ихъ шумныя пирушки, на эти своеобразныя оргіи, полныя дико-разгульной азіятской поэзіи, увлекавшей почти безъ исключенія всѣхъ русскихъ. Но въ этотъ разъ я довольно апатически относился ко всему, незамѣтно оставлялъ веселыя компаніи въ самый разгаръ тостовъ и бѣшеной пляски подъ бубенъ, все носясь съ своими заботами о будущемъ.

Наконецъ, въ одно утро, меня потребовали къ князю. Войдя въ кабинетъ, я засталъ тамъ по обыкновенію княгиню, которая очень любезно мнѣ улыбнулась и спросила когда я уѣзжаю. Я отвѣтилъ, что это зависитъ отъ воли князя, на что онъ тутъ же сказалъ: „Я вотъ затѣмъ и потребовалъ тебя. Мы рѣшили узнать на счетъ твоихъ предположеній еще мнѣніе ближайшаго военнаго начальника генерала Шварца, которому и отправили твою записку. Поѣзжай къ нему, объяснись съ нимъ подробно, тогда увидимъ что дальше дѣлать; во всякомъ случаѣ я бы желалъ, чтобы ты остался въ томъ же округѣ служить. А вечеромъ приходи обѣдать". Я поклонился и вышелъ въ какомъ-то неопредѣленномъ настроеніи, не вполнѣ унылымъ, но и не вполнѣ ободреннымъ. Особенно послѣднія слова князя на счетъ продолженія службы подъ ненавистнымъ начальствомъ „камбечи" Челокаева и какая-то необычная нота въ голосѣ, показавшаяся мнѣ какъ

бы выраженіемъ нѣкотораго неудовольствія, смущали меня.

Вечеромъ, за обѣдомъ, князь мимоходомъ сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ, а В. П. Александровскій объявилъ мнѣ, что онъ получилъ приказаніе выдать мнѣ на дорогу денегъ, кажется сто рублей. Не помню, за этимъ же обѣдомъ, или за однимъ изъ понедѣльничныхъ вечеровъ, подошелъ ко мнѣ штабъ-офицеръ въ мундирѣ Грузинскаго гренадерскаго полка, человѣкъ уже весьма не молодой, сѣдой, полный и съ тонкою любезностью заявилъ желаніе познакомиться, назвавъ себя состоящимъ при князѣ полковникомъ Потоцкимъ. Давно служа на Кавказѣ, онъ-де очень интересуется туземными племенами и надѣется узнать отъ меня не мало любопытнаго. „Князь Михаилъ Семеновичъ неоднократно съ такою похвалой отзывался объ васъ, продолжалъ полковникъ, и съ такимъ видимымъ къ вамъ участіемъ, что я, знающій давно его сіятельство и вообще человѣкъ бывалый, опытный, просто удивлялся, тѣмъ болѣе что у васъ вѣдь никакой протекціи нѣтъ, которая могла бы какими-нибудь косыми путями дѣйствовать на князя. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ случая лично узнать молодого человѣка, съумѣвшаго такъ заинтересовать собою великаго государственнаго человѣка, каковъ нашъ князь *есть*“. (Такими оборотами рѣчи обнаруживалось польское происхожденіе Потоцкаго, владѣвшаго, впрочемъ, отлично нѣсколькими языками и въ томъ числѣ русскимъ). Сконфуженный такою кучей комплиментовъ, я уже не помню что̀ пробормоталъ въ отвѣтъ; но Потоцкій, послѣ разныхъ дружескихъ увѣреній и рукопожатій, взялъ съ меня слово на другой день у него обѣдать, причемъ де на свободѣ можно будетъ о многомъ побесѣдовать.

Я никогда прежде не встрѣчалъ Потоцкаго и никогда объ немъ ничего не слышалъ. Всѣ свѣдѣнія, какія я тутъ же у кого-то изъ знакомыхъ объ немъ узналъ, резюмировались тѣмъ что онъ человѣкъ весьма образованный, умный, пользуется большимъ расположеніемъ княгини Воронцовой и по-

луоффиціально завѣдуетъ всѣми дѣлами относящимися до кавказскихъ поляковъ, начиная съ религіозныхъ и кончая ихъ частными нуждами; что онъ, кажется, изъ участниковъ возстанія 1830 года, сосланъ на Кавказъ, провелъ много лѣтъ въ Мингреліи и былъ закадычнымъ другомъ владѣтельнаго князя Дадіана. Въ послѣдствіи, въ другіе пріѣзды мои въ Тифлисъ, слыхалъ я какъ-то, что Потоцкій нелюбимъ, ибо его считаютъ наушникомъ князя, не упускающимъ случая обо всякой сплетнѣ довести до свѣдѣнія своихъ патроновъ; что онъ вообще вкрадчивый іезуитъ. Насколько во всемъ этомъ было правды, я не знаю; но неоспоримо, что Потоцкій былъ умный, образованный человѣкъ, стоявшій въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше многихъ тогдашнихъ дѣятелей; съ другой стороны, дѣйствительно въ немъ было много вкрадчиво-іезуитскаго. Безъ этого качества едва ли, впрочемъ, можно гдѣ-либо встрѣтить образованнаго поляка прежняго времени.

Въ назначенное время я явился къ Потоцкому, принявшему меня со всевозможною хозяйскою любезностью, свойственною такимъ бывалымъ личностямъ. „И гдѣ мнѣ пріятнѣе будетъ обѣдать, на балконѣ (погода была прекрасная, не взирая на зимнее время) или въ комнатѣ, и люблю ли я красное вино теплое, не пью ли послѣ обѣда желтый чай и проч.“ Я конфузился и должно-быть бормоталъ не совсѣмъ умныя фразы. Все это было мнѣ ново, не привычно. Послѣ отличнаго обѣда, мы провели съ Албертомъ Артуровичемъ часа два въ занимательнѣйшей бесѣдѣ. Мнѣ до него не приходилось имѣть знакомыхъ изъ такого рода людей, вращавшихся въ высшихъ придворныхъ и политическихъ сферахъ, притомъ начитанныхъ и съ массой всесторонныхъ свѣдѣній; я былъ просто очарованъ.

Выслушавъ мои разсказы о нѣкоторыхъ наиболѣе оригинальныхъ наклонностяхъ, нравахъ и обычаяхъ горцевъ Тушинскаго округа, онъ въ свою очередь разсказалъ мнѣ кое-что объ Имеретіи и Мингреліи, о своемъ знакомствѣ съ со-

сланными на Кавказъ декабристами, особенно съ Александромъ Бестужевымъ (Марлинскимъ), съ которымъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ, о его смерти, совершившейся почти на глазахъ Потоцкаго, бывшаго тогда въ томъ же отрядѣ и описавшаго этотъ эпизодъ въ польскомъ *Атенеѣ*, издававшемся въ тридцатыхъ годахъ, кажется въ Вильнѣ. Затѣмъ Албертъ Артуровичъ, намекнувъ мнѣ, что расположеніе князя можетъ имѣть для меня результатомъ блестящую карьеру, что при немъ многіе уже такъ выходили въ важные люди, въ самыхъ утонченно-мягкихъ формахъ далъ мнѣ нѣсколько наставленій на счетъ опасности положенія всякаго новопріобрѣтающаго расположеніе сильныхъ міра сего, насчетъ людской зависти и злобы, готовой въ такихъ случаяхъ на всякую подлость, особенно когда дѣло коснется не аристократа, поддерживаемаго сильными тетушками, а скромнаго труженика, наиболѣе имъ ненавистнаго, обзываемаго „parvenu"; что мнѣ нужно быть весьма и весьма осторожнымъ, никого не задѣвать и проч.; что ему наконецъ показалось, будто и теперь уже нѣкоторые косо посматриваютъ на меня и обмѣниваются двусмысленно вопросительными взглядами.

Я очень благодарилъ за участіе, но прибавилъ, что для меня, попавшаго въ окружающій князя-намѣстника міръ на нѣсколько дней, съ тѣмъ чтобы возвратиться въ глушь, въ низменныя служебныя сферы, едва ли можетъ быть какая-либо опасность, что на блестящую карьеру я не разсчитывалъ и для меня какимъ-то чуть не сномъ и то ужь кажется, что я очутился въ такомъ высокомъ служебномъ кругу, о которомъ никогда и не воображалъ и т. д. Говорилъ я это совершенно искренно, безъ всякой задней мысли; однако Потоцкій казался убѣжденнымъ, что это я только „играю въ скромность", и повторялъ совѣты насчетъ осторожности. „Быть обогрѣтымъ солнцемъ очень де хорошо, но часто рискуешь и обжечься; а прихоти у вельможъ весьма измѣнчивы". Между прочимъ онъ еще спросилъ у меня, какъ отозвалось въ горахъ взятіе минувшимъ лѣтомъ Шамилевскаго укрѣпленія

Салты, стоившаго намъ большихъ жертвъ. Я отвѣтилъ, что собственно районъ горъ, въ которомъ я вращался, слишкомъ удаленъ отъ Дагестанскаго театра военныхъ дѣйствій и потому тамъ объ этомъ событіи мало кто и знаетъ; должно-быть особенно потрясающаго дѣйствія оно не имѣло, ибо въ такомъ случаѣ слухи достигли бы и сюда; нѣкоторые горцы, впрочемъ, разсказывали, что русскіе хотѣли взять у Шамиля въ Дагестанѣ двѣ крѣпости, да не успѣли, потеряли очень много людей и ушли ни съ чѣмъ; одну крѣпость будто Шамиль самъ велѣлъ послѣ бросить, такъ какъ она отъ пушекъ очень пострадала и онъ считалъ лучшимъ построить новую, еще сильнѣйшую, чѣмъ исправлять эту.

Потоцкій по этому поводу передалъ мнѣ, что князь Михаилъ Семеновичъ, напротивъ, придаетъ чрезвычайное значеніе взятію Салты, стоившей такихъ напряженій и большихъ жертвъ; что онъ убѣжденъ въ большомъ отъ этого потрясеніи власти Шамиля въ горахъ, что найденный въ стѣнкѣ укрѣпленія камень съ арабскою надписью: *крѣпость Салты построена по приказанію имама Шамиля (годъ) на вѣчныя времена и страхъ всѣмъ врагамъ*, хранится въ кабинетѣ князя, который вообще объ этомъ дѣлѣ съ видимымъ удовольствіемъ со всѣми заговариваетъ, что приближенные князя сравниваютъ взятіе Салты съ осадой французами Константины въ Алжирѣ. Потоцкій совѣтовалъ мнѣ имѣть это все въ виду, и еслибы князь или кто-нибудь другой заговорилъ о Салты, то въ такомъ тонѣ и рѣчь вести. „Одною голою правдой въ свѣтѣ далеко не уйдешь, ужь повѣрьте старому опытному человѣку,“ прибавилъ онъ.

Нова была для меня тогда такая житейская мудрость, между тѣмъ какъ она принадлежала, такъ-сказать, только къ азбукѣ великой придворной науки. Я говорю *придворной*, потому что тогда на Руси, начиная съ министровъ и кончая уѣзднымъ начальникомъ, всякій имѣлъ свой дворъ и все вертѣлось на личныхъ отношеніяхъ: жалуетъ баринъ буфетчика,— всѣ буфетчику кланяются, а изволилъ баринъ на него про-

гнѣваться,—вся дворня отъ него отступилась. Но было и такъ, что, по пословицѣ, „жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь“... Чрезъ день послѣ этого я выѣхалъ въ крѣпость Закаталы.

XIV.

Была половина января 1848, шелъ полуснѣгъ, полудождь, погода вообще была прескверная. Часть дороги была мнѣ знакома еще по первой поѣздкѣ въ 1844, изъ Тифлиса въ Телавъ; отъ станціи Нукріяны я повернулъ направо на Карагачъ и Царскіе Колодцы, гдѣ была тогда штабъ-квартира тифлисскаго егерьскаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Борисъ Гавриловичъ Чиляевъ. Я прожилъ тутъ цѣлыя сутки, обѣдалъ и провелъ вечеръ у Чиляевыхъ, ходилъ съ ними смотрѣть представленіе какихъ-то заѣзжихъ фокусниковъ, но никоимъ образомъ не могу теперь вспомнить кто былъ мнѣ знакомъ на Царскихъ Колодцахъ и кѣмъ я былъ введенъ въ домъ Чиляевыхъ. Впрочемъ, кавказское военное гостепріимство, особенно со стороны командировъ и отдѣльныхъ начальниковъ, было нѣчто совсѣмъ необыкновенное, напоминавшее прежнихъ московскихъ баръ, у которыхъ „дверь отперта для званыхъ и незваныхъ“.

Отъ Царскихъ Колодцевъ до Закаталы верстъ около 80 по довольно гористой дорогѣ, грязь была невылазная; отъ послѣдней станціи Муганло, гдѣ на паромѣ переправлялись чрезъ Алазань, нужно было брать конвой изъ донскихъ казаковъ и милиціонеровъ и верстъ 25 ѣхать маленькою рысцой. Такимъ образомъ я дотащился до мѣста когда уже совсѣмъ стемнѣло; зоря была пробита и впустили меня въ крѣпость, со всѣми подобающими предосторожностями, вызывали ефрейтора, дежурнаго и пр. Я прямо по указанію дежурнаго подъѣхалъ къ квартирѣ Дмитрія Ивановича Гродскаго и засталъ его одного за чтеніемъ. Онъ удивился и очень обрадовался. „Какими судьбами, откуда, что?“ и т. п., вопросы посыпались на меня. Мы за полночь проболтали за самоваромъ, я про-

читалъ ему свою записку, онъ тоже вполнѣ раздѣлялъ мои соображенія. Я разсказалъ ему за тѣмъ какъ опрометчиво, безъ его позволенія, внуталъ было его имя въ ходатайство депутатовъ отъ жителей округа назначить имъ русскаго начальника, но что къ счастію тіонетскіе депутаты возвратились, не видавъ даже намѣстника. Добрѣйшій Дмитрій Ивановичъ былъ очевидно озадаченъ и сказалъ мнѣ: „Ну, хорошо что такъ случилось, а то я никогда не простилъ бы вамъ этого казуса. Я избѣгаю всякаго малѣйшаго сближенія съ высокимъ начальствомъ и потому никогда и не принялъ бы такой должности, которая требуетъ заботъ не только по служебнымъ, но еще болѣе по частнымъ, личнымъ отношеніямъ къ разнымъ властямъ".

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Дмитрій Ивановичъ далъ мнѣ нѣкоторое понятіе о личности генерала Шварца, для представленія которому я собственно и пріѣхалъ въ Закаталы. По его словамъ, это былъ человѣкъ умный, дѣловой, но холодный, индифферентный ко всему что не прямо его касается; онъ, впрочемъ, ожидаетъ вскорѣ новаго назначенія, и потому, должно думать, еще менѣе интереса окажетъ предположеніямъ, до этого края относящимся.

Подъ этимъ не совсѣмъ утѣшительнымъ впечатлѣніемъ я на другое утро отправился представляться начальнику всей лезгинской кордонной линіи, генералъ-лейтенанту Шварцу. Самъ онъ, его костюмъ, и комнаты, и вся обстановка произвели на меня какое-то новое, странное впечатлѣніе; все было не такъ, какъ я привыкъ видѣть у высшаго начальства. Какая-то архи-спартанская простота, какой-то военно-походный видъ на всемъ; холодныя, полупустыя комнаты, нѣсколько простѣйшихъ деревянныхъ стульевъ, кабинетъ въ видѣ ротной канцеляріи и самъ генералъ—человѣкъ по виду среднихъ лѣтъ, средняго роста и, если можно такъ выразиться, средней физіономіи, то есть не выражающей ничего особеннаго; одѣтъ въ старенькій сюртучокъ безъ эполетъ, въ какихъ-то толстыхъ сапогахъ и грузинской папахѣ на головѣ, которую онъ при-

поднялъ, пока я произносилъ стереотипныя: ваше превосходительство, честь имѣю представиться, помощникъ и пр.

— Читалъ вашу записку; полагаю, дѣло было бы хорошее; но не могу никакого рѣшительнаго мнѣнія высказать, ибо вовсе незнакомъ съ тамошнею мѣстностью и прочими условіями; скорѣе слѣдовало спросить объ этомъ у начальства Владикавказскаго военнаго округа, они тамъ ближе и лучше могутъ знать; я сегодня же и отвѣтъ пошлю въ Тифлисъ.

Коротко и ясно. Сейчасъ видно дѣлового человѣка. Говорить мнѣ ничего не приходилось, и я уже думалъ раскланиваться.

— Позвольте, вы, я слышалъ, не желаете больше служить въ Тушинскомъ округѣ? (Откуда, думаю себѣ, слышалъ онъ это?) Почему же это? Вы уже тамъ привыкли, все хорошо знаете, можете пользу приносить; зачѣмъ же мѣнять мѣста?

— Я, ваше превосходительство, не могу оставаться подъ начальствомъ новаго окружнаго начальника, который явно, съ перваго дня прибытія въ округъ, выказалъ враждебныя ко мнѣ отношенія; при такихъ условіяхъ, я никакой пользы принести не могу, а себя подвергаю только напраснымъ непріятностямъ, еще болѣе невыносимымъ въ такомъ глухомъ мѣстѣ, гдѣ жизнь и безъ того полна всякихъ лишеній.

— Вамъ нужно постараться поладить съ новымъ начальникомъ. Вы моложе и чиномъ, и годами, вы должны уступить кое-что и перенести. Я для вашей же пользы совѣтую вамъ оставаться тамъ.

Затѣмъ генералъ, приподнявъ свою папаху, спросилъ, гдѣ я остановился, а когда я назвалъ Дмитрія Ивановича Гродскаго, то онъ съ улыбкой сказалъ:

— Ну, это домосѣдъ, монахъ, его изъ кельи не вытащишь; а вы, если желаете, то приходите въ два часа на щи и кашу.

Я поклонился и вышелъ. Вотъ тебѣ и результатъ поѣздки! Дмитрій Ивановичъ, которому я передалъ весь разговоръ съ генераломъ, опять повторилъ, что г. Шварцъ мало интересуется всѣмъ что̀ не прямо его касается и что потому отвѣтъ его въ Тифлисъ вѣроятно будетъ уклончивый, болѣе канце-

лярская формальность, нежели какое-нибудь мнѣніе о самомъ вопросѣ. Что же касается разговора о моей службѣ, то и онъ удивлялся, откуда генералъ это зналъ и еще болѣе отчего онъ принялъ какъ бы близкое участіе въ этомъ, что̀ не въ его характерѣ.

До обѣда оставалось нѣсколько часовъ и мы, не взирая на слякотную погоду, погуляли по крѣпостному валу; мнѣ хотѣлось имѣть понятіе объ общемъ видѣ Закаталъ и ея значительнаго форштата. Крѣпость построена на уступѣ горы и открываетъ видъ на довольно далекое пространство по долинѣ Алазани. Окружающее ее народонаселеніе—лезгины, называемые Джаро-Белоканцы (по имени двухъ главнѣйшихъ ауловъ), было искони грозой для христіанской Грузіи. Въ первое время вступленія нашихъ войскъ въ край главное вниманіе было обращено на покореніе этой части мусульманскаго населенія и обезпеченіе съ этой стороны безопасности грузинскихъ провинцій. Главнокомандовавшій тогда на Кавказѣ, князь Циціановъ, поручилъ дѣло это генералу Гулякову, который разбивалъ нѣсколько разъ лезгинскія полчища, проникъ за Алазань, въ центръ ихъ населенія, но наконецъ въ одномъ тѣсномъ лѣсистомъ ущельи, гдѣ не было возможности развернуться войскамъ и дѣйствовать артиллеріи, непривычные еще къ такого рода одиночной войнѣ войска наши потерпѣли сильное пораженіе, понесли значительныя потери, самъ Гуляковъ палъ жертвой своей отваги (1804). Остатки отряда кое-какъ отступили изъ трущобы и расположились на возвышенной площади—теперешней крѣпости, въ которой поставленъ памятникъ храброму генералу Гулякову. Въ этомъ же самомъ отрядѣ былъ тогда адъютантъ князя Циціанова, двадцатичетырехлѣтній поручикъ преображенскаго полка графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, едва спасшійся въ общей суматохѣ: онъ бросилъ лошадь и примкнулъ къ нѣсколькимъ солдатамъ, спустившимся въ какой-то оврагъ, который и вывелъ ихъ изъ лѣсу. Будучи уже главнокомандующимъ, чрезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ послѣ этого, князь Михаилъ Семено-

вичъ охотно вспоминалъ военныя приключенія юности и разсказывалъ о нихъ за походными обѣдами, особенно въ соотвѣтствующихъ происшествіямъ мѣстностяхъ. Памятникъ Гулякову поставленъ по его распоряженію.

Пораженіе нашего отряда не имѣло однако особенно бѣдственныхъ результатовъ для дѣла. Принятыми тотчасъ княземъ Циціановымъ мѣрами, особенно вырубкой просѣкъ чрезъ дремучіе лѣса отъ Алазани, лезгины были не только удержаны отъ значительныхъ вторженій въ Грузію, но и поставлены въ положеніе полупокорныхъ намъ обществъ. Наконецъ, въ 1830 году, уже графъ Паскевичъ окончательно занялъ весь Джаробелоканскій округъ, построилъ крѣпость Закаталы (по имени ближайшей лезгинской деревушки), окончательно покорилъ жителей и съ тѣхъ поръ наши войска не покидали этого края, въ которомъ введено было полувоенное, полугражданское управленіе. Отъ крѣпости исподоволь возникъ на 150 верстномъ протяженіи въ обѣ стороны, у подножія хребта, рядъ мелкихъ укрѣпленій и постовъ, называемыхъ лезгинскою кордонною линіей, для прикрытія по возможности страны отъ постоянныхъ набѣговъ хищныхъ племенъ, живущихъ за главнымъ хребтомъ. Впрочемъ, цѣль эта достигалась весьма неудовлетворительно; шайки шлялись постоянно и нападали на цѣлыя военныя команды, не рѣдко на цѣлыя грузинскія селенія, какъ это было въ началѣ 1845 года въ селѣ Кварели, о чемъ я разсказывалъ выше. Мелкія же хищничества и особенно уводы одиночныхъ людей въ плѣнъ изъ Кахетіи были явленіями обыкновенными, почти ежедневными. Горцы обратили это въ прибыльное ремесло, получая за выкупъ плѣнныхъ значительныя деньги и не иначе, какъ звонкою серебряною монетой (въ золотѣ они толку не знали). Кавказское начальство вынуждено было издать даже строжайшее запрещеніе выкупать плѣнныхъ, что̀ однако рѣдко исполнялось и выкупы продолжались до самаго конца войны, часто и самими же начальствами, когда попадались лица почему-либо пользовавшіяся особеннымъ вниманіемъ.

У подножія крѣпости образовался большой форштатъ, главное населеніе коего составляли женатые солдаты расположенныхъ здѣсь войскъ и армянскіе торговцы, построившіе цѣлые ряды лавокъ. Торговля была оживленная и привлекала постоянно толпы туземцевъ, исподоволь совершенно освоившихся съ русскою властью, хотя ненависть и затаенная вражда къ намъ тогда ни для кого не были тайной. Сомнѣваюсь, чтобъ и теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ описываемаго мною времени, чувства мусульманскаго населенія вообще, а лезгинъ въ особенности, во многомъ измѣнились, не взирая на уничтоженіе того очага, пламя коего поддерживало эту ненависть и рисовало даже надежду на совершенное изгнаніе гяуровъ. Я говорю о власти Шамиля и мюридизмѣ.

Прійдя къ обѣду, я былъ представленъ супругѣ генерала, молодой, красивой дамѣ; за столомъ былъ еще кажется одинъ офицеръ; обѣдъ по своей обстановкѣ и пр. вполнѣ оправдалъ выраженіе генерала: „на щи и кашу“: три *оберъ-офицерскихъ блюда*, бутылка кахетинскаго вина и графинъ квасу, да деньщикъ въ форменномъ костюмѣ въ качествѣ прислуги. Разговоръ вертѣлся на погодѣ и обыкновенныхъ предметахъ. Послѣ обѣда генералъ спросилъ когда я намѣренъ уѣзжать; я воспользовался этимъ случаемъ и попросилъ позволенія совершить поѣздку не по почтовой дорогѣ опять назадъ за Алазань, а по линіи, чтобы познакомиться съ мѣстностью. Хотя подобная поѣздка была сопряжена съ опасностью и разными затрудненіями, требовала особыхъ распоряженій на счетъ верховыхъ лошадей, конвоя и т. п., однако просьба моя была весьма любезно принята и генералъ обѣщалъ, что къ слѣдующему утру мнѣ будутъ доставлены всѣ нужные „открытые листы“. Затѣмъ я откланялся его превосходительству и возвратился къ Д. И. Гродскому, съ которымъ и провелъ весь вечеръ до поздней ночи въ несмолкаемыхъ разговорахъ о положеніи линіи, о разныхъ военныхъ предположеніяхъ и дѣйствіяхъ, о предстоящей перемѣнѣ начальства въ Закаталахъ и слухахъ, что на мѣсто Шварца будетъ назна-

ченъ Чиляевъ, командиръ Тифлисскаго полка, о которомъ я упоминалъ выше.

Вспоминаю здѣсь кстати о дальнѣйшей судьбѣ генерала Шварца. До дѣла со взбунтовавшимся въ 1844 году элисуйскимъ султаномъ, Шварцъ былъ мало извѣстный генералъ-майоръ, командиръ бригады линейныхъ баталіоновъ; съ этого же происшествія, въ теченіе трехъ лѣтъ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты, получилъ нѣсколько звѣздъ, сталъ извѣстностью не только на Кавказѣ, но и въ высшихъ сферахъ петербургскаго военнаго міра. Наконецъ въ 1848 году, вскорѣ послѣ моей поѣздки въ Закаталы, былъ назначенъ начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи, расположенной въ Георгіевскѣ. Казалось, судьба готовила ему весьма почетное поприще, а окончилъ онъ его самымъ плачевнымъ образомъ, и вотъ по какому случаю. Изъ казеннаго денежнаго ящика, стоявшаго при часовомъ у дверей квартиры генерала въ Закаталахъ, лѣтомъ 1847 года, случилась покража денегъ, какъ казенныхъ, такъ на бѣду и его собственныхъ, хранившихся въ ящикѣ, что-то около 20,000 рублей. Всѣ плацъ-майоры и полицейскіе чины были подняты на ноги; генералъ выходилъ изъ себя и требовалъ, чтобы деньги были найдены. Услужливые подчиненные оказали уже слишкомъ много усердія, хватали заарестовывали, наконецъ прибѣгли къ пыткамъ. Въ числѣ заподозрѣнныхъ попался какой-то донской казачій урядникъ, молодой человѣкъ, сынъ донского штабъ-офицера, настойчиво отвергавшій всякую вину; кормили его селедками, не давая послѣ пить, сажали въ часовню, гдѣ складывались тѣла умершихъ холерныхъ и тому подобное, пока довели человѣка до тифа, отъ котораго онъ въ нѣсколько дней въ госпиталѣ и скончался. Между тѣмъ деньги пропали, воровъ не отыскали и дѣло, повидимому, пришлось „предать волѣ Божіей“. Однако хотя поздно, а дошла-таки вѣсть объ этомъ до высшаго начальства; по представленію князя, изъ Петербурга пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Шильдеръ въ Закаталы, произвелъ строгое слѣдствіе, подтвердившее, къ сожалѣнію,

факты о пыткахъ; назначили судъ и генералъ Шварцъ былъ отставленъ отъ службы, а комендантъ подполковникъ Печковскій и плацъ-маіоръ Грибовскій разжалованы въ солдаты. Разсказывали послѣ, будто какой-то арестантъ-солдатъ сдѣладъ въ Тифлисѣ признаніе въ воровствѣ этихъ денегъ; но дальнѣйшее мнѣ неизвѣстно. Вообще это дѣло передавалось въ разныхъ видахъ, а я передаю такъ, какъ слышалъ въ Закаталахъ отъ свидѣтелей.

Возвращаюсь къ моему разсказу.

Около 20-хъ чиселъ января 1848 года я оставилъ Закаталы и съ своимъ неразлучнымъ Давыдомъ, верхомъ, съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ милиціонеровъ, поѣхалъ по лезгинской линіи черезъ Белокань, Лагедехи и другіе посты, занятые частью войсками, частью грузинами-милиціонерами, до села Кварели. Здѣсь я отдохнулъ сутки у князей Чавчавадзе, знакомыхъ мнѣ по описанной мною уже подробно поѣздкѣ съ покойнымъ Челокаевымъ въ 1844 году; представлялся полковнику Маркову (предлагавшему когда-то прибавить къ моей фамиліи „дзе"), и затѣмъ отправился обратно въ Тіонеты.

Окружный начальникъ встрѣтилъ меня съ холоднымъ равнодушіемъ, ни единаго вопроса о моей поѣздкѣ, о которой онъ былъ оффиціально извѣщенъ изъ Тифлиса (что̀, безъ сомнѣнія, возбуждало его зависть и еще усиливало озлобленіе), ни какого-либо замѣчанія или объясненія по дѣлу о недостающихъ деньгахъ, по коему его кабинетъ-секретарь за это время настрочилъ уже не мало крючкотворныхъ листовъ, все подъ большою тайной, какъ передали мнѣ переводчикъ и писарь.

Дня черезъ три-четыре послѣ моего возвращенія въ Тіонеты, я получилъ собственноручное письмо генерала Шварца, въ которомъ онъ, весьма лестно отзываясь о моей службѣ и пр., повторялъ свой личный совѣтъ и даже просьбу прекратить всякія недоразумѣнія съ новымъ окружнымъ начальникомъ и оставаться на своемъ мѣстѣ; что это можетъ повести

ко многимъ для меня отличіямъ, будетъ пріятно самому главнокомандующему и что онъ, генералъ Шварцъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ въ такомъ же смыслѣ и окружному начальнику, маіору князю Левану Челокаеву.

Что̀ за притча? Что̀ это ему вздумалось высказывать такое дѣятельное участіе къ служебнымъ отношеніямъ мелкаго, вовсе почти ему неизвѣстнаго чиновника? Я рѣшительно недоумѣвалъ. Что̀ я сдѣлалъ съ этимъ письмомъ, объяснялся ли съ Челокаевымъ, отвѣчалъ ли генералу, или, за послѣдовавшимъ почти въ то же время новымъ его назначеніемъ начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи и отъѣздомъ изъ Закаталъ не отвѣчалъ, рѣшительно теперь не помню. Самое письмо, собственноручно Григоріемъ Ефимовичемъ Шварцомъ писанное, живо рисуется у меня до сихъ поръ предъ глазами, и очень еще помню, что въ немъ было не мало грамматическихъ ошибокъ по части буквы *ѣ* и т. п.; но написано было хорошо и очевидно человѣкомъ набившимъ руку; во всякомъ случаѣ не много было въ тѣ времена генераловъ (а можетъ и не только „въ тѣ“), которые умѣли сами такъ написать дѣловую бумагу или письмо. Однако это письмо не достигло цѣли; сближенія съ Леваномъ Челокаевымъ все-таки не послѣдовало и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа, я оставилъ Тушинскій округъ навсегда.

XV.

Между тѣмъ, пока я вращался въ сферѣ высшихъ кавказскихъ властей и интересовъ, забота спеціалиста по части каверзныхъ бумагъ возымѣла свое дѣйствіе въ сферахъ болѣе низшихъ, каково губернское правленіе. Тамъ, прочитавъ всѣ эти рапорты, выписки и пр., постановили произвести о растратѣ казенныхъ суммъ и безпорядкахъ по веденію денежныхъ книгъ и отчетностей законное слѣдствіе, и слѣдователемъ назначить чиновника особыхъ порученій при тифлисскомъ губернаторѣ Шпанова. Узналъ я объ этомъ только

тогда, когда въ одинъ прекрасный день въ мою полутемную саклю явился казакъ, просить меня въ окружное управленіе, гдѣ ожидаетъ де чиновникъ изъ Тифлиса. Приходжу, раскланиваюсь съ г. чиновникомъ и оба остаемся въ замѣтномъ недоумѣніи. Я почему-то представлялъ себѣ слѣдователя въ видѣ заматорѣлаго канцелярскаго служаки, титулярнаго совѣтника съ пряжкой за XX лѣтъ безпорочной службы, съ краснымъ носомъ, табатеркой и злобно потирающаго руки, при видѣ молодой жертвы, которую онъ съ легкостью опутаетъ цѣлымъ рядомъ статей законовъ, приложеній, продолженій, примѣчаній, указовъ и формъ... А вдругъ вижу молодаго человѣка лѣтъ 22—23 съ артистическими длинными волосами, въ пиджакѣ, съ лорнеткой и львиными ногтями, весьма тщательно на мизинцахъ отдѣланными; однимъ словомъ, типъ салонный, а не канцелярскій. Мнѣ даже хотѣлось разсмѣяться... Г. Шпановъ, въ свою очередь, какъ бы съ удивленіемъ спрашиваетъ: „Это вы, помощникъ окружнаго начальника, губернскій секретарь З.?“ — Я самъ, къ вашимъ услугамъ. — „Удивительно; а я говоритъ, представлялъ себѣ васъ этакимъ старымъ подъячимъ, сутягой, съ которымъ ступай тутъ возись, а онъ будетъ закидывать статьями, указами, да всякими крючками, въ вѣкъ не расхлебаешь.“—Ну, говорю, и я представлялъ себѣ слѣдователя таковымъ же; оба мы значитъ *разочаровались.* Кончилось тѣмъ, что прежде всего мы передали другъ другу свои біографическія свѣдѣнія. Оказалось, что Шпановъ дѣйствительный студентъ Петербургскаго университета, помѣщикъ Пензенской губерніи, дальній родственникъ губернатора Ермолова и пріѣхалъ къ нему послужить; собственно онъ предпочелъ бы поступить въ гусары, гдѣ уже служитъ его старшій братъ. Затѣмъ онъ совершенно откровенно признался мнѣ, что понятія не имѣетъ о слѣдственныхъ дѣлахъ вообще, а о подобныхъ въ особенности, и просто спрашивалъ моего же совѣта, что̀ ему дѣлать и съ чего начать. Странно и почти невѣроятно должно это показаться, а между тѣмъ это совершенная истина. Я сначала

разсказалъ ему всю суть дѣла, не такъ какъ была она описана въ донесеніяхъ Левана Челокаева, старавшагося въ каждомъ обстоятельствѣ выгораживать своего умершаго предмѣстника (свой дескать князь, да и поддержка у вдовы сильная въ Тифлисѣ) и во что̀ бы ни стало обвинить меня, а по сущей правдѣ и со всѣми побочными обстоятельствами, вызвавшими вражду новаго начальника и т. д. Я посовѣтовалъ ему начать съ того, чтобы дать мнѣ запросъ, требуя подробнаго объясненія по дѣлу; я же дамъ ему такой обстоятельный отвѣтъ, который самъ уже укажетъ ему дальнѣйшій образъ дѣйствій. Такъ Шпановъ и сдѣлалъ.

Все время этого разговора мы съ нимъ ходили взадъ и впередъ по большому двору старой крѣпости, не пропускали, конечно, безъ замѣчаній ни типически-отвратительной рожи кабинетъ-секретаря, ни неуклюжей фигуры самого князя Челокаева, смѣялись, шутили по поводу подходившихъ къ рѣкѣ за водой мѣстныхъ красавицъ и, однимъ словомъ, вели себя вполнѣ какъ подобаетъ людямъ двидцатитрехлѣтняго возраста. Все это не ускользало отъ злобныхъ взоровъ моихъ преслѣдователей, все болѣе и болѣе бѣсновавшихся отъ ничтожности результатовъ, достигнутыхъ ихъ писаніями, которыя они считали смертоносными...

Я въ тотъ же день засѣлъ за составленіе отвѣта, разсказалъ подробно всю свою службу въ округѣ, какъ прежній окружной начальникъ бо̀льшую часть времени проводилъ у себя въ деревнѣ, какъ все управленіе носило патріархально помѣщичій характеръ, какъ всѣ получаемыя изъ казначейства деньги привозились къ покойному Михаилу Челокаеву, который распоряжался ими по своему усмотрѣнію, раздавая послѣ жалованье частями, разновременно; какъ вся сумма, полученная незадолго предъ его смертью, поступила на пополненіе собранныхъ съ тіонетскихъ жителей податей, лично имъ отъ старшинъ принятыхъ и не отосланныхъ въ свое время въ казну, по случаю свадьбы старшей дочери Челокаева, потребовавшей большихъ расходовъ и пр., однимъ словомъ все, какъ

въ дѣйствительности. Что же касается моей вины, то я сознавался въ ней откровенно; состояла же она въ томъ, что я не исполнилъ требованій закона и не донесъ ни при жизни, ни даже послѣ смерти Челокаева объ этой растратѣ. Но, объяснялъ я, при жизни не сдѣлалъ я этого потому, что „доносщикомъ" быть не могу и не желаю, да и безполезно бы было: пока по моему доносу начальство сдѣлало бы какое-нибудь распоряженіе, Челокаевъ, безъ всякаго сомнѣнія, узналъ бы объ этомъ, употребилъ бы всѣ усилія достать 2,000 рублей, и кончилось бы тѣмъ, что я оказался бы не только доносчикомъ, но еще и ложнымъ, а послѣдствія этого очевидны... Послѣ же смерти Челокаева, я не донесъ, вполнѣ увѣренный, что вдова, какъ она сначала и готовилась, хотя частями удовлетворитъ кого слѣдуетъ неполученнымъ отъ покойника жалованьемъ, и тѣмъ, вопервыхъ, оградитъ его память отъ нареканій, слѣдствій и пр.; вовторыхъ, оградитъ свое право на полученіе пенсіи и помѣщеніе дѣтей въ казенныя учебныя заведенія. Да не пріѣзжай новый начальникъ, давшій всему дѣлу другой оборотъ и явно указавшій вдовѣ отказаться отъ уплаты, все было бы пополнено и ни до какихъ бы слѣдствій не дошло. Наконецъ, я просилъ слѣдователя провѣрить все мною показанное спросомъ подъ присягой поименованныхъ въ отвѣтѣ лицъ и вытребовать по дѣлу тѣ документы, которые подтвердятъ мои слова.

Шпановъ принялся за дѣло по указанной дорогѣ, а я, вспомнивъ данное А. А. Потоцкому обѣщаніе описать ему мою поѣздку въ Закаталы, принялся за длинное письмо съ подробностями моего свиданія съ генераломъ Шварцомъ, возвращенія въ Тіонеты, о контрастахъ пріемовъ меня княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ и княземъ Леваномъ Челокаевымъ; упоминалъ о его намекахъ относительно блестящей карьеры и о слѣдователѣ по обвиненію меня чуть не въ уголовныхъ преступленіяхъ... Картина выходила вообще рельефная.

На половинѣ письма я былъ прерванъ приходомъ одного

лично мнѣ знакомаго матурскаго пшавца, весьма храбраго и расторопнаго человѣка, съ какимъ-то кистиномъ, поселившимся недавно въ Хевсурскомъ селеніи Муцо. Тутъ я вспомнилъ, что когда я въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1847 пытался перевалиться чрезъ хребетъ въ Хевсурію, и не успѣвъ въ этомъ, рѣшился послать туда человѣкъ сорокъ, этотъ пшавецъ вызвался идти, съ тѣмъ чтобъ я позволилъ ему, съ знакомымъ кистинскимъ выходцемъ, отправиться оттуда въ непріятельскія общества внизъ по Аргуну, для развѣданія о судьбѣ захваченнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ плѣнъ мальчика, его родственника. Подобные розыски плѣнныхъ случались сплошь и рядомъ, а выходецъ кистинъ, имѣвшій вездѣ родныхъ и знакомыхъ, могъ безопасно провести одного человѣка, особенно по такому дѣлу, которое составляло статью дохода у горцевъ и особенно ими покровительствовалось. Я съ удовольствіемъ позволилъ ему отправиться и при этомъ поручилъ хорошенько осматривать мѣстность по теченію рѣки Аргуна и боковымъ ущельямъ, и вообще постараться собрать интересныя свѣдѣнія о мѣстахъ, чрезъ которыя ему придется проходить.

Вотъ этотъ пшавецъ, проходивъ недѣль шесть по Аргуну и Чечнѣ, о плѣнномъ родственникѣ не добился никакихъ извѣстій, но помня мои наставленія, осмотрѣлъ много мѣстъ и издали даже укрѣпленный аулъ Веденъ, въ коемъ Шамиль учредилъ свою резиденцію, послѣ взятія нами въ 1845 году Дарго. Теперь пшавецъ съ кистиномъ и явились разсказать мнѣ обо всемъ подробно. Долго я слушалъ интересную повѣсть его похожденій, его замѣчаній насчетъ системы управленія Шамиля и принимаемыхъ имъ жестокихъ мѣрахъ къ утвержденію между полуязыческими горцами магометанства; описаніе Веденя, въ который разкащики впрочемъ проникнуть не могли, ибо тамъ соблюдается чрезвычайная осторожность и на всякаго приходящаго смотрятъ весьма подозрительно.—Щедро угощенные мною, пшавецъ и кистинъ отправились на нѣсколько дней въ Кахетію, по какимъ-то част-

нымъ своимъ дѣламъ, обѣщавъ на обратномъ пути явиться ко мнѣ и получить обѣщанные имъ нѣсколько десятковъ патроновъ; а я принялся за прерванное письмо къ Потоцкому, и желая поразнообразить матеріалъ, придать письму болѣе интереса, прибавилъ и разсказъ о путешествіи моего пшавца по горамъ до Веденя и о собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ. Я думалъ еще выразить этимъ Потоцкому, какъ интересующемуся краемъ, нѣчто въ родѣ любезности за его дружески обязательное расположеніе и никакихъ другихъ послѣдствій отъ своего письма, само собою, и не предвидѣлъ. Между тѣмъ изъ этого вышло совершенно неожиданное обстоятельство.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ отправленія письма, въ Тіонеты явился урядникъ конвойной команды главнокомандующаго Заридзе, съ предписаніемъ окружному начальнику выслать меня въ Тифлисъ по дѣламъ службы, а ко мнѣ съ письмомъ,—не могу только вспомнить отъ Потоцкаго или князя Ильи Орбеліана,—чтобъ я постарался привезти съ собою и пшавца съ кистиномъ, которыхъ князь Михаилъ Семеновичъ желаетъ лично видѣть, и что онъ читалъ мое письмо и былъ весьма заинтересованъ всѣмъ.

Вотъ исторія! Тутъ слѣдователь и гроза, въ видѣ неутомимыхъ преслѣдователей на почвѣ самой удобной для втаптыванія людей въ грязь (особенно въ тѣ времена, при канцелярской тайнѣ); тамъ намѣстникъ кавказскій, князь Воронцовъ, читающій мое частное письмо, заинтересованный имъ, посылающій за мною!.. А вѣдь въ этомъ письмѣ говорилось и о слѣдователѣ, и о письмѣ генерала Шварца, и о враждебныхъ отношеніяхъ ближайшаго начальника.

На вопросъ Челокаева, зачѣмъ меня требуютъ, я отозвался незнаніемъ. Чтобы совершенно скрыть поводъ моей поѣздки, я отправилъ своего Давыдку въ Кахетію, розыскать матурскаго Пшавца съ Кистиномъ, передать имъ о предстоящей поѣздкѣ въ Тифлисъ и ожидающемъ, безъ сомнѣнія, ихъ награжденіи, и приказать имъ боковымъ путемъ, не заѣзжая въ

Тіонеты, отправиться въ Эрцойскую долину, гдѣ я съ ними встрѣчусь и уже дальше вмѣстѣ отправимся. Затѣмъ, чрезъ день, я съ урядникомъ Заридзе выѣхалъ. Отъ него я узналъ только что ему приказано было ѣхать въ Тіонеты, передать по адресу пакеты, и со мною и двумя горцами прибыть въ Тифлисъ, не разглашая нигдѣ о цѣли и направленіи своей поѣзки. Въ Эрцойской долинѣ я ночевалъ и туда же прибыли Давыдъ съ Пшавцемъ и его товарищемъ. Я имъ разсказалъ о предстоящемъ представленіи ихъ самому сардарю, предварилъ какъ себя вести предъ нимъ и кстати, вспомнивъ наставленіе Потоцкаго, предупредилъ ихъ, чтобы, въ случаѣ вопроса князя, о вліяніи произведенномъ въ горахъ взятіемъ Салты, отвѣчали, что, дескать, страхъ это нагнало вездѣ ужасный и надежды на успѣхи дальнѣйшаго сопротивленія Шамиля очень ослабѣли... Хитрые горцы очень хорошо меня поняли и съ улыбкой говорили что я могу быть спокоенъ, что уже они знаютъ *какъ съ важными людьми говорить слѣдуетъ.*

Дѣла давно минувшихъ дней! И кто же упрекнетъ покойнаго князя за нѣсколько преувеличенное значеніе, придаваемое имъ дѣлу, совершенному подъ его личнымъ начальствомъ, при безпримѣрныхъ подвигахъ мужества и геройской храбрости, оказанныхъ какъ нашими войсками, такъ и горцами, при весьма значительныхъ потеряхъ обѣихъ сторонъ въ теченіе пятидесяти двухъ дней осады Салты и двукратномъ штурмѣ? Кто броситъ камнемъ въ меня, послѣдовавшаго совѣту опытнаго придворнаго и позволившаго себѣ въ сущности безвинную лесть слабости великаго человѣка?..

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, я прежде всего отправился къ Потоцкому, узнать какъ все это случилось. Онъ весьма подробно разсказалъ мнѣ сначала о томъ какъ князь Михаилъ Семеновичъ, серіозно заинтересованный моею запиской о проложеніи чрезъ Хевсурію военной дороги на Аргунъ, не взирая на возраженія самого начальника главнаго штаба, что это дѣло и безполезное, и едва-ли даже удобоисполнимое, при-

казалъ спросить мнѣніе генерала Шварца и на него же возложилъ уладить мои отношенія съ новымъ окружнымъ начальникомъ, ибо князь считаетъ де мое пребываніе въ округѣ весьма полезнымъ и желалъ бы, чтобъ оно было какъ можно продолжительнѣе (вотъ и разгадка участія генерала Шварца), что полученнымъ отъ Шварца уклончивымъ отвѣтомъ, князь остался недоволенъ и, оставивъ переписку эту у себя, собирается сдѣлать какія-то особыя распоряженія. Зная все это, Потоцкій счелъ умѣстнымъ показать князю мое письмо, заключавшее въ себѣ, кромѣ подробностей поѣздки въ Закаталы, совершенно новое, князю совсѣмъ неизвѣстное обстоятельство о слѣдствіи по поводу растраченныхъ умершимъ Челокаевымъ денегъ и стараніяхъ впутать меня въ это дѣло; наконецъ весьма интересное описаніе похожденій Пшавца, проникнувшаго такъ далеко въ непріятельскую сторону и видѣвшаго даже Веденъ, о которомъ до сихъ поръ имѣлось вообще весьма мало свѣдѣній. Князь съ большимъ удовольствіемъ прослушалъ письмо, хвалилъ сжатость слога, о слѣдствіи хотѣлъ узнать подробнѣе черезъ начальника гражданскаго управленія, а меня приказалъ вытребовать. Кромѣ этого Потоцкій еще предупредилъ мевя, что князь не желаетъ пока оглашать ни того что онъ читалъ мое письмо, ни того, что вытребовалъ меня съ двумя горцами къ себѣ, и что поэтому мы будемъ представлены клязю имъ, Потоцкимъ, рано утромъ, когво дворцѣ еще никого нѣтъ, для чего къ семи часамъ мы должны были явиться къ Потоцкому.

На другое утро, часу въ восьмомъ, Потоцкій повелъ насъ во дворецъ; мы прошли не по парадной лѣстницѣ, а черезъ садъ и очутились въ спальнѣ князя, который только-что одѣлся и что-то говорилъ съ своимъ камердинеромъ Джованни. Меня князь встрѣтилъ по обыкновенію весьма любезно, затѣмъ чрезъ меня же сталъ разспрашивать горцевъ, особенно о положеніи Веденя и настроеніи чеченцевъ, наконецъ и о томъ, какое вліяніе имѣло взятіе неприступной шамилевской крѣпости Салты? Мой пшавецъ дѣйствительно не уда-

рилъ лицомъ въ грязь и отвѣчалъ такъ, что мнѣ оставалось только удивляться его дипломатическимъ способностямъ. Князь по этому поводу что-то сказалъ Потоцкому по-англійски, поблагодарилъ горцевъ за ихъ свѣдѣнія, тутъ же изъ своего туалетнаго столика вынулъ двѣ пачки по десяти серебряныхъ рублей и отдалъ каждому, а меня пригласилъ обѣдать. Вышли мы опять чрезъ садъ; горцы отправились шляться по базару и удивляться (кистинъ первый разъ былъ въ Тифлисѣ) этому, на ихъ взглядъ чуду, а я поѣхалъ представляться начальству.

Губернаторъ, генералъ-майоръ Ермоловъ, не успѣлъ я разинуть рта и произнести половину пресловутой фразы: ваше превосходительство, честь имѣю явиться, помощникъ и т. д., разразился громомъ и молніей въ присутствіи разныхъ стоявшихъ тутъ же въ залѣ просителей обоего пола и разнаго званія. „Какъ вы смѣли уѣхать изъ округа, когда я послалъ туда чиновника производить *надъ вами слѣдствіе?* Кто вамъ разрѣшилъ? Я васъ съ жандармомъ вышлю обратно сейчасъ же“! (При словѣ *надъ вами слѣдствіе*, большинство присутствующихъ съ какимъ-то особымъ выраженіемъ глазъ обратилось ко мнѣ, юношѣ, какъ-то мало похожему на подслѣдственнаго чиновника). Только-что я произнесъ: я прибылъ по приказанію князя, новый взрывъ богатырскаго крика, звонкимъ командирскимъ голосомъ раздался по залѣ: „Какого князя? Вы еще смѣете разсуждать“ и т. д., и т. д. Отпустивъ поочередно всѣхъ трепетавшихъ просителей, обращаясь къ каждому со стереотипною фразой: „я прикажу ваше дѣло разобрать“, его превосходительство подошелъ ко мнѣ: „Какой князь, говорите вы, васъ вытребовалъ?“—„Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, ваше превосходительство, намѣстникъ кавказскій, предписалъ окружному начальнику выслать меня по службѣ въ Тифлисъ, а иначе какъ же бы я уѣхалъ“.— „Гм, самъ намѣстникъ; какія же это у васъ отношенія служебныя съ княземъ?“ — „Не знаю, я еще не представлялся

его свѣтлости".—„Хорошо-съ, извольте идти; я узнаю въ чемъ дѣло".

Живо помню эту комическую сцену и еще болѣе комическую, когда часа въ четыре въ тотъ же день я былъ вытребованъ къ тому же свирѣпому губернатору, и войдя въ его кабинетъ, былъ встрѣченъ словами: „Я справлялся, дѣйствительно князь Михаилъ Семеновичъ приказалъ васъ вытребовать, кажется, по какимъ-то дѣламъ военнаго вѣдомства. А что̀ тамъ дѣлаетъ мой чиновникъ Шпановъ?"—Приступилъ, говорю, къ слѣдствію. „Какъ же это вы, молодой человѣкъ, размотали казенныя деньги, да еще скрыли все и не донесли своевременно?"—„Я никакихъ денегъ не разматывалъ, никогда ихъ не получалъ и отвѣчать за нихъ не обязанъ, все это обнаружится слѣдствіемъ; а что я, вступивъ въ управленіе округомъ послѣ смерти князя Челокаева, не донесъ о недостаткѣ, то это правда и по закону я виноватъ; но сдѣлалъ это потому-то и потому-то", (объяснилъ я ему подробно). „Какъ же мнѣ доложили, что вы размотали нѣсколько тысячъ рублей?"—„Не знаю какъ вашему превосходительству доложили, но во-первыхъ, всего недостаетъ около двухъ тысячъ и все это деньги, слѣдуемыя въ жалованье служившимъ въ окружномъ управленіи лицамъ, въ томъ числѣ и мнѣ; во-вторыхъ, я не могъ размотать того, что̀ ко мнѣ никогда въ руки не попадало; окружный начальникъ лично получалъ высылаемыя изъ казначейства деньги, самъ ихъ раздавалъ, это извѣстно всѣмъ; какъ же я могъ ихъ размотать?"—„Ну очень радъ если такъ, я обращу вниманіе на это дѣло". Я откланялся.

За обѣдомъ у князя въ тотъ день былъ и помощникъ начальника главнаго штаба генералъ-майоръ Н. И. Вольфъ, который, подойдя ко мнѣ, весьма дружески меня привѣтствовалъ, разспрашивалъ о поѣздкѣ въ Закаталы, о причинахъ моихъ несогласій съ новымъ окружнымъ начальникомъ, наконецъ просилъ послѣ обѣда зайти къ нему и привести двухъ горцевъ, о похожденіяхъ коихъ князь ему разсказывалъ и поручилъ ему же еще разъ ихъ подробно разпросить и за-

писать все, особенно до Веденя касающееся. Исполняя это приказаніе, я около восьми часовъ явился къ генералу Вольфу съ пшавцемъ и кистиномъ; они были болѣе подробно разспрошены, самое существенное изъ ихъ показаній было генераломъ записано, причемъ онъ замѣтилъ, что свѣдѣнія о Веденѣ не могутъ имѣть важнаго значенія, потому что они издали на него посмотрѣли и ушли. Затѣмъ онъ обѣщалъ похлопотать, чтобы ихъ наградили и отпустилъ; а я остался у него чай пить и просидѣлъ весь вечеръ, разсказывая мои различныя наблюденія надъ горцами, очерки мѣстностей и пр. Генералъ Вольфъ, бывшій профессоръ военной академіи, учено-образованный офицеръ генеральнаго штаба, совершенно кабинетный человѣкъ, какъ говорили, не пользовался особымъ уваженіемъ главнокомандующаго, главнѣйше будто бы потому, что въ Даргинскую экспедицію оказался неостаточно боевымъ и равнодушнымъ къ опасности. Генералъ былъ человѣкъ весьма образованный и умный. Онъ, впрочемъ, еще долго оставался въ Тифлисѣ и только въ 1852 году, кажется, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. Ко мнѣ онъ былъ видимо расположенъ, очень любезно меня всегда принималъ и неоднократно повторялъ, что очень жалѣетъ, что не можетъ ничего для меня сдѣлать, ибо самъ никакой видной роли не играетъ.

На другой день вечеромъ Потоцкій сообщилъ мнѣ, что, князю докладывали письменное показаніе горцевъ и ходатайство генерала Вольфа объ ихъ награжденіи, и онъ приказалъ мнѣ явиться съ ними къ В. П. Александровскому для выбора имъ изъ экстра-ординарныхъ вещей сукна на кафтаны. Дикари на другой день были мною приведены въ казначейство намѣстника, гдѣ безъ всякаго колебанія остановили свой выборъ на красномъ сукнѣ и, счастливые подарками, пребываніемъ въ городѣ чудесъ, зрѣлищемъ волтижеровъ, которое имъ тоже было показано, уѣхали домой, гдѣ ихъ разсказамъ будутъ и удивляться, и завидовать, и пожалуй не вѣрить.

Я остался въ городѣ; въ ближайшій понедѣльникъ былъ на вечерѣ у князя и тутъ же узналъ отъ Потоцкаго, подъ секретомъ, что обо мнѣ было нѣчто въ родѣ особаго совѣщанія съ начальникомъ гражданскаго управленія княземъ Бебутовымъ и начальникомъ главнаго штаба, на которомъ князь высказалъ, вопервыхъ, что не ограничиваясь отзывомъ генерала Шварца, нужно на мѣстѣ провѣрить основательность моихъ предположеній, для чего онъ желаетъ командировать генеральнаго штаба полковника В.; вовторыхъ, что ему особенно желательно мое дальнѣйшее служеніе въ округѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ всякое нарушеніе дисциплинарныхъ отношеній подчиненнаго къ начальнику дѣломъ опаснымъ и недопускаемымъ, поэтому полагаетъ поручить В. устроить и соглашеніе между мною и Леваномъ Челокаевымъ; если же и это не удастся, то я, какъ младшій, долженъ быть устраненъ. И начальникъ главнаго штаба, и начальникъ гражданскаго управленія совершенно согласились съ мнѣніемъ князя. Эти, столь важныя для меня свѣдѣнія произвели, сколько мнѣ теперь поммится, какое-то тревожное на меня впечатлѣніе. Полковника В. я видѣлъ только одинъ разъ въ 1846 году, во время проѣзда князя Воронцова чрезъ Тіонеты и замѣтилъ, что онъ оказывалъ большое вниманіе бутылкамъ, но что̀ онъ за человѣкъ и чего можно мнѣ ожидать отъ его участія, я себѣ представить не могъ.

На другой день въ 9 часовъ я уже былъ у Потоцкаго и просилъ его совѣта, какъ мнѣ дальше быть: ожидать ли приказанія уѣзжать, или идти откланиваться безъ приказанія? Онъ совѣтовалъ ждать и притомъ высказалъ надежду, что поѣздка В. будетъ имѣть хорошій результатъ и для дѣла, и для меня лично.

Не успѣлъ я уйти отъ Потоцкаго, какъ за мною пришелъ вѣстовой казакъ съ приказаніемъ явиться къ главнокомандующему. Чрезъ часъ я былъ тамъ и, послѣ доклада, вошелъ въ кабинетъ. Князь, сдвинувъ очки на лобъ, обра-

тился ко мнѣ, по обыкновенію съ своею ласковою улыбкой, и послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ объявилъ, что онъ командируетъ полковника В. провѣрить на самомъ мѣстѣ основательность моихъ предположеній и дополнить всѣми нужными свѣдѣніями, что я могу теперь уѣзжать въ Тіонеты и ожидать тамъ пріѣзда В., коему долженъ буду вездѣ сопутствовать. „Съ нетерпѣніемъ буду ожидать его возвращенія и донесенія“, прибавилъ князь. Я раскланялся и пошелъ явиться еще къ князю Василію Осиповичу Бебутову и губернатору Ермолову (кажется его звали Николай Сергѣевичъ). Этотъ простеръ свою любезность до того, что самъ предложилъ мнѣ получить казенные прогоны за поѣздку въ Тифлисъ и обратно, совершенную по приказанію намѣстника, и тутъ же приказалъ своей канцеляріи сдѣлать относящіяся до этого распоряженія.

XV.

Было начало марта 1848 года. Я оставилъ Тифлисъ погруженный въ разцвѣтавшую зелень садовъ, пестрѣвшихъ блѣднорозовыми цвѣтками на миндальныхъ и персиковыхъ деревьяхъ; на столикахъ зеленьщиковъ стали появляться пучки молодыхъ травъ, составляющихъ любимѣйшую закуску грузинъ и армянъ. Воздухъ былъ мягкій, влажно-теплый, дышалось легко и яркіе нежгучіе лучи солнца придавали всему особенно радостный колоритъ. Туземцы толпами встрѣчали весну подъ открытымъ небомъ; на плоскихъ кровляхъ домовъ, на лужайкахъ, по окраинамъ города предъ духанами или въ садахъ раздавались пѣсни, звуки тоскливой зурны и бубенъ, заглушаемые нерѣдко добродушно-буйными возгласами веселой компаніи, одушевленной какимъ-нибудь новымъ остроумнымъ тостомъ. Группы модныхъ львовъ и дамъ разгуливали по Головинскому проспекту; устраивались кавалькады и пикники въ высшихъ слояхъ чиновной и туземной аристократіи. Однимъ словомъ, начинались весеннія удовольствія и всѣ кинулись, послѣ двухъ-трехъ-мѣсячныхъ холо-

довъ, грязи и слякоти, пользоваться наступившими прекрасными днями, имѣя въ виду ихъ непродолжительность, ибо мартъ сумашедшій мѣсяцъ (*гижи* по-грузински) и вдругъ послѣ самой великолѣпной погоды разразится холодомъ, снѣгомъ, бурей, всякою климатическою гадостью, продолжающеюся нерѣдко и далеко въ апрѣлѣ.

Пріѣхавъ на другой день въ Тіонеты, я нашелъ тамъ не тифлисскую весну, а нѣчто въ родѣ поздней суровой осени: холодъ, рѣзкій вѣтеръ, кое-гдѣ снѣгъ лежалъ, грязь, сѣрыя тучи, все наводящее уныніе.

Слѣдователь Шпановъ чрезвычайно обрадовался моему возвращенію, разспрашивалъ о Тифлисѣ, глоталъ слюнки при разсказѣ о тамошней погодѣ, пикникахъ и пр., порѣшилъ на другой же день уѣхать, подъ предлогомъ неполученія отъ вдовы Челокаева отвѣта и невозможности безъ этого дѣлать что-нибудь дальше. И дѣйствительно уѣхалъ.

Дня чрезъ три-четыре пріѣхалъ В. и остановился въ башнѣ, занимаемой окружнымъ начальникомъ, который поспѣшилъ ее совсѣмъ очистить для такого важнаго гостя. Узналъ я о его пріѣздѣ только чрезъ нѣсколько часовъ, когда онъ успѣлъ уже набесѣдоваться съ Челокаевымъ и, нагрузившись за обѣдомъ добрымъ кахетинскимъ, вздумалъ потребовать меня къ себѣ. Прихожу; тутъ же и Леванъ Челокаевъ. „Это вы г. З.?“ — „Я-съ.“ — „Вотъ видите, главнокомандующій какое снисхожденіе оказалъ вамъ, что по вашей запискѣ послалъ меня удостовѣриться правда ли что̀ вы тамъ *понаписали;* хотя, конечно, это могъ бы *сдѣлать* и вашъ *начальникъ*, но князь Михаилъ Семеновичъ, именно потому что князь Леванъ еще новый здѣсь человѣкъ, не поручилъ ему этого дѣла. Такъ вотъ-съ, продолжалъ несовсѣмъ твердымъ языкомъ развалившійся на тахтѣ *) полковникъ, дня чрезъ два, когда все будетъ готово, мы съ вами и поѣдемъ, посмотримъ въ чемъ дѣло; а между тѣмъ я вотъ слышу отъ вашего на-

*) Тахта — нары, родъ дивана, покрытаго ковромъ.

чальника, что вы до сихъ поръ не сдали ему, какъ слѣдуетъ, по закону, казенныхъ денегъ и всякихъ дѣлъ и бумагъ, и что вообще вы не соблюдаете должной подчиненности и почтительности въ бумагахъ. Это не хорошо, вы молодой человѣкъ, должны дорожить вниманіемъ начальства и князь Михаилъ Семеновичъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что хотя онъ и желаетъ, чтобы вы продолжали служить здѣсь, но само собою только при условіи, чтобы вашъ ближайшій начальникъ на это согласился".—„Я ничего противъ этого не имѣю. вставилъ камбечи-Леванъ, уткнувъ глаза въ полъ, только *нужно какъ слѣдуетъ служить*"; и еще что-то въ этомъ родѣ.

Въ какомъ положеніи я находился послѣ этихъ рѣчей, легко себѣ представить. Такъ вотъ какимъ образомъ г. В. принялся за „дипломатическое" порученіе устроить соглашеніе между окружнымъ начальникомъ и мною. Нечего сказать, и очень тонко, и очень деликатно. Что̀ я отвѣчалъ ему тогда или даже отвѣчалъ ли вообще, не помню; вѣрнѣе, что ничего не отвѣчалъ: сильно возмущенный чѣмъ-нибудь, я терялъ хладнокровіе и способность къ препирательствамъ. Я вышелъ просто придавленный всею горечью только-что выдержаннаго пораженія; грубый начальническій тонъ В., торжествующіе взгляды Челокаева произвели на меня такое дѣйствіе, что я почувствовалъ давленіе въ горлѣ и готовъ былъ заплакать. Въ первую минуту я думалъ отказаться отъ поѣздки и написать подробно въ Тифлисъ. То̀ казалось мнѣ лучшимъ дождаться утра, когда В. будетъ, вѣроятно, въ болѣе нормальномъ состояніи, и пойти съ нимъ объясниться, то благоразуміе диктовало мнѣ опять перенести пока непріятность, не давать какою-нибудь рѣзкою выходкой этимъ господамъ въ руки лишняго оружія противъ меня. Чѣмъ больше я ломалъ голову, тѣмъ менѣе рѣшимости было остановиться на чемъ-нибудь. И не мудрено, дѣло шло не только о всей служебной будущности, но въ крайнемъ случаѣ, о хлѣбѣ насущномъ; лишенный всякой опоры въ борьбѣ, я невольно трусилъ. Между тѣмъ и раздраженіе стало слабѣть;

я весь слѣдующій день никуда не выходилъ изъ своей сакли, думалъ, передумывалъ и кончилъ тѣмъ, что чрезъ день выѣхалъ съ В. въ Хевсурію. Челокаевъ, желая выказать свою угодливость важному въ его глазахъ лицу, приближенному къ намѣстнику, пустился тоже съ нами.

Полковникъ В. слылъ въ военныхъ сферахъ за очень способнаго, отлично пишущаго военныя реляціи офицера; высшія власти считали его только кутилой, но товарищи знали его несчастную слабость и звали его пьянымъ В. Глаза у него были свѣтло-стекляннаго цвѣта, съ совершенно безсмысленнымъ выраженіемъ, *телячьи*, какъ говорится. Онъ былъ не глупъ и даже талантливъ, но характора вздорнаго, грубаго, вообще человѣкъ непріятный. Въ послѣдствіи назначенный командиромъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, онъ допился до чертиковъ, которыхъ щелчками сгонялъ съ своихъ ногъ и ловилъ въ карманахъ, на смѣхъ ординарцамъ и прислугѣ. Должны были взять у него полкъ, произведя въ генералы... Онъ умеръ въ концѣ 1853, или началѣ 1854 отъ бѣлой горячки...

Такой отзывъ о человѣкѣ, которымъ я имѣлъ поводъ быть недовольнымъ, можетъ вызвать подозрѣніе въ пристрастіи, или даже клеветѣ. Но въ предвидѣніи этого я разъ навсегда долженъ оговориться: давно отказавшись отъ службы, отъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ, доживая свой вѣкъ въ самой скромной, никѣмъ незамѣчаемой сферѣ частнаго человѣка, я не волнуюсь ни завистью, ни мстительностью, и стараюсь въ своемъ разсказѣ держаться лишь строгой истины, даже уменьшая по возможности дурное, которое приходится о комъ-нибудь вспоминать. Не говоря о безчестной сторонѣ такого поступка, какъ клевета, особенно на мертвыхъ, какой въ настоящемъ случаѣ практическій смыслъ имѣло бы это? Я не историческое лицо, не представитель какой-нибудь партіи, преслѣдующей всякими путями свои цѣли, да и какой-нибудь полковникъ В. не настолько важное и историческое лицо, чтобы такой или другой отзывъ о

немъ могъ имѣть какое бы то ни было значеніе для потомства. Что именно мнѣ приходится отзываться о дурныхъ сторонахъ людей, бывшихъ 30 лѣтъ тому назадъ причиной непріятностей для меня, это чистая случайность; не хороши были эти господа сами по себѣ, а не исключительно по отношеніямъ ко мнѣ. Впрочемъ и причиненныя ими мнѣ неудовольствія никакихъ особыхъ послѣдствій не имѣли и „моей судьбы“ не измѣнили. Я тѣмъ больше теперь могу вспоминать о нихъ и объ ихъ несправедливыхъ выходкахъ не только не озлобленно, а даже съ нѣкоторою добродушною улыбкой.

Зима 1847—1848 г. была особенно сильная, даже въ Тифлисѣ, въ январѣ, недѣли три на саняхъ ѣздили; можно себѣ представить что̀ происходило въ ущельяхъ главнаго хребта, да еще въ мартѣ, самомъ скверномъ мѣсяцѣ въ горахъ и за Кавказомъ. Изъ Тіонетъ мы сначала поѣхали въ село Жинвали, Душетскаго уѣзда, гдѣ соединяются двѣ Арагвы, Гудомакарская съ Пшавскою; отъ этого пункта я въ своей запискѣ и предлагалъ начать разработку дороги. Сначала все шло хорошо, день былъ ясный, дорога верховая порядочная, В. былъ въ хорошемъ расположеніи духа, много говорилъ и, между прочимъ, разсказалъ намъ новость, февральскую революцію въ Парижѣ и бѣгство Луи-Филиппа. Леванъ Челокаевъ не совсѣмъ ясно понималъ въ чемъ дѣло и очень затруднялся, какъ ему скрыть, что онъ не знаетъ, кто это Луи-Филиппъ и вообще что̀ тутъ интереснаго?

Дальше дорога все становилась хуже, каменистѣе, съ крутыми спусками и подъемами, узенькими карнизообразными тропками, съ частыми переправами чрезъ бурливые потоки и т. п. принадлежностями кавказскихъ горныхъ дорогъ. Мы, привычные, не обращали на это никакого вниманія, но В, боявшійся спусковъ и тропинокъ, вынужденный поминутно слѣзать съ коня и опять садиться, начиналъ сердиться, ругаться и чаще требовать у бывшаго съ нимъ донского урядника Астахова рюмку рому или стаканъ портеру. Съ каж-

дымъ шагомъ дальше, трудность движенія увеличивалась и началась борьба со всѣми ужасами грозной природы. Кто самъ не совершалъ подобныхъ переходовъ, тому никакое описаніе не дастъ достаточно рельефнаго изображенія. По ущелью Хевсурской Арагвы отъ села Барисахо до Хахматъ трудности были дѣйствительно едва одолимы, даже для привычныхъ людей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣга образовали по обѣимъ сторонамъ ущелья отвѣсныя стѣны и не было другого пути, какъ по заваленному огромными камнями руслу рѣки, катившей съ грохотомъ пѣнистыя волны, чрезъ которыя, поддерживая другъ друга, мы кое-какъ пробирались. Мѣстами снѣжные завалы, обрушившіеся съ противоположныхъ сторонъ въ одно время, сталкивались надъ рѣкой, образовали своды, обледенялись и заставляли спертый потокъ просасываться подъ этими снѣжными мостами; намъ приходилось карабкаться на нихъ, проходить, слыша на каждомъ шагу трескъ снѣжнаго свода... Обрушиться было бы почти вѣрною гибелью.

Мы дѣлали среднимъ числомъ $1^1/_2$—2 версты въ часъ. Нетерпѣливое раздраженіе В. росло. Горцы въ полголоса спрашивали меня, на кого г. „упроси“ (старшо̀й) сердится, и когда я имъ сказалъ, что на дурную дорогу, то они чрезвычайно удивились: во-первыхъ, въ мартѣ, въ горахъ, лучшей дороги и быть не можетъ, во-вторыхъ, тутъ никто не виноватъ, а не слѣдовало-де въ это время ѣхать. Однако, до урочища Орцхали, гдѣ мы завтракали, В., хотя уже быть можетъ въ десятый разъ требовавшій рому, все еще сохранялъ достаточно приличія, чтобы ругательства свои относить къ дорогѣ. Я, впрочемъ, по началу уже видѣлъ, что ничего хорошаго изъ всей этой поѣздки не выйдетъ. Не говоря о томъ, что съ человѣкомъ, большею частью нетрезвымъ, трудно было бы дѣло сладить, В. своимъ грубымъ начальническимъ тономъ оттолкнулъ меня, не обращался ко мнѣ ни съ какими вопросами, не требовалъ никакихъ разъясненій, а слѣдовательно и командировка его становилась совсѣмъ

безцѣльною. Когда мы тронулись дальше, В., почти на рукахъ передвигаемый проводниками горцами, окончательно вышелъ изъ себя, страхъ и хмѣль боролись въ немъ: онъ сталъ уже прямо обращаться ко мнѣ: „Куда вы завели меня? Какъ вы, милостивый государь, осмѣлились подавать главнокомандующему такія записки? Я возвращусь назадъ и доложу князю, что̀ значитъ оказывать вниманіе всякимъ самозваннымъ авторитетамъ!“ Сначала я ему очень хладнокровно отвѣчалъ, что я его ни куда не веду, а ѣдетъ онъ, исполняя приказанія главнокомандующаго; что я удивляюсь, какъ онъ могъ въ горахъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, ожидать лучшей дороги, что еслибы дорога была хороша, то не зачѣмъ было бы ее разработывать, а вѣдь это и есть главный предметъ моей записки; наконецъ, одинъ разъ я не выдержалъ и прибавилъ, что если онъ будетъ продолжать такимъ тономъ обращаться ко мнѣ, то я прежде его уѣду назадъ. Однако, стихнувшій на нѣсколько минутъ, В., при какомъ-то скверномъ обледѣнѣломъ спускѣ, опять разшумѣлся и обратился съ дерзостью ко мнѣ; я, не говоря больше ни слова, повернулъ съ своимъ Давыдомъ назадъ, успѣлъ до ночи пробраться за Орцхали, гдѣ и остановился въ ближайшей пшавской деревнѣ ночевать. Окончательно возмущенный всѣмъ происшедшимъ, я рѣшился изъ Тіонетъ написать обо всемъ подробно Потоцкому, а вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціально просить объ увольненіи отъ службы въ округѣ.

На зарѣ меня разбудили и подали записку отъ окружнаго начальника: онъ отъ имени В. просилъ меня возвратиться, ибо въ противномъ случаѣ онъ своей поѣздки продолжать не можетъ и главнокомандующій останется всѣмъ этимъ весьма недоволенъ, что, конечно, для меня отзовется самыми вредными послѣдствіями. Челокаевъ извинялъ горячность В. непривычкой къ такимъ переѣздамъ и надѣялся, что ничто подобное уже не повторится, тѣмъ болѣе, что успѣли добраться до Хахматъ и прошли самую скверную часть пути. Полуграмотно составленная переводчикомъ записка, съ нача-

рапанною подписью Челокаева, вызвала меня на раздумье. По первому увлеченію я уже написалъ-было рѣзкій отвѣтъ, что я подобнаго обращенія съ собою никому не позволю, что еслибы г. В. былъ въ трезвомъ видѣ, то я еще иначе бы съ нимъ поговорилъ, что, наконецъ, я раньше его буду въ Тифлисѣ и разскажу все какъ было. Доставившій записку хевсуръ изъ Хахматъ словесно передалъ мнѣ, что при отправленіи и окружной начальникъ, и полковникъ приказали ему просить меня непремѣнно возвратиться, что безъ меня они дальше не поѣдутъ. Давыдъ мой счелъ обязанностью также вмѣшаться въ дѣло, убѣждалъ меня не обращать вниманія на пьянаго человѣка, и изъ-за этого не портить служебное дѣло, интересующее сардаря; что теперь, вѣроятно, В. ужь будетъ осторожнѣе и постарается загладить свое грубое обращеніе, однимъ словомъ, просилъ и уговаривалъ не доводить дѣла до крайности и возвратиться. Кончилось тѣмъ, что я порвалъ приготовленный отвѣтъ и когда совсѣмъ разсвѣло, пустился опять по вчерашней дорожкѣ. Проѣхать этакихъ 15—20 верстъ три раза въ два дня было возможно только такому привычному юношѣ, какимъ я былъ тогда. Прибылъ я въ Хахматы часу въ двѣнадцатомъ и засталъ все приготовленнымъ къ перевалу чрезъ хребетъ; ожидали только меня. В. пробормоталъ невнятно что-то въ родѣ извиненія, упрекнулъ въ излишней горячности (меня?!) и т. п.; я ему ничего не отвѣтилъ и мы пустились дальше.

На перевалѣ, покрытомъ сплошными массами снѣга, жестоко рѣзавшаго глаза, трудности движенія были уже далеко не тѣ, что въ ущельи, тѣмъ болѣе, что старый, осѣвшій снѣгъ, одѣтый ледянистою корой, выдерживалъ тяжесть людей и намъ рѣдко приходилось вытаскивать проваливающіяся ноги. Для меня, въ сравненіи съ попыткой перевалиться за хребетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1847 года, о чемъ разсказано выше, настоящее движеніе было игрушкой. В. кряхтѣлъ, пыхтѣлъ, прикладывался къ бутылочному горлышку, но вѣроятно по отсутствію опасности гораздо меньше ругался, старался быть любезнѣе

и при остановкахъ заговаривалъ со мною о дѣлѣ, но все самыми отрывистыми фразами и, очевидно, избѣгая подробныхъ объясненій.

Часу въ пятомъ мы достигли вершины; намъ открылась поразительная картина громаднаго снѣжнаго пространства, подобнаго океану, застывшему въ минуту сильнаго волненія; вдали другъ друга пересѣкающія, другъ на друга нагроможденныя цѣпи скалъ и лѣсистыхъ горъ, сплошь занесенныхъ снѣгомъ, одѣтыхъ въ какую-то не то синюю, не то фіолетовую дымку. Ни единаго признака жизни кругомъ, мертвенно-торжественная тишина, вдругъ нарушенная кучкой людей, дерзко проникшихъ въ заповѣдныя мѣста.

Первую половину спуска мы совершили очень удобно и весело, съѣзжая на буркахъ, какъ на салазкахъ; на сѣверномъ склонѣ, понятно, снѣгъ былъ еще крѣпче; вторую половину, гдѣ изъ-подъ снѣга уже торчали камни, мы прошли довольно скоро и безъ особыхъ приключеній достигли ущелья Аргуна. Стало смеркаться, оставалось пройти еще нѣсколько самыхъ трудныхъ верстъ, съ переправой по тѣмъ чортовымъ мостикамъ, о которыхъ я уже разсказывалъ. В., закрывавшаго глаза, почти переносили на рукахъ; онъ опять поблѣднѣлъ, безжизненные глаза не двигались и брани его не было слышно только благодаря реву бѣшенаго Аргуна; онъ какъ-то машинально подвигался, отдавшись на волю приставленныхъ къ нему двухъ здоровенныхъ хевсуръ... Наконецъ, уже совсѣмъ поздно, достигли мы Шатиля и остановились на ночлегъ въ той самой башнѣ, въ которой провелъ цѣлую зиму 1812 года грузинскій царевичъ Александръ Иракліевичъ, бѣжавшій сюда послѣ усмиренія нами кахетинскаго возстанія, имѣвшаго цѣлью возвратить ему престолъ Грузіи.

XV.

На другое утро полковникъ В. первый заговорилъ о дѣлѣ, и благодаря тому обстоятельству, что это было тотчасъ послѣ чаю, до закуски, разговоръ принялъ благообразный видъ.

Вопросъ заключался главнѣйше въ томъ, что̀ теперь дѣлать дальше? Мои предположенія на этотъ счетъ, не взирая на сильное утомленіе, формулировались еще ночью, и потому я ихъ высказалъ теперь въ законченномъ видѣ, предоставляя В. принять ихъ или отвергнуть.

Я напомнилъ прежде всего главную суть моей записки, вслѣдствіе которой онъ и командированъ, то-есть: что съ проложеніемъ удобнаго пути чрезъ Хевсурію мы получаемъ возможность удобнѣе управлять ею и открыть съ этой стороны дѣйствія внизъ по рѣкѣ Аргуну на встрѣчу войскамъ, двигающимся изъ Чечни вверхъ, и занявшимъ, очевидно, съ этою цѣлью еще въ 1844 году аулъ Чахъ-Кари, гдѣ и выстроена крѣпость Воздвиженская (штабъ-квартира Куринскаго егерскаго полка). Ближайшимъ результатомъ движенія отъ Шатиля, прибавлялъ я, было бы покореніе сосѣднихъ кистинскихъ обществъ и избавленіе Тушинскаго округа и верхней Кахетіи отъ ихъ хищничествъ; отсюда (посредствомъ кордона) можно войти въ связь съ Владикавказскимъ военнымъ округомъ, отрѣзавъ все лежащее на этомъ пространствѣ населеніе отъ подчиненности Шамилю и значительно обезпечивъ такимъ образомъ спокойствіе на военно-грузинской дорогѣ, этой важнѣйшей артеріи, связывающей насъ съ Россіей. Наконецъ, кромѣ всего этого, лишній удобный путь сообщенія, особенно въ горахъ, вещь весьма полезная и для правительства, и для народонаселенія, тѣмъ болѣе, если сооруженіе его можетъ обойтись дешево. Затѣмъ я повторилъ уже не разъ сказанное, что мы прошли теперь главную часть пути въ самое ужасное въ горахъ время, что лѣтомъ она вовсе не до такой степени скверна, и разработка можетъ доставить возможность значительную часть проходить даже съ повозками. Но чтобы В. могъ лично и вполнѣ уяснить себѣ пользу и доступность связи отсюда съ военно-грузинскою дорогой, и опредѣлить, какія для этого потребовались бы средства, я считалъ необходимымъ совершить и другую половину пути, отъ Шатиля до Владикавказа, не взирая на то,

что тутъ придется вступить въ борьбу не только съ природой, но и съ опасностью другого рода, именно съ возможностью попасть въ руки непокорныхъ горцевъ, чрезъ нѣкоторые аулы коихъ придется проходить... Сначала и В. и Челокаевъ посмотрѣли на меня, какъ бы сомнѣваясь въ нормальности моего состоянія... Но я не смутился и продолжалъ доказывать необходимость такого путешествія, безъ котораго перенесенные до сихъ поръ труды окажутся напрасными. Я утверждалъ, что предпріятіе имѣетъ всѣ шансы благополучнаго исхода, благодаря именно глубокимъ снѣгамъ и отвратительному времени, въ которое горцы сидятъ по своимъ саклямъ, какъ сурки, да тѣмъ мѣрамъ предосторожности, которыя будутъ приняты, и наконецъ эфектъ, какой произведетъ въ цѣломъ краѣ, и даже въ Петербургѣ, извѣстіе о такомъ рискованномъ путешествіи полковника генеральнаго штаба, приближеннаго къ главнокомандующему лица. Послѣдній аргументъ, казалось, возымѣлъ хорошее дѣйствіе, и В. сталъ уже добиваться подробностей, какъ я думаю устроить этотъ переходъ, безъ явной опасности быть взятыми горцами перваго же непокорнаго аула и отправленными на веревкѣ къ Шамилю.

Мой планъ путешествія былъ очень простъ: во-первыхъ, до выступленія слѣдовало не только никому не говорить объ этомъ, а напротивъ, показывать видъ, что мы собираемся обратно тѣмъ же путемъ, какимъ пришли въ Шатиль; во-вторыхъ, выбрать изъ шатильцевъ двухъ молодцовъ, бывалыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, по коимъ предстоитъ проходить, чтобы не нужно было ни къ кому обращаться за распросами о дорогѣ, и подъ ихъ прикрытіемъ пуститься въ путь, взявъ съ собою одного мула для вещей, на котораго В. могъ бы по временамъ садиться. Я разсчитывалъ, что въ это время (мартъ) намъ едвали придется и встрѣчать кого-нибудь, а еслибъ и встрѣтились одинокіе горцы, то намъ, пятерымъ, бояться ихъ нечего; аулы же мы постараемся обходить или ночью или какъ можно дальше. Шатильцы всѣ говорятъ по кистински

(почти то же, что по-чеченски), слѣдовательно, могутъ на вопросы встрѣчныхъ отвѣчать весьма правдоподобно, что мы разыскиваемъ для выкупа плѣнныхъ и т. п., а въ этихъ случаяхъ всѣ горцы весьма снисходительны. Понятно, что В. и его урядникъ должны были нарядиться по возможности такъ, чтобы не быть похожими на русскихъ. Первую ночь придется, вѣроятно, провести гдѣ-нибудь въ скрытомъ лѣсистомъ мѣстѣ, а къ вечеру другого дня я разсчитывалъ быть уже въ Цори, общество, считавшееся тогда якобы покорнымъ, то-есть не явно съ нами враждовавшимъ. Тамъ, пожалуй, можно будетъ, уже не скрываясь, попросить у старшины ночлега и нанять оттуда даже верховыхъ лошадей съ проводниками до самаго Владикавказа, конечно, все за щедрую плату. Я былъ почти совершенно убѣжденъ, что мы непремѣнно благополучно проберемся, если только шатильцы согласятся намъ сопутствовать, на что̀ они, знакомые вполнѣ со всѣми мѣстными обстоятельствами, еслибы была явная опасность, конечно, не рѣшились бы; при всей своей извѣстной храбрости, они больше насъ дорожатъ жизнью и играть ею не станутъ. Наконецъ, нужна же нѣкоторая рѣшимость, да и „храбрость города беретъ“.

Послѣ долгихъ за и противъ В. сталъ склоняться на мое предложеніе, а Челокаевъ и не умѣлъ, и не хотѣлъ оспаривать; онъ только весьма заботился о драгоцѣнной жизни полковника и просилъ быть осторожными... Кончилось тѣмъ, что рѣшили идти чрезъ два дня, въ теченіе которыхъ я долженъ былъ все приготовить; В. же напишетъ между тѣмъ донесеніе въ Тифлисъ о первой половинѣ похода и предположеніи идти дальше. Челокаевъ проводитъ насъ до высоты за Шатилемъ (гдѣ я, какъ выше разсказывалъ, былъ лѣтомъ 1846 года съ Гродскимъ и Колянковскимъ) и вернется въ Тіошеты, а оттуда пріѣдетъ въ Тифлисъ, чтобы встрѣтиться съ нами и быть у главнокомандующаго при докладѣ В. своего отчета объ исполненіи порученія.

Шатиль, Хевсурскій аулъ, тогда крайній предѣлъ покор-

ной намъ страны, имѣетъ около пятидесяти домовъ, и можетъ выставить не болѣе двухъ сотенъ человѣкъ способныхъ носить оружіе. Но эта горсть людей, жившая постоянно въ тревогѣ и опасности, привязанная къ своему родному гнѣзду, отличалась замѣчательною отвагой. Шатильцы не только защищались отъ всѣхъ непріятельскихъ покушеній, но сторожили входъ въ остальную Хевсурію, составляли нѣчто въ родѣ Хевсурскаго Гибралтара и пользовались за то общимъ уваженіемъ, играя роль національной аристократіи. Въ 1843 году извѣстный наѣздникъ, помощникъ Шамиля, Ахверды-Магома съ нѣсколькими тысячами горцевъ окружилъ Шатиль, требуя покорности. Шатильцы, запершись въ своихъ трудно-доступныхъ башняхъ, три дня держались противъ этой въ пятьдесятъ разъ превосходившей ихъ толпы, убили ружейнымъ выстрѣломъ самого Ахверды-Магому и до сотни его людей; непріятель опасаясь быть отрѣзаннымъ могущими подоспѣть подкрѣпленіями, долженъ былъ уйти ни съ чѣмъ. Изъ двухъ попавшихся при этомъ въ плѣнъ шатильцевъ, одинъ былъ зарѣзанъ на могилѣ Ахверды-Магомы, а другой успѣлъ бѣжать. За этотъ подвигъ шатильцы, по высочайшему повелѣнію, получили, кромѣ нѣсколькихъ георгіевскихъ крестовъ и медалей, триста четвертей хлѣба, пять пудовъ пороху, десять пудовъ свинцу и приказано было обнести аулъ каменною стѣной, вдѣлавъ въ нее приличную надпись.

Я часто бывалъ въ Шатилѣ, производившемъ на меня особаго рода поэтически-воинственное впечатлѣніе. Это дикое ущелье, сдавленное громадными навѣсными скалами, этотъ неистовый ревъ Аргуна, съ какими-то по временамъ отголосками будто дальнихъ пушечныхъ выстрѣловъ (вѣроятно отъ катящихся большихъ камней), эти почти дикіе обитатели, въ своихъ странныхъ костюмахъ и оружіи, со щитами и шлемами, напоминающіе средневѣковыхъ рыцарей-крестоносцевъ, какъ-то особенно гордо на все взирающіе; закоптѣлыя стѣнки башенъ, унизанныя кровавыми трофеями (кистями правыхъ рукъ), да множествомъ огромныхъ турьихъ роговъ, за коими

шатильцы взбирались на вершины недоступныхъ скалъ и снѣжныхъ вершинъ, все это, повторяю, производило впечатлѣніе трудно передаваемое. Съ шатильцами я былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, и оказывалъ имъ при всякомъ случаѣ предпочтеніе предъ другими жителями; у нихъ, впрочемъ, было менѣе всѣхъ споровъ, тяжебъ и вообще наклонностей къ сутяжничеству, чѣмъ отличались другіе хевсуры и особенно пшавы. Нѣкоторые изъ шатильцевъ, чаще пускавшіеся въ Грузію для закупокъ, посѣщали меня всегда въ Тіонетахъ чтобы взять билеты для свободнаго прохода, сообщали мнѣ всякіе слухи изъ сосѣднихъ горскихъ обществъ, при этомъ никогда не уходили отъ меня безъ угощенія и подарковъ. Особенно одинъ, звали его кажется Важика (уменьшительное отъ *важи*, храбрый), чаще у меня бывалъ, выказывая искреннюю преданность. Я рѣшился обратиться къ нему на счетъ предстоявшаго перехода во Владикавказъ.

Вызвавъ Важику изъ сакли, я прошелъ съ нимъ подальше на берегъ рѣки, и взявъ съ него слово не передавать никому содержанія нашего разговора, разсказалъ о моемъ предположеніи, съ тѣмъ что если онъ раздѣляетъ мои надежды на благополучный исходъ, то не согласится ли быть нашимъ проводникомъ, выбравъ себѣ самъ товарища.

Важика не долго думалъ и согласился; онъ не только раздѣлялъ мои надежды, но почти ручался за благополучный исходъ, тѣмъ болѣе что имѣлъ въ сосѣднемъ кистинскомъ обществѣ Митхо много знакомыхъ и „дзмобили“. У хевсуръ и сосѣднихъ горцевъ существуетъ обычай „удзмобилоба“ — братаніе. Два человѣка, оказавшіе взаимную услугу или близко знакомые и желающіе тѣснѣе сдружиться, совершаютъ обрядъ, заключающійся въ томъ что наполняютъ ковшикъ водкой или пивомъ, старшій или болѣе зажиточный опускаетъ туда серебрянную монету и оба по три раза пьютъ, цѣлуясь за каждымъ разомъ; затѣмъ желаютъ другъ другу побѣды надъ врагомъ, клянутся быть братьями и не жалѣть взаимно крови своей. Освященный временемъ, обычай

этотъ, какъ и вообще всякіе другіе обычаи, соблюдается такъ строго, что примѣры, гдѣ названные братья другъ за друга дѣлались кровоместниками, или и совсѣмъ погибали, вовсе не рѣдкость. — Важика не скрывалъ, что лѣтомъ такой переходъ былъ бы черезчуръ рискованнымъ предпріятіемъ, потому что легко можно было наткнуться на хищническую партію, состоящую изъ людей дальнихъ обществъ, для которыхъ ни митхойскіе знакомые, ни „дзмобили“ никакого значенія не имѣютъ; но теперь встрѣчи могутъ ограничиться однимъ, двумя человѣками, и то изъ ближайшихъ ауловъ, да еслибъ и изъ болѣе враждебныхъ, то съ двумя, тремя можно спривиться. Затѣмъ Важика назвалъ мнѣ товарища котораго онъ намѣренъ былъ пригласить, и кромѣ того указалъ мнѣ на одного изъ числа нашихъ провожатыхъ хахматскаго Хевсура, какъ на человѣка извѣстнаго своею храбростью, ловкостью и тоже знающаго кистинскій языкъ, совѣтуя взять его съ собою; ибо на всякій случай лишній де человѣкъ не помѣшаетъ. Условившись еще на счетъ различныхъ подробностей, мы разошлись.

День прошелъ въ приготовленіяхъ, отчасти въ препирательствахъ съ В., который, особенно послѣ обѣда, то заговаривалъ о нежеланіи идти, то требовалъ отъ меня *прочныхъ ручательствъ*, что онъ не будетъ взятъ въ плѣнъ и проч. Однако все наконецъ уладилось и на слѣдующій день, къ восьми часамъ утра, мы собрались на площадку (В. и его урядникъ въ папахахъ и старыхъ черкескахъ сверхъ форменныхъ кафтановъ, такъ что только вблизи можно было бы замѣтить несовершенство горскаго костюма), гдѣ всѣ и узнали куда мы рѣшились направиться. Впечатлѣніе было различное: тіонетскіе наши спутники, мирные Грузины, считали дѣло чуть не сумашествіемъ, а старшина ихъ (нацвали) Давидъ Годжія Швили, мой кумъ и родственно преданный мнѣ человѣкъ, просто схватился за мою руку, грозя не пустить. Шатильцы смотрѣли равнодушнѣе, совѣтовали однако быть осторожными и не совсѣмъ довѣрять полупокорнымъ ау-

ламъ, „а впрочемъ такихъ шесть молодцовъ могутъ де постоять за себя и противъ двадцати“, прибавили горскіе дипкоматы. Я съ своей стороны чувствовалъ только нѣкоторое усиленное сердцебіеніе, но вообще былъ увѣренъ что все кончится благополучно; да я не только въ этотъ разъ, а постоянно, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ кавказской службы, какъ будто вѣрилъ въ *счастливую звѣзду* свою, и пускался зачастую, безо всякой особой надобности, такъ-сказать очертя голову, въ рискованныя путешествія, почти убѣжденный что бѣда меня непремѣнно минуетъ.

Наконецъ, попрощавшись со всѣми и отклонивъ предположенные проводы Челокаева, мы тронулись въ путь по лѣвому берегу Аргуна, едва замѣтною, полузанесенною снѣгомъ тропинкой. Порядокъ марша установили мы слѣдующій: впереди Шатилецъ (авангардъ), затѣмъ Важика и я (главная колонна), далѣе урядникъ Астаховъ, ведущій катера (обозъ), и г. В. съ хахматскимъ Хевсуромъ (арріергардъ). У послѣдняго за спиной была гуда (кожаный мѣшокъ) съ драгоцѣнными остатками тифлисскихъ запасовъ: бутылки три рому и двѣ портеру, немного сардинокъ, сыру и проч.

XVI.

Поднявшись на возвышенную плоскость, о которой я уже упоминалъ прежде, мы на полускатѣ достигли небольшой непокорной кистинской деревушки Джарего, которую никакъ нельзя было миновать. Къ счастію мы застали дома одного изъ друзей нашихъ Шатильцевъ, вызвавшагося за приличное вознагражденіе провожать насъ до Владикавказа. Онъ не долго собирался и мы пустились далѣе въ ущелье, занятое шестью аулами общества Митхо, и прошли его боковыми дорожками.

Не болѣе десяти верстъ прошли мы отъ Шатиля, а какая разница въ характерѣ мѣстности, въ постройкѣ домовъ, въ физіономіи, костюмѣ и вооруженіи жителей! Въ Хевсуріи

горы—масса громадныхъ скалъ, изъ трещинъ коихъ изрѣдка торчатъ сосны; здѣсь онѣ не скалисты, гораздо ниже; покатости покрыты травой; дома не такъ стѣснены, лучше построены, смотрятъ опрятнѣе, по угламъ каждой деревни симетрично расположены башни. Кистины говорятъ чеченскимъ нарѣчіемъ, одѣваются по черкесски, въ ногавицы и чувяки: винтовки въ войлочныхъ чехлахъ, за туго стянутымъ поясомъ, съ большимъ кинжаломъ, оправленный въ серебро пистолетъ; шашекъ почти не употребляютъ; лошади рѣдкость. Походка и всѣ движенія Кистинъ очень граціозны, физіономіи привлекательны; бритыя головы, подстриженныя бородки напоминаютъ уже мусульманство, хоть они весьма плохіе магометане, не взирая на всѣ старанія Шамилевскихъ мюридовъ. Здѣсь видны остатки нѣкогда бывшаго христіанства; но все это смѣшалось съ язычествомъ, исламизмомъ и составило какую-то особую религію. Они называютъ христіанъ невѣрными, а поклоняются Св. Георгію; они не ѣдятъ свинины, имѣютъ по нѣскольку женъ, вступаютъ въ бракъ со вдовами своихъ братьевъ, но не дѣлаютъ никогда намаза, нѣтъ у нихъ ни мечети, ни муллъ. Въ каждомъ аулѣ есть кто-нибудь изъ болѣе уважаемыхъ жителей, считающійся старшиной; но власть его номинальна; въ болѣе важныхъ спорахъ избираютъ посредниковъ изъ стариковъ, знающихъ всѣ старые обычаи.

Выбравшись изъ Митхойскаго ущелья на довольно крутой подъемъ, мы увидѣли почти всѣ окрестныя кистинскія общества; за ними постепенно расширявшееся ущелье Аргуна, поросшее темными лѣсами, множество горныхъ хребтовъ, пересѣкавшихся въ разныхъ направленіяхъ, полупокрытыхъ снѣгомъ, и затѣмъ на горизонтѣ синевато-темная полоса Черныхъ Горъ, ясно обозначавшихъ рубежи Чечни. Здѣсь въ первый разъ В. снизошелъ до выслушанія моихъ объясненій на счетъ предполагаемой мною пользы отъ прочнаго занятія этой мѣстности войсками и возможности, съ одной стороны, движенія на встрѣчу дѣйствующимъ въ Чечнѣ от-

рядамъ, съ другой — устройства кордона къ Владикавказу, для обезпеченія прилегающихъ къ нему мѣстностей отъ хищническихъ набѣговъ. Для этого я считалъ главнѣйшимъ основаніемъ хорошую дорогу чрезъ Хевсурію до Митхо. Онъ кое-что набросалъ карандашомъ въ своей записной книжкѣ, замѣтилъ названія нѣкоторыхъ главныхъ пунктовъ, на рѣчь мою отвѣчалъ, впрочемъ, бо̀льшею частью: „да, пожалуй, гм, можетъ быть“, и заключилъ, что доложитъ все подробно главнокомандующему, хотя полагаетъ, что къ выполненію моихъ предположеній, вѣроятно, встрѣтятся большія затрудненія, по неимѣнію лишнихъ свободныхъ войскъ и денежныхъ средствъ. Я окончательно убѣдился, что В. просто дѣйствуетъ по заранѣе составленному предубѣжденію и на безпристрастное сужденіе разсчитывать нечего; я рѣшился поэтому прекратить всякіе дальнѣйшіе разговоры о предметѣ, для котораго собственно мы предприняли это трудное, опасное путешествіе, и отвѣчать только, если онъ самъ обратится ко мнѣ съ вопросомъ.

Спустившись съ высоты въ какое-то глухое, дикое ущельице, мы опять поднимались то по снѣгу, то по камнямъ, опять спускались, и вообще дорога была очень утомительная, а ноги мои, обутыя въ хевсурскія кожаныя лапти съ ремешковыми подошвами, изцарапались кое-гдѣ до крови... Между тѣмъ, нужно было спѣшить, чтобы не пришлось ночевать въ полѣ. Сколько В. ни ворчалъ, жалуясь на утомленіе (хотя онъ частенько взбирался на катера), сколько ни укрѣплялъ себя глотками рома, однако не выходилъ изъ себя и, чувствуя себя, такъ сказать, въ чужихъ рукахъ, видимо удерживался отъ раздраженія. Только одинъ разъ, когда хахматскій нашъ спутникъ, поскользнувшись, стукнулся спиной о скалу и раздался звонъ разбитыхъ бутылокъ, В. разразился громкою бранью и чуть не поднялъ руки на виновника такого бѣдствія. Къ счастію, двѣ бутылки (изъ пяти) оказались цѣлыми и я успокоилъ его увѣреніями, что, благодаря удачѣ

путешествія, мы достигнемъ Владикавказа гораздо скорѣе предположевнаго времени, и двухъ бутылокъ хватитъ.

Однимъ изъ опаснѣйшихъ пунктовъ на нашемъ пути была деревня Гулъ, съ весьма хищническимъ населеніемъ; нужно было обойти ее по весьма узенькой тропинкѣ, на которой, за довольно густымъ кустарникомъ, мы отчасти могли быть скрыты отъ аула. Почти смерклось, когда мы достигли того мѣста и съ большимъ трудомъ, двигаясь осторожно, чтобы не оборваться съ кручи, кое-какъ миновали это пространство и пустились дальше, берегомъ незначительной рѣчки.

Было уже совсѣмъ темно, когда лай собакъ извѣстилъ насъ о близости большого аула Цори, въ которомъ старшина Бехо былъ намъ извѣстенъ, какъ приверженецъ русскихъ властей во Владикавказѣ, куда онъ свободно ѣздилъ, занимаясь торговыми дѣлишками, пользуясь особымъ расположеніемъ генерала Нестерова, тогдашняго начальника этого округа. Мы надѣялись найти у него пріютъ и вообще всякую поддержку. Однако, пускаться прямо въ аулъ, не заручившись обѣщаніями Бехо и даже не зная, дома ли онъ, я не рѣшился, и потому счелъ за лучшее послать впередъ присоединившагося къ намъ въ Джарего кистина переговорить съ Бехо о принятіи неожиданныхъ гостей. Пока посланный возвратился, мы часа полтора просидѣли на снѣгу, дрожа отъ холода. Наконецъ, послышались шаги и мы были обрадованы до-нельзя. Бехо былъ дома, приглашалъ къ себѣ, ручался за нашу безопасность и выслалъ своего человѣка проводить насъ до его дома. Необычное позднее вступленіе такой кучи людей въ аулъ вызвало повсемѣстный бѣшеный лай собакъ, а затѣмъ стали выходить и люди съ вопросами; кучка любопытныхъ все возрастала у мы достигли дома Бехо въ сопровожденіи порядочной толпы, гуторившей безъ умолку и все старавшейся заглядывать намъ въ лица. Бехо принялъ насъ очень радушно и все упоминалъ: „о, Нестеровъ кунакъ, Нестеровъ джигитъ“.

Въ кунацкой (отдѣльная комната для гостей; кунакъ во

всей Азіи гость, пріятель) пылалъ огонь; земляной полъ былъ покрытъ бѣлыми войлоками. Насъ окружили женщины и дѣти, смотрѣвшія съ любопытствомъ и страхомъ на грозныхъ „уруссъ“, про которыхъ не забыли еще съ 1832 года, когда наши войска подъ начальствомъ барона Розена громили ихъ.

Хозяинъ приказалъ зарѣзать теленка, который и былъ поставленъ предъ нами сваренный въ чугунномъ котлѣ; вмѣсто хлѣба подали въ другомъ котелкѣ вареныя лепешки, въ родѣ малороссійскихъ галушекъ. Строго соблюдая чеченскій обычай, Бехо ни за что̀ не согласился сѣсть съ нами вмѣстѣ ужинать и все время стоялъ, прислуживая намъ; подавая кому-нибудь воду, онъ снималъ папаху и не надѣвалъ, пока не возвращали ему кувшина. Когда мы покончили съ ѣдой, онъ присѣлъ въ уголъ, наскоро тоже поѣлъ и передалъ остатки толпившимся у дверей семьѣ и чужимъ.

Нашъ митхойскій проводникъ оказался виртуозомъ; ему принесли балалайку, формы трехъугольника, съ тремя струнами, и онъ цѣлый часъ распѣвалъ какія-то унылыя, грусть наводившія пѣсни; концертъ закончился граціозною и живою пляской нѣсколькихъ мальчиковъ, ловко становившихся на носки и выразившихъ неописанный восторгъ, когда я каждому далъ по новенькому двугривенному.

Было уже около полуночи, когда мы, наконецъ, улеглись и послѣ такого утомительнаго трудового дня растянулись на войлокахъ, снявъ мокрую обувь. Хозяинъ погладилъ каждаго изъ насъ своею папахой, приговаривая: „дыкинъ буисъ“, то-есть доброй ночи, и ушелъ. Въ одной комнатѣ съ нами остались: урядникъ Астаховъ и хахматскій хевсуръ, а оба шатильца съ митхойцемъ отправились спать въ сосѣдній домъ. На всякій случай, я осмотрѣлъ двери и ставни, задвинулъ ихъ накрѣпко; оружіе повытерли, насыпали свѣжаго пороху на полки и пр. Я хорошо зналъ, что въ Азіи вообще, а въ Кавказскихъ горахъ въ особенности, поговорку „береженаго Богъ бережетъ“ забывать не слѣдуетъ.

На разспросы о дорогѣ до Владикавказа, Бехо намъ объявилъ, что обыкновенно они доѣзжаютъ туда на другой день къ раннему обѣду; но если рано выѣхать, не жалѣть себя и лошадей, то можно и къ позднему вечеру въ одинъ день добраться. Мы порѣшили не жалѣть себя и лошадей, лишь бы не пришлось провести еще ночь на открытомъ воздухѣ, или искать ночлега въ какомъ-нибудь аулѣ, подвергаясь искушенію туземцевъ пріобрѣсти лакомую добычу.

Было еще темно, когда мы согрѣли на-скоро въ мѣдномъ чайникѣ воды, напились чаю и стали торопить отъѣздомъ. За шесть лошадей и двухъ конныхъ проводниковъ до Владикавказа Бехо взялъ съ насъ, помнится, 25 рублей, да обѣщаніе замолвить за него доброе слово генералу Нестерову. Митхойца мы отпустили назадъ, конечно, съ приличнымъ вознагражденіемъ, и чуть стало брезжить, тронулись въ путь. Бехо поѣхалъ тоже съ нами.

Невдалекѣ отъ Цори, на холмѣ, я замѣтилъ большой каменный крестъ, полупокрытый мхомъ. Бехо объяснилъ, что предки ихъ были христіане и, по преданію, крестъ этотъ поставленъ ихъ предводителемъ въ память побѣды надъ мусульманами.

Съ полнымъ восходомъ солнца мы достигли рѣки Ассы и разбросанныхъ по ея берегамъ деревень общества Галгай. Все пространство до поворота рѣки къ сѣверу представляетъ рядъ небольшихъ холмовъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ. Мѣстность вообще очень живописная и рѣзко отличается отъ угрюмыхъ ущелій главнаго хребта. Галгаевцы ни чѣмъ не разнятся отъ другихъ кистинъ: они, должно быть, только богаче своихъ сосѣдей, въ одеждѣ и въ отдѣлкѣ оружія видна нѣкоторая роскошь; часто попадаются верховые; женщины миловиднѣе и одѣты опрятнѣе, въ длинныя, часто шелковыя сорочки и ахалухи, обшитые позументами собственнаго издѣлія.

Къ полудню мы приблизились къ трудному перевалу чрезъ хребетъ, составляющій лѣвый берегъ Ассы. Сдѣлавъ у

подножія двухчасовой привалъ, во время котораго Бехо сообщилъ намъ кое-какія топографическія свѣдѣнія объ окружающей мѣстности, мы пустились далѣе. Дорога была адская, то по обрывистымъ тропинкамъ, усѣяннымъ огромными камнями, или гладкимъ, скользкимъ плитнякомъ, то по вязкой глинистой грязи, подъ проливнымъ дождемъ. Мы подвигались весьма медленно, ибо В. поминутно слѣзалъ съ лошади, и когда я его успокоивалъ, что лошадь-де привычная, что бояться нечего, онъ пресеріозно отвѣтилъ мнѣ: „конечно, вамъ весьма желательно, чтобъ я себѣ шею свернулъ". Пришлось оставить его въ покоѣ. Урядникъ Астаховъ долженъ былъ всякій разъ тоже слѣзать, чтобы поддержать стремя и вести лошадь В., а проводники наши всѣ слѣзали по вѣжливому обычаю, требующему не оставаться на конѣ, когда старшій идетъ пѣшкомъ. Такимъ образомъ я всю дорогу ѣхалъ впереди, часто останавливаясь и поджидая далеко отстававшихъ. Да у меня, впрочемъ, ноги были такъ искалѣчены предшествовавшимъ переходомъ, что я едва могъ нѣсколько шаговъ пройти, особенно по камнямъ и подъ гору. Наконецъ, одолѣли мы и этотъ, покрытый дремучими лѣсами, перевалъ и спустились въ Тарскую долину, населенную ингушами. Здѣсь намъ нужно было болѣе всего опасаться встрѣчи съ хищническими шайками, которымъ отсюда самые удобные пути къ берегамъ Терека, нашимъ главнымъ дорогамъ и казачьимъ станицамъ.

Обширная Тарская долина представляетъ совершенно ровную степную мѣстность; разбросанные по ней аулы совсѣмъ не то, что въ горахъ; домики просто плетневыя мазанки съ камышевыми крышами; по угламъ деревни деревянныя вышки, на которыхъ стояли часовые. На кладбищахъ поразили меня множество разноцвѣтныхъ значковъ, воткнутыхъ въ могилы; они ставятся по убитымъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ, въ то время значитъ съ русскими. Всѣ эти галгаевцы, ингушевцы и пр. мелкія племена по рѣкамъ Ассѣ, Сунжѣ и ихъ притокамъ считались тогда „полупокорными",

то-есть не явно подчиненными Шамилю; по мѣстности они были намъ легче доступны и сами, конечно, нашимъ отрядамъ противостоять не могли, да къ тому же нуждались во владикавказскомъ рынкѣ. Однако это ихъ ничуть не удерживало отъ участія въ полчищахъ Шамиля противъ насъ и, что̀ еще хуже, отъ набѣговъ мелкими шайками на наши проѣзжія дороги и поселенія. Начальство считало нужнымъ жить съ ними на какой-то „дипломатической“ ногѣ, принимать и награждать старшинъ, показывать видъ что вѣрятъ въ ихъ преданность и пр., чего я, признаться, никогда хорошенько понять не могъ. Такія отношенія слабаго сосѣда къ сильному были бы понятны, но обратно, русскаго начальства къ какимъ-нибудь ингушевцамъ, просто забавны. Партизаны дипломатіи ссылались на то что де и этихъ горцевъ нельзя строго обвинять за двусмысленность, такъ какъ они живутъ между двухъ огней, а мы были якобы не настолько сильны чтобы защитить ихъ отъ нападеній шамилевыхъ партій, и что все же лучше имѣть ихъ полупокорными сосѣдями, чѣмъ совсѣмъ враждебными. Доводы эти не выдерживали строгой критики: вопервыхъ, шамилевскимъ значительнымъ партіямъ не такъ-то легко и близко было доходить до окрестностей Владикавказа́ или другихъ нашихъ большихъ крѣпостей; туземцы прекрасно могли заранѣе знать все что̀ въ горахъ затѣвалось, а слѣдовательно и сами собраться съ силами, для обороны, и своевременно дать знать русскимъ, у которыхъ всегда нашлось бы нѣсколько ротъ для поддержки, болѣе нравственной даже, искренно намѣренныхъ защищаться жителей. Но въ томъ-то и дѣло что они не хотѣли быть врагами предводителя родственныхъ и единомышленныхъ людей, которымъ принадлежали всѣ ихъ симпатіи; они служили ему вѣрой и правдой и, съ его разрѣшенія, играли роль полупокорныхъ русскимъ. Вовторыхъ, лучше имѣть десять враговъ открытыхъ, чѣмъ одного скрытаго; это дипломаты забывали, а „полупокорные“ отлично этимъ пользовались, и имѣя вездѣ свободный доступъ, знакомились со всѣми прохо-

дами, со всѣми мѣстными условіями, обычаями нашихъ карауловъ и оборонительныхъ мѣръ, выучились немного по русски, и вооруженные этими важными въ мелкой партизанской войнѣ средствами, десятки лѣтъ съ блистательнымъ успѣхомъ производили свои опустошительныя хищничества, держа страну въ постоянной тревогѣ и тормозя всякое развитіе мало-мальски гражданственной жизни. Теперь, когда Кавказской войны нѣтъ, не стоило бы вдаваться въ подробности такихъ спеціальныхъ, такъ-сказать, предметовъ; я коснулся этого только вспоминая мои тогдашнія соображенія, которыхъ почти никто изъ высшихъ начальствующихъ лицъ не раздѣлялъ до графа Н. И. Евдокимова, напротивъ требовавшаю отъ горцевъ прямого отвѣта: ты нашъ или нѣтъ?

Было уже около девяти часовъ вечера, дождь не переставалъ лить какъ изъ ведра; всѣ мы, особенно В., не взирая на подкрѣпленія остатками рома, еле-еле держались на сѣдлѣ; лошади видимо стали уменьшать шагъ и приходилось все чаще и чаще подергивать поводомъ и подталкивать ихъ шенкелями. По словамъ проводниковъ, до Владикавказа оставалось еще часа три и мы опасались, что ни люди, ни лошади не вынесутъ этого разстоянія, такъ что пришлось бы просто остановиться, и подъ проливнымъ дождемъ, въ непроглядную темь, простоять до разсвѣта; лечь же не было возможности: вся долина превратилась почти въ одну сплошную лужу. Проѣхали мы еще часа два, и силы и терпѣніе окончательно истощались, В. пришлось поддерживать, а то онъ ужь раза два, задремавъ, чуть не свалился.

Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ... Мы просто обмерли отъ такой неожиданности! Понятно, намъ тотчасъ пришла мысль что гдѣ-нибудь вблизи появился непріятель, сдѣлалъ нападеніе и пушечный выстрѣлъ по обыкновенію значитъ „тревога“.—Мы остановились; вдругъ другой, третій выстрѣлъ и даже огоньки показались со стороны Владикавказа. Какъ быть? Проводники рѣшительно настаивали торопиться дальше, ибо еслибы мы и встрѣтили какую-нибудь шайку, то,

вопервыхъ, въ темнотѣ они могутъ насъ принять только за своихъ, вовторыхъ, шайка не можетъ быть значительная, а насъ вѣдь тоже восемь человѣкъ, втретьихъ, шайка во всякомъ случаѣ можетъ встрѣтиться только отступающая или скорѣе даже удирающая отъ преслѣдованія, значитъ ей не до враждебныхъ затѣй со встрѣчными. Я совершенно согласился съ этими практическими доводами, и мы тронулись впередъ. Особой тишины соблюсти не было возможности, потому что шлепаніе тридцати двухъ конскихъ ногъ по водѣ лужъ производило въ ночной тишинѣ довольно громкій, своеобразный лязгъ. Опасность положенія какъ бы прогнала усталость и сонъ; мы пріободрились, поправили оружіе на всякій случай и зорко оглядывались во всѣ стороны; даже лошади какъ будто ожили, навострили уши и ступали тверже...

У меня, признаться сказать, всю дорогу отъ Цори вертѣлась безпокойная мысль, что какой-нибудь тамошній джигитъ, пока мы спали въ аулѣ, могъ пробраться впередъ и предварить друзей о предстоящемъ проѣздѣ нашемъ; а такой лакомою добычей и заманчивою славой подвига весьма легко было соблазнить любаго горца, даже „покорнаго". Не хотѣлъ я, само собою, объ этомъ и заговаривать, чтобъ не испугать В., готоваго, пожалуй, отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія. Только моему шатильскому пріятелю Важикѣ сообщилъ я это, когда мы подъѣзжали въ сумерки къ Тарской долинѣ. Каково же было мое удивленіе, когда онъ не только совершенно подтверждалъ возможность моего опасенія, находя такую выходку вполнѣ въ характерѣ лукавыхъ кистинъ (т.-е. всѣхъ безъ исключенія кавказскихъ горцевъ, подумалъ я при этомъ), но еще въ подкрѣпленіе опасенія разсказалъ мнѣ слѣдующій казусъ: во время длиннаго отдыха нашего у подножія перевала, ему вздумалось вынуть свою винтовку изъ чехла и смазать бараньимъ жиромъ (это дѣлаютъ всѣ азіятцы противъ ржавчины); при этомъ *изъ ствола* вдругъ потекла вода, очевидно нарочно туда налитая; Ва-

жика сейчасъ сообщилъ объ этомъ своему товарищу шатильцу, — у него оказалось то же самое! Мнѣ они положили ничего объ этомъ не говорить, чтобы не возбудить опасеній; между тѣмъ, тотчасъ же шомпольнымъ штопоромъ вывинтили промокшіе заряды, вычистили, смазали стволы и зарядили наново. Случай этотъ они объясняли просто: спать ихъ уложили въ сосѣднемъ домѣ вмѣстѣ съ двумя какими-то кистинами и тѣ, пользуясь ихъ крѣпкимъ сномъ, налили воды въ стволы винтовокъ, дѣлая ихъ совершенно негодными въ минуту необходимости... Съ какою цѣлью было это сдѣлано, рѣшить трудно, вѣрнѣе просто ради желанія подгадить хотя чѣмъ-нибудь шатильцамъ, какъ христіанамъ; но тогда такое приключеніе очевидно должно было только усилить мои опасенія и я, признаюсь, съ сильнымъ сердечнымъ постукиваніемъ продолжалъ путь, которому, казалось, ужь и конца не будетъ.

Между тѣмъ пушечные выстрѣлы давно умолкли; темь стояла непроглядная, а ливень не переставалъ. Проѣхали мы, ничего не видя и не слыша, еще съ три четверти часа, и вдругъ съ небольшого холмика увидали множество огоньковъ, разслышали звонъ церковныхъ колоколовъ, лай собакъ,— Владикавказъ разстилался предъ нами широкою площадью! Радость нашу при этомъ превзошло только развѣ неожиданное восклицаніе часового: кто идетъ? и на отвѣтъ нашъ: свои, Русскіе, казаки, опять его же громкое слово: „Христосъ воскресъ, коли вы русскіе.“ Тутъ только разъяснилась загадка пушечныхъ выстрѣловъ! Это была ночь подъ Свѣтлое Воскресенье 1848 года, о чемъ мы и думать забыли; а на Кавказѣ это торжество издавна принято было встрѣчать пальбой изъ орудій, ракетами и пр. Въ какомъ-то порывѣ радостнаго чувства, мы похристосовались тутъ же и съ В., и съ урядникомъ Астаховымъ, и поздравили другъ друга съ праздникомъ, и еще болѣе съ благополучнымъ окончаніемъ рискованнаго предпріятія...

Наконецъ, явился дежурный офицеръ и только послѣ по-

дробныхъ разспросовъ приказалъ отворить намъ ворота. Чрезъ полчаса мы сидѣли въ гостинницѣ Лебедева за чаемъ, а вся трактирная прислуга толпилась у дверей, оглядывая насъ, какъ рѣдкихъ звѣрей; очевидно Астаховъ успѣлъ уже въ буфетѣ разразиться послѣ долгаго молчанія самымъ фантастическимъ разсказомъ о нашемъ путешествіи.

Проспавъ мертвымъ сномъ до одиннадцати часовъ утра, я кое-какъ пообчистилъ свой архи-байгушскій костюмъ, вмѣсто лаптей надѣлъ чувяки и вышелъ позавтракать. Въ передней стоялъ уже ординарецъ и вѣстовой, присланные комендантомъ къ услугамъ В. Очевидно, мѣстныя власти уже узнали объ его пріѣздѣ ночью, и потому онъ поторопился отправиться къ генералу Нестерову, къ которому, какъ главному начальнику во Владикавказѣ, слѣдовало явиться. Погода хоть и разгулялась, даже свѣтило ярко весеннее солнце, но грязь была буквально невылазная; В. послалъ къ коменданту просить верховыхъ казачьихъ лошадей, и черезъ часъ мы поѣхали въ крѣпость.

Генералъ Нестеровъ, старый знакомый В., встрѣтилъ его въ передней объятіями, поцѣлуями и закидалъ вопросами: какъ, что̀, откуда? Изумленію его не было конца и на лицѣ ясно даже выразилось сомнѣніе въ истинѣ разсказа. Я стоялъ между тѣмъ поодаль, ожидая представленія генералу; наконецъ тотъ самъ меня замѣтилъ и спросилъ, а это что̀ же за чеченецъ съ вами? В., разсмѣявшись, назвалъ мою фамилію, прибавивъ: да, только съ этакимъ чеченцемъ и могъ я совершить свою безразсудную поѣздку. Новое изумленіе и сомнѣніе генерала, начинавшаго кажется думать, что В. его мистифируетъ. И неудивительно, потому что сами чеченцы не усумнились бы признать меня своимъ землякомъ, такъ преобразился я нѣсколько-лѣтнимъ пребываніемъ среди горцевъ и увлеченіемъ поэтическою стороной ихъ воинственной, полудикой жизни; ну, а наружно и говорить нечего: бритая голова, маленькая русая козлиная бородка, загорѣлое лицо, костюмъ, оружіе и всѣ ухватки до тончайшей подробности

не уступали оригиналу. Однако, когда я заговорилъ съ нимъ, да еще добавилъ, что хотя лично никогда не имѣлъ чести быть ему извѣстнымъ, но по перепискѣ объ одномъ довольно важномъ дѣлѣ, полагаю, онъ не можетъ меня не знать, и разсказалъ ему при этомъ о враждебныхъ отношеніяхъ подчиненныхъ ему галгаевцевъ съ подчиненными мнѣ хевсурами-архотцами, прекращенныхъ, благодаря нашимъ обоюднымъ распоряженіямъ,—генералъ убѣдился, наконецъ, что видитъ предъ собою въ дѣйствительности русскаго чиновника, а не байгуша изъ Чечни, и наговорилъ мнѣ тьму комплиментовъ. Въ эту минуту вошли въ комнату жена генерала и ея сестра, похристосовались съ В. и пошли ахать: какъ это вы рискнули на такую поѣздку и т. п. Петръ Петровичъ Нестеровъ, кивнувъ мнѣ незамѣтно головой, обратился къ женѣ: „а вотъ, позволь тебѣ представить молодого чеченца, проводника А. Н., который такъ отлично выучился говорить по-русски, что никакъ узнать нельзя, просто какъ будто родился въ Россіи!“ И опять нѣсколько минутъ мистифированія, затѣмъ удивленія и т. д.

Когда дамы ушли, В. вспомнилъ, что въ передней остался ждать Бехо и всѣ наши проводники, которыхъ тутъ же и представилъ генералу. Этотъ ихъ обласкалъ, подарилъ имъ денегъ, обѣщалъ Бехо представить къ награжденію медалью за такое усердіе и преданность, и проч. На приглашеніе остаться обѣдать, мы рѣшительно отказались, ссылаясь на усталость и желаніе скорѣе лечь спать.

Мы возвратились въ гостинницу и велѣли тамъ подать обѣдъ, за которымъ В. потребовалъ шампанскаго. Лакей, съ видимымъ желаніемъ угодить, ловко подбѣжалъ съ завернутою въ салфетку бутылкой и надъ самымъ ухомъ В., съ особымъ шикомъ, заставилъ хлопнуть пробку подъ самый потолокъ, но въ ту же минуту получилъ отъ высокой руки полковника полновѣсную пощечину, съ прибавленіемъ: „экая скотина, думаетъ что угощаетъ сапожниковъ“. Раздался общій хохотъ сидѣвшихъ за столомъ нѣсколькихъ офицеровъ, а бѣд-

ный лакей, не пощаженный и въ первый день Свѣтлаго праздника, удалился крайне сконфуженный. Таковъ былъ образованный человѣкъ и таковы были тогда нравы вообще, а нѣкоторыхъ военныхъ въ особенности.

Въ сумерки В. предложилъ мнѣ отправиться провести вечеръ у Опочининыхъ. На вопросъ мой, кто такіе Опочинины? онъ коротко отвѣтилъ: „здѣшній батарейный командиръ, полковникъ Опочининъ, извѣстный своимъ гостепріимствомъ, у котораго гости никогда не переводятся; жена у него грузинка княжна Орбеліанъ, вотъ кстати можете по-грузински наболтаться". Отправились. В., по обыкновенію, былъ принятъ съ распростертыми объятіями, а на вопросъ что̀ это съ вами за горецъ? отвѣтилъ: „Чеченецъ, провожавшій меня черезъ горы, хорошо говоритъ по-русски и даже по-грузински, пожалуйста обласкайте его". И опять повторилась утренняя мистификація. Сама madame Опочинина, сестра ея Иванова и другая, тогда еще молодая дѣвица, Софья Яковлевна (нынѣ супруга генералъ-адъютанта князя Дмитрія Ивановича Святополка-Мирскаго) обступили меня и закидали вопросами, какимъ образомъ я могъ выучиться такъ хорошо говорить по-русски и еще болѣе по-грузински, да притомъ съ такимъ правильнымъ выговоромъ. Я разсказалъ имъ какую-то басню, чуть ли не о плѣнномъ офицерѣ русскомъ, да о плѣнной грузинкѣ изъ Кахетіи, у которыхъ выучился говорить и проч., пока наконецъ В., замѣтивъ, что меня оставляли въ нѣкоторомъ небреженіи, не объявилъ моего настоящаго имени. Изумленіе безконечное по поводу грузинскаго языка и особенно по такому совершенному превращенію въ чеченца.

Вечеръ прошелъ весьма пріятно; послѣ хорошаго ужина съ отборнымъ кахетинскимъ виномъ, заставили меня еще проплясать лезгинку подъ бубенъ, что̀ опять вызвало не мало удивленія. Ужь только около полуночи, распрощавшись, мы сѣли на казачьихъ лошадей и вернулись въ гостиницу спать. Съ тѣхъ поръ началось мое знакомство съ почтеннѣйшимъ, всему Кавказу извѣстнымъ, семействомъ Опочининыхъ...

На другой день утромъ наши шатильцы, получивъ еще отъ В. по нѣскольку рублей, подъ покровительствомъ весьма довольнаго Бехо, отправились обратно тою же дорогой домой; а хахматскаго хевсура, который особенно нравился В., рѣшено было взять въ Тифлисъ и представить тамъ намѣстнику, съ просьбой о наградѣ. Въ полдень мы на двухъ курьерскихъ тройкахъ уѣхали изъ Владикавказа и довольно поздно, перевалившись черезъ главный хребетъ, остановились ночевать въ урочищѣ Квишеты у имѣвшаго здѣсь свое пребываніе начальника горскаго округа, полковника князя Авалова, женатаго на сестрѣ г. Золотарева, о которомъ я разсказывалъ выше, по случаю совмѣстнаго посѣщенія начальника главнаго штаба.

Здѣсь мое представленіе состоялось уже безъ мистификацій, и Аваловъ, знавшій отъ Золотарева и о моемъ предположеніи, и о командировкѣ В., и даже о моихъ дурныхъ отношеніяхъ съ камбечи Челокаевымъ, принялъ меня весьма дружелюбно и тотчасъ же заговорилъ о дѣлѣ, то-есть о дорогѣ чрезъ Хевсурію въ Чечню и пр. В. безо всякихъ обиняковъ объяснилъ ему, что находитъ всю эту затѣю неудобоисполнимою и едва ли могущею принести какую-нибудь пользу. Князь Аваловъ, бывшій напротивъ совершенно другого мнѣнія, что̀ мнѣ извѣстно было отъ Золотарева, счелъ однако болѣе благоразумнымъ не только не противорѣчить сильному человѣку, но даже какъ бы и подтвердить его мнѣніе. Человѣкъ онъ былъ, положимъ, не весьма далекій, полуграмотный, но по части „дипломатики“ и „умѣнія обращаться съ сильными людьми“ онъ сдѣлалъ бы честь любому придворному; онъ поспѣшилъ перенести разговоръ на другой предметъ, и именно о занимавшемъ тогда приближенныя къ князю Воронцову военныя сферы вопросѣ, какъ и что̀ предпринять для обезпеченія Кахетіи отъ набѣговъ лезгинъ. Я уже упоминалъ, что вообще тогда была мода на проекты, очень снисходительно принимавшіеся княземъ и дававшіе авторамъ надежды на особое вниманіе; по

вопросу о защитѣ Кахетіи чуть ли не больше всего явилось проектовъ, да что-то все несостоятельныхъ. Я не мало удивился, когда В., не успѣлъ Аваловъ коснуться этого предмета, позвалъ урядника Астахова и приказалъ ему достать изъ чемодана портфель, изъ коего была вынута изряднаго объема тетрадка.

„Вотъ, князь, если васъ этотъ предметъ интересуетъ, не хотите ли послушать мнѣніе мое объ огражденіи Кахетіи; надѣюсь, что это вполнѣ достигнетъ цѣли и князь Михаилъ Семеновичъ, кажется, совершенно согласенъ со мною.“ Понятно, Аваловъ сталъ просить сдѣлать ему большое удовольствіе и пр. и В., не вставая отъ стола, за которымъ мы уживали, принялся съ большимъ самодовольствіемъ за чтеніе предположенія объ устройствѣ прочной обороны Кахетіи отъ набѣговъ лезгинъ“. Подробностей я теперь, само собой, не помню, но вся суть заключалась въ устройствѣ какихъ-то блокгаузовъ, кажется даже подвижныхъ, то-есть изъ деревянныхъ срубовъ, легко переносимыхъ съ мѣста на мѣсто; упоминались, кажется, примѣры подобныхъ блокгаузовъ въ Алжиріи, оказавшихся де весьма полезными французамъ; затѣмъ указывались пункты, на которыхъ слѣдуетъ поставить блокгаузы — и Кахетія превратилась бы чуть не въ Тамбовскую губернію по совершенной безопасности. Князь Аваловъ поминутно приговаривалъ: „прекрасно, вотъ это такъ прожектъ, вотъ кому кахетинцы спасибо скажутъ“ и т. п., а я едва держался на стулѣ, поминутно засыпая. Наконецъ В. одолѣлъ свою тетрадку, съ полчаса еще давалъ Авалову дополнительныя объясненія, и мы ушли спать.

Утромъ, напившись у князя Авалова чаю, мы уѣхали дальше и остановились на станціи въ Ананурѣ чтобъ оттуда отправить хахматца въ Тіонеты для сообщенія Челокаеву о нашемъ возвращеніи и для доставленія мнѣ платья, безъ котораго нельзя было бы въ Тифлисѣ показаться. Хахматецъ долженъ былъ съ Челокаевымъ прибыть въ Тифлисъ.

Отъ Ананура до Тіонетъ есть прямая дорога верстъ

около 35 и В. для проѣзда хахматца воспользовался бывшими у него въ запасѣ бланками открытыхъ приказовъ на взиманіе лошадей отъ казачьихъ постовъ; прописавъ на одномъ бланкѣ имя хевсура и „отъ Ананура до села Тіонетъ давать по одной казачьей лошади безъ малѣйшаго задержанія“, а передалъ бланкъ завѣдывавшему на станціи казачьимъ постомъ уряднику, для немедленнаго назначенія казака и верховой лошади. Урядникъ, прочитавъ приказъ, прицѣпилъ шашку и явился въ комнату, гдѣ мы съ В. закусывали.

„Тебѣ что нужно?“ спросилъ его В.

— Намъ, ваше высокородіе, предписано давать лошадей по открытымъ листамъ только по почтовому тракту, а не въ сторону, а тутъ сказано до Тіонетъ,—это мѣсто намъ совсѣмъ не извѣстно, и, говорятъ, очень далеко.

Въ одно мгновеніе ока В. вскочилъ со стула и со словами: „Ты смѣешь разсуждать!“ отпустилъ уряднику звонкую пощечину, повернулъ его къ двери, толкнулъ рукой и ногой одновременно въ шею и пониже, и приказалъ тотчасъ дать лошадь, а то „запорю де каналью на смерть“. Ну, и чрезъ пять минутъ дѣйствительно была подана лошадь, хахматецъ нашъ усѣлся и, въ сопровожденіи казака, уѣхалъ. Разсказываю объ этомъ для характеристики времени. Къ тому же донскіе казаки играли тогда тамъ самую печальную, унизительную роль и на нихъ смотрѣли какъ на вѣстовыхъ, конюховъ, лакеевъ; на ихъ лошадяхъ возили всѣхъ и вся, даже вьюки съ багажами штабныхъ офицеровъ. Бланки открытыхъ приказовъ на взиманіе казачьихъ лошадей и конвоя доставались въ распоряженіе чуть не всякаго писаря, и можно себѣ представить, какъ ими злоупотребляли; изъ-за всякой мелочи, даже не служебной, а просто по частному дѣлу, казаку приходилось нерѣдко по нѣскольку сотъ верстъ проѣхать верхомъ, не получая ни гроша денегъ на харчи и питаясь нѣсколько сутокъ чуть не подаяніемъ отъ полуголодающихъ на постахъ собратовъ. И все это продолжалось десятки лѣтъ, хотя по временамъ издавались циркуляры, за-

прещавшіе безъ особо экстренныхъ надобностей давать открытые листы; но циркуляры исполнялись тогда такъ же, какъ и всякія другія постановленія.

Въ 1856—57 годахъ, бывши дежурнымъ штабъ-офицеромъ войскъ дѣйствовавшихъ тогда на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи, подъ начальствомъ генерала Евдокимова, я обратилъ вниманіе на жалкое положеніе казаковъ, посылавшихся нарочными (а тогда въ разгарѣ военныхъ дѣйствій и спѣшныхъ распоряженій, при отсутствіи телеграфа и правильныхъ почтовыхъ сообщеній, посылки были неизбѣжны и весьма часты), исходатайствовалъ у Николая Ивановича Евдокимова разрѣшеніе отпускать нарочнымъ по 15 коп. въ сутки изъ экстраординарныхъ суммъ. Я выдавалъ имъ эти деньги всегда впередъ, по приблизительно вѣрному разсчету дней потребныхъ на проѣздъ до даннаго пункта и обратно; они по крайней мѣрѣ могли подкрѣпляться въ дорогѣ чаркой водки и поѣсть кое-гдѣ горячаго.

Мы уже были готовы выѣзжать, какъ къ станціи подскакалъ фельдъегерь, отъ котораго мы узнали, что онъ восемь дней какъ изъ Петербурга (тогда это считалось почти баснословною скоростью), раздавалъ по пути пакеты съ приказами о созывѣ безсрочно-отпускныхъ солдатъ (по случаю революціонныхъ волненій въ Западной Европѣ), и везъ нужныя бумаги къ князю Воронцову. Пока ему запрягали лошадей, мы усѣлись въ перекладную и укатили. Верстахъ въ 3—4 отъ Ананура начинался крутой продолжительный подъемъ, тогда еще не шоссированный и въ грязь едва проѣздный. Хоть въ этотъ разъ было совсѣмъ сухо, и наша курьерская тройка была превосходна, однако мы поднимались довольно медленно, и черезъ нѣсколько минутъ фельдъегерь насъ обогналъ. В взбѣсился: „Ты, скотина, почему далъ себя обогнать, вѣдь наша тоже курьерская тройка“, сказалъ онъ ямщику.—„Помилуйте ваше высокородіе, тамъ сидятъ двое, а насъ четверо, да еще большой чемоданъ“. Но не успѣлъ онъ еще вымолвить послѣдняго слова, какъ

ему полетѣли въ спину кулаки, фуражка у него свалилась на дорогу, и В. не позволилъ остановиться чтобъ ее поднять, осыпая ямщика кучей казарменныхъ ругательствъ, неистово повторяя: „пошелъ, пошелъ, такой-сякой!..“ Такъ и въѣхали мы въ Душетъ съ ямщикомъ безъ фуражки... Впрочемъ, В. тутъ же отдалъ ему рублевую бумажку, которую тотъ съ поклономъ принялъ.

Вспомнилъ я объ этомъ мелкомъ приключеніи опять-таки ради характеристики г. В., полковника генеральнаго штаба, представителя военной интеллигенціи тѣхъ давно минувшихъ временъ. Какимъ черепашьимъ шагомъ мы ни полземъ впередъ, все же подобныя личности теперь уже едва-ли возможны и хвастать такими подвигами едва ли кто станетъ; а тогда вѣдь этимъ хвастали, и молодежь военная даже рисовалась до того, что иногда клепала на себя, сочиняла *подвиги*, въ родѣ избитія какого-нибудь станціоннаго смотрителя или квартальнаго надзирателя, подвиги, въ дѣйствительности никогда ими не совершенные и существовавшіе только въ ихъ воображеніи...

Поздно вечеромъ пріѣхали мы наконецъ въ Тифлисъ.

XVII.

На другое утро, В. употребилъ всѣ средства чтобъ облагообразить немного свою физіономію, носившую слѣды пребыванія подъ вѣтромъ, снѣгомъ и слякотью, а также усиленныхъ пріемовъ спиртуозовъ, нарядился въ полную форму и объявилъ что отправляется къ князю дать отчетъ о своей поѣздкѣ. „Еслибы князь пожелалъ васъ видѣть и принять въ вашемъ байгушскомъ костюмѣ, прибавилъ онъ, то я пришлю за вами ординарца, а потому не уходите изъ дому“.

Часовъ около двѣнадцати явился казакъ и потребовалъ меня къ главнокомандующему. Я по возможности привелъ свой нарядъ въ опрятный видъ и отправился. Въ адъютантской комнатѣ сидѣлъ В., окруженный адъютантами и разными тузами, ожидавшими своей очереди войдти въ каби-

нетъ, и разсказывалъ о нашихъ похожденіяхъ. Меня встрѣтилъ онъ слѣдующими словами: князь Михаилъ Семеновичъ оказываетъ вамъ такое большое вниманіе, что пожелалъ васъ принять даже въ этомъ несвойственномъ чиновнику костюмѣ; вотъ сейчасъ доложатъ и мы войдемъ". Злорадное желаніе непремѣнно причинять мнѣ оскорбленія такъ и слышалось въ голосѣ и словахъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ кто-то, бывшій у князя съ докладами, и насъ потребовали.

Какъ теперь помню, князь поднялся со своего кресла, вышелъ на средину кабинета и обратился ко мнѣ: „Ну-ка, любезный З., дай-ка посмотрѣть на себя въ этомъ видѣ; да, совершенный чеченецъ".—„Притомъ же, ваше сіятельство, подхватилъ В., такой изумительно смѣлый, безстрашный, что едва ли и всякій чеченецъ съ нимъ сравнится; гдѣ всѣ сходятъ съ лошадей, онъ ѣдетъ себѣ опустивъ поводья, переправляется въ бродъ чрезъ бѣшеныя рѣчки, верхомъ переѣзжаетъ эти чортовы мостики, о которыхъ страшно вспомнить, однимъ словомъ, совсѣмъ не гражданскій чиновникъ". Какая любезная рекомендація и перемѣна тона, какъ только замѣтилъ въ словахъ князя расположеніе ко мнѣ!—„Да, я впрочемъ давно уже думалъ, что ему слѣдуетъ быть военнымъ", сказалъ улыбаясь князь и прибавилъ: „Спасибо тебѣ, любезный, за поѣздку, которая, *благодаря собраннымъ В. свѣдѣніямъ,* останется не безъ пользы. Дождись здѣсь своего окружнаго начальника, который вѣроятно сегодня-завтра пріѣдетъ; я еще съ тобою увижусь". Я откланялся и вышелъ.

Вѣроятный смыслъ доклада г. В. и результатъ всего дѣла становились достаточно ясными послѣ этого пріема; а слова князя „дождись *своего* окружнаго начальника" давали понять, что и на счетъ моихъ отношеній съ Челокаевымъ дѣло клонилось не въ мою пользу. Я впрочемъ съ перваго пріѣзда В. въ Тіонеты и не ожидалъ ничего лучшаго, потому и окончательная неудача не произвела на меня особаго впечатлѣнія. Я думалъ только объ одномъ, куда бы мнѣ при-

строиться послѣ видимаго неизбѣжнаго увольненія изъ округа. Вступить опять въ чисто гражданскую, канцелярскую службу, казалось мнѣ просто наказаніемъ. Изъ всего предыдущаго очерка моей службы въ округѣ ясно, что возвратъ къ канцелярской дѣятельности не только не соотвѣтствовалъ бы моимъ наклонностямъ, но окончательно разбивалъ бы всѣ мои мечты и надежды на дѣятельность въ военной сферѣ и выходъ изъ обычной чиновничьей среды. А каково юношѣ двадцати трехъ лѣтъ отказаться отъ любимой мечты, понятно всякому! Я уже сталъ подумывать о вступленіи въ какой-нибудь полкъ юнкеромъ, хотя для этого приходилось потерять оба гражданскіе чина и, послѣ болѣе или менѣе самостоятельнаго положенія, очутиться въ не весьма завидной роли *нижняго чина*.

На другой день явился въ Тифлисъ Челокаевъ и тотчасъ увидѣлся съ В., который взялся доложить главнокомандующему и испросить приказанія, когда ему явиться. Прибылъ и нашъ хахматскій хевсуръ, привезшій мое платье.

Послѣ представленія князю Воронцову, Челокаевъ объявилъ мнѣ, что мы оба приглашены на слѣдующій день къ обѣду; никакихъ другихъ объясненій онъ со мною не начиналъ. На обѣдѣ князь, по обыкновенію, былъ очень любезенъ, разсказывалъ княгинѣ Елизаветѣ Ксаверьевнѣ о нашемъ съ В. путешествіи, а когда мы откланивались, сказалъ мнѣ: „надѣюсь, любезный З., что ты и дальше съ такою же пользой будешь служить подъ начальствомъ князя Левана (Челокаева)“. Я поклонился, а „камбечи“ какъ-то особенно выразительно пріосанился.

Обдумывая со всѣхъ сторонъ свое положеніе, я рѣшился, не дѣлая пока никакихъ попытокъ къ перемѣнѣ службы, возвратиться въ округъ и еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ испытать возможность оставаться тамъ, при могущихъ измѣниться къ лучшему отношеніяхъ къ Челокаеву.

До выѣзда изъ Тифлиса, мы были приглашены еще на большой балъ, обыкновенно дававшійся княземъ въ концѣ

Святой недѣли. По ходатайству В., пригласили и хахматца, получившаго за оказанныя услуги серебряную медаль на шею. На балу онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ оригинальнымъ костюмомъ и вооруженіемъ, вовсе непохожими на употребляемые другими кавказскими горцами. Хевсуры носятъ желѣзные сѣточные панцыри, круглые желѣзные щиты и прямые палаши, какъ средневѣковые воины, а на платье нашиваютъ изъ цвѣтной тесьмы, преимущественно желтой, кресты; женскій костюмъ у нихъ совершенно своеобразный: на головѣ тюрбаны, въ родѣ турецкой чалмы, платья съ короткими юбками, обшитыми въ два-три ряда воланами и съ фижмами, длинные чулки при отсутствіи неизбѣжныхъ у всѣхъ азіятскихъ женщинъ шароваръ; на рукахъ браслеты, большею частью серебряные, такія же серьги. По этимъ костюмамъ, вооруженію, множеству палашей съ надписями: Solingen, vivat Husar, vivat Stephan Batory, Gloria Dei и т. п., и еще по многимъ обычаямъ и привычкамъ хевсуръ, я приходилъ къ заключенію, конечно, гадательному, не потомки ли они крестовыхъ рыцарей, партія коихъ могла быть заброшена въ трущобы кавказскаго хребта и вынуждена остаться тамъ навсегда? Затѣмъ, обзаведясь женами изъ ближайшихъ горно-грузинскихъ ущелій, они усвоили себѣ и языкъ ихъ. Подробное описаніе этого чрезвычайно оригинальнаго общества я помѣстилъ въ газетѣ *Кавказъ*, кажется, 1847 года. Повторять здѣсь это я не нахожу удобнымъ; такія длинныя отступленія совершенно прерывали бы нить моихъ воспоминаній, между тѣмъ, какъ разсказанные въ особыхъ главахъ очерки нравовъ этихъ горцевъ будутъ небезъинтересны.

На балу хахматецъ, озадаченный невиданнымъ зрѣлищемъ, не преминулъ, однако, замѣтить, что весь этотъ блескъ омрачается непостижимымъ для него *безстыдствомъ* этихъ женщинъ съ обнаженными плечами и руками, такъ свободно толкающихся между мущинами и позволяющихъ при всѣхъ себя обнимать (въ танцахъ). Онъ удивлялся, какъ это сар-

дарь допускаетъ ихъ къ себѣ въ домъ, да еще во время приглашенія въ гости всѣхъ знатнѣйшихъ военачальниковъ... Но когда я ему объяснилъ, что эти женщины супруги и дочери всѣхъ этихъ сановниковъ, что это самыя лучшія, образованныя и достойнѣйшія изо всѣхъ тифлисскихъ женщинъ, что тутъ же и жена самого сардаря (намѣстника) сидитъ, хевсуръ мой просто сталъ въ тупикъ. Это превосходило способность его пониманія.

На балу подошелъ ко мнѣ Потоцкій и просилъ меня зайти къ нему на другое утро часовъ въ десять поговорить; а теперь онъ не желаетъ со мною долго объясняться, чтобы не обращать на насъ вниманія.

Понятно, что я въ назначенный часъ явился къ нему. О ъ разсказалъ мнѣ, что совершенно случайно былъ свидѣтелемъ доклада В. результата своей командировки; все сводилось къ тому, что, во-первыхъ, проложеніе дороги чрезъ Хевсурію стоило бы *огромныхъ трудовъ* и *затратъ* (совершенная неправда), безъ всякой пользы, ибо зимой все равно не было бы сообщенія (оно главнѣйше и нужно было лѣтомъ, и продолжалось не менѣе восьми мѣсяцевъ въ году); во-вторыхъ, что дѣйствія съ этой стороны на Чечню вызвали бы только новый театръ войны, потребовавшій бы отвлеченія изъ другихъ мѣстъ значительныхъ войскъ. Я тогда, конечно, не могъ судить о военныхъ средствахъ, коими можно было располагать, но что огромная польза отъ движенія внизъ по Аргуну могла быть, даже ограничиваясь только демонстраціей, ибо отвлекла бы всѣ верхнеаргунскія общества отъ участія въ полчищахъ Шамиля, и облегчила бы главныя дѣйствія въ Чечнѣ, въ этомъ я и теперь также увѣренъ, и уже вполнѣ сознательно. Ровно черезъ десять лѣтъ, въ 1858 году, когда генералъ Евдокимовъ наступалъ вверхъ по Аргуну къ Шатою, изъ Хевсуріи внизъ по Аргуну была двинута милиція, въ числѣ, кажется, тысячи или полутора тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ своего окружнаго начальника Ратіева, и движеніе это весьма облегчило достиженіе

успѣха, давъ возможность утвердиться разомъ на всемъ протяженіи Аргунскаго ущелья; въ-третьихъ, что касается лично меня, то В. не отвергаетъ, что я способный, знающій мѣстныя условія и языкъ, чиновникъ, но все же не правъ въ отношеніи своего прямого начальника князя Челокаева, дѣйствуя какъ бы мимо его и не признавая надъ собою его авторитета. Впрочемъ, прибавилъ, что замѣтилъ во мнѣ много смѣлости и находчивости, качества, соотвѣтствующія болѣе военному, а не гражданскому чиновнику. Князь, выслушавъ докладъ, приказалъ В. изложить свой отчетъ на бумагѣ и представить начальнику главнаго штаба, а между тѣмъ послать за мною, желая видѣть меня, какъ разсказалъ ему В., чеченскимъ абрекомъ (абреки—бѣглые, самые отчаянные головорѣзы).

Къ этому разсказу Потоцкій присовокупилъ, что, какъ ему показалось, В. въ отзывахъ обо мнѣ, видимо, желалъ только скрывать какую-то раздражительность, то выхвалялъ мою смѣлость, то иронически относился къ моему желанію, въ столь молодые годы, играть роль *авторитета*, особенно часто повторяя это слово; то обвинялъ меня въ нарушеніи дисциплины противъ своего начальника, то опять хвалилъ мою способность изучать туземные языки и пр. Когда я, въ свою очередь, разсказалъ Потоцкому всю исторію отъ пріѣзда В. въ Тіонеты, какъ онъ, полупьяный, въ присутствіи Челокаева, такъ грубо меня принялъ, и не дипломатично приступилъ къ примиренію меня съ окружнымъ начальникомъ, до всѣхъ его ругательствъ, безобразій и совершеннаго равнодушія къ главной цѣли поѣздки, Албертъ Артуровичъ далъ мнѣ слѣдующій совѣтъ: никому отнюдь всего этого не разсказывать; борьба съ В., за которымъ сталъ бы весь штабъ съ своимъ главнымъ начальникомъ во главѣ, не по моимъ силамъ; напротивъ, нужно постараться какъ-нибудь смягчить его раздраженіе противъ меня, чтобы, по крайней мѣрѣ, не имѣть его въ числѣ своихъ недоброжелателей. Затѣмъ слѣдуетъ мнѣ употребить всѣ усилія хоть для виду сойдтись съ

Челокаевымъ и оставаться въ округѣ, а иначе я окончательно вызову неудовольствіе самого князя, который очень не любитъ, если какая-нибудь его идея встрѣчаетъ противодѣйствіе, а онъ, очевидно, желаетъ, чтобы я оставался въ округѣ, изъ простого ли каприза, или въ самомъ дѣлѣ думая, что я могу тамъ быть особенно полезнымъ. Затѣмъ время-де возьметъ свое, и штабъ и В. о настоящемъ дѣлѣ и обо мнѣ забудутъ; явятся другіе случаи, другіе люди, уже быть можетъ въ мою пользу, и я могу все еще попасть на дорогу къ хорошей карьерѣ, которую онъ, Потоцкій, мнѣ отъ души желаетъ. А въ видѣ вступленія на предлагаемый путь смягченія В., прибавилъ онъ, я придумалъ пригласить васъ обоихъ сегодня обѣдать, чтобы за стаканами добраго вина произвести по возможности нѣкоторое благопріятное впечатлѣніе на сего господина.

Поблагодаривъ Потоцкаго за такое ничѣмъ не заслуженное расположеніе, я обѣщалъ послѣдовать во всемъ его наставленіямъ, а въ три часа явиться къ обѣду.

Обѣдъ выборомъ блюдъ и винъ изобличалъ въ Потоцкомъ тонкаго гастронома. В. былъ въ отличномъ расположеніи духа, особенно послѣ двухъ-трехъ рюмокъ стараго кипрскаго вина и послѣ весьма тонко отпускаемыхъ ему хозяиномъ комплиментовъ, въ родѣ того, что князь былъ-де изумленъ рѣшимостью и самоотверженіемъ В., что весь городъ только объ этомъ и говоритъ, что большинство даже обвиняетъ его, за такое рискованіе собою, ибо такими офицерами нельзя жертвовать безъ крайней надобности и т. п. Рѣчь велась попеременно на русскомъ и французскомъ языкахъ. Исподоволь Потоцкій свелъ разговоръ и на меня, вызвавъ уже немного осоловѣвшаго В. на откровенности. Онъ съ видомъ нѣкотораго покровительства повторилъ уже извѣстные мнѣ отзывы, что я замѣчательно смѣлый и какъ бы среди горцевъ выросшій наѣздникъ, что мое знаніе туземныхъ языковъ и мѣстныхъ обстоятельствъ — вещи весьма полезныя но что нельзя же молодому человѣку, въ маленькой граж-

данской должности состоящему, лѣзть *въ авторитеты*, да еще по военнымъ вопросамъ.... Замѣтно было однако, что В., довольный достигнутымъ результатомъ, то-есть устраненіемъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ къ осуществленію моего предположенія и низведеніемъ его на степень брошенныхъ забвенію дѣлъ, терялъ дальнѣйшій интересъ и едва-ли бы сталъ еще задаваться какими-нибудь враждебными противъ меня замыслами.

Послѣ его ухода, Потоцкій выразилъ удовольствіе результатомъ обѣда. „В. очевидно считалъ все дѣло поконченнымъ и чрезъ нѣсколько дней забудетъ о вашемъ существованіи, чего только и слѣдуетъ желать, ибо отъ кого нельзя ожидать себѣ ничего хорошаго, нужно сдѣлать того для себя безвреднымъ.“ Ходячій мѣшокъ житейской премудрости былъ этотъ тонкій воспитанникъ іезуитской школы...

Распростившись съ Потоцкимъ, обѣщавшимъ мнѣ полное содѣйствіе, если я встрѣчу въ чемъ-нибудь надобность, я отправился къ Челокаеву узнать когда онъ думаетъ выѣхать; очень обрадовался его отвѣту—что завтра же. Хотѣлось мнѣ уже скорѣе вернуться *домой*, то-есть въ полумрачную саклю въ Тіонетахъ, отдохнуть, покончить нѣкоторыя дѣла по жалобамъ жителей, разборъ коихъ былъ прерванъ нѣсколько недѣль назадъ.

Такъ, казалось мнѣ, окончилась возбужденная моею запиской многосложная исторія, не оставившая во мнѣ ничего, кромѣ нѣкотораго упадка духа и неодолимаго желанія скорѣе перемѣнить мѣсто служенія. Въ послѣдствіи оказались для меня однако совершенно неожиданно результаты, о которыхъ я меньше всего могъ думать.

XVIII.

На первыхъ же дняхъ по возвращеніи въ Тіонеты оказалось, что Челокаевъ не намѣренъ былъ измѣнять своихъ отношеній ко мнѣ. Предлагать мнѣ прямо увольненіе, послѣ

высказаннаго намѣстникомъ желанія чтобъ я оставался въ округѣ, онъ не могъ, но достигнуть этого разсчитывалъ путемъ всякихъ придирокъ и непріятностей, отъ которыхъ я, конечно, самъ долженъ былъ уйти. Я это понималъ и нетерпѣніе поскорѣе убраться изъ округа усиливалось съ каждымъ днемъ. Я рѣшился дотянуть какъ-нибудь до осени и тогда уже уѣхать въ Тифлисъ; къ этому времени всѣ высшія власти собирались въ городъ послѣ лѣтнихъ походовъ и разъѣздовъ по краю, и я могъ бы начать хлопоты о полученіи какого-нибудь другого назначенія.

Какъ только стаяли снѣга и наступило удобное время для разъѣздовъ по горамъ, я оставилъ Тіонеты, чтобы въ послѣдній разъ побывать въ ущельяхъ Пшавіи и Хевсуріи и распрощаться съ мѣстами, къ которымъ я въ теченіе четырехъ лѣтъ не только привыкъ, но чувствовалъ какой-то особенный родъ привязанности. Эта грозно дикая природа, эти бѣшеные потоки, тропинки надъ бездонными пропастями, эта торжественная тишина на высотахъ блестящихъ снѣгомъ, укрѣпленные аулы, съ ногъ до головы вооруженные люди, напоминающіе о безпрерывной борьбѣ съ опасностями,—все вмѣстѣ заключало въ себѣ какую-то особенную, трудно объяснимую поэзію и производило какое-то наркотическое дѣйствіе, вызывавшее въ моей юношеской головѣ безконечныя фантазіи. Я провелъ въ этихъ разѣздахъ все лѣто, посвящая бо̀льшую часть времени разбирательству безконечныхъ тяжбъ горцевъ между собою и цѣлыми обществами, да̀ наблюденіямъ и собиранію матеріаловъ для подробнаго описанія Пшавіи и Хевсуріи.

Въ половинѣ іюля я переѣхалъ изъ Шатиля въ одинъ изъ самыхъ дикихъ ауловъ Ардотскаго ущелья Муцо, прилѣпившійся въ видѣ большого орлинаго гнѣзда на вершинѣ полуотвѣсной скалы. Какъ Шатиль составлялъ крайній пунктъ нашихъ владѣній на Аргунѣ и граничилъ съ непокорнымъ обществомъ Митхо, такъ Муцо былъ крайній пунктъ правѣе Аргуна, въ Ардотскомъ ущельи, и прилеталъ къ враждебному обществу

Майсти, изъ котораго хищническія шайки чаще всего проникали въ округъ. Успѣшный исходъ рискованнаго путешествія съ В. разохотилъ меня къ подобнымъ предпріятіямъ и непреодолимое любопытство влекло меня посѣтить Майсти, осмотрѣть окрестности правѣе Аргуна и съ большой высоты Майстисъ-Тави (чрезъ которую нужно было проходить), увидѣть понораму Чечни и прорѣзывающаго ее на-двое Аргунскаго ущелья, въ концѣ коего, на мѣстѣ аула Чахъ-Кири, въ 1844 г. была воздвигнута крѣпость Воздвиженская—штабъ Куринскаго егерьскаго полка.

Въ Муцо жили нѣсколько семействъ кистинъ, переселившихся сюда, скрываясь отъ преслѣдованій кровомстителей. Одинъ изъ переселенцевъ, Лабуро, тотъ самый, который былъ со мною въ Тифлисѣ, вызвался по моему желанію сходить въ Майсти, узнать, что̀ тамъ дѣлается и, если окажется удобнымъ, переговорить съ однимъ изъ тамошнихъ вожаковъ о моемъ намѣреніи посѣтить ихъ. На третій день онъ возвратился съ весьма благопріятными извѣстіями: самый удалой и почетный изъ майститцевъ, Джокола, завѣрялъ, что я могу смѣло придти къ нимъ и положиться на его слово и священный законъ гостепріимства.

Не долго думая, я рѣшился привести свою затѣю въ исполненіе, и 18-го іюля 1848 года, въ сопровожденіи Лабуро, одного хевсура изъ Муцо, моего Давыда и разсыльнаго Нинія Далаки Швили (о которомъ я уже упоминалъ выше, при описаніи моей попытки зимой перевалиться въ Хевсурію), пустился пѣшкомъ въ путь, взявъ съ собою всякихъ запасовъ на нѣсколько дней. Не помню навѣрное, но кажется былъ со мной и нѣкій князь Эристовъ, бѣдный молодой человѣкъ, служившій въ округѣ, въ качествѣ начальника горныхъ карауловъ.

Перебравшись съ немалыми трудами чрезъ хребетъ, во многихъ мѣстахъ еще покрытый снѣгомъ, мы достигли лѣсного урочища Гаришка, и хотя было еще рано, но рѣшились остаться здѣсь ночевать, не надѣясь засвѣтло достигнуть

Майсти. Здѣсь, въ глубинѣ ущелья, я въ первый разъ видѣлъ большого совершенно чернаго медвѣдя—чрезвычайную рѣдкость на Кавказѣ. Надъ урочищемъ тянулся гребень острыхъ шиферныхъ плитъ, и только въ нѣкоторыхъ промежуткахъ выдвигались холмики поросшіе влажнымъ мхомъ. Лабуро, опытный охотникъ, нашелъ, что такія мѣста — самое любимое пребываніе тура, и что можно бы до потемковъ еще поохотиться. Оставивъ Давыда съ хевсуромъ разводить огонь, грѣть воду и вообще готовить ночлегъ, мы тотчасъ отправились за Лабуро на гребень; карабкаясь по острымъ ребрамъ плитняка, я окончательно убѣдился, что едва ли въ какой-либо другой обуви, кромѣ хевсурской съ плетеными ремешковыми подошвами, можно двигаться по такимъ мѣстамъ, но и при этомъ нужно имѣть много привычки и крѣпость нервовъ необычайную. Чрезъ полчаса карабканій, мы вдругъ услышали шумъ посыпавшихся съ кручи камней и вслѣдъ затѣмъ изъ лощинки показалось нѣсколько туровъ, впереди предводитель съ огромными рогами, за нимъ штуки три-четыре поменьше и безъ роговъ; оглянувшись въ нашу сторону и какъ бы нюхнувъ воздуху, они вдругъ, какъ по командѣ, сдѣлали прыжокъ въ сторону съ кручи, головами внизъ; въ эту минуту раздались наши выстрѣлы, одинъ изъ безрогихъ взмахнулъ набокъ задними ногами, и все исчезло. Намъ показалось, что одинъ долженъ быть убитъ, и рѣшено было попытаться пойти въ направленіи взятомъ турами. Поискъ превзошелъ наши ожиданія, ибо тотчасъ подъ мѣстомъ, съ котораго туры сдѣлали свой прыжокъ, въ рытвинѣ съ полурастаявшимъ снѣгомъ, мы нашли убитаго молодого тура. Споръ между Лабуро и Далаки Швили кѣмъ убитъ туръ разрѣшился въ пользу послѣдняго, потому что когда вынули засѣвшую въ кости пулю, она оказалась его.

До крайности утомленные, но въ веселомъ расположеніи духа, возвратились мы къ мѣсту ночлега и, пока пили чай, Давыдъ на шомполахъ нажарилъ турьихъ шашлыковъ, и мы поужинали отлично, проспавъ затѣмъ до восхода солнца, покрывшись бур-

ками, не взирая на то, что лежали просто на камняхъ, а въ головахъ у меня, вмѣсто подушки, стоялъ погребецъ съ чайнымъ приборомъ и на немъ вдвое сложенная переметная сумка. Поднявшійся передъ разсвѣтомъ сырой туманъ пронизывалъ до костей, бурки побѣлѣли, ноги окоченѣли и высота въ девять, десять тысячъ футъ надъ поверхностью моря давала себя знать. Но какъ только показались первые лучи солнца, мы поторопились тронуться дальше и послѣ нѣсколькихъ верстъ быстраго движенія согрѣлись; часовъ около девяти мы остановились чтобы помыться, принарядиться и позавтракать; затѣмъ пустились дальше, все по гребню, по узкой каменистой тропинкѣ, пока не достигли покатости, съ которой начинался уже спускъ на сѣверную сторону хребта. Ближе къ намъ, съ правой стороны, въ боковомъ ущельи виднѣлись аулы Майсти; дальше, по едва замѣтному направленію Аргуна, открылся видъ на Чечню, но все представлялось сплошною массой пересѣченныхъ лѣсистыхъ хребтовъ и никакого опредѣленнаго понятія о мѣстности составить нельзя было.

Не доходя нѣсколько верстъ до Майсти, мы были встрѣчены Джоколой съ двумя товарищами, поздравлявшими насъ съ благополучнымъ приходомъ. Джокола — стройный горецъ, лѣтъ 30, съ блестящими карими глазами и темнорусой бородой, ловкій, полный отваги, протянулъ мнѣ руку, которую я принялъ, выразивъ благодарность за доброе расположеніе и готовность познакомить меня съ его родиной. Часовъ около 12 мы наконецъ вошли въ аулъ Погой, въ домъ Джоколы.

Я достаточно исходилъ Кавказскія горы во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, но ничего угрюмѣе, мрачнѣе ущелья, въ которомъ расположены три аула общества Майсти, я не встрѣчалъ. Одинъ носитъ названіе: Цахиль-Гой, то-есть деревня креста, безъ сомнѣнія здѣсь была когда-нибудь христіанская часовня. Бѣдность жителей самая крайняя, за совершеннымъ отсутствіемъ не только нахотной земли, но даже удобныхъ пастбищъ; все ущельице почти рядъ голыхъ, не-

приступныхъ скалъ; лучи солнца проникаютъ въ него на нѣсколько часовъ, а зимой вѣроятно весьма рѣдко и не болѣе какъ часа на два; все достояніе жителей — оружіе, да нѣсколько коровъ и козъ; сосѣди они весьма безпокойные и хищничество составляло ихъ спеціальность. Таково это „общество", подобное которому едва ли можно встрѣтить еще гдѣ-нибудь. Интересно бы узнать что̀ они дѣлаютъ и какъ живутъ теперь, когда съ покореніемъ всего Кавказа и утвержденіемъ нашей власти, ихъ ремеслу долженъ былъ быть положенъ предѣлъ. Оставаясь на своихъ мѣстахъ, едва ли они могли найти достаточныя средства для существованія; можетъ быть переселились на болѣе удобныя мѣста?

Несмотря однако на бѣдность, для угощенія меня, зарѣзали барана, котораго тутъ же стали варить; дымъ не находя выхода, клубами поднимался къ потолку, давно уже поэтому принявшему лоснящійся черный цвѣтъ. Вся деревушка состоитъ изъ двухъэтажныхъ башенъ, въ верхней части коихъ помѣщаются люди, а въ нижней корова, нѣсколько овецъ и запасъ кизяку. Хозяинъ долго разсказывалъ мнѣ о притязаніяхъ мюридовъ укрѣпить между ними мусульманство, о томъ какъ Майсты еще недавно отстояли свою независимость, прогнавъ толпу чеченцевъ, окружившихъ ихъ деревню по приказанію Шамиля; затѣмъ о своихъ набѣгахъ съ мелкими партіями въ верховья Алазани, откуда онъ не разъ приводилъ плѣнныхъ кахетинцевъ и т. д. Послѣ ужина онъ развлекалъ меня игрой на балайкѣ, пѣлъ, плясалъ, однимъ словомъ, старался выказать полнѣйшее радушіе. Я предложилъ ему „побрататься", на что̀ онъ съ радостью согласился. Я подарилъ ему три серебряные рубля и пистолетъ, а онъ мнѣ отличный кинжалъ.

Утромъ человѣкъ пятнадцать собрались поздравить меня съ приходомъ. Поблагодаривъ ихъ, я обѣщалъ имъ дружбу готовность быть при случаѣ полезнымъ и просилъ ихъ жить, какъ добрымъ сосѣдямъ подобаетъ. По моему предложенію затѣяли стрѣльбу въ цѣль. На разстояніи 200 шаговъ была поставлена расколотая палка и въ ней пожертвованный мною

серебряный рубль, служившій и цѣлью и призомъ. Много было отличныхъ выстрѣловъ, опрокидывавшихъ даже палку, но рубль все еще оставался на своемъ мѣстѣ; наконецъ одинъ старикъ, стрѣлявшій уже два раза, съ нѣкоторою досадой передалъ ружье своему сыну, лѣтъ десяти или одиннадцати; тотъ весьма проворно самъ зарядилъ длинную винтовку, усѣлся на землю, уперся въ колѣнки, сталъ цѣлиться и выбилъ монету изъ палки. Нужно было видѣть торжество мальчика и радость отца! Впрочемъ, у горцевъ это не рѣдкость: я въ Шатилѣ не разъ видѣлъ какъ мальчишки 9—10 лѣтъ по нѣскольку человѣкъ упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль, съ большимъ искусствомъ попадая въ едва замѣтныя точки. При появленіи непріятеля, многіе изъ мальчиковъ выбѣгали съ винтовками на „тревогу".

Часу въ одиннадцатомъ, въ сопровожденіи *брата* Джоколы и еще нѣсколькихъ кистинъ, мы отправились изъ этой въ слѣдующую деревню Тутъ-Гой, куда насъ пригласилъ на ночлегъ родственникъ Джоколы, Тешка. Вечеромъ собралось въ маленькую его башню много гостей, съ большимъ любопытствомъ смотрѣвшихъ на меня, на мой щегольской черкесскій нарядъ и красиво отдѣланное оружіе. Нѣсколько прехорошенькихъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ длинныя красныя или желтыя сорочки, ахалуки, подпоясанные ременными кушаками, по горскому обычаю, импровизовали въ честь мою пѣснь, превознося мою храбрость, отвагу, мѣткость въ стрѣльбѣ, ловкость въ верховой ѣздѣ и тому подобныя, въ глазахъ горцевъ наивысшія достоинства человѣка. Послѣ, подъ звуки балалайки и другого инструмента, по волоснымъ струнамъ коего играютъ смычками какъ на віолончели, три дѣвушки показали мнѣ образецъ своей живой граціозной пляски, выдѣлывая съ необыкновенною быстротой мелкія, частыя па и становясь на кончики большихъ пальцевъ, какъ наши балетныя танцорки. Когда я предложилъ имъ въ подарокъ нѣсколько мелкихъ монетъ, онѣ отвѣчали, что не возьмутъ отъ меня подарка, пока и я не покажу имъ своего искуства въ пляскѣ. Ни-

какія отговорки не помогли, я долженъ былъ выйти на средину, снять папаху, поклониться всей компаніи (таковъ уже общій обычай) и, выговоривъ себѣ условіе получить въ награду отъ каждой танцорки по поцѣлую, пустился выкидывать ногами, раскинувъ врозь руки, припрыгивать, потопывать, однимъ словомъ какъ пляшутъ лезгинку въ Грузіи. Сдѣлавъ такимъ образомъ нѣсколько круговъ подъ общее хлопанье въ ладоши, я почти насильно расцѣловалъ дѣвушекъ (ощутивъ при этомъ крайне непріятный ароматъ кизяку и козлинаго запаха), подарилъ имъ денегъ и возвратился на свое мѣсто, при всеобщихъ кликахъ: *марджи конагъ, марджи конагъ!* (удалецъ, удалецъ!), а мои люди просто въ умиленіе пришли, что я такъ достойно поддержалъ славу ихъ начальника...

Было уже около полуночи, когда гости одинъ за другимъ, со словами: *дыкинъ буисъ* (доброй ночи) удалились; намъ на полу постлали по войлоку и мы наконецъ улеглись. Лучина потухла, въ амбразурку стѣны мерцала звѣздочка, тишина нарушалась однообразнымъ шумомъ горнаго потока. Мнѣ не спалось; я лежалъ въ какомъ-то полузабытьи, мысли толпились какимъ-то хаосомъ. Я переносился отъ Россіи къ Тифлису, отъ родного дома и отъ княжескаго дворца намѣстника къ башнѣ въ Тутъ-Гой... Засыпая, я часто просыпался, взглядывалъ на окружавшіе меня предметы. Какъ бы забывъ гдѣ и съ кѣмъ я, ощупывалъ въ головахъ свое оружіе... Никогда не забуду я этой ночи! Занесенный въ такую даль, въ дикій, оторванный отъ всего извѣстнаго міра уголъ, въ трущобу живущихъ разбоемъ дикарей, не признающихъ ни чьей власти, я веселился, рискуя между тѣмъ жизнью, или, еще хуже, свободой... А все кипучая молодость, да жажда сильныхъ ощущеній!

Вертѣлась у меня тамъ же еще мысль, не попытаться ли пройти по Аргуну до Воздвиженской, гдѣ тогда находился съ войсками самъ главнокомандующій, и озадачить всѣхъ такою сумасбродною смѣлою выходкой, но Джокола на мой

вопросъ о такомъ путешествіи рѣшительно отказался, не желая рисковать ни своею, ни моею головой; вся Чечня была тогда на ногахъ, по случаю сосредоточенія значительныхъ русскихъ отрядовъ, всѣ дороги были усѣяны партіями, караулами и вообще нельзя было думать пройти туда благополучно.

На другой день, распрощавшись съ гостепріимными майстинцами, я пустился въ обратный путь. До вершины горы провожали меня толпой, съ пѣснями и выстрѣлами, а Джокола и Тешка пошли со мною до Муцо „отдать визитъ“.

Въ концѣ іюля оставилъ я Хевсурію, кружилъ еще долго по ущельямъ Арагвы и Іоры въ Пшавіи, гдѣ въ то время одинъ за другимъ совершаются ихъ полуязыческіе праздники, и въ августѣ возвратился въ Тіонеты, отправивъ тотчасъ же просьбу объ увольненіи меня отъ должности. Вскорѣ получилось и разрѣшеніе на поданную просьбу. Испытавъ за тѣмъ еще немало непріятностей и придирокъ при сдачѣ нѣсколькихъ бывшихъ у меня дѣлъ и проч., я наконецъ около половины сентября выѣхалъ въ Тифлисъ.

Итакъ, послѣ четырехъ съ лишнимъ лѣтъ, я оставлялъ Тіонетскій округъ навсегда. Грустно было разставаться съ мѣстомъ, гдѣ началась моя тревожная кавказская служба и гдѣ простые, безхитростные люди выказывали мнѣ, повидимому, непритворныя уваженіе и привязанность. Не безплодно прошли для меня однако эти годы. Не говоря о полученныхъ наградахъ, составлявшихъ небывалое исключеніе въ средѣ гражданскихъ чиновниковъ; не говоря о личномъ знакомствѣ съ такимъ лицомъ, какъ князь М. С. Воронцовъ и почти со всѣми высшими властями въ краѣ, изученіемъ тамъ грузинскаго языка, ознакомленіемъ съ нравами и обычаями туземцевъ, имѣющихъ во всей Азіи много сходнаго между собою, усвоеніемъ всѣхъ пріемовъ обхожденія съ ними, отчасти даже ихъ образа жизни, я положилъ, такъ-сказать, основаніе всей своей послѣдующей дѣятель-

ности, находившей, не взирая на все свое разнообразіе, въ этомъ фундаментѣ свои примѣры и заключенія. Это была для меня какъ бы подготовительная школа, и какъ безъ нея не мыслимо никакое высшее образованіе, такъ безъ моей подготовки въ округѣ не было бы возможно удовлетворительное исполненіе позднѣйшихъ служебныхъ обязанностей. И въ отношеніи физическаго развитія я всѣмъ обязанъ тому времени, 1844—1848. Тамъ я пріучился по суткамъ не оставлять сѣдла, по нѣскольку десятковъ верстъ пѣшкомъ проходить по крутизнамъ горъ; вообще умѣть примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ и переносить всякія рѣзкія климатическія перемѣны, всякіе труды и лишенія, о коихъ понятіе имѣютъ только люди, совершавшіе не разъ походы въ Дагестанѣ и лезгинскихъ горахъ. И все это въ послѣдствіи мнѣ пригодилось, все нашло себѣ примѣненіе и поставило меня на Кавказѣ въ число людей, признававшихся годными для исполненія разнороднѣйшихъ порученій. Я меньше всего думаю здѣсь о самохвальствѣ; я разсказываю о томъ, что въ дѣйствительности было и что, вполнѣ въ этомъ увѣренъ, подтвердитъ всякій изъ старыхъ сослуживцевъ моихъ, или вообще знавшихъ меня на Кавказѣ. Да впрочемъ и качества, мною пріобрѣтенныя, не составляли чего-нибудь ужь очень особеннаго и не были рѣдкимъ исключеніемъ.

Къ числу воспоминаній о пребываніи въ Тушинскомъ округѣ, долженъ еще прибавить знакомство съ академикомъ Броссе, пріѣзжавшимъ кажется въ 1846 или 1847 году въ Тіонеты для изысканій по части грузинскихъ древностей—что составляетъ его ученую спеціальность. Мы совершили съ нимъ нѣсколько поѣздокъ по окрестнымъ горамъ, въ которыхъ сохранились развалины древнихъ церквей, съ живописью и надписями на стѣнахъ, и вообще провели очень пріятно нѣсколько дней. Почтенный академикъ тоже говорилъ отчасти по грузински, но книжнымъ языкомъ и при томъ съ такимъ акцентомъ, что жители не могли безъ улыбки слушать его рѣчи.

Проводивъ г. Броссе въ Тифлисъ, я тамъ черезъ него

познакомился съ Н. В. Ханыковымъ, извѣстнымъ нашимъ оріенталистомъ, бывшимъ тогда правителемъ дипломатической канцеляріи князя Воронцова. Ханыковъ изумлялся моему знанію грузинскаго языка и оказалъ мнѣ искреннее расположеніе, еще болѣе усилившееся впослѣдствіи, когда я опять какъ-то встрѣтился съ нимъ въ Тифлисѣ и заговорилъ съ нимъ по татарски.

XIX.

Разставался я съ Тіонетами въ очень грустномъ настроеніи: безъизвѣстное будущее не рисовало мнѣ ничего особенно хорошаго. Неудовольствіе князя Воронцова за оставленіе службы въ округѣ было болѣе чѣмъ вѣроятно, а за этимъ неудовольствіемъ, само собою, слѣдовало бы полуравнодушное, полупрезрительное отношеніе всѣхъ прочихъ властей... Но еще грустнѣе было мнѣ покидать мѣста, въ которыхъ протекли нѣсколько лѣтъ самой пылкой, увлекающейся юности. Сколько поэзіи въ окружающей дико-грозной природѣ и таковыхъ же населяющихъ ее людяхъ! Сколько сильныхъ ощущеній въ этихъ постоянныхъ опасностяхъ, въ этой борьбѣ съ бурными потоками, со снѣжными лавинами, съ тропками надъ бездной, подъ нависшими скалами! Постоянно вооруженный, ежедневно на конѣ, скачка, джигитовка, стрѣльба въ цѣль, отрубаніе кинжаломъ *съ одного взмаха* бараньихъ и коровьихъ головъ, — что̀ считалось своего рода удальствомъ,—значительный успѣхъ, достигнутый мною во всѣхъ этого рода упражненіяхъ и ставившій меня, при удовлетворительномъ знаніи грузинскаго языка, въ весьма замѣтное положеніе среди всего мѣстнаго населенія, — все это не могло не привязывать къ мѣсту.

Вотъ уже тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ я уѣзжалъ изъ Тіонетъ, но и до сихъ поръ воспоминанія объ этомъ краѣ сохранились въ полной силѣ и какое-то тоскливое чувство, eine gewisse Sehnsucht, тянетъ меня хоть бы разъ еще

взглянуть на эти снѣжныя вершины, послушать этотъ ревъ Аргуна, прослѣдить за безстрашнымъ всадникомъ, несущимся во всю прыть по тропинкѣ надъ бездной, внизъ по кручѣ въ 50° уклона!..

Пока перейду къ разсказу о дальнѣйшихъ моихъ личныхъ похожденіяхъ, считаю не лишнимъ сдѣлать краткій очеркъ племенъ, населяющихъ Тіонетскій округъ. Я увѣренъ, читатель не посѣтуетъ на меня за это. Тушины, пшавы, и хевсуры, особенно послѣдніе, нѣчто чрезвычайно оригинальное. Забившись въ свои горныя трущобы, оградившись ими, какъ китайскою стѣной, они вотъ уже сколько столѣтій не мѣняютъ ничего въ формахъ своей жизни: костюмъ, вооруженіе, вѣрованія, обычаи, языкъ, однимъ словомъ, и важнѣйшія, и самыя мелочныя стороны ихъ быта, какъ святыня, хранятся и исполняются педантически, переходя изъ рода въ родъ. Такъ было въ мое время и я сомнѣваюсь, чтобы что-нибудь измѣнилось и теперь.

Населеніе округа состоитъ, вопервыхъ, изъ тушинъ, занимающихъ ущелье Андійскаго Койсу, и частью верховья Алазани; но зимой большинство спускается изъ своихъ заносимыхъ снѣгомъ трущобъ на Алванское поле — благодатную долину въ Верхней Кахетіи, гдѣ у нихъ построены отличные дома. Во-вторыхъ, изъ хевсуръ, населяющихъ ущелья Хевсурской Арагвы и ея притоковъ по южному склону главнаго хребта, по рѣкѣ Аргуну съ притоками и рѣкѣ Ассѣ на сѣверномъ склонѣ хребта. Въ-третьихъ, изъ пшавцевъ, живущихъ по верховьямъ рѣкъ Іоры и Пшавской Арагвы до самаго подножія хребта по его южному склону. Наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ части грузинъ, съ присоединившимися къ нимъ выходцами изъ Пшавіи, Хевсуріи и Кистетіи, занимающихъ прекрасныя плодородныя долины Тіонетскую и Эрцойскую, по среднему теченію той же рѣки Іоры.

Наблюдая и изучая эти четыре группы населенія округа, я болѣе всего обращалъ вниманіе на хевсуръ, возбуждающихъ особенное любопытство крайнею оригинальностью сво-

ихъ нравовъ и обычаевъ. У нихъ все на свой, особенный ладъ, отъ костюма и вооруженія, имъ однимъ только свойственныхъ, до послѣднихъ мелочей домашней обстановки. Но изученіе ихъ, да впрочемъ, и всѣхъ азіятцевъ, затрудняется ихъ недовѣрчивостью ко всякому иноземцу; стòитъ спросить самую простѣйшую вещь, хоть бы, напримѣръ, на который день принято у нихъ хоронить покойниковъ, чтобъ уже возбудилось подозрѣніе и отвѣтъ послѣдуетъ стереотипный: Тебѣ на чтò? — Пожалуста, скажи, пристанешь, бывало.—„*Дэхсенъ, кацо*,—отстань, человѣкъ,“ и отойдетъ въ сторону. Приходилось пускать въ ходъ разныя хитрости, косвенные подходы, многое узнавать отъ ихъ сосѣдей пшавовъ и грузинъ; большую помощь въ этомъ отношеніи оказалъ мнѣ одинъ священникъ въ Хевсуріи, изъ имеретинцевъ, имя коего, къ крайнему сожалѣнію, я теперь забылъ.

Хевсуры говорятъ вообще древнимъ грузинскимъ языкомъ; но всѣ, живущіе по сѣверному склону главнаго хребта, употребляютъ между собой кистинскій (чеченскій). Мѣстность Хевсуріи представляетъ картину дикой, грозной природы, изрѣдка разнообразимой хорошими горными пастбищами; ревущіе потоки, нависшія скалы вполнѣ гармонируютъ съ закоптѣлыми каменными башнями и саклями деревень: все сурово, мрачно; и природа, и люди, какъ будто не допускаютъ даже мысли объ улыбкахъ, о весельи...

Земель удобныхъ для хлѣбопашества весьма мало. Смотря на маленькіе клочки пашень, разбросанные между скалъ, не хочется вѣрить, чтобы человѣкъ могъ на такую высокую крутизну взобраться съ сохой и парой быковъ, для посѣва нѣсколькихъ зеренъ ячменя. Хевсуръ, отправляясь пахать, гонитъ пару малорослыхъ бычковъ и несетъ на спинѣ бурдюкъ съ водой, чтобы въ полдень напоить тамъ скотину. Чтобы судить о размѣрахъ этихъ пахатнымъ полей, приведу грузинскій анекдотъ: одинъ горецъ пришелъ на свою пашню для посѣва; снявъ съ себя мокрую бурку, онъ разостлалъ ее на землѣ, а самъ отправился къ ближайшему роднику на-

питься; возвращается, ищетъ своего поля, что̀ за притча? Поле исчезло! Горецъ во всѣ стороны кидается, нѣтъ поля... Вполнѣ убѣжденный въ дѣйствіи нечистой силы, онъ рѣшается бѣжать домой, схватываетъ бурку—поле оказывается подъ нею!..

Дрова добываются въ верховьяхъ ущелій тоже съ большимъ трудомъ и перевозятся на катерахъ (мулъ), ослахъ и женскихъ спинахъ. Кромѣ того, на вершинахъ горъ есть растеніе, въ родѣ тонкихъ корней, именуемое *дэка*, употребляемое на топливо; но оно даетъ слабый огонь и сильно дымитъ.

Въ Арагвѣ и Аргунѣ есть много форели и лососины, но хевсуры до нихъ не охотники. Они также не употребляютъ въ пищу зайцевъ, *птицъ* и *яицъ*. Въ Хевсуріи водятся въ большомъ количествѣ куницы и дикія горныя козы (псити), а изрѣдка встрѣчаются волки, лисицы и дикія черныя кошки. Туры живутъ на самыхъ снѣжныхъ вершинахъ хребта, съ неразлучными своими товарищами, горными индѣйками, *шуртхи*. Удивительна прихоть природы: эти два совершенно различныя животныя какъ бы созданы другъ для друга. Шуртхи занимаются цѣлое лѣто приготовленіемъ въ одномъ мѣстѣ мху, а туры зимой, оставаясь почти неподвижно лежащими противъ вѣтра, питаются заготовленнымъ мхомъ, кормя въ то же время своими извержэніями прячущуюся отъ холода подъ туровъ птицу.

Близь селенія Хахматъ, у подножія хребта на южной сторонѣ, есть источники минеральныхъ водъ.

О времени поселенія и происхожденіи хевсуръ у нихъ сохранилось странное преданіе. Первымъ родоначальникомъ своимъ они признаютъ нѣкоего Гуданели. Онъ былъ крестьяниномъ какого-то кахетинскаго помѣщика и, избѣгая наказанія за неизвѣстное преступленіе, скрылся въ пшавское селеніе Аппо. Здѣсь родился у него сынъ. Молодой Гуданели, любя охоту, въ одно время отправился въ горы, гдѣ убилъ незнакомое животное, такое жирное, что оно родило

въ старикѣ Гуданели предположеніе о плодородности мѣста, въ которомъ обитало это животное*). Чтобы вѣрнѣе убѣдиться въ этомъ, онъ отправилъ туда съ сыномъ своимъ для посѣва горсть пшеницы въ маленькомъ котелкѣ и послѣ собралъ цѣлую *гуду* (кожаная торба). Отъ этого и мѣсто названо *Гудани*, а переселенцы *Гуданели*. Здѣсь родились у Гуданели еще два сына: Арабули и Чинчара, отъ которыхъ произошли 320 домовъ арабули и 210 домовъ чинчараули. Всѣ они составляютъ до 35 селеній, изъ коихъ главное Гудани, на берегу Арагвы, извѣстное по большему капищу, *гуданисъ-джвари*, весьма ими уважаемому. Въ числѣ послѣ переселившихся въ Хевсурію, считаютъ еще: кистинъ, осетинъ, мтіульцевъ и даже евреевъ. Разсказываютъ, что однажды царица Тамара, посѣщая Хевсурію, привезла съ собою одного еврея, который, заболѣвъ, остался здѣсь, женился и отъ него произошла цѣлая деревня *Бисо*.

Мнѣ часто приходило на мысль: эти хевсуры не потомки ли крестоносцевъ, разсѣявшихся по всему азіятскому міру? Развѣ не могли нѣсколько изъ нихъ, отставшіе отъ товарищей или попавшіе съ грузинскими царями въ походы, или же разсѣянные неудачнымъ дѣломъ на дальнемъ Востокѣ, зайти въ эти неприступныя дебри, избрать ихъ мѣстомъ жительства, жениться на дочеряхъ сосѣднихъ горцевъ и основать сильное воинственное общество, защищаемое самой природой, увеличившееся впослѣдствіи бѣглецами и пришельцами изъ другихъ мѣстъ? Поводомъ къ этому предположенію (можетъ и мало основательному) послужило мнѣ близкое сходство въ одеждѣ и вооруженіи хевсуръ съ рыцарями крестовыхъ походовъ. Шапки ихъ квадратныя, нѣчто въ родѣ конфедератокъ, опушенныя узенькимъ мѣховымъ околышкомъ, кругомъ обвязанныя кускомъ полосатой тряпки, концы которой висятъ на бокъ, завязанные въ узелъ въ видѣ кокарды;

*) Вездѣ почти и не только въ Азіи, но и въ Европѣ, большинство легендъ о первыхъ временахъ заселенія мѣстностей связаны съ охотой.

верхнее платье съ разрѣзными полами и сборками на рукавахъ; узенькіе панталоны, вышитые тесьмой; на всемъ этомъ, даже на тулупахъ, во множествѣ нашиты кресты изъ желтой тесьмы. Вооруженіе ихъ заключается въ слѣдующемъ: прямые палаши, всѣ почти съ надписями въ родѣ такихъ: Genua, Souvenir, Vivat Stephan Batory, Vivat Hussar, Solingen, съ изображеніями орловъ, коронъ, всадниковъ въ ментикахъ; на головѣ носятъ съ сѣтками шишаки, надѣваютъ панцыри, налокотники, въ лѣвой рукѣ носятъ желѣзные щиты. Ничего подобнаго на всемъ Кавказѣ у другихъ племенъ не встрѣчается, за исключеніемъ панцырей и шишаковъ, бывшихъ въ употребленіи у высшихъ сословій закубанскихъ (черкескихъ) племенъ, перенявшихъ это вооруженіе, конечно, отъ генуэзскихъ колонистовъ черноморскаго берега.

Въ дракѣ между собою хевсуры придерживаются правилъ дуэли; противники становятся на одно колѣно и начинаютъ бой на саблях, прикрываясь щитами. У женщинъ серебряныя браслеты, серьги и ожерелья, исключительно черныя платья съ оборками въ нѣсколько рядовъ, широкія внизу, съ обручами въ родѣ фижмъ, пояса шерстяные съ двумя большими кистями; на головѣ повязка въ видѣ тюрбана, длинные чулки вмѣсто шальваръ. Все это, вмѣстѣ взятое и еще много другихъ мелочей, невольно кидалось въ глаза и переносило воспоминаніе къ среднимъ вѣкамъ, временамъ крестовыхъ рыцарей.

Собственно же слово *хевсури* означаетъ жителя ущелья: по-грузински *хеви* значитъ ущелье, а частицы *ури* или *ели* прибавляются при измѣненіи существительнаго въ прилагательное, какъ напримѣръ: житель села Гудани—гуданели или гуданури, т. е. гуданскій; слѣдовательно, *хевури*—ущельный, что̀ весьма понятно, ибо всѣ деревни въ Хевсуріи расположены въ ущельяхъ.

Хевсурцевъ считается около 900 семействъ, въ 35 деревняхъ. Они очень гордятся своею народностью; произносятъ слово „хевсури“ съ полною увѣренностью озадачить васъ такимъ громкимъ именемъ. Всѣ остальные народы у нихъ въ

презрѣніи, особенно сосѣднее племя—пшавцы, которыхъ они за добродушіе и уступчивость называютъ *жирными дойными коровами.* Другимъ народамъ тоже даютъ разныя названія. Грузинъ, живущихъ въ жаркомъ климатѣ и часто страдающихъ лихорадкой, зовутъ *квитела* (желтякъ), русскихъ—за зеленоватые мундиры — *бакаки* (лягушка); одни тушины — извѣстные на Кавказѣ храбрецы —пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ. Хевсуры пребываютъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ и ни малѣйшей наклонности къпросвѣщенію не выказываютъ, даже обнаруживаютъ скорѣе презрѣніе къ грамотѣ или вообще ко всему, что̀ не относится къ оружію, войнѣ, охотѣ, задорнымъ столкновеніямъ съ сосѣдями и пр.

Мужчины большею частью высокаго роста, смуглы; усы у нихъ рыжеватые, глаза каріе, бороду и голову брѣютъ. Женщины лишены всякой граціозности; красивыхъ очень мало, особенно безобразны старухи. Встрѣчаются иногда дѣвушки довольно миловидныя, съ выразительными, черными глазами; но отвратительная неопрятность, запачканныя лица, не мытыя иногда по мѣсяцу и болѣе, заставляютъ отворачиваться отъ нихъ. Я не разъ видѣлъ, какъ женщины вычищали *руками* навозъ изъ хлѣвовъ и послѣ мыли руки и даже головы въ коровьей мочѣ, подставляя ихъ во время самаго процесса... Онѣ увѣряли, что это предохраняетъ отъ струпьевъ и коросты. Почти всѣ женщины курятъ, какъ мужчины, изъ коротенькихъ трубочекъ, которыя носятъ за головною повязкой, а въ тридцать лѣтъ начинаютъ и нюхать табакъ.

Первая и единственная забота хевсура — оружіе; объ остальномъ онъ не думаетъ. Кусокъ черстваго ячменнаго хлѣба, кусокъ бараньяго жиру, копченой оленины или тура,— вотъ его пища. Послѣднія свои средства онъ употребляетъ на украшеніе золотою насѣчкой ружья или серебромъ палаша. Пистолетъ употребляютъ рѣдкіе; за то собираясь въ дѣло, хевсуръ весь закованъ въ желѣзо: на головѣ *чачкани* (шишакъ съ сѣткой, покрывающей шею), панцырь — рубаха плетеная изъ желѣзной проволоки; налокотники, рукавицы и

наколѣнники изъ такой же проволоки; желѣзный щитъ въ рукѣ, и у молодежи изрѣдка лукъ. Кромѣ того, хевсуры носятъ на большомъ пальцѣ правой руки по нѣскольку большихъ желѣзныхъ колецъ съ зубцами, или просто заостренныхъ, употребляя ихъ для взвода тугихъ ружейныхъ курковъ и вытаскиванія шомполовъ, но больше для драки между собою, нанося этими кольцами раны въ голову, ни чуть не уступающія кинжальнымъ. По горамъ они ходятъ необыкновенно легко. На лошадяхъ рѣдко употребляютъ сѣдла, только уздечки, которыя украшаютъ разными бляхами, солдатскими пуговицами, ракушками и т. п. бездѣлками. И нужно видѣть скачки ихъ на неосѣдланныхъ коняхъ, со страшной крутизны, по узенькимъ тропинкамъ! Когда я первый разъ видѣлъ скачку на поминкахъ и смотрѣлъ, какъ хевсуръ съ повязанною платочкомъ головой, отбросившись назадъ, несется на небольшой лошадкѣ по крутому спуску и какъ лошадка въ иныхъ мѣстахъ по нѣскольку саженъ скользитъ на заднихъ ногахъ, покрываетъ кровью мелкій щебень, протирающій ей щиколки до костей, я былъ убѣжденъ, что развѣ трупы всадниковъ достигнутъ низу. Но всѣ остались цѣлы, и одинъ выигралъ призъ — барана!..

Хевсуры сами дѣлаютъ порохъ, впрочемъ, довольно плохой. Они употребляютъ для этого уголь тонкаго дерева, растущаго между соснами, родъ селитры, добываемой посредствомъ кипяченія и процѣживанія изъ земли, иа которой зимуютъ овцы, и сѣру покупаемую въ Тифлисѣ. Все это они толкутъ въ деревянныхъ ступкахъ, пока масса не сдѣлается плотною; послѣ перетираютъ ее въ рѣшетахъ, плетеныхъ изъ конскихъ волосъ. Можете судить, каково достоинство этого пороха; а впрочемъ это не мѣшаетъ имъ быть отличными стрѣлками.

Въ домашнемъ быту хевсуръ поразительная неопрятность. Нижній этажъ, гдѣ помѣщается семейство и скотъ, имѣетъ однѣ двери, чрезъ которыя мужчинамъ не прилично входить. Они спускаются туда по лѣстницѣ въ отверстіе изъ верхняго

этажа, составляющаго родъ сарая или сѣнника, въ которомъ стоитъ кровать хозяина дома. Хевсуры почти никогда не живутъ нѣсколькими семействами вмѣстѣ; женившись, каждый заводится особымъ домомъ, считая за стыдъ быть съ женою при другихъ. Въ сношеніяхъ съ женой хевсуръ до глубокой старости сохраняетъ родъ стыдливости: избѣгаетъ разговора при постороннихъ, фамильярнаго обращенія, не употребляетъ никакихъ нѣжныхъ выраженій, на супружескія свиданія отправляется въ глухую полночь, съ осторожностью прокрадываясь какъ бы на запрещенное, опасное свиданіе, и то прежде спрашивая чрезъ верхнее отверстіе позволенія... Молчаніе знакъ согласія, и онъ, снявъ одежду, тихо спускается по лѣстницѣ.

Женщины исправляютъ всѣ домашнія и бо̀льшую часть полевыхъ работъ; мужчины только пашутъ и косятъ. Зимой же безпрерывно курятъ, проводятъ дни въ разсказахъ о старинѣ и геройствѣ своихъ предковъ, плетутъ обувь, играютъ на пандурѣ (родъ балалайки), напѣвая гробовымъ голосомъ дикія, почти безсмысленныя пѣсни. Привожу однудля примѣра:

Орлы, сѣмена ваши лучше всѣхъ сѣмянъ; птицы должны завидовать вамъ!
Вы поймали фазана, несете на показъ къ господамъ; они подарятъ вамъ пуговку, чтобы на шеѣ былъ слышенъ звонъ.

Отецъ твой имѣлъ барсовъ и львовъ—звѣрей;
А ты, сынъ его, захоти—приведешь оленей.
Ты нагонялъ, убивалъ, безъ всякаго затрудненія.
Ты наша большая надежда, башня, на извести строенная.
Ты стрѣла, въ Осетіи кованая, въ городѣ хиной крашеная.
Ты кафтанъ бархатный, на девять пуговицъ застегиваемый.
Источникъ живой воды, ты вытекаешь изъ золотой трубы!

Пляска не составляетъ у хевсуръ любимаго развлеченія. Мущины иногда становятся въ кружокъ и, ударяя въ ладоши, поютъ однообразными, отрывистыми звуками, а одинъ изъ нихъ, подъ эту музыку, не пляшетъ, а какъ-то неловко, странно прыгаетъ, взбрасывая вверхъ то одну, то другую ногу, поднимая то одну, то другую руку, безъ живости, безъ граціи. Пляшущихъ женщинъ мнѣ не случалось видѣть.

Куреніе такъ обыкновенно что не только женщины, но даже мальчики десяти лѣтъ уже курятъ. Такъ, въ началѣ, меня поражало, что входя въ собраніе хевсуръ, мальчикъ безъ всякой застѣнчивости звалъ *по имени* своего отца и требовалъ отъ него табаку; тотъ очень хладнокровно исполнялъ его просьбу, доставалъ изъ-за околышка шапки листокъ табаку и отдавалъ его сыну; этотъ же, доставъ изъ-за пояса трубочку, набивалъ ее, закуривалъ и, подбоченясь, принималъ позу взрослаго человѣка.

Отецъ—глава семейства; дѣти находятся въ полной зависимости отъ него и подчиняются ему безпрекословно, впрочемъ, только до совершеннолѣтія. Когда минетъ сыну двадцать лѣтъ, онъ женится по волѣ родителя и получаетъ свою долю изъ отцовскаго имѣнія. Тутъ начинается самостоятельная жизнь его, раздѣльно съ отцомъ, который не оставляетъ у себя никакого имущества, раздѣляя все между сыновьями послѣ ихъ женитьбы; а самъ проживаетъ у каждаго поочередно. Если изъ братьевъ умретъ кто-либо бездѣтный, то имѣніе его должно быть раздѣлено между остальными братьями.

Имѣніе хевсуръ очень ограниченно: богачи имѣютъ 14—15 коровъ, 4—5 быковъ, 2—3 лошади, одного катера; главное богатство въ оружіи, очень дорого цѣнимомъ, и въ мѣдной посудѣ; деньги весьма рѣдки.

Гостепріимство также развито какъ и во всей Азіи, считаясь чѣмъ-то священнымъ. Когда пріѣзжаетъ къ хевсуру гость, его встрѣчаютъ у дверей, берутъ у него лошадь, оружіе и приглашаютъ въ саклю. Хозяинъ заученными фразами разспрашиваетъ о здоровьѣ гостя, его семьи, скотѣ, положеніи оружія и нѣтъ ли несчастій, побудившихъ его къ пріѣзду. Въ честь гостя сзываютъ сосѣдей и задаютъ пиръ на славу: хозяинъ подноситъ *луди* (ячменное пиво), преклоняя въ знакъ почтенія колѣно, причемъ поетъ и играетъ на пандурѣ. Попойка продолжается весьма долго. Гости не смѣютъ уйти, хотя бы хозяинъ не отпускалъ ихъ цѣлую

недѣлю. При входѣ въ домъ чужого, всѣ встаютъ, а входящій говоритъ:

— Садитесь, садитесь, вставайте предъ врагами!

Если какой-нибудь преступникъ прибѣжитъ къ хевсурамъ, попроситъ защиты и пожертвуетъ барана въ капище, то считается священнымъ долгомъ пріютить бѣглеца и кормить его общимъ сборомъ. Сохрани Богъ обидѣть его: обидчикъ навлечетъ страшную месть всей Хевсуріи.

Вообще какъ всѣ горцы, хевсуры страстные охотники. Зимой они вдвоемъ или втроемъ отправляются на ледяныя вершины громадныхъ скалъ за турами, оставаясь тамъ иногда по нѣскольку сутокъ. Рога убитыхъ животныхъ охотники всегда жертвуютъ въ капище, прибивая ихъ гвоздемъ къ стѣнѣ.

Лѣтомъ они нерѣдко дѣлаютъ набѣги на сосѣдніе кистинскіе аулы, всегда предводимые *деканозами* (жрецы) и *дрошами*, *) слѣдуя въ этихъ случаяхъ пророчеству *кадаговъ* (прорицатель). У убитыхъ непріятелей отрѣзываютъ кисти правыхъ рукъ, которыя прибиваютъ на стѣнахъ своихъ домовъ.

О религіи хевсуръ трудно сказать что-нибудь положительно, трудно даже сказать какую они вѣру исповѣдуютъ. Это смѣсь различныхъ исповѣданій. Тутъ вы увидите оттѣнки христіанства, магометанства, талмудизма и болѣе всего язычества. Они уважаютъ Крестъ и Св. Георгія Побѣдоносца, брѣютъ волосы на головѣ, не ѣдятъ свиней, допускаютъ многоженство, празднуютъ пятницы и субботы, почитаютъ какихъ-то языческихъ боговъ: великаго и малаго Пиркуши, Адгилисъ-дэда, т. е. мѣстная мать, ангеловъ дубравъ и рощъ, востока и запада, и благоговѣютъ предъ дроши (хоругвь).

Деканозы замѣняютъ священниковъ и пользуются общимъ уваженіемъ. Капища, построенныя всегда въ мѣстахъ заросшихъ большими деревьями, не имѣютъ вида церквей; входъ въ нихъ запрещенъ, а женщины не могутъ вступать даже за ограду.

---

*) Дроши — родъ хоругви или значка; это просто пика съ привязаннымъ къ ней однимъ или двумя шелковыми платками и колокольчикомъ.

Въ извѣстные дни толпы народа собираются къ капищамъ для жертвоприношеній. Деканозы принимаютъ приведенныхъ барановъ и быковъ, произносятъ надъ ними нѣсколько таинственныхъ словъ и перерѣзываютъ ножомъ горло, подъ которое подставляютъ чашку для стока крови; затѣмъ они дѣлаютъ на лбу приносителей знаки креста кровью; а зарѣзанное животное тутъ же обращается въ пищу.

При капищѣ есть особая пристройка, гдѣ до праздника приготовляется большое количество луди (пиво) изъ матеріаловъ доставляемыхъ всѣмъ обществомъ. Приходящіе пьютъ его до опьяненія.

Праздники продолжаются цѣлыя сутки, иногда и болѣе. Каждая семья садится въ особый кружокъ, разводятъ огни, варятъ и жарятъ свои жертвы, пьютъ, поютъ; большею частію сходбища эти кончаются драками, иной разъ до того жестокими, что нѣсколько человѣкъ умираютъ отъ сабельныхъ ранъ, или остаются изувѣченными на всю жизнь. Начинается страшное кровомщеніе, войны обществъ съ обществами, поджоги домовъ у убійцъ, вражда непримиримая. Женщины въ подобнымъ случаяхъ достойны удивленія; онѣ бросаются между сражающихся, хватаютъ руками остріе оружія, прикрываютъ собою мужей и братьевъ, перевязываютъ раненыхъ, иныя сами получаютъ раны.

Предметъ жертвы не одни животныя; дарятъ также деньги и вещи. При капищахъ есть сакли въ нѣсколько отдѣленій для храненія вещей, помѣщенія деканозовъ и поклонниковъ храма, то-есть людей посвящающихъ себя въ деканозы, при открытіи вакансіи.

Между служителями капищъ есть такъ-называемые *кадаги*, прорицатели. Они объявляютъ волю невидимаго Духа и предвидятъ состояніе усопшихъ; подъ наитіемъ разгнѣваннаго божества, кадаги бѣснуется, кричитъ и плачетъ. Его воззванія бываютъ въ слѣдующемъ родѣ: „Сокрушу васъ, уничтожу, если не исполните моей воли!“ Народъ въ благоговѣйномъ трепетѣ окружаетъ кадага и проситъ его научить чѣмъ уми-

лостивить разгнѣванное божество? Разумѣется, онъ назначаетъ жертвоприношенія: коровъ, деньги, восковыя свѣчи, бо̀льшую часть которыхъ эти пророки берутъ себѣ...

Есть еще *мкитхави* (вопроситель). Если хевсуръ одержимъ болѣзнью, то родственники больного приходятъ къ мкитхави вопросить чрезъ него божество, отчего онъ боленъ и какъ вылечить? Мкитхави посредствомъ таинственныхъ вопрошеній узнаетъ, что больной страдаетъ чрезъ такого-то духа, требующаго, чтобъ онъ съѣздилъ въ его капище помолиться ему и принесъ бы такую-то жертву. Больного, иногда полумертваго, везутъ, не взирая на погоду и трудности пути; часто случается что онъ выздоравливаетъ; но если, сверхъ чаянія, болѣзнь не облегчается, то это припишутъ особенному гнѣву божества, или не чистосердечному раскаянію страждущаго...

Кадаги и мкитхави бываютъ и пожилыя женщины; эти своимъ ожесточеннымъ фанатическимъ бѣснованіемъ, вырываніемъ себѣ волосъ, царапаніемъ лица и груди, производятъ сильное волненіе въ толпѣ. Одна деревня начинаетъ обвинять другую въ проступкѣ, такъ сильно разгнѣвавшемъ божество, и дѣло доходитъ опять до сабель. Вообще капищные служители раздѣляются на деканозовъ, мехате (образной), медроше (хоругвеносецъ), дастури (пивоваръ), мезандури и хевисъбери (старецъ ущелья). Каждый имѣетъ свой опредѣленный кругъ занятія и долю въ собираемыхъ приношеніяхъ.

У хевсуръ есть Великій Постъ; но его соблюдаютъ одни старики, женщины же ѣдятъ масло и сыръ. Рождественскій двухнедѣльный постъ соблюдаютъ такъ строго, что не ѣдятъ ничего кромѣ хлѣба. Другихъ постовъ нѣтъ. По окончаніи пяти недѣль послѣ октября празднуютъ Пасху. Праздничные дни—*пятница, суббота, воскресенье,* и *понедѣльникъ,* тогда они свободны отъ работъ.

Какъ контрастъ съ этимъ безотчетнымъ благоговѣніемъ предъ капищами, дрошами, всякими языческими обрядами и разными деканозами, кадагами и пр., нельзя не указать на

жалкое положеніе нѣсколькихъ построенныхъ при нашемъ управленіи церквей и назначенныхъ къ нимъ священниковъ.

При Грузино-Имеретинской синодальной конторѣ въ Тифлисѣ была учреждена особая „Осетинская духовная контора“ вѣдавшая всю духовную часть въ горскихъ христіанскихъ округахъ. По ея распоряженію строились церкви въ Осетіи, Хевсуріи, Пшавіи, Сванетіи, Абхазіи и другихъ мѣстахъ Кавказа, населенія коихъ считались христіанскими и сохранившими много слѣдовъ дѣйствительной, относительно недавней принадлежности къ православію. Но, Боже мой, какія это были церкви! Благочиннымъ отпускалось на каждый такой храмъ по *триста* рублей, и за *эти деньги* онъ брался *хозяйственнымъ способомъ* выстроить зданіе по одному нормальному плану. Легко себѣ представить, какая церковь воздвигалась на эти средства, изъ коихъ нельзя же не выгадать было благочинному *экономіи*, въ какомъ-нибудь горномъ ущельи, къ которому, кромѣ вьючной тропинки, никакого другого доступа нѣтъ. Изъ мѣстнаго плитняка складывался небольшой сарайчикъ или амбарчикъ, отличавшійся отъ обыкновеннаго сарайчика только тѣмъ, что надъ крышей строилось маленькое извѣстной формы возвышеніе, украшенное небольшимъ желѣзнымъ крестомъ и въ немъ привѣшивался средней величины валдайскій колокольчикъ, да все это зданіе выбѣливалось известкой... Вотъ и все отличіе отъ сакли горца. Окончивъ постройку, отецъ благочинный составлялъ актъ, подписывавшійся священникомъ и свидѣтельствовавшійся мѣстнымъ начальникомъ, являлся въ Тифлисъ въ осетинскую контору. Тамъ благодѣтели устраивали *повѣрку* и *утвержденіе* отчетности, нововоздвигнутый храмъ вносился въ списки и къ нему назначался священникъ, съ годовымъ жалованьемъ въ 150 руб. Понятно, что идти на 150 рублей содержанія въ непроходимую трущобу, къ людямъ полудикимъ, грубымъ, бѣднымъ, молящимся своимъ капищамъ, соблюдающимъ разные языческіе обряды и преклоняющимся предъ своими хитрыми, эксплуатирующими ихъ деканозами, враж-

дебно относящимися къ священнику и всякой попыткѣ вводить церковную службу, охотниковъ не находилось. Идти на встрѣчу всевозможнымъ лишеніямъ, нуждѣ, невзгодамъ и даже опасностямъ, обрекать себя на одинокую безсемейную жизнь (семейство брать съ собою было немыслимо, по неимѣнію никакого помѣщенія, никакихъ средствъ къ жизни и опасенію за самое существованіе), оставаться къ тому же безъ всякаго дѣла, потому что народъ ни въ церковь ходить, ни къ исполненію христіанскихъ требъ прибѣгать не выказывалъ никакой наклонности, подвергаться, наконецъ, презрительному, враждебному обращенію могъ рѣшиться развѣ миссіонеръ, человѣкъ, готовый посвятить себя всецѣло служенію идеѣ возстановленія православія среди заблудшихъ. Но таковыхъ не находилось. Что же оставалось дѣлать? Брали причетниковъ, особенно изъ имеретинъ, полуграмотныхъ, никакихъ надеждъ на посвященіе въ санъ іерея не имѣвшихъ, бѣдныхъ, и говорили имъ: хочешь быть священникомъ и получать 150 р. жалованья, иди въ Хевсурію. Онъ соглашался. И вотъ являлся новый служитель алтаря среди невѣжественныхъ язычниковъ проповѣдывать имъ слово Христово. Пѣшкомъ, съ гудой (кожаный мѣшокъ) за спиной, наполненною нищенскимъ запасомъ бѣлья и другой рухляди, да хлѣбомъ, пробирался онъ чрезъ горы къ своему мѣсту, Христа-ради ютился въ углу сакли какого-нибудь хевсура, котораго долженъ былъ угощать хоть изрѣдка табакомъ, развлекать разсказами; переносилъ насмѣшки, какъ человѣкъ *безъ оружія* (нерѣдко хевсуръ, бывало, кликнетъ ему: „э *мгвдело*, т, е. батька, подай-ка мнѣ огня на трубку“). Промается мѣсяцъ-другой безъ всякаго дѣла, безъ всякой надобности, приплетется чрезъ горы въ Тіонеты къ отцу благочинному на поклонъ, выпроситъ часть жалованья и увольненіе домой въ Имеретію къ семьѣ, протащится туда — все пѣшкомъ — дней десять, пробудетъ мѣсяцъ-другой дома, и опять тѣмъ же порядкомъ возвратится, чтобъ чрезъ нѣкоторое время повторить снова то же странствіе, пока какой-

нибудь счастливый случай, нежданный благодѣтель или раздобытыя средства не устроятъ за долговременную службу въ горахъ перевода въ имеретинскую епархію, хоть и въ бѣдный приходикъ, но, по крайней мѣрѣ, среди своихъ, среди кровныхъ и близкихъ людей. Затѣмъ *осиротѣвшій хевсурскій приходъ* остается годъ-другой вакантнымъ, пока новый, посвященный изъ безграмотныхъ причетниковъ духовный отецъ не появится среди своей паствы..

Нѣтъ правила безъ исключенія, и я встрѣтилъ въ горахъ двухъ священниковъ, заслуживавшихъ лучшей участи. Одинъ въ Шатилѣ, хотя изъ имеретинскихъ причетниковъ, но достаточно развитый, хорошо писавшій по-грузински, вполнѣ сознававшій свое грустное положеніе и свое безсиліе въ служеніи дѣлу. Не имѣя надежды попасть въ священники иначе, какъ согласившись отправиться въ Шатиль, онъ вынужденъ былъ принять это назначеніе и жилъ мечтой когда-нибудь дождаться перевода въ свою родную Имеретію, какъ освобожденія изъ тяжкой кабалы. Другой былъ благочинный въ Осетіи, отецъ Домети, умный, энергическій человѣкъ, принявшій монашество; съ этимъ монахомъ я познакомился гораздо позже, при разъѣздахъ по осетинскимъ церквамъ, о чемъ буду разсказывать еще въ своемъ мѣстѣ впослѣдствіи.

Не помню, по какому именно поводу, но по дѣламъ церковнымъ представился я однажды въ Тифлисѣ экзарху Грузіи, высокопреосвященному Исидору, нынѣ митрополиту с.-петербургскому, и былъ принятъ съ полнымъ вниманіемъ и лаской. Владыка весьма подробно разспрашивалъ меня о языческихъ обрядахъ хевсуръ и пшавовъ, положеніи нашихъ церквей и священниковъ и т. п. Я ничего не скрылъ предъ нимъ. Онъ чрезвычайно соболѣзновалъ обо всемъ этомъ, жаловался на крайнюю скудость средствъ, поручилъ мнѣ по возможности поддерживать священниковъ; а при прощаніи просилъ всякій разъ, въ пріѣзды въ Тифлисъ, посѣщать его. Послѣ этого я, въ теченіе пребыванія высокопреосвященнаго Исидора за Кавказомъ, имѣлъ честь еще много разъ у него

бывать, удостоиваясь всегда того же благосклоннаго вниманія, особенно когда дѣло касалось благоустройства на пожертвованія изъ Москвы и Петербурга осетинскихъ церквей. Въ одно такое посѣщеніе я имѣлъ удовольствіе исходатайствовать моему пріятелю, шатильскому священнику, переводъ въ Имеретію и сообщить ему это радостное извѣстіе.

Съ тѣхъ поръ прошли десятки лѣтъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ учреждено „Общество возстановленія православія на Кавказѣ", ,снабженное значительными средствами, и, судя по появлявшимся изрѣдка отчетамъ его, судьба церквей и духовенства въ горахъ должна была измѣниться къ лучшему; но дѣйствительные результаты мнѣ неизвѣстны и странно, въ печати что то не встрѣчается свѣдѣній о положеніи дѣлъ этого общества. Если же все осталось по-старому, то возстановленіе православія и побѣда надъ язычествомъ едва ли и въ сотни лѣтъ еще сдѣлаютъ какіе-нибудь замѣтные шаги...

Обратимся теперь къ обрядамъ свадебъ, похоронъ и судопроизводства у хевсуръ.

Невѣста обручается еще въ люлькѣ; но она выходитъ замужъ не ранѣе двадцати лѣтъ. Предъ свадьбой женихъ посылаетъ къ ней двухъ-трехъ барановъ или корову; посланные приходятъ въ домъ невѣсты и берутъ ее къ жениху, сопровождаемые родными и сосѣдями; проживъ здѣсь въ саклѣ недѣли двѣ, она возвращается назадъ, не видавшись съ женихомъ, который скрывается отъ нея. Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого бываетъ свадьба, въ которой участвуютъ только близкіе родственники. Благословляющій новобрачныхъ деканозъ, поставивъ ихъ рядомъ, прокалываетъ иголкой концы ихъ платьевъ, произноситъ нѣсколько словъ, желаетъ супругамъ благополучной жизни, и этимъ кончается обрядъ вѣнчанія.

У хевсуръ считается за стыдъ, если молодая сдѣлается беременна ранѣе трехъ лѣтъ, хотя новобрачные *непремѣнно* три дня сряду послѣ обряда, не разлучаясь, должны быть вмѣстѣ; но послѣ трехъ дней они не смѣютъ при другихъ

сойтись. Когда приходитъ пора рожать, жену выгоняютъ изъ дому въ приготовленный заранѣе внѣ деревни шалашъ; она должна находиться тамъ одна и родить безъ всякихъ пособій. Если родильница сильно страдаетъ, и слышны стоны и плачъ, то мужчины тихонько приближаются къ шалашу съ заряженными ружьями и дѣлаютъ нѣсколько залповъ, чтобъ отогнать злого духа и испугать страдалицу, для облегченія ея страданій. (Славныя понятія объ акушерствѣ!..) На другой день приносятъ ей хлѣба и подаютъ издали, считая за оскверненіе прикоснуться къ новородившей. Такъ она должна прожить мѣсяцъ, и потомъ уже приходить въ деревню; но раньше еще двухъ недѣль не можетъ войти въ общество мужчинъ. Шалашъ послѣ торжественно сжигается.

Если послѣ смерти мужа останется сынъ, то вдовѣ стыдно выйти замужъ: она должна вѣчно оплакивать свое вдовство. Если мужъ не любитъ жены, или она окажется безплодною, то онъ смѣло можетъ отпустить ее и жениться на другой; но женщина не имѣетъ этого права: если она оставитъ своего мужа, онъ получаетъ отъ родныхъ ея удовлетвореніе въ восемьдесятъ рублей; въ противномъ случаѣ она не можетъ выйти за другого.

Хевсуры даютъ своимъ дѣтямъ большею частью имена животныхъ: собачка, волченокъ, лисичка и т. п. Христіанскихъ именъ, кромѣ Георгія, да изрѣдка Ивана, нѣтъ.

Когда больной приближается уже къ смерти, то его не оставляютъ въ саклѣ, а выносятъ на дворъ. Мертваго облачаютъ въ новую одежду и военные доспѣхи; но при преданіи землѣ, все это снимается. Гробы дѣлаютъ изъ плитъ шифернаго камня, т. е. устраиваютъ ихъ въ могилѣ. Покойниковъ хоронятъ только на четвертый день; тогда собирается вся деревня: женщины садятся въ особый кружокъ, въ первомъ ряду старшія, во второмъ—молодыя; главная плакальщица, держа въ рукахъ обвязанную бѣлымъ платкомъ палку, садится немного впереди; поодаль становятся мужчины, и изъ нихъ мастеръ плакать держитъ саблю покойника. Плакальщикъ начинаетъ гробовымъ голо-

сомъ разныя заученныя слова въ родѣ этихъ: „гдѣ ты, такъ отважно разившій этою саблею враговъ? Зачѣмъ оставилъ ты эту чудную винтовку, никогда не дававшую промаха по врагу?“ и т. п. За каждымъ изъ подобныхъ воззваній всѣ присутствующіе издаютъ нѣсколько глухихъ завываній. Мужчины закрываютъ при этомъ лицо шапками. Такимъ же образомъ начинаютъ послѣ женщины, которыя притомъ бьютъ себя въ грудь, рвутъ волосы, а подъ конецъ завыванія, постепенно дѣлающагося громче, приходятъ въ родъ изступленія и почти всѣ, преимущественно родственницы, царапаютъ себѣ до крови щеки заостренными камешками. Не вдалекѣ отъ плачущихъ стоитъ скамейка, облѣпленная кругомъ маленькими зажженными восковыми свѣчками; на ней нѣсколько хлѣбовъ и чашка съ растопленнымъ масломъ. Надъ всѣмъ этимъ деканозъ, держа въ рукѣ свѣчку, по окончаніи церемоніи плаканія, произноситъ какія-то молитвы, въ которыхъ я, сколько ни прислушивался, не могъ добиться смысла: это просто наборъ разныхъ словъ о солнцѣ, лунѣ, божествахъ, произносимыхъ безъ остановки, самымъ монотоннымъ образомъ. Плачущіе получаютъ плату за свои слезы разными домашними мелочными припасами.

Въ день похоронъ, смотря по состоянію, родственники умершаго приглашаютъ всадниковъ, которые обязаны скакать съ опредѣленнаго мѣста по страшной крутизнѣ внизъ; и каждый изъ нихъ получаетъ назначенные призы: барана, чуху, шерстяные носки и т. п., или же производятъ стрѣльбу въ цѣль, получая такія же награды.

Любопытно привѣтствіе при изъявленіи сожалѣнія о покойникахъ. Оно выражается почти слѣдующими словами:

Гость. Лучше бы было умереть мнѣ, чѣмъ видѣть тебя въ такомъ несчастіи!

Родственникъ умершаго. Твоему врагу и злодѣю!

Гость. Великое несчастіе тебѣ лишиться его; а мнѣ суждено еще попирать землю.

Родственникъ умершаго. Что̀ хорошаго окружаетъ насъ?

Остались живые въ несчастіи и стыдѣ; въ смерти успокоились бы.

Гость. Но ваше несчастіе не такъ велико, какъ кажется съ перваго разу: жены изъ васъ госпожи, мужья — господа; у васъ осталось много добра, вы главы войскъ, первенцы хевсуръ.

Родственникъ умершаго. Мы не достойны такихъ почестей.

Гость. Не дай Богъ это счастіе тому, кто не желаетъ его вамъ.

Родственникъ умершаго. Да не пошлетъ онъ никакого зла на вашу голову!

И это повторяется съ каждымъ новоприходящимъ.

На третьей или на пятой недѣлѣ родственники усопшаго призываютъ въ память его сосѣдей: угощаютъ ихъ баранами, пивомъ и напиваются до нельзя. Многіе выпиваютъ всю теплую кровь зарѣзаннаго барана.

Хевсурскій народъ издавна привыкъ къ свободѣ и своеволію. Онъ не терпитъ подчиненности; въ возникающихъ спорахъ за земли, за неправильно присвоенную вещь, за нанесенную обиду дѣйствуетъ обыкновенно право сильнаго. Впрочемъ, хевсуры слѣдуютъ освященнымъ временемъ обычаямъ суда и расправы, очень запутаннымъ и весьма страннымъ. Первое основаніе суда—соблюденіе мелочныхъ обрядовъ.

Тяжущіяся выбираютъ двухъ судей, *пче*, преимущественно изъ старцевъ, имѣющихъ въ народѣ вѣсъ. Противники приходятъ къ нимъ, говорятъ о предметѣ спора и просятъ назначить мѣсто и время, куда имъ придти. Въ назначенный день являются судьи, свидѣтели, нѣсколько любопытныхъ, садятся въ кружокъ и начинаютъ судъ. Первый выходитъ обиженный, становится на одно колѣно и клянется въ истинѣ своихъ словъ, принося увѣреніе въ неизмѣнномъ уваженіи и довѣріи къ судьямъ; то же повторяетъ отвѣтчикъ и оба отходятъ въ разныя стороны. Судьи совѣтуются, разсуждаютъ, приводятъ примѣры и, наконецъ, рѣшаютъ споръ. Въ

сомнительныхъ случаяхъ назначаютъ одному присягу, которая бываетъ двухъ родовъ: съ церемоніей и безъ церемоніи. Первая совершается въ оградѣ капища, при двѣнадцати постороннихъ свидѣтеляхъ, держащихъ правыми руками плечи присягающаго; а онъ, имѣя въ правой рукѣ дроши, въ лѣвой серебряный ковшъ, повторяетъ за деканозомъ извѣстныя слова. Подобная присяга весьма уважаема; она назначается только въ очень важныхъ случаяхъ, особенно при разрѣшеніи вопросовъ по кровомщенію. Если присягающій не успѣетъ согласить двѣнадцати свидѣтелей присутствовать, то присяга считается недѣйствительною. Второй родъ присяги, употребляемый въ менѣе важныхъ случаяхъ, состоитъ въ произношеніи присягающимъ нѣсколькихъ фразъ, имѣющихъ почти слѣдующій смыслъ: „Я клянусь святымъ Георгіемъ, такимъ-то великимъ капищемъ и его дрошей, что слова мои истинны: въ противномъ случаѣ пусть они поразятъ меня, мой домъ, семью, скотъ и не даруютъ никогда побѣды надъ врагомъ".

Если кто-либо изъ спорящихъ не явится на судъ, то противникъ выбираетъ себѣ двухъ постороннихъ человѣкъ, въ видѣ поручителей, *мзевали*; беретъ съ нихъ сколько ему приходится по иску, а они уже взыскиваютъ въ полтора раза; въ случаѣ отказа угрожаютъ упорствующему противнику убить его собаку или повѣсить на его саклѣ дохлаго кота. Это считается верхомъ безчестія и доводитъ до страшной вражды:

Мѣра наказаній, опредѣляемыхъ судомъ, состоитъ всегда во взысканіи съ обвиненнаго положенной суммы, смотря по роду преступленія. По совершенному почти неимѣнію денегъ, плата замѣняется количествомъ скота, имѣщаго разъ навсегда опредѣленную цѣну: кобыла 20 руб., корова 5 руб., баранъ 2 руб., овца 1 руб 40 коп., катеръ 40 руб., такъ что вещь цѣнится уже не на деньги; напримѣръ, ружье стоитъ 20 коровъ, то-есть 100 руб.; или лошадь стоитъ 10 коровъ, 2 барана и 1 овцу, то-есть 55 руб. 40 коп. Такимъ обра-

зомъ за украденную вещь назначается удовлетвореніе коровами, но плательщикъ можетъ не отдавать собственно коровами или баранами, а другими вещами, какъ-то: оружіемъ, мѣдною посудой, кожами, зерновымъ хлѣбомъ, имѣющими свои установленныя цѣны, которыя при разсчетѣ обращаются въ коровъ; напримѣръ, присуждено уплатить 25 коровъ; онъ даетъ кобылу—4 коровы, катера—8 коровъ, 37½ стилей (около фунта) мѣди, по 2 абаза (абазъ — грузинская монета въ 20 к.) стиль—3 коровы, саблю оцѣненную въ 35 руб.—7 коровъ, — да настоящихъ 3 коровы, и такъ составится 25 коровъ.

При назначеніи взысканій принимаются въ соображеніе искони опредѣленныя цифры. За побои, смотря по силѣ и орудію, которымъ они нанесены, отъ 6 до 20 коровъ, за увѣчье глаза 30 коровъ, носа—24 коровы, большого пальца—5, указательнаго—4, средняго—3, четвертаго—2, мизинца—1 корова. Если разбито или ранено лицо, то въ длину оставшагося шрама кладутъ ячменныя зерна, одно вдоль, другое поперегъ, и сколько выйдетъ зеренъ, столько виноватый платитъ коровъ; за выбитый зубъ—1 корову. Кромѣ того, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, обидчикъ долженъ удовлетворить лекаря.

Убійство сопровождается страшною местью. На убійцу возстаетъ весь родъ убитаго; виновный долженъ бѣжать и скрываться со всѣми родственниками, иначе ихъ ждетъ гибель. Домъ его сейчасъ же сжигается. Въ теченіе трехъ лѣтъ преступникъ долженъ присылать роднымъ убитаго каждомѣсячно по одной коровѣ, а на четвертый просить примиренія; въ такомъ случаѣ миръ покупается 60 коровами и 15 баранами. Но это не дѣлаетъ еще безопаснымъ убійцу: онъ или другой изъ его фамиліи, если не переселятся куда-либо въ даль, должны рано или поздно умереть, и за это убійство не подвергаются уже никакому взысканію, потому что это месть, кровь за кровь!

Предметы споровъ иногда бываютъ до того странны, что

мнѣ приходилось, присутствуя при судѣ или разбирая ихъ, самому хохотать до слезъ. Одинъ хевсуръ претендовалъ на пшавца, что дѣдъ его, еще до прихода за Кавказъ русскихъ, поймалъ однажды въ Арагвѣ большую лососину, которую по величинѣ не могъ отнести домой и оставилъ привязанную за камень въ водѣ, съ тѣмъ чтобы на другой день пріѣхать за нею на катерѣ; но ночью она была украдена, какъ узналъ претендентъ, дѣдомъ пшавца. Вотъ онъ и требуетъ съ него слѣдующаго удовлетворенія: лососина стòила одной овцы; овца эта съ тѣхъ поръ, въ теченіе положимъ 50 лѣтъ, дала бы шерсти и сыру по крайней мѣрѣ на десять коровъ, да отъ нея были бы овцы, отъ этихъ другія, по меньшей мѣрѣ штукъ 150, да за столь долгія ожиданія и для подарковъ судьямъ коровъ пять, итòго 55 коровъ или 275 рублей!! Во избѣжаніе мщенія и вражды, послѣ долгихъ сужденій, просьбъ, угрозъ, пшавцу ни за чтò ни про чтò пришлось все-таки отдать хоть нѣсколько коровъ чтобъ отвязаться, а то не дадутъ ему нигдѣ прохода. Другой пресеріозно требовалъ отъ одного пшавца удовлетворенія за кровь своего брата, грозя страшнымъ кровомщеніемъ. На вопросъ мой—убитъ ли его братъ этимъ пшавцемъ въ дракѣ или нечаянно, онъ разсказалъ: однажды покойникъ съ двумя товарищами отправился ночью въ Пшавское ущелье; они украли изъ мельницы два жерновыхъ камня, съ которыми пробирались домой; но на дорогѣ на нихъ напали хищные кистины, завязали перестрѣлку, и братъ его былъ убитъ. Жернова оказались принадлежащими этому пшавцу, и какъ *они были причиной смерти его брата,* то онъ и требуетъ удовлетворенія за кровь! Третій также требовалъ платы за кровь по слѣдующему случаю: отецъ его, лѣтъ сорокъ тому назадъ, былъ въ гостяхъ у одного пшавца, гдѣ напился пьянъ и, при выходѣ изъ дома, треснулся лбомъ о притолку низенькой двери; теперь же, при смерти, объявилъ, что умираетъ собственно отъ боли въ головѣ, продолжавшейся современи

этого случая, и завѣщалъ своимъ дѣтямъ отмстить за его кровь. Ему было лѣтъ за семьдесять!

Такъ, проводя время въ совершенной праздности, хевсуры изобрѣтаютъ подобные нелѣпые иски съ цѣлью получить хоть что нибудь отъ пшавцевъ, и эти, чтобы не отрываться отъ своихъ работъ и избавиться тяжбы, рѣшаются пожертвовать нѣсколькими баранами.

Хевсуры считаютъ каждаго европейца лекаремъ, а сахаръ самымъ вѣрнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Въ 1846 году одна старушка неотвязно просила у меня лекарства для захромавшаго быка; чтобъ отдѣлаться, я истолокъ кусокъ сахару, посыпалъ на бумажку и отдалъ съ приличными наставленіями. Она была въ полной увѣренности, что чрезъ три дня мой паціентъ уже будетъ пахать...

XIX.

У пшавовъ бо̀льшая часть обычаевъ сходна съ хевсурскими. Та же смѣсь язычества съ христіанствомъ, тѣ же капища, деканозы и жертвоприношенія, тѣ же споры, рѣшаемые посредниками, и удовлетворенія, считаемыя количествомъ коровъ; то же кровомщеніе, сжиганіе домовъ и преслѣдованіе родственниковъ убійцы. Но, не говоря уже о наружности, костюмѣ, вооруженіи, они рѣзко отличаются отъ хевсуръ образомъ семейной жизни, характеромъ и нѣкоторыми общественными понятіями. Одежда пшавцевъ состоитъ изъ черной чухи съ небольшими откидными рукавами, зеленаго или синяго ахалуха, широкихъ шальваръ изъ чернаго или бураго сукна, собственнаго издѣлія, вкладываемыхъ въ родъ кожаныхъ ногавицъ; на ногахъ каламаны (лапти) изъ сыромятной кожи; на головѣ большею частью тушинскія, круглыя войлочныя шапочки; ружья въ мѣховыхъ, большею частью барсучьихъ чехлахъ; на поясѣ большіе кинжалы и у боковъ перидскія сабли; патронташи съ мѣдными патронами и рожки, вмѣсто натрусокъ, висятъ крестъ на крестъ на ремняхъ,

обыкновенно украшенныхъ серебромъ. На большомъ пальцѣ правой руки у нихъ, подобно хевсурамъ, желѣзныя острыя кольца. Головы брѣютъ, оставляя на маковкѣ чубъ, совершенно какъ малороссіяне; бороды тоже брѣютъ, исключая траурнаго времени, послѣ смерти близкихъ родныхъ. У большинства глаза постоянно красные, воспаленные, вѣроятно отъ ѣдкаго дыма въ сакляхъ, а можетъ быть и предрасположеніе къ глазнымъ болѣзнямъ у нихъ существуетъ, поддерживаемое крайнею неопрятностью и частымъ пьянствомъ. Женщины одѣваются почти какъ грузинки; бѣлое (всегда очень грязное) покрывало на головѣ, красныя рубахи и шальвары, на плеча накидываютъ баранью шубу, рѣдко сбрасываемую, обувь та же, что у мужчинъ. Между ними встрѣчаются большею частью очень миловидныя, съ темнорусыми волосами и выразительными карими глазами; но неопрятность развита въ сильной степени.

У пшавовъ дома тоже въ два яруса: въ нижнемъ держатъ скотъ, а на верху живетъ вся семья, вмѣстѣ, безъ хевсурскихъ цѣломудренныхъ затѣй. Случается и пшавцы имѣютъ по двѣ жены, но очень рѣдко; тогда они ихъ держатъ въ разныхъ деревняхъ.

Свадьбы обыкновенно сопровождаются происшествіями, имѣющими иногда кровавыя послѣдствія. По понятіямъ пшавовъ, молодой человѣкъ долженъ показать свое удальство, похитивъ себѣ жену, а не выпрашивая ее у родныхъ. На этомъ основаніи, каждый юноша непремѣнно имѣетъ свою возлюбленную, съ которою встрѣчается тайно въ теченіе цѣлаго года и болѣе. Послѣ, собравъ трехъ человѣкъ добрыхъ пріятелей, они вооружаются съ ногъ до головы, пріѣзжаютъ ночью къ дому невѣсты, похищаютъ ее и бѣгутъ, скрываясь гдѣ нибудь въ деревнѣ чужого общества; иногда похитителей преслѣдуютъ и завязывается перестрѣлка; впрочемъ, преслѣдованіе обыкновенно начинается слишкомъ поздно. Такъ молодые живутъ, скрываясь иногда цѣлые мѣсяцы, пока родные ихъ не сдѣлаются между собою. Случаются при подоб-

ныхъ обстоятельствахъ весьма часто совершенно романическія приключенія; соперники похищаютъ возлюбленныхъ своихъ открытою силой, иногда даже послѣ замужества съ другимъ и противъ воли; вспыхиваетъ месть; одинъ изъ соперниковъ убитъ, другой, лишившись дома и всего имущества, сожженныхъ кровоместниками, бѣжитъ навсегда изъ родины въ дальнія общества, а предметъ пламенной страсти бросается со скалы въ быструю рѣку, или вѣшается на своемъ кушакѣ.

При языческихъ обрядахъ, пшавы, какъ болѣе близкіе сосѣди грузинъ, соблюдаютъ, однако, нѣкоторыя постановленія христіанской религіи. Иногда приглашаютъ священниковъ для исповѣди умирающаго, для крещенія новорожденнаго, иногда для вѣнчанія; при похоронахъ тоже бываютъ священники, но не всегда; въ отдаленныхъ мѣстахъ мертвыхъ погребаютъ сами.

Пшавія, состоящая изъ 800 семействъ, раздѣлена на двѣнадцать общинъ, носящихъ слѣдующія названія: Габидаури, Чичо, Ахади, Уканапшави, Цителаури, Гоголаури, Гогочури, Удзилаури, Кистаури, Матури, Кацалхеви и Кацкараули. Въ каждой изъ нихъ имѣются особыя кладбища, на которыхъ должно быть погребено тѣло всякаго пшавца, гдѣ бы онъ ни умеръ. Впрочемъ, это общій обычай всѣхъ кавказскихъ племенъ. При перевозкѣ тѣлъ въ жаркое время, иногда на разстояніи 200—300 верстъ, они употребляютъ свой способъ бальзамировки: внутренности зарываютъ на мѣстѣ кончины, а трупъ посыпаютъ солью, разрѣзаютъ пополамъ, укладываютъ въ переметныя сумки на лошадь и отвозятъ домой.

Въ каждой общинѣ есть капище и извѣстный день для празднества. Главное капище Лашарисъ-джвари *) и близь него Тамарь-дедопали, которыя пользуются общимъ уважені-

*) Названіе это, говорятъ, дано капищу въ честь сына царицы Тамары, Георгія Лаша, удивительнаго красавца. Иные же разсказываютъ, что въ древнія времена какой-то монахъ, Лашиніани, сокращенно Лаши (губастый), на этомъ мѣстѣ обращалъ язычниковъ въ христіанство и въ память его учрежденъ праздникъ. Не знаю, которое преданіе вѣрнѣе; кажется первое.

емъ не только пшавцевъ, но и всѣхъ окрестныхъ жителей, даже грузинъ и кистинъ.

Въ 1847 году я присутствовалъ при пшавскихъ празднествахъ и вотъ описаніе обрядовъ, какими они сопровождаются. На крутомъ скатѣ горы стоитъ низенькое строеніе, сложенное изъ камня, осѣненное большими чинарами; пшавцы съ семействами, хевсуры, нѣсколько тушинъ, кистинъ, телавскихъ армянъ съ мелочными товарами, да нѣсколько грузинскихъ семействъ изъ Кахетіи и Карталиніи окружали капище, держа въ рукахъ барановъ, въ ожиданіи очереди пока деканозъ подойдетъ съ ножомъ, произнесетъ нѣсколько словъ въ родѣ благословенія и зарѣжетъ жертву; голова и ноги ея относятся внутрь капища, въ пользу деканоза; остальное же съѣдается молельщикомъ. Иногда жрецъ поднимаетъ зарѣзанную жертву, машетъ ею вокругъ себя, обрызгивая кровью народъ и стѣны. По временамъ набожные пришельцы подносятъ къ жрецу дѣтей, особенно больныхъ, и онъ пальцами лѣвой руки дѣлаетъ у нихъ на лбу знаменіе креста. Между тѣмъ, пока здѣсь совершаются эти обряды, безпрестанно являются деканозы изъ другихъ капищъ, предноси благоговѣйно въ рукахъ дроши, преклоняются предъ Лашарисъ-джвари и остаются тамъ до конца праздника.

Нужно видѣть глубокое почтеніе дикарей къ этимъ дрошамъ: предъ ними только они снимаютъ шапки, кланяются чуть не до земли и машутъ рукой по груди, будто крестясь. Нѣкоторые деканозы, въ качествѣ помощниковъ главныхъ жрецовъ, держатъ въ рукахъ серебряные сосуды разныхъ формъ: азарпеши, чаши, кувшины, кулы и другіе, въ родѣ вазъ, молочниковъ или садовыхъ поливальницъ съ длинною шейкой и подчуютъ молельщиковъ виномъ. На всѣхъ сосудахъ есть грузинскія надписи, гласящія объ именахъ жертвователей и времени приношенія. Въ Лашарисъ-джварскомъ капищѣ такихъ серебряныхъ вещей многіе пуды.

Иной разъ изъ набожной толпы вдругъ выступаетъ на средину какой нибудь пшавецъ, начинаетъ кружиться, хо-

дить быстрыми шагами вокругъ народа, дѣлать странные тѣлодвиженія и жесты, и подобно бѣснующемуся, громкимъ голосомъ произноситъ едва внятныя слова, представляя себя воодушевленнымъ прорицателемъ. Онъ взываетъ къ народу отъ имени св. Георгія, укоряетъ толпу въ разныхъ порокахъ: трусости, лѣни, неуваженіи къ капищамъ и другихъ тяжкихъ прегрѣшеніяхъ; въ заключеніе угрожаетъ всей Пшавіи страшнымъ бѣдствіемъ, если не принесутъ такой-то жертвы Лашарисъ-джвари. Всѣ начинаютъ охать, стонать, кланяться; изъ толпы поднимается смѣшанный ропотъ, обвиняютъ другъ друга въ небывалыхъ прегрѣшеніяхъ и наконецъ складываются для принесенія жертвы, поступающей, конечно, въ бездонные карманы жрецовъ. Между этими прорицателями (кадаги) встрѣчается много женщинъ.

Въ этомъ и заключаются всѣ обряды служенія. А народъ, натянувшись въ волю вина, поетъ, пока не осипнетъ, пляшетъ до упаду, по ночамъ необходится и безъ скабрезныхъ сценъ, потомъ отправляется на ту сторону Арагвы, къ капищу царицы Тамары. Тамъ снова повторяется почти то же, только въ уменьшенномъ видѣ.

Одно мнѣ нравится въ этихъ сборищахъ: всевозможные споры, дѣла, претензіи рѣшаются тамъ по своимъ обычаямъ, чрезъ медіаторовъ. Рѣшеніе бываетъ окончательно и обѣ стороны должны согласиться. Въ случаѣ сомнѣнія насчетъ справедливости жалобы, одной сторонѣ назначаютъ присягу; обвиняемый долженъ взять въ правую руку дроши, а въ лѣвую серебряную чашу и присягнуть, имѣя на своей сторонѣ двѣнадцать ассистентовъ разныхъ обществъ. Присяга никогда не можетъ быть ложною: таково уваженіе ихъ къ этому обряду; исполнивъ его, онъ считается совершенно правымъ и получаетъ должное удовлетвореніе.

Близь Лашарисъ-джварскаго капища есть старый пень, поросшій мхомъ. Замѣтивъ, какимъ уваженіемъ онъ пользуется у пшавцевъ, я спросилъ о причинѣ этого, и вотъ что разсказалъ мнѣ одинъ изъ хевисъ-беровъ (стариковъ ущелья).

Давно, очень давно стоялъ тутъ огромный дубъ, въ которомъ обитали духи, извѣстные подъ названіемъ *мухисъ-ангелозеби* (ангелы дуба), бывшіе всегдашними покровителями Пшавіи. Дерево это считалось священнымъ и никто не смѣлъ къ нему прикоснуться, подъ опасеніемъ страшной кары Лашарисъ-джвари. Извѣстный наѣздникъ Зурабъ Эриставъ арагвскій, въ одинъ изъ своихъ опустошительныхъ набѣговъ на Пшавію, до сихъ поръ не изгладившихся изъ памяти ея жителей, чтобы доказать ложность благоговѣнія ихъ къ дубу, велѣлъ его срубить.

— Почему же дерзкій не былъ наказанъ Лашарисъ-джвари? спросилъ я.

— Потому что пока Зурабъ приказалъ срубить дерево, онъ прежде зарѣзалъ предъ нимъ кота. А извѣстно, что средство это, на которое изъ насъ никто рѣшиться не можетъ, уничтожаетъ всю силу капища. За то на томъ свѣтѣ душа этого великаго грѣшника должна перенести самыя страшныя мученія ада... Кромѣ самаго пня есть нѣсколько щепокъ его, тоже считающихся священными; онѣ хранятся въ самомъ капищѣ, въ которое кромѣ жрецовъ никто входить не смѣетъ.

Я уже говорилъ, что въ каждомъ обществѣ есть свое капище. Иныя основаны въ честь Божіей Матери, иныя въ честь Св. Георгія Побѣдоносца, нѣкоторыя въ честь какихъ-то языческихъ боговъ *Копала* и *Пиркуши*. Каждое капище имѣетъ свое повѣрье. Кромѣ хевисъ-бери, при нихъ полагается *дастури*, родъ сторожа или старосты. Обязанность эту исполняютъ поочередно люди изъ всего общества, смѣняясь каждогодно. Признаюсь, странная обязанность *дастури* и строгость, съ которою онъ ее исполняетъ, много разъ меня удивляли. Въ продолженіе цѣлаго года онъ не можетъ не только войти въ деревню, но даже близко ея пройти; не имѣетъ никакого сношенія съ женскимъ поломъ, хотя бы съ самыми близкими родными; каждое воскресенье утромъ, несмотря ни на погоду, ни на время года, онъ долженъ пройдти по тропинкѣ, собственно для него протоптанной, и выкупаться въ рѣчкѣ. Къ

капищу пристроена маленькая лачужка, въ которой онъ живетъ. У него есть запасъ хлѣба; особая, капищная мельница, въ которой онъ намелетъ сколько ему нужно муки и самъ печетъ себѣ *хміяды*, плоскій круглый хлѣбъ. Тамъ есть у него и другіе мучные принасы; изъ нихъ онъ безпрестанно варитъ луди, безъ котораго не можетъ обойтись ни одинъ капищный праздникъ.

Расположенная по ущельямъ Іоры и Арагвы, Пшавія изобилуетъ превосходными пастбищами. Хлѣбопахатныхъ земель въ ней гораздо болѣе, чѣмъ въ Хевсуріи, потому что занятыя ею горы не такъ скалисты, хотя и не уступаютъ хевсурскимъ въ высотѣ. Труды землевладѣльца почти одинаковы: онъ буквально „въ потѣ лица" добываетъ свой хлѣбъ. Запашка и покосы производятся большею частью на такихъ крутыхъ покатостяхъ, что для перевоза сжатаго хлѣба и сѣна *лѣтомъ* употребляются сани, и въ Пшавіи, Хевсуріи и Тушетіи у жителей вовсе нѣтъ аробъ.

Главный промыселъ ихъ овцеводство. Многіе пшавцы имѣютъ по двѣ, по три, а нѣкоторые отъ шести до десяти тысячъ барановъ. На зиму всѣ стада угоняются на Ширахскую степь для пастьбы; она лежитъ между Іорой и Алазанью и никогда не покрывается снѣгомъ. На лѣто стада возвращаются къ свои горы, исключая большихъ отаръ, угоняемыхъ въ Ахалцыхскій уѣздъ и даже въ турецкія владѣнія. Рогатаго скота, лошадей и катеровъ, въ сравненіи съ другими горскими племенами, тоже очень достаточно.

Вообще о пшавахъ должно сказать, что они весьма зажиточны, хотя наружность и образъ жизни невольно заставляютъ предполагать въ нихъ нищихъ.

Къ числу общественнаго достоянія слѣдуетъ причислить нѣсколько виноградныхъ садовъ въ Кахетіи. Эти сады—принадлежность капищъ, и добываемое вино подъ именемъ *кумухи* (повинности) перевозится обществомъ къ дню капищнаго праздника для народнаго угощенія. Праздники эти бываютъ большею частью лѣтомъ, и тогда по дорогѣ изъ Ка-

хетіи въ Тіонеты на каждомъ шагу встрѣчаются караваны лошадей, навьюченныхъ бурдюками съ виномъ, сопровождаемые пьяными пшавцами, распѣвающими во все горло. Сколько я ни прислушивался къ пѣснямъ ихъ, я убѣждался, что въ нихъ преобладаетъ эротическій элементъ. Впрочемъ, есть пѣсни и о геройскихъ подвигахъ.

Музыка пшавцевъ ограничивается той же пандурой, какъ и у хевсуръ; но они болѣе охотники до плясокъ и исполняютъ это гораздо ловче и живѣе. Женщины собираются въ особые кружки, одна посрединѣ запѣваетъ, послѣ весь хоръ повторяетъ ея слова и по окончаніи каждаго стиха ускоряетъ тактъ, бьетъ въ ладоши; а стоящая въ срединѣ дѣлаетъ разныя движенія, бросаясь то въ одну, то въ другую сторону, или кружится на мѣстѣ съ поднятыми горизонтально руками.

Рѣзко кидаются въ глаза переѣзды семейства съ одного мѣста на другое. Пшавка идетъ впереди и вяжетъ грубый шерстяной чулокъ (этого занятія она никогда не покидаетъ ни пѣшкомъ, ни на лошади), на спинѣ у ней гуда, изъ которой выглядываетъ голова ребенка; за нею лошадь, на которой въ переметныхъ сумахъ двое дѣтей, презабавно выглядывающихъ оттуда; за хвостъ этой лошади привязана другая, съ такими же сумами, изъ которыхъ торчатъ головы двухъ барашковъ; тамъ третья навьюченная всякимъ хламомъ; шествіе замыкаетъ всегда огромная собака. Или—пшавка сама сидитъ на лошади, въ сумахъ пара ребятишекъ, за спиной въ гудѣ третій, четвертаго грудного она держитъ въ рукахъ; сзади еще двѣ-три навьюченныя лошади, и такой караванъ тянется, тянется по едва проходимой горной тропинкѣ.

Пшавцы соединяются иногда съ хевсурами и тоже подъ предводительствомъ своихъ деканозовъ и дроши дѣлаютъ набѣги на сосѣднихъ кистинъ. Нельзя у нихъ отнять достоинствъ воинственнаго племени: есть и хорошіе стрѣлки, и наѣздники, и очень храбрые, отважные люди; но они уступаютъ въ этомъ отношеніи своимъ сосѣдямъ, какъ болѣе занятые

хозяйствомъ, и духъ удальства въ нихъ постоянно ослабѣваетъ.

Къ числу характеристическихъ чертъ пшавцевъ слѣдуетъ еще прибавить необыкновенную страсть къ тяжбамъ. Всѣ двѣнадцать общинъ постоянно ведутъ между собою споры то за землю, то за убійство, то за невѣсту. Безконечныя ссоры дѣлаютъ ихъ врагами; чтобъ избѣжать встрѣчи между собою, они объѣзжаютъ деревни, сжигаютъ другъ у друга копны сѣна; иногда просто начинаютъ открытую войну, никто не хочетъ уступить, хоть дѣло началось изъ-за одной коровы. Наконецъ, посредники рѣшаютъ споръ, кое-какъ сведутъ тяжущихся, наступаетъ миръ до перваго случая...

Чтобы прекратить кровавую вражду двухъ значительныхъ общинъ, я долженъ былъ однажды зимой переѣхать горы и присутствовать при присягѣ съ церемоніей, совершаемою какъ и у хевсуръ. Дѣло этимъ кончилось, обиженная сторона получила удовлетвореніе. Но я перенесъ столько трудовъ при горномъ переѣздѣ по глубокому снѣгу, что даже сами пшавцы удивлялись, какъ у меня доставало силъ подниматься пѣшкомъ на вершину Чичосъ-Тави и спускаться оттуда по оледенѣлой тропинкѣ.

XX.

По своему мѣстоположенію Тушетія раздѣляется на двѣ части: на горную, лежащую въ глубинѣ главнаго Кавказскаго хребта, при истокахъ Тушинской Алазани, протекающей по Дагестану подъ названіемъ Андійскаго Койсу, и на Кахетинскую, занимающую плоскость у подножія горъ до береговъ Большой Алазани, подъ общимъ названіемъ Алванскаго Поля.

Природа Тушетіи вообще представляетъ самую разнообразную картину: тамъ есть высокія горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и ледниками, пересѣкаемыя въ разныхъ направленіяхъ глубокими, безвыходными ущельями, есть неприступныя скалы, притонъ кавказскихъ орловъ и туровъ, есть зна-

чительные лѣса и живописныя долины. Почва земли безплодна и камениста, и только изрѣдка встрѣчаются небольшія плодородныя плоскости, какъ при селеніяхъ: Омало, Дикло, Шанако и другихъ. Алванское же поле служитъ единственно для пастьбы скота. Сообщенія горной Тушетіи съ Кахетіей лѣтомъ весьма неудобны, а зимой и вовсе прекращаются

Тушины составляютъ четыре общества: Цовское или Вадуа, Гомецарское, Чагминское и Пирикительское, или Дамахкрай. Они отличаются между собою языкомъ, частью происхожденіемъ и нѣкоторыми, едва замѣтными чертами характера, но въ другихъ отношеніяхъ совершенно сходны. Цовцы и пирикительцы кистинскаго происхожденія изъ общества Галгай. Языкъ ихъ кистинскій, или, что̀ совершенно все равно, чеченскій.

Вообще лезгинскій и чеченскій языки слѣдуетъ считать за господствующіе между всѣми кавказскими горцами восточной части края. Судя но обширности и кореннымъ словамчеченскаго языка, можно полагать, что онъ одинъ изъ древнѣйшихъ; но по неимѣнію письменъ раздробленъ на многія нарѣчія и испещренъ чужеземными словами. Онъ не совсѣмъ труденъ для изученія и довольно звученъ. Вотъ для примѣра нѣсколько стиховъ изъ тушинской пѣсни.

Вай ладцино се́на еа, какуа эрцанъ-ялино;
Вай детцино да́хенъ дошъ, дутчикомъ янтанъ-далино;
Вай йсэно шо̀ронъ-зикъ, Ке́риго махно-ялино;
Ваина де-эно кикъ-бубукъ, Аргундкини-далино.
(Зеленое поле нашихъ веселій поблекло и покрылось блѣдностью;
Длинная нить пріятныхъ разсказовъ прервалась;
Цвѣты нашей юности разметены вѣтромъ Кериго (названіе горы)
И игрушки наши умчалъ Аргунъ въ своихъ быстрыхъ потокахъ).

Остальныя два общества тушинъ, Гомецарское и Чагминское — образчикъ предковъ нынѣшнихъ грузинъ. Они говорятъ древнимъ грузинскимъ языкомъ, которымъ написано св, писаніе этого народа. Впрочемъ, многіе изъ нихъ объясняются на кистинскомъ языкѣ.

Число жителей всей Тушетіи простирается свыше 900 се-

мействъ. Какъ народъ, преимущественно занятый скотоводствомъ, они не могутъ вести осѣдлой жизни, тѣмъ болѣе для нихъ трудной, что они не свыкаются съ лѣтнимъ зноемъ низменныхъ мѣстъ. Мало по малу они начали сходить съ родныхъ горъ, не совсѣмъ удовлетворявшихъ ихъ потребностямъ, и основали на Алванскомъ полѣ, пожалованномъ имъ за заслуги грузинскими царями, новое поселеніе, такъ что въ настоящее время почти половина тушинъ живутъ большую часть года на плоскости, откочевывая только въ іюнѣ мѣсяцѣ къ своимъ дѣдовскимъ жилищамъ, гдѣ остаются до половины сентября.

Лѣтнее кочевье Цовскаго общества находится на горѣ Тбатани, а въ Цовата (древнее ихъ поселеніе) рѣдко кто приходитъ, кромѣ обязанныхъ по жребію охранять священные жертвенники и исполнять постановленные обряды. Эти избранники остаются тамъ въ теченіе года безотлучно. Въ послѣднее время, съ согласія хозяевъ, переселились туда нѣсколько бѣдныхъ кистинскихъ семействъ для обработки безплодныхъ пашень.

Каждое общество не только обязано охранять извѣстный пунктъ Тушетіи, но и изъ конца въ конецъ подавать другому скорую помощь. Отъ этого тушины бывали рѣдко побѣждаемы и непріятель претерпѣвалъ постоянно сильный уронъ. Часто сами тушины дѣлали набѣги на отдаленныя горскія племена, заставляя нѣкоторыхъ платить себѣ дань. И дѣйствительно, трудно противостоять соединенной силѣ тушинъ какому-нибудь враждебному скопищу; всегда вѣрные своимъ царямъ, они не разъ доказывали свое превосходство мужества надъ числомъ.

Тушины исповѣдуютъ христіанскую вѣру греко-восточной церкви. Эпоху водворенія между ними религіи нужно отнести къ незапамятнымъ временамъ царствованія первыхъ христіанскихъ царей Грузіи. Впрочемъ, судя по множеству развалинъ церквей въ горахъ, можно полагать, что евангельское ученіе нѣкогда господствовало между большинствомъ

кавказскихъ племенъ. Изустныя преданія и даже разсказы очевидцевъ, помнящихъ давно былое, подтверждаютъ это предположеніе. Одинъ столѣтній кистинъ разсказывалъ, что и они „когда-то молились въ церкви, развалины коей до сихъ поръ видны. Когда умножились мусульмане и завладѣли ихъ горами, тогда по ауламъ на ослицахъ разъѣзжали муллы и держа ихъ, ребятъ, за руки, учили исламизму". Уваженіе къ именамъ нѣкоторыхъ христіанскихъ святыхъ, употребленіе крестовъ понынѣ сохранилось между многими горскими мусульманами.

Непрерывная борьба кавказскихъ племенъ съ персіянами и турками имѣла сильное вліяніе на судьбу вѣры въ Тушетіи. Для поддержанія ея, тушины, при помощи грузинскихъ царей, постоянно должны были вести войну съ мусульманскими горцами. Множество преданій и древнихъ пѣсенъ объ этихъ столкновеніяхъ до сихъ поръ сохранились у тушинъ. Но при всемъ этомъ безпрестанный звукъ оружія заглушалъ голосъ проповѣдниковъ; духовенство, гонимое врагами грузинской церкви, не въ состояніи было поддержать падающаго христіанства въ Тушетіи. Наконецъ, тамъ вовсе не стало священниковъ; богослуженіе прекратилось; церкви ветшали, разрушаясь отъ времени и рукъ непріятельскихъ.

Чтобы по возможности удержать въ памяти правила религіи, тушины сооружали каменные жертвенники въ замѣнъ церквей и на прежнихъ мѣстахъ ихъ, во имя тѣхъ же святыхъ. Къ новому жертвеннику требовалось принести крестъ, образъ или камень отъ церкви, находящейся въ Грузіи, отъ капища въ Пшавіи или Хевсуріи, воздвигнутыхъ во имя того же святого. Кромѣ этого для каждаго жертвенника дѣлались хоругви, такія же, о какихъ я уже упоминалъ у хевсуръ и пшавцевъ, носящихъ названіе дроши. Надзоръ надъ этими хоругвями ввѣряли нарочно избраннымъ деканозамъ, званіе коихъ въ послѣдствіи сдѣлалось наслѣдственнымъ. Совершая религіозные обряды, они держали отъ себя народъ въ почтительномъ отдаленіи, въ продолженіе

извѣстнаго времени, въ особенности предъ наступленіемъ жертвоприношенія, должны были соблюдать чистоту и цѣломудріе, не прикасаться къ трупамъ мертвыхъ, къ новорожденнымъ, не ѣсть мяса, свинины, куръ и соблюдать множество суевѣрныхъ правилъ, исполненіе которыхъ отчасти возлагается и на прихожанъ.

Во время праздника деканозы должны приходить къ *салоцави* (молельня), сзывать народъ къ молитвѣ и жертвоприношенію, состоящему изъ хлѣба, разныхъ напитковъ и животныхъ. Жертвы эти приносятся въ капище, гдѣ главный деканозъ, взявъ въ одну руку пучокъ пылающихъ свѣчей, а въ другую священную хоругвь, приказывалъ другимъ деканозамъ взять остальныя хоругви и утвари, обращался съ особенною важностью лица къ востоку и величественно-протяжнымъ голосомъ, потрясая знаменемъ, произносилъ слѣдующую молитву: „Боже великій! Прежде всего да восхвалится и прославится достойно имя Твое, ибо небо и земля суть царствіе Твое. И Пресвятая Дѣва Марія, Матерь Божія, слава и благодареніе Тебѣ! Прослави Боже Твоихъ святыхъ, покровителей нашихъ, чрезъ которыхъ изливается на насъ Твоя милость. Святой Георгій Цоватисъ-Тавскій, Св. Ѳеодоръ, имена которыхъ славны предъ Богомъ, вамъ приносятся сіи малые и скудные дары. Примите ихъ достойно и свято. Требуйте ихъ отъ насъ и не лишайте своего покровительства и ходатайства у Бога. Услышите воззванія и призрите на предстоящихъ со смиреніемъ, готовыхъ исполнить свои обѣты. Умножите потомство, пошлите обиліе и богатство на скотъ и земные плоды наши, возрастите родителямъ дѣтей, не имѣющимъ даруйте ихъ. Удостоивайте насъ благополучно встрѣчать лѣто съ побѣдой надъ врагами. Богомъ прославленный и побѣдоносный Св. Георгій Лашарскій, царица Тамара, образъ Хахматскій, образъ Копала Коратіонскаго, Пицело Догуставскій, Цораулъ Додикурскій, Св. Лазарь, Іоаннъ Креститель Алавердскій, Св. Архангелъ и всѣ святые горные и дальные, молимъ васъ со смиреннымъ

и чистымъ сердцемъ: простите согрѣшенія наша. Избавьте насъ отъ вѣчной погибели и наказанія. Не предавайте въ руки мусульманскія. Сопутствуйте намъ вашею помощью при переходѣ изъ долинъ въ горы и обратно. Враговъ и злонамѣренныхъ людей, идущихъ на стада наши, совращайте съ пагубнаго пути ихъ. Призовемъ ли васъ противу враговъ, не отказывайте въ прославленіи именъ нашихъ. Пошлите успѣхъ въ набѣгахъ и на охотѣ. Преслѣдуемъ ли враговъ, то помогайте въ погонѣ; бѣжимъ ли отъ нихъ, посылайте защиту. Даруйте избавленіе отъ всякихъ бѣдъ, заразъ, проклятія, злого привидѣнія, наводненія, усилившагося врага, разрушенія горъ, заваловъ, огня, съ колѣнопреклоненіемъ молящимъ васъ, мужскому и женскому полу. Аминь."

По окончаніи молитвы, народъ прикладывается къ хоругвямъ и священнымъ вещамъ. Деканозъ сжигаетъ свѣчой клочокъ шерсти на лбу животныхъ обреченныхъ жертвѣ, закалываетъ и сбрасываетъ ихъ съ горы; поэтому вокругъ капищъ все мѣсто залито кровью. Деканозы орошаютъ ею иногда жертвенники и проводятъ на лбу себѣ и другимъ кресты.

Жертвоприношенія сопровождаются скачкой, ружейною стрѣльбой въ цѣль, разными народными увеселеніями и оканчиваются церемоніальнымъ ходомъ деканозовъ вокругъ жертвенника и воззваніемъ къ народу, привыкшему вѣровать имъ, какъ вдохновеннымъ свыше.

Часто одно слово деканозовъ рѣшало важнѣйшія дѣла въ Тушетіи. Предсказывая хорошій конецъ, они нерѣдко возбуждали народъ къ набѣгамъ на непріятеля и сами въ нихъ участвовали съ своими хоругвями.

Само собою, для пріобрѣтенія такого вліянія, деканозы, люди смышленые, должны были прибѣгать къ разнымъ хитростямъ: ведя строгую жизнь, увѣряли народъ, что въ нихъ обитаетъ святой духъ, не допускающій ихъ прикасаться ни къ чему нечистому. Въ доказательство наитія, предсказывали многія, напередъ соображенныя происшествія. Во время жер-

твоприношеній, при стеченіи народа, выпускали скрытыхъ у себя голубей, для убѣжденія, что божество присутствуетъ съ ними въ образѣ голубиномъ. Деканозы не только были прорицателями, но и другихъ, мужчинъ и женщинъ, употребляли къ тому орудіемъ. И вообще они поступали въ дѣлѣ предсказаній и обманыванія народа точно такъ же, какъ я говорилъ при описаніи обычаевъ хевсуръ.

Важнѣйшіе и богатѣйшіе по сокровищамъ жертвенники въ Тушетіи, куда во время праздниковъ стекается весьма много поклонниковъ: Хитано (въ Гомецарскомъ обществѣ, Цадкихла (въ Цовскомъ обществѣ) и Чигое (въ Пирикительскомъ).

Деканозы запрещаютъ подходить къ жертвенникамъ всѣмъ вообще женщинамъ, исключая только очень старыхъ, и мужчинамъ, прикасавшимся въ продолженіе шести недѣль родильницъ.

Родины у тушинъ не сопровождаются никакими особенными торжествами. Обычай, не позволяющій родить женщинѣ въ домѣ своемъ, существуетъ и здѣсь почти въ той же силѣ какъ и у хевсуръ.

Отецъ, узнавъ о рожденіи сына, стыдится изъявить свою радость даже между приближенными и друзьими; а напротивъ долженъ казаться серьезнѣе обыкновеннаго. Родственники и сосѣди поздравляютъ другъ друга съ рожденіемъ ребенка и приносятъ разные подарки.

По истеченіи срока отдаленія матери, даютъ особые домашніе праздники.

Сватовство у тушинъ совершается между родителями жениха и невѣсты, нерѣдко безъ вѣдома и согласія ихъ, такъ что молодые не всегда знаютъ другъ друга лично. Видѣть лицо невѣсты не позволено ни въ какомъ случаѣ; объ ея достоинствахъ можно судить только по разсказамъ знакомыхъ. Впрочемъ, любопытная молодежь находитъ много средствъ выбирать себѣ невѣстъ: или на праздникахъ, во время народныхъ увеселеній, или на зимнихъ вечернихъ посидѣлкахъ.

Но все это дѣлается весьма осторожно, потому что женщина и дѣвица при мужчинахъ должны закрываться, въ противномъ случаѣ могутъ породить въ народѣ дурное мнѣніе о себѣ и даже довести до кровавой ссоры; а на посидѣлкахъ дѣвушки въ кругу своихъ подругъ, не замѣчая присутствія мужчинъ, не закрываются и свободно разговариваютъ, такъ что въ окошко или дверную щель можно разглядѣть суженую. Понравилась—хорошо; нѣтъ—женихъ можетъ отказаться даже отъ засватанной родителями. Но дѣвицы остаются нѣмыми жертвами и не могутъ подать никакого мнѣнія о своемъ замужествѣ.

Сваты жениха съ хлѣбомъ и солью приходятъ къ родителямъ невѣсты, которые, въ случаѣ согласія, принимаютъ ихъ въ домъ и вмѣстѣ преломляютъ хлѣбъ, что замѣняетъ обручальный обрядъ.

У тушинъ болѣе обращаютъ вниманія на происхожденіе соединяющихся, на доблестныя качества или недостатки предковъ, нежели на наружность. Давать приданое не въ обыкновеніи. Женихъ вовсе не заботится о состояніи родителей невѣсты; а послѣдніе въ свою очередь предпочитаютъ всякому богатству личную храбрость, происхожденіе и хорошее мнѣніе народа о женихѣ.

Когда невѣста уже засватана, то родители жениха посылаютъ ей обыкновенно въ день новаго года треугольный пирогъ (ципъ) и еще что-нибудь, а тѣ угощаютъ и отдариваютъ посланницу.

Свадьба всегда сопровождается слѣдующимъ торжествомъ. Въ вечеру назначеннаго дня женихъ, въ сопровожденіи вооруженной толпы всадниковъ, скачетъ къ дому невѣсты и при ружейной пальбѣ отводитъ ее въ церковь подъ вѣнецъ. Веселый шумъ и пѣсни молодежи не умолкаютъ даже въ храмѣ. При выходѣ оттуда женихъ переступаетъ лезвее шашки. При переправѣ чрезъ рѣку всѣ стрѣляютъ. Къ пріѣзду новобрачныхъ во дворѣ жениха зажигаютъ на длиномъ шестѣ родъ маяка; искусные стрѣлки должны сбросить или поту-

шить его пулями; отличившемуся мѣткимъ выстрѣломъ дѣлаютъ подарокъ. Родители или кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ жениха, при входѣ молодыхъ, переломивъ алку, подносятъ невѣстѣ лакомства. Потомъ жениха съ невѣстой сажаютъ на тахтѣ (нары), устланной коврами; за нимсадятся всѣ гости, женщины на сторонѣ невѣсты, а мужчины на сторонѣ жениха. Предъ новобрачными ставится деревянный крестъ, обвѣшенный фруктами и разными подарками гостей. Дѣвушки плѣняютъ зрителей граціозными плясками и унылымъ напѣвомъ горскихъ пѣсенъ.

Новобрачнымъ въ вечеръ свадьбы не только не прилично пѣть или танцовать, но не позволяется ни пить, ни ѣсть, ни даже разговаривать съ кѣмъ-нибудь; невѣста не должна показывать своего лица. Свадебное веселье продолжается иногда до самаго утра, но молодыхъ не заставляютъ ждать конца. Послѣ всѣхъ обычныхъ церемоній гости едва на третій день расходятся, а молодые все еще долго послѣ того стыдятся разговаривать между собой. Вообще, даже въ преклонныхъ лѣтахъ, приличіе не допускаетъ при другихъ нѣжностей между супругами, родителями и дѣтьми, и особенно между отцомъ и сыномъ.

Въ теченіи года тушины совершаютъ весьма много поминокъ по умершимъ; это нерѣдко ведетъ семью къ совершенному раззоренію.

На похороны стекаются родные, знакомые и незнакомые изъ ближайшихъ деревень. Мужчины плачутъ не долго; но женщины во все продолженіе похоронной церемоніи воплями и рыданіями оглашаютъ печальный обрядъ. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются умѣньемъ говорить весьма искусные панегирики усопшимъ, въ которыхъ онѣ обыкновенно стараются придавать оплакиваемому всѣ доблести героя.

Въ прежнія времена, когда въ Тушетіи не было священниковъ, обрядъ вѣнчанія ограничивался тѣмъ что шаферъ обмѣнивалъ новобрачнымъ кольца, а похороны совершали

сами, зарывали мертваго въ землю и воздвигали надъ нимъ насыпи безъ крестовъ и надписей.

Между тушинами доселѣ сохраняется суевѣрное обыкновеніе избѣгать прикосновенія къ покойникамъ. Поэтому никого не допускаютъ умереть дома. Едва замѣтятъ приближеніе смерти, тотчасъ выносятъ его въ сѣни и, наплакавшись надъ нимъ вдоволь, стараются похоронить какъ можно скорѣе. Прикасавшіеся къ мертвому не должны ни съ кѣмъ имѣть сообщенія и въ чеченіе мѣсяца жить отдѣльно. Все это дѣлается, по мнѣнію ихъ, для большей чистоты и въ угодность *цейдрой* (святымъ).

Тушины вѣрятъ въ безсмертіе души и даже имѣютъ понятіе, весьма темное, о будущей жизни. Одни думаютъ, что люди на томъ свѣтѣ живутъ такою же матеріальною жизнью— бѣдно или богато, и чѣмъ больше пожертвованій покойнику отъ живыхъ, тѣмъ душѣ его будетъ лучше, чѣмъ больше закалываютъ на его поминкахъ животныхъ, тѣмъ и у него ихъ будетъ больше. Другіе полагаютъ, что тѣни душъ всѣхъ умершихъ обитаютъ въ какомъ-то царствѣ полумрака, въ ожиданіи будущаго рѣшенія своей участи.

Бывали примѣры что тушинскіе наѣздники хладнокровно бросались въ самыя жаркія сѣчи и умирали съ восторгомъ при мысли что они будутъ оплакиваемы какъ герои, что пѣсни объ ихъ дѣяніяхъ зазвучатъ на устахъ красавицъ (и женщины у нихъ дѣйствительно большею частью красавицы) и воспламенятъ соревнованіе храбрыхъ, что память объ нихъ дойдетъ до поздняго потомства и имена ихъ будутъ причислены къ сонму тѣхъ, о которыхъ разсказы съ такимъ благоговѣніемъ ходятъ по разнымъ селамъ.

Поминки по умершимъ производятся въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) *Кортмакая*—тризна при самомъ погребеніи,

б) *Швидае*—поминовеніе чрезъ семь дней,

в) *Долуйлое*—надѣваніе траура (при этомъ мужчины отпускаютъ бороду и длинные волосы на головѣ).. Трауръ на-

дѣваютъ на нѣсколько дней, на годъ и даже на три года, смотря по желанію и близости родства. Въ продолженіе этого времени избѣгаютъ присутствія въ публичныхъ увеселительныхъ собраніяхъ; не носятъ безъ особенной нужды оружія и не скачутъ верхомъ, что̀ считается у тушинъ, да и у всѣхъ кавказцевъ, однимъ изъ первыхъ удовольствій. Женщины въ траурѣ привѣшиваютъ на плечи черныя шерстяныя кисточки и лоскутки желѣзнаго панцыря.

г) *Кортъ-башуйлое* — бритье бороды и снятіе траура у мужчинъ.

д) *Айрчейронъ-далуйлое* — снятіе траура у женщинъ.

е) *Петей-датадуйлое* — приглашеніе плакальщицъ надъ одеждой умершаго, наконецъ

ж) *Вегъ*. Эта годичная и послѣдняя тризна по умершемъ совершается всегда съ особенною пышностью; сопровождаемая скачкой *(догъ)* и ружейною пальбой въ цѣль *(дабагъ)* она привлекаетъ множество зрителей. Въ собраніе гостей, на площадь, выносятъ одежду покойнаго для раздачи ея, также оружія и лошади бѣднымъ, и затѣмъ всѣ пожертвованія и поминки прекращаются. Лошадей, назначенныхъ для скачки, подводятъ по одиночкѣ къ одеждѣ и даютъ имъ понемногу разсыпаннаго на коврѣ ячменя, а одна изъ плачущихъ женщинъ обливаетъ колѣна каждой лошади молокомъ. Вокругъ одежды ставятъ огромные ушаты съ пивомъ и до двадцати пяти круглыхъ хлѣбовъ, въ которые воткнуты небольшіе значки изъ красной и бѣлой матеріи; на эти же хлѣбы кладутъ бараньи ножки, кусочки сыра и т. п. Вслѣдъ затѣмъ всадники, держа такіе же круглые хлѣбы съ значками, подъѣзжаютъ къ одеждѣ. Въ ожиданіи трогательной сцены, всѣ присутствующіе обступаютъ ихъ кругомъ. Наконецъ, на лошади покойника въѣзжаетъ въ кругъ извѣстный пѣвецъ и громкимъ величественно-печальнымъ голосомъ начинаетъ импровизировать пѣснь *Далай*, заключающую въ себѣ трогательное похвальное слово усопшему; она сопровождается припѣвомъ хора всадниковъ.

ПѢСНЬ ДАЛАИ.

Пѣвецъ. Провозгласимъ, удалые наѣздники, печальную пѣснь — *Далай*, падшему герою!

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Чье сердце не тронется жалостью, при видѣ боевыхъ его доспѣховъ и лихой лошади, покинутыхъ хозяиномъ и осужденныхъ на вѣчное забвеніе!

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Его родныхъ, друзей, облеченныхъ въ траурныя одежды!

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Несчастной матери, оплакивающей смерть единственнаго сына, послѣднее свое утѣшеніе!

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Его нѣжныхъ сестеръ, сраженныхъ злою судьбой, подобно полевымъ цвѣтамъ подъ хладною рукой осени!

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Неутѣшной жены, тающей въ горячихъ слезахъ, какъ воскъ отъ лучей солнечныхъ.

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Погибшій другъ! неужели бранная одежда и прекрасные усы твои не будутъ болѣе красой нашего общества?

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Нѣтъ! Мы не разгласимъ о твоей смерти и не порадуемъ этимъ враговъ нашихъ.

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Спросятъ ли о тебѣ въ Лезгистанѣ лезгины, мы скажемъ: „онъ въ Кистетіи у Дичинскаго владѣтеля“.

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Спросятъ ли кистины, скажемъ: „въ Кахетіи у грузинскаго царя“.

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Спросятъ ли свои грузины, скажемъ: „онъ тамъ, у Господа“.

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Проснись, храбрый! Иль ты не слышишь звука военной трубы! Иль ты отказываешь просьбѣ тушинскихъ наѣздниковъ, предлагающихъ тебѣ предводительство въ предстоящемъ набѣгѣ?

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Иль ты не въ силахъ болѣе принять начальства, иль не можешь управиться съ конемъ и извлечь изъ ноженъ смертоносную саблю?

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Гроза и кара безпокойныхъ враговъ! Не ты ли одинъ отразилъ когда-то сильный натискъ погони своимъ знаменитымъ *сіято?* (Особый родъ винтовки).

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Слава предковъ, ярче просіявшая въ потомкѣ! Ты былъ закономъ, ты былъ властителемъ Тушетіи!

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Блаженна твоя будущность, преобразившаяся въ голубя, облеченнаго веселіемъ невинности!

Хоръ. Далай, далай!

Пѣвецъ. Воззри и на приношеніе твоей блаженной памяти: полные коды (хлѣбная мѣра), пышная трапеза, гости всѣхъ сословій и званій. Воззри на гласящихъ тебѣ за серебряною чашей: вѣчная память!

Хоръ. Вѣчная память!

Народъ (шепотомъ). Вѣчная память!

Вслѣдъ затѣмъ всадники приготовляются къ скачкѣ.

Какая воинственная поэзія, какое воспламеняющее дѣйствіе производитъ подобное краснорѣчіе на горцевъ!

По данному знаку они пускаютъ коней во весь опоръ къ назначенному мѣсту, гдѣ опередившаго ожидаетъ награда, *аламъ*—знамя, обвѣшенное подарками женскихъ рукодѣлій.

Въ горной Тушетіи нѣтъ равнинъ, и потому нельзя не

удивляться безстрашію всадниковъ при подобныхъ скачкахъ: не обращая вниманія на опасности, чрезъ скалы, крутизны и рытвины они несутся по снѣжнымъ хребтамъ горъ. Вниманіе всѣхъ зрителей съ невольнымъ участіемъ слѣдитъ за всадниками, едва видными вдали; наконецъ орлиное зрѣніе нѣкоторыхъ различитъ опередившаго наѣздника. Крики удивленія, поздравленія, похвалы лошадямъ и возбужденные развязкой споры утихаютъ только при появленіи благословляющаго трапезу деканоза. По окончаніи молитвы деканозъ и всѣ гости пьютъ за упокой души усопшаго, проливая каждый разъ, по обычаю грузинъ, нѣсколько капель на скатерть. Пирушка оканчивается ружейною пальбой въ цѣль. Веселый шумъ подгулявшихъ утихаетъ вслѣдъ за отголосками выстрѣловъ, оглашающихъ ущелья; потухающее солнце за гребнемъ горъ освѣщаетъ живописную картину и толпы расходящагося народа.

Въ древнія времена тушины составляли нѣчто въ родѣ небольшой республики. Въ числѣ многихъ горскихъ племенъ они часто находились подъ управленіемъ грузинскихъ царей, особенно въ царствованіе Тамары, Георгія Лаша, Леона II, Ираклія и другихъ, имена которыхъ живо сохранились въ памяти народа; но когда власть царей падала подъ гнетомъ усобицъ, смутъ и нашествія мусульманъ, тогда тушины, запершись въ глуши неприступныхъ ущелій, сохраняли свою самостоятельность, защищаясь собственными силами.

Важнѣйшія общественныя дѣла рѣшались всегда въ собраніяхъ почетныхъ старшинъ, людей извѣстныхъ въ обществѣ своимъ умомъ, опытностью и добросовѣстностью. Засѣданія происходили обыкновенно подъ открытымъ небомъ, около жертвенниковъ или на мѣстахъ освященныхъ воспоминаніями предковъ, близь могильныхъ кургановъ, памятниковъ и т. п. Мѣсто засѣданій называется *сванджелое*. Здѣсь же судьи (*пелхой*) чинили судъ и расправу по древнимъ обычаямъ и постановленіямъ, получившимъ силу законовъ (*келъ*). Главными уголовными преступленіями считались у тушинъ смер-

тоубійство, воровство и прелюбодѣяніе. Преступленія эти почти всегда сопровождались кровавою семейною враждой, доходившей и до дальнѣйшаго потомства.

Виновный въ убійствѣ, умышленно оно, нѣтъ ли, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть въ безопасности отъ кровомщенія родственниковъ убитаго. Онъ долженъ былъ оставить свое общество, не употреблять обуви, отростить волосы, раскаяться въ своемъ преступленіи и тогда только общество могло оказать ему какое-нибудь покровительство; по истеченіи нѣкотораго времени ему дозволялось возвратиться на родину; онъ долженъ былъ вмѣстѣ со всею своею родней предложить плату за кровь (цейгъ), въ слѣдующемъ количествѣ: за убитаго мужчину 120 коровъ (600 руб.), за женщину половину. Повѣсивъ на осѣдланную лошадь лучшую саблю и ружье, семейство убійцы приходило въ домъ убитаго, плакало по усопшемъ и просило прощенія у его родныхъ, а эти, въ знакъ примиренія, задавали пирушку и почти никогда не брали платы за кровь, считая это оскорбленіемъ душѣ покойника. Такимъ образомъ вражда оканчивалась навсегда. Причина подобнаго возмездія за убійство у всѣхъ трехъ упоминаемыхъ здѣсь племенъ, понятна. Общество, очень не многочисленное, окруженное со всѣхъ сторонъ врагами, обязанное защищаться только собственными силами, слишкомъ дорожило и должно было дорожить жизнью каждаго изъ своихъ членовъ. Наказать убійцу смертію, значило бы не вознаградить потерю общественную, но еще болѣе ее увеличить. А чтобы по возможности прекращать подобные случаи, невольно разстраивающіе единство общества, старшины прибѣгли къ мѣрѣ взысканія, хотя тягостной для бѣднаго горца, но не столько какъ можетъ показаться съ перваго взгляда; уплата падаетъ не на одно лицо преступника, но и на всю родню его, подъ которою должно разумѣть не только семейство и близкихъ родственниковъ, а почти всѣхъ носящихъ съ нимъ одну фамилію, считающихся связанными другъ съ другомъ по проис-

хожденію отъ одного родоначальника, а такихъ набирается иногда до 30—50 и болѣе семействъ.

За увѣчье полагалось взысканіе въ половину положеннаго за убійство; за правый членъ взыскивалось болѣе чѣмъ за увѣчье лѣваго. За воровство и вообще похищеніе чужой собственности, какимъ бы образомъ оно ни было учинено, судъ налагалъ взысканіе всемеро болѣе цѣнности похищеннаго, а за неоднократное воровство позволялось даже убить виновнаго безъ всякой отвѣтственности, хотя это весьма рѣдко исполнялось.

Мужъ за своевольное бѣгство жены или нарушеніе супружеской вѣрности могъ отрѣзать ей руку и носъ, и въ такомъ видѣ отослать къ родителямъ; но если не хотѣлъ этого дѣлать, то налагалъ на нее запрещеніе *(ивстила)*, т.-е. срокъ, до истеченія котораго никто не смѣлъ на ней жениться.

Обольстившій дѣвушку обязанъ былъ обвѣнчаться съ нею или же отдать удовлетвореніе въ половину противъ положеннаго за кровь. Впрочемъ, такія дѣвушки рѣдко находили мужей.

Если кто укорялъ другого въ невѣрности къ нему жены, то обиженный, зарѣзавъ корову обидчика, отсылалъ жену къ родителямъ, а эти уже требовали клеветника на судъ старшинъ. Съ недоказавшаго клеветы, но не отказывавшагося отъ своихъ словъ взыскивалось 60 коровъ; если же онъ сознавался въ ложности своего показанія и принималъ на то публичную присягу, то мужъ бралъ жену обратно и удовлетворялъ клеветника за зарѣзанную корову.

Присяга у тушинъ бываетъ двоякаго рода: ее произносятъ или трижды обойдя вокругъ жертвенника съ хоругвью въ рукѣ, или присягающаго ставятъ на колѣни близъ могилы предковъ, кладутъ предъ нимъ ослиное сѣдло и посуду изъ которой ѣли собаки; затѣмъ указывая на него, громко взывали къ душамъ покойныхъ: „Усопшіе наши! приводимъ къ вамъ этого человѣка на судъ, предоставляемъ вамъ полное право надъ нимъ, отдайте его кому хотите въ жертву и услу-

женіе, если онъ не скажетъ истину, дѣлайте съ нимъ что хотите". Послѣ этого присягающій произносилъ клятву.

Предъявленіе исковъ и разбирательство ихъ судьями, числомъ не менѣе трехъ, происходитъ точно такимъ же порядкомъ какъ упоминалось выше, у хевсуръ и пшавовъ. Для недовольныхъ рѣшеніемъ судъ можетъ повторяться не болѣе семи разъ.

При разводѣ супруговъ жена не получаетъ никакой части изъ имѣнія мужа. Вдова также ничего не получаетъ изъ имѣнія покойника, если у ней нѣтъ дѣтей мужескаго пола; впрочемъ она можетъ жить въ домѣ мужа, и наслѣдники обязаны содержать ее, а дочерей и сестеръ умершаго воспитать и выдать замужъ съ приличнымъ *самкаури,* состоящимъ изъ серебряныхъ нагрудныхъ украшеній и ожерелій. Послѣ бездѣтно умершихъ всѣ эти украшенія возвращаются родителямъ.

При раздѣлѣ наслѣдства всѣ братья получаютъ по равной части и выдѣляютъ старшему особо что-нибудь за старшинство. Но если дѣти получаютъ наслѣдство при жизни родителей, то сперва каждому изъ нихъ удѣляютъ часть достаточную для ихъ похоронъ, *самархъ;* а отцу, кромѣ равной части, предлагаютъ жить съ кѣмъ-нибудь изъ братьевъ, по его выбору.

Находящимся въ услуженіи изъ добычи или находки, пріобрѣтенныхъ хозяиномъ, удѣляется третья часть. Заболѣвшаго слугу хозяинъ обязанъ содержать въ продолженіе мѣсяца, а умершаго долженъ похоронить на свой счетъ.

Если пастухъ безъ позволенія хозяина отлучится отъ стада и отъ того произойдетъ убытокъ, онъ обязывается вознаградить владѣльца; въ случаѣ же угона стада непріятелемъ, пастухъ лишается жалованья.

Соблюденіе товарищества въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, на охотѣ и вообще въ опасностяхъ считается у тушинъ одною изъ главныхъ и первыхъ добродѣтелей. Товарищи не должны покидать другъ друга, хотя бы пришлось

пожертвовать жизнью; оставить трупъ товарища въ рукахъ непріятеля почитается такимъ же безчестнымъ поступкомъ, какъ и покинуть живого. Часто, для доказательства одинаковой степени храбрости или братской любви, тушины въ рѣшительныя минуты битвы связываютъ себя другъ съ другомъ или полами платья, или поясами, или берутся за руки и бросаются на вѣрную смерть. Это называется *дидъ-аларъ* (обреченіе, клятва). Нарушившій этотъ священный обычай подвергается общему презрѣнію. Убитаго въ бѣгствѣ отъ непріятеля никогда не оплакиваютъ и родственникамъ не изъявляютъ сожалѣнія о его смерти.

Въ числѣ обычаевъ тушинъ, мнѣ особенно нравился слѣдующій: два нечаянно встрѣтившіеся врага, кровоместники, выхватываютъ кинжалы и готовы начать борьбу на жизнь и смерть, но если въ эту минуту какая бы то ни было женщина успѣетъ бросить между нихъ свой платокъ, они немедленно останавливаются и прячутъ оружіе. Замѣчательное рыцарское отношеніе къ женщинѣ!

Кажется, ни у одного народа такъ не соблюдается родство, какъ между тушинами. Они не вступаютъ въ бракъ до двѣнадцатаго колѣна въ мужскомъ и до шестого въ женскомъ, да и это допускается только въ крайнихъ случаяхъ; даже жители одной деревни, хотя вовсе и не родственники, не вступаютъ въ супружество. Браки не совершаются, пока не минетъ мужчинѣ 27, а женщинѣ 23 года отъ роду, что̀ дѣлается собственно для того, чтобъ оба пола до брака достаточно возмужали, и мужчина былъ уже опытенъ въ военномъ дѣлѣ.

Тушины вѣрятъ въ существованіе злыхъ духовъ, населяющихъ по ихъ мнѣнію мрачныя ущелья, скалы, лѣса и воды. Бѣшенство и бредъ въ болѣзняхъ приписываютъ нечистой силѣ; для изгнанія ея вокругъ головы больного трижды обносятъ чернаго козленка или курицу и восковую свѣчу; животныхъ закалываютъ и зарываютъ на перепутьи, а свѣчу зажи-

гаютъ при жертвенникахъ или прибѣгаютъ съ нею къ кадагамъ, узнающимъ причину болѣзни.

Затмѣніе луны тоже приписываютъ злымъ духамъ (мегой), не дающимъ ей ходу, и для разогнанія ихъ стрѣляютъ въ нее. Это, впрочемъ, общій обычай за Кавказомъ.

Безпокойство во снѣ приписываютъ кикиморамъ, которыхъ называютъ *тебжурикъ*. Также говорятъ, что люди, особенно женщины, бываютъ оборотнями *(кудьянъ)*, могутъ принимать видъ разныхъ животныхъ: кошки, волка и т. п.

Въ великій постъ, въ извѣстный вечеръ, собираются въ какой нибудь домъ недавно умершаго, приносятъ туда кутью изъ пшена съ медомъ, *саматхай-хачи-кхейлое* (райскія жертвоприношенія), зажигаютъ надъ нею свѣчу и по благословеніи деканозовъ, ѣдятъ. Въ это время нѣкоторые изъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ отправляются, какъ говорятъ, подслушивать чертей *(эшмилердаръ)*, даютъ другъ другу странныя и смѣшныя названія, садятся гдѣ нибудь около рѣчекъ, на пригоркахъ или въ кустарникахъ, положивъ подъ пятку правой ноги горсть золы, и не на шутку начинаютъ увѣрять, что въ такомъ-то домѣ слышатъ плачъ (это означаетъ смерть хозяевамъ), въ другомъ смѣхъ (это предвѣщаетъ радость, здоровье). Причудливое и робкое воображеніе молодыхъ дѣвушекъ, безъ сомнѣнія, принимаетъ эхо обрушившихся вдали скалъ, шумъ горнаго водопада, шелестъ листьевъ, свистъ вѣтра, стукъ мельничныхъ колесъ за плачъ, смѣхъ и разныя голоса нечистыхъ духовъ.

На масляницѣ, въ субботу, празднуютъ сошествіе ангеловъ на землю, *англазе-баре-дахкаръ*. Думаютъ, что въ продолженіе двухъ дней у каждаго его ангелъ-хранитель сидитъ невидимо на правомъ плечѣ, и въ эти дни стараются избѣжать размахиванія въ правую сторону, чтобы *не вышибить ему глазъ*. Въ честь каждаго изъ живыхъ и умершихъ членовъ семьи пекутъ по одному пирогу, разсылая ихъ сосѣдямъ.

Карканье вороны, крикъ сороки, сѣвшихъ на саклю, осо-

бенное расположеніе угольевъ въ очагахъ предвѣщаютъ прибытіе гостей; вой собаки, лисицы, преждевременный крикъ пѣтуха, паденье ночью домашнихъ птицъ съ нашести и т. п. предвѣщаютъ бѣду хозяевамъ или жителямъ сосѣдняго дома.

Главное и единственное занятіе тушинъ овцеводство. Хлѣбъ и разные продукты они вымѣниваютъ у кахетинцевъ и другихъ близкихъ жителей; только живущіе въ горахъ постоянно сами занимаются хлѣбопашествомъ. Тушинскіе бараны извѣстны всей Грузіи вкуснымъ мясомъ; изъ овечьяго молока приготовляютъ превосходный сыръ — любимая грузинами закуска.

Рукодѣлья тушинокъ занимаютъ не послѣднее мѣсто между мѣстными произведеніями: онѣ ткутъ очень тонкія шерстяныя матеріи, разноцвѣтные ковры, переметныя сумы, вяжутъ прекрасные пестрые носки, *читы* (обувь очень удобная для ходьбы по горамъ), катаютъ лучшіе войлоки, впрочемъ, больше для домашняго употребленія и рѣдко на продажу.

Въ домашнемъ быту тушинъ отецъ—глава семейства. Онъ занятъ овцеводствомъ и военными дѣлами, мало обращая вниманія на домашнее хозяйство, исключительное занятіе жены. Права женскаго пола, какъ и у всѣхъ горцевъ, пренебрежены. Всякая честная женщина должна быть доброю хозяйкой, скромною, стыдливою, не здороваться съ мужчинами не родственниками, хотя и знакомыми, уклоняться съ дороги влѣво при встрѣчѣ съ ними, хотя бы это было въ мѣстахъ гористыхъ, на узкой тропинкѣ, и подвергало ее величайшей опасности.

Чувство стыдливости часто возвышаетъ тушинокъ до героизма и заставляетъ забывать слабость женской природы. Вотъ изъ множества примѣровъ два. Одинъ молодой тушинъ, изъ богатаго дома и хорошей фамиліи, влюбился въ красавицу тушинку; но такъ какъ она была замужемъ, то ослѣпленный страстью юноша рѣшился на преступленіе и подстерегъ неумолимую въ глухомъ мѣстѣ... Благородный гнѣвъ

былъ ему отвѣтомъ. Настойчивость, врожденная черта тушина, и необузданность желаній увлекли его: онъ рѣшился употребить насиліе... Тогда-то беззащитная женщина, призвавъ на помощь присутствіе духа, выхватываетъ у преслѣдователя своего кинжалъ и вонзаетъ ему въ грудь!

Другой примѣръ почти баснословенъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, два брата пасли свое стадо на горѣ, отдаленной отъ деревни. На нихъ напало нѣсколько хищныхъ лезгинъ, старшаго убили и стадо угнали. Въ это время жена убитаго, женщина лѣтъ двадцати пяти, приноситъ имъ обѣдъ и застаетъ младшаго брата, плачущаго надъ трупомъ ея мужа. Вы думаете она пришла въ отчаяніе, начала рыдать? Нѣтъ; пристыдивъ молодого человѣка за его малодушіе и *предложивъ ему свое покрывало* (это ужасное оскорбленіе для мужчины), она схватываетъ оружіе мужа и пускается за хищниками; братъ, задѣтый за живое язвительною насмѣшкой и увлеченный такимъ примѣромъ, слѣдуетъ за ней. Окольными тропинками они обгоняютъ непріятеля, дѣлаютъ засаду, и когда лезгины, ничего не ожидая, приблизились, два выстрѣла кладутъ двоихъ на мѣстѣ, остальные пять или шесть бѣгутъ куда попало, а храбрая тушинка съ деверемъ возвратилась къ вечеру домой, неся трупъ мужа, двѣ вражьи руки, и пригнала все стадо. Тогда только она начала рыдать, рвать себѣ волосы, царапать лицо и грудь. (Истинное происшествіе).

Тушинки славятся красотой. Онѣ большею частью темнорусы, съ правильными чертами лица. Черный цвѣтъ одежды рѣзко выказываетъ бѣлизну тѣла; онѣ носятъ длинное черное платье изъ тонкой шерстяной ткани, пестрый поясокъ, черное покрывало, чити, (вязанные изъ шерсти башмаки), вышитые разными узорами, серебряный браслетъ, нагрудникъ, унизанный серебряными пластинками, монетами и бисеромъ различныхъ цвѣтовъ: въ ушахъ серьги, на трехъ крайнихъ пальцахъ серебряныя кольца; косы у дѣвицъ распущены, а у замужнихъ завиты. Издали, въ этомъ черномъ костюмѣ, онѣ похожи на монахинь.

Мужчины вообще роста средняго, смугловаты, правильно сложены, ловки и неутомимы въ ходьбѣ по горамъ. Одежда ихъ дѣлается изъ шерстяныхъ матерій собственнаго издѣлія; они носятъ чуху безъ закидныхъ рукавовъ, шальвары, запускаемыя въ кожанныя ногавицы, круглую войлочную шапочку и чити — нарядъ простой, очень удобный для воинственной, полукочевой жизни.

Въ общихъ чертахъ характеръ тушинъ представляетъ смѣсь храбрости, честности, справедливости, гостепріимства и уваженія къ старшимъ, съ гордостью, мстительностью, упрямствомъ, лукавствомъ, корыстолюбіемъ большою скупостью и отчасти дикостью—общими пороками горцевъ.

Гостей, особенно такъ-называемыхъ кунаковъ, тушины принимаютъ съ особымъ радушіемъ; рѣжутъ для нихъ если не корову, то барана, и во время обѣда стоятъ безъ шапки, не принимая никакого участія въ немъ. Пригожимъ дѣвицамъ или женщинамъ вмѣняется въ честь прислуживать гостю, заставлять пить за ихъ здоровье, иногда даже забавлять его, безъ нарушеній впрочемъ приличія, скромности и стыдливости. (При этомъ я невольно вспомнилъ разсказъ Марлинскаго о томъ обычаѣ какого-то горскаго общества, гдѣ хозяинъ будто обижался, если гость отказывался отъ ласкъ жены или дочери. Это фантазія: подобнаго обыкновенія на Кавказѣ нѣтъ, даже похожаго на это нигдѣ не слышно).

Тушинъ часто безъ сожалѣнія даритъ своему кунаку любимое оружіе или лошадь, если замѣтитъ, что они ему нравятся. Хозяинъ долженъ ручаться въ своемъ домѣ за безопасность гостя и рѣзаться за него до послѣднихъ силъ; нарушеніе этихъ священныхъ правилъ навлекаетъ у тушинъ неизгладимый позоръ до поздняго поколѣнія, лишаетъ любви и довѣрія общества. „Лучше бы человѣку надѣть покрывало собственной жены, чѣмъ измѣнить своему пріятелю!“ говоритъ каждый тушинъ.

Тушины издревле слывутъ воинственнѣйшимъ народомъ

между закавказскими племенами. Само мѣстоположеніе ихъ родины и политическія обстоятельства, въ постоянной борьбѣ за вѣру и независимость, пріучили ихъ ко всѣмъ родамъ опасностей. Жилецъ суровыхъ скалъ, нерѣдко лишенный самаго пропитанія благодаря хищничеству враговъ, неурожаямъ, опустошеніямъ бурныхъ стихій горной природы, могъ ли тушинъ отказаться отъ всего того, что̀ только въ состояніи поддержать его скудную жизнь? Его не удивятъ разсказы, что такая-то партія тушинскихъ удальцовъ, увлеченная безумною отвагой въ набѣгѣ на дальнее племя, застигнутая суровою непогодой зимы, по нѣскольку дней скрывалась въ пещерахъ, терпѣла голодъ или питалась сырымъ мясомъ застрѣленной дичи. Каждый тушинъ ощущаетъ въ такихъ опасностяхъ какое-то наслажденіе, считая себя царемъ горъ. Пѣсни и преданія о геройскихъ дѣлахъ воспламеняютъ ихъ на полѣ битвы.

Не слѣдуя извѣстному римскому правилу, по которому должно было „одного побѣждать, на двухъ нападать, отъ трехъ защищаться, а отъ четырехъ бѣжать“, тушины почти не имѣютъ привычки узнавать много ли непріятеля; но увѣренные, что дѣло не должно съ ихъ стороны обойтись безъ боя, при первомъ же видѣ враговъ, бросаются на нихъ, думая какъ бы побольше убить и отрѣзать, по обычаю, правыхъ рукъ, для пригвожденія къ дому тѣхъ изъ своихъ родственниковъ, которые, въ свою очередь, умерли отъ пули непріятеля. Даже женщины, при осадѣ деревни или, что̀ то же, крѣпости тушинской, свидѣтельницы жаркой схватки мужей своихъ, составляютъ кружокъ, поютъ веселымъ голосомъ боевыя бѣсни и воспламеняютъ храбрость мущинъ, повторяющихъ при каждомъ выстрѣлѣ нараспѣвъ перенятый у горскихъ мусульманъ фанатическій возгласъ: „Я илляхи-иль Алла!“ (Это очень странно: поборники вѣры Христовой, они, конечно, не понимаютъ смысла этого священнаго для мусульманъ изреченія и поютъ его безсознательно).

Между тушинами можно слышать много преданій, разсказовъ и пѣсенъ про ихъ подвиги и военныя доблести.

Вотъ двѣ пѣсни, упоминающія о событіяхъ исторически вѣрныхъ:

ПѢСНЬ I.

Въ Бахтріонахъ *) сидятъ татары, держатъ опасный совѣтъ:
«Въ Ахметахъ срубимъ виноградные сады и оснуемъ тамъ свое поселеніе».
Узнаютъ о томъ сыны тушинъ и высоко препоясываютъ мечи.
Еще полночь, а они уже съѣзжаютъ съ Накерала (гора).
Швимхо Шваидзе, ты первый разсѣкъ быструю рѣку въ Панкисахъ (ущелье въ верховьяхъ Алазани).
Навыворотъ подкуемъ коней и сдѣлаемъ незамѣтными слѣды наши врагамъ.
Къ разсвѣту сдѣлаемъ набѣгъ на Бахтріонскую твердыню.
Выходи на дворъ султанъ; тушины ждутъ тебя въ воротахъ.
Если не выйдешь по доброй волѣ, выведемъ насильно.
Я, Меги Самри Швили, не судите обо мнѣ по виду,
Перейду, перелечу чрезъ стѣны Бахтріона,
Изрублю семерыхъ въ куски, не то промѣняйте меня на дѣвушку татарскую.
Оселкомъ изощренная прангули *), какъ она охотно разсѣкаетъ платье!
И какъ сильно въ запрудившейся крови скользитъ нога!
Во всѣхъ мѣстахъ изрубили татаръ, такъ что кровью ихъ обагрилась рѣка.
Въ Алванахъ строятъ (тушины) башню изъ старыхъ костей татаръ.
Подъ фундаментъ кладутъ самыхъ большихъ изъ нихъ, порубленныхъ лезвеемъ прангули.
Отняли Алванское поле, и принадлежитъ оно тушинамъ.
Ни царь, ниже самъ Богъ, не захотятъ заступаться за него.
А кто самъ отказывается отъ Алвани, жена да отпояшетъ отъ бедра его мечъ!

Разсказываютъ будто поводомъ такого всеобщаго озлобленія тушинъ, заставившимъ ихъ предпринять походъ съ ничтожными силами на такое дальнее разстояніе противъ татаръ, которыхъ не могли побѣдить войска грузинскихъ царей, была обида, нанесенная татарами двумъ тушинскимъ

*) Бахтріоны—деревня въ Верхней Кахетіи.

*) Т.-е. европейскій клинокъ, отъ Пранги, Франки.

охотникамъ, попавшимся въ ихъ руки въ Панкійскомъ ущельѣ. Охотники эти, освободившись изъ плѣна, возвратились на родину. Не разсказывая ничего о случившемся съ ними, они одѣлись въ чадры своихъ женъ и въ такомъ видѣ явились въ собраніе старшинъ. Возвращеніе ихъ было принято за чудо, а само гнусное происшествіе возбудило въ цѣломъ обществѣ сильное негодованіе, слѣдствіемъ котораго была жестокая месть.

ПѢСНЬ II.

Чрезъ вершину горы Качу-мта переходятъ многочисленныя войска Нунцала (аварскій ханъ).
Они, раскинувъ станъ свой на Гозовской равнинѣ, превратили ее въ запруженную рѣку.
Цовецъ, Давдрихъ Анта, не замедлилъ явиться къ Нунцалу.
Этотъ велѣлъ поставить предъ нимъ золотой подносъ съ кониной,
Сверху лежалъ ножикъ съ насѣчкой и черенкомъ изъ каменнаго угля.
Онъ ѣлъ и не насыщался (т. е. не чувствовалъ отвращенія), потому что свыше ждалъ божеской помощи.
Свѣдалъ объ этомъ Итабанулъ (имя наѣздника), тотчасъ подковалъ своего сѣраго (коня).
Къ разсвѣту онъ уже былъ въ Гремахъ у царя Леона.
«Леонъ, царь нашъ! пошли къ намъ въ помощь войско».
Леонъ собралъ войско въ числѣ тысячи всадниковъ.
Зажгли ночные факелы и въ темнотѣ проѣхали далекій путь.
Они проходятъ уже чрезъ гору Накавеча. Боже, пошли намъ свое благословеніе!
Итабануры сѣрый конь въ Нокавечахъ палъ бездыханенъ.
Около сидитъ хозяинъ и плачетъ надъ нимъ, какъ дѣвушка.
Кто отважится пожертвовать собой, кто перейдетъ быструю рѣку Гиреви?
Вызвался молодецъ въ синей рубашкѣ.
Онъ долженъ быть изъ сыновъ, котораго имя Андерахъ.
Сей перепрыгнулъ чрезъ быстрину рѣки на салгихурской лошади.
И макадауртскимъ мечомъ порубилъ палатку Нунцала.
Жена Нунцала взрыдала: что сталось съ моимъ возлюбленнымъ?
Нунцалъ убитъ Андерахомъ, и тѣло его коршуны унесли въ когтяхъ своихъ.
Заплакали лезгинки: не возвратятся къ намъ мужья наши!
Что будемъ дѣлать съ конями ихъ, которые рвутся на поводьяхъ?
Иные говорятъ: крѣпко запремъ ихъ въ конюшняхъ.
Другіе: пустимъ въ горы.

А третьи: наоборотъ, и сами сядемъ на нихъ.
Поѣдемъ въ страну Тушетіи и тамъ выберемъ себѣ мужей!...

Для поясненія этой пѣсни можетъ служить слѣдующее преданіе: Аварскій ханъ Нунцалъ вторгнулся однажды съ многочисленнымъ скопищемъ въ Тушетію, чтобы поработить ее и обратить въ магометанскую вѣру. До прибытія помощи отъ грузинскаго царя Леона, къ которому былъ посланъ храбрецъ Итабунала, старшина тушинскій Анта явился въ лагерь Нунцала, увѣрялъ его въ готовности тушинъ исполнить требуемое и для убѣжденія согласился ѣсть конину. Между тѣмъ, войско грузинъ успѣло перейти хребетъ, соединилось съ тушинами, и лезгинская орда была разбита. Въ деревнѣ Парсма хранится до сихъ поръ небольшая пушка, отбитая, какъ говорятъ, у Нунцала.

Въ другой подобной битвѣ, разсказываютъ, число убитыхъ лезгинъ простиралось до 700, и тушины, отрѣзавъ имъ носы, отправили ихъ къ грузинскому царю Ираклію, какъ трофей*).

Представивъ очеркъ трехъ племенъ, составляющихъ главное населеніе Тіонетскаго округа, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о жителяхъ Тіонетской и Эрцойской долинъ.

Это большею частью коренные грузины, смѣшанные съ переселенцами изъ разныхъ горныхъ обществъ. Заселенныя ими мѣста, по своей обширности и отличному качеству чернозема, даютъ имъ средства исключительно заниматься хлѣбопашествомъ. Барановъ имѣютъ немногіе, а болѣе зажиточные держатъ довольно большія стада свиней, находящихъ изобильный кормъ въ сплошныхъ лѣсахъ, покрывающихъ всѣ окрестныя горы. Кромѣ того, многіе имѣютъ въ Кахетіи виноградники; но плохо обрабатываемые, они даютъ вино низшаго сорта, обыкновенно истребляемое самими хозяевами, большими охотниками покутить. Въ образѣ жизни, вѣрѣ и нравахъ этихъ поселянъ нѣтъ особенно рѣзкой разницы отъ коренныхъ грузинъ и только близкое сосѣдство Пшавіи

*) Подробностями быта Тушинъ я обязанъ г. Ивану Циткарову, получившему образованіе въ Тифлиской гимназіи.

и Хевсуріи, да постоянныя сношенія и родственныя связи съ этими племенами были поводомъ, что сюда вкрались нѣкоторые изъ ихъ обычаевъ. Главныя капища Лашарисъ-джвари, Тамаръ-дедопали и Хахматисъ-джвари, пользуются полнымъ уваженіемъ; къ нимъ ѣздятъ на поклоненіе, приносятъ жертвы, съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ смотрятъ на фиглярство деканозовъ и въ особенности кадаговъ, умѣющихъ всегда извлечь пользу изъ легковѣрнаго народа. (Я встрѣчалъ даже грузинокъ, старухъ, очень искусно разыгрывающихъ эту роль).

Въ окрестностяхъ Тіонетъ есть нѣколько развалинъ, къ которымъ въ извѣстные дни собираются жители на богомолье, для исполненія своихъ обѣтовъ, произносимыхъ во время болѣзней и въ другихъ случаяхъ, и, главное, чтобы попировать. Здѣсь нѣкоторые обходятъ кругомъ развалинъ, другіе лежатъ распростершись ницъ у входа; иные обматываютъ все строеніе нитками, навѣшиваютъ лоскутки тряпокъ, или зажигаютъ небольшія восковыя свѣчки. Однако, несмотря на всѣ эти полуязыческія затѣи, они вообще набожны, часто посѣщаютъ сельскую церковь и довольно строго соблюдаютъ обряды православной вѣры.

Въ числѣ обычаевъ, обратившихъ на себя мое вниманіе по своей оригинальности, упомяну слѣдующіе: весной, когда начинается запашка полей, каждымъ плугомъ, влекомымъ восемью (и болѣе) парами буйволовъ, проводятъ одну борозду *вскачъ;* достигнуть этого очень трудно: такое тяжелое неповоротливое животное, какъ буйволъ, заставить поскакать съ плугомъ кажется почти невозможнымъ; но погонщики, сидя на ярмахъ, начинаютъ кричать, бить животныхъ длинными хлыстами и доведутъ-таки до того, что весь длинный цугъ пускается въ галопъ. Трудно смотрѣть на эту сцену безъ смѣха. Другой обычай—*пахать дождь.* Въ долгую засуху, толпа дѣвокъ впрягается въ плугъ, втаскиваетъ его въ рѣку Іору, волочитъ по водѣ взадъ и впередъ, послѣ отправляется къ церковной оградѣ, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ, безъ всякаго

вмѣшательства мужчинъ, расходится по домамъ, въ полной надеждѣ на дождь.

Большинство населеній этихъ долинъ зажиточно; хорошіе урожаи хлѣба, обиліе пастбищъ и сѣна, удобный сбытъ всѣхъ произведеній и дровъ, особенно послѣ разработки дороги къ Тифлису, о чемъ я уже разсказывалъ, даютъ всѣ средства для безбѣднаго существованія. Здоровый климатъ, просторъ, отличная вода и быстрая освѣжающая рѣка Іора дѣлаютъ эти мѣста однимъ изъ самыхъ здоровыхъ и пріятныхъ за Кавказомъ. Въ послѣднее время округъ преобразованъ въ Тіонетскій уѣздъ, и Тіонеты нынѣ уѣздный городъ Тифлисской губерніи.

XXII.

Возвращаюсь къ моимъ личнымъ похожденіямъ, послѣ полученнаго отъ тифлисскаго губернатора разрѣшенія объ увольненіи меня по прошенію отъ должности помощника тушино-пшаво-хевсурскаго окружного начальника.

Цѣль моего гонителя Левана Челокаева была достигнута: я уходилъ изъ округа, освобождалъ его отъ непріятнаго присутствія человѣка, стѣснявшаго свободу его дѣйствій, парализовавшаго, такъ сказать, его единовластіе и давалъ ему возможность назначить на мое мѣсто кого нибудь изъ князей, ближайшихъ родственниковъ, не разсуждающихъ, молчаливо довольствующихся синекурой... Казалось, ему на радостяхъ слѣдовало бы уже скорѣе спровадить меня изъ Тіонетъ. Не тутъ-то было: начались придирки по сдачѣ нѣсколькихъ бывшихъ у меня на рукахъ дѣлъ и бумагъ; то не доставало *общей* описи, то опять *частныхъ* описей, то не перенумеровано, то не скрѣплено по листамъ, тутъ не отмѣчено, тамъ не пришито, однимъ словомъ, его кабинетъ-секретарь разыгрывалъ такія варіаціи на тему канцелярскаго крючкотворства, что вся моя нервная система была приведена въ судорожное движеніе. А между тѣмъ, дѣлались и другія разныя мелочныя прижимки, въ родѣ застращиванія

моего Давыда, что если онъ поѣдетъ со мною, то будетъ подверженъ жесточайшимъ гоненіямъ; а чрезъ старшину было приказано не допустить меня до найма арбы для отвоза вещей до Тифлиса... Приходилось уѣхать одному верхомъ, бросить всѣ свои пожитки въ Тіонетахъ и въ Тифлисѣ затѣять жалобу. Я, однако, скрылъ кипѣвшее во мнѣ негодованіе, старался показывать равнодушный видъ и добивался только одного — какъ бы, наконецъ, получить квитанцію, безъ которой нельзя было выѣхать, не рискуя быть вытребованнымъ назадъ... Не помню, сколько дней пытка эта продолжалась; однако, въ одинъ прекрасный день я таки вышелъ изъ канцелярской лачуги съ драгоцѣннымъ документомъ, гласившимъ, что: „всѣ находившіяся у уволеннаго отъ должности помощника *такого-то* дѣла и проч. *на законномъ основаніи* имъ сданы и къ выѣзду его препятствій не имѣется“.

Теперь мои гонители злорадно посматривали, какъ я выѣду... Ожиданія ихъ, однако, не сбылись. Давыдъ объявилъ мнѣ, что поѣдетъ со мною, хоть бы ему грозили Сибирью; пусть-де арестуютъ, тогда, конечно, ужь не уѣду; но за то найду послѣ дорогу къ самому *мтаваръ-мартабели* (намѣстнику) и разскажу все подробно.

Заручившись своимъ вѣрнымъ спутникомъ, я сталъ придумывать, какъ бы достать подводу для вещей. Въ Тіонетахъ я не хотѣлъ подвергать кого-либо изъ жителей неминуемымъ гоненіямъ за ослушаніе отданному приказанію, хотя я зналъ, что было нѣсколько такихъ преданныхъ мнѣ людей, которые не задумались бы исполнить мою просьбу. Я поэтому придумалъ другое средство, котораго Челокаевъ не предвидѣлъ. Въ сумерки Давыдъ незамѣтно выѣхалъ изъ Тіонетъ въ Эрцойскую долину (20 верстъ) съ запиской отъ меня къ тамошнему *нацвалу* (старшинѣ), весьма почтенному старику Пареши Швили, чтобъ онъ тотчасъ, ночью же, прислалъ собственныхъ быковъ съ арбой забрать мои вещи, а между тѣмъ въ Эрцо приготовилъ бы на смѣну другую арбу, чтобъ я могъ безостановочно отправиться дальше; плату я

предоставилъ ему назначить какую онъ самъ захочетъ. Отвѣтственности онъ подвергаться не могъ, такъ какъ приказаніе не давать мнѣ подводы было отдано только въ Тіонетахъ, о чемъ онъ могъ не знать (на самомъ дѣлѣ онъ уже зналъ объ этомъ, какъ и о всѣхъ гоненіяхъ на меня посыпавшихся).

Все сдѣлалось какъ по писанному. Старикъ Пареши Швили, получивъ мою записку, немедленно отравилъ своего сына съ арбой въ Тіонеты, и уже часу въ 7 утра, когда торжествующая мѣстная власть еще почивала, я выѣхалъ верхомъ, конвоируя арбу, по прекрасной, мною же разработанной, живописнѣйшей дорогѣ ущелья Іоры; а въ полдень былъ въ Эрцо, гдѣ Давыдъ ждалъ меня съ готовою арбой и отличнымъ обѣдомъ въ саклѣ почтеннаго, гостепріимнаго нацвала. Арбу отправили мы впередъ, а чрезъ нѣсколько часовъ уѣхали съ Давыдомъ, провожаемые и напутствуемые жителями. На другой день къ вечеру мы были въ Тифлисѣ.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ (около 15-го сентября 1848 года) въ качествѣ уволеннаго отъ службы и ищущаго мѣста чиновника, я очутился въ одномъ изъ крайне непріятныхъ, подавляющихъ положеній, отъ которыхъ не только двадцатичетырехлѣтніе юноши, но и старые опытные люди приходятъ въ уныніе... Въ особенности мнѣ, избалованному такимъ вниманіемъ и отличіями со стороны наивысшихъ властей въ краѣ, положеніе это должно было казаться во сто кратъ невыносимѣе, обиднѣе, чѣмъ всякому другому. Притомъ же скудныя денежныя средства давали мнѣ возможность прожить какихъ нибудь два-три мѣсяца, а затѣмъ явился бы вопросъ, чѣмъ существовать... Ни намѣстника, ни многихъ изъ его приближенныхъ и вообще *сильныхъ* лицъ въ городѣ еще не было; а Потоцкій, какъ объявили мнѣ на его квартирѣ, умеръ отъ изнурительной лихорадки въ Мингреліи, куда онъ уѣхалъ провести лѣто у своего стараго друга, владѣтельнаго князя Дадіана. Это печальное извѣстіе ввергло меня въ оконча-

тельное уныніе: на совѣты и содѣйствіе Потоцкаго я вѣдь главнѣйше разсчитывалъ!

Недѣли двѣ-три я ходилъ совсѣмъ растерявшись, не зная, что̀ начать, какъ вдругъ совершенно неожиданный случай явился моимъ избавителемъ.

Въ числѣ многихъ грузинскихъ князей, состоявшихъ при князѣ Воронцовѣ, былъ и подполковникъ князь Захарій Георгіевичъ Эристовъ, сынъ генерала отъ инфантеріи, сенатора Георгія Евсѣевича Эристова, извѣстнаго всей Грузіи многими своими странными выходками, рѣзкими, не всегда понятными рѣчами, вообще большого оригинала, хотя и очень почтеннаго и заслуженнаго современника Циціанова, Тормасова, Ртищева, Ермолова и Паскевича. Между прочимъ въ персидскую кампанію 1826 года старикъ Эристовъ, подъ начальствомъ Паскевича, командовалъ авангардомъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ и получилъ приказаніе произвести рекогносцировку по направленію къ Тавризу, не удаляясь дальше назначеннаго пункта и избѣгая столкновеній съ непріятелемъ. Вмѣсто того, князь Эристовъ пошелъ съ своимъ авангардомъ безъ остановки и побѣдоносно вступилъ въ персидскую столицу Тавризъ. Говорятъ, Паскевичъ такъ былъ взбѣшенъ, что чуть не отдалъ подъ судъ покорителя Тавриза, лишившаго самого графа случая вплести лишній лавровый листъ въ свой побѣдный вѣнокъ...

Старикъ Эристовъ во всю свою долговременную службу никакъ не могъ выучиться порядочно русскому языку и говорилъ такъ неправильно, такъ коверкалъ слова, что возбуждалъ общій смѣхъ даже между своими князьями. Про него разсказывали слѣдующій анекдотъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ командовалъ Тифлисскимъ егерскимъ полкомъ, не имѣя никакого понятія о фронтовой службѣ и съ трудомъ умѣя произносить нѣсколько нужнѣйшихъ русскихъ фразъ. Полкъ былъ постоянно въ походахъ; до парадовъ, ученій и т. п. цѣлымъ полкомъ никогда не доходило, такъ что Эристова ничто особенно не затрудняло. Однажды ему неизбѣж-

но пришлось выйдти предъ баталіономъ и командовать парадомъ въ присутствіи какого-то генерала. Не зная что̀ и какъ сдѣлать, онъ поручилъ своему адъютанту написать ему на бумажкѣ крупными грузинскими буквами нѣсколько нужныхъ командныхъ словъ и собирался такимъ образомъ разыграть роль знающаго командира. Адъютантъ, молодой проказникъ, изъ грузинскихъ же князей, предъ самымъ выходомъ на плацъ, передалъ князю Эристову бумажку, и тотъ, ставъ предъ фронтомъ, послѣ обычнаго „здорово ребята", незамѣтно заглядывая въ бумажку, громко скомандовалъ: „слушà̀й, хорошо птички пѣ-лй; хорошо распѣвà-лй!" Вмѣсто ожидаемыхъ ружейныхъ пріемовъ, раздался общій дружный хохотъ; сконфуженный командиръ удалился съ плаца; адъютантъ былъ исключенъ изъ полка... Se non e vero e ben trovato.

Сынъ его князь Захарій Георгіевичъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, хорошо владѣлъ русскимъ, отчасти и французскимъ языкомъ, долго жилъ въ Петербургѣ и по возвращеніи въ Тифлисъ продолжалъ образъ жизни болѣе на европейскій, чѣмъ на грузинскій ладъ. Въ извѣстную неудачную экспедицію къ Дарго въ 1845 году онъ былъ тяжело раненъ въ лѣвую руку, владѣть ею не могъ и носилъ въ повязкѣ. Супруга его, княгиня Елена, урожденная Орбельянъ, была не изъ красавицъ, но очень недурна собою и пользовалась какъ я уже и упоминалъ разъ, особымъ расположеніемъ князя намѣстника.

Князь Воронцовъ, само-собою, не могъ оставить безъ особаго вниманія такого, сравнительно съ нѣкоторыми другими, образованнаго князя, какъ Захарій Георгіевичъ, сына старѣйшаго, всѣми почитаемаго генерала, къ тому же на глазахъ Михаила Семеновича тяжело раненаго. Но нужно отдать князю Захарію Эристову полную справедливость, что онъ не только не пользовался столь благопріятными условіями для составленія блестящей карьеры, или большого состоянія, а напротивъ, весьма рѣдко показывался при дворѣ намѣстника, индиферентно относился ко всякимъ придворнымъ и личнымъ

служебнымъ событіямъ, даже съ колкостью и ироніей отзывался о нѣкоторыхъ своихъ соотечественникахъ, бывшихъ тогда въ ходу и сдѣлавшихся вдругъ, какъ онъ говорилъ, экспромптомъ великими полководцами и администраторами. Въ свою очередь онъ не пользовался между своими большою симпатіей и звали его *чудакія*, то-есть чудакъ, по грузинскому произношенію. Кличка во всякомъ случаѣ очень мѣткая, ибо покойникъ былъ дѣйствительно большой чудакъ.

Я никакъ не могу вспомнить, гдѣ и когда встрѣчалъ меня князь Захарій, вѣроятно въ одно изъ представленій главнокомандующему, на которыхъ онъ изрѣдка бывалъ, и какъ зналъ онъ, что я говорю по-грузински, но только проходя какъ-то по Мадатовской площади къ строившемуся тогда новому мосту чрезъ Куру, въ самомъ уныломъ расположеніи духа, я встрѣтилъ его и совершенно неожиданно былъ остановленъ возгласомъ: „а, здравствуйте; слышалъ про ваше путешествіе съ В.; это очень интересно; пожалуйста разскажите хоть въ общихъ чертахъ, гдѣ и какъ вы проходили?“ Я, признаться, не очень былъ расположенъ къ разсказамъ, но предложеніе было сдѣлано какъ-то особенно любезно и я началъ вкратцѣ передавать о командировкѣ В. и проч. „Да что мы стоимъ здѣсь на улицѣ, зайдемте лучше ко мнѣ, если у васъ время есть“, сказалъ онъ, и мы тутъ же завернули въ ворота его дома.

Мой разсказъ исподоволь принималъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры, такъ что не ограничиваясь однимъ путешествіемъ, я коснулся и всей своей службы въ Тіонетскомъ округѣ, отношеній къ Левану Челокаеву и проч. „Однако, сказалъ Эристовъ, долженъ вамъ замѣтить, что вы поступили ужь слышкомъ наивно и опрометчиво, сунувшись съ своею запиской прямо къ главнокомандующему; слѣдовало начать снизу, отъ столоначальника къ начальнику отдѣленія и такъ далѣе, тогда вы никого бы *не обидѣли*, не возбудили бы ни чьей враждебности и все дѣло могло бы принять совсѣмъ другой оборотъ.“ Этого замѣчанія не сдѣлалъ даже

и самъ многоопытный покойникъ Потоцкій. Могло ли мнѣ придти въ голову, что я кого-нибудь *обижаю!..* Съ годами пришлось мнѣ вполнѣ убѣдиться въ вѣрности замѣчанія князя Эристова. Рѣдкое дѣло, начатое не *съ самого низу,* оканчивается успѣшно: самый незамѣтный человѣчекъ подставитъ ножку и весь ходъ, повидимому, благопріятнѣйшій, затормозится...

— Что̀ же вы намѣрены теперь дѣлать? спросилъ князь Захарій.

— Да самъ не знаю; думаю даже на послѣднее средство рѣшиться, поступить юнкеромъ въ полкъ.

— Ну, это едва ли разсчетъ; отказаться отъ двухъ чиновъ и въ 24 года начинаетъ съ нижняго званія, привыкать къ казармѣ и солдатской кашѣ, это не такъ легко. А вотъ, не хотите ли служить въ Джаробѣлоканскомъ округѣ? Начальникомъ всей лезгинской линіи, которому подчиняется и округъ, назначается генералъ-маіоръ Чиляевъ, а вскорѣ и я, кажется, пріѣду туда начальникомъ округа; по крайней мѣрѣ этого желаетъ князь Михаилъ Семеновичъ. Тамъ дѣла идутъ весьма скверно, безпорядки, разбои; тамъ нужнѣе энергическіе, дѣятельные люди, чѣмъ въ Тушинскомъ округѣ, гдѣ *даже* и Леванъ Челокаевъ можетъ управлять.

— Очень благодаренъ вашему сіятельству за лестное предложеніе, но какъ же я могу попасть въ округъ, какую должность могу получить и согласится ли князь на мое назначеніе, послѣ того какъ я противъ его желанія оставилъ Тушинскій округъ?

— Что касается послѣдняго обстоятельства, то не безпокойтесь, возразилъ Эристовъ; я берусь доложить князю, что въ Бѣлоканскомъ округѣ вы будете еще полезнѣе; а на счетъ назначенія сходите завтра же къ генералу Чиляеву; представьтесь ему, скажите, что я васъ прислалъ и, полагаю, онъ приметъ васъ съ удовольствіемъ; а отъ него заверните ко мнѣ разсказать о результатѣ.

Поблагодаривъ князя Эристова за такое вниманіе, я рас-

кланялся и ушелъ. И площадь, и дома, и люди и даже сѣрое небо показались мнѣ въ какомъ-то другомъ, привѣтливомъ видѣ! Часъ тому назадъ, упавшій духомъ, не знавшій, что съ собою предпринять, я нечаянно-негаданно очутился въ положеніи полномъ надеждъ; воображеніе пошло уже разыгрываться.

Я поспѣшилъ на квартиру подѣлиться пріятнымъ извѣстіемъ съ своимъ Давыдомъ, не покинувшимъ меня при отъѣздѣ изъ Тіонетъ, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать другого дня.

Борисъ Гавриловичъ Чиляевъ, командиръ Тифлисскаго егерскаго полка, недавно провзведенный въ генералъ-маіоры, прибылъ въ Тифлисъ, ожидая возвращенія главнокомандующаго и окончательнаго назначенія начальникомъ всей Лезгинской линіи на мѣсто генерала Шварца, переведеннаго въ Георгіевскъ командующимъ 19-ю пѣхотною дивизіей. Генералу Чиляеву я былъ отчасти знакомъ по посѣщенію его въ Царскихъ Колодцахъ, при проѣздѣ въ Закаталы, о чемъ я уже разсказывалъ. Онъ былъ прекрасный, честный человѣкъ, оставившій по себѣ въ Тифлисѣ — гдѣ онъ одно время былъ полицеймейстеромъ—самую лучшую память.

Часовъ въ 11 другого дня я явился къ нему, заставъ у него Михаила Егоровича Чиляева, его племянника, тогда молодого чиновника, недавно окончившаго училище правовѣдѣнія, состоявшаго при намѣстникѣ по особымъ порученіямъ и нѣсколько разъ видѣвшаго меня за обѣдами и на вечерахъ у князя (въ послѣдствіи тайный совѣтникъ, начальникъ Кавказскаго таможеннаго округа, недавно скончавшійся). Послѣ обычной фразы: „честь имѣю представиться вашему превосходительству, губернскій секретарь З.“, Борисъ Гавриловичъ очень любезно вспомнилъ о моемъ посѣщеніи его въ Царскихъ Колодцахъ, прибавивъ, что слышалъ о моемъ путешествіи съ В. и спросилъ, чѣмъ можетъ мнѣ служить. Я объяснилъ, что являюсь по предложенію князя Захарія Эристова и съ просьбой дать мнѣ назначеніе въ Бѣлоканскомъ

округѣ.—„Я пока еще не оффиціальный начальникъ линіи и потому назначеній самъ дѣлать не могу, но съ удовольствіемъ доложу князю Василію Осиповичу Бебутову (тогда начальнику всего гражданскаго за Кавказомъ управленія) и буду просить, чтобы васъ назначили приставомъ въ Элисуйское владѣніе, гдѣ, какъ мнѣ извѣстно, теперь вакансія. Тамъ разбои и всякіе безпорядки такъ усилились, что требуются самыя энергическія мѣры. Если вы думаете что можете взять на себя эту обязанность, сопряженную отчасти съ опасностями, то подайте мнѣ докладную записку, я представлю начальству". Я поблагодарилъ за лестное предложеніе, обѣщалъ употребить все возможное чтобъ оправдать назначеніе и прибавилъ, что отъ опасностей не бѣгаю. Михаилъ Егоровичъ что-то замолвилъ при этомъ случаѣ въ мою пользу и за тѣмъ я откланялся, поспѣшилъ къ князю Эристову, чтобы передеть ему результатъ представленія моего Чиляеву. Онъ былъ очень доволенъ, что начатое имъ дѣло сладится, много говорилъ о своихъ предположеніяхъ по управленію округовъ, давалъ мнѣ различныя наставленія, уже даже въ формѣ приказаній и пр.

На слѣдующій день представилъ я генералу Чиляеву докладную записку и сталъ ожидать своего назначенія.

Такъ вотъ куда судьба меня бросала! съ крайняго лѣваго, на крайній правый флангъ лезгинской линіи; изъ относительно мирнаго, мало обращавшаго на себя вниманіе властей угла въ край взволнованный измѣной Даніель-бека и въ теченіе четырехъ лѣтъ обратившійся въ новый театръ военныхъ дѣйствій. Совершавшіяся здѣсь происшестія тѣмъ болѣе обращали на себя вниманіе, что происходили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Грузіей, съ одной, и съ мусульманскими провинціями Шемахинской губерніи съ другой стороны; да и были они большею частью не шуточныя. Такъ, въ 1847 году, бѣжавшій султанъ съ значительною партіей горцевъ напалъ на Кахъ, мѣстопребываніе Элисуйскаго пристара, захватилъ бывшаго въ этой должности чиновника Мелешко со всѣмъ

его штатомъ и тутъ же казнилъ его; все разграбилъ, собралъ съ жителей большую контрибуцію и безнаказанно отступилъ въ горы. Очевидно, что мнѣ предстояли не малыя опасности; но я тогда о нихъ меньше всего думалъ, или даже напротивъ, въ предвидѣніи ихъ еще болѣе былъ доволенъ предстоявшимъ назначеніемъ; воображеніе рисовало мнѣ тревоги, стрѣльбу, рѣзню, удовлетвореніе обуявшихъ меня воинственныхъ инстинктовъ, однимъ словомъ ту дикую, чисто кавказскую поэзію, которая до шестидесятыхъ годовъ составляла какую-то манію для большинства молодежи, попадавшей туда на службу. Воспѣвали эту поэзію и Марлинскій, и Лермонтовъ, и графъ Л. Толстой, представившій замѣчательно вѣрные типы этого направленія въ своихъ талантливыхъ разсказахъ (см. *Набѣгъ, Рубка Лѣса).*

Мое назначеніе не долго заставило себя ожидать. Князь Бебутовъ, по ходатайству генерала Чиляева, утвердилъ меня въ должности элисуйскаго пристава; дали знать объ этомъ въ Закаталы, снабдили меня подорожной и прогонами и приказали отправляться. Возвратившемуся между тѣмъ въ Тифлисъ намѣстнику было объ этомъ тоже доложено, и вѣроятно благодаря вмѣшательству князя Эристова, князь Михаилъ Семеновичъ не только не выразилъ какого-либо неудовольствія, но когда я представлялся по случаю выѣзда, принялъ меня очень ласково, выразилъ увѣренность, что я и на новомъ мѣстѣ съ такою же пользой буду служить и что онъ надѣется будущимъ лѣтомъ увидѣться съ мною въ Элису. Впрочемъ, въ этомъ разъ никакого приглашенія къ обѣду или на обыкновенный танцовальный вечеръ, по понедѣльникамъ, я не получилъ,—чего я не могъ не принять за знакъ уменьшившагося расположенія ко мнѣ.

Откланивался я и князю Бебутову, который весьма любезно меня принялъ и выразилъ надежду, что я вѣроятно въ Элису выучусь и татарскому языку.

Получивъ отъ генерала Чиляева и князя Эристова еще разъ подробныя наставленія и требованія писать имъ, еслибы

я до ихъ прибытія въ округъ нашелъ что-нибудь особенно важное или интересное, я въ двадцатыхъ числахъ ноября 1848 года, съ неизмѣннымъ своимъ Давыдомъ, взгромоздился на перекладную телѣгу со всѣми своими пожитками и выѣхалъ изъ Тифлиса по знакомой уже почтовой дорогѣ въ крѣпость Закаталы. Къ большому удовольствію моему, засталъ я тамъ еще Д. И. Гродскаго, у котораго и остановился.

XXIII.

Генерала Шварца я уже не засталъ въ Закаталахъ, и на Лезгинской линіи было нѣчто въ родѣ междуцарствія; всѣ частные начальники продолжали исправлять свои должности и въ ожиданіи предстоящихъ перемѣнъ ограничивались самою пассивною дѣятельностью, то-есть канцелярскою отпиской. Должность окружнаго начальника исправлялъ подполковникъ Печковскій (въ послѣдствіи по дѣлу объ истязаніи донского урядника разжалованный въ солдаты), ожидавшій тогда со дня на день и смѣны, и суда. Мнѣ пришлось однако къ нему явиться. Встрѣтилъ онъ меня съ какимъ-то печальнымъ добродушіемъ, объявилъ, что получилъ бумагу о моемъ назначеніи, разспрашивалъ о тифлисскихъ новостяхъ, о времени пріѣзда новаго начальства и т. п. Затѣмъ просилъ приходить къ нему во всякое время безъ церемоніи обѣдать, ужинать, „мы-де люди простые и живемъ по старому кавказскому обычаю. Спѣшить вамъ въ Кахъ не зачѣмъ, прибавилъ онъ; ничего тамъ теперь особеннаго нѣтъ, горы занесены снѣгомъ, нападеній не предвидится; а между тѣмъ пробудете здѣсь нѣсколько дней, соберете кой-какія свѣдѣнія, и я въ этомъ отношеніи, какъ здѣшій старожилъ, къ вашимъ услугамъ“.

Я воспользовался этимъ приглашеніемъ, остался въ Закаталахъ дней пять и по нѣскольку разъ заходилъ къ Печковскому, гдѣ въ кругу его простого безцеремоннаго семейства время проходило весьма пріятно. На мои вопросы объ

Элису и предстоящихъ мнѣ дѣлахъ, онъ давалъ мнѣ самые подробные отвѣты и наставленія, главная суть коихъ заключалась въ необходимости соблюдать величайшую во всѣхъ отношеніяхъ осторожность. Съ мая до октября, даже ноября, могутъ прорываться такія значительныя непріятельскія партіи, что просто открыто нападутъ, какъ уже было весной 1847 года, когда захватили пристава Мелешко. Послѣ этого случая, впрочемъ, вблизи Каха построено хорошее укрѣпленіе и тамъ расположена рота линейнаго батальона; туда на лѣто можно и совсѣмъ переселиться съ канцеляріей; но нужно же разъѣзжать и оставаться ночевать въ аулахъ, слѣдовательно опасности избѣжать нельзя. Но больше еще нужно опасаться не этихъ непріятельскихъ нападеній, а мелкихъ шаекъ „качаговъ“ (бѣглецовъ, отъ татарскаго слова качты— бѣжалъ), наводнившихъ весь Бѣлоканскій округъ и особенно Элисуйское владѣніе; дерзость ихъ дошла до крайности; онѣ держатъ въ страхѣ и повиновеніи все народонаселеніе; обираютъ, рѣжутъ и уводятъ въ плѣнъ, особенно армянъ и другихъ заѣзжихъ торговцевъ; никакія наши мѣры не помогаютъ, и какимъ способомъ, когда можетъ это прекратиться, неизвѣстно. Кромѣ того, сами жители, татары, народъ лукавый, предательскій, довѣрять никому изъ нихъ нельзя; любой можетъ васъ выдать какой-нибудь шайкѣ если не изъ корысти, то изъ мести за неудовлетвореніе его просьбы, за рѣшеніе не въ его пользу дѣла или за наказаніе по вашему распоряженію, наконецъ, изъ ненависти вообще къ русскимъ, изъ желанія отличиться, да и бѣжать послѣ того въ горы къ султану. Имѣйте и то въ виду, продолжалъ Печковскій, что это народъ хитрый до тонкости, будетъ унижаться предъ вами, льстить, низкопоклонничать, но постоянно держать камень за спиной; не удастся подвести васъ гдѣ-нибудь подъ засаду *качагамъ* или подвергнуть нападенію на ночлегѣ, начнутъ кляузничать, доносы посылать начальству, взводить на васъ небывалыя злоупотребленія по службѣ, наконецъ, подобьютъ

цѣлое общество къ коллективной жалобѣ и просьбѣ избавить ихъ отъ такого пристава.

На вопросъ мой что это за „качаги“, о которыхъ я столько еще въ Тифлисѣ наслышался, Печковскій объяснилъ, что это бѣглецы, абреки, разбойники изъ своихъ же здѣшнихъ жителей, имѣющіе вездѣ знакомыхъ и родныхъ, знающіе всѣ тропинки, всѣ мѣстныя обстоятельства и потому такъ успѣшно дѣйствующіе. Войсками противъ нихъ ничего нельзя сдѣлать, они шляются шайками отъ 5 до 15—25 человѣкъ, скрываясь въ лѣсахъ, садахъ, иногда въ самыхъ аулахъ по домамъ жителей. Да вотъ, заключилъ Печковскій, поѣдете туда, проживете двѣ, три недѣли, безъ сомнѣнія сами все узнаете лучше; повторяю только одно: будьте осторожны и не думайте, что въ Элису вамъ придется имѣть дѣло съ такими же людьми, какъ ваши храбрые добряки пшавы и хевсуры.

Однако, нечего сказать, картину нарисовалъ мнѣ г. Печковскій непривлекательную! И хотя я съ удовольствіемъ предвидѣлъ неизбѣжныя тревоги, нападенія, преслѣдованія и проч., но нѣкоторое сомнѣніе все же вкралось въ мое столь воинственно-самоувѣренно настроенное сердце, и я поспѣшилъ къ Д. И. Гродскому, чтобъ узнать и его мнѣніе. Онъ отдавалъ полную справедливость опытности Печковскаго и его знанію всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, совѣтовалъ принять его наставленія къ руководству, но полагалъ, что въ словахъ его есть нѣкоторая доля преувеличенія, и что онъ въ своемъ печальномъ положеніи слишкомъ мрачно на все смотритъ. Самъ Дмитрій Ивановичъ зналъ объ Элисуйскомъ владѣніи только относящееся чисто къ военной, штабной спеціальности, то-есть назначеніи туда лѣтомъ частей войскъ, которыя, соображаясь съ получаемыми изъ горъ свѣдѣніями, то усиливаются, то переводятся на другіе пункты, вообще безпрерывно двигаются по линіи и, къ сожалѣнію, большею частью безплодно, потому что свѣдѣнія получаются или запоздалыя, или фальшивыя, нападенія непріятель про-

изводитъ неожиданно на пункты неприкрытые войсками, и послѣднія, въ буквальномъ смыслѣ слова, *бѣгаютъ* взадъ и впередъ, не имѣя возможности ни отразить, ни нагнать непріятеля; кавалеріи на линіи весьма мало, да однихъ донцовъ въ лѣсистой пересѣченной мѣстности и пустить въ дѣло было бы слишкомъ рискованно. Пѣхота, не взирая на жаръ, доходящій иногда до 40°—45°, дѣлаетъ нерѣдко въ одинъ день переходы до пятидесяти верстъ, но поспѣть во-время не удается. Отъ Гродскаго же я узналъ, что при приставѣ находятся 15 казаковъ, и что ротному командиру въ укрѣпленіи Кахъ предписано, для преслѣдованія разбойничьихъ шаекъ, давать приставу взводъ въ 35—40 человѣкъ, при офицерѣ.

Наконецъ я собрался уѣзжать. По совѣту Печковскаго, мнѣ слѣдовало ѣхать назадъ на Алазань, переправиться у Муганло и оттуда Нухинскимъ почтовымъ трактомъ до станціи Алмало, которая находилась въ Элисуйскомъ владѣніи и подчинялась приставу; кстати осмотрѣть исправно ли она содержится, нѣтъ ли жалобъ, на лицо ли конвойная казачья и нукерская (милиціонная) команды, обязанныя конвоировать почты и проѣзжающихъ по службѣ, и пр. Всѣ мои вещи были отправлены на татарской арбѣ подъ прикрытіемъ двухъ нукеровъ прямою дорогой по линіи въ Кахъ (верстъ 45), и съ ними же послано одному изъ помощниковъ приказаніе встрѣтить меня у Алмалинской переправы чрезъ Алазань, съ конвоемъ, для слѣдованія въ Кахъ.

Знакомая мнѣ по верхней Кахетіи быстрая, не широкая Алазань здѣсь превратилась уже въ глубокую, широкую, тихо несущую свои мутныя волны рѣку, по которой съ удобствомъ могли бы плавать пароходы. Алмалинская почтовая станція—нѣчто среднее между плохою деревянною хатой и туземною землянкой — оказалась однако въ исправности, лошади были хорошія и въ комплектѣ; казачья команда, дурно помѣщенная, еще сквернѣе кормленная, имѣла печальный видъ и половина людей были въ лихорадкѣ, или только-что избавившись отъ нея, въ изнуренномъ, слабосильномъ состо-

яніи. И не мудрено: при невыносимыхъ жарахъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ, при гадкой алазанской водѣ, они питались плохими сухарями, да сомовиной, водившеюся въ Алазани въ большомъ количествѣ. Сомы достигали баснословныхъ размѣровъ; мнѣ случалось видѣть такихъ, что хорошая лошадь едва могла тащить двухъ навьюченныхъ на нее: длина не менѣе 3—4 арщинъ; рыба эта изъ числа хищныхъ, нѣчто въ родѣ рѣчной акулы, питается и падалью, попадающею нерѣдко въ рѣку; бывали случаи, что сомы нападали на купающихся людей; одному, какъ говорили, даже почти отгрызли ногу; они истребляли во множествѣ дикихъ утокъ и гусей, плавающихъ зимой по рѣкѣ; видъ имѣютъ отвратительный, а вкусъ противный, сладковатый; на Кавказѣ только казаки, преимущественно гребенскіе на Терекѣ, употребляютъ ее въ пищу, называя *лопушинкой*.

Я ночевалъ на станціи, а на другое утро явился ко мнѣ помощникъ, милиціи-поручикъ Гаджи-ага (ни слова по русски не говорившій), съ нимъ словесный переводчикъ, молодой армянинъ Вермишевъ и конвой казаковъ и нукеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли старшины (кевхи) ближайшаго аула Алмало, сказавшіе при этомъ случаѣ длинное привѣтствіе, переданное мнѣ довольно плохимъ русскимъ языкомъ; смыслъ рѣчи былъ обыкновенный въ такихъ случаяхъ: разные комплименты, надежды на милость, наконецъ просьба принять проѣздомъ чрезъ ихъ аулъ скромное угощеніе.

Я поблагодарилъ за поздравленія съ пріѣздомъ, милостей де никакихъ оказывать не въ состояніи, а чтобы намъ не пришлось ссориться, я ихъ прошу исполнять немедленно и въ точности мои распоряженія; отъ хлѣба-соли же, понятно, не откажусь.

Затѣмъ, переправившись на паромѣ чрезъ Алазань, мы сѣли на коней и чрезъ полчаса пріѣхали въ Алмало, огромный, богатый аулъ, съ населеніемъ около трехъ тысячъ душъ.

Хотя и въ Тифлисѣ, и въ первый пріѣздъ въ Закаталы, я достаточно насмотрѣлся на татаръ и слышалъ ихъ рѣчь, но

теперь, очутившись вдругъ лицомъ къ лицу съ цѣлою толпой этихъ смуглыхъ, почти оливковаго цвѣта лицъ, съ крашеными рыжими бородами, вслушиваясь въ совершенно непонятный мнѣ говоръ, я съ особымъ интересомъ сталъ вглядываться и въ физіономіи, костюмы, манеры, и въ общій видъ аула, и въ женщинъ, полустыдливо выглядывавшихъ изъ-за дверей и угловъ саклей, не удержавшихся отъ любопытства взглянуть на *теза моуравы* (новый приставъ), да еще такого молодого. Вездѣ и во всемъ замѣчались особенности; никакого малѣйшаго сходства съ горцами; въ костюмѣ, лошадиной сѣдловкѣ и оружіи нѣкоторое сходство съ грузинами. Устройство саклей напоминало Кахетію; врыты онѣ въ землю, что̀ спасаетъ отъ жаровъ; замѣтно было гораздо бо̀льшее благосостояніе, чѣмъ у грузинъ. Угощенье было для меня новостью; главную роль играли пловы, то съ барашкомъ, то съ фазанами, съ курами, съ черносливомъ, разные шашлыки (кебабъ), кислое молоко съ чеснокомъ, медъ, сладкія печенія и проч. Предъ обѣдомъ обносили кувшины съ теплою водой, тазы и полотенца для мытья рукъ, — обычай очень хорошій, ибо всѣ и все ѣдятъ руками; послѣ обѣда опять тоже полоскались рты и мылись обмаранные жиромъ пальцы.—Сидѣть поджавъ ноги, ѣсть руками и нѣкоторыя тому подобныя мелочи были мнѣ давно не новостью, и потому я очутился не совсѣмъ въ неловкомъ положеніи новичка, что̀ обыкновенно вызываетъ въ азіятцахъ пренебрежительную иронію; но незнаніе языка, послѣ того какъ я привыкъ въ Тіонетахъ быть между туземцами, какъ свой, показалось мнѣ такъ стѣснительнымъ и щекотливымъ, что я тутъ же твердо положилъ приняться за изученіе татарскаго языка, который, какъ я уже зналъ, во всемъ азіятскомъ мірѣ такъ же распространенъ, какъ въ Европѣ французскій.

На тридцативерстномъ разстояніи отъ Алмало до Каха пришлось проѣхать еще чрезъ два аула энгилойцевъ; *) также

*) Новообращенныхъ. т. е. изъ Грузинъ-христіанъ въ мусульманство. Кажется впослѣдствіи часть ихъ опять возвратится въ христіанство; вѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ, вѣроятно, не имѣю.

встрѣчали меня старшины съ привѣтствіями и приглашеніями обѣдать, но я отказывался и въ сумерки, наконецъ, пріѣхалъ въ свою резиденцію Кахъ, большой аулъ, со смѣшаннымъ населеніемъ: часть татаръ, часть энгилойцевъ: близь дома, занятаго управленіемъ пристава, базаръ, большая площадь, кругомъ застроенная каменными лавками, въ которыхъ почти исключительно торговали армяне, преимущественно изъ Нахичевани; они снабжали жителей всякими мануфактурными и красными товарами, а сами обмѣнивали и закупали шелкъ-сырецъ, главный мѣстный продуктъ, который съ большими барышами сбывался чрезъ Тифлисъ въ Москву.

Домъ оказался двухъ-этажный, построенный на полуевропейскій ладъ. Внизу помѣщались канцелярія, переводчикъ и писецъ; наверху я. Большой дворъ съ землянками для разсыльныхъ и казаковъ, съ конюшнями и какою-то каморкой для арестантовъ, примыкалъ къ большому саду, въ коемъ преобладали старыя тутовыя (шелковичныя) деревья: по срединѣ двора стояло огромное тѣнистое дерево, подъ нимъ нѣсколько скамеекъ, и тутъ весь день толпились разсыльные, жалобщики, просители, или просто праздные любопытные, въ надеждѣ услышать какую нибудь новость, „хабаръ", до которыхъ восточный человѣкъ такъ падокъ, и бѣжать на базаръ разсказывать съ таинственно важнымъ видомъ и прибавленіями. Подъ этимъ деревомъ производилъ я большею частію разбирательства, судъ и расправу.

Штатъ мой составляли два помощника, одинъ, встрѣчавшій меня въ Алмало, Гаджи-ага и другой, поручикъ Магмудъ-ага, да кромѣ словеснаго еще письменный переводчикъ (мирза), письмоводитель, десять или пятнадцать конныхъ нукеровъ (разсыльныхъ) и команда донскхъ казаковъ.

За изученіе языка я взялся ретиво и самымъ практическимъ, уже разъ оправдавшимся для меня способомъ; успѣхъ былъ такой, даже для меня самого неожиданный, что чрезъ четыре мѣсяца я могъ довольно свободно объясняться, а еще чрезъ три, четыре, я уже говорилъ, какъ истый татаринъ, и

произносилъ цѣлымъ обществамъ грозные спичи. Впрочемъ, языкъ татарскій гораздо легче грузинскаго, и по болѣе простымъ измѣненіямъ словъ при спряженіяхъ и склоненіяхъ, и по выговору. Языкъ очень звучный, мужественный. У грузинъ есть поговорка: „всякій языкъ имѣетъ свое особое назначеніе, а именно: персидскій для сношеній съ важными людьми, татарскій для войны и охоты, грузинскій наединѣ съ хорошенькой женщиной, а армянскій въ неудобныхъ мѣстахъ". Грамота татарская (арабская) за то чрезвычайно трудна и требуетъ долгаго усидчиваго изученія, я дошелъ въ этомъ до умѣнія написать нѣсколько словъ, такъ какъ писаніе вообще легче, чѣмъ чтеніе; на болѣе серьезное занятіе не хватало времени.

Исподоволь перешелъ я отъ своего черкесскаго костюма и оружія къ туземному татарскому; сталъ ходить въ „кошахъ" (полубашмаки навысокихъ каблукахъ), сталъ курить кальянъ вмѣсто коротенькой горской трубочки, однимъ словомъ, не прошло двухъ, трехъ мѣсяцевъ, я былъ уже и здѣсь свой человѣкъ, да въ этотъ разъ все давалось мнѣ гораздо легче, чѣмъ въ началѣ пребыванія въ Тіонетахъ; а при знаніи языка, становится уже дѣломъ не труднымъ и ближайшее ознакомленіе съ бытомъ, характеромъ, наклонностями и взглядами народа; все какъ-то само собою объясняется, и чрезвычайно облегчаетъ исполненіе административныхъ обязанностей.

Въ первое время занятія мои ограничивались главнѣйше выслушиваніемъ и разбирательствомъ нескончаемыхъ жалобъ и просьбъ. Азіятцы вообще, а татары, имеретины и пшавы въ особенности страстные тяжебщики и какъ будто удовольствіе собѣ доставляютъ, шляясь по всѣмъ начальствамъ и судамъ; а ужь какъ гдѣ прибудетъ новый начальникъ, то чуть не все народонаселеніе обязанностью считаетъ перебывать у него и заявить какую-нибудь просьбу. То же было и со мною. Большинство жалобъ оказывалось уже давно разобранными и рѣшенными прежними начальниками, или вовсе неоснователь-

ными и т. п. Разбирательства велись словесныя, нигдѣ не записывались, и потому, понятно, нельзя было провѣрить разбиралась ли принесенная жалоба уже прежде или нѣтъ; а между тѣмъ всякій новый начальникъ какъ-то невольно съ особымъ усердіемъ оказываетъ жителямъ вниманіе и спѣшитъ по ихъ жалобамъ дѣлать нужныя распоряженія; въ большинствѣ случаевъ выдавался просителю на руки письменный по-арабски приказъ къ старшинѣ: „Если-де жалоба справедлива, немедленно удовлетворить, а если явится споръ, то разобрать при посредствѣ двухъ, трехъ *ахсахкаловъ*, то-есть бѣлобородыхъ (почетныхъ стариковъ) и стараться о примиреніи, или выслать всѣхъ со свидѣтелями ко мнѣ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приказъ посылался съ нукеромъ, который долженъ былъ настоять на скорѣйшемъ исполненіи, или командировался одинъ изъ помощниковъ, а въ болѣе важныхъ ѣздилъ я самъ. Въ послѣдствіи, когда часто стали оказываться такія жалобы, которыя уже давно были окончательно разобраны, я объявилъ, что всякій подобный жалобщикъ будетъ строго наказанъ; нѣкоторыхъ и дѣйствительно продержалъ въ кутузкѣ; результатъ вышелъ хорошій.

Между тѣмъя исподоволь объѣхалъ все населеніе, пребывалъ во всѣхъ аулахъ, ознакомился съ мѣстностью, съ направленіемъ дорогъ, съ переправами и пр., такъ что въ январѣ или февралѣ, когда въ Закаталы уже съѣхалось новое начальство, я могъ явиться туда и дать самый подробный отчетъ о состояніи приставства, о мѣрахъ, какія я полагалъ бы полезнымъ принять тамъ для прекращенія хозяйничанья разбойничьихъ шаекъ и т. п.

Борисъ Гавриловичъ Чиляевъ долго со мною толковалъ и исключительно объ этомъ предметѣ, да еще о важности полученія частыхъ и вѣрныхъ свѣдѣній изъ Ириба—мѣстопребываніе бѣжавшаго султана, чтобы своевременно знать о намѣреніяхъ непріятеля. Очевидно было, что новый главный начальникъ посвящаетъ исключительное вниманіе военнымъ дѣламъ. Князь Захарій Эристовъ, напротивъ, когда я раз-

сказалъ ему содержаніе своихъ объясненій съ генераломъ, сталъ выражаться о военныхъ дѣлахъ съ нѣкоторою ироніей, истребленіе разбойниковъ считалъ возможнымъ при хорошихъ административныхъ мѣрахъ, и вообще видно было, что онъ ожидалъ особенно блистательныхъ результатовъ отъ задуманныхъ имъ широкихъ административныхъ реформъ.

Такая дисгармонія въ началѣ новаго управленія не обѣщала ничего хорошаго, что̀ и оказалось весьма скоро на самомъ дѣлѣ. Оба были прекрасные, честные, безкорыстные люди и съ самыми лучшими намѣреніями; но оба не вполнѣ соотвѣтствовали своимъ назначеніямъ, какъ по недостатку опытности, такъ и по неправильности взгляда на дѣла и на свое собственное положеніе. Борисъ Гавриловичъ Чиляевъ, хотя уже человѣкъ не молодой, но только-что произведенный въ генералы, увлекался военно-честолюбивыми мечтами, мнилъ себя въ роли полководца, жаждалъ экспедицій, реляцій и славы; между тѣмъ какъ въ военномъ отношеніи роль его должна была ограничиваться болѣе обороной, охраной линіи и умѣньемъ достигать этого съ небольшимъ количествомъ войскъ, бывшихъ въ его распоряженіи. Князь Захарій Георгіевичъ Эристовъ, хотя и молодой еще человѣкъ, и воспитанникъ Пажескаго корпуса, и въ чинѣ подполковника, георгіевскій кавалеръ, къ тому же такъ тяжело раненый, считалъ, напротивъ, военное дѣло какъ бы ниже своего достоинства, мнилъ себя, по крайней мѣрѣ, генералъ-губернаторомъ, имѣющимъ почти неограниченную власть и самостоятельную миссію лѣпить изъ Бѣлоканскаго округа какія угодно формы и приводить въ исполненіе всякія фантазіи, тогда какъ онъ былъ не болѣе какъ окружный начальникъ (на правахъ уѣзднаго), и находился въ подчиненіи генералу Чиляеву, какъ губернатору.

Въ короткое пребываніе начальникомъ лезгинской линіи, Борису Гавриловичу таки удалось совершить весьма незначительное движеніе въ горы и занять въ обществѣ Дидо аулъ Хупро, который послѣ раззоренія опять нами былъ брошенъ. Объ этомъ была послана прекрасная реляція, выставлявшая,

какъ водится, всѣ тонкости политическихъ и стратегическихъ соображеній, затѣмъ трудности самого подвига, наконецъ благія послѣдствія для края и т. д. Наградой былъ Станиславъ 1-й степени. Ловкіе люди эксплуатировали слабость честнаго генерала, весьма тонко выставляя это движеніе замѣчательнымъ военнымъ подвигомъ, сочинили объ этомъ солдатскую пѣсню, разученную всѣми ротными пѣсенниками; на столѣ у генерала постоянно красовалась подробная карта движенія отряда подъ его командой, съ означеніемъ расположенія баталіоновъ, орудій и пр. Особенно отличался въ этомъ случаѣ тотъ же полковникъ Д, командиръ гренадерскаго полка, который былъ въ дружбѣ съ камердинеромъ князя Воронцова.

Князю же Эристову, въ такое же непродолжительное время управленія округомъ, ничего не удалось сдѣлать. Онъ чрезвычайно напоминалъ того соллогубовскаго героя въ повѣсти *Тарантасъ*, который, пускаясь въ путешествіе по Россіи, съ цѣлью всесторонняго ея описанія, приготовилъ большую тетрадь, очинилъ нѣсколько карандашей и возвратился съ чистой тетрадью. Князь Захарій тоже только чинилъ карандаши... Онъ очень много разглагольствовалъ о своихъ взглядахъ на дѣла предъ нѣсколькими раболѣпными слушателями изъ ближайшихъ подчиненныхъ, держалъ себя весьма самостоятельно и гордо относительно Чиляева (отчасти можетъ быть и потому, что онъ де грузинскій *азнаури*—дворянинъ, а я князь, изъ самыхъ древнихъ), да будучи крайне раздражительнаго характера, постоянно выходилъ изъ себя, ругалъ туземцевъ, не разбирая праваго отъ виноватаго, не стѣсняясь ни положеніемъ ихъ, ни званіемъ, однимъ словомъ былъ человѣкъ и честный, и благороднѣйшихъ правилъ, и не глупый, но до крайности самоувѣренный и взбалмошный.

Итакъ генералъ отпустилъ меня съ наставленіями употребить самыя энергическія мѣры къ истребленію „качаговъ“ и постараться о полученіи изъ горъ вѣрныхъ свѣдѣній о не-

пріятелѣ; а окружной начальникъ рѣшительно приказалъ мнѣ обратить вниманіе на окончаніе старыхъ дѣлъ, приведеніе въ порядокъ канцеляріи и заняться главнѣйше составленіемъ подробнѣйшаго хозяйственно-статистическаго описанія всего бывшаго султанскаго имѣнія, нынѣ составляющаго казенную собственность; обнаружить причины почему имѣнія эти давали Даніель-беку большой доходъ, а казнѣ почти ничего, и изложить мои соображенія, какъ наилучше устроить эти имѣнія на будущее время.

Обоимъ отвѣчалъ я „слушаю-съ", да и готовъ былъ по возможности удовлетворить обѣимъ требованіямъ, хотя, симпатизируя больше военной сторонѣ, предположилъ посвятить ей главнѣйшее вниманіе. Впрочемъ, описаніемъ султанскихъ имѣній я тотчасъ же занялся и, сколько теперь могу вспомнить, преодолѣлъ много затрудненій, представивъ подробнѣйшую записку листахъ на 15—20, обнимавшую весь этотъ сложный предметъ со всѣхъ сторонъ. Говоря въ запискѣ о ничтожности доходовъ послѣ конфискаціи имѣній въ казну, я, помнится, указалъ на ошибочность распоряженій въ этомъ отношеніи генерала Шварца. Къ этому придрался Эристовъ и, вмѣсто ожидаемой мною благодарности за такую капитальную работу, повидимому, такъ его интересовавшую, я при первомъ же свиданіи получилъ одну изъ тѣхъ начальническихъ распеканцій, которыя долго не забываются. „Да какъ вы смѣли, милостивый государь, критиковать распоряженія генерала Шварца? Да вы знаете ли, что генералъ-лейтенантъ есть *третье лицо въ государствѣ?*" и т. д. Все это можетъ показаться даже невѣроятнымъ по своей безсмыслицѣ; но такой взбалмошный человѣкъ уже былъ покойникъ, хотя, какъ уже сказано, въ сущности вовсе не былъ глупъ, кое-что читалъ и даже писать *собирался*. Да, *собирался*. Я самъ видѣлъ у него въ теченіи полутора года на письменномъ столѣ тетрадь бѣлой бумаги съ началомъ какой-то статьи: „Если мы взглянемъ на историческую судьбу всѣхъ государствъ нашего материка, то дол-

жны убѣдиться....“ На этихъ нѣсколькихъ словахъ покойникъ остановился и дальше не пошелъ. Въ разговорѣ, впрочемъ, онъ мнѣ какъ-то высказывалъ свою мысль, что де „всѣ государства имѣютъ свой періодъ величія и переживаютъ его, подвергаясь въ концѣ паденію. Не избѣгнетъ этой участи и Россія. Теперь она на пути къ апогею своего величія, а затѣмъ уже начнется паденіе“,—философствовалъ покойникъ....

XXIV.

Пока перейду къ дальнѣйшему разсказу о моемъ пребываніи въ Элису, постараюсь набросать здѣсь краткій очеркъ этого владѣнія.

Все оно дѣлилось на три полосы: во-первыхъ, плоскость отъ лѣваго берега Алазани до подножія лѣсистаго хребта, тянущагося по всей лезгинской линіи, у коего пролегала большая дорога изъ Закаталъ въ Нуху; во-вторыхъ, предгорія со вдающимися въ главный хребетъ ущельями быстрыхъ рѣчекъ, прорѣзывающихъ плоскость, впадая въ Алазань, и въ-третьихъ, часть, лежащая на той, сѣверной, сторонѣ хребта, по верховьямъ рѣки Самура, впадающей въ Каспійское море; эта часть называлась „Горный Магалъ“. На плоскости преобладающее населеніе были татары (мугалы) и энгилойцы—нѣкогда грузины, обращенные въ магометанство; по-арабски „инги“ новый, то-есть вновь обращенный, отъ этого происходитъ названіе „ингилойцы“, или, какъ у насъ принято было писать, энгилойцы. Въ предгорныхъ аулахъ и въ Горномъ Магалѣ по Самуру жили исключительно лезгины. Первые говорили чистымъ татарскимъ языкомъ (адербиджанское нарѣчіе, тюркскаго корня), вторые — испорченнымъ грузинскимъ, третьи—собственнымъ нарѣчіемъ — калпахскимъ, но татарскій языкъ доминировалъ и всѣ его знали. Населеніе—мусульмане сунни, и, за исключеніемъ ингилойцевъ, фанатически усердные.

Плоскость и предгорія составляли богатѣйшую, щедро награжденную природой часть края. Пшеница, рисъ, шелкъ, виноградъ, всѣхъ родовъ фрукты родятся въ изобиліи безъ особаго труда, благодаря жаркому климату, при обиліи воды. Главнѣйшій продуктъ сельскаго хозяйства рисъ и шелкъ.

Въ обвитыхъ плющемъ и дикимъ виноградомъ лѣсахъ, густою полосой тянущихся параллельно Алазани, водились стадами дикія козы, кабаны, лисы и въ огромномъ количествѣ шакалы; фазаны, перепелки, дикія курочки, большіе голуби сотнями вспархивали изъ колючихъ кустарниковъ и густыхъ бурьяновъ; въ предгорныхъ лѣсахъ водились во множествѣ куницы-желтобрюшки, олени и медвѣди. По Самуру же, гдѣ каменистая почва и совершенно горный характеръ природы были малоудобны для хлѣбопашества, жители водили въ большихъ размѣрахъ стада овецъ, которыхъ на зиму перегоняли на южный свлонъ хребта и за Алазань, въ Самухскія степи, не знающія зимы и извѣстныя своими пастбищами.

Близь аула Элису былъ большой ключъ горячей щелочной воды.

Таковы были естественныя богатства этого владѣнія, которое въ другихъ рукахъ и при другихъ условіяхъ могло бы быть обѣтованною страной, а между тѣмъ въ мое время было театромъ разбоевъ и всякаго безпокойства. Историческія свѣдѣнія, какія мнѣ удалось собрать, не были обширны; они заключались въ томъ, что при нашествіи мусульманскаго полчища во время калифовъ въ этотъ край, населенный грузинами, они, при содѣйствіи горцевъ, пользовавшихся случаемъ грабить, были покорены и обращены въ исламизмъ; затѣмъ между ними поселились выходцы изъ ближайшихъ мусульманскихъ областей и часть лезгинъ, и изъ этого составилось отдѣльное владѣніе, отданное одному изъ знатнѣйшихъ арабскихъ предводителей, съ званіемъ наслѣдственнаго султана. Названіе Или-су (многоводіе) дано ему или потому, что главный аулъ носилъ уже это названіе, или вообще по-

тому, что въ этой мѣстности такъ много источниковъ, рѣчекъ и родниковъ.

Управленіе султановъ было чисто восточное, деспотическое, съ правомъ смертной казни, къ которой, впрочемъ, прибѣгали рѣдко, особенно послѣдній султанъ, Даніель-бекъ; но отсѣченіе рукъ, носовъ, выкалываніе глазъ, отрѣзаніе языка—практиковались довольно часто. Бо̀льшая часть лучшихъ земель принадлежала султану и бекамъ (дворянамъ), и меньшинство ауловъ жили на собственныхъ земляхъ; жившіе на владѣльческихъ были обложены оброками, разными повинностями и работами, а собственники должны были выставлять извѣстное число конныхъ нукеровъ къ султанскому двору и, въ случаѣ надобности, милицію. Султанъ разбиралъ жалобы, безапелляціонно рѣшалъ всѣ дѣла и споры, налагалъ взысканія, сбиралъ въ свою пользу штрафы, составлявшіе крупный доходъ. Такая самостоятельная власть, въ теченіе долгихъ лѣтъ, большое богатство и родство съ самыми знатными домами въ Дагестанѣ — аварскими и казикумукскими ханами, пріобрѣли Элисуйскому дому почетное положеніе между горцами и вообще между населеніемъ Закавказья, усиливавшееся еще и потому, что за преданность русскому правительству султаны, особенно послѣдній, получали щедрыя награды, ордена, генеральскіе чины и пр. Для насъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, такое положеніе этого владѣнія было какъ нельзя болѣе выгодно. Благодаря сильному вліянію султана, ни религіозный фанатизмъ, принявшій такіе широкіе размѣры въ рукахъ Кази-Муллы и Шамиля, ни національная враждебность мусульманъ къ грузинамъ и ихъ покровителямъ русскимъ, не проникали не только въ Элисуйское владѣніе, но даже и въ сосѣднія части Закатальскаго округа и даже Нухинскаго уѣзда; по крайней мѣрѣ, никакими явными признаками они не обнаруживались. Спокойствіе, не взирая на весьма ограниченное число войскъ въ этой мѣстности, не нарушалось, и гражданское управленіе могло разсчитывать на постепенное развитіе. Но печальныя

событія 1844 года, о которыхъ я уже разсказывалъ выше, разомъ опрокинули все это положеніе дѣлъ. Гордый аристократъ, самостоятельный владѣтель, русскій генералъ Даніель-бекъ изъ-за какихъ-то мелочныхъ неудовольствій съ начальствомъ долженъ былъ бѣжать къ презираемому имъ и считаемому горскимъ байгушомъ, т. е. нищимъ, Шамилю и за особую милость считать званіе его *наиба* надъ нѣсколькими нищими лезгинскими аулами; изъ преданнаго слуги русскому государству онъ превратился въ его заклятаго врага; спокойствіе и даже благосостояніе обширной страны были потрясены.

Да, мы таки достаточно порадѣли въ пользу Мюридизма и не мало дѣлали, чтобы продлить борьбу на многіе десятки лѣтъ. Въ 1840 году довели до возстанія Чечню и она передалась бездомному бѣглецу, разбитому въ Дагестанѣ. Тогда Шамиль, повидимому, безнадежно потерявшій власть и значеніе, вдругъ превратился въ грознаго повелителя всѣхъ воинственныхъ племенъ, а мы, не уразумѣвъ всей серьозности положенія дѣлъ, съ какою-то апатичною бездѣятельностью довели до катастрофы 1843 года, когда горцы взяли у насъ одиннадцать укрѣпленій, истребили ихъ гарнизоны, пріобрѣли огромные запасы артиллеріи, снарядовъ, и, главное, небывалое до того нравственное преобладаніе надъ нами. Въ 1844 году, въ то самое время, когда цѣлая тридцатитысячная армія наша, подъ начальствомъ двухъ корпусныхъ командировъ, не рѣшалась атаковать Шамиля съ его пятнадцати-тысячною толпой, дерзко вызывавшаго насъ на бой (на Буртунаѣ), вдругъ бунтуетъ элисуйскій султанъ, переходитъ къ непріятелю и если не фактически, то нравственно подчиняетъ ему половину лезгинской линіи отъ Бѣлоканъ до Нухи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Грузіей и Тифлисомъ... Какое торжество для Шамиля, для мирюдизма! Какое ликованіе въ мусульманскомъ мірѣ!

Болѣе подробное изложеніе всѣхъ этихъ событій, съ ихъ печальными послѣдствіями, не входитъ въ рамку моихъ личныхъ воспоминаній, и потому возвращаюсь къ прерванному

разсказу о положеніи Элисуйскаго владѣнія, въ какомъ я засталъ его въ концѣ 1848 года.

Первое время послѣ погрома, Даніель-бекъ очутился въ безвыходномъ положеніи. Лишенный богатства, значенія, очутившійся въ необходимости вести болѣе чѣмъ скромную жизнь въ суровой горной мѣстности, униженный высокомѣрными пріемами Шамиля и презрительнымъ обхожденіемъ его приближенныхъ, которыхъ онъ, аристократъ, еще недавно считалъ недостойными предстать предъ свои высокія очи, Даніель-бекъ, очевидно, былъ такъ подавленъ, что предался полной апатіи и отчаянію. Человѣкъ небольшого ума, онъ не могъ вдругъ уяснить себѣ подробно своего положенія и опредѣлить наиболѣе подходящій планъ дѣйствій. Это и было причиной, что въ первое время послѣ его бѣгства особенно дурныхъ послѣдствій на правомъ флангѣ лезгинской линіи и въ Элису не оказывалось. Съ нашей стороны ограничились введеніемъ русской администраціи, то есть назначеніемъ пристава, да собираніемъ доходовъ съ имѣній султана и нѣсколькихъ бѣжавшихъ съ нимъ бековъ, и затѣмъ считали дѣло „подлежащимъ сдачѣ въ архивъ". И хорошо, что такъ случилось, а то въ 1845 году, когда для извѣстной экспедиціи къ Дарго была отвлечена значительная часть войскъ, и даже генералъ Шварцъ съ остатками свободныхъ батальоновъ былъ выдвинутъ за хребетъ къ верховьямъ Аварскаго Койсу, обнаженная отъ военныхъ прикрытій плоскость между Закаталами и Нухой могла представить султану весьма удобное поле дѣйствія и надѣлать намъ не мало трудно исправимыхъ бѣдъ.

Между тѣмъ султанъ, посредствомъ щедрыхъ приношеній, частью изъ захваченныхъ съ собою суммъ, частью изъ доставлявшихся тайкомъ пожертвованій элисуйскихъ приверженцевъ, успѣлъ пріобрѣсти уже нѣкоторое расположеніе и довѣріе Шамиля, получилъ въ управленіе нѣсколько горскихъ обществъ, сосѣднихъ съ Горнымъ Магаломъ по р. Самуру, и, какъ бы проснувшись отъ своей апатіи, сталъ про-

являть свою дѣятельность. Прежде всего онъ возобновилъ свое вліяніе на Горный Магалъ, совершенно изолировалъ его отъ насъ, такъ что эта часть только считалась намъ покорною, а въ сущности она всецѣло была въ рукахъ непріятеля; ни приставъ и никто вообще изъ русскихъ туда не смѣлъ показываться, — для этого потребовалось бы самостоятельное военное прикрытіе. Посредствомъ жителей этого Магала и нѣсколькихъ бѣжавшихъ съ нимъ элисуйцевъ, Даніель-бекъ вошелъ въ дѣятельныя сношенія со всѣмъ своимъ владѣніемъ и исподволь возобновилъ тамъ свое полное вліяніе. Чего не сдѣлало въ этомъ случаѣ обаяніе прежней безграничной власти, страхъ жестокихъ наказаній посредствомъ приверженцевъ, возбужденный муллами религіозный фанатизмъ и обычная ненависть къ русскимъ, то довершила наша безпечность, наша близорукая бездѣятельность, привычка опираться исключительно на могущество штыковъ, и то уже въ послѣднюю, такъ-сказать, минуту; а отчасти и неизбѣжныя злоупотребленія.

Въ 1847 году Элисуйское владѣніе очутилось въ такомъ положеніи, что султанъ считался какъ бы отсутствующимъ хозяиномъ, но распоряжался, и приказанія его, для приличія прикрытыя таинственностью, исполнялись немедленно и гораздо охотнѣе и исправнѣе нашихъ распоряженій. Налагаемыя имъ подъ всѣми возможными видами контрибуціи доставлялись ему обильно и исправно, и изъ нихъ значительная часть пополняла бѣдную казну Шамиля, весьма нуждавшуюся въ средствахъ для борьбы съ нами.

Жителямъ, конечно, пришлось жутко; они очутились между двухъ огней, хотя врожденная способность азіятцевъ къ *политичности* выручала ихъ, и они весьма тонко лавировали: склоняясь болѣе для виду предъ нами, они держали и сердца, и карманы, открытыми противной сторонѣ.

Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, послужившихъ султану чтобы держать въ рукахъ нетолько свое бывшее владѣніе, но и сосѣднія части округа, было учрежденіе „могаджиръ“, то-есть людей посвятившихъ себя исключитель-

но молитвамъ, посту, воздержанію и войнѣ съ невѣрными. *Могаджиръ* отрекался отъ дома, семьи, всего мірского, посвящалъ всего себя исключительно служенію вѣры, требовавшей главнѣйше борьбы и истребленія гяуровъ.

Прикрытые такими религіозными цѣлями, могаджиры оказались самыми подходящими людьми, и султанъ, присоединивъ къ нѣсколькимъ горцамъ-могаджирамъ находившихся при немъ бѣглыхъ элисуйцевъ, образовалъ первый кадръ, отправившійся для дѣйствій на плоскость. Главой этой шайки былъ нѣкто Богарчи, имя сдѣлавшееся въ послѣдствіи чуть не всеобщимъ пугаломъ и пріобрѣтшее громкую извѣстность во всемъ краѣ, не исключая Тифлиса и самыхъ высшихъ начальствующихъ сферъ. Въ Элисуйскомъ владѣніи этимъ шайкамъ безъ труда удалось пріютиться, пріобрѣсти друзей и покровителей; за тѣмъ произвести нѣсколько удачныхъ захватовъ въ плѣнъ зажиточныхъ людей, нѣсколько грабежей и вынужденныхъ страхомъ денежныхъ сборовъ, такъ что молва о такомъ заманчивомъ, выгодномъ, да еще и почетномъ ремеслѣ *могаджира* разнеслась быстро и вызвала рѣшительный наплывъ охотниковъ. Изъ всѣхъ ауловъ десятками бѣжали менѣе зажиточные люди, кадры увеличивались ежедневно, разбивались на шайки отъ 10 до 15—25 человѣкъ и въ весьма короткое время наводнили Элисуйское владѣніе, весь сосѣдній Энисельскій участокъ, окружающій крѣпость Закаталы, проникли въ восточную часть Нухинскаго уѣзда, и пошла работа! Явилась сила, окончательно оспаривавшая у насъ власть; наши требованія, наши угрозы населеніе стало, наконецъ, просто игнорировать, ссылаясь на могаджировъ и требуя, чтобы *мы* ихъ защитили отъ окончательнаго разоренія. Дороги стали просто безпроѣздными; дошло до того, что отъ крѣпости Закаталы до переправы чрезъ Алазань, 25 верстъ, большою почтовою дорогой, пришлось сообщаться только одинъ разъ въ недѣлю, подъ прикрытіемъ роты солдатъ, сотни казаковъ и пушки. Тогда только мы открыли глаза. *Качаги*, то-есть бѣглецы (такъ называли мы эти шайки), сдѣлались словомъ не схо-

дившимъ съ устъ и высшаго и низшаго начальства, и большинства населенія Закавказскаго края. Явились массы циркуляровъ, приказовъ, распоряженій, но результатъ былъ тотъ что, какъ объяснилъ мнѣ г-нъ Печковскій, „качаги“ держали въ рукахъ все населеніе, никакія мѣры къ ихъ истребленію не помогали, и когда, какимъ образомъ съ ними удастся справиться, неизвѣстно. Кромѣ этого могаджирскаго навожденія, достигшаго такихъ размѣровъ, какихъ Даніельбекъ вѣроятно и самъ въ началѣ не ожидалъ, стали спускаться съ горъ значительныя непріятельскія партіи для открытыхъ нападеній, возвращавшіяся если не всегда съ большимъ успѣхомъ, то почти всегда безнаказанно. Я уже упоминалъ объ одномъ такомъ нападеніи въ 1847 году, когда султанъ захватилъ и казнилъ пристава Мелешко, лично похозяйничалъ въ своемъ Кахскомъ домѣ, собралъ большую сумму денегъ, показался народу во всеоружіи грозной силы и ушелъ. На насъ, не защитившихъ ни жителей, ни даже своего пристава, какія же послѣ того могли быть надежды? Такъ, и не безъ основанія, разсуждало населеніе.

Съ тѣхъ поръ на Лезгинскую линію стали высылать нѣсколько лишнихъ батальоновъ, страна и ея управленіе приняли преимущественно военный характеръ и все это продолжалось тринадцать лѣтъ, вплоть до 1859 года, когда на Гунибѣ плѣнный Шамиль пропѣлъ лебединую пѣснь полуковѣковой борьбѣ кавказскихъ горцевъ съ Русскою Имперіей.

XXV.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда я попалъ въ Элису. Понятно, что я считалъ главнѣйшею заботой истребленіе шаекъ *качаговъ;* но какъ это сдѣлать, я совершенно недоумѣвалъ. Одно было мнѣ вполнѣ ясно, что если бы населеніе, не лукавя, захотѣло искренно намъ содѣйствовать, то въ весьма короткое время можно было бы достигнуть пол-

нѣйшаго результата. На всѣ мои рѣчи и угрозы *кевхи* и *ахсахкалы* (старшины) отмалчивались, или смиренно покорными овцами возражали, что они бы съ величайшимъ удовольствіемъ, но силъ у нихъ на это не хватаетъ, что шайка въ 15—20 вооруженныхъ отчаянныхъ головорѣзовъ нагоняетъ такой страхъ на нихъ, мирныхъ людей, что они рады, когда удается спасти свои головы; что всякую ночь каждый боится быть сожженнымъ и ограбленнымъ и т. п. „У васъ же, прибавляли они, и солдаты, и казаки въ рукахъ, вы можете ловить и казнить ихъ".—Ну, хорошо; давайте же мнѣ, по крайней мѣрѣ, своевременно знать объ ихъ появленіи, указывайте гдѣ они скрываются, наводите меня на ихъ слѣды, наблюдайте за подозрительными людьми въ аулахъ, дающими пріютъ качагамъ, назовите ихъ, они будутъ наказаны, выселены. „*Бали-ага*, *бали-ага* (то есть слушаю-съ господинъ, слушаю-съ), это справедливо; это мы готовы всегда исполнить; только вѣдь эти качаги хитрые, они такъ внезапно приходятъ и уходятъ, такъ ловко скрываются въ густыхъ лѣсахъ, что мы никогда не можемъ во̀-время что нибудь узнать". Вотъ и толкуйте съ этимъ народомъ!

Пробовалъ я дѣлать засады по дорогамъ въ лѣсахъ, выѣзжалъ ночью изъ Каха по одному направленію, сворачивалъ вдругъ въ противоположную сторону, чтобы замаскировать свое движеніе, просиживалъ цѣлыя ночи, нерѣдко пѣшкомъ отправлялся за 15—20 верстъ, чтобы топотомъ конскимъ не обратить на себя вниманія, прибѣгалъ ко всѣмъ возможнымъ хитростямъ — ничто не удавалось.

Одинъ разъ, помню, просидѣвъ напрасно ночь въ засадѣ, я, когда разсвѣло, приказалъ собрать бывшихъ со мною людей, и пустился по дорогѣ къ ближайшему аулу, чтобы тамъ дождаться своихъ лошадей, оставленныхъ въ нѣсколькихъ верстахъ въ сторонѣ. Не успѣли мы пройдти съ полверсты, какъ *отъ аула*, изъ-за рѣдколѣсья, показалась партія качаговъ, беззаботно подвигавшаяся къ намъ на встрѣчу. Я тотчасъ остановился, мигнулъ людямъ скрыться за деревьями,

и, вполнѣ увѣренный, что въ этотъ разъ молодцы не уйдутъ отъ нашихъ рукъ, съ нервнымъ напряженіемъ сталъ ожидать... Вдругъ раздался собачій лай, качаги на минутку пріостановились, снявъ съ плечъ ружья, и стали забирать въ сторону отъ дороги. Одинъ изъ солдатъ не выдержалъ: раздался выстрѣлъ, затѣмъ еще нѣсколько, всѣ съ гикомъ кинулись за качагами, но ихъ и слѣдъ простылъ! Мы больше часу шарили по окружному лѣсу, нашли оброненную разбойниками сумку съ провизіей; только что испеченный еще теплый хлѣбъ, свѣжій сыръ и прочее ясно показывали, что они прямо изъ аула вышли, гдѣ вѣроятно и ночевали.

Жители, услыхавъ выстрѣлы, выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Когда я имъ указалъ на свѣжую провизію, они очевидно смутились, клялись и увѣряли, что никого не подозрѣваютъ въ пріемѣ къ себѣ качаговъ; опустивъ головы, выслушали мои безсильно озлобленные крики и угрозы, поторопились зарѣзать барана и угостить бывшую со мною команду; затѣмъ я сѣлъ на коня и уѣхалъ, не солоно хлебавши.

Въ донесеніи объ этомъ случаѣ окружному начальнику я добавилъ, что полагаю полезнымъ прибѣгнуть къ слѣдующимъ двумъ мѣрамъ: вопервыхъ, остающіяся на жительствѣ въ аулахъ семейства качаговъ выселить куда-либо подальше, хотя въ Ставропольскую губернію, предоставивъ имъ забрать свое движимое имущество, а дома ихъ и сады истребить для большей внушительности и примѣра; во-вторыхъ, чтобъ распоряженіе бывшаго главноуправляющаго Кавказомъ генерала Нейдгарта о томъ, чтобы за всякій грабежъ и нападеніе отвѣчало все общество того аула, на землѣ коего происшествіе случилось, было стройжайше и тотчасъ приводимо въ исполненіе. Отъ этихъ двухъ мѣръ, хотя далеко не гуманныхъ и еще менѣе юридически справедливыхъ, но оправдываемыхъ исключительными обстоятельствами, можно было ожидать хорошихъ результатовъ; нужно было только, разъ принявъ ихъ, приводить въ исполненіе со всею жестокою безпощадностью и, главное, безъ проволочекъ и колебаній.

Князь Эристовъ, помнится, отвѣчалъ мнѣ, что хотя онъ не отвергаетъ дѣйствительности предлагаемыхъ мною мѣръ, но находитъ, что въ обоихъ случаяхъ нужно прежде *формальными слѣдствіями* обнаружить виновность семействъ качаговъ или общества, а впрочемъ, въ видѣ исключительнаго примѣра, можно будетъ какое-нибудь семейство болѣе извѣстнаго качага и выслать изъ края. Отвергать законность такого отвѣта, конечно, никто не станетъ, но это не соотвѣтствовало исключительному положенію дѣла, а формальныя слѣдствія въ тѣ времена вообще, и въ мусульманскомъ краѣ въ особенности, никогда почти ничьей вины доказать не могли; ложныя показанія и одобрительные повальные обыски подъ присягой въ пользу своего единовѣрца считались заслугой, не говоря о томъ, что обвинительное показаніе угрожало местью и презрѣніемъ. Да въ подобныхъ случаяхъ и отъ не-мусульманъ едвали можно было ожидать правдивыхъ показаній, а судъ, основывавшій свои рѣшенія на письменныхъ доказательствахъ, не имѣлъ бы никакого основанія обвинить кого бы то ни было. Такимъ образомъ выходила бы полумѣра, что̀ гораздо хуже ничего-недѣланія. Впослѣдствіи, впрочемъ, нѣсколько семействъ изъ Элисуйскаго приставства и Энисельскаго участка, кажется, были куда-то высланы, но результата особеннаго это не оказало, потому что выселеніе было примѣнено какъ-то разрозненно, безъ системы, не имѣло общаго характера, не было оглашено и оставалось неизвѣстно массѣ населенія. Взысканія же съ общества за случавшіеся на ихъ землѣ грабежи, сколько мнѣ помнится, ни разу не осуществились, хотя возбуждались слѣдствія и безконечныя переписки. Вообще, къ числу административныхъ промаховъ, въ коихъ само собою недостатка не было, слѣдуетъ отнести массы издававшихся постановленій и не меньшее число весьма горячихъ угрозъ, никогда не приводившихся въ исполненіе.... Это, очевидно, подрывало довѣріе къ словамъ и къ значенію нашей администраціи. „Всуе законы писать, если ихъ не исполнять“. Это изреченіе Петра Вели-

каго особенно слѣдуетъ имѣть въ виду въ покоряемыхъ азіятскихъ странахъ, съ прибавленіемъ: никогда не грозить, не рѣшившись привести угрозу въ дѣйствительное исполненіе...

Я уже упоминалъ, что жители горныхъ ауловъ перегоняли свои стада на зиму для пастьбы въ за-Алазанскія степи. Эти мѣста, называемыя по-татарски *кышлагъ* (зимовники, отъ *кышъ*—зима), лежащія между Алазанью и Курой, образуютъ Самухскую степь. Лѣтомъ, выжженная, безводная, необитаемая, она въ теченіе пяти-шести зимнихъ мѣсяцевъ оживляется, мелкая трава зеленѣетъ, появляются солоноватыя озерки и кое-гдѣ родники.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1849 года поѣхалъ я туда; день былъ жаркій, такъ что пришлось снимать чухи; около полудня стада овецъ, столпились въ кучку, пряча другъ подъ друга головы. Общій видъ безжизненной пустыни. На этихъ степяхъ водятся въ большомъ количествѣ *джейраны* (сайги), родъ дикой серны; бѣгъ ихъ бытрѣе всѣхъ другихъ животныхъ этой породы; охота за ними весьма трудная и рѣдко бываетъ успѣшна. Мы однако на всякій случай взяли съ собою нѣсколько борзыхъ и приготовились поохотиться. Какъ только завидѣли мы стадо штукъ въ двадцать пасущихся джейрановъ, тотчасъ остановились и, какъ бывалые охотники, распорядились разставить по два, по три человѣка цѣпью въ разстояніи около двухъ, трехъ верстъ другъ отъ друга; собакъ всадники взяли *къ себѣ на сѣдла;* остальные люди поѣхали стороной въ обходъ стада; затѣмъ, отъѣхавъ нѣсколько верстъ, они обогнули лощину, на которой паслись джейраны, разсыпались и стали приближаться къ звѣрю. Почуявъ опасность, джейраны навострили уши; предводитель, большой рогатый козелъ, вышелъ впередъ, остальные скучились и вдругъ стрѣлой понеслись назадъ. Самые лучшіе изъ нашихъ скакуновъ, а ихъ было не мало, на разстояніи какихъ-нибудь двухъ верстъ уже далеко отставали, и преслѣдованіе продолжалось слѣдующею парой

всадниковъ, пока джейраны наконецъ тоже начали уставать, останавливаться, дѣлать отчаянные прыжки. Нѣкоторые изъ всадниковъ на скаку стрѣляли изъ винтовокъ, другіе сбрасывали съ сѣделъ визжавшихъ отъ нетерпѣнія борзыхъ, а тѣ, перекувыркнувшись, пускались за видимо уже уменьшившими бѣгъ животными, и только такимъ образомъ, на разстояніи не менѣе 15--20 верстъ сумасбродной скачки, по изрытой лисьими норами степи, въ теченіе почти цѣлаго дня мы успѣли убить четыре штуки. Это считалось такимъ успѣхомъ, что всѣ беки, страстные охотники, были удивлены, и поздравляли меня какъ съ блистательною побѣдой. По ихъ разсказамъ, Даніель-бекъ тоже нерѣдко здѣсь охотился, собиралъ до полутораста человѣкъ на лучшихъ коняхъ и оставался очень доволенъ, если удавалось убить двухъ джейрановъ. Мясо ихъ вкусно, напоминаетъ дикую козу, шерсть золотисто-рыжеватая, вся фигура очень изящная, легкая, а глаза большіе, черные—прекрасны и полны какого-то умоляющаго выраженія...

Ночь послѣ охоты была довольно прохладная; на темносинемъ небѣ ярко блистали звѣзды. Послѣ роскошнаго ужина изъ плова съ молодымъ барашкомъ, джейранихъ шашлыковъ и овечьяго кислаго молока, мы расположились подъ открытымъ небомъ на буркахъ, положивъ головы на сумки и сѣдла. Усталыя лошади лежали, по временамъ какъ бы тяжело вздыхая; овцы кругомъ въ дремотѣ жевали, скрипя зубами; собаки изрѣдка завывали, вѣрно почуявъ лису или волка; большой костеръ сухого бурьяну трещалъ, то покрывая дымомъ, то освѣщая красноватымъ пламенемъ окрестность. Одинъ изъ татаръ, поджавъ ноги, звучнымъ тенoромъ распѣвалъ персидскія мелодіи, переходя отъ громкаго вопля къ тихому бурчанію, отъ безконечной, дребезжащей трели къ протяжному гортанному звуку и оканчивая какимъ-то отрывистымъ пичикато, при которомъ самъ пѣвецъ и большинство слушателей невольно начинаютъ въ тактъ двигать плечами и головами... Кто не слышалъ этого своеобразнаго,

страстнаго восточнаго пѣнія, кто не вникъ, не втянулся въ его особенный музыкальный смыслъ, тому трудно передать производимое имъ впечатлѣніе—не то нѣги, не то грусти, и подчасъ какого-то удалаго, нервнаго захватыванія... Въ тѣ годы я восторгался этимъ пѣніемъ, не менѣе какъ и другими оригинальностями азіятской жизни, и нерѣдко самъ силился воспроизводить эти своеобразные мотивы, до сихъ поръ даже еще не совсѣмъ забытые мною.

Подъ звуки пѣнія, я, не взирая на сильное утомленіе, долго не засыпалъ и мысли мои быстро носились отъ одного предмета къ другому, отъ однихъ воспоминаній къ другимъ. Не прошло девяти мѣсяцевъ, какъ я также не спалъ подъ кровлей кистина въ Майсти, гдѣ и свобода и жизнь мои были легкомысленно поставлены въ зависимость отъ воли дикарей! Тамъ природа поражала угрюмостью громадныхъ скалъ, ревомъ горнаго потока; здѣсь наводила уныніе безплодною, однообразно-скучною степью; тамъ пѣснь горца выражала какую-то дикую отвагу или вой, напоминающій смерть; здѣсь татаринъ заливался звуками страсти, нѣги, жизненныхъ наслажденій!... Да, едва ли многимъ изъ русскихъ на Кавказѣ выпадало на долю испытать такія рѣзко различныя ощущенія; и теперь, не взирая на тридцать протекшихъ съ тѣхъ поръ лѣтъ, онѣ такъ рельефно еще сохранились въ моей ослабѣвающей уже памяти, что я многія сцены какъ бы вижу предъ собою, какъ бы вновь ихъ переживаю...

XXVI.

Къ концу апрѣля сдѣлалось извѣстнымъ,что князь намѣстникъ въ маѣ прибудетъ въ Закаталы, и по линіи, чрезъ Кахъ, проѣдетъ въ Нуху и далѣе по Шемахинской губерніи. Всѣ обычныя въ такихъ случаяхъ распоряженія были сдѣланы заблаговременно. Я приготовилъ блестящій конвой, пригласивъ для этого почти всѣхъ бековъ съ ихъ нукерами и старшинъ изъ ауловъ; собралось человѣкъ до двухсотъ на

отличныхъ лошадяхъ, въ богатомъ оружіи, и мы выѣхали на границу Элисуйскаго владѣнія съ Энисельскимъ участкомъ. Погода была великолѣпная, вся окрестность была покрыта роскошною зеленью.

Около 11 часовъ показался поѣздъ изъ нѣсколькихъ экипажей, окруженный многочисленнымъ конвоемъ казаковъ, милиціи и почетныхъ жителей. Въ первомъ экипажѣ сидѣлъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ съ генераломъ Чиляевымъ. Подъѣхавъ къ намъ и принявъ отъ меня съ любезною улыбкой рапортъ о „благополучіи", князь обратился къ жителямъ, что радъ-де ихъ видѣть и надѣется, что при новомъ начальствѣ дѣла пойдутъ у нихъ лучше и спокойнѣе. Я поспѣшилъ имъ перевести эти слова по-татарски, на что̀ и послѣдовалъ общій возгласъ „*Сагъ-олъ, Аллахъ сагласынъ*" (благодаримъ, да сохранитъ тебя Богъ) и т. п. привѣтствія. Князь что-то спросилъ у Чиляева и обратился ко мнѣ: „Я слышу, любезный З., что ты успѣлъ въ это короткое время уже выучиться по-татарски? Ну, спасибо тебѣ, что не теряешь напрасно времени... Представьте себѣ, Борисъ Гавриловичъ, продолжалъ князь, между тушинами выучился по-грузински, здѣсь въ нѣсколько мѣсяцевъ по-татарски,—удивительная способность. Еслибы намъ побольше такихъ молодыхъ людей, управленіе много бы выиграло."—Генералъ Чиляевъ, подтвердивъ это, прибавилъ: „Еще удивительнѣе, ваше сіятельство, что вѣдь мало того въ короткое время новому языку выучился, но и выговоръ по-грузински и по-татарски такъ усвоилъ, что рѣшительно нельзя и подумать русскій ли это говоритъ; чистымъ татариномъ произноситъ всѣ слова." Князь еще благосклоннѣе улыбнулся и спросилъ у меня: „А что̀ ты все еще гражданскій чиновникъ?"—„Точно такъ, ваше сіятельство, губернскій секретарь". Михаилъ Семеновичъ сталъ что-то въ полголоса говорить съ Чиляевымъ, а я отъѣхалъ къ своимъ бекамъ, съ которыми между тѣмъ, выйдя изъ тарантаса, что-то бесѣдовалъ князь Илико Орбельянъ, постоянно сопровождавшій главнокомандующаго во всѣхъ по-

ѣздкахъ. Онъ поздоровался со мною, удивился тоже, что я успѣлъ уже по-татарски „насобачиться“ и пошелъ къ экипажу князя. Между тѣмъ перепрягли лошадей; намѣстникъ поблагодарилъ провожавшихъ его отъ Закаталъ жителей, и поѣздъ тронулся къ Каху. Здѣсь ожидали собранные мною жители ближайшихъ ауловъ, муллы, всѣ торгующіе армяне, толпа большая. Князь Воронцовъ, чрезъ князя Илико поговоривъ съ ними о шелководствѣ, о рисовыхъ плантаціяхъ, о качагахъ, приказывалъ имъ содѣйствовать во всемъ начальству, для ихъ же собственнаго блага, не доводить до строгихъ мѣръ и т. п. Отвѣты были обыкновенные, стереотипные, въ родѣ тѣхъ, которые и мнѣ давались.

Тотчасъ за Кахомъ приходилось переѣзжать въ бродъ рѣчку Курмукъ-Чай, бывшую въ полномъ разливѣ,—а извѣстно что такое горная рѣка въ разливѣ; бѣшеный потокъ могъ легко опрокинуть экипажъ, особенно при изрытомъ большими камнями и карчамя днѣ, и потому я распорядился выставить до сотни людей, ставшихъ плотною массой противъ теченія и поддерживавшихъ экипажи; самъ я верхомъ простоялъ въ водѣ, пока всѣ тарантасы проѣхали. Князь одарилъ рабочихъ серебрянными монетами и поблагодарилъ меня, примолвивъ: „И конь у тебя славный, да и ѣздокъ ты смѣлый“. Всѣ эти признаки любезнаго вниманія князя, понятно, дѣйствовали на меня самымъ радостнымъ образомъ и оживляли мои ослабѣвшія было надежды на повышеніе, на карьеру; я потому и вспоминаю объ нихъ теперь, хотя посторонній человѣкъ можетъ сдѣлать невыгодное для меня заключеніе о мелочномъ моемъ тщеславіи; но не должно же забывать, что это было тридцать лѣтъ тому назадъ, что какому-нибудь двадцатичетырехлѣтнему губернскому секретарю, приставу, видѣть особое вниманіе къ себѣ намѣстника кавказскаго, полновластнаго властителя судебъ огромнаго края, человѣка, отъ котораго зависѣли всѣ военные и гражданскіе, большіе и малые люди,—не могло казаться мелочью... Да и въ настоящее время многіе ли, очутившись въ подобномъ положе-

ніи, равнодушно отнесутся къ вниманію своего высшаго начальства? Идеализація сама по себѣ, а жизнь, со свойственными всему человѣчеству слабостями и эгоистическими интересами, сама по себѣ...

Верстахъ въ десяти отъ Каха, у огромнаго аула Беляджикъ, была граница Нухинскаго уѣзда Шемахинской губерніи. Здѣсь поѣздъ остановился; князь вышелъ изъ экипажа и былъ встрѣченъ шемахинскимъ военнымъ губернаторомъ генералъ-маіоромъ, барономъ А. Е. Врангелемъ, уѣзднымъ начальникомъ и прочими мѣстными властями уѣзда и тысячною толпой жителей. Послѣ обычныхъ привѣтствій, общихъ разспросовъ и пр., князь поблагодарилъ и обнялъ генерала Чиляева, сказалъ привѣтствіе всѣмъ провожавшимъ его изъ Закатальскаго округа, затѣмъ обратился и ко мнѣ: „ну, любезный З., я тобою очень доволенъ и за татарскій языкъ, и за твою службу вообще, о которой и Борисъ Гавриловичъ отзывается весьма лестно; надѣюсь, что ты будешь такъ же продолжать.“ При этомъ подалъ мнѣ руку и, обратясь къ барону Врангелю, сказалъ: „позвольте вамъ представить, баронъ Александръ Евстафьевичъ, вашего сосѣда по управленію; замѣчательный лингвистъ и вообще молодецъ“. На что послѣдовало весьма любезное рукопожатіе барона, и это было мое первое знакомство съ этимъ стройнымъ, красивымъ, честнымъ и симпатичнымъ типомъ шведскаго рыцаря, при которомъ пришлось мнѣ въ послѣдствіи долго прослужить, уже при совершенно другихъ условіяхъ, на противоположныхъ концахъ обширнаго Кавказа. Но объ этомъ разсказъ еще впереди.

Когда князь уже сѣлъ въ экипажъ съ барономъ Врангелемъ и поѣздъ готовъ былъ тронуться, подбѣжалъ ко мнѣ князь Илико Орбельянъ и по-грузински наскоро сообщилъ мнѣ, что я или уже представленъ, или буду представленъ къ переименованію въ военные офицеры, что теперь князь, вспомнивъ объ этомъ, поручилъ ему доложить обо мнѣ по возвращеніи въ Тифлисъ. Кромѣ того, Илико по приказанію

князя разспрашивалъ жителей, не имѣютъ ли какого-нибудь неудовольствія на меня; отзывъ былъ вообще хорошій, только нѣкоторые жаловались, что *моуравъ* (приставъ) „слишкомъ ужъ горячій“. „Я такъ и передалъ князю“, заключилъ милѣйшій Илико Орбельянъ, обнялся со мною и побѣжалъ къ экипажу.

Поѣздъ при кликахъ *сагъ-олъ, сагъ-олъ!* выстрѣлахъ и гарцованіи тронулся къ Нухѣ, а мы поворотили назадъ. Въ Кахѣ генералъ Чиляевъ у меня пообѣдалъ, поговорилъ о дѣлахъ, особенно о неизбѣжныхъ „качагахъ“ и уѣхалъ въ Закаталы; я пустился его конвоировать съ большинствомъ тѣхъ же бековъ, но въ трехъ-четырехъ верстахъ за ауломъ онъ насъ поблагодарилъ и, оставивъ себѣ только казачью сотню съ милиціонерами, отпустилъ насъ домой.

Такъ кончился и этотъ памятный мнѣ проѣздъ князя Воронцова, наполнившій меня блаженнымъ ожиданіемъ эполетъ и каски съ бѣлымъ султаномъ...

Первые дни меня просто какъ-то подмывало отъ удовольствія, все мнѣ казалось улыбающимся; я былъ счастливъ, какъ бываютъ только юноши!..

Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ ко мнѣ въ Кахъ адъютантъ главнокомандующаго полковникъ Ростиславъ Владиміровичъ Давыдовъ съ письмомъ отъ генерала Чиляева, чтобъ я доставилъ ему всѣ средства къ самому безопасному и скорому переѣзду въ укрѣпленіе Ахты на Самурѣ. Я счелъ за лучшее самъ проводить г. Давыдова и кстати побывать въ новыхъ мѣстахъ. Онъ очень этому обрадовался, прожилъ у меня сутки и затѣмъ, взявъ съ собою шесть казаковъ и десять человѣкъ нукеровъ, мы выѣхали чрезъ Шинское ущелье по разрабатывавшейся тогда военно-ахтинской дорогѣ.

Изъ большой деревни Нухинскаго уѣзда Гойнюкъ, дорога тянулась вверхъ по скалистому берегу рѣки Шинъ. Взорванныя порохомъ скалы, огромные сдвинутые съ мѣстъ камни, укрѣпленные берега быстраго потока показывали какихъ

трудовъ стоили эти сооруженія. Въ одномъ мѣстѣ намъ показали обрывистую осыпь, гдѣ весной 1846 года, послѣ проливнаго дождя, Шинъ бурнымъ теченіемъ внезапно захватилъ часть дороги и унесъ офицера (Тифлисскаго егерьскаго полка подпоручикъ Захъ) и 15 солдатъ, погибшихъ въ грязныхъ волнахъ.

При началѣ подъема на гору Салаватъ былъ построенъ небольшой редутъ, въ которомъ гарнизонъ состоялъ изъ небольшой команды съ офицеромъ. Мы здѣсь переночевали и на другой день перевалились чрезъ хребетъ въ аулъ Борчъ, гдѣ тогда былъ расположенъ весь рабочій отрядъ изъ двухъ, кажется, баталіоновъ. Отсюда пришлось совершить намъ еще второй трудный перевалъ чрезъ высокую гору Цейланъ-ханъ, съ которой мы съ большими трудностями, по глубокому рыхлому снѣгу (въ маѣ) спустились въ ущелье Самура, къ аулу Рутулъ. Старшина Абу-Муслимъ принялъ насъ весьма радушно и, указывая на свой разоренный домъ, разсказалъ о нашествіи на него Шамиля въ сентябрѣ 1848 года, предъ знаменитою блокадою укрѣпленія Ахты, куда онъ проходилъ чрезъ Рутулъ.

На ночлегъ мы помѣстились съ Д. въ одной небольшой саклѣ и я имѣлъ случай въ первый разъ видѣть какъ великосвѣтскіе франты совершаютъ свой туалетъ: разложивъ несчетное число щеточекъ, напильничковъ, ножичковъ, ножницъ, банокъ, коробочекъ и пр., мой спутникъ часа два самымъ серіознымъ образомъ занимался отдѣлкой ногтей, причесываніемъ головы, усовъ и т. д. Эти операціи за туалетомъ со стороны военнаго офицера, въ походѣ, казались мнѣ весьма смѣшны. А между тѣмъ онъ хвасталъ мнѣ, что будто князь послалъ его что-то осмотрѣть, вникнуть, сообразить и т. д. Мои сомнѣнія въ истинѣ его словъ, впрочемъ, оправдались: онъ просто, какъ и многіе изъ свиты главнокомандующаго ѣхалъ въ Дагестанъ *для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ*, то-есть для полученія наградъ.

На слѣдующій день довольно рано пріѣхали мы въ Ахты.

Слѣдовъ грозной осады, выдержанной укрѣпленіемъ восемь мѣсяцевъ предъ тѣмъ, уже почти не было. Все было подправлено, подбѣлено; жители окрестныхъ ауловъ опять подчинились окружному начальнику, жившему въ укрѣпленіи и память о катастрофѣ сохранилась лишь въ небольшой части уцѣлѣвшаго гарнизона. Укрѣпленіе Ахты расположено на правомъ берегу рѣки Самура, на ровномъ мѣстѣ; въ полуверстѣ отъ него огромный аулъ Ахта, тянувшійся до подножія хребта, по обоимъ сторамъ укрѣпленія небольшія покатыя возвышенности. Смотря на эту мѣстность, крайне неудобную при защитѣ крѣпости, приходилось убѣждаться, что малочисленный гарнизонъ выказалъ дѣйствительное геройство, боровшись шестнадцать дней противъ шеститысячной толпы горцевъ, бросавшихся нѣсколько разъ съ отчаяннымъ остервенѣніемъ на приступъ и раза два успѣвавшихъ уже ворваться внутрь укрѣпленія. Весь гарнизонъ, считая деньщиковъ и даже нѣсколько женщинъ, едва ли заключалъ въ себѣ болѣе 500 человѣкъ. Самурскимъ окружнымъ начальникомъ, онъ же и комендантъ, былъ полковникъ Ѳедоръ Филипповичъ Ротъ (въ послѣдствіи всѣмъ извѣстный тифлисскій комендантъ), но раненый въ началѣ осады, сдалъ команду выбранному всѣми офицерами капитану Ширванскаго пѣхотнаго полка Новоселову, бывшему саперу. Этотъ и выдержалъ все время отчаяннаго положенія, показавъ себя героемъ. Онъ былъ за это произведенъ покойнымъ государемъ прямо изъ капитановъ въ подполковники, получилъ Георгіевскій крестъ и отправленъ въ Петербургъ для представленія его величеству. Государь обласкалъ его и назначилъ плацъ-майоромъ въ Царское Село. Одинъ изъ офицеровъ гарнизона, поручикъ Иванъ Бучкіевъ, грузинъ, благодаря знанію татарскаго языка и своей азіятской физіономіи, перерядившись, успѣлъ пробраться между осаждавшими и далъ знать о положеніи гарнизона командовавшему войсками въ Дагестанѣ князю Аргутинскому-Долгорукову, который съ собранными наскоро войсками въ нѣсколько форсированныхъ,

чисто суворовскихъ маршей достигъ Самура. Шамиль поспѣшилъ снять осаду и отступить, а аріерградъ его, настигнутый войсками, потерпѣлъ сильное пораженіе *). Съ донесеніемъ объ этихъ событіяхъ былъ посланъ состоявшій при князѣ Аргутинскомъ генеральнаго штаба поручикъ Исаковъ (нынѣ генералъ-адъютантъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній). Князь Аргутинскій былъ назначенъ тогда генералъ-адъютантомъ, а Исаковъ-флигель-адъютантомъ, Бучкіевъ получилъ Георгіевскій крестъ и слѣдующій чинъ. Въ числѣ женщинъ находившихся въ укрѣпленіи и оказывавшихъ полное самоотверженіе, ходившихъ за ранеными, помогавшихъ въ работахъ, была и дочь Рота, впослѣдствіи жена сапера Беннета, тоже бывшаго въ гарнизонѣ. Самъ Ротъ произведенъ въ генералы.

Вообще эта осада выходила изъ ряда обыкновенныхъ военныхъ происшествій на Кавказѣ, надѣлала много шуму и послужила матеріаломъ для театральнаго представленія *осада Ахты,* дававшагося нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, на Маріинскомъ театрѣ-циркѣ, съ танцами, стрѣльбой изъ пушекъ, примѣрными штурмами и пр., къ большому удовольствію публики, настроенной въ то время (послѣ Венгерской кампаніи) самымъ воинственнымъ образомъ; самъ императоръ Николай Павловичъ нѣсколько разъ бывалъ на этихъ преставленіяхъ. Видѣлъ и я эту піесу въ началѣ пятидесятаго года, бывъ въ Петербургѣ; меня чрезвычайно забавляло, что фантазія автора выставила Шамиля какимъ-то восточнымъ владыкой въ родѣ Гаруна Аль-Рашида, окруженнаго раболѣпнымъ дворомъ, евнухами, пляшущими баядерками и пр. Ни капли смысла, ни тѣни правдоподобія во всей піесѣ не было; но

*) Онъ могъ бы потерпѣть совершенное пораженіе, если бы отрядъ, работавшій шинскую дорогу перевалилъ чрезъ горы въ тылъ ему. Но начальникъ этого отряда инженеръ генералъ-майоръ Бюрно не двинулся. Преданный суду, онъ былъ отставленъ отъ службы за трусость, хотя нѣкоторые увѣряли, что это была просто интрига противъ князя Аргутинскаго съ цѣлью не дать ему разбить непріятеля и увеличить свою, и безъ того уже возбуждавшую зависть славу...

восторгъ публики, особенно при появленіи роты солдатъ съ пѣсенниками и плясунами, да конныхъ орудій, выскакивавшихъ на сцену, былъ большой, кричали *браво*, *фора* и даже *ура*.

По пріѣздѣ въ укрѣпленіе, мы съ Д—мъ отправились прямо къ окружному начальнику полковнику Шульцу, недавно сюда назначенному изъ командировъ линейнаго казачьяго полка и носившему еще казачій черкескій костюмъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, Д—въ представилъ меня какъ элисуйскаго пристава, и Шульцъ, принявъ меня по костюму за азіятца, обратился ко мнѣ съ словами: „Ви изъ Элисуйска, бекъ?“ Я съ большимъ трудомъ могъ скрыть улыбку при его нѣмецко-русской рѣчи и огорошилъ его прямо нѣмецкимъ отвѣтомъ, что я де русскій чиновникъ, а по фамиліи нѣмецъ. Шульцъ выразилъ крайнее изумленіе и затѣмъ, подойдя къ двери сосѣдней комнаты, закричалъ: Lischen *), kom nur schnell, du sollst was merkwürdiges sehen!“ Показалась Mme Шульцъ, типъ бѣлокурой, розовощекой нѣмки и съ нею такая же сестра ея. Пошли удивленія, аханья, объясненія. Обѣ дамы обрадовались, какъ будто встрѣтили родного, онѣ ни слова не знали по русски и, за отсутствіемъ въ Ахты знатоковъ нѣмецкаго языка, ихъ общество ограничивались единственно самимъ Шульцомъ. Послѣ обѣда, я, несмотря на самыя настойчивыя приглашенія остаться до слѣдующаго дня, распрощался, торопясь возвратиться въ Кахъ, откуда я выѣхалъ, собственно говоря, безъ разрѣшенія начальства и въ случаѣ какого-нибудь важнаго происшествія могъ попасть въ отвѣтственность.

Я поѣхалъ назадъ тѣмъ же путемъ до Рутула, гдѣ и ночевалъ опять у гостепріимнаго наиба Абу-Муселима. Долго съ нимъ бесѣдовалъ о разныхъ мѣстныхъ дѣлахъ и прежнихъ событіяхъ; онъ былъ человѣкъ весьма разумный и бы-

*) Не ручаясь, впрочемъ, за точность имени, можетъ это было Lottchen или другое,—забылъ уже.

валый, зналъ близко Даніель-бека, которому одно время былъ подчиненъ; много говорилъ съ Шамилемъ, когда онъ проходилъ въ Ахты. Мы до полуночи провели въ весьма интересной бесѣдѣ.

На другое утро выѣхавъ изъ Рутула, я объявилъ своимъ нукерамъ, что намѣренъ проѣхать не по той дорогѣ, на Борчъ и Салаватъ, по которой мы сюда ѣхали, а ближе, чрезъ Горный Магалъ и Элису. Ребята замялись и стали мнѣ доказывать, что это вещь слишкомъ рискованная, что намъ, пятнадцати человѣкамъ, можетъ плохо прійдтись, если бы встрѣтились съ партіей могаджировъ, которые въ Горномъ Магалѣ вовсе не скрываясь свободно расхаживаютъ, спускаясь оттуда на плоскость; что жители Горнаго Магала, особенно аула Цахуръ, принимаютъ не только качаговъ, но и горскія непріятельскія партіи совершенно явно, считаясь нашими только такъ, фальшиво, а собственно они подчиняются Даніель-беку и Шамилю, и что, наконецъ, сами они, особенно молодежь, все равно тѣ же могаджиры и мигомъ могутъ собраться для нападенія.

Это на меня, однако, не подѣйствовало, я разсчитывалъ на совершенную неожиданность моего появленія и на слишкомъ короткое время, недостаточное для сбора значительной партіи; мелкая же не рискнетъ напасть на насъ, да и жители, какъ бы то ни было, все же задумаются такъ явно дѣйствовать противъ правительства. Въ одномъ я только уступилъ убѣжденіямъ моихъ людей, обѣщалъ имъ не переѣзжать на лѣвый берегъ Самура, гдѣ лежитъ Цахуръ, особенно имъ страшный, а правымъ берегомъ проѣхать и не долго останавливаться въ аулахъ, чтобы къ ночи успѣть перевалиться черезъ хребетъ на нашу сторону. Я раздѣлялъ отчасти опасенія моихъ нукеровъ, но мало ли что̀ мнѣ уже удавалось, удастся и теперь!

Миновавъ Лучекъ, лежащій при сліяніи Мухрекъ-Чая съ Самуромъ (здѣсь въ послѣдствіи было укрѣпленіе, угрожавшее свободнымъ сообщеніямъ непріятеля по ущелью Самура),

я по сѣверной, узко-скалистой береговой дорогѣ добрался до аула Кылмицъ, считавшагося уже въ составѣ Элисуйскаго владѣнія и, слѣдовательно, мнѣ подчиненнаго. Жители были чрезвычайно изумлены моимъ внезапнымъ появленіемъ; на площадку, на которой я остановился не слѣзая съ лошади, появилось нѣсколько человѣкъ, извиняясь, что не могутъ оказать мнѣ приличной встрѣчи, не бывъ заранѣе предувѣдомлены. Я поблагодарилъ и, объяснивъ какимъ путемъ я къ нимъ попалъ, прибавилъ, что это посѣщеніе только случайное, а что въ скоромъ времени я намѣренъ пріѣхать къ нимъ на нѣсколько дней, побывать во всѣхъ горныхъ аулахъ, познакомиться съ ихъ положеніемъ и заняться ихъ дѣлами. Между тѣмъ, пользуюсь случаемъ лично повторить имъ то, что̀ уже нѣсколько разъ приказывалось имъ письменными *баратами* (приказами), именно: не принимать могаджирскихъ шаекъ, не содѣйствовать ихъ грабительскимъ дѣйствіямъ и т. п.

По мѣрѣ увеличенія толпы слушателей, между которыми я тотчасъ замѣтилъ нѣсколько подозрительныхъ личностей, отличавшихся и костюмомъ и вооруженіемъ, даже физіономіями, я сталъ возвышать голосъ и перешелъ къ угрозамъ. Не думайте, сказалъ я имъ въ заключеніе, что сила, могущая васъ жестоко наказать, заключается во мнѣ и нѣсколькихъ моихъ казакахъ и нукерахъ; та сила другая, та самая, что̀ разбила и уничтожила вашего знаменитаго султана, что̀ забрала у Шамиля его крѣпости, да разбила его нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вблизи отъ васъ, когда онъ бѣжалъ отъ Ахты, гдѣ 500 солдатъ шестнадцать дней держались предъ его шестью тысячами мюридами. Я самъ ничего не могу сдѣлать; но могу все выставить предъ начальствомъ, у котораго сила въ рукахъ. Я вамъ желаю добра, и потому вамъ это говорю; подумайте хорошенько, пока время не ушло, перемѣните образъ дѣйствій, а то скоро можетъ уже и поздно будетъ; тогда вспомните мои совѣты и пожалѣете!

Громкая рѣчь на чистомъ татарскомъ діалектѣ не могла не произвести нѣкотораго впечатлѣнія; люди по-

старше покачивали головами, молодые съ недоумѣніемъ вперили въ меня свои блестящіе глаза, бабы слушали, разинувъ рты.

Въ это время подъѣхалъ ко мнѣ одинъ изъ нукеровъ и вполголоса проговорилъ: „Ради Аллаха, моуравъ, уѣдемъ скорѣе; здѣсь видно много качаговъ въ толпѣ, а въ Цахурѣ что-то большая суета замѣтна, какъ будто собираются кучки людей“. И дѣйствительно, оглянувшись назадъ, я замѣтилъ на другой сторонѣ рѣки въ Цахурѣ какое-то необычное для аула въ полдневный часъ движеніе людей. Впрочемъ, разстояніе до Цахура было не близко, хотя онъ изъ Кылмица и былъ видѣнъ какъ на ладони; я думаю, на добромъ конѣ все же нужно было проѣхать не менѣе трехъ четвертей часа. Повернувшись къ жителямъ, я сказалъ, что теперь тороплюсь въ Кахъ по важнымъ дѣламъ, но еще разъ совѣтую имъ обдумать мои слова, а въ слѣдующій пріѣздъ послушаю ихъ объясненій; затѣмъ, шлепнувъ плеткой коня, я рѣзкою иноходью пустился изъ аула; казакамъ приказалъ я выѣхать впередъ, нукеры слѣдовали въ арріергардѣ. Внезапное появленіе, какъ и внезапное исчезновеніе одинаково не дали одуматься ни жителямъ, ни тѣмъ личностямъ, которыя, приготовившись, можетъ быть и рѣшились затѣять что нибудь противъ меня. Когда аулъ уже скрылся изъ глазъ, нукеры начали благодарить меня, что я ихъ послушалъ; они были увѣрены, что кто нибудь успѣлъ уже дать знать въ Цахуръ о нашемъ проѣздѣ, вѣрно изъ людей встрѣчавшихся намъ по дорогѣ отъ Лучека, и что тамъ стали собираться, чтобъ отрѣзать намъ дорогу; опасенія ихъ все еще продолжались, они боялись погони и торопили меня до нельзя; подчинился я въ этотъ разъ ихъ опасеніямъ вполнѣ, и не заворачивая ужь ни въ какой другой аулъ, далъ коню полный ходъ. Несмотря на самую трудную дорогу по карнизамъ скалъ, чрезъ глубокія трещины, не взирая на крутой продолжительный перевалъ, кое-гдѣ по глубокому снѣгу и самый адскій винтообразный спусъ къ аулу Сарибашъ, мы успѣли достигнуть Элису едва стемнѣло. Помню, тогда я въ первый разъ видѣлъ

множество летавшихъ по ущелью Курмукъ-Чая свѣтящихся насѣкомыхъ.

Въ эту поѣздку я по крайней мѣрѣ познакомился съ общимъ характеромъ мѣстности Горныхъ Магаловъ и эта, quasi мнѣ подвластная часть Элисуйскаго владѣнія стала для меня уже не такой terra incognita, какъ была до тѣхъ поръ. Бо̀льшая часть ауловъ расположена по лѣвому берегу рѣки; на крутыхъ покатостяхъ горъ, они построены амфитеатромъ съ двухъ-ярусными каменными саклями и башнями; на берегахъ Самура кое-гдѣ виднѣлся кустарникъ; вообще природа дикая, но далеко не такая, какъ въ Хевсуріи и вообще въ сѣверо-западной части хребта. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ чрезъ Самуръ были перекинуты мостики, какихъ я до того не видывалъ: нѣсколько длинныхъ брусковъ, переплетенныхъ тонкимъ хворостомъ, образуютъ родъ плетня, положеннаго съ одного берега на другой и прикрѣпленнаго къ небольшимъ столбамъ, вбитымъ въ берега; при переходѣ, эластическій мостикъ весь гнется, волнуется, вотъ-вотъ кажется обрушится въ ревущія волны, однако ничуть не бывало, выдерживаетъ не только конныхъ людей, но и навьюченныхъ животныхъ, даже по нѣскольку въ одинъ разъ.

Благодаря большому овцеводству и близости такихъ плодородныхъ, богатыхъ мѣстъ, какъ Элису и Нуха, жители Горнаго Магала отличались благосостояніемъ, столь рѣдкимъ между обитателями горъ.

Мои угрозы въ Килмицѣ, произнесенныя больше для эффекта, почти въ убѣжденіи что онѣ не осуществятся, оказались, однако, пророческими: чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того дошли до меня слухи, что начальство лезгинской линіи, выведенное наконецъ изъ терпѣнія враждебными дѣйствіями населенія при-самурскихъ ауловъ, парализовавшими всѣ мѣры для возстановленія спокойствія и порядка на плоскости, приступило къ рѣшительному, хотя и жестокому средству. Съ разрѣшенія князя Воронцова, туда былъ направленъ сильный отрядъ войскъ подъ начальствомъ барона А. Е. Врангеля; жители, часть коихъ бѣжала

въ непокорныя горы, были выселены на плоскость и размѣщены по нѣскольку семействъ въ разные аулы, а ихъ деревни разорены и сожжены до тла; цѣлый участокъ превратился въ развалины и обитаемая въ теченіи долгихъ вѣковъ мѣстность стала пустыней!.. При извѣстной привязанности горцевъ къ родному пепелищу, такая судьба поистинѣ жестока; но война требуетъ жертвъ, и на Кавказѣ пришлось обѣимъ сторонамъ принести ихъ не мало. Въ настоящее время, съ окончаніемъ войны, должно полагать, жителямъ Горнаго Магала позволили возвратиться на свои родныя мѣста и, быть можетъ, исчезли уже и слѣды разрушеній.

XXVII.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Кахъ, прибылъ туда адъютантъ начальника инженеровъ кавказской арміи гвардейскій саперный поручикъ или штабсъ-капитанъ Константинъ Петровичъ Кауфманъ, съ предписаніемъ дать ему всѣ средства къ скорому и безопасному проѣзду въ Ахты. Отъ него я узналъ, что отрядъ подъ начальствомъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго будетъ осаждать сильно укрѣпленный Шамилемъ аулъ Чохъ, что при этомъ ожидаются продолжительныя упорныя дѣйствія, что туда отправлены изъ Эривани двѣ осадныя 24-хъ фунтовыя пушки и много мортиръ, что и артиллеріи и инженерамъ предстоитъ небывалая еще на Кавказѣ работа; отъ взятія же Чоха ожидается весьма важный результатъ для окончательнаго покоренія Дагестана и проч. Весьма любезный и симпатичный Константинъ Петровичъ прожилъ у меня сутки и, снабженный всѣмъ необходимымъ, уѣхалъ въ Ахты. Могъ ли онъ тогда думать, что ровно черезъ двадцать четыре года послѣ того имя его, какъ покорителя Хивы, сдѣлается общеизвѣстнымъ, историческимъ? Могъ ли я тогда думать, что вмѣсто Кавказа, гдѣ, казалось, мнѣ суждено было уже и кости свои сложить, я чрезъ 24 года, почти оглохшимъ инвалидомъ, буду сидѣть въ Дрезденѣ и

по газетамъ слѣдить за дѣйствіями того молодого оберъ-офицера Кауфмана, съ которымъ нечаянно встрѣтился и познакомился въ Элису?... Судьба, ея же не прейдеши!

Чрезъ нѣкоторое время послѣ отъѣзда Константина Петровича, я посылалъ къ нему въ Дагестанъ особаго нарочнаго съ письмомъ и просилъ сообщить подробныя свѣдѣнія о ходѣ осады и вообще что̀ у нихъ тамъ дѣлается, такъ какъ у насъ, на лезгинской линіи, распространялись между жителями слухи, что русскіе потерпѣли неудачу, Чоха не взяли и разбитые отступаютъ. Отвѣтъ я получилъ, помнится, на одиннадцатый-двѣнадцатый день изъ лагеря на Турчидагѣ, приблизительно такого содержанія: „Находясь въ горизонтальномъ положеніи, вслѣдствіе полученной нѣсколько дней тому назадъ тяжелой раны въ ногу, самъ писать не могу, а диктую товарищу. Осада продолжается, и хотя встрѣчены неодолимыя препятствія, но есть надежда на успѣхъ; гарнизонъ держится геройски, а Шамиль съ большими партіями горцевъ занимаетъ всѣ окрестныя высоты; войска имѣютъ частыя стычки съ непріятелемъ; дойдетъ ли дѣло до штурма, нельзя сказать навѣрное, но полагаю, что обойдется и безъ того. Въ остальныхъ же частяхъ Дагестана, повидимому, все спокойно и доходящіе до васъ слухи о нашихъ неудачахъ и пораженіяхъ фальшивы. Благодарю за гостепріимство и весьма желалъ бы на обратномъ пути еще разъ имъ воспользоваться“. Я поспѣшилъ донести о содержаніи этого письма и генералу Чиляеву, и князю Эристову.

Между тѣмъ положеніе на лезгинской линіи, отъ форта Бѣлоканскаго до границы Нухинскаго уѣзда, съ каждымъ днемъ становилось тревожнѣе. *Качаги* съ небывалою дерзостью, почти открыто, расхаживали по ауламъ, собирали контрибуціи, уводили въ горы зажиточныхъ людей, грабили по дорогамъ, врывались въ самый городъ Нуху и оттуда уводили купцовъ-персіянъ, уплачивавшихъ за свое освобожденіе по двѣ, по три, до пяти тысячъ серебряныхъ рублей. Непріятельскія партіи въ нѣсколько сотъ человѣкъ, проходя

свободно чрезъ Горный Магалъ, спускались на плоскость и нападали на предгорные аулы, уводя плѣнныхъ, угоняя скотъ. Войска, какъ я уже упоминалъ, бѣгали взадъ и впередъ по линіи, но или опаздывали, или по фальшивымъ слухамъ попадали не туда куда слѣдовало. Безпрерывныя извѣстія о появленіи шаекъ, о ихъ нападеніяхъ, держали меня почти безъ отдыха на конѣ; не успѣвалъ я возвратиться изъ поѣздки, или засады, какъ уже врывался ко мнѣ какой-нибудь татаринъ и впопыхахъ объявлялъ, что сейчасъ качаги вошли къ нимъ въ аулъ, стали грабить его домъ, ищутъ какого-нибудь Мустафу или Ибрагима изъ богатыхъ, и просилъ, ради Аллаха, помощи; я опять скакалъ десятки верстъ и совершенно напрасно: качаги часъ тому назадъ уже ушли... Преслѣдованіе оказывалось совершенно напраснымъ трудомъ; въ двухъ-трехъ верстахъ за ауломъ лѣсъ, изрѣзанный дорожками во всѣ стороны, и къ Алазани, и къ горамъ. Такимъ образомъ я напрасно горячился, мучилъ себя, людей, почти загналъ лошадей; результатъ ограничивался можетъ быть только тѣмъ, что качагамъ приходилось все же соблюдать нѣкоторую большую осторожность и торопиться уходить изъ ауловъ, сокращая время и размѣры своихъ подвиговъ, чтобы не быть настигнутыми мною.

Не считая лично себя въ безопасности, я въ Кахѣ счелъ нужнымъ принимать различныя мѣры предосторожности. На дворѣ каждую ночь горѣлъ костеръ, у котораго должны были сидѣть по пяти—шести человѣкъ вооруженныхъ караульныхъ изъ наряжаемыхъ отъ Каха жителей, подъ надзоромъ одного изъ нукеровъ; у входа въ домъ стоялъ часовой казакъ. Самъ я спалъ одѣтый и вооруженный; въ сосѣдней комнатѣ также мой Давыдъ. Нерѣдко, не взирая на утомленіе, я приглашалъ къ себѣ ужинать кого-нибудь изъ помощниковъ или бековъ, и за пловомъ, за кальяномъ и нескончаемыми разсказами о старинѣ просиживалъ до двухъ часовъ пополуночи, сокращая такимъ образомъ удобное для какого-нибудь нападенія время. Зная хорошо способность азіатцевъ придумать совершенно непред-

отвратимую хитрость, чтобы достигнуть цѣли, и наслышавшись много примѣровъ, какъ имъ удавалось самыхъ наиосторожнѣйшихъ людей все-таки застигать врасплохъ, я тоже продѣлывалъ разныя хитрости. Я перемѣнялъ ночью мѣсто, незамѣтно спускался съ верхняго этажа и ложился въ канцеляріи; на окна, выходившія въ садъ, изъ которыхъ скорѣе всего можно было ожидать какого-нибудь вторженія ко мнѣ, ставилъ стаканы, чашки, которые своимъ паденіемъ произвели бы шумъ и разбудили меня, и т. п. Наконецъ, я просто выбился изъ силъ и рѣшился переселиться со всею канцеляріей на время въ укрѣпленіе (двѣ версты по дорогѣ къ Элису), гдѣ подъ охраной военной силы могъ уже болѣе безопасно спать по ночамъ.

Здѣсь, въ одно прекрасное утро, прискакалъ татаринъ съ извѣстіемъ, что большая непріятельская партія только-что напала на аулъ Сускентъ, захватила сонныхъ жителей врасплохъ и грабитъ аулъ. Я мигомъ собрался, все что было подъ рукой коннаго поскакало за мною, а взводъ солдатъ при офицерѣ я попросилъ ротнаго командира бѣгомъ послать не по дорогѣ, а чрезъ сады, на перерѣзъ пути идущаго отъ Сускента на аулъ Кумъ, чрезъ который партія неизбѣжно должна была отступать. Проскакавъ чрезъ Кахъ по дорогѣ къ Сускенту верстъ 6—7, я вдругъ увидѣлъ вытягивающуюся по дорогѣ къ Куму партію человѣкъ въ 500; вижу навьюченныхъ награбленнымъ имуществомъ лошадей, вижу разсаженныхъ сзади всадниковъ, громко воющихъ плѣнныхъ женщинъ, вижу нѣсколько влекомыхъ связанныхъ арканами мужчинъ, различаю даже лица, разстояніе всего можетъ верста или полторы,—но что же мнѣ дѣлать съ моими двадцатью человѣками? Напасть на ровной открытой мѣстности на 500 человѣкъ? Понятно, я пріостановился, въ надеждѣ на своевременное появленіе солдатъ на указанномъ мною пунктѣ; это могло бы весьма смутить горцевъ, имъ бы пришлось поспѣшить пробиться въ Кумъ скорѣе, пока не подоспѣли большія силы, я даже и съ 20 человѣками могъ бы напасть на

хвостъ ихъ растянувшейся партіи, можно было бы освободить плѣнныхъ, отбить часть добычи, захватить кого-нибудь изъ непріятелей; но время проходило, голова партіи стала уже входить въ улицу аула Кума, а солдатъ все еще не было; я на дальній ружейный выстрѣлъ слѣдовалъ за партіей, даже обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами, задніе горцы стали уже прибавлять рыси, нѣкоторые сбросили лишнюю тяжесть съ своихъ лошадей; замѣтивъ это, я сталъ сближаться и насѣдать на нихъ; они пустились наконецъ вскачь и когда послѣдніе ихъ люди уже въѣхали въ аулъ, тогда только показались запыхавшіеся бѣгущіе солдатики, которые при всемъ усердіи не могли скорѣе одолѣть этихъ пяти-шести верстъ, теряя много времени на перелазы чрезъ заборы въ садахъ, да на переходы чрезъ поливательныя канавы. Офицеръ, молодой прапорщикъ изъ кадетъ, Юдинъ, очень просилъ пустить его преслѣдовать горцевъ, позволить ему идти впереди меня, но я на это не согласился: рисковать очевидно пятью десятью человѣками (да изъ этихъ было болѣе десяти нукеровъ-татаръ) безъ малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ я не могъ. Я подошелъ къ аулу, когда партія уже протянулась за него; меня встрѣтило нѣсколько человѣкъ жителей. „Что же вы, мерзавцы, пропустили туда и назадъ партію чрезъ свой аулъ! Вѣдь васъ больше 500 человѣкъ, могли бы собраться и побить ихъ!“—„Помилуйте, *ага*, гдѣ намъ съ ними справиться; если бы *ты не подоспѣлъ теперь* съ своими людьми, то они *и насъ бы также ограбили, Аллахъ саны саглясынъ*“ *). Съ тѣмъ и уѣхалъ я назадъ.

Подобнымъ образомъ проходило время; еще какихъ-нибудь особенно выдающихся случаевъ, о которыхъ стоило бы разказывать, я теперь припомнить не могу.

Въ десятыхъ числахъ августа, сидѣлъ я въ укрѣпленіи за какимъ-то писаніемъ, входитъ нарочный закатальскій нукеръ и подаетъ мнѣ пакетъ, съ надписью „весьма нужное, въ соб-

*) Да сохранитъ тебя Богъ!

ственныя руки". Ну, думаю, вѣроятно получили свѣдѣніе о какомъ нибудь новомъ нашествіи; распечаталъ—что̀ за исторія! въ пакетѣ какая-то небольшая записочка, незнакомый почеркъ, читаю: „Спѣшу васъ поздравить, сейчасъ получеиъ „Инвалидъ", въ которомъ напечатанъ Высочайшій приказъ отъ 23-го іюля о переименованіи васъ въ корнеты, съ зачисленіемъ по кавалеріи. Желаю и впредь быстраго повышенія. Покорный слуга А. Дебу". Я чуть не обнялъ нарочнаго... Побѣжалъ къ офицерамъ гарнизона сообщить радостную вѣсть, поспѣшилъ сказать своей канцеляріи, готовъ былъ, кажется, „въ набатъ ударить", однимъ словомъ, восторгу не было конца! Наконецъ, вотъ они давно желанные, давно мысленно лелѣянные эполеты; достигъ-таки цѣли!

Переименованіе мое возбудило всеобщее удивленіе. Извѣстно, что гражданскій чиновникъ, хотя бы и дѣйствительный статскій совѣтникъ, вступаетъ въ военную службу или прежнимъ военнымъ чиномъ, если уже служилъ въ войскахъ, или юнкеромъ; а тутъ прямо изъ гражданскихъ чиновниковъ въ офицеры и кого же? какого-то совсѣмъ малоизвѣстнаго, безъ громкаго имени, не состоящаго при главнокомандующемъ господина... И дѣйствительно, не будь въ этомъ случаѣ исключительно настойчиваго ходатайства князя Михаила Семеновича, такое переименованіе было вещью немыслимою. Чрезъ много лѣтъ послѣ этого, мнѣ удалось разыскать въ архивѣ военнаго министерства переписку о моемъ переименованіи, и тутъ только я уяснилъ себѣ, какъ все это произошло. Князь Воронцовъ, проѣхавъ, какъ сказано выше, по Лезгинской линіи въ Шемахинскую губернію, отправился оттуда въ Кисловодскъ, обычное пребываніе лѣтомъ. Отсюда уже, безъ сомнѣнія по памятной замѣткѣ Ильи Орьбельяна, 14-го іюня, князь писалъ военному министру князю Чернышеву письмо, въ которомъ говорилъ, „что элисуйскій приставъ весьма часто долженъ собирать милицію, участвовать съ нею въ военныхъ дѣйствіяхъ и вообще дѣлать по военнымъ обстоятельствамъ края распоряженія, могущія быть успѣшно выполнен-

ными только лицами носящими военное званіе; что должность эту занимаетъ нынѣ (т. е. въ 1849 году) губернскій секретарь З....., который извѣстенъ мнѣ по отличной службѣ, распорядительности и храбрости, оказанной имъ въ Тушетіи, при отраженіи набѣговъ дидойцевъ, за что онъ и получилъ въ 1846 году Георгіевскій крестъ; что, наконецъ, желая оставить именно сего чиновника на занимаемой нынѣ должности, проситъ исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на переименованіе въ корнеты, съ состояніемъ по кавалеріи". Вслѣдствіе этого послѣдовалъ 9 іюля докладъ военнаго министра государю, въ которомъ было сказано, что по существующимъ узаконеніямъ губернскій секретарь З..... никакого права на переименованіе не имѣетъ, но удовлетвореніе ходатайства князя Воронцова, въ уваженіе заслугъ сего чиновника, зависитъ единственно отъ Высочайшаго соизволенія. На докладѣ, въ Варшавѣ, гдѣ государь тогда находился, послѣдовала резолюція, подписанная графомъ Адлербергомъ 15-го іюля: „Высочайше повелѣно исполнить".

Такимъ-то образомъ превратился я окончательно въ военнаго офицера. Очень хотѣлось мнѣ поскорѣе нарядиться въ военный сюртукъ; ротный командиръ предложилъ своего солдата-портного къ моимъ услугамъ, но матеріаловъ въ Элису, понятно, никакихъ достать нельзя было. Въ Нухѣ, говорили, можно было найдти все необходимое и я рѣшился немедленно съѣздить туда, кстати посмотрѣть городъ; для меня же увидѣть какое нибудь новое мѣсто искони было однимъ изъ наибольшихъ удовольствій. Но время было такое тревожное, слухи о качагахъ и непріятельскихъ партіяхъ, „намѣревающихся вторгнуться въ наши предѣлы" (какъ писалось въ оффиціальныхъ бумагахъ), такъ настойчивы, что уѣхать, да еще безъ разрѣшенія, я не могъ. Я уже собирался писать окружному начальнику и просить дозволенія отлучиться дня на два, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, чрезъ нарочнаго поручилъ извѣстіе, что князь Эристовъ съ отрядомъ двигается къ Элису и къ вечеру будетъ у меня. Сдѣлавъ всѣ

распоряженія къ пріему гостей, я выѣхалъ на встрѣчу и въ нѣсколькихъ верстахъ за Кахомъ дѣйствительно встрѣтилъ шесть ротъ грузинскихъ гренадеровъ съ двумя горными орудіями и полсотню казаковъ, двигавшихся подъ начальствомъ полкового командира Дебу; при нихъ ѣхалъ и мой окружный начальникъ, князь Эристовъ. Принявъ отъ меня рапортъ „о благополучіи", его сіятельство не выдержалъ, чтобы въ присутствіи офицеровъ отряда не показать своей начальнической власти и тутъ же распекъ меня „на всѣ корки".

„Вы де теперь хотя и военный офицеръ, но должны знать, что занимаете гражданскую должность и эта часть составляетъ главнѣйшую вашу обязанность; между тѣмъ, вы больше времени употребляете на безплодныя гоненія за шайками и проч. „Тутъ же оборвалъ онъ меня и за критику дѣйствій генерала Шварца по взысканію доходовъ съ имѣній султана, высказавъ ту нелѣпость, о которой я уже упоминалъ выше, что генералъ-лейтенантъ *третье* лицо въ государствѣ, а прапорщикъ послѣднее и не смѣетъ судить о дѣйствіяхъ перваго.

Дебу, повидимому, желалъ загладить непріятность, сдѣланную мнѣ взбалмошнымъ Эристовымъ и сталъ меня поздравлять съ чиномъ, прибавивъ, что теперь я, вѣроятно, брошу статскую службу и совсѣмъ перейду въ военные, что де прямѣе ведетъ къ цѣли. Поблагодарилъ я его очень и за это, и за сообщеніе съ нарочнымъ извѣстія о переименованіи, и мы тронулись чрезъ аулъ къ укрѣпленію.

Не прошло пяти минутъ, Эристовъ какъ бы забылъ уже о встрѣчѣ и распеканіи, началъ шутить, спрашивалъ почему я не въ военной формѣ, а въ „дурацкой чухѣ", и т. п. Я воспользовался этимъ и получилъ разрѣшеніе съѣздить чрезъ нѣсколько дней въ Нуху за покупками, если не будетъ какихъ нибудь особенныхъ препятствій.

По прибытіи къ укрѣпленію, отрядъ расположился вблизи, на полянѣ, а Дебу и Эристовъ помѣстились у меня. Цѣль ихъ движенія была предупредить непріятеля, который, по полученнымъ въ Закаталахъ свѣдѣніямъ, собирался значитель-

ною партіей напасть на какой-то пунктъ между Элису и Нухой, и мнѣ приказали тотчасъ же послать нарочнаго по этому направленію предупредить жителей и начальство Нухинскаго уѣзда, дабы, при появленіи непріятеля или полученіи вѣрныхъ извѣстій о его приближеніи, немедленно дали знать въ Элису и тогда отрядъ поспѣшитъ къ угрожаемому пункту. Покончивъ съ этимъ служебнымъ дѣломъ, Дебу и Эристовъ, *не теряя золотого времени,* приказали поставить столъ, подать карты и съ двумя готовыми партнерами, прибывшими въ ихъ свитѣ, засѣли за *ералашъ съ переговорами.*

Проживъ у мемя два дня, въ теченіе которыхъ никакихъ тревожныхъ извѣстій ни откуда получено не было, Дебу и Эристовъ съ двумя ротами отправились обратно въ Закаталы; а баталіонъ съ двумя орудіями остался при Элису, до дальнѣйшихъ распоряженій. На слѣдующій день я поѣхалъ въ Нуху.

XXVIII.

Вся дорога отъ Каха до города Нухи, верстъ 25, проходитъ по роскошной долинѣ, вдоль лѣсистыхъ отроговъ хребта, среди густого населенія, извѣстнаго своею зажиточностью, благодаря изобилію всякихъ произведеній, особенно риса и шелка. Городъ очень живописно расположенъ при истокѣ не большой горной рѣчки; строенія скрываются въ густой зелени садовъ, изобилующихъ огромными орѣховыми и тутовыми деревьями. Главная улица, тянущаяся въ гору на разстояніи почти двухъ верстъ, оживлена множествомъ лавокъ и мастерскихъ, въ которыхъ, по азіятскому обычаю, работы производятся открыто, нерѣдко предъ кучкой праздныхъ зрителей. Я долго смотрѣлъ на проворную и довольно искусную работу вышивальщиковъ по сукну разноцвѣтными шелками; изъ Нухи и выходятъ большею частію всѣ эти чепраки, скатерти, туфли и т. п. вещи, въ послѣднее время распространившіяся по Россіи; впрочемъ, однообразіе рисунка и безвкусіе въ подборѣ цвѣтовъ лишаютъ эти вещи возможности

бо́льшаго распространенія, тѣмъ болѣе, чта и цѣна ихъ несоотвѣтственно высокая. Городъ извѣстенъ еще своимъ шелковымъ производствомъ, достигавшимъ тогда (въ 1849 году) уже до 15 тысячъ пудовъ въ годъ; тамъ была учреждена правительствомъ шелкомотальная фабрика, отъ которой ожидались большія выгоды и польза, въ смыслѣ усовершенствованія и развитія этого дѣла; но, какъ всякое казенное хозяйство, кончилось значительными дефицитами, злоупотребленіями завѣдывавшихъ ею чиновниковъ и закрытіемъ фабрики, на смѣхъ татарской публики.

На концѣ главной улицы, на возвышеніи командующемъ всѣмъ городомъ, красуются старая крѣпость и бывшій ханскій дворецъ, обращикъ жилища восточнаго сибарита. Мраморные фонтаны, окруженные плакучими ивами, разноцвѣтныя стекла въ узенькихъ окнахъ, двери и оконныя рамы съ рѣзьбой, на каминахъ и карнизахъ лѣпныя работы, потолки изъ кусочковъ зеркалъ, все въ причудливо-оригинальномъ персидскомъ вкусѣ, напоминали о роскоши нухинскихъ хановъ, бывшихъ почти самостоятельными владыками этой богатой провинціи (Шекинской). Видъ изъ дворца на потонувшій въ зелени городъ, на торчавшіе изъ-за деревьевъ верхушки мечетей очень хорошъ. Населеніе города, кромѣ русскихъ чиновниковъ и гарнизона, состоитъ изъ татаръ, армянъ и части купцовъ персіянъ. Вода въ городѣ прекрасная, фруктовъ бездна, и великолѣпныхъ, особенно хороши инжиръ (фиги) и груши, достигающія баснословного вѣса, до двухъ фунтовъ. Нѣкоторыя улицы вымощены, остальныя усѣяны мелкимъ щебнемъ отъ природы и потому грязи въ Нухѣ никогда не бываетъ, рѣдкое и неоцѣнимое достоинство, къ сожалѣнію, такъ мало встрѣчающееся въ русскихъ городахъ. Вообще Нуха картинностью мѣстоположенія, относительною опрятностью, оживленностью, отсутствіемъ удушливаго жара, вечернимъ щелканіемъ и пересвистами множества соловьевъ по садамъ, оставляетъ весьма пріятное впечатлѣніе.

Покончивъ съ закупками (впрочемъ, главнаго я не нашелъ — ни золотыхъ эполетъ, ни погончиковъ, ни пуговицъ,

ни шпоръ), и помывшись въ одной изъ великолѣпныхъ бань, гораздо роскошнѣе устроенныхъ, чѣмъ тифлисскія, я уѣхалъ изъ Нухи.

Батальонъ гренадеровъ простоялъ у меня съ недѣлю; время проходило для меня въ кругу русскихъ людей нѣсколько разнообразнѣе; случилось къ тому же какое-то небывалое спокойствіе, такъ что я всю недѣлю и не выѣзжалъ изъ укрѣпленія. Наконецъ, получено приказаніе батальону возвратиться въ Закаталы и *уже на другой день послѣ его ухода* мнѣ дали знать, что партія качаговъ человѣкъ до ста (въ такомъ количествѣ они еще никогда не собирались вмѣстѣ) напала на аулъ, названіе я забылъ, Нухинскаго уѣзда (вблизи моей границы) и съ значительною награбленною добычей безнаказанно ушла! Очевидно, что еслибы на каждыхъ 25 верстахъ поставить по батальону съ двумя пушками, да въ промежуткахъ по сотнѣ казаковъ, да еслибы жители искренно хотѣли намъ содѣйствовать, то ауловъ бы не грабили и въ странѣ могло бы водвориться спокоствіе; но для этого не хватило бы всей русской арміи.

Приходится остановиться на слѣдующемъ заключеніи: *занятіе* азіятскихъ странъ европейскими войсками большею частью чрезвычайно легко, но *покореніе* ихъ, благоустройство, для достиженія конечной цѣли, то-есть извлеченія выгодъ экономическихъ и вознагражденія за принесенныя жертвы, весьма трудно; для этого военная сила можетъ служить только, такъ-сказать, нѣкоторою точкой опоры въ крайнихъ случаяхъ. Тутъ требуется административная дѣятельность, не та узко-полицейская, называемая у насъ „администраціей“, представителями коей главнѣйше фигурируютъ мѣстные исправники со становыми приставами, а обширная, обнимающая всѣ отрасли государственной администраціи, руководимая нѣсколькими опытными, просвѣщенными, изучившими край лицами; тутъ требуется чтобы всѣ элементы дружно стремились къ цѣли: и судъ, и народное образованіе, и развитіе путей сообщенія, и промышленныя, торговыя предпріятія,

поощренія мѣстныхъ производствъ и пр., и пр., все это должно быть пущено въ ходъ, да не на бумагѣ только и по проектамъ, выработаннымъ въ канцеляріяхъ надутыми бюрократами, для которыхъ хорошій почеркъ важнѣе содержанія, а на широкихъ основаніяхъ, послѣ всесторонняго *гласнаго* обсужденія и съ правомъ мѣстныхъ жителей, и даже мелкихъ чиновниковъ, нерѣдко лучше знающихъ всѣ условія и бытъ провинцій, чѣмъ ихъ грозные повелители, излагать безбоязненно свои мнѣнія, не страшась извѣстнаго „а, вы, м. г., разсуждать смѣете!“ Нужно поменьше опеки и регламентаціи, нужно поменьше синекуръ и непотизма, вообще нужно измѣнить многое, многое что бывало на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ, а можетъ и еще продолжается... Да и за всѣмъ этимъ прочное умиротвореніе завоеванныхъ мусульманскихъ странъ, съ полученіемъ государственныхъ выгодъ, останется дѣломъ труднымъ, требующимъ много ума, энергіи, жертвъ и особенно времени, что и видимъ въ Алжирѣ и въ Индіи, не взирая на завоевателей, далеко опередившихъ насъ на всѣхъ путяхъ цивилизаціи.

Послѣ долгихъ хлопотъ удалось мнѣ наконецъ раздобыть пару эполетъ съ прочими принадлежностями; ротный портной смастерилъ мнѣ сюртукъ на славу и я защеголялъ по Элису и Каху во всемъ блескѣ кавалерійскаго корнета! Съ этой минуты у меня появилось стремленіе къ дѣйсвительной военной службѣ, къ отрядамъ, экспедиціямъ; гражданская дѣятетьность окончательно потеряла въ моихъ глазахъ всякій интересъ; военныя наклонности, еще съ дѣтскихъ лѣтъ обнаруживавшіяся, не взирая на всяческія преграды, получили наконецъ свое удовлетвореніе въ эполетахъ, доставшихся мнѣ такимъ необыновеннымъ, исключительно рѣдкимъ образомъ; оставалось завершить дѣло на чистоту. Какимъ путемъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ, я колебался и опредѣленнаго плана составить не могъ; прямо отказываться отъ приставсковй должности я не рѣшался, чтобы опять не возбудить неудовольствія князя, какъ тогда при

увольненіи изъ Тушинскаго округа. Я отложилъ дѣло до поры до времени.

Дни шли за днями, тѣ же разборы безконечныхъ жалобъ и споровъ, тѣ же разъѣзды, тѣ же неудачныя попытки захватить какую-нибудь шайку качаговъ; становилось просто монотонно. Я сталъ чаще принимать участіе въ охотахъ бековъ и пристрастился такъ, что уже рѣдкій день пропускалъ безъ выѣзда на свѣже сжатыя поля, съ ястребами и ищейками; перепелокъ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ мы налавливали по нѣскольку десятковъ. Какое удовольствіе испытывалось, какъ бывало, вспорхнувшая отъ приближенія собаки, перепелка мигомъ, на лету, схватывалась когтями брошеннаго съ руки ястреба! Къ концу сентября перепела почти исчезли и мы открыли походъ противъ фазановъ, съ другими, бо̀льшими ястребами, по бурьянамъ и терновникамъ у опушки лѣсовъ; для разнообразія забирались подальше въ лѣса и на полянахъ окружали кабановъ, а то подъѣзжали къ берегамъ Алазани и стрѣляли изъ винтовокъ плавающихъ дикихъ гусей, или гоняли лисъ и зайцевъ. Я просто запоемъ предался охотѣ и, благодаря разнообразію, не замѣтилъ какъ прошла осень. Снѣга покрыли горы, переходы черезъ хребетъ сдѣлались трудными, наступило то относительное спокойствіе, которое повторялось всякую зиму, когда значительныя партіи непріятельскія уже не могли врываться къ намъ, а качаги рѣшались дѣйствовать только мелкими партіями и болѣе робко; я переѣхалъ опять въ свою Кахскую квартиру.

Въ концѣ ноября явился ко мнѣ одинъ изъ торгующихъ армянъ и объявилъ, что наканунѣ онъ съ товарищемъ, переночевавъ въ аулѣ Алмало, выѣхали верхами оттуда, переправились чрезъ Алазань на почтовую дорогу, отправляясь въ Грузію. Не отъѣхали они нѣсколькихъ верстъ, какъ вдругъ изъ одной балки выскочило человѣкъ десять конныхъ татаръ, сдѣлали въ нихъ выстрѣлы, которыми

товарищъ его раненъ, и стали ихъ ловить; не видя возможности ускакать, онъ бросился съ лошади въ кусты и пробрался къ переправѣ; нѣсколько казаковъ по его просьбѣ поскакали къ мѣсту происшествія, но кромѣ скрывшагося въ сторонѣ дороги тяжело раненаго армянина никого не нашли; обѣ ихъ лошади съ привязанными къ сѣдламъ переметными сумками, въ которыхъ, кромѣ разнаго имущества, было въ мѣшечкахъ серебрянныхъ денегъ болѣе двухъ тысячъ рублей, захвачены разбойниками. Армянинъ въ числѣ нападавшихъ узналъ двухъ человѣкъ, видѣнныхъ имъ на ночлегѣ въ Алмало, и вообще увѣрялъ, что вся эта шайка тамошніе жители, вовсе не качаги, которые въ такое время не рѣшатся пробираться за Алазань на почтовый трактъ, да и качаги вообще шляются пѣшими, для удобства скрываться въ лѣсахъ, а эти были всѣ конные, очень хорошо одѣтые и вооруженные. Оставивъ раненнаго на станціи, армянинъ пошелъ въ Алмало, объявилъ о случившемся и просилъ соддѣйствія старшинъ къ поискамъ грабителей. Просьба его была встрѣчена отказомъ и насмѣшками.

Хотя подобныя происшествія не были для меня особенною рѣдкостью, но въ этотъ разъ я, вполнѣ убѣжденный, что, прикрываясь фирмой качаговъ, сами жители пустились на грабежъ, какъ-то особенно возмутился и послалъ своего помощника Гаджи-агу въ Алмало съ тѣмъ, чтобы тотчасъ были указаны виновные и возвращено все ограбленное; въ противномъ случаѣ приступить къ описи всего аульскаго стада буйволовъ, которое и будетъ продано на удовлетвореніе армянъ, ибо грабежъ произошелъ вблизи Алмало и людьми отсюда выѣхавшими.

На другой день Гаджи-ага прислалъ мнѣ сказать, что алмалинцы ни виновныхъ не указываютъ, ни удовлетворенія армянамъ оказать не желаютъ, ссылаясь на то, что ихъ ограбили качаги, за которыхъ они отвѣчать не могутъ. Онъ собиралъ все общество, но армянинъ между наличными людьми никого не узналъ. Помощникъ спрашивалъ, что

дальше дѣлать? Я подтвердилъ ему приказъ описать скотъ, вытребовать изъ ближайшаго аула оцѣнщиковъ, а затѣмъ уже послѣдуетъ распоряженіе о продажѣ. Понятно, что мое распоряженіе, примѣненное къ извѣстному распоряженію бывшаго главнокомандующаго на Кавказѣ Нейдгарта, было только угрозой, на успѣшный результатъ коей я разсчитывалъ; къ продажѣ безъ разрѣшенія начальства я бы, само собою, не приступилъ; я выжидалъ только какое произведетъ впечатлѣніе процедура описыванія и оцѣнки, и собирался тогда донести объ этомъ дѣлѣ подробно окружному начальнику.

Прошло дня два; отъ Гаджи-Аги ничего еще не получалось; вдругъ нарочный доставляетъ мнѣ предписаніе князя Эристова *тотчасъ* прибыть въ Закаталы „по экстреннымъ дѣламъ службы". Не зная въ чемъ дѣло и предполагая дѣйствительно что-нибудь экстренное, я сѣлъ на коня и поскакалъ. Сдѣлавъ почти безъ отдыха сорокъ пять верстъ подъ дождемъ и рѣзкимъ осеннимъ вѣтромъ, я слѣзъ въ Закаталахъ съ лошади весьма утомленный, порядочно промокшій и прозябшій, и пошелъ прямо къ Эристову. Не успѣлъ я разинуть ротъ для неизбѣжнаго „честь имѣю", какъ на меня посыпался градъ тѣхъ распеканій, какія въ добрыя старыя времена составляли спеціальную славу всероссійскаго начальства. „Да какъ вы, милостивый государь, смѣли принять на себя роль намѣстника; вы налагаете своею властью взысканія на цѣлыя общества; вы сочли себя самостоятельнымъ ханомъ; вы забыли, что *я* здѣсь вашъ прямой начальникъ, что безъ меня вы шагу ступить не смѣете; вы думаете, что въ эполетахъ вы уже важный человѣкъ; да ихъ какъ дали, такъ и снимутъ мигомъ; я васъ сюда назначилъ, я васъ однимъ почеркомъ пера и уничтожить могу" и т. д. и т. д., съ крикомъ, пѣной у рта и бѣснованіемъ; забываясь, онъ подергивалъ висѣвшею на повязкѣ раненою рукой, что̀ очевидно производило сильную боль и выражалось на лицѣ болѣзненными гримасами; не далъ онъ мнѣ выговорить ни

единаго слова, все возобновлялъ крикъ, вертя въ рукахъ прошеніе Алмалинскаго общества и закончилъ; „извольте придти завтра для подробнаго объясненія; мнѣ теперь некогда больше съ вами толковать“. Я машинально повернулся и вышелъ совершенно разбитый нравственно и еще больше физически; голова горѣла, а во всемъ тѣлѣ чувствовалась сильная дрожь; я поспѣшилъ на квартиру, чтобъ обсушиться и согрѣться, но это не помогло, ночью у меня оказался сильный жаръ; послали за докторомъ, начались прикладыванія къ головѣ льду и всякія леченія; я пролежалъ двѣ недѣли. Взбалмошный Эристовъ по два раза въ день присылалъ узнавать о моемъ здоровьи, самъ приходилъ навѣдываться, и когда мнѣ уже стало лучше, болталъ и острилъ какъ ни въ чемъ не бывало!.. Просто обезоруживалъ человѣка и разсердиться на него нельзя было.

Между тѣмъ отъ секретаря окружнаго управленія я узналъ, что по представленной Алмалинскимъ старшиной просьбѣ всего общества, Эристовъ тотчасъ велѣлъ написать моему помощнику, безъ сомнѣнія подстрекнувшему жителей на жалобу, приказъ прекратить всякія дѣйствія, возвратить скотъ жителямъ, а меня вытребовалъ въ Закаталы. „На томъ этп дѣло де и остановилось, да князь уже и забылъ о немъ“.

Оправившись отъ болѣзни, я явился къ Эристову и разъяснилъ все дѣло подробно, высказавъ ему, что вмѣсто всей исторіи слѣдовало прежде потребовать отъ меня письменнаго объясненія и тогда уже дѣлать распоряженія; а прямымъ приказомъ помощнику я оскорбленъ въ глазахъ жителей и теперь очевидно они на мои угрозы будутъ отвѣчать смѣхомъ. Онъ не хотѣлъ сознаться, что поступилъ по-мальчишески и оставался при своемъ, что я кругомъ виновать, позволивъ себѣ принять мѣру, которую только намѣстникъ въ правѣ былъ утвердить. За излишнюю же горячность въ распеканіи если не прямо извинялся, то очевидно старался смягчить

дурное впечатлѣніе, сворачивалъ отъ дѣловаго разговора къ разнымъ шуткамъ, намекалъ на мои якобы донжуановскія похожденія среди татарокъ и т. п. Прекратилъ и я дальнѣйшія препиранія, объявивъ, что желаю просить четырехмѣсячный отпускъ въ Россію для свиданія съ родными, которыхъ оставилъ уже почти восемь лѣтъ тому назадъ. Эристовъ согласился, но требовалъ, чтобъ я категорически заявилъ, намѣренъ ли я возвратиться къ своей должности въ Элису, или отпускъ есть только предлогъ уѣхать совсѣмъ? Мнѣ хотя и весьма хотѣлось оставить эту военно-полицейскую службу и пойти прямою военною дорогой, не не зная еще какъ удастся все это устроить, я не рѣшался прямо отказываться отъ должности; я объявилъ, что ѣду въ отпускъ и намѣренъ возвратиться къ сроку.

Затѣмъ я явился къ генералу Чиляеву, доложилъ и ему объ отпускѣ; онъ также спросилъ намѣренъ ли я возвращаться, прибавивъ, что требуетъ этого отъ меня въ увѣренности, что теперь, зная языкъ и мѣстныя условія, я буду полезенъ въ этомъ краѣ. Вообще Б. Г. Чиляевъ былъ очень любезенъ, благодарилъ за дѣятельность въ тревожное лѣтнее время и повторилъ требованіе возвратиться въ срокъ.

Исправлять мою должность назначили какого-то чиновника Вакуловскаго, который вмѣстѣ со мною на другой день и выѣхалъ въ Кахъ. Въ теченіе двухъ-трехъ дней я сдалъ ему все управленіе, собрался въ дорогу, попрощался съ беками, товаришами по охотѣ, увѣривъ всѣхъ, что въ апрѣлѣ буду назадъ и 15-го декабря 1849 года выѣхалъ въ Тифлисъ.

XXIX.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я на другой день представился главнокомандующему. Князь выразилъ при этомъ удовольствіе, что видитъ меня, наконецъ, въ военной формѣ, много

разспрашивалъ объ Элису и тамошнихъ дѣлахъ, спросилъ зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Ѣду въ отпускъ, ваше сіятельство, почти восемь лѣтъ не видался съ родными.

— А, хочешь эполетами похвастать? Ну, поѣзжай съ Богомъ.

Въ то время князь Воронцовъ, будучи намѣстникомъ кавказскимъ, оставался и новороссійско-бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ, и всѣ болѣе важныя дѣла того края доставлялись ему изъ Одессы на разрѣшеніе. Во избѣжаніе медленности, при отвратительныхъ путяхъ сообщенія, весьма неисправномъ ходѣ почтъ и отсутствіи телеграфа, были учреждены постоянные рейсы курьеровъ, которые каждаго 1-го и 15-го числа выѣзжали одновременно изъ Тифлиса и Одессы; обыкновенно курьерами посылались казачьи урядники, но случалось, что ѣздили и офицеры или чиновники, которымъ была надобность ѣхать въ Одессу или чрезъ нее; такимъ образомъ, оказывалось имъ вспомоществованіе и, главное, при курьерской подорожной устранялась извѣстная пытка странствованія по тогдашнимъ почтовымъ станціямъ съ подорожной „по частной надобности". Вздумалъ и я воспользоваться такою льготой и обратился съ просьбой объ этомъ къ самому приближенному адъютанту главнокомандующаго, кн. А. М. Дондукову-Корсакову (нынѣ правитель Болгаріи). Онъ былъ такъ любезенъ, что обѣщалъ доложить объ этомъ князю, но прибавилъ, что 1 января мнѣ нельзя будетъ ѣхать, ибо уже обѣщано другому, а ждать придется до 15 числа; на это я не могъ согласиться, ибо было 19декабря и прожить въ Тифлисѣ четыре недѣли выходило и слишкомъ накладно, и большою потерей отпускного времени. Я попросилъ устроить мнѣ хоть обратную поѣздку 1 или 15 апрѣля и написать объ этомъ кому слѣдуетъ въ Одессу. Князь Дондуковъ согласился и на другой день извѣстилъ меня, что пишетъ объ этомъ директору генералъ-губернаторской канцеляріи въ Одессѣ, къ которому мнѣ и слѣдуетъ въ свое время явиться.

Въ тотъ же день, 20-го декабря 1848 года, я и выѣхалъ по военно-грузинской дорогѣ „въ Россію". (До сихъ поръ, даже въ Ставрополѣ, еще говорятъ: пріѣхалъ изъ *Россіи*. Это де Кавказъ, а то Россія). Разсказывать подробно о моей поѣздкѣ считаю излишнимъ, во-первыхъ, потому, что ничего такого со мною не случилось, что̀ не было бы знакомо всякому ѣздившему по Россіи въ тѣ времена, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, а приходилось совершать переѣзды въ нѣсколько тысячъ верстъ на перекладной, по дорогамъ, носившимъ это названіе какъ бы въ насмѣшку; во-вторыхъ, потому, что главная цѣль моихъ воспоминаній— служба на Кавказѣ и связанныя съ нею приключенія.

Я проѣхалъ чрезъ Екатеринославъ, Житоміръ, по бѣлорусскому шоссе въ Петербургъ и обратно чрезъ Кіевъ въ Одессу; оттуда 1-го апрѣля курьеромъ чрезъ Николаевъ, Херсонъ, Симферополь и Керчь въ Тамань, затѣмъ по Кубани въ Ставрополь и обычнымъ путемъ чрезъ Владикавказъ въ Тифлисъ, всего до восьми тысячъ верстъ, въ ужасное время распутицы и слякоти. Особенно отъ Одессы по невылазной грязи въ Крыму и отъ Тамани по черноморскимъ плавнямъ, гдѣ приходилось индѣ по три-четыре версты почти плыть на тройкѣ, моя сумасшедшая скачка отозвалась крѣпко на бокахъ. Эти послѣднія двѣ тысячи верстъ, не взирая на адскую дорогу и остановку въ Керчи, пока пароходъ доставилъ меня чрезъ проливъ въ Тамань, я сдѣлалъ въ шесть сутокъ; 7-го апрѣдя я былъ уже въ Тифлисѣ.

Князя Воронцова не было въ городѣ; онъ съ княгиней уѣзжалъ въ Карабахъ. Я являлся къ князю Бебутову, начальнику главнаго штаба, и генералу Вольфу, и отдохнувъ дня три, отправился въ Закаталы.

Помню, какъ въ то пребываніе въ Россіи меня поразило отсутствіе въ русскомъ обществѣ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о Кавказѣ; представленія о немъ были самыя забавныя. Конечно, мы всегда больше интересовались положеніемъ какой-нибудь Бразиліи, чѣмъ своего отечества, и невѣдѣніе

оправдывалось крайне ограниченнымъ числомъ печатныхъ извѣстій и еще болѣе ограниченнымъ числомъ желающихъ читать; но все же казалось страннымъ, что люди такъ-называемаго образованнаго класса относились съ полнымъ равнодушіемъ къ окраинѣ, бывшей уже полвѣка въ рукахъ Россіи, содержавшей тамъ двухсотъ-тысячную армію и приносившей громадныя жертвы на борьбу съ горцами, борьбу, казавшуюся безконечною. Вопросы, съ которыми многіе ко мнѣ обращались, могутъ показаться плохими анекдотами. Одинъ спрашивалъ, правда ли, что Шамиль — это Марлинскій, устроившій такъ, что будто онъ убитъ въ сраженіи, а между тѣмъ, бѣжавшій къ горцамъ и ставшій ихъ предводителемъ? Другой спрашивалъ, знаю ли я его брата, служащаго офицеромъ въ Кабардинскомъ полку? И когда я сказалъ, что не знаю, онъ очень удивился. „Вѣдь вы всѣ тамъ *вмѣстѣ* служите?"—Какъ *вмѣстѣ?* Я на лезгинской линіи, за Кавказомъ, а Кабардинскій полкъ во Внезапной стоитъ, не далеко отъ Терека, на сѣверномъ склонѣ хребта.—„Все равно сходитесь же въ экспедиціяхъ и дракахъ съ черкесами", возразилъ мнѣ этотъ братъ кавказскаго офицера, и никакъ не могъ сообразить моихъ объясненій, что не сходимся, что разстояніе между лезгинскою линіей и Внезапною до 800 верстъ, что театры военныхъ дѣйствій у насъ различные и что мы вовсе не съ черкесами деремся, а съ лезгинами и чеченцами и пр. Онъ, какъ и многіе, представлялъ себѣ Кавказъ чуть не въ видѣ одной большой крѣпости, окруженной черкесами, съ которыми наши войска изо дня въ день перестрѣливаются...

Въ Закаталахъ я засталъ все въ какомъ-то особенно тревожномъ настроеніи. Крупныя происшествія, усиленная дѣятельность качаговъ, не утихавшая даже всю зиму и становившаяся все болѣе дерзкою, не взирая на раннее время года, когда горы были занесены еще снѣгами, очевидное участіе въ этомъ жителей, все придавало мѣстнымъ обстоятельствамъ весьма тревожный колоритъ, наводившій на мѣст-

ное начальство родъ унынія. Уже стали поговаривать, что въ Тифлисѣ очень недовольны дѣйствіями генерала Чиляева и, вѣроятно, скоро послѣдуютъ опять перемѣны. Отношенія его съ княземъ Эристовымъ стали окончательно натянутыми и послѣдній относился къ дѣламъ все болѣе и болѣе пассивнымъ образомъ, удовлетворяясь лишь желчными выходками противъ всѣхъ распоряженій генерала. Появились партіи за Чиляева и противъ Эристова, и наоборотъ.

Явившись къ генералу, я былъ имъ очень любезно принятъ, но при этомъ онъ намекнулъ мнѣ, что въ мое отсутствіе до него доходили слухи о не совсѣмъ благоразумныхъ дѣйствіяхъ моихъ въ Элису, возбудившихъ неудовольствіе жителей. Я объяснилъ ему дѣло съ алмалинцами, послужившее, вѣроятно, основаніемъ дошедшихъ до него слуховъ, и добавилъ, что въ положеніи пристава трудно соблюсти равновѣсіе между удовольствіемъ жителей, въ душѣ намъ враждебныхъ, и желаніемъ по возможности прекращать разбои и другіе безпорядки; что я, впрочемъ, готовъ исполнять всякое назначеніе, какое ему угодно будетъ мнѣ предоставить и никакого особеннаго желанія возвращаться въ Элису не имѣю, тѣмъ болѣе, что разъ переименованный въ военные офицеры, я предпочитаю идти по прямой военной дорогѣ. „Въ такомъ случаѣ, сказалъ генералъ, оставайтесь пока при мнѣ, дѣла здѣсь для васъ найдется не мало; а послѣ увидимъ, какъ лучше будетъ вамъ пристроиться“.

Князь Эристовъ, когда я объявилъ ему объ этомъ, очевидно только по духу оппозиціи, разразился озлобленною рѣчью, что вотъ-де въ самое нужное время оставляютъ опытнаго чиновника безъ всякой цѣли здѣсь, а Элисуйское владѣніе между тѣмъ въ рукахъ безтолковаго канцеляриста и т. п. „Ну, да мнѣ до этого дѣла нѣтъ, продолжалъ онъ, пусть генералъ Чиляевъ распоряжается какъ знаетъ, онъ главный начальникъ и самъ отвѣчаетъ за все. Оставайтесь здѣсь, будемъ *бить баклуши и ожидать своей очереди*“. Чудакъ князь Эристовъ уже забылъ, что самъ былъ поводомъ моего удаленія изъ Элису,

давъ жителямъ примѣръ по первой ихъ жалобѣ, безъ всякаго разслѣдованія, обвинять ихъ ближайшаго начальника.

XXX.

Чрезъ нѣсколько дней пребыванія въ Закаталахъ, среди двигавшихся взадъ-впередъ войскъ, среди толпы вооруженныхъ людей и постоянныхъ толковъ о нападеніяхъ, тревогахъ и пр., вся моя недавняя поѣздка казалась какимъ-то сномъ. Въ ушахъ моихъ какъ бы раздавались еще звуки итальянской оперы, предъ глазами живо стояли фигуры Маріо и Гризи въ раздирательныхъ сценахъ *Гугенотовъ*, или Фрецолини въ *Пуританахъ*, я какъ бы видѣлъ еще порхающую Фанни Эльслеръ и вертящійся corps de ballet въ *Питомицѣ фей*, я какъ будто двигался между жужжащею толпой масокъ въ Большомъ театрѣ, среди которой государь Николай Павловичъ, въ казачьемъ мундирѣ, сопровождаемый графомъ Орловымъ и Дубельтомъ, такъ величественно выдавался изъ массы; я какъ будто еще выплясывалъ на вечерахъ благороднаго собранія въ Пашковскомъ домѣ, не нарадуясь на свои эполеты и Георгіевскій крестъ, увѣренный, что всѣ дамы исключительно на меня обращаютъ свои взгляды, однимъ словомъ, предо мною въ живыхъ образахъ проносились самыя привлекательныя, въ первый разъ въ жизни пережитыя сцены, дѣйствовавшія на меня, послѣ восьми лѣтъ пребыванія среди дикихъ кавказскихъ мѣстъ, съ понятнымъ сильнымъ обаяніемъ, а тутъ, въ дѣйствительности, въ воздухѣ чуялся только запахъ пороха и крови. Еще нѣсколько дней—и я попалъ въ свидѣтели одного изъ тѣхъ кровавыхъ происшествій, которыя составляли на Кавказѣ обычные аксессуары нашей жизни.

Верстахъ въ двадцати отъ Закаталъ, по направленію къ лѣвому флангу линіи, впереди большого аула Бѣлоканъ былъ построенъ небольшой фортъ, вооруженный пушкой и занятый командой солдатъ; назначеніе его было наблюдать за ле-

жавшимъ впереди ущельемъ, по которому горцамъ представлялся весьма удобный переходъ на плоскость, и сигнальными выстрѣлами возвѣщать о появленіи непріятеля.

Съ весны, когда дороги въ горахъ, очищаясь отъ снѣговъ, давали возможность перехода большимъ партіямъ, у форта располагали какую-нибудь часть войска. Въ этотъ разъ тамъ была расположена партизанская (то-есть составленная изъ охотниковъ отъ всѣхъ батальоновъ) команда, человѣкъ до сорока, и три сотни милиціи изъ грузинъ и жителей Тушинскаго округа, подъ начальствомъ капитана милиціи князя Николая Кобулова и еще нѣсколькихъ милиціонерныхъ офицеровъ изъ грузинъ. Все отборные люди, храбрецы, ловкіе ходоки по горамъ.

Предъ разсвѣтомъ 8-го мая (1850 года) въ фортѣ услыхали ружейные выстрѣлы и замѣтили пожаръ въ хуторахъ бѣлоканскихъ жителей, расположенныхъ верстахъ въ двухъ отъ форта у опушки лѣса, покрывающаго уступы хребта. Очевидно, тамъ показался непріятель. Князь Кобуловъ, подхвативъ партизанскую команду и сотню милиціонеровъ, бѣгомъ пустился къ хуторамъ, приказавъ еще одной сотнѣ слѣдовать за нимъ, если онъ часа черезъ два не возвратится. На хуторахъ татары объявили ему, что человѣкъ сорокъ горцевъ напали на крайній домъ, подожгли и стали грабить, но когда по ихъ выстрѣламъ въ фортѣ сдѣлалась тревога и вскорѣ сталъ доходить шумъ бѣгущихъ людей, горцы бросили грабежъ и нѣсколько минутъ тому назадъ поспѣшно отступили по дорогѣ къ горамъ. Князь Кобуловъ, не долго думая, пустился ихъ догонять. Дорога идетъ сначала по берегу быстрой рѣчки, постепенно удаляясь отъ нея, входитъ въ густой лѣсъ, далѣе начинается подъемъ, дорога съуживается, тянется извилинами, превращается въ тропинку, имѣя съ лѣвой стороны скалистый къ бурлящей рѣчкѣ обрывъ сажень во сто, а съ правой весьма крутой скатъ, покрытый густымъ лѣсомъ.

Увлекаясь преслѣдованіемъ бѣгущихъ, которые по примѣ-

тамъ очевидно должны были находиться весьма не далеко впереди, наши люди достигли самаго труднаго мѣста, гдѣ тропинка давала возможность идти только въ одиночку, и потому они растянулись на большое разстояніе, а многіе не поспѣвавшіе за лучшими ходоками и отстали. Впереди всѣхъ были партизаны-солдаты, князь Кобуловъ, еще два-три офицера и самые ретивые изъ тушинъ и грузинъ, у которыхъ руки чесались на лезгинъ. Вдругъ, совершенно неожиданно для запыхавшихся людей, раздается оглушительный залпъ и семьсотъ человѣкъ горцевъ, обнаживъ кинжалы, съ неистовымъ гикомъ бросаются изъ лѣсной засады на ошеломленныхъ. Не трудно себѣ представить что здѣсь произошло! Передніе, и въ числѣ первыхъ Кобуловъ, пали отъ выстрѣловъ, раненые повалились съ кручи, нѣкоторые, защищаясь какъ львы, умирали пронзенные десятками кинжаловъ, иные сами бросались въ кручу; остававшіеся сзади, услыхавъ выстрѣлы, бѣжали впередъ и увеличивали только число жертвъ. Рѣзня была ужасная. За исключеніемъ нѣсколькихъ отставшихъ и успѣвшихъ скрыться въ чащу, всѣ наши храбрецы погибли. Лезгины, потерявъ только нѣсколько человѣкъ, торжествовали; поотрѣзавъ у всѣхъ убитыхъ правыя руки, обобравъ тѣла и наругавшись надъ многими трупами, они ушли, уведя и нѣсколькихъ человѣкъ, взятыхъ живьемъ. Подоспѣвшая часа черезъ два свѣжая сотня милиціи наткнулась на ужасную картину и оглушила окрестность раздирающими воплями. Груда изуродованныхъ тѣлъ, безъ рукъ, многіе безъ головъ, нагіе, валялись на небольшомъ пространствѣ; по рѣчкѣ неслись тѣла, отрубленныя головы, остатки платья, ружейные чехлы; на ребрахъ обрыва слышались стоны раненыхъ, уцѣпившихся за торчащія изъ трещинъ сосны и конвульсивно удерживавшихся уже болѣе двухъ часовъ!..

Между тѣмъ усиленные сигнальные выстрѣлы, подхваченные и на другихъ кордонныхъ постахъ, дошли до Закаталъ; приказано было двумъ сотнямъ донцовъ тотчасъ скакать къ Бѣлокани, а батальону идти за ними форсированнымъ мар-

немъ. Къ донцамъ, по приказанію генерала Чиляева, пристроился и я. То вскачь, то полною рысью, прибыли мы къ форту часу во второмъ дня, когда катастрофа уже разыгралась и нѣкоторые спасшіеся люди успѣли вернуться съ печальными извѣстіями. Начиная съ самого князя Кобулова, красиваго, виднаго и весьма милаго человѣка, почти половина погибшихъ грузинъ и особенно тушинъ были мои личные знакомые; я не могъ удержаться отъ слезъ, когда ихъ изуродованные трупы, доставленные въ фортъ, были разложены рядами и къ нимъ съ отчаянными воплями припадали братья, родственники, товарищи изъ оставшихся милиціонеровъ; отъ тѣла Кобулова, весьма любимаго ими, многихъ оторвать нельзя было. Печаль усиливалась горькимъ чувствомъ такъ сильно оскорбленной гордости, такими поруганіями презрѣнныхъ лезгинъ надъ тѣлами князей и предводителей! И добро бы пали они въ открытомъ бою, а то обманомъ, коварно завлеченные въ засаду, одинъ противъ семи!

Особенно поражали нѣкоторые покойники, и я до сихъ поръ живо помню двухъ — солдата тифлисскаго егерьскаго полка Портнова и милиціонера изъ имеретинъ, давно служившаго на кордонѣ, извѣстнаго удальца, по имени Георгія (фамилію не могу вспомнить). Не взирая на десятки сквозныхъ кинжальныхъ ранъ, лица ихъ сохраняли какое-то особенное суровое, рѣшительное выраженіе и можно было догадываться, что они не даромъ продали жизнь свою.

Въ числѣ раненыхъ встрѣтилъ я моего пріятеля, милиціи прапорщика изъ тушинъ Ивана Девдоридзе. Необыкновенный случай произошелъ здѣсь съ этимъ извѣстнымъ всей Тушетіи храбрецомъ, не рѣдко ходившимъ съ нѣсколькими товарищами въ набѣги къ сосѣднимъ лезгинскимъ ауламъ. При преслѣдованіи лезгинъ, онъ все время не отставалъ отъ князя Кобулова. Когда раздались первые выстрѣлы и Кобуловъ упалъ мертвый, Девдоридзе вскрикнулъ: „Боже, какое несчастіе!“ и при этомъ поднялъ обѣ руки вверхъ, въ это самое мгновеніе двѣ пули пронизали его насквозь одновременно въ пра-

вый и лѣвый бокъ между реберъ, онъ зашатался, упалъ и полетѣлъ съ кручи въ рѣчку, теченіемъ коей былъ пронесенъ приблизительно съ четверть версты, прибитъ къ торчавшему изъ воды карчу съ такою силой, что изъ головы пошла кровь... Нѣсколько времени послѣ этого онъ находился въ безпамятствѣ; за тѣмъ прійдя въ себя, онъ съ конвульсивными усиліями, хватаясь за вѣтви корней и за камни, добрался до берега, нарвалъ травы, заткнулъ ею сочившіяся кровью отверстія ранъ и ползкомъ, напрягая послѣднія силы, сталъ подвигаться по теченію рѣчки; наконецъ, черезъ два-три часа, когда силы окончательно истощились и онъ сталъ уже готовиться къ неизбѣжному концу,—услыхавъ грузинскіе голоса, онъ нѣсколько разъ застоналъ и—что̀ дальше произошло, уже не помнитъ... Еслибъ я не былъ почти очевидцемъ этого происшествія, то оно, по справедливости, могло бы показаться болѣзненною фантазіей. Какова живучесть человѣка! Не забудьте, что Девдоридзе до того разновременно былъ уже пять разъ раненъ пулями; лѣтъ ему было около 35, высокій, худой, съ блѣднымъ, впалымъ лицомъ.

Услыхавъ стоны, милиціонеры взяли его и донесли до форта, гдѣ ему была оказана первая помощь; онъ вскорѣ опять пришелъ въ себя, чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ меня и слабымъ голосомъ разсказалъ мнѣ подробности происшествія. Я, понятно, употребилъ всѣ усилія помочь бѣдному; поилъ его чаемъ, разыскалъ кой-какія его вещи и оружіе, о которомъ онъ особенно безпокоился, присмотрѣлъ за его конемъ, а когда мы, послѣ ночлега въ фортѣ, на другой день отправились обратно въ Закаталы, устроилъ ему носилки съ зонтикомъ изъ носовыхъ платковъ, всю дорогу ѣхалъ около него, утолялъ его жажду; прибывъ на квартиру въ Закаталы, я тотчасъ же розыскалъ одного изъ горскихъ лекарей; тотъ осмотрѣлъ раненаго, нашелъ положеніе чрезвычайно опаснымъ, особенно вслѣдствіе ужаснаго истощенія силъ отъ громадной потери крови, но выразилъ надежду, что если больной выдержитъ еще дня три, то можетъ и выздоровѣть. Лекарь съ

усердіемъ занялся моимъ пріятелемъ, имѣя въ виду и покровительство и щедрое вознагражденіе отъ князя Эристова, котораго я обо всемъ извѣстилъ; и нужно отдать справедливость покойному князю Захарію Георгіевичу: онъ какъ ребенокъ плакалъ, слушая мой разсказъ о постигшемъ его соотечественниковъ несчастіи, и дѣлалъ все, что̀ возможно для успокоенія раненыхъ. Недѣли черезъ двѣ Девдоридзе уже вставалъ съ постели, ходилъ по комнатѣ и видимо выздоравливалъ. Какъ я ни старался отвлекать его отъ воспоминанія о кровавой катастрофѣ 8-го мая, но онъ по нѣскольку разъ въ день возвращался къ этому, предъ глазами его носились эти ужасные призраки и онъ все восклицалъ: „Боже, неужели Ты допустишь, чтобъ я умеръ безъ отмщенія!“ Да, должно быть сцена была слишкомъ ужасна, далеко превосходившая мое слабое описаніе, когда она могла произвести такое исключительное впечатлѣніе на Девдоридзе, человѣка родившагося и выросшаго среди безпрерывныхъ тревогъ и опасностей, не разъ глядѣвшаго въ глаза смерти!..

Благодаря чрезвычайной натурѣ раненаго, искуству лекаря (въ отношеніи леченія ранъ азіятскіе лекаря владѣютъ какими-то, по наслѣдству передаваемыми тайными средствами и, случается, затмѣваютъ медицинскую науку, даже въ лучшихъ ея представителяхъ *) и хорошему уходу, Девдоридзе въ первыхъ числахъ іюня настолько оправился, что могъ сѣсть на лошадь и потихоньку отправиться въ свои родныя горы, гдѣ онъ, среди своей семьи, и выздоровѣлъ окончатель-

*) Это не шутка и не преувеличеніе, а фактъ, всему Кавказу извѣстный. Въ 1847 году при осадѣ Салты былъ раненъ въ грудь на вылетъ подполковникъ Мищенко; князь Воронцовъ, очень уважавшій этого храбраго офицера, просилъ бывшаго тамъ знаменитаго нашего оператора Пирогова посвятить Мищенкѣ особое вниманіе и тотъ, осмотрѣвъ его, объявилъ, что къ крайнему сожалѣнію едва ли можно что-нибудь сдѣлать, что смерть почти неизбѣжна. Между тѣмъ призванный лекарь-горецъ поставилъ его на ноги. Мищенко—еще въ 1867, то-есть чрезъ 20 лѣтъ, здравствовалъ комендантомъ въ Херсонѣ! Умеръ, кажется, только въ 1875 году.

но. Мнѣ уже, впрочемъ, не пришлось его больше встрѣтить, хотя я послѣ того еще семнадцать лѣтъ пробылъ на Кавказѣ; но извѣстія и поклоны отъ него получалъ я нѣсколько разъ.

Все описанное мною происшествіе произвело на всѣхъ какое-то особенно тяжелое непріятное впечатлѣніе; хотя и казалось, что Кавказу вѣдь подобные случаи не въ диковину, что особенныхъ серьезныхъ послѣдствій тутъ не предвидится, что и цѣлымъ отрядамъ не разъ приходилось испытывать пораженія, слѣдовательно пораженіе горсти увлекшихся милиціонеровъ не представляетъ ничего выходящаго изъ ряду. Оно и дѣйствительно такъ было; но по какому-то неопредѣленному, часто въ обществѣ проявляющемуся, какъ будто безпричинному чувству, это происшествіе возбуждало много толковъ: производило не то уныніе, не то раздраженіе, не то худо скрываемое ощущеніе оскорбленнаго убѣжденія въ нашемъ превосходствѣ надъ туземнымъ населеніемъ. Генералъ Чиляевъ былъ очевидно въ скверномъ настроеніи. Онъ поспѣшилъ отпустить милиціонеровъ по домамъ и тѣ, забравъ тѣла своихъ погибшихъ товарищей, отправились въ родную Грузію разносить печальную вѣсть, какъ водится, съ преувеличеніями и прикрасами. На ихъ мѣсто у форта былъ оставленъ баталіонъ.

Вскорѣ послѣ этого событія, кажется около 20-го мая, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ опять посѣтилъ лезгинскую линію, переправясь чрезъ Алазань противъ укрѣпленія Лагодехъ. Здѣсь встрѣтили его власти изъ Закаталъ, въ томъ числѣ и Эристовъ, съ которымъ и я туда пріѣхалъ.

Князь Воронцовъ былъ очевидно недоволенъ положеніемъ дѣлъ на лезгинской линіи, усиливавшимся числомъ и крупными размѣрами происшествій. Такъ, напримѣръ, въ февралѣ или началѣ марта, когда я былъ въ отпуску, изъ Лагодеха была отправлена въ лѣсъ за дровами команда тифлисскаго егерскаго полка изъ сорока рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ. На нее напала партія качаговъ и изъ сорока двухъ

человѣкъ едва спаслись кажется пять-шесть, скрывшихся въ чащу! Оказалось, что команда слѣдовала въ безпорядкѣ, многіе солдаты положили ружья на телѣги и занимались собираніемъ ягодъ и проч. Офицера съ ними не было. Этимъ безпорядкомъ только и объясняется, что человѣкъ 50—60 качаговъ могли истребить команду, которая, идя въ порядкѣ и устроивъ при нападеніи каре, могла бы устоять и противъ въ пять разъ сильнѣйшаго непріятеля. Этотъ случай произвелъ страшный переполохъ между начальствомъ на линіи, потому что въ февралѣ нельзя было свалить дѣло на „значительное скопище горцевъ"; тогда за глубокимъ снѣгомъ и одному человѣку трудно было пробраться чрезъ горы, а не то что „скопищу". Пришлось сознаться, что нападеніе сдѣлано качагами, то-есть людьми пребывающими на нашихъ глазахъ между жителями, безнаказанно и безбоязненно разгуливающими по плоскости, состоящей въ абсолютномъ нашемъ владѣніи.

Чтобы хоть отчасти изгладить дурное впечатлѣніе, были приняты исключительно энергическія мѣры: князь Эристовъ съ двумя, тремя баталіонами отправился въ аулы, лежавшіе ближе къ мѣсту происшествія и потребовалъ выдачи качаговъ. Требованіе было подкрѣплено такими нешуточными аргументами въ видѣ неминуемыхъ висѣлицъ для старшинъ и почетнѣйшихъ людей, въ видѣ отдачи аула на разграбленіе баталіонамъ и проч., что въ этотъ разъ татарская дипломатическая тактика не имѣла успѣха и господамъ кевхамъ и ахсахкаламъ пришлось сдѣлать исключеніе: выпросивъ два-три дня сроку, они доставили къ Эристову шестнадцать человѣкъ качаговъ, участвовавшихъ въ помянутомъ нападеніи на команду, и затѣмъ объявили, что остальные успѣли не только бѣжать неизвѣстно куда, но и такъ скрыть слѣды, что никакой возможности нѣтъ что-нибудь больше сдѣлать; они вполнѣ увѣрены, что качаги успѣли гдѣ-нибудь открыть удобную тропинку и перебрались за хребетъ, откуда, понятно, уже достать ихъ никто не въ силахъ. (Это могло случиться въ дѣй-

ствительности, ибо при отчаянныхъ усиліяхъ, спасая свою голову, можно было рискнуть на переходъ чрезъ горы; при всей трудности, это однако многимъ, особенно привычнымъ удавалось). Начальство удовольствовалось этими результатами. Шестнадцать качаговъ были преданы полевому военному суду и сидѣли въ закатальской крѣпости, ожидая рѣшенія.

Этотъ случай нѣкоторымъ образомъ подтверждалъ мое предложеніе о принятіи исключительно строгихъ мѣръ для прекращенія „качагства". Жители очень хорошо умѣли различать угрозы мнимыя отъ дѣйствительныхъ и тотчасъ отказались отъ дипломатическихъ пріемовъ, гдѣ не ожидали отъ нихъ никакого успѣха. А нѣсколько такихъ примѣровъ, когда качаги самими жителями были бы намъ живьемъ выданы, должно полагать, подорвали бы и ихъ обаяніе, и ихъ самонадѣянность. Но сплошь и рядомъ такъ бываетъ: что хорошо по иниціативѣ высшаго начальника, то не хорошо исходя отъ подчиненнаго...

Неудовольствіе князя Воронцова было причиной, что генералъ Чиляевъ попросился въ отпускъ въ Пятигорскъ къ минеральнымъ водамъ, а исправлять его должность былъ назначенъ генералъ-майоръ Б., командиръ кавказской гренадерской бригады. Что касается князя Эристова, то онъ видимо пользовался расположеніемъ князя Михаила Семеновича, былъ въ отличномъ расположеніи духа и изощрялся въ остротахъ надъ дѣяніями, особенно военными, Чиляева и его приближенныхъ. Понятно, тѣ все знали и отъ полнаго сердца ненавидѣли *сумасшедшаго* Эристова (такъ они его называли). Меня они причисляли къ партизанамъ князя Эристова и потому недружелюбно ко мнѣ относились.

По прибытіи изъ Лагодехъ въ Закаталы, я объявилъ Эристову, что намѣренъ идти къ бывшему съ княземъ начальнику главнаго штаба просить о переводѣ въ какой-нибудь полкъ; но онъ удержалъ меня отъ этого, объяснивъ мнѣ самымъ дружескимъ, конфиденціальнымъ образомъ, что самъ имѣетъ въ виду весьма скоро получить въ командованіе полкъ

и тогда переведетъ меня для занятія должности полковаго адъютанта; а между тѣмъ приготовляется экспедиція въ горы и мнѣ лучше принять въ ней участіе. Оба эти извѣстія весьма меня обрадовали; воображеніе о предстоящихъ отличіяхъ, наградахъ и проч. тотчасъ разыгралось и я отъ довольно унылаго расположенія духа, въ которомъ находился послѣднее время, вслѣдствіе неопредѣленности своего служебнаго положенія, мгновенно перешелъ къ самому розовому настроенію.

Въ Закаталахъ главнокомандующимъ былъ между прочимъ утвержденъ приговоръ военнаго суда о шестнадцати качагахъ, о которыхъ я выше разсказывалъ. Четверо были присуждены къ повѣшенію, а двѣнадцать къ наказанію сквозь тысячу человѣкъ шпицрутенами отъ 1,500 до 3,500 ударовъ. Затѣмъ князь уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ и Борисъ Гавриловичъ Чиляевъ.

При представленіи генералу Б. всѣхъ служащихъ, я объяснилъ ему, что былъ оставленъ его предмѣстникомъ для особыхъ порученій и что ожидаю дальнѣйшихъ приказаній. Вѣроятно предупрежденный обо мнѣ Эристовымъ, онъ довольно любезно приказалъ мнѣ оставаться пока также при немъ, въ ожиданіи порученій.

Генералъ Б. былъ извѣстенъ тѣмъ, что игралъ довольно видную роль, командуя колонной при взятіи штурмомъ Элису, во время возстанія Даніель-султана въ 1844 году, за что кажется получилъ и Георгіевскій крестъ. Онъ не принадлежалъ къ пользующимся *особою* извѣстностью въ краѣ и мнѣ, по крайней мѣрѣ до того, не приходилось ни встрѣчать его гдѣ нибудь, ни слышать объ немъ; только уже въ Закаталахъ я получилъ объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ офицеровъ Грузинскаго гренадерскаго полка, знавшихъ его какъ своего бригаднаго командира. Отзывы были не особенно восторженные и сводились къ тому, что его превосходительство человѣкъ не глупый, но довольно грубый, нерѣдко отталкивающе-

рѣзкій въ обращеніи съ офицерами и къ тому же „не дуракъ выпить“.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ вступленія Б. въ управленіе, приступили къ приведенію въ исполненіе приговора надъ качагами и генералъ захотѣлъ придать этой экзекуціи видъ, долженствующій, по его мнѣнію, произвести потрясающее дѣйствіе на все народонаселеніе. Собраны были изъ всего округа старшины, муллы, почетные жители и пр.; народу собралось не менѣе полторы тысячи человѣкъ. На гласисѣ крѣпости было выстроено каре изъ четырехъ баталіоновъ съ осьмью орудіями, внутри коего поставлены четыре висѣлицы „глаголемъ“ то-есть формы Г., въ отличіе отъ другого рода висѣлицъ „покоемъ“ то-есть П., и въ два развернутыхъ длинныхъ ряда баталіонъ Тифлисскихъ егерей съ достаточнымъ запасомъ палокъ. Привели изъ крѣпости подъ сильнымъ конвоемъ шестнадцать осужденныхъ, вслѣдъ за ними выѣхалъ верхомъ генералъ Б. со свитой и конвоемъ сотни Донскихъ казаковъ; раздалась команда: „смирно“ (безъ „слушай, на краулъ“, ибо ружья были заряжены боевыми патронами), войска гаркнули, „здравія желаемъ ваше—ство“. Тогда генералъ обратился чрезъ переводчика къ народу съ грозною рѣчью, что де шутить онъ съ ними не будетъ, что за малѣйшее происшествіе будетъ жечь, казнить, вѣшать, что старшины и муллы за все де отвѣчаютъ и пр. Слушатели потупили головы; блѣдныя лица выражали не то сосредоточенное вниманіе и страхъ, не то скрытую ненависть... Затѣмъ, по прочтеніи аудиторомъ приговора,—причемъ живо помню, какъ одинъ изъ арестантовъ, когда дошло до его имени и затѣмъ „повѣсить“, тутъ же громко съ улыбкой сказалъ: „а, повѣсить, *яхши*, *яхши*“ (должно-быть слово *повѣсить* онъ, сидя въ крѣпости, выучилъ отъ конвойныхъ).—Генералъ слѣзъ съ лошади, ему поставили на возвышеніи походное складное кресло, подали трубку съ длиннымъ янтарнымъ чубукомъ, его окружили нѣсколько офицеровъ изъ штаба и началась кровавая расправа...

Вотъ уже двадцать девять лѣтъ прошло съ тѣхъ

поръ, а все это событіе стоитъ у меня такъ живо предъ глазами, какъ будто оно происходило нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. И понятія, и особенно нервы были у меня тогда совсѣмъ другіе, не теперешніе—легко возбуждаемые, разстроенные, съ трудомъ переносящіе внезапный стукъ и т. п. Къ тому же я былъ партизанъ строгихъ карательныхъ мѣръ противъ мусульманскаго изувѣрства и упорства, и совершенно одобрялъ не только приговоръ, но и мѣры принятыя съ цѣлью произвести впечатлѣніе на народонаселеніе; тѣмъ не менѣе выходка генерала, усѣвшагося на креслѣ съ трубкой въ зубахъ, и ведущаго смѣшливый разговоръ въ минуту „вздергиванія“ людей на висѣлицы и раздающихся душу раздирающихъ стоновъ и визговъ, и тогда показалась мнѣ не умѣстною, плохо театральною; это было какъ бы подражаніе какому-нибудь восточному деспоту, самовластному пашѣ и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовало ни званію, ни положенію генерала, какъ главнаго представителя законной власти въ краѣ...

Баталіонъ Тифлисскаго егерскаго полка, въ руки коего попали двѣнадцать человѣкъ присужденныхъ къ шпицрутенамъ, считалъ себя не просто наряженнымъ для исполненія приговора, но какъ бы мстителемъ за своихъ погибшихъ въ лѣсу товарищей, и легко себѣ представить что̀ произошло. Я опускаю завѣсу и не желаю смущать воображеніе читателя описаніемъ картины, нерѣдко и теперь еще, послѣ 29 лѣтъ, бросающей меня въ нервную дрожь. (Я былъ въ тотъ день дежурнымъ и по службѣ обязанъ былъ оставаться до конца экзекуціи). Кажется 7 или 8 человѣкъ изъ нихъ, въ теченіи двухъ-трехъ сутокъ, умерли въ госпиталѣ.

Когда объ этомъ узнали въ Тифлисѣ, то князь Воронцовъ такъ былъ возмущенъ, что прислалъ особыхъ лицъ, кажется въ томъ числѣ своего приближеннаго доктора Андреевскаго, произвести дознаніе: что было причиной смерти этихъ наказанныхъ, и почему приговоръ въ исполненіи былъ такъ искаженъ, то-есть: люди считавшіеся главными виновниками и

присужденные къ повѣшенію понесли очевидно гораздо болѣе легкое наказаніе, ибо умерли мгновенно, безъ страданій? Впрочемъ, дѣло замяли, ограничившись сильнымъ нагоняемъ. Да и нельзя было сдѣлать что-нибудь болѣе рѣзкое, чтобы не дискредитировать мѣстныя власти окончательно въ глазахъ населенія. Но генералъ Б. съ того времени сталъ въ глазахъ князя Воронцова „невозможнымъ" и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда прибавилось еще одно происшествіе, о которомъ будетъ сказано ниже, кончилось не только его кратковременное управленіе Лезгинскою линіей, но и вообще кавказская служба: его перевели командиромъ одной изъ пѣхотныхъ бригадъ въ Россіи. До того однако пришлось мнѣ еще принять участіе въ экспедиціи въ горы подъ его начальствомъ, о чемъ я и намѣренъ разсказать теперь подробно.

XXX.

Въ послѣднее пребываніе князя Михаила Семеновича на Лезгинской линіи, рѣшено было примѣрно наказать горцевъ за побіеніе 8-го мая нашихъ милиціонеровъ. Съ этою цѣлью слѣдовало двинуть самостоятельный отрядъ въ горы, для разоренія ауловъ, жители коихъ принимали главное участіе въ нападеніи.

13-го іюня 1850 года, близь Бѣлоканскаго форта, собрался отрядъ подъ начальствомъ генералъ-майора Б. Составъ отряда, если не измѣняетъ мнѣ память, былъ кажется слѣдующій: 2-й и 3-й баталіоны Эриванскаго карабинернаго, 3-й и 4-й грузинскаго гренадерскаго, одна рота кавказскаго сапернаго батальона подъ командой штабсъ-капитана Кауфмана (Михаилъ Петровичъ, нынѣ генералъ-адъютантъ, начальникъ главнаго интендантскаго управленія), осьми или десяти горныхъ орудій, команды съ *крѣпостными ружьями* и ракетами, двѣ сотни донскихъ казаковъ, одна сотня пѣшей и одна конной грузинской милиціи. Чрезъ нѣсколько дней, уже въ горахъ, къ намъ присоединились еще два батальона Тифлис-

скаго егерскаго полка съ своимъ полковымъ командиромъ княземъ Ревазомъ Ивановичемъ Андрониковымъ, недавно умершимъ въ званіи генерала-адъютанта. Для участвованія въ дѣйствіяхъ, между прочимъ, прибылъ и адъютантъ князя Бебутова штабсъ-капитанъ Александровскій, съ которымъ я въ Тифлисѣ былъ хорошо знакомъ чрезъ брата его Василія Павловича, походнаго казначея намѣстника. Мы съ нимъ помѣстились въ одной палаткѣ и прожили вмѣстѣ до возвращенія отряда въ Закаталы.

14-го іюня отрядъ выступилъ въ походъ по той же дорогѣ, на которой 8-го мая случилась кровавая катастрофа съ нашими милиціонерами. До урочища Акималъ, гдѣ мы провели первую ночь, дорожка тянулась по лѣсу, и хотя узенькая, мѣстами очень крутая, но все же была довольно сносная; вьюки безостановочно подвигались и отрядъ безъ особыхъ приключеній въ сумерки достигъ ночлега, оказавшагося весьма удобнымъ,—воды, дровъ и травы сколько угодно.

Утро 15-го числа просто радостно намъ улыбнулось: солнце въ полномъ блескѣ, небо прозрачно синее, безъ малѣйшаго облачка, воздухъ влажно-живительный, кругомъ сочная зелень, а впереди дорожка, повидимому, не хуже пройденной наканунѣ. Когда лагерь былъ снятъ, все навьючено и батальоны построились къ выступленію, генералъ Б. съ своимъ штабомъ, всѣми прикомандированными волонтерами, съ сотней казаковъ и нѣсколькими милиціонерами выѣхали впередъ; слѣдомъ за нами тронулся авангардъ съ саперною ротой во главѣ, а въ хвостѣ всей колонны вьюки, подъ прикрытіемъ арріергарда; въ промежуткахъ артиллерія. Въ минуту выступленія съ Акимала едва ли кому приходила мысль, что погода можетъ измѣниться, что небольшой, въ нѣсколько верстъ, переходъ до перевала чрезъ хребетъ не будетъ совершенъ къ 4—5 часу пополудни. Даже я, ужь кажется, бывалый въ горахъ человѣкъ и исходившій ихъ вдоль и поперегъ въ разныя времена года, поддался какому-то общему

весело беззаботному настроенію и послѣ отлично проведенной ночи, послѣ вкусно выпитаго чаю, вскочилъ на коня въ одномъ сюртукѣ. Между тѣмъ, не успѣли мы пройти версты двѣ-три по чрезвычайно крутой, извилистой зигзагами тропинкѣ, насъ сталъ покрывать густой туманъ, окутавшій не только всю окрестность, но не дававшій возможности видѣть что-нибудь въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ себя; тропинка все ухудшалась, изъ глинистой превратилась въ щебенистую, затѣмъ въ усѣянную крупными камнями, наконецъ совсѣмъ пошла по скользкимъ плитнякамъ, по выдолбленнымъ углубленіямъ въ видѣ лѣстницы; въ иныхъ мѣстахъ, надъ страшными обрывами съ одной стороны и отвѣсною скалой съ другой, вдругъ являлись трещины до полуаршина шириной, чрезъ которыя привычныя лошади, безъ сѣдока, переступали безъ труда, но для непривычной, подъ тяжелымъ неуклюжимъ вьюкомъ, объемъ коего былъ вдвое шире самой тропинки, толкался о скалу, такія мѣста были непроходимы; не менѣе трудны и еще опаснѣе были крутые повороты на зигзагахъ, надъ безднами. Приходилось разъвьючивать, перетаскивать все на рукахъ, перевести лошадь, опять навьючивать. А туманъ, проникающій даже сквозь солдатскія шинели, то густѣлъ до того, что собственнаго носа не видно, то вдругъ порывистымъ холоднымъ вѣтромъ относился на нѣсколько секундъ въ сторону, давая возможность увидѣть тянувшійся гуськомъ отрядъ, покрывалъ вдругъ опять все непроницаемымъ мракомъ *). Съ каждымъ шагомъ впередъ движеніе становилось труднѣе, все чаще и чаще раздавались крики: Юпитеръ сорвался, Рыбка полетѣла (названіе артиллерійскихъ лошадей), передаваемые отъ одного къ другому. пока не доходили до ѣхавшаго между нами впереди артиллерійскаго командира подполковника де-Саже, человѣка впол-

*) Переходъ по этой дорогѣ отряда прекрасно изображенъ на одной изъ извѣстныхъ картинъ мюнхенскаго профессора Горшельта, бывшаго впослѣдствіи на Кавказѣ и втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ сопутствовавшаго войскамъ на всѣхъ театрахъ войны.

нѣ достойнаго, но вѣроятно, очень слабонервнаго, впервые попавшаго въ такую мѣстность; блѣдный отъ головокруженія, на адской тропинкѣ надъ обрывами, едва передвигавшій ноги, онъ долженъ былъ выслушивать такіе неутѣшительные возгласы.

Мы, бывшіе впереди, на легкѣ, незамѣтно подвигались скорѣе остальныхъ войскъ, задерживаемыхъ артиллеріей и вьюками, и часовъ около 5 пополудни достигли перевала на горѣ Маалъ-расъ, гдѣ на небольшой, усѣянной крупными камнями площадкѣ, окруженной высокими, снѣгомъ покрытыми шпицами, остановились въ ожиданіи отряда, казавшагося весьма близкимъ и во всякомъ случаѣ имѣвшаго подойти не позже 7—8 часовъ. Случилось не такъ. Пока еще кое-какъ видно было, арріергардъ хоть тихонько двигался, дѣлая отъ одной до полутора верстъ въ часъ; но часовъ съ семи, при сильно сгустившемся туманѣ, проливномъ дождѣ со снѣгомъ, движеніе стало положительно невозможнымъ, отрядъ долженъ былъ остановиться и провести на узенькой тропинкѣ, стоя, всю ужасную ночь. И наше положеніе на вершинѣ Маалъ-раса становилось невыносимымъ; на мнѣ давно уже не было сухой нитки и я дрожалъ, какъ въ сильнѣйшемъ лихорадочномъ пароксизмѣ. Мой Давыдъ, у котораго къ сѣдду всегда приторачивалась моя бурка и небольшая переметная сумка съ закуской, остался зачѣмъ-то около нашего вьюка, и послѣ уже не имѣлъ никакой возможности по узенькой тропкѣ обогнать отрядъ, чтобы присоединиться къ авангарду; онъ по неволѣ остался при вьюкѣ, а я былъ принужденъ провести всю эту, показавшуюся мнѣ безконечною ночь, кое-какъ прикрывшись вытащенными изъ-подъ сѣдла потниками (войлочками), да припрыгивая по лужицамъ, чтобы хоть немного обогрѣть коченѣющіе члены. Бѣдныя лошади, голодныя, обливаемыя холоднымъ дождемъ, пронизываемыя рѣзкимъ вѣтромъ, не менѣе людей дрожали, издавая по временамъ какіе-то жалостные стоны. На всей площадкѣ виднѣлась единственная солдатская палатка, какими-

то особенно услужливыми усиліями доставленная изъ арріергарда для генерала; да донцы ухитрились, составивъ въ конусы штукъ по 20 пикъ, накрыть ихъ бурками, шинелями, сѣдельными потниками и устроить нѣкоторое убѣжище отъ дождя и вѣтру; раза два я забирался къ нимъ туда, но тѣснота, невыносимый запахъ и крайне неудобное положеніе ногъ, которыя приходилось поджимать подъ себя, выгоняли меня вонъ. Наконецъ, когда холодъ уже грозилъ привести меня въ совершенное окоченѣніе, стало свѣтать, дождь прекратился, туманъ быстро поднялся и ближайшія части отряда оказались не болѣе какихъ-нибудь 500—700 саженъ отъ насъ; я побѣжалъ туда, у знакомыхъ офицеровъ досталъ бурку, чарку водки съ кускомъ хлѣба и, немного согрѣвшись, сталъ поджидать своего Давыда съ вьюкомъ. Мой сожитель Александровскій былъ счастливѣе, у него было съ собою пальто, да капитанъ Кауфманъ, коему саперы изъ пирамидально поставленныхъ ружей, накрытыхъ кое-чѣмъ, устроили тоже нѣчто въ родѣ навѣса, зазвалъ его къ себѣ и они провели ночь все же гораздо лучше моего.

Не стану утомлять читателя еще бо̀льшими подробностями этого памятнаго мнѣ движенія и ограничусь слѣдующимъ заключеніемъ: отрядъ предполагалъ къ 4—5 часамъ пополудни 14-го числа перевалить чрезъ Маалъ-расъ на удобное для ночлега мѣсто, а между тѣмъ едва только къ 6 часамъ вечера 15-го числа стянулся на площадку Маалъ-раса, не имѣя возможности за сильнымъ утомленіемъ лошадей, бывшихъ уже болѣе сутокъ безъ корма, за наступившею темнотой и возобновлявшимся туманомъ тронуться далѣе къ болѣе удобному ночлегу. На переходѣ отъ Акимала, всего верстъ 7—8, потеряно сорвавшихся съ кручи 49 артиллерійскихъ и вьючныхъ лошадей. Только 16-го числа, въ 8 часовъ утра, отрядъ могъ двинуться далѣе къ спуску въ долину рѣки Рогнооръ-чай. Таковы-то бывали походы на Кавказскихъ горахъ!..

Рогнооръ-чай послѣ дождя оказался сильно бушующимъ;

переправа въ бродъ была очень затруднительна и продолжалась болѣе пяти часовъ; съ одного берега на другой былъ протянутъ канатъ, и люди, съ ружьями за плечомъ, перебирались бочкомъ, держась обѣими руками за канатъ; волны хлестали выше пояса и нѣкоторые солдаты отъ головокруженія падали, подхватываемые конными милиціонерами, поставленными плотною шеренгой противъ теченія; не мало трудности было переправить вьючную артиллерію и вообще прочія тяжести. Мнѣ приказано было съ милиціонерами оставаться въ водѣ все время, пока не переправится до послѣдняго человѣка арріергардъ; ну и пришлось мнѣ-таки изрядно повозиться въ тотъ день, особенно съ артиллеріей; за то и выразили мнѣ артиллеристы особую благодарность, помѣстивъ въ своихъ отчетахъ, кажется, гдѣ-то напечатанныхъ, что благополучной переправой орудій обязаны единственно моимъ усиліямъ. Наконецъ, переправа совершилась, и мы въ сумерки достигли урочища Тамалда, очень удобнаго для расположенія лагеря. За весь день мы прошли около десяти или пятнадцати верстъ.

Непріятеля нигдѣ не было видно; но генералъ Б. счелъ нужнымъ изъ предосторожности маневрировать; по обѣ стороны ущелья на едва доступныя кручи были посланы по двѣ роты, подъ командой майоровъ князя Семена Шаликова и, кажется, Шатилова. Стрѣлять имъ не пришлось, но терзаться въ этомъ карабканіи солдатикамъ досталось не мало...

Съ Тамалды открывалась значительная часть ущелья Аварскаго Койсу, заселеннаго лезгинскимъ обществомъ Джурмутъ; аулы виднѣлись на покатистомъ противоположномъ берегу рѣки, и имъ суждено было послужить козломъ отпущенія за катастрофу съ милиціонерами нашими.

Генералъ-маіоръ Б. съ первыхъ же дней похода довольно рельефно выказалъ себя человѣкомъ, находящимся въ экстазѣ отъ роли „полководца“. На разные наружные, декоративные аксесуары было обращено особое вниманіе: эффектное „здорованіе“ съ войсками, таинственная дѣятельность „штаб-

ныхъ", сновавшихъ около палатки генерала съ бумагами, придавая себѣ знаменательно глубокомысленный видъ; частыя совѣщанія съ туземцами знающими мѣстность, и—главное—раскрытая предъ генераломъ книга *La vie de Napoleon* par Baron Jomini мало-мальски наблюдательному человѣку говорили ясно, что его превосходительство, заполучивъ подъ свое начальство нѣсколько баталіоновъ и пушекъ, счелъ себя полководцемъ, имѣющимъ наполнить міръ своими дѣяніями. Къ числу декорацій, особенно любимыхъ генераломъ, принадлежала вечерняя зоря съ особенными церемоніями; при этомъ выпускалась ракета, раздавался выстрѣлъ изъ орудія, всѣ барабанщики и горнисты цѣлаго отряда начинали бой и вой. Это было впрочемъ принято и во всѣхъ отрядахъ, но нигдѣ не придавалось этому такого особаго значенія и нигдѣ оно не возбуждало поэтому и такой ироніи. Нѣсколько разъ ракеты, вѣроятно отсырѣвшія или вообще плохо приготовленныя, зашибали деревянными хвостами своихъ же людей, и потому приказано было для порядка наряжать по очереди артиллерійскихъ офицеровъ, которые крайне были этимъ недовольны.

Первые три дня отрядъ простоялъ безо всякаго дѣла. И люди и лошади отдохнули послѣ трудныхъ переходовъ; дождливая погода наконецъ угомонилась и къ вечеру 19-го числа великолѣпное захожденіе солнца, при чистомъ, безоблачномъ небѣ, показало намъ одну изъ тѣхъ дико прекрасныхъ картинъ кавказской природы, которыя никогда не перестаютъ поражать человѣка, хотя и смотрящаго на нихъ десятки лѣтъ сряду.

Начало дѣйствій отряда назначено было съ 20-го числа рекогносцировкой дороги, ведущей къ переправѣ чрезъ рѣку Аварское Койсу. Отъ всѣхъ баталіоновъ, милиціонерныхъ и спѣшенныхъ казачьихъ сотенъ были вызваны охотники, сформирована партизанская команда, имѣвшая назначеніемъ находиться въ головѣ авангардныхъ колоннъ, выслѣживать скрывшагося непріятеля, обходить его по трудно доступнымъ

тропинкамъ и т. д., что въ другихъ мѣстностяхъ обыкновенно возлагается на легкую кавалерію, а здѣсь могло совершаться только пѣшими и особенно ловкими ходоками. Команда эта, приказомъ по отряду, была поручена мнѣ, чему я крайне обрадовался, какъ вообще всему что давало случай къ сильнымъ ощущеніямъ.

20-го іюня, при великолѣпной погодѣ, колонна назначенная для рекогносировки выступила изъ лагеря. Въ головѣ шелъ я съ своею командой охотниковъ и сотня пѣшихъ грузинскихъ милиціонеровъ; за нами рота саперъ и 3-й баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка съ двумя горными орудіями. На спускѣ къ переправѣ, въ мелкомъ рѣдколѣсьи, насъ встрѣтили горцы и завязалась перестрѣлка; люди мои разсыпались по лѣсу, а я остался на дорогѣ; ко мнѣ подошелъ командиръ саперной роты Михаилъ Петровичъ Кауфманъ, съ которымъ мы и завели какой-то разговоръ; вдругъ онъ поблѣднѣлъ, пошатнулся, схватился рукой за бокъ, я едва успѣлъ поддержать его, крикнувъ саперамъ, что ихъ капитана ранили; прибѣжавшіе солдаты тотчасъ уложили его на носилки и отправились обратно въ лагерь, отъ коего мы отошли не болѣе четырехъ-пяти верстъ. Къ счастью, рана оказалась не особенно опасною, пуля не задѣла самыхъ чувствительныхъ органовъ, и Кауфманъ въ послѣдствіи совершенно выздоровѣлъ. — Между тѣмъ горцы, перестрѣливаясь, отступали, мы подвигались за ними, и на половинѣ спуска, гдѣ лѣсъ становился уже совершенно мелкимъ, по данному намъ сигналу, остановились. Внизу у моста, перекинутаго чрезъ Аварское Койсу, виднѣлся завалъ, занятый непріятелемъ. Подошелъ баталіонъ, поставили орудія и пустили по завалу нѣсколько шрапнелевыхъ гранатъ, изъ коихъ одна очень удачно разорвалась надъ самымъ заваломъ; видно было, какъ горцы закопошились, и часть ихъ пустилась въ разсыпную по мосту. Осмотрѣвъ такимъ образомъ ведущую къ переправѣ дорогу, которую кое-гдѣ исправили, и значительную часть противоположнаго берега, на покатости коего раски-

нулся довольно большой аулъ, окруженный засѣянными хлѣбомъ террасами, мы потянулись обратно, имѣя нѣсколько человѣкъ раненыхъ въ перестрѣлкѣ людей.

На другой день отрядъ, оставивъ лагерь подъ прикрытіемъ нѣкоторой части войскъ, выступилъ двумя колоннами съ цѣлью перейти рѣку и съ двухъ сторонъ наступать къ аулу Богнада, взятіе и разореніе коего, съ истребленіемъ посѣвовъ, составляло задачу движенія. Одна колонна пошла по той дорогѣ, которую мы наканунѣ осматривали, другая правѣе, нѣсколькими верстами выше по теченію, гдѣ по свѣдѣніямъ тоже долженъ былъ быть мостикъ. Предполагалось такимъ образомъ, вопервыхъ, развлечь непріятеля, уменьшивъ число защитниковъ главной переправы и аула, вовторыхъ, обойти самый аулъ съ двухъ сторонъ, втретьихъ, въ случаѣ неудачи переправы въ одномъ мѣстѣ, совершить ее въ другомъ, и вчетвертыхъ, захватить большее пространство засѣянныхъ полей для истребленія посредствомъ скашиванія и вытаптыванія. Я съ партизанскою командой былъ назначенъ во вторую колонну, состоявшую изъ 3-го баталіона грузинскихъ гренадеръ, двухъ баталіоновъ Тифлисскихъ егерей и четырехъ горныхъ орудій, поръ начальствомъ командира Тифлисскаго полка князя Р. И. Андроникова. До рѣки мы дошли безъ всякихъ приключеній, но мостикъ застали разрушеннымъ, а на другомъ берегу за камнями виднѣлось нѣсколько горцевъ. Очевидно, насъ съ этой стороны тоже поджидали, но думали удержать разрушеніемъ моста, оставивъ только пикетъ для наблюденія; главныя же свои силы горцы, не раздробляя, сосредоточили у переправы подъ ауломъ.

Устроить какой-нибудь мостъ, за отсутствіемъ всякихъ матеріаловъ и даже инструментовъ, нечего было и думать; пускаться въ бродъ чрезъ бѣшено ревущую по камнямъ рѣку тѣмъ менѣе. Собравшіеся на берегу командиръ гренадерскаго баталіона подполковникъ Сусловскій и нѣсколько офицеровъ (остальныя войска съ начальникомъ колонны были еще назади) пустились въ разсужденіе о томъ при-

дется ли колоннѣ идти назадъ, или посылать за приказаніями къ начальнику отряда? Во всякомъ случаѣ нужно было дождаться князя Андроникова. Между тѣмъ я, подойдя къ самому разрушенному мостику, сталъ осматривать его остатки; онъ оказался по своей конструкціи моимъ старымъ знакомцемъ, такой же какъ на Аргунѣ въ Хевсуріи, о чемъ я уже подробно разсказывалъ въ другомъ мѣстѣ. Устои изъ дерева и камней оказались почти цѣлыми, особенно на нашемъ берегу, сброшены были только тѣ бревна съ настилкой изъ плетня, по которымъ совершается обыкновенно переходъ; все это было унесено рѣкой; одно изъ бревенъ, однако, вырытое изъ противоположнаго устоя, однимъ концомъ на нашей сторонѣ удержалось и въ полуновисшемъ положеніи покачивалось то вверхъ, то внизъ, почти касаясь горизонта воды.

Нельзя ли перейти по этому бревну? подумалъ я Приказавъ нѣсколькимъ человѣкамъ моей команды потормошить укрѣпленный въ устоѣ конецъ бревна, чтобъ удостовѣриться прочно ли оно тутъ держится, и убѣдившись, что сидитъ оно въ своемъ гнѣздѣ крѣпко, — я обратился къ подполковнику Сусловскому съ предложеніемъ перебраться съ моими людьми на ту сторону; а затѣмъ и онъ съ баталіономъ могъ бы послѣдовать за мною. Предложеніе мое было встрѣчено смѣхомъ и „Богъ знаетъ, что̀ за глупости вы толкуете!“ Я этимъ однако не смутился и сказалъ, что такъ какъ непріятеля на той сторонѣ не видать, а 3—4 человѣка караульныхъ на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ не опасны, то я и одинъ съ своею командой (до 70 человѣкъ) могу перебраться, занять правый берегъ, да и пройти, пожалуй, до присоединенія къ первой колоннѣ. „Да какъ же вы по такому бревну будете переходить? Что вы учились на канатѣ плясать что-ли?“ острили офицеры, болѣе или менѣе всѣ мои знакомые.—А вотъ увидите.

Не долго думая, я сѣлъ на бревно верхомъ, уперся въ него спереди обѣими руками, за мною такимъ же поряд-

комъ еще два человѣка, и подвигаясь какъ бы совками (при этомъ бревно насъ покачивало вверхъ и внизъ такъ, что ноги погружались въ воду), не глядя въ рѣку, во избѣжаніе головокруженія, мы втроемъ достигли противоположнаго устоя, но выйти на него не могли,—бревно четверти на двѣ не хватало, — спрыгнули на берегъ и благополучно достигли цѣли. Нѣкоторое дрожаніе рукъ и ногъ и потный лобъ обнаруживали сильное напряженіе нервовъ... Сначала зрители смѣялись, послѣ стали кричать: „сумашедшій, что̀ вы дѣлаете, вернитесь"; когда мы доползли до половины, надъ самою бѣшеною быстротой потока, они ожидали неизбѣжной катастрофы; увидавъ же насъ вышедшихъ на берегъ, замахали фуражками и платками... По моимъ слѣдамъ перебралось еще человѣка четыре изъ моей команды, тогда мы стали держать висѣвшій на воздухѣ конецъ бревна, чтобъ уменьшить качку, отъ которой являлось нервное безпокойство, и этимъ облегчили движеніе настолько, что на бревно стали садиться уже отъ 6 до 10 человѣкъ разомъ; не прошло и часу какъ вся моя команда была уже со мною, общими силами бревно кое-какъ было протянуто къ устою и качка совсѣмъ прекратилась. Непріятельскій пикетъ, сдѣлавъ нѣсколько безвредныхъ для насъ выстрѣловъ, скрылся. Тогда я переправился уже одинъ назадъ и встрѣченный разными: „ахъ, вы, джигитъ, ахъ вы, тушинская голова", скоро убѣдилъ Сусловскаго пуститься съ баталіономъ указаннымъ мною способомъ. Старикъ наконецъ согласился, сѣлъ сзади меня и послѣ оховъ, вздоховъ, передвинулся благополучно, а за нимъ вся седьмая фузелерная рота со своимъ командиромъ княземъ Иваномъ Шаликовымъ. Въ это время подошла вся колонна; князь Андрониковъ, осмотрѣвъ переправу и выслушавъ разсказъ объ изобрѣтенномъ мною способѣ передвиженія, разрѣшилъ перебраться остальнымъ тремъ гренадерскимъ ротамъ, а самъ съ двумя Тифлисскими баталіонами, орудіями и вьюками остался на лѣвой сторонѣ, съ тѣмъ, чтобъ или отыскать гдѣ-либо лѣсу для возобновленія моста,

или поискать выше по теченію возможности въ узкомъ мѣстѣ перейти въ бродъ.

Описать такъ подробно и рельефно этотъ волтижерскій фокусъ переправы верхомъ по качающемуся бревну чрезъ бѣшенный потокъ, чтобы читатель могъ вполнѣ ясно представить себѣ весь процессъ этой *шеломной* выходки, почти невозможно, особенно для незнакомаго съ Кавказомъ, его рѣками, мостами и пр. Какъ представлю себя теперь верхомъ на бревнѣ, держащемся *однимъ концомъ* въ устоѣ изъ камня и земли, могущихъ легко осыпаться, на трехъ аршинной высотѣ надъ бурлящимъ потокомъ, въ волнахъ коего человѣка прежде исковеркаетъ, измелетъ, а послѣ уже утопитъ, по спинѣ мурашки бѣгаютъ!.. Вспоминая теперь, чрезъ 29 лѣтъ, объ этомъ, я самъ рѣшительно недоумѣваю — зачѣмъ дѣлались мною такія сумасбродства? Меня даже не подбивали къ этому мечты о какихъ-нибудь особенныхъ отличіяхъ и наградахъ, которыя, какъ мнѣ хорошо было извѣстно, давались весьма рѣдко такимъ малоизвѣстнымъ, непривиллегированнымъ людишкамъ. Ничѣмъ болѣе такихъ выходокъ объяснить нельзя, какъ какою-то безшабашностью, какою-то неугомонною наклонностью къ дикому удальству, послѣдствіемъ долгаго пребыванія, въ возрастѣ впечатлительной юности, среди дикихъ горъ и ихъ обитателей, цѣнящихъ въ человѣкѣ только совершенное презрѣніе къ смерти и вообще ко всякой опасности.

Очутившись на другомъ берегу рѣки, покойный Иванъ Матвѣевичъ Сусловскій, добрѣйшая душа, но весьма ограниченный и слабый человѣкъ, долго не рѣшался, что̀ дальше предпринять и помнилъ только, что начальникъ колонны князь Андрониковъ сказалъ ему: на той сторонѣ рѣки вы уже дѣйствуйте по своему усмотрѣнію и соединитесь съ главнымъ отрядомъ, или дождитесь моей переправы. Однако медлить было нельзя, солнце стало уже клониться къ западу; рѣшили идти вдоль теченія рѣки къ аулу, гдѣ разсчитывали найти генерала съ войсками. Нѣсколько горцевъ на благо-

родной дистанціи слѣдили за нашимъ движеніемъ, и мы, пройдя верстъ шесть, услыхали впереди звуки ружейныхъ выстрѣловъ, а еще версты черезъ три, четыре, поднявшись на возвышеніе, увидали пылавшій аулъ и дымки выстрѣловъ, вспыхивавшихъ изъ-за горящихъ на плоскихъ кровляхъ саклей кучекъ хворосту, заготовляемыхъ горцами на зиму для топлива. Войска уже отступали отъ аула къ переправѣ. Мы должны были ускорить шагъ, чтобы скорѣе присоединиться къ хвосту аріергарда и не дать времени горцамъ занять или разрушить переправу, что̀ поставило бы насъ въ крайне скверное положеніе. Уже стало смеркаться, когда мы появились подъ самымъ ауломъ; моя команда тотчасъ была разсыпана по крайнимъ саклямъ и завязала перестрѣлку съ исподволь возвращавшимися въ аулъ жителями, скрывшимися было въ верховья крутой балки при взятіи аула, а баталіонъ пошелъ прямо къ мостику, по которому могли проходить не болѣе трехъ, четырехъ человѣкъ въ рядъ. Когда гренадеры перешли наконецъ всѣ, тогда я собралъ всю свою команду, бѣгомъ бросился къ мосту, и, ведя лишь одного раненаго въ руку донского козака, благополучно присоединился къ своимъ. Съ четверть часа гренадеры еще потѣшались безполезною тратою патроновъ, стрѣляя по одиночнымъ горцамъ, показывавшимся изъ-за саклей, затѣмъ мы двинулись по дорогѣ къ лагерю, куда и прибыли уже довольно поздно, очень утомленные.

Князь Андрониковъ со своею колонной, не помню уже какимъ способомъ, переправился гдѣ-то выше по рѣкѣ, и ночевалъ на той сторонѣ. Слѣдующій день онъ употребилъ на истребленіе ближайшихъ къ берегу засѣянныхъ полей, и къ вечеру возвратился въ лагерь. За два дня, 20-го и 21-го іюня, раненыхъ набралось у насъ человѣкъ до тридцати. Генералъ Б. посѣтилъ всѣхъ, благо̀дарилъ, обнадежилъ Георгіевскими крестами.

Между тѣмъ „лазутчики“ все сновали въ его палатку, очевидно что-то предпринималось еще. Дня черезъ три ка-

жется, отрядъ опять выступилъ двумя колоннами; одна пошла по теченію рѣки, другая переправилась черезъ мостъ у разореннаго аула, прямо въ гору на перевалъ; при этой колоннѣ, подъ начальствомъ самого генерала, слѣдовалъ и я съ партизанскою командой. Послѣ чрезвычайно труднаго, утомительнаго перехода по снѣгу, по камнямъ и адскимъ тропинкамъ, мы позднимъ вечеромъ только добрались до какого-то узкаго ущелья, гдѣ и ночевали бивуаками, и не взирая на конецъ іюня, мерзли жестоко. На другое утро, пройдя нѣсколько верстъ и зажигая пустые аулы общества Канадà, мы увидали большой аулъ, кажется Колобъ, въ который только-что вошли грузинскіе милиціонеры, бывшіе въ авангардѣ той другой колонны, двинувшейся по рѣкѣ, и уже успѣвшіе поджечь нѣсколько саклей. Жители, очевидно заранѣе предувѣдомленные нашими же лазутчиками, успѣли вывезти свои семейства, скотъ и почти все имущество дальше въ трущобы; слабая попытка ихъ отстаивать аулъ была отбита милиціонерами и егерями, захватившими значокъ и нѣсколько плѣнныхъ. Разсыпавшіеся по саклямъ люди наши не нашли почти ничего, чтò стоило бы назвать добычей; найдено было нѣсколько кувшиновъ и тазовъ красной мѣди, да нѣсколько телятъ. Простоявъ у аула часу до четвертаго, въ ожиданіи возвращенія посланныхъ къ скрывавшимся жителямъ лазутчиковъ, коимъ поручено было передать воззваніе, приглашавшее, смириться, покориться, дать заложниковъ и еще что-то въ этомъ родѣ,—на чтò послѣдовалъ рѣшительный отказъ— отрядъ, соединившись въ одну колонну, отступилъ по ущелью, истребляя по пути посѣвы, и невдалекѣ ночевалъ.

Всю ночь надъ ущельемъ носился густой дымъ пылавшихъ ауловъ и зажженныхъ костровъ, у которыхъ люди жарили отбитыхъ телятъ; было очень тепло, полная луна привѣтливо глядѣла на насъ съ высоты; нѣсколько человѣкъ насъ расположились на крышѣ какой-то сакли, и мы за чаемъ долго болтали, любовались живописною картиной и перекатами ревущей по камнямъ Аварской Койсу.

Въ два или три перехода мы опять возвратились въ лагерь на Тамалду, гдѣ на другой день отрядъ былъ построенъ на полянѣ; генералъ Б. торжественно объѣзжалъ ряды, поздравлялъ съ побѣдой, самодовольно принимая громко раздававшееся *ура*; затѣмъ было пропѣто *Отче нашъ*, сыграли *Коль славенъ* и прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Между тѣмъ запасъ продовольствія, особенно сухарей, почти истощился и войска ждали съ большимъ нетерпѣніемъ возвращенія давно отправленной въ Закаталы колонны, имѣвшей конвоировать вьючный транспортъ. День назначенный для прибытія транспорта миновалъ, но о немъ не было ни слуху, ни духу; прождали еще два, три дня; сухари давно всѣ исчезли, соли не было ни зерна, люди питались однимъ мясомъ и какою-то травой, имѣвшею острый вкусъ; появилось много больныхъ дизентеріей. У меня съ Александровскимъ тоже хлѣба и соли давно не было; изъ всѣхъ запасовъ оставался чай, сахаръ и саго; такъ мы и проводили дни, то пили чай, то ѣли безвкуснѣйшую кашу изъ саго, съ тѣхъ поръ мнѣ опротивѣвшую донельзя. Въ лагерѣ стало какъ-то тихо и уныло; генералъ Б. почти не показывался изъ палатки.

Наконецъ, должно-быть на пятый или шестой день томительнаго ожиданія и совершенной неизвѣстности о судьбѣ колонны съ транспортомъ, явились опасенія не истреблена ли она непріятелемъ, и безпокойство замѣтно увеличилось... Часу въ четвертомъ пополудни я смотрѣлъ на игравшихъ у насъ въ палаткѣ въ ералашъ Александровскаго, Коханова (Николай Семеновичъ, тогда артиллерійскій штабсъ-капитанъ, состоявшій, по особымъ порученіямъ при князѣ Воронцовѣ, въ послѣдствіи извѣстный начальникъ почтовой части на Кавказѣ), оправлявшагося отъ раны Кауфмана и не помню четвертаго, вдругъ явился ординарецъ звать меня къ генералу; я надѣлъ шашку и отправился.

Вхожу; его превосходительство сидитъ на складномъ походномъ креслѣ, предъ нимъ стаканъ пунша и раскрытый *Жомини*.

— Ваше превосходительство, имѣю честь явиться. Изволили требовать.

— Да-съ, я хочу дать вамъ порученіе; знаю вашу отвагу и находчивость, знаю какъ вы по бревну переправили баталіонъ и вообще считаю васъ за отличнаго офицера и пр. и пр., дамъ вамъ случай оказать важную услугу всему отряду и заслужить особую награду. Дѣло въ томъ, что вотъ уже пять дней какъ маіоръ Лыковъ долженъ былъ прибыть съ транспортомъ продовольствія, но о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній; я посылалъ уже двухъ лазутчиковъ, ни одинъ до сихъ поръ не вернулся. Возьмите свою команду, выступите такъ, чтобы никто въ лагерѣ даже не зналъ объ этомъ, и разыщите Лыкова съ его колонной или узнайте, по крайней мѣрѣ, о его судьбѣ; наконецъ дойдите, если нужно до самыхъ Закаталъ или Лагодехъ, если туда удобнѣе окажется, и употребите все стараніе доставить поскорѣе транспортъ съ сухарями. Соблюдайте крайнюю осторожность, чтобы не наткнуться на засаду; замѣтивъ сильнаго непріятеля, старайтесь скрыться отъ него, обойти, или отступить, однимъ словомъ, предоставляю вашему благоразумію и опытности пробраться и доставить намъ скорѣе продовольствіе, или, по крайней мѣрѣ, какія-нибудь свѣдѣнія о Лыковѣ, за котораго я, признаться, сильно опасаюсь. Постарайтесь сами найти дорогу, чтобы не брать лазутчика-проводника, которымъ я не довѣряю. Послѣ пробитія вечерней зори еще разъ зайдите ко мнѣ за окончательными приказаніями, а пока не говорите никому, даже изъ офицеровъ, ни слова.

— Слушаю, ваше превосходительство, постараюсь исполнить.

Я вышелъ изъ палатки генерала Б. въ какомъ-то состояніи восхищенія. Вотъ такъ порученіе, вотъ когда представляется случай совершить подвигъ, о которомъ напишутъ, напечатаютъ, будутъ вездѣ говорить; пожалуй, высшій Георгіевскій крестъ дадутъ!.. Я не зналъ какъ и дождаться вечера и пробитія зори, чтобы приступить къ исполненію.

Однако, мечтамъ моимъ не суждено было сбыться. Еще засвѣтло прибыли въ лагерь два посланные маіоромъ Лыковымъ туземца съ извѣстіемъ, что онъ не далеко, везетъ транспортъ съ сухарями и скоро будетъ; ему тотчасъ послали на встрѣчу роту, и часовъ въ девять вечера вся колонна прибыла въ лагерь, къ общей большой радости отряда, уже пять-шесть дней остававшагося безъ хлѣба. Оказалось, что промедленіе произошло отчасти вслѣдствіе дурныхъ распоряженій, медленности въ сборѣ вьючнаго (черводарскаго) транспорта, отчасти по совершенной неспособности Лыкова къ мало-мальски самостоятельному дѣйствію, по непривычкѣ чѣмъ-нибудь распоряжаться. Онъ всего боялся, и непріятеля, и безпорядковъ въ колоннѣ, и отвѣтственности за какой-нибудь потерянный вьюкъ сухарей; вездѣ ему представлялась опасность, онъ терялся, то двигался, то останавливался, и переходъ его продлился двумя-тремя днями болѣе чѣмъ бы слѣдовало.

Между тѣмъ въ отрядѣ, вмѣстѣ съ недостатками продовольствія, продолжалось совершенное бездѣйствіе и распространилось общее неудовольствіе на генерала Б. и весь его штабъ. На порицанія, насмѣшки и критику не скупились. Въ числѣ артиллерійскихъ офицеровъ былъ нѣкто штабсъ-капитанъ Гранкинъ, отличавшійся замѣчательнымъ импровизаторскимъ стихотворнымъ талантомъ; за стаканомъ вина, онъ могъ по часамъ говорить стихами, всегда очень складно и всегда кстати. До сихъ поръ помню отрывки цѣлой „поэмы“, которую онъ импровизовалъ въ одинъ вечеръ въ палаткѣ одного изъ офицеровъ Грузинскаго гренадерскаго полка, предъ собравшеюся компаніей. Поэма была у меня списана съ одного изъ ходившихъ по рукамъ экземпляровъ, но, къ сожалѣнію, затерялась и я долженъ ограничиться отрывками на память. Вотъ начало:

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Б—дъ
Громить непокорныя горы;
Онъ внизъ посылаетъ къ рѣкѣ авангардъ,
А на гору лѣзутъ майоры.

Далѣе, описывая движеніе отряда 21-го іюня къ аулу Богнадà, Гранкинъ продолжалъ:

Ракеты вредятъ и своимъ и чужимъ,
Лафеты трещатъ у орудій,
И съ крикомъ ура! по ауламъ *пустымъ*
Въ аттаку бросаются люди.

Никто тамъ не раненъ, никто не убитъ,
А лѣкарь усердно хлопочетъ,
И М... *) писарямъ собираться велитъ, —
Писать онъ реляцію хочетъ.

О чемъ же напишетъ реляцію онъ?
О томъ ли какъ брали мы скалы,
О томъ какъ аулъ непокорный сожженъ
И взяты пустые завалы?

О томъ ли какъ въ плѣнъ былъ захваченъ козелъ
И взятъ годовалый теленокъ,
И крылья раскинулъ двуглавый орелъ
Надъ грудой тазовъ и плетенокъ?..

Нѣтъ, нѣтъ; онъ о томъ ее будетъ писать,
Что мы побѣдили въ томъ дѣлѣ,
Что даже убитыхъ враговъ сосчитать,
Коммиссію назначить хотѣли...

Межъ тѣмъ какъ тѣла ихъ Мадатовъ **) считалъ,
Число ихъ утроить старался,—
А врагъ непокорный, уйдя въ Богнадалъ,
Оттуда надъ нами смѣялся.

«Пишите, пишите», онъ такъ говорилъ
Б...у и храброму штабу;
«Отрядъ вашъ въ трофеи себѣ захватилъ
Козла лишь, теленка, да бабу.

«А сколько, скажите, ребята у васъ
Лошадокъ подъ кручу скатилось,
Тогда какъ по ребрамъ горы Маалъ-Расъ
Къ намъ армія ваша тащилась?»

---

*) М. отрядный начальникъ штаба.

**) Армянинъ-переводчикъ.

Но Б... не слушаетъ глупыхъ рѣчей,
Отрядъ на поляну сбираетъ,
Молитву поетъ и съ побѣдой своей
Голодный отрядъ поздравляетъ.

Ура! ему *ружья* кричатъ
Ракеты и *пушки* *) имъ вторятъ.
О томъ, въ представленье кого помѣстятъ —
Майоры съ майорами спорятъ.

А врагъ ему шепчетъ: «внизу посмотри
На скаты горы Маалъ-Раса,—
На вьюкахъ везутъ сухари
И всякаго много запаса;

«Вино для отряда и ромъ для тебя,
Закуски отрядному штабу;
Но мы ихъ отнимемъ, отмстимъ за себя,
Козленка, теленка, да бабу.

«Вы долго напрасно ихъ будете ждать,
Дождетесь лишь нѣсколькихъ криковъ,
Которые будетъ въ горахъ испускать
Просящій о помощи Лыковъ».

Здѣсь не помню нѣсколькихъ строфъ, а за тѣмъ заключеніе:

И всѣ мы довольны походомъ своимъ,
И всѣ восклицаемъ—великъ нашъ Создатель!
Одинъ не доволенъ остался лишь имъ
Джурмутскихъ племенъ засѣдатель **)....

---

*) То-есть команды съ крѣпостными ружьями, съ ракетами и артиллеристы.

**) Джурмутское общество, ужь не знаю по какому поводу, вѣроятно послѣ какого-нибудь побѣдоноснаго движенія чуть ли не въ 30-хъ годахъ, считалось *покорнымъ* и даже былъ назначенъ джурмутскій приставъ для управленія ими. Должность эту занималъ одинъ изъ князей Джорджадзе, жившій себѣ преспокойно въ своемъ кахетинскомъ имѣніи Енисели, и получавшій какое-то содержаніе рублей въ 200—300. Въ Джурмутъ, само собою, онъ никогда заглянуть не могъ, ибо для этого требовалось присутствіе цѣлаго отряда, и вся обязанность его заключалась въ исправной роспискѣ по шнуровой книгѣ въ полученіи своего жалованья... Послѣ же на-

Одинъ ко кресту, и къ чину другой,
Къ наградѣ всякъ будетъ представленъ,
Одинъ только онъ, по винѣ по чужой,
Отъ должности будетъ отставленъ!..

И такъ далѣе, въ этомъ родѣ, все очень вѣрно и мѣтко.

Въ другой разъ какъ-то сидѣли мы нѣсколько человѣкъ въ палаткѣ, дождь лилъ не переставая, все мокро, въ лагерѣ грязь невылазная, сухарей давно нѣтъ, солдаты болѣютъ, тоскливое желчное настроеніе обуяло всѣхъ,—въ эту минуту входитъ вѣстовой звать Гранкина въ отрядный штабъ „ракету вечернюю пущать“.

— А, въ штабъ, говоритъ, вставая, нашъ импровизаторъ, хорошо:

За все, за все тебя благодарю я,
За то, что мы стоимъ здѣсь 20 дней,
За то, что въ штабъ съ ракетами хожу я,
За то, что мы живемъ безъ сухарей!

Не помню продолженія этого обращенія къ генералу Б., но въ заключеніи были приблизительно слѣдующія строки:

. . . . . .
Напейся же ты такъ,
Чтобы тебя хоть нынѣ
Апоплексическій хватилъ ударъ!

Получивъ продовольствіе, отрядъ пріободрился и уже сталъ порываться къ новымъ движеніямъ и встрѣчамъ съ горцами. Однако ожиданія эти не сбылись. Простоявъ еще нѣсколько дней на Тамалдѣ, въ напрасномъ ожиданіи депутатовъ съ изъявленіемъ покорности и раскаянія отъ наказанныхъ жителей, генералъ Б... рѣшился возвратиться на линію, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, утихшія было кровавыя происшествія возобновились въ сильныхъ размѣрахъ.

шей экспедиціи для наказанія и *покоренія* джурмутскаго приставства, казалось уже немыслимымъ дальнѣйшее существованіе должности пристава и, по словамъ импровизатора, князь Джорджадзе *за чужую вину* отъ должности будетъ отставленъ.

Въ первой половинѣ іюля мы тѣмъ же путемъ, безъ особыхъ приключеній, возвратились въ Бѣлоканы; здѣсь дневали, батальоны тифлисскаго полка ушли въ свой штабъ Лагодехи, а мы на другой день отправились въ Закаталы. Экспедиція кончилась. Результатомъ были: два-три немного разоренные аула, нѣсколько потравленныхъ полей, да кратковременный страхъ обитателей дикихъ лезгинскихъ трущобъ. Была ли у непріятеля какая-нибудь потеря при взятіи ауловъ, сказать трудно; во всякомъ случаѣ едва ли больше пятишести человѣкъ, задѣтыхъ шальными пулями; да и не удивительно: горцы закрытые своими каменными саклями безопасно стрѣляли въ подходившія совершенно открытыя головныя части нашихъ войскъ, а затѣмъ мигомъ исчезали и уходили по крутымъ балкамъ, гдѣ ихъ и не преслѣдовали. Съ нашей же стороны было человѣкъ 30 — 35 раненыхъ, штукъ 50 — 60 погибшихъ въ кручахъ лошадей, изрядное количество выпущенныхъ снарядовъ и патроновъ, крупная денежная издержка, изнурительный трудъ войскъ и—убѣжденіе горцевъ что „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“... Впрочемъ, по заведенному порядку, сдѣлано было представленіе о награжденіи „болѣе отличившихся“ и въ началѣ слѣдующаго года вышли награды; въ томъ числѣ мой лагерный сожитель Александровскій былъ произведенъ въ капитаны, а я въ поручики.

И нужно правду сказать, что если офицеры вполнѣ заслуживали данныхъ имъ наградъ, то еще болѣе заслуживали ихъ солдаты. Переносить такіе ужасные труды и лишенія не только безъ всякаго ропота, а даже съ неподдѣльною готовностью и отчасти весельемъ, могли только люди закаленные въ кавказскихъ походахъ, предводимые удалыми, опытными офицерами. Былъ ли отъ этихъ трудовъ, лишеній и опасностей какой-нибудь хорошій результатъ для дѣла, вопросъ другой, не касавшійся войскъ: — ихъ обязанность повиноваться, идти куда поведутъ, подставлять лобъ подъ пулю, или подъ

ежеминутное опасеніе слетѣть съ кручи: а ужь куда, почему и зачѣмъ, про то де начальство знаетъ.

И опять нужно правду сказать, „дѣла давно минувшихъ дней“!.. отъ этихъ трудовъ и лишеній, отъ этихъ крупныхъ казенныхъ затратъ, отъ разстройства солдатскаго и субалтернъ-офицерскаго здоровья, результаты были весьма проблематическіе... Вотъ хоть бы для примѣра: въ 1845 году генералъ Шварцъ преодолѣлъ трудности движенія по этимъ адскимъ трущобамъ между южнымъ и сѣвернымъ склономъ главнаго хребта, чтобы *наказать* дидойцевъ за ихъ безпрестанныя нападенія на мирную Кахетію, которую мы десятки лѣтъ никакъ ни умѣли достаточно защитить отъ этихъ вторженій. Очень хорошо. Главный дидойскій аулъ Хупро взятъ съ боя, разоренъ, сожженъ. Торжествуется побѣда. Читающій реляцію видитъ неимовѣрные подвиги войскъ, для которыхъ ничто — карабкаться по заоблачнымъ снѣговымъ пикамъ, переходить въ бродъ бѣшенные потоки, лѣзть съ крикомъ *ура*, подъ выстрѣлами мѣткихъ горскихъ винтовокъ, на кручи, безъ дорогъ и т. д. Понятно у него, у читающаго, невольно вырывается: „молодцы, славно, лихо!“ и шлются благодарности и награды. Но вотъ проходитъ не болѣе четырехъ лѣтъ; новый начальникъ лезгинской линіи генералъ Чиляевъ считаетъ опять нужнымъ *наказаніе* дидойцевъ, опять двигается отрядъ въ 1849 году къ тому же Хупро и опять повторяется то же, что̀ и въ 1845 году; затѣмъ проходитъ восемь лѣтъ и новый начальникъ линіи генералъ баронъ Вревскій начинаетъ свое наступленіе на горцевъ въ 1857 году опять къ тому же Хупро... И всякій разъ оно сжигается и разоряется, и всякій разъ дидойцы жестоко наказаны и трепещутъ... Въ такомъ же родѣ бывали дѣйствія и на другихъ военныхъ театрахъ Кавказа, и нѣкоторые пункты получали какую-то классическую извѣстность своею притягательною силою нашихъ набѣговъ и экспедицій. Какъ на лезгинской линіи Хупро, такъ въ Чечнѣ были Алдинскіе хутора, за Кубанью — Абинъ. Каждое изъ этихъ мѣстъ, особенно Алды—

родина Шихъ-Мансура, въ которую первый разъ пошли наши войска въ 1785 году,—и весьма неудачно пошли, потерпѣвъ полное пораженіе, — чуть не ежегодно фигурировало въ реляціяхъ и всякій разъ какъ весьма важный результатъ... Tempi passati!

Безъ всякаго преувеличенія могу сказать, что еслибы наконецъ не принята была совсѣмъ другая система войны на Кавказѣ, то эти экспедиціи для *наказаній*, эти разные набѣги и реляціонныя прогулки съ кипятящею кровь обстановкой, подъ звуки *ура*, *ги*, подъ свистъ пуль и грохотъ пушекъ, съ примѣсью стоновъ раненыхъ и видомъ несомыхъ на шинеляхъ убитыхъ,—все это легко превратилось бы въ perpetuum mobile...

XXXI.

Вскорѣ по возвращеніи въ Закаталы, сдѣлалось извѣстнымъ, что самъ главнокомандующій съ отрядомъ, собраннымъ въ южномъ Дагестанѣ, двинется вверхъ по рѣкѣ Самуру въ Горные Магалы для ихъ осмотра и принятія мѣръ къ прекращенію того враждебнаго къ намъ настроенія, которое давало непріятельскимъ шайкамъ возможность оттуда проникать на Лезгинскую линію и въ Нухинскій уѣздъ (о чемъ я уже упоминалъ подробнѣе выше). Генералъ Б. разсчитывалъ, что его, безъ сомнѣнія, тоже вытребуютъ туда для совѣщаній, какъ ближайшаго мѣстнаго начальника. Однако, къ крайнему его огорченію, этого не случилось; онъ получилъ только предписаніе выслать въ аулъ Цахуръ, съ достаточнымъ прикрытіемъ, находящихся въ прикомандированіи къ его отряду адъютантовъ главнокомандующаго и меня, какъ Элисуйскаго пристава и знакомаго съ мѣстными обстоятельствами.

За отъѣздомъ Каханова въ Тифлисъ, въ Закаталахъ никого изъ адъютантовъ князя Воронцова не-оказалось, и потому генералъ Б. приказалъ на всякій случай отправиться Александровскому, какъ адъютанту начальника всего гражданскаго управленія; мнѣ тоже было объявлено приказаніе слѣдовать

въ Цахуръ. Въ прикрытіе были назначены двѣ роты 1-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полка, съ четырьмя крѣпостными ружьями, нѣсколько донскихъ казаковъ и десятокъ туземныхъ милиціонеровъ, подъ командой майора Фелькнера.

Мы выступили чрезъ Мухахское ущелье, перевалились благополучно при отличной погодѣ чрезъ главный хребетъ, къ истокамъ Самура, прошли Башъ-Мухахъ и къ вечеру другого дня остановились на берегу рѣки въ виду Цахура, уже занятаго дагестанскими войсками. Принарядившись, мы тотчасъ отправились по крутому подъему въ аулъ, гдѣ и явились къ начальнику главнаго штаба генералъ-адъютанту Коцебу, а отъ него къ главнокомандующему. Принялъ насъ князь весьма любезно, разспрашивалъ Александровскаго о дорогѣ, по которой мы прошли, о движеніи отряда генерала Б., о происшествіяхъ на Лезгинской линіи и пр.; обратясь ко мнѣ, сказалъ: „съ тобою, любезный З., хочу подробно поговорить о здѣшнихъ дѣлахъ, приходи завтра часовъ въ десять утра“. Мы раскланялись. Александровскій отправился къ своему брату походному казначею, а меня пригласилъ къ себѣ въ саклю бывшій мой помощникъ въ Элису, Гаджи-ага, тоже вызванный въ Цахуръ, у котораго я и ночевалъ, проведя большую часть ночи въ разговорахъ о мѣстныхъ дѣлахъ, о качагахъ, объ отношеніяхъ къ нимъ жителей Горныхъ Магаловъ, о мѣрахъ какія намъ казалось полезнымъ принять къ прекращенію разбоевъ и т. п. Гаджи-ага хотя болѣе хитрый чѣмъ умный татаринъ, однако насквозь знающій своихъ соотечественниковъ и всѣ ихъ дѣла, бывшій нѣсколько лѣтъ въ бѣгахъ съ султаномъ Даніель-бекомъ, опытный, могъ бы быть весьма полезнымъ намъ человѣкомъ, еслибы не былъ ярымъ фанатикомъ-мусульманиномъ, въ душѣ ненавидящимъ христіанъ. У него, какъ и у большинства служившихъ намъ мусульманъ, происходила постоянная борьба между фанатизмомъ и преданностью святому дѣлу вражды къ гяурамъ съ одной стороны, и между желаніемъ получать отличія, денежныя выгоды и пользоваться вліяніемъ надъ соотечественника-

ми, съ другой. Отъ того безпрестанное лавированіе, хитрость, желаніе угодить обѣимъ сторонамъ... Этихъ господъ нужно было хорошо знать, не возбуждать въ нихъ неумѣстною грубостью или придирчивостью мстительности, но и не вѣрить вполнѣ, строго требовать буквальнаго исполненія приказаній и вообще не класть пальца въ ротъ... Нѣкоторую пользу изъ нихъ всегда можно было извлечь и вообще безъ ихъ содѣйствія мѣстное управленіе было бы слишкомъ затруднено; но обширныхъ полномочій и свободы дѣйствій ни въ какомъ случаѣ предоставлять имъ не слѣдовало, такъ какъ они почти безъ исключеній употребляли ихъ во вредъ намъ же. Мое короткое знаніе этихъ господъ происходило не столько отъ какой-либо особенной проницательности, а главнѣйше отъ знанія языка и возможности объясняться безъ переводчиковъ, а также отъ исключительной случайности, бросившей меня съ двадцатилѣтняго возраста въ среду туземцевъ, которые имѣютъ много одинаковыхъ характерныхъ особенностей, и, за весьма рѣдкими исключеніями, одержимы отсутствіемъ прямоты и откровенности; у нихъ постоянно заднія мысли...

На другой день мы вмѣстѣ съ Гаджи-агой *) вышли на площадку предъ саклей, занятою княземъ. Погода была великолѣпная, всѣ вышли подышать воздухомъ, площадка была оживлена. Тутъ были и разные командиры частей войскъ, и дербентскій губернаторъ князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ, и вся свита князя, въ томъ числѣ князь Илико Орбельянъ, который, увидѣвъ меня, сейчасъ же закидалъ меня по-грузински разспросами о нашемъ походѣ съ Б., о происшествіяхъ на линіи, наконецъ о моемъ собственномъ положеніи при Б. На послѣднее я отвѣтилъ, что оно совершенно неопредѣленно, что я даже приблизительно не знаю что̀ мнѣ дальше придется дѣлать, и что я думаю проситься въ какой-нибудь полкъ. „Постой, сказалъ мнѣ милый Илико, я пого-

*) Впослѣдствіи онъ таки окончательно поддался своимъ мусульманскимъ наклонностямъ и, не взирая на богатыя милости ему и его сыновьямъ оказанныя, бѣжалъ въ Турцію и поселился тамъ.

ворю съ княземъ М. З. Аргутинскимъ (командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ), и если онъ согласится взять тебя къ себѣ, то лучшаго уже ничего не выдумаешь, при немъ можешь сдѣлать карьеру какъ нигдѣ, а между тѣмъ я тебя представлю князю Гагарину", и тутъ же подвелъ меня къ нему.

Александръ Ивановичъ Гагаринъ, долго бывшій въ Одессѣ адъютантомъ у князя Михаила Семеновича, пользовался его особымъ расположеніемъ; это былъ вполнѣ джентльменъ и по виду, и по манерамъ, и по характеру. Онъ очень любезно принялъ мое представленіе, разспрашивалъ о прежней службѣ, желалъ мнѣ успѣха у князя Аргутинскаго, наконецъ прибавилъ: если же вы тамъ не пристроитесь и вообще не найдете ничего лучшаго, то я съ большимъ удовольствіемъ готовъ вамъ предложить какое-либо мѣсто въ моемъ, впрочемъ весьма ограниченномъ районѣ.

Въ десять часовъ мы подошли къ саклѣ князя; тамъ былъ уже начальникъ главнаго штаба. Чрезъ нѣсколько минутъ насъ позвали. Князь сказалъ нѣсколько словъ о безпорядкахъ, производимыхъ шайками качаговъ на лезгинской линіи и въ Нухинскомъ уѣздѣ, и о помощи, оказываемой имъ населеніемъ ауловъ Горнаго Магала, спросилъ насъ, какъ близко знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами, что̀ бы мы полагали полезнымъ предпринять для прекращенія такого нестерпимаго положенія дѣлъ? Я въ такихъ случаяхъ не отличался застѣнчивостью; даже думаю, напротивъ, я оказывался слишкомъ, какъ бы выразиться, самонадѣяннымъ или дерзкимъ, высказывая свои мнѣнія съ нѣкоторою авторитетностью, не соотвѣтствовавшею моимъ юнымъ лѣтамъ, особенно юному прапорщичьему чину; очевидно, большинству начальства это не могло нравиться, и уже разъ по поводу хевсурскихъ дѣлъ было явно высказано нерасположеніе къ моимъ попыткамъ вторгаться въ область высшихъ военныхъ соображеній... Я теперь, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, вполнѣ сознаю *неумѣстность и непрактичность* такихъ откровенностей, такого недостатка скром-

ности предъ сильными міра сего... Не всѣ смотрѣли на это такъ, какъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Онъ, великанъ, не могъ и подумать, чтобы его самолюбіе уязвлялось такими пигмеями; онъ никогда не простилъ бы, быть можетъ, рѣзкаго изложенія противорѣчивыхъ взглядовъ какому-нибудь служебному тузу, мои же слова онъ выслушивалъ съ неизмѣнною своею улыбкой, съ величавою снисходительностью, даже какъ бы съ удовольствіемъ, какое испытываетъ всякій пожилой, умный человѣкъ, слушая бойкаго мальчика. Такимъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ, когда вопросъ князя коснулся предмета мнѣ близко знакомаго и когда я былъ твердо убѣжденъ въ вѣрности своихъ взглядовъ, готовый, что-называется, изъ кожи лѣзть чтобы доказать ихъ пользу, я, не стѣсняясь, изложилъ мое мнѣніе, прибавивъ, что и Гаджи-ага совершенно съ этимъ согласенъ. Главная суть моего длиннаго доклада, сколько могу теперь вспомнить, заключалась въ томъ, что никакія военно-полицейскія мѣры къ прекращенію зла не помогутъ, потому что на сторонѣ качаговъ все: и симпатіи большинства населенія, и страхъ предъ ними и руководящею ими силой — въ лицѣ бывшаго султана, и всѣ мѣстныя условія; входъ и выходъ на плоскость имъ совершенно открытъ и облегченъ полнымъ содѣйствіемъ жителей ауловъ по Самуру; эти одни могли бы оказать главное содѣйствіе къ прекращенію вторженія шаекъ, но они не хотятъ, а отчасти и не могутъ, будучи открыты нападенію шамилевскихъ скопищъ, безъ увѣренности въ своевременной помощи нашей. Я думалъ, что помочь можетъ слѣдующая мѣра: соединивъ всѣ аулы Горнаго Магала въ одно приставство, поручить управленіе ими одному лицу (подразумѣвалъ я, конечно, себя), обязанному лѣто и зиму оставаться среди нихъ; для этого построить въ Цахурѣ, какъ центрѣ, укрѣпленіе на баталіонъ пѣхоты и сотню казаковъ, которая бы состояла въ распоряженіи пристава; при немъ же должны быть человѣкъ 25 конныхъ всадниковъ изъ туземцевъ, обезпеченныхъ хорошимъ содержаніемъ, для разсылокъ. Кромѣ того слѣдовало бы еще

выше по Самуру, примѣрно близь Башъ-Мухаха, возвести небольшой фортъ на одну роту, чтобы такимъ образомъ Цахуръ, какъ центръ, имѣя на своемъ правомъ флангѣ это укрѣпленіе и другое строившееся ниже по теченію у Лучека, на лѣвомъ — могъ командовать надъ всѣмъ верхнимъ теченіемъ рѣки, наблюдать за переправами и прикрыть плоскость отъ враждебныхъ покушеній. Противъ мелкихъ шаекъ, дѣятельный приставъ съ казачьею сотней, устраивая засады и секреты, могъ бы тѣмъ болѣе дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ, что мѣстные жители, подъ постояннымъ страхомъ наказанія (для чего гарнизоны укрѣпленій были бы вполнѣ достаточны), по неволѣ должны были бы отказаться отъ содѣйствія качагамъ и уже не могли бы ссылаться на свое слабое, беззащитное положеніе противу партій Шамиля и Даніель-бека. Затѣмъ слѣдовало бы строго и безъ дальнихъ околичностей приводить въ исполненіе правило о взысканіи съ тѣхъ обществъ, на землѣ коихъ случится происшествіе, деньгами на удовлетвореніе ограбленныхъ и на выкупъ плѣнныхъ. Я разсказывалъ тогда о моей борьбѣ съ качагами въ теченіи 1849 года, о безплодности всѣхъ моихъ разъѣздовъ, ночныхъ засадъ и рысканій по лѣсамъ, о притворной якобы покорности жителей нашимъ распоряженіямъ и вообще заключилъ, что безъ изложенныхъ мѣръ, при всей готовности моей, хоть бы и съ явною опасностью положить голову, наткнувшись когда-нибудь на засаду, никакой надежды на успѣхъ не имѣю, и тревожное положеніе на плоскости можетъ продлиться на долго, принимая все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Присутствовавшій тутъ же князь Илья Орбельянъ обращался по временамъ къ Гаджи-агѣ, передавая ему мои слова, спрашивалъ что̀ онъ думаетъ. Этотъ все подтверждалъ, прибавляя, что если *сардаръ* прикажетъ, то онъ съ радостью готовъ пожертвовать собой и умереть хоть сейчасъ, но что дѣйствительно безъ войска, безъ силы ничего нельзя сдѣлать.

— Ну, спасибо тебѣ, любезный З., сказалъ князь. — Посмотримъ что можно будетъ сдѣлать; мы еще поговоримъ.

Приходи сегодня обѣдать; и подавъ намъ обоимъ руки, отпустилъ.

Въ этотъ же день у князя происходили съ начальникомъ главнаго штаба и княземъ Аргутинскимъ продолжительныя совѣщанія; въ чемъ онѣ заключались, что говорилось, на чемъ порѣшили, я не узналъ, но чрезъ день князь съ бывшими съ нимъ войсками оставилъ Цахуръ и ушелъ внизъ по Самуру къ Ахтамъ; Фелькнеру и его ротамъ приказано было тѣмъ же путемъ возвратиться въ Закаталы, а мнѣ съ Александровскимъ отправиться назадъ туда же, чрезъ Кахъ и Элису.

Слышалъ я послѣ, что предполагалось ограничиться назначеніемъ для управленія Горнымъ Магаломъ полковника князя Спиридона Чавчавадзе (гдѣ, когда и чѣмъ заявилъ онъ свои способности, мнѣ неизвѣстно), назначивъ въ его распоряженіе сотни двѣ туземной милиціи подъ командой ротмистра князя Евстафія Мачабелова. Для этого оба сіи офицера были вытребованы къ главнокомандующему въ Дербентъ; но кажется и такая, весьма сомнительной пользы мѣра не была приведена въ исполненіе. Въ послѣдствіи же, года черезъ три, какъ я уже упоминалъ, вынуждены были разорить всѣ эти горные аулы и выселить ихъ жителей на плоскость...

Между тѣмъ, князь Аргутинскій, по рекомендаціи Илико Орбельяна, захотѣлъ меня видѣть, и состоявшій при немъ по особымъ порученіямъ капитанъ Краснюченко зашелъ ко мнѣ, объявивъ что князь Моисей Захаровичъ проситъ меня придти въ такомъ-то часу. Я явился въ занятую имъ саклю; доложили и я былъ позванъ. Князь сидѣлъ на походномъ складномъ креслѣ, съ трубкой, сгорбившись, насупившись (обыкновенная его поза); вдали, въ почтительной лакейской позѣ, стоялъ служившій у него Имеретинъ Глахуна, хотя и милиціонный офицеръ, но продолжавшій и трубки подавать, и сапоги снимать, и подъ сердитую минуту испытывать на своей спинѣ крѣпость княжескаго чубука. Я въ первый разъ видѣлъ

тогда князя Аргутинскаго, слава коего уже нѣсколько лѣтъ гремѣла по Кавказу. Невзрачнѣе, непредставительнѣе наружности трудно себѣ вообразить: небольшого роста, порядочно тучный, сгорбленный, сѣдые волосы въ безпорядкѣ, грязноватый сюртукъ съ потемнѣвшими аксельбантами, понуренная, рѣдко поднимающаяся голова; все это производило впечатлѣніе далеко не внушающее и не соотвѣтствующее молвѣ о его достоинствахъ; только изрѣдка поднимаемые черные глаза блестѣли и съ особенною проницательностью какъ-то пронизывали его собесѣдника. Но наружность обманчива. Моисей Захаровичъ былъ дѣйствительно человѣкъ умный, въ тонкости знавшій Кавказъ и его обитателей, отличный администраторъ и не менѣе хорошій генералъ, чрезвычайно заботливый и внимательный къ войскамъ, вдобавокъ абсолютно безкорыстный человѣкъ, но съ неограниченнымъ честолюбіемъ, возвраставшимъ по мѣрѣ его возвышенія. До полковничьяго чина и назначенія командиромъ Тифлисскаго егерскаго полка, онъ ничѣмъ не отличался, подвигался весьма туго, вообще принадлежалъ къ категоріи офицеровъ, ничѣмъ не выдающихся, никѣмъ не замѣчаемыхъ. Только съ назначеніемъ въ 1841 году начальникомъ Самурскаго округа и расположенныхъ тамъ войскъ, онъ сразу заявилъ себя человѣкомъ, попавшимъ въ настоящую *свою* сферу дѣятельности; мѣстное населеніе вскорѣ убѣдилось, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, котораго не проведешь, который всякой азіятской дипломатіи противопоставитъ такую же въ квадратѣ и выполнитъ свои угрозы не на словахъ, а на дѣлѣ. Горцы не замедлили дать ему кличку: „Самурчаинъ донгузъ“ (Самурскій кабанъ), сохранившуюся за нимъ навсегда.

Нужно отдать бывшему главному начальнику Кавказа генералу Головину справедливость, что назначеніемъ князя Аргутинскаго въ Самурскій округъ онъ оказалъ краю значительную услугу: при всѣхъ печальныхъ катастрофахъ, послѣдовавшихъ вскорѣ за тѣмъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, гдѣ наше владычество висѣло такъ-сказать на волоскѣ,—въ Южномъ Дагестанѣ

было сохранено относительное спокойствіе, само по себѣ облегчавшее критическое положеніе наше въ ту бѣдственную для насъ эпоху. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ дѣятельности въ этомъ небольшомъ районѣ развили дремавшія такъ долго подъ спудомъ способности князя Аргутинскаго, удачи придали ему достаточную долю увѣренности въ себѣ, а повышенія и одобренія свыше укрѣпили эту увѣренность еще болѣе, и такимъ образомъ онъ подготовился къ занятію достойнымъ образомъ возложеннаго на него въ послѣдствіи главнаго командованія всѣмъ обширнымъ и важнѣйшимъ тогда на Кавказѣ при-Каспійскимъ краемъ. Въ іюлѣ 1850 года, когда я представился ему, онъ былъ на верху своей славы, генералъ-адъютантъ, съ Георгіемъ 3-го класса, весьма уважаемый княземъ Воронцовымъ.

— Честь имѣю представиться вашему сіятельству, корнетъ З., провозгласилъ я, вытянувшись въ струнку.

— А, очен-ъ радъ съ вами познакомиться; сад-ытесь (выговоръ все-таки тотчасъ обличалъ сына Грузіи) поближе; потолкуемъ.

Я сѣлъ на стулъ противъ князя.

— Давно вы служите на Лезгинской линіи?

— Полтора года, ваше сіятельство.

— Что̀ же вы тамъ дѣлаете?

— Годъ былъ Элисуйскимъ приставомъ, а теперь состою безъ опредѣленнаго назначенія при генералѣ Б., съ которымъ участвовалъ въ походѣ и недавно возвратился.

— Скаж-ыте, пожалуйста, отъ чего у васъ тамъ на линіи такія безпрестанныя происшествія? Неужели нельзя принять мѣры чтобы прекратить это? продолжалъ князь, посасывая свою трубку и смотря себѣ на колѣни.

Что̀ и какъ отвѣчалъ я тогда ему, само собою, припомнить теперь не могу; знаю только, что вопросъ коснулся предмета, близко мнѣ знакомаго и составлявшаго въ то время, можно сказать, какъ бы мой конекъ, и потому со свойственнымъ молодости вообще, а моей натурѣ въ особенности,

экстазомъ я и пустился. Мойсей Захаровичъ все слушалъ, изрѣдка только вскидывая на меня свои блестѣвшіе углемъ черные глаза, да по своей привычкѣ покрякивалъ, иначе не могу выразить издаваемыхъ имъ звуковъ, нѣчто среднее между „гм“ „хрр“, и обыкновеннымъ сопѣніемъ. Говорилъ я долго, совершенно откровенно, безъ обиняковъ, думая выказать мое знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ

— Да, это все справедливо вы говорите, очень хорошо, видно, что вы все тамъ подробно знаете; но какъ же генералъ Чиляевъ, вѣдь онъ умный, опытный человѣкъ, не распоряжался такъ, чтобы все это шло иначе?

Вотъ тутъ-то, будь я хоть въ сотой долѣ свѣдущъ въ мудрой житейской наукѣ противъ моего добрѣйшаго знакомаго А. А. Потоцкаго, я бы долженъ былъ отвѣтить, что гдѣ же мнѣ, молъ, молодому прапорщику смѣть судить о генералахъ, моихъ начальникахъ, что, вѣроятно, имъ ближе видно, какія мѣры должно принимать и пр., что я только разсказалъ о положеніи дѣлъ на линіи, какъ мнѣ представляется, но что, безъ сомнѣнія, я, по своей неопытности, могу ошибаться и т. п., а я сдуру съ своими откровенностями. И на послѣдній вопросъ я распространился что-то, помнится мнѣ, объ излишней снисходительности генерала Чиляева къ жителямъ, употребляющимъ это во зло, о вредѣ угрозъ, никогда не приводимыхъ въ исполненіе, о слишкомъ большомъ довѣріи къ такъ-называемымъ *вліятельнымъ* туземцамъ и пр.

— Оченъ, оченъ вамъ благодаренъ; все это весьма интересно; радъ, что познакомился съ вами.

Я всталъ; князь протянулъ мнѣ концы своихъ пальцевъ, я поклонился и вышелъ. О приглашеніи къ себѣ на службу ни слова.

Пошелъ я тотчасъ дать отчетъ объ этомъ свиданіи Илико; онъ меня подробно разспросилъ обо всемъ, что̀ было говорено, и тутъ же мнѣ сказалъ: — Нѣтъ; братъ, къ Аргутинскому ты не попадешь; онъ такихъ, которые критикуютъ

дѣйствія своего начальства, терпѣть не можетъ. А вотъ я скажу князю Гагарину, не возьметъ ли онъ тебя къ себѣ; его переводятъ военнымъ губернаторомъ въ Кутаисъ, тамъ ты, съ знаніемъ грузинскаго языка, можешь быть ему полезенъ, а человѣкъ онъ благородный, милый, образованный, съ нимъ скорѣе сойдетесь.

— Однако, что̀ же я въ Кутаисѣ буду дѣлать? Въ такой мирной странѣ, гдѣ ни экспедицій, ни дракъ нѣтъ, ни отличій, ни наградъ?

— Это ничего, сказалъ Илико; если онъ возьметъ тебя въ адъютанты, то можетъ просить о прикомандированіи тебя на мѣсяцъ или два къ какому-нибудь отряду для участія въ дѣлахъ, какъ дѣлаютъ всѣ наши адъютанты. Подожди-ка здѣсь, я сейчасъ зайду и поговорю съ Гагаринымъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ позвали меня къ князю Гагарину и, послѣ весьма непродолжительнаго разговора, онъ выразилъ полное согласіе взять меня къ себѣ въ адъютанты, когда его переведутъ въ Кутаисъ, что̀, впрочемъ, еще не рѣшено, прибавилъ онъ. „Когда узнаете, что мое назначеніе туда состоялось, прямо пріѣзжайте, я васъ буду ожидать.“

Въ тотъ же день я обѣдалъ у главнокомандующаго; тутъ были всѣ генералы и начальники частей войскъ, вся свита князя, вообще человѣкъ до двадцати; сидѣли по-азіятски, на полу, кое-какъ поджавши ноги. Князь Воронцовъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, много разсказывалъ и, какъ теперь помню, заключилъ слѣдующими словами: „Да, господа, все, что выходитъ за предѣлы, не хорошо; даже добродѣтель, выходящая за предѣлы, становится порокомъ *).

Послѣ обѣда мы разошлись по саклямъ, а на другое утро часовъ въ 8 собрались на площадкѣ предъ квартирой князя. Тутъ мы съ Александровскимъ и Гаджи-агой откланялись

*) Эти слова какъ-то особенно врѣзались у меня въ память и я вспомнилъ о нихъ не далѣе какъ въ 1873 году, по поводу разсказа г. Фелькмера о дѣлѣ флигель-адъютанта полковника Копьева, причемъ разскащикъ упомянулъ и объ описанномъ переходѣ изъ Закаталъ къ Цахуру. Я помѣстилъ объ этомъ въ *Русской Старинѣ* (май, 1874) особую замѣтку.

всѣмъ властямъ и вскорѣ выѣхали чрезъ Кыльмыцъ и Сарыбашъ, по той же дорогѣ, по которой я въ 1849 году возвращался изъ Ахты; войска вскорѣ тоже тронулись лѣвымъ берегомъ Самура внизъ къ Лучеку, а Фелькнеръ еще съ разсвѣтомъ ушелъ обратно вверхъ по рѣкѣ.

Къ вечеру мы добрались безъ всякихъ приключеній до Каха, гдѣ и ночевали у г. Вакуловскаго, занимавшаго должность пристава со времени моего отъѣзда оттуда. На другое утро онъ далъ намъ человѣкъ 10 чапаръ (конныхъ милиціонеровъ) въ конвой, подъ командой разсыльнаго изъ элисуйцевъ Вагаба, молодого ловкаго парня, ѣздившаго всегда и со мною; такимъ образомъ поѣздъ составился изъ Александровскаго и бывшаго съ нимъ донского казака, больного, вялаго, на плохой лошаденкѣ, меня съ моимъ неизмѣннымъ спутникомъ Давыдомъ, да одиннадцати конвойныхъ, на которыхъ въ случаѣ какой-либо опасности надежды было мало; я зналъ этихъ людей хорошо и имѣлъ основанія не надѣяться на нихъ; досаднѣе всего было мнѣ, что, одѣтый въ форменный офицерскій костюмъ, я, кромѣ обыкновенной азіятской шашки, никакого другого оружія не имѣлъ, а револьверовъ тогда еще не знали. Между тѣмъ каждодневныя происшествія на линіи, особенно какъ-то усилившіяся съ весны этого года (1850), заставляли быть на сторожѣ при переѣздѣ до Закаталъ — верстъ около 50.

Часовъ въ девятьутра мы пустились въ путь. Вагабу я приказалъ ѣхать впереди, самъ съ Александровскимъ, Давыдомъ и казакомъ въ нѣсколькихъ шагахъ за нимъ, а чапары, которыхъ мнѣ чрезъ каждыя двѣ-три версты приходилось поругивать, чтобы не отставали, назади. Первую половину пути до аула Гуллюкъ проѣхали мы благополучно, скорою ходой, дѣлая не менѣе семи верстъ въ часъ, не взирая на сильный жаръ. Въѣзжая въ раскинувшійся на большомъ пространствѣ Гуллюкъ, состоящій весь изъ садовъ, обнесенныхъ глиняными стѣнками и скрытыхъ за ними каменныхъ саклей, мы уже не ожидали никакой опасности, не обратили вниманія, что чапары поря-

дочно отстали и, давъ волю лошадямъ, шлепавшимъ по мокрому щебенистому грунту дорожки, о чемъ-то болтали съ Александровскимъ, какъ вдругъ я замѣтилъ, что Вагабъ остановился, кто-то держитъ лошадь его за узду, а самъ онъ оглянулся назадъ съ какимъ-то особеннымъ тревожнымъ видомъ; я толкнулъ свою лошадь и, сдѣлавъ полурысцой нѣсколько шаговъ, увидѣлъ, какъ изъ-за стѣнки сада, одинъ за другимъ, перелѣзали нѣсколько вооруженныхъ съ головы до ногъ людей, въ наружности коихъ я уже ошибиться не могъ... Это были „качаги", человѣкъ 10—15, и по виду не горцы дальнихъ обществъ, а свои бѣглые, разбойники, наводившіе ужасъ на край!...

— Эй, Давыдъ, казаки, чапары, крикнулъ я, что мочи было по-русски и по-татарски,—скорѣй, сюда! Раздался ускоренный громкій топотъ. Качаги замѣтили три русскія фуражки, мою, Александровскаго и казака, и должно-быть повѣрили словамъ Вагаба и моему крику—что конвой состоитъ изъ цѣлой команды казаковъ, мгновенно бросились перелѣзать назадъ чрезъ стѣнку; но въ эту минуту я съ Давыдомъ уже подскакалъ къ мѣсту и видя, что качаги бѣгутъ къ густому саду, крикнулъ Вагабу бросить лошадей и съ ближайшими чапарами бѣжать за мною, дѣлая выстрѣлы чтобы вызвать тревогу, на которую должны прибѣжать старшины и мѣстные чапары, а качагамъ нагнать еще больше страху,— не долго думая и не слушая криковъ Александровскаго: „куда вы? что̀ вы дѣлаете", перескочилъ черезъ стѣнку и съ Давыдомъ пустился за бѣгущими. Все это было дѣломъ минуты. Разбойники только еще миновали саклю, у дверей коей сидѣло нѣсколько бабъ за работой, какъ бы ничего не случилось; я видѣлъ мелькающіе за тутовыми деревьями красные и синіе ахалухи, большія курпейчатыя папахи, блиставшія на солнцѣ винтовки, еще нѣсколько шаговъ или лучше прыжковъ и одинъ изъ качаговъ очутился впереди насъ въ 15—20 шагахъ; онъ только-что хотѣлъ перепрыгнуть чрезъ оросительную канавку, какъ раздался выстрѣлъ Давыда; онъ сдѣлалъ еще

прыжокъ, упалъ, очевидно раненый, опять поднялся, пустился бѣжать, еще нѣсколько шаговъ оставалось ему до чащи, въ эту минуту я наскочилъ и рубнулъ его по обнаженной бритой головѣ (папаха у него слетѣла при паденіи), кровь брызнула ручьемъ, но онъ имѣлъ еще силу выхватить огромный кинжалъ и повернулся ко мнѣ... Я видѣлъ предъ собой просто гиганта, косой сажени въ плечахъ, съ обезображеннымъ отъ озлобленія, боли и лившейся крови лицомъ, и признаюсь сердце у меня ёкнуло... Я поднялъ шашку, готовясь повторить ударъ, вдругъ раздался по-грузински крикъ Давыда: „го, шенъ дзагли швило", и пистолетный выстрѣлъ почти въ упоръ, въ грудь, свалившій верзилу окончательно. Въ ту же минуту Давыдъ отрубилъ у него кисть правой руки и сдиралъ боевые доспѣхи, а я травой вытиралъ съ шашки и съ платья кровь, обрызгавшую меня таки изрядно. Между тѣмъ въ саду появился Вагабъ, безъ чапаровъ, не согласившихся идти за нимъ, а чрезъ нѣсколько минутъ стали прибывать жители, старшины, одинъ тамошній офицеръ, штабсъ-капитанъ милиціи Магмудъ-ага; все это кричало, шумѣло, выражало якобы негодованіе на дерзость качаговъ, рѣшающихся въ аулѣ среди бѣла дня нападать на русскихъ офицеровъ, все это подобострастно намъ кланялось, увѣряло въ своей преданности, готовности служить и пр., давно мнѣ извѣстные татарско-дипломатическіе пріемы. Убѣдительно стали приглашать насъ на пловъ, предлагали хоть сто человѣкъ конвоя, однимъ словомъ все было пущено въ ходъ, чтобы задобрить особенно Александровскаго, котораго, какъ адъютанта изъ Тифлиса, они особенно опасались. Мы отъ всего отказались; потребовали только конвой изъ пятнадцати человѣкъ, но чтобы самъ старшина ѣхалъ тоже до Закаталъ Это очень ему не понравилось; однако Магмудъ-ага посовѣтовалъ ему ѣхать, прибавивъ, что вслѣдъ за ними и самъ пріѣдетъ. Мы простояли часа полтора у дома старшины; лошади наши отдохнули, конвой собрался, поѣхали и часу въ седьмомъ вечера добрались до Закаталъ. Тотчасъ яви-

лись къ генералу Б., разсказали все подробно и представили ему Давыда съ кистью руки убитаго разбойника. Вспылилъ генералъ шибко, старшину велѣлъ арестовать, а съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня въ Гуллюкъ уже выступилъ 3-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго полка, съ полковникомъ Фрейтагомъ фонъ-Лоренгофенъ, для наказанія жителей. Наказаніе впрочемъ ограничилось, сколько мнѣ помнится, тѣмъ, что баталіонъ дня три оставался въ аулѣ, требуя быковъ, барановъ, рису, хлѣба — сколько смогутъ солдатики поѣсть; а старшины просидѣли съ недѣлю подъ арестомъ. Давыдъ получилъ отъ генерала въ подарокъ полуимперіалъ, да по моей просьбѣ былъ представленъ къ медали за храбрость.

XXXII.

Дешево отдѣлавшись отъ грозившей намъ опасности и профигурировавъ дня три въ Закаталахъ въ качествѣ героевъ, мы съ Александровскимъ разстались: онъ уѣхалъ отдыхать на лаврахъ въ Тифлисъ, а я остался въ Закаталахъ въ неопредѣленномъ положеніи офицера, не имѣющаго постояннаго назначенія. Князь Эристовъ, которому я подробно разсказалъ о своей поѣздкѣ въ Цахуръ, разговорѣ съ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ, Аргутинскимъ, Гагаринымъ и Илико Орбельяномъ, прежде всего излилъ свою желчь на генерала Б., критикуя его „дурацкія“ распоряженія, его шутовства, его довѣріе къ окружающимъ нѣсколькимъ офицерамъ и особенно командиру линейнаго баталіона подполковнику Крузе, „извѣстному плуту и шулеру“; распространялся о враждѣ къ нему всей этой шайки и заключилъ слѣдующими словами: „я написалъ князю (т.-е. Воронцову), что я здѣсь никакой пользы принесть не могу и напрасно разстраиваю только свое здоровье, почему убѣдительнѣйше прошу увольненія отъ должности окружнаго начальника. На это полученъ мною конфиденціальный отвѣтъ, что я представленъ въ полковники, и что какъ только производство состоится, то буду назначенъ

командиромъ Грузинскаго гренадерскаго полка, до того просили меня остаться въ Закаталахъ". Я поспѣшилъ поздравить Эристова съ предстоящимъ назначеніемъ и прибавилъ, что разъ уже надѣвъ эполеты, я предпочелъ бы службу во фронтѣ, и, если онъ позволитъ, буду просить о переводѣ въ гренадерскій полкъ.—„Не только позволяю, но и приглашаю; надѣюсь найти въ васъ хорошаго полкового адъютанта; да я уже разъ вамъ предлагалъ это", сказалъ онъ мнѣ. Поблагодаривъ и обѣщавъ употребить все стараніе и проч., я спросилъ, какъ теперь быть мнѣ?—„Да оставайтесь пока здѣсь, а какъ выйдетъ мое производство и назначеніе—вмѣстѣ уѣдемъ въ полкъ".

Какъ неожиданно, отлично все устроилось! Я былъ просто въ восторгѣ, подѣлился новостью съ Давыдомъ и въ ожиданіи предстоящаго отъѣзда, просиживалъ то у Эристова, слушая его раздраженныя, злобныя рѣчи о Б., то у закатальскаго коменданта подполковника Лазарева, презабавнаго армянина, угощавшаго своихъ гостей великолѣпнымъ, имъ самимъ приготовляемымъ, пловомъ и пѣніемъ персидскихъ мелодій, подъ акомпаниментъ „тари"—родъ балалайки. Лазаревъ этотъ*), не взирая на чинъ подполковника и продолжительную службу въ нашихъ войскахъ, оставался, однако, всегда типомъ карабахскаго армянина *pur sang*. Про него разсказывали много уморительныхъ анекдотовъ. Между прочимъ слѣдующій: у азіятцевъ есть обычай при затмѣніи луны стрѣлять въ нее изъ ружей, чтобы прогнать, шайтана сѣвшаго-де на луну. Командуя батальономъ въ Тифлисскомъ егерьскомъ полку, и находясь въ какомъ-то отрядѣ, Лазаревъ въ одну прекрасную ночь, выйдя изъ своей палатки, замѣтилъ затмѣніе луны; не долго думая, вѣрный своимъ армянскимъ обычаямъ, онъ вызвалъ баталіонъ и приказалъ стрѣлять вверхъ... Произошла тревога, весь отрядъ переполошился отъ залповъ, думая, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе, нако-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Лазаревымъ, Иваномъ Давыдовичемъ, извѣстнымъ нынѣ покорителемъ Карса, генералъ-адъютантомъ.

нецъ узнали въ чемъ дѣло и Лазаревъ былъ изгнанъ изъ отряда и изъ полка, зачисленъ по арміи и засѣлъ навсегда въ чинѣ подполковника и разныхъ нестроевыхъ должностяхъ. Онъ, впрочемъ, этимъ не огорчался, остался неизмѣннымъ добрякомъ и любителемъ шашлыковъ, плова и заунывныхъ персидскихъ пѣсень.

Прошло недѣли двѣ. Генералъ Б., отношенія коего къ Эристову со дня на день становились все враждебнѣе, отъѣзжая на продолжительное время на лѣвый флангъ линіи, поручилъ исправленіе своей должности, прибывшему не за долго предъ тѣмъ въ Закаталы адъютанту главнокомандующаго полковнику Давыдову (о которомъ я уже упоминалъ по поводу поѣздки съ нимъ въ 49 году въ Ахты). Это окончательно взорвало Эристова. „Его, окружнаго начальника, второе лицо послѣ начальника линіи, оставляютъ въ сторонѣ и поручаютъ начальство пріѣзжему адъютанту, пустому, ничего не понимающему человѣку, хотя и чиномъ выше стоящему? Нѣтъ; такого оскорбленія онъ перенести не желаетъ; онъ поѣдетъ въ Тифлисъ безъ разрѣшенія, хотя бы и подвергся за то неудовольствію князя“. Такъ кипятился онъ дня два предо мною и двумя-тремя чиновниками изъ грузинъ, при немъ служившими, и рѣшилъ съ первою оказіей уѣхать. — „Поѣдемъ вмѣстѣ, обратился онъ ко мнѣ; что̀ вамъ тутъ дѣлать?“ — Хорошо, очень радъ, только какъ умѣститься? у меня и вещей много и человѣкъ съ собой? — „Человѣка оставьте съ вещами здѣсь; тутъ есть провіантскій подрядчикъ Зубаловъ, который чрезъ недѣлю выѣзжаетъ въ Тифлисъ, онъ и заберетъ вашего Давыда съ собой; а вы возьмите только небольшую сумку и поѣдемъ“. — Хорошо, я схожу къ Зубалову сказать ему объ этомъ и распорядиться.

Зубаловъ, кажется Антонъ, тифлисскій армяно-католикъ, славный малый, съ которымъ мы нерѣдко игрывали въ карты, выразилъ полнѣйшую готовность взять съ собою Давыда съ вещами и при этомъ прибавилъ: „Зачѣмъ вамъ ѣхать съ Эристовымъ, трястись на перекладной въ эту жару и пыль?

Лучше останьтесь до слѣдующей оказіи, тогда поѣзжайте со мною; у меня хорошій большой тарантасъ, я одинъ, безъ человѣка, отлично помѣстимся и съ удобствами доѣдемъ". Предложеніе было соблазнительно; но я боялся раздражить отказомъ вспыльчиваго Эристова, будущаго командира моего, и отказался отъ предложенія Зубалова.

Весь почти слѣдующій день я провелъ у Эристова, помогалъ ему уложить бумаги и по возможности успокоивалъ его достигшее крайняго предѣла раздраженіе. Духота была невыносимая, ртуть поднялась до 40°, Эристовъ мучился приливами крови къ головѣ и жаловался на боль въ раненой рукѣ.

Вечеромъ, часу въ 9-мъ, наконецъ повѣяло прохладой, мы вышли въ садикъ, куда Эристовъ приказалъ подать ужинъ. „Ну-съ, сказалъ онъ, проведемъ послѣдній вечеръ въ этихъ мерзѣйшихъ Закаталахъ. Я такъ радъ вырваться отсюда, что и думать не хочу о предстоящемъ, вѣроятно, неудовольствіи князя-намѣстника за оставленіе должности безъ разрѣшенія. Лучше пойду въ нацвалы (сельскій старшина) въ мою Карталинскую деревню, чѣмъ здѣсь быть начальникомъ округа". Старался онъ принять и шутливый тонъ, отпускалъ грузинскія остроты на счетъ своего секретаря Соломона Рчеулова, добрѣйшаго толстяка грузина, весьма пріунывшаго въ чаяніи потери своего мѣста за отъѣздомъ его патрона, но все выходило какъ-то вяло; на маленькой компаніи нашей лежало что-то унылое, къ ѣдѣ и даже хорошему кахетинскому мало прикасались, разговоръ не клеился, только папиросы усердно жглись. Вдругъ раздались звуки музыки.—Это гдѣ играютъ? спросилъ Эристовъ. Никто не зналъ. Послали справиться. Оказалось, что у баталіоннаго командира Крузе *господа* собрались на вечеръ въ саду, ужинаютъ и музыка у нихъ играетъ. Въ теченіи часа или двухъ раздавались все веселые польки и вальсы, крики ура, тушъ, опять какой-нибудь веселый мотивъ: публика видимо раскутилась. За тѣмъ послѣ краткаго молчанія, раздались звуки похороннаго марша... Эристовъ вскочилъ, какъ ужаленный. „Это они, мерзавцы,

меня провожаютъ, меня хоронятъ, рады отъ меня отдѣлаться, чтобы свободнѣе воровать! Напрасно радуются, я ихъ выведу на чистую воду, они еще вспомнятъ меня“ и т. д., кипятился онъ. Мы молчали. Послѣ похороннаго марша, опять пошли марши и польки, опять тосты, крики, однимъ словомъ, военный кутежъ на славу.

Было уже далеко за полночь, когда Эристовъ, наконецъ, поднялся съ своего мѣста, сказавъ: „Нужно нѣсколько часовъ отдохнуть предъ выѣздомъ. Смотрите же, не проспите, обратился онъ ко мнѣ, въ семь часовъ будьте уже здѣсь, напьемся чаю, а въ восемь выѣдемъ. Я попрошу офицера, ведущаго оказію, дать мнѣ знать, когда все будетъ готово за воротами форштата.“—Не безпокойтесь, раньше семи приду, сказалъ я, и ушелъ на квартиру чиновника окружнаго управленія Огонь-Догановскаго, у котораго я остановился.

Я засталъ его за ужиномъ съ Зубаловымъ и еще кѣмъ-то. „Ну, что, князь рѣшительно ѣдетъ завтра?“ спросили они меня.— Да, рѣшительно; при этомъ я разсказалъ имъ, какъ мы провели съ нимъ вечеръ, какъ онъ бѣсился, услыхавъ звуки похороннаго марша и пр. И Догановскій, и Зубаловъ ничуть не сомнѣвались, что похоронный маршъ была одна изъ выходокъ кутившей компаніи противъ Эристова, котораго они терпѣть не могли, и что, при извѣстномъ расположеніи къ нему князя Воронцова, онъ имъ насолитъ такъ, что вѣкъ не забудутъ. Зубаловъ при этомъ возобновилъ мнѣ свое приглашеніе остаться до слѣдующей оказіи и ѣхать съ нимъ, предсказывая мнѣ, что я очень пожалѣю о поѣздкѣ съ Эристовымъ на перекладной. Я совершенно раздѣлялъ его убѣжденіе и душевно радъ бы былъ отдѣлаться отъ поѣздки съ Эристовымъ, да все не зналъ какъ поступить, не раздражая его этимъ. Продремавъ нѣсколько часовъ, я всталъ, уложилъ въ переметную сумку нѣсколько вещей, повторилъ Давыду подробныя наставленія о предстоящемъ ему выѣздѣ съ Зубаловымъ, и гдѣ отыскать меня въ Тифлисѣ, попрощался съ Огонь-Догановскимъ и пошелъ къ Эристову.

Это было 4-го августа 1850 года. Солнце поднялось уже довольно высоко, небо было ясно, свѣтло, лазурь привѣтливо глядѣла на просыпавшійся форштатъ, на суетившихся у разныхъ повозокъ и арбъ людей, выступавшихъ съ оказіей; у воротъ форштата уже стояла готовая къ выступленію рота линейнаго баталіона, нѣсколько донскихъ казаковъ и пушка; барабанщикъ билъ сборъ.

Эристова я засталъ за чаемъ, убирающаго какія-то бумаги съ письменнаго стола; деньщикъ его укладывалъ чемоданъ; на дворѣ стояла уже курьерская тройка сѣрыхъ отличныхъ лошадей, съ молодцомъ-ямщикомъ — сигнахскимъ грузиномъ; нѣсколько человѣкъ, торгующихъ въ форштатѣ армянъ, ожидали въ передней, чтобы пожелать отъѣзжающему добраго пути. Эристовъ встрѣтилъ меня какимъ-то веселымъ, шутливымъ привѣтомъ, предложилъ чаю, разсказалъ, что долго не могъ заснуть, что только подъ утро вздремнулъ, но теперь чувствуетъ себя бодрымъ; вообще казался въ хорошемъ расположеніи духа. Я воспользовался этимъ и заговорилъ о предложеніи Зубалова; я старался представить Эристову крайнее неудобство сидѣть вдвоемъ на перекладной по такой мерзкой, тряской дорогѣ, особенно ему, съ рукой на повязкѣ; доказывалъ ему, что стѣсню его, наконецъ, что, пріѣхавъ Тифлисъ безъ человѣка, безъ вещей, въ теченіи какихъ-нибудь десяти дней, буду въ непріятномъ положеніи и т. п. Онъ ничего слышать не хотѣлъ. „Все это глупости, доѣдемъ до Царскихъ Колодцевъ, тамъ можетъ быть я тарантасъ у кого-нибудь достану, а въ Тифлисѣ можете кстати остановиться у меня, домъ стоитъ порожній, мой отецъ, жена, всѣ уѣхали въ деревню.“ Нечего было дѣлать, я замолчалъ.

Часовъ въ восемь, попрощавшись со всѣми, Эристовъ вышелъ, съ помощью деньщика взобрался на телѣгу, я кое-какъ помѣстился около него на краюшкѣ и мы лихо прокатили по форштату съ полверсты за ворота, обогнавъ вытягивавшійся длинный обозъ, въ головѣ коего двигался взводъ съ

пушкой. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воротъ начиналось высохшее русло горной рѣчки, усѣянное сплошь крупнымъ булыжникомъ, по которому приходилось протащиться версты съ полторы; понятно, что по такой дорогѣ можно было ѣхать только самымъ черепашьимъ шагомъ и телѣгу то подбрасывало, то кривило на одинъ, то на другой бокъ; сидя на на краю, я рисковалъ на каждомъ шагу слетѣть, и потому соскочивъ, сказалъ, что пройду это разстояніе пѣшкомъ. Прошелъ я съ полверсты, солнце стало припекать шибко; мнѣ опять вспомнилось заманчивое приглашеніе Зубалова и я какъ-то машинально обратился къ Эристову. „Видите, ваше сіятельство, вамъ одному даже неудобно на этой гадкой перекладной; ей-Богу, я васъ стѣсню и вы сами пожалѣете, что взяли меня съ собою.“ — Ну, чортъ съ вами, оставайтесь, коли не хотите ѣхать, сказалъ онъ въ сердцахъ.—Я взялъ свою сумку, забормоталъ что-то въ родѣ: „для васъ же, князь, это дѣлаю, пожалуста, не сердитесь“, прибавилъ „счастливаго пути, до свиданія“ и пошелъ потихоньку назадъ. Видно было, впрочемъ, что онъ и сердился-то не искренно.

Подходя къ квартирѣ Огонь-Догановскаго, я увидѣлъ на горкѣ у воротъ крѣпости коменданта Лазарева и поклонился ему. „Какъ, закричалъ онъ мнѣ, вы не уѣхали съ Эристовымъ?“ — Да, выѣхалъ-было, да неудобно вдвоемъ на перекладной, вернулся, поѣду со слѣдующею оказіей съ Зубаловымъ. „Ну, и отлично, приходите пловъ кушать, сегодня славнаго молодого барашка досталъ.“

— Хорошо, приду непремѣнно.

И Давыдъ, и только-что проснувшійся Догановскій весьма удивились моему появленію; я разсказалъ, какъ было дѣло и послалъ Давыда къ Зубалову сказать, что я остался и поѣду съ нимъ. Вскорѣ явился и самъ Зубаловъ, объявилъ, что онъ только-что узналъ, что дня чрезъ три пойдетъ экстренная оказія отъ батальона Тифлисскаго полка, отправляющаго какіе-то зимніе мундиры, полушубки или что-то въ этомъ родѣ въ свою штабъ-квартиру — Царскіе Колодцы, и

такимъ образомъ мы можемъ выѣхать четырьмя днями раньше (срочныя оказіи ходили только разъ въ недѣлю), ради чего онъ постарается окончить свои провіантскія дѣла въ три дня. Я очень обрадовался этому извѣстію; мнѣ хотѣлось поскорѣе въ Тифлисъ, чтобы загладить въ Эристовѣ неудовольствіе, могущее, чего добраго, обратить въ ничто мои мечты о полковомъ адъютантствѣ въ гренадерскомъ полку.

Часу въ первомъ пошли мы съ Зубаловымъ къ коменданту Лазареву въ крѣпость. Смотрѣлъ я, какъ они играли въ *нарды* (весьма распространенная за Кавказомъ игра), затѣмъ сѣли обѣдать; пловъ былъ великолѣпный, шашлыки и кахетинское еще лучше, армяно-грузинскія остроты и анекдоты сыпались безъ умолку, трапеза вышла превеселая. Когда убрали со стола, Лазаревъ взялся за тари и затянулъ одну изъ своихъ любимыхъ персидскихъ мелодій заунывно-гортанными носовыми звуками, а мы съ Зубаловымъ полудремали на диванѣ. Вдругъ на порогѣ появился ординарецъ унтеръ-офицеръ и громко обратился къ Лазареву: „Ваше высокоблагородіе, пожалуйте скорѣе къ полковнику Давыдову!“—Что̀ тамъ случилось? „Прискакали казаки, кажись, на оказію напали“. Мы всѣ вскочили: Лазаревъ надѣлъ сюртукъ и побѣжалъ къ Д., а я съ Зубаловымъ пошли къ форштату; не успѣли мы дойти еще до воротъ крѣпости, какъ уже раздались сигнальные пушечные выстрѣлы. Я, впрочемъ, тутъ же сказалъ Зубалову, что извѣстіе о нападеніи на оказію—чепуха; для такого нападенія нужна партія въ нѣсколько сотъ человѣкъ, а такая партія не могла бы скрытно пройти такъ далеко чрезъ кордоны, занятые вездѣ войсками, да и не рискнули бы на такое дѣло, потому что ей отрѣзали бы отступленіе въ горы; небольшая же шайка на оказію не нападетъ. Вѣрнѣе, что тревога фальшивая, какія нерѣдко случались, или же качаги напали на кого-нибудь отставшаго отъ оказіи. Не успѣли мы спуститься съ горы отъ крѣпости на площадь форштатскую, какъ мимо насъ уже скакала сотня донцовъ и нѣсколько милиціонеровъ къ выѣзду на дорогу въ Муганло, куда

ушла утромъ оказія. На наши вопросы мы получали одинъ отвѣтъ: „говорятъ, на оказію напали“, навѣрное, однако, никто ничего не зналъ. Хотѣлось мнѣ очень поскакать съ казаками, но я не могъ достать лошади. (Свою я продалъ прежде этого, рѣшивъ оставить Закаталы.) Прошло съ полчаса, на площади появился какой-то лезгинъ на взмыленной лошади, кругомъ него кучка выбѣжавшихъ изъ лавокъ армянъ; мы побѣжали туда же.

— Что̀ такое? рамбавіа? на хабаръ? посыпалось со всѣхъ сторонъ.

— *Алла! князь Эристовъ, качагларъ! безъ оказіи, гайда!* отрывисто выкрикивалъ запыхавшійся чапаръ.

Всѣ кричали, всѣ спрашивали, куча народу все росла.

— Оказію разбили! Эристова убили! почту разграбили! всю роту вырѣзали! раздались возгласы со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ, лезгинъ продрался въ крѣпость, чрезъ нѣсколько минутъ раздались опять учащенные пушечные выстрѣлы, на площади стали строиться уже сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ солдаты, казалось, непріятель грозитъ самой крѣпости... Между тѣмъ, положительнаго все-таки ничего не было извѣстно, а въ нападеніи и разбитіи оказіи я рѣшительно сомнѣвался.

Былъ уже часъ шестой вечера, суета не улегалась, слухи одинъ другого нелѣпѣе, одинъ другого противорѣчивѣе передавались; какіе-то туземцы въ перемежку съ казаками проскакивали чрезъ форштатъ въ крѣпость и обратно, батальонъ составилъ ружья въ козлы, а все-таки я не добился ни отъ кого, что̀ именно случилось.

— Знаете, господа, сказалъ я Зубалову, Догановскому и Рчеулову,—пойду я къ самому Давыдову узнать, что̀ такое происходитъ; я съ нимъ знакомъ, въ прошломъ году провожалъ въ Ахты, да и въ Тифлисѣ встрѣчался.

— Отлично, идите скорѣе и возвращайтесь, нужно же узнать, наконецъ, въ чемъ дѣло.

Я привѣсилъ шашку и побѣжалъ въ крѣпость. У самыхъ

воротъ, смотрю, стоятъ Давыдовъ, Лазаревъ, адъютантъ управленія всей линіи, капитанъ П. (одинъ изъ ярыхъ антагонистовъ Эристова и участниковъ въ бывшемъ наканунѣ кутежѣ) и еще нѣсколько человѣкъ. Я поклонился. Д., видимо, смущенный, почти не обратилъ на меня вниманія и толковалъ что-то съ П. Подошелъ я къ Лазареву и вполголоса спрашиваю: „Не знаете ли, что̀ случилось?“ — „Большое несчастіе: Эристовъ уѣхалъ впередъ отъ оказіи, на него напали, изрубили его и ямщика, деньщика взяли въ плѣнъ...“ Я просто окаменѣлъ! Сердце у меня забилось неистово, кровь то приливала къ вискамъ, то какъ будто душила горло... Какъ я спасся отъ гибели? Нѣсколько часовъ тому назадъ только слѣзъ я съ телѣги, на которой уѣхалъ Эристовъ, и вотъ его уже нѣтъ! ожидала меня одинакая съ нимъ участь!.. Слезы проступили у меня на глазахъ... Бѣдный Эристовъ, какой ужасный конецъ! Въ 37 лѣтъ, на дорогѣ къ блестящей карьерѣ, въ разгарѣ честолюбивыхъ мечтаній, погибнуть такимъ образомъ! Вернулся я на квартиру и разсказалъ о случившемся. Бѣдный Рчеуловъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

Часовъ въ девять вечера прибыла донская сотня и привезла на телѣгѣ три трупа: Эристова и ямщика, сильно изрубленныхъ, и одного казака, убитаго пулей. Эристова положили въ его квартирѣ, которую онъ оставилъ утромъ съ намѣреніемъ больше въ нее не возвращаться... Взглянувъ въ послѣдній разъ на изуродованнаго покойника, я вышелъ придавленный какимъ-то тяжелымъ, трудно объяснимымъ чувствомъ. Мнѣ даже приходило на мысль—зачѣмъ я его оставилъ, можетъ быть при мнѣ бы этого не случилось, можетъ быть я отговорилъ бы его не уѣзжать отъ оказіи. Я забывалъ при этомъ, что самъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые безъ всякой причины, вопреки здравому разсудку, постоянно, очертя голову, отъѣзжали отъ оказій, пускались безъ конвоя, по ночамъ; наконецъ, что Эристовъ едва ли бы послушалъ меня.

Подробности этого печальнаго происшествія выяснились слѣдующимъ образомъ. Первыя девять верстъ Эристовъ тащился шажкомъ съ оказіей; здѣсь былъ сдѣланъ привалъ, поили лошадей, закусывали. Эристовъ болталъ съ начальникомъ колонны, штабсъ-капитаномъ Мицуговымъ, и былъ въ веселомъ расположеніи духа: Когда оказія опять тронулась, Эристовъ сказалъ Мицугову: я поѣду потихоньку впередъ, дайте мнѣ человѣкъ трехъ казаковъ. (Всѣхъ же ихъ было при оказіи восемь). Хотя, строго говоря, начальникъ оказіи былъ въ правѣ не только не давать казаковъ, но даже запретить Эристову выѣзжать впередъ, однако, понятно, что онъ, штабсъ-капитанъ линейнаго баталіона и бѣдный грузинскій дворянинъ, считалъ себя въ отношеніи подполковника, князя и окружнаго начальника такимъ ничтожнымъ человѣкомъ, что ему и въ голову не пришло какое-нибудь колебаніе исполнить требованіе Эристова. Такимъ образомъ тройка сѣрыхъ выѣхала впередъ колонны, за нею три донскихъ казака и еще тройка почтовыхъ, но уже поплоше, на коей ѣхалъ прапорщикъ Эриванскаго карабинернаго полка Гессе, съ имеретиномъ-поваромъ своего полкового командира, князя Мухранскаго. Верстахъ въ двухъ начались по дорогѣ какія-то лужицы, отъ бывшаго ли ночью дождя или отъ разлившейся канавы, только отъ тройки Гессе брызги стали летѣть на Эристова и запачкали ему бѣлый китель; онъ обернулся и сказалъ Гессе: пожалуйста не подъѣзжайте такъ близко, вы меня совсѣмъ грязью забрызгали; вслѣдствіе этого тотъ остановилъ своего ямщика и только давъ Эристову отъѣхать съ полверсты, тронулся дальше мелкою рысцой. Дорога пошла широкою просѣкой, вырубленною нами же ради безопасности; въ одномъ мѣстѣ съ правой стороны, вдругъ показались изъ лѣсу всадники, человѣкъ пятьнадцать, всѣ на отличныхъ лошадяхъ, хорошо одѣтые, еще лучше вооруженные. Эристовъ, замѣтивъ ихъ, приказалъ ямщику остановиться; онъ думалъ, что вѣроятно это старшины и почетные жители какого-нибудь ближайшаго аула, ѣдущіе проводить его; но по мѣрѣ

приближенія ихъ, увидѣвъ какія-то незнакомыя подозрительныя лица, сказалъ ямщику: „трогай!“ Въ эту минуту разбойники схватились за свои винтовки, раздалось нѣсколько выстрѣловъ; одинъ казакъ упалъ мертвый, деньщику пуля пробила руку; другой казакъ соскочилъ съ своей дрянной кляченки и бросился въ лѣсъ, третій поворотилъ коня назадъ и удралъ во всѣ лопатки. Имеретинъ-поваръ, сидѣвшій на телѣгѣ съ Гессе, по безшабашно-инстинктивной отвагѣ, соскочилъ и бросился впередъ, думая защитить Эристова; самъ же Гессе, благодаря брызгамъ грязи, отставшій отъ Эристова на полверсты, успѣлъ тоже повернуть назадъ и доскакать до оказіи, преслѣдуемый тремя качагами, неудачно въ него стрѣлявшими; эти три человѣка схватили лишь одного бѣднаго повара и потащили съ собою. Между тѣмъ тройка Эристова понеслась вихремъ; изъ числа погнавшихся за нимъ разбойниковъ одинъ за другимъ стали отставать,—скакали еще человѣкъ пять, продолжая стрѣлять; Эристовъ, уже раненый сильно въ бокъ, покрикивалъ только ямщику: „Валяй, валяй! Тутъ не далеко долженъ быть кордонный постъ съ 25 человѣками караульныхъ; только бы намъ до него доскакать, тогда кончено—туда они не посмѣютъ за нами“. Такъ проскакали верстъ пять; наконецъ вправо отъ дороги, у опушки лѣса, показался постъ, состоявшій изъ деревяннаго сруба съ вышкой для часового; тамъ, по извѣстному Эристову распоряженію, должно было находиться 25 человѣкъ караульныхъ изъ жителей ближайшихъ ауловъ, подъ командой милиціонернаго прапорщика изъ туземцевъ же. „Поворачивай къ посту!“ крикнулъ онъ ямщику. Дорожка пошла по вырубленному лѣсу, по пенькамъ, кочкамъ; ѣзда невольно сдѣлалась медленнѣе, чтобы не опрокинуться; между тѣмъ пять человѣкъ скачутъ ближе и ближе, и особенно одинъ на гнѣдомъ конѣ почти не отставалъ отъ телѣги, стрѣлялъ изъ пистолета, норовя попасть въ лошадь и тѣмъ остановить тройку. Подскакали къ посту, со всего размаху осадилъ ямщикъ взмыленную тройку, „Эй, караульные! крикнулъ онъ по-татарски,—выхо-

дите скорѣе! качаги напали!“ Ни звука въ отвѣтъ, ни живой души: постъ былъ пустъ...

„Пошелъ скорѣе опять на дорогу!“ сказалъ Эристовъ. Ямщикъ крикнулъ, взмахнулъ возжами: коренная ни съ мѣста... Наскакавшій между тѣмъ на гнѣдомъ конѣ лезгинъ выхватилъ саблю, рубнулъ со всего размаху одну изъ пристяжныхъ, та рванулась въ сторону, оборвала упряжь; въ эту минуту подскакали еще двое; деньщикъ спрыгнулъ съ телѣги, бросился къ лѣсу, едва вынося боль въ раненой рукѣ; Эристова и ямщика изрубили на телѣгѣ; затѣмъ подъѣхали и остальные разбойники, взяли съ Эристова шашку и часы, разбросали чемоданъ, не найдя въ немъ ничего имъ полезнаго, выпрягли оставшихся цѣлыхъ двухъ лошадей, посадили на одну раненаго деньщика и уѣхали лѣсомъ, гдѣ въ недалекомъ разстояніи соединились со своими тремя товарищами, взявшими имеретина-повара. Переночевавъ въ лѣсу же, они на другой день перебрались черезъ горы въ непріятельскіе аулы, откуда и исцѣлившійся почти деньщикъ и имеретинъ-поваръ вскорѣ были доставлены, кажется, въ обмѣнъ на плѣнныхъ лезгинъ. Отъ нихъ всѣ эти подробности и стали намъ извѣстны.

Не сверни тогда тройка съ дороги къ проклятому посту, успѣли бы ускакать, и то гнался уже одинъ съ незаряженнымъ оружіемъ, да верстахъ въ трехъ-четырехъ кончался лѣсъ и на открытой мѣстности виднѣлся аулъ Муганло, вблизи коего разбойники не рѣшились бы продолжать преслѣдованіе, чтобы не подвергнуть жителей отвѣтственности.

Судьба! приходится сказать невольно. Не явное ли знаменіе, однако, непостижимаго намъ Промысла въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ бывшихъ со мною случаяхъ? Подъ наитіемъ какого вдохновенія слѣзъ я 4-го августа 1850 года, въ 9 часовъ утра, съ телѣги, на которой чрезъ нѣсколько часовъ, безъ сомнѣнія, погибъ бы вмѣстѣ съ несчастнымъ Эристовымъ?

Происшествіе это произвело въ русскомъ населеніи Закаталъ всеобщее уныніе; толкамъ, догадкамъ, предположеніямъ

не было конца. Вспомнили о похоронномъ маршѣ, къ этому прибавили странное обстоятельство, что на посту изъ 25 человѣкъ караульныхъ не оказалось никого, приплели и то, дѣйствительно странное распоряженіе, по которому Донская сотня, при первомъ извѣстіи, была послана не на перерѣзъ хищникамъ по кордону, а на мѣсто происшествія, гдѣ она, очевидно, никого уже застать не могла. Изо всѣхъ этихъ случайныхъ стеченій обстоятельствъ, съ прибавленіемъ болѣе или менѣе нелѣпыхъ догадокъ и сплетень, составилась цѣлая легенда объ устроенномъ врагами Эристова нападеніи.

Чрезъ три дня я съ Зубаловымъ выѣхалъ изъ Закаталъ, присоединившись къ ротѣ Тифлисскихъ егерей, конвоировавшихъ какія-то полковыя вещи и тѣло Эристова, отправленное для погребенія на родину его; а 10-го августа мы были уже въ Тифлисѣ. Кромѣ князя Василія Осиповича Бебутова, никого изъ высшихъ властей въ городѣ не было. Я отправился на другой день къ нему являться.

— Очень радъ васъ видѣть, любезнѣйшій З., сказалъ мнѣ князь, выйдя изъ залы, гдѣ, кромѣ меня и его адъютанта Александровскаго, никого не было. — Вы только-что изъ Закаталъ, и можете сообщить мнѣ всѣ подробности о несчастномъ происшествіи съ Эристовымъ, о которомъ я вчера только получилъ извѣстіе.

Я разсказалъ все, что̀ мнѣ было извѣстно о выѣздѣ Эристова съ оказіей, о томъ, какъ онъ уѣхалъ впередъ и пр.

— Ну, а какже это провожали Эристова похороннымъ маршемъ? спросилъ меня князь Бебутовъ.

Удивился я очень быстротѣ, съ какою молва разноситъ все по краю. Разсказалъ я и объ этомъ обстоятельствѣ подробно: какъ мы ужинали, услыхали музыку, кутежъ у баталіоннаго командира и затѣмъ похоронный маршъ, какъ Эристовъ вспыхнулъ, принявъ это за выходку противъ него, „но, прибавилъ я, дѣйствительно ли для него играли похоронный маршъ, я не знаю, хотя большинство въ Закаталахъ такъ думаетъ“.

— Ну-съ, а какъ вы мнѣ объясните, продолжалъ князь свой допросъ,—что на посту не оказалось ни одного человѣка въ караулѣ? Вѣдь это весьма подозрительно и даетъ поводъ думать, что караульныхъ нарочно устранили?

— Навѣрно ничего сказать не могу, отвѣчалъ я,—но полагаю, что это случай самый обыкновенный. Жители, не только татары, но даже грузины, весьма тяготятся нарядами въ караулы, отвлекающими ихъ отъ своихъ домовъ и хозяйственныхъ занятій; почти никто изъ очередныхъ самъ не отправляется, а откупаются деньгами, уплачиваемыми начальнику караульныхъ постовъ, который берется будто бы замѣстить откупившихся наемными людьми, но въ сущности кладетъ себѣ деньги въ карманъ; болѣе добросовѣстные изъ нихъ дѣйствительно нанимаютъ разныхъ проходимцевъ и вмѣсто двадцати держатъ пять, шесть человѣкъ. На случай же проѣзда начальства, (о чемъ всегда дается знать заранѣе) начальники постовъ успѣваютъ распорядиться выставкой людей и, по обыкновенію, показать товаръ лицомъ. Татары еще тѣмъ болѣе избѣгаютъ этой обязанности, что стоятъ между двухъ огней: въ случаѣ какого-нибудь нападенія вблизи поста, не подать помощи значитъ подвергнуться отвѣтственности предъ русскимъ начальствомъ; подать же помощь, помѣшать качагамъ совершить разбой, еще опаснѣе: ихъ месть будетъ подѣйствительнѣе русскихъ взысканій. Я, давно знакомый съ этими порядками и всегда считавшій туземные караулы не достигающими цѣли, существующими только въ видѣ налога въ пользу разныхъ милиціонерныхъ офицеровъ, не разъ говорилъ объ этомъ и покойному Эристову, предлагая обратить эту натуральную повинность въ денежную, а караульныхъ нанимать въ Кахетіи, гдѣ много имеретинъ, ищущихъ подобнаго рода службы, а эти люди-охотники далеко отъ своихъ домовъ, среди чуждаго и враждебнаго населенія, поневолѣ будутъ исполнять хорошо свою обязанность, и отъ нихъ даже въ половинномъ количествѣ будетъ дѣйствительная польза; надзоръ же за ними поручить или при-

ставамъ, или особо назначеннымъ офицерамъ изъ регулярныхъ войскъ.

— Итакъ, по вашему выходитъ, что все это происшествіе несчастный случай? спросилъ какъ-то особеннымъ тономъ князь Бебутовъ.

— Полагаю, что такъ, ваше сіятельство.

— Вы теперь что же намѣрены дѣлать?

— Намѣренъ ѣхать въ Кутаисъ, по приглашенію князя Гагарина.

— А, хорошо; желаю вамъ успѣха. Прощайте.

Я раскланялся и вышелъ подъ какимъ-то тягостнымъ впечатлѣніемъ отъ всей этой аудіенціи.

Зашелъ я послѣ къ Александровскому, который разсказалъ мнѣ, что до князя Бебутова дошли слухи объ интригахъ противъ Эристова, о похоронномъ маршѣ, о подозрѣніяхъ не было ли происшествіе адскою махинаціей враждебной ему партіи, и что князь Воронцовъ будетъ крайне огорченъ этимъ дѣломъ и пожелаетъ, конечно, добиться правды. Мои же отвѣты показались князю Бебутову не совсѣмъ откровенными. Я старался убѣдить Александровскаго въ нелѣпости пущенныхъ подозрѣній, не только потому, что какъ бы враждебны ни были къ Эристову нѣсколько человѣкъ офицеровъ изъ закатальскаго управленія, какъ бы глупо ни было съ ихъ стороны играть ему похоронные марши и т. п., но чтобъ они рѣшились на сношенія съ хищниками—это просто безсмыслица. Да и какъ же они могли бы предвидѣть, что Эристовъ уѣдетъ впередъ отъ оказіи съ тремя казаками? На оказію же, прикрываемую цѣлою ротой, ни 15, ни 30 качаговъ не смѣли бы напасть.

Не знаю, передалъ ли Александровскій это князю Бебутову; но, сколько мнѣ извѣстно, произведенное по этому дѣлу слѣдствіе никакихъ открытій не дало. Неудовольствіе же князя Воронцова отозвалось на генералѣ Б. и его штабѣ тѣмъ, что Б., и безъ того уже только терпимый за знаменитую экзекуцію, выше мною описанную, былъ немедленно переведенъ

съ Кавказа, а штабные раскассированы изъ Закаталъ. Гораздо послѣ уже мнѣ говорили, будто бы эти господа обвиняли *меня* въ оклеветаніи ихъ предъ княземъ Бебутовымъ и возбужденіи подозрѣній, тогда какъ я, напротивъ, старался увѣрить въ нелѣпости подобныхъ подозрѣній. Вотъ такъ часто бываетъ на свѣтѣ: люди во что бы ни стало хотятъ найти козла отпущенія за свои промахи! Еще страннѣе, что лѣтъ, кажется, чрезъ девять послѣ этого, одинъ господинъ на чей-то вопросъ, не знаетъ ли онъ меня? отвѣтилъ: „Да, слыхалъ; это тотъ, что былъ *замѣшанъ въ темное дѣло объ убійствѣ Эристова*". Вотъ какъ иногда рождаются легенды!

Пробывъ нѣсколько дней въ Тифлисѣ и узнавъ, что князь Гагаринъ уже недѣли двѣ тому назадъ проѣхалъ въ Кутаисъ, я рѣшился ѣхать туда безъ предварительнаго спроса, чтобы не терять напрасно въ перепискѣ времени.

XXXIII.

Какъ сказочные герои, отыскиватели похищенныхъ царевенъ, странствующіе по лѣсамъ и по доламъ, мы съ Давыдомъ Гвинія Швили, опять взгромоздившись на перекладную пустились въ путь-дорожку къ новымъ, еще невиданнымъ нами мѣстамъ.

Ни разу, съ тѣхъ поръ какъ сталъ я писать эти отрывки моихъ воспоминаній, не приходилось мнѣ еще такъ досадовать, что не велъ дневника, или по крайней мѣрѣ какихъ-нибудь замѣтокъ. Я прожилъ въ 1850 году въ Кутаисѣ мѣсяцевъ пять, совершилъ и съ княземъ Гагаринымъ, и одинъ, нѣсколько весьма интересныхъ поѣздокъ по всѣмъ направленіямъ Имеретіи, Гуріи, Мингреліи и Абхазіи, входившихъ въ составъ Кутаисской губерніи. Я былъ постояннымъ у губернатора докладчикомъ и переводчикомъ массы просителей и жалобщиковъ (а народъ тамъ крайне охочъ до кляузъ), но все — и мѣстность, и лица, и дѣла за это время почти совсѣмъ изгладились изъ моей памяти; все

пребываніе въ этомъ краѣ представляется мнѣ какъ-то смутно, какъ давній сонъ. И странно: какъ живо возстали въ моей памяти событія, совершившіяся гораздо раньше, какъ исподволь, по мѣрѣ составленія настоящихъ записокъ, возникали предъ моими глазами картины давняго прошлаго, не рѣдко съ мельчайшими подробностями, а тутъ какъ будто туманомъ все застилается предо мною и я не въ силахъ выжать изъ притупившейся памяти какого-нибудь представленія объ этомъ времени. Одно только событіе — именно пріѣздъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора, помню вполнѣ и постараюсь разсказать объ немъ подробно. Объ остальномъ поневолѣ долженъ ограничиться нѣсколькими отрывочными словами.

Пріѣхавъ въ Кутаисъ, я остановился въ плохенькой гостинницѣ, содержимой какимъ-то заѣзжимъ нѣмцемъ. Жаръ былъ невыносимый; небольшой городокъ на берегу быстраго шумнаго Ріона, съ его оригинальными досчатыми домиками, раскинутыми отчасти по окрестнымъ возвышенностямъ, среди густой зелени, производилъ довольно пріятное впечатлѣніе.

Явившись къ князю Гагарину, я былъ принятъ имъ очень любезно; онъ посовѣтовалъ мнѣ бросить гостинницу, обратиться къ содѣйствію полиціймейстера капитана Мелешко (братъ убитаго Даніель-бекомъ элисуйскаго пристава) для отысканія квартиры, затѣмъ ежедневно къ девяти часамъ утра, а если можно то и раньше, являться къ нему и оставаться уже цѣлый день.

— Дѣла много, прибавилъ князь,—постоянно приходятъ просители, получаются бумаги и письма; я хотѣлъ бы, не откладывая, дѣлать распоряженія и давать отвѣты, собирать нужныя справки и прочее; во всемъ этомъ вы мнѣ будете помогать.

— Слушаю-съ, постараюсь все исполнить.

Квартира въ двѣ комнатки, въ какомъ-то имеретинскомъ домикѣ, среди сада, нашлась сейчасъ же; я перебрался, устроился по-походному и началъ свои занятія. Съ восьми

часовъ я уже приходилъ въ губернаторскій домъ, заставалъ князя Гагарина за чаемъ, иногда въ саду, на берегу рѣки; затѣмъ садился въ залѣ предъ его кабинетомъ, докладывалъ о приходящихъ, переводилъ ему просьбы и жалобы туземцевъ, дѣлалъ надписи къ мѣстнымъ начальникамъ на подаваемыхъ прошеніяхъ, или составлялъ бумаги къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ по словамъ жалобщиковъ; ходилъ за справками въ губернское правленіе и т. п. Часу во второмъ выходили мы съ княземъ гулять по городу, при чемъ я долженъ былъ запомнить дѣлаемыя имъ замѣчанія о предметахъ, требовавшихъ распоряженій; заглядывали въ арестантскія помѣщенія, въ лазареты и пр. Послѣ обѣда приходилось писать кое-какія бумаги, отвѣты на письма, и только въ сумерки я освобождался отъ занятій. Все бы это было прекрасно, работа меня ни чуть не обременяла; я съ удовольствіемъ дѣлалъ все; но меня безпокоила неопредѣленность моего служебнаго положенія, безъ всякаго пока содержанія. Князь самъ не начиналъ объ этомъ разговора, а я тоже не рѣшался заговорить съ нимъ. Между тѣмъ я видѣлъ, что мѣсто адъютанта (по званію военнаго губернатора), занятое нѣкоимъ капитаномъ Щ—вымъ, повидимому не собиравшимся уходить, едва ли можетъ мнѣ достаться. Познакомившись съ Щ—вымъ и очень гостепріимно принятый въ его домѣ, я счелъ обязанностью предупредить его о сдѣланномъ мнѣ приглашеній, которое я принялъ, не зная даже есть ли налицо адъютантъ и кто онъ; но что, само собою, пока Щ—въ занимаетъ свое мѣсто и самъ не захочетъ его оставить, я и не подумаю добиваться его, да и князь Гагаринъ безъ побудительныхъ причинъ, не тронетъ его, человѣка семейнаго, съ занимаемой должности. Щ—въ былъ мнѣ очень благодаренъ за откровенность, сознался, что и не думаетъ оставлять своего мѣста, развѣ прикажутъ, и что былъ бы очень радъ, еслибы князь, не откладывая, разрѣшилъ его сомнѣнія: долженъ ли онъ надѣяться на сохраненіе должности, или готовиться къ сдачѣ; при этомъ онъ прибавилъ,

что съ перваго дня моего пріѣзда угадалъ во мнѣ кандидата на адъютантскую должность и, конечно, не очень дружелюбно на меня поглядывалъ. Это не помѣшало намъ, впрочемъ, стать добрыми знакомыми и остаться таковыми еще и до сихъ поръ.

Пропустивъ нѣкоторое время, я наконецъ рѣшился заговорить съ княземъ о себѣ. Онъ былъ видимо какъ бы смущенъ, старался меня успокоить увѣреніями, что я де ничего не потеряю, что дѣйствительно гнать Щ—ва безъ особенныхъ причинъ не приходится, но что онъ можетъ въ послѣдствіи дать ему другое хорошее назначеніе, а пока мнѣ только важно получать опредѣленное содержаніе и для этого нужно занять какое-нибудь штатное мѣсто, и что кстати есть вакансія помощника кутаисскаго уѣзднаго начальника, которую онъ и предлагаетъ мнѣ принять временно, продолжая занятія попрежнему лично при немъ. Очень мнѣ не понравился такой оборотъ моего дѣла. Всѣ мои мечты о чисто военной службѣ, объ аксельбантахъ, объ участіи въ экспедиціяхъ и наградахъ разлетались прахомъ; я попадалъ опять въ гражданскую, да еще и полицейскую категорію, въ совершенно мирномъ краѣ, слѣдовательно еще болѣе противъ моихъ желаній, чѣмъ на Лезгинской линіи. Крайне огорченный такимъ исходомъ, я плохо скрылъ свои мысли; однако отказаться прямо отъ предложенія не могъ. Куда дѣваться, особенно безъ всякихъ средствъ прожить время до новой службы? Единственный человѣкъ, на котораго я, за смертію Потоцкаго и Эристова, могъ разсчитывать, былъ князь Илико Орбельянъ, но оставить такъ внезапно и рѣзко Кутаисъ, куда я попалъ при его посредствѣ, значило бы возбудить и его неудовольствіе. Между тѣмъ, со свойственнымъ молодости легкомысліемъ, я не терялъ надежды, что Гагаринъ и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ найдетъ возможность пристроить Щ—ва на хорошее мѣсто и что мнѣ стоитъ только подождать нѣсколько мѣсяцевъ. Такимъ образомъ я согласился и вскорѣ

былъ формальнымъ образомъ назначенъ помощникомъ уѣзднаго начальника, продолжая прежнія занятія.

Еще въ августѣ мѣсяцѣ ѣздилъ я съ княземъ Гагаринымъ въ лѣтнее пребываніе владѣтельнаго князя Мингреліи Дадіана, гдѣ прогостили сутки. Княгиня Дадіанъ, Екатерина Александровна, родная сестра Нины Александровны Грибоѣдовой, была тогда женщина лѣтъ тридцати пяти, но еще очень красивая, величественная, въ полномъ смыслѣ слова belle femme; самъ же князь Давыдъ, добрѣйшій, флегматическій, ничѣмъ особенно не отличавшійся господинъ. Я заговорилъ съ нимъ о покойномъ Потоцкомъ, разсказавъ ему о моемъ съ нимъ знакомствѣ; князь въ свою очередь передалъ мнѣ подробности его болѣзни и смерти, и со слезами на глазахъ вспоминалъ о своемъ долголѣтнемъ искреннемъ другѣ, котораго, къ сожалѣнію, мало знали, еще меньше де понимали и напрасно порочили.

Въ подобныхъ занятіяхъ и поѣздкахъ по ближайшимъ окрестностямъ проходило время, до полученія окончательнаго извѣстія о днѣ пріѣзда Государя Наслѣдника.

Многія распоряженія по этому поводу были сдѣланы еще ранѣе, а теперь оставалось ихъ завершить и провѣрить. Мы съ княземъ Гагаринымъ ѣздили раза два осматривать почтовую дорогу и станціи до Сурамскаго перевала, особенно Бѣлогорскую, гдѣ предполагался ночлегъ. Въ городѣ Кутаисѣ все хлопотало, чистилось и убиралось. Князья и почетные жители были приглашены образовать верхами конвои на каждой станціи. Лошадей выставляли наемныхъ отъ молоканскихъ и духоборскихъ поселеній и нѣмецкихъ колоній, для которыхъ заготовлялся вездѣ фуражъ; непривычныхъ лошадей приходилось пріучать къ дышловой упряжкѣ и т. п. Однимъ словомъ, заботы и суеты было много. Для наблюденія все ли приводится въ исполненіе, я былъ нѣсколько разъ посылаемъ по тракту предстоявшаго проѣзда.

Наконецъ, наступилъ день, назначенный намъ для встрѣчи Наслѣдника Цесаревича на границѣ Кутаисской губерніи

съ Горійскимъ уѣздомъ Тифлисской губерніи. Мы выѣхали съ княземъ Гагаринымъ вдвоемъ въ его экипажѣ, еще разъ все подробно осмотрѣли по дорогѣ, и за нѣсколько часовъ до пріѣзда Высокаго Посѣтителя пріѣхали къ Сурамскому перевалу, гдѣ и расположились ожидать. Между прочимъ, князь Гагаринъ приказалъ мнѣ со встрѣчи уже ѣхать все время верхомъ у экипажа Его Высочества, чтобы наблюдать за порядкомъ всего кортежа, за конвоями, прискакивать нѣсколькими минутами раньше къ станціи, чтобы лошади были выведены и т. п.

Часу въ пятомъ пополудни показался поѣздъ отъ Сурама. Государь Наслѣдникъ сидѣлъ въ коляскѣ съ княземъ Василіемъ Осиповичемъ Бебутовымъ, начальникъ главнаго штаба П. Е. Коцебу съ графомъ А. В. Адлербергомъ, лейбъ-медикъ Енохинъ съ графомъ Ламбертомъ, затѣмъ далѣе цѣлый рядъ экипажей со свитой, телѣги съ фельдъегерями, магазейнъ-вахтерами, писарями и пр. Его Высочество, въ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, въ кавказской формѣ своего Эриванскаго карабинернаго полка, въ папахѣ, повидимому былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Принявъ отъ князя Гагарина почетный рапортъ о благополучіи губерніи, изволилъ поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ, полюбовался прелестнымъ видомъ на разстилавшееся предъ нами ущелье и приказалъ трогаться дальше. Послѣ продолжительнаго крутого спуска, пошла болѣе ровная дорога, раздалось „пошелъ“ и все понеслось. Я верхомъ, въ полной формѣ, при шашкѣ (драгунской формы, тогда общей для всей Кавказской арміи), колотившей меня немилосердно эфесомъ по боку, у самыхъ дверецъ передняго экипажа.

Остановясь у Мелитской станціи, Наслѣдникъ Цесаревичъ обратился къ выстроенному вдоль дороги конвою, состоявшему человѣкъ изъ полутораста имеретинскихъ князей и дворянъ, въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ, съ блинчиками (папанаки) вмѣсто шапокъ на кудрявыхъ головахъ, въ блестящемъ вооруженіи, на отличныхъ маленькихъ лошадкахъ, съ

слѣдующими словами: „Очень радъ васъ видѣть, господа, Государь Императоръ приказалъ мнѣ передать вамъ его спасибо за вашу вѣрную, молодецкую службу.“ Я оглянулся, вижу, что никто имъ не переводитъ сказанныхъ словъ и громко, внятно передалъ имъ всю фразу по-грузински. Князь Бебутовъ одобрительно мнѣ улыбнулся и что-то сталъ докладывать Его Высочеству.

Между тѣмъ лошади были перепряжены, я вскочилъ на коня, приказалъ казакамъ ѣхать впереди, конвою за ними, и поскакали дальше. Было почти уже темно, когда подъѣхали къ Бѣлогорской станціи. Опять то же привѣтствіе выстроившемуся новому конвою, переведенное мною же. Когда подъѣхали прочіе, немного отставшіе экипажи, былъ поданъ обѣдъ; а я, весьма утомленный, забрался въ комнату постоваго казачьяго офицера, приготовленную для ночлега князя Гагарина, и засѣлъ за чай.

Послѣ обѣда Его Высочество изволилъ выйти на обширный дворъ станціи съ княземъ А. И. Барятинскимъ (тогда еще генералъ-майоромъ, командиромъ Кавказской гренадерской бригады) и долго съ нимъ прогуливался. У воротъ въ караулѣ стояло нѣсколько вооруженныхъ туземцевъ; къ нимъ подошелъ Цесаревичъ, осматривалъ ихъ оружіе, вышитыя серебромъ шапочки и сдѣлалъ имъ чрезъ меня нѣсколько вопросовъ. Вскорѣ затѣмъ князь Гагаринъ зашелъ въ отведенную ему комнату, гдѣ и засталъ меня за пятымъ, кажется, стаканомъ чаю. „Ну-съ, до сихъ поръ слава Богу все идетъ хорошо, сказалъ онъ довольнымъ тономъ. Его Высочество очень веселъ, доволенъ и благодарилъ меня за обѣдъ; но вотъ сообщу и вамъ пріятную новость: за обѣдомъ Государь Наслѣдникъ спросилъ меня, „кто это у васъ молодой офицеръ, такъ хорошо владѣющій грузинскимъ языкомъ?“ Я назвалъ васъ; а князь Бебутовъ прибавилъ: этотъ молодой человѣкъ, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ на Лезгинской линіи, также отлично выучился по-татарски. „Да, изволилъ сказать Его Высочество, еслибы намъ побольше такихъ молодыхъ офице-

ровъ на Кавказѣ, польза была бы большая; ихъ нужно поощрять.“ Само собою, я былъ очень обрадованъ такому лестному вниманію, вспомнивъ при этомъ, что то же самое сказалъ обо мнѣ уже и князь М. С. Воронцовъ генералу Чиляеву, при проѣздѣ въ 1849 году чрезъ Элису.

Просидѣвъ съ полчаса за трубкой, князь Гагаринъ возвратился въ покои Его Высочества, гдѣ была составлена партія въ вистъ, сказавъ мнѣ, что пока гости не лягутъ почивать, намъ слѣдуетъ быть на ногахъ. Прошло еще часа полтора, я то ходилъ по двору, то дремалъ сидя и мечталъ о блаженной минутѣ, когда можно будетъ залечь спать въ экипажѣ, въ которомъ я уже примостилъ себѣ нѣчто въ родѣ постели. Наконецъ показался князь Гагаринъ и мои мечты о близкомъ снѣ были разбиты въ прахъ. Онъ объявилъ мнѣ, что предполагается большая перемѣна въ маршрутѣ поѣздки Его Высочества, что нужно немедленно сдѣлать всѣ соотвѣтствующія распоряженія и что поэтому я долженъ ѣхать тотчасъ же назадъ въ Ахалцыхъ и Ахалкалаки, устраивать все лично на мѣстѣ. Затѣмъ мы пошли къ князю Бебутову, который передалъ мнѣ измѣненный маршрутъ; я тутъ же у него написалъ себѣ открытый приказъ ко всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ, чтобы немедленно и съ точностью исполняли мои словесныя требованія, считая ихъ за личныя приказанія его, князя Бебутова.

„Я вполнѣ увѣренъ, сказалъ мнѣ Василій Осиповичъ, что вы, любезный З., отлично все устроите и не произойдетъ нигдѣ никакой сумятицы.“

— Постараюсь, ваше сіятельство.

И въ ту минуту, когда всѣ укладывались спать, я, утомленный, полусонный, не имѣя во что переодѣться, вмѣсто ожидаемыхъ на другой день въ Кутаисѣ празднествъ, удовольствій и удобствъ, сѣлъ въ перекладную, закутался въ бурку и поскакалъ назадъ на Мелитскую станцію, куда и прибылъ до разсвѣта.

Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ разбудить станціонныхъ диктаторовъ, пропьянствовавшихъ всю ночь послѣ проѣзда Высокаго Путешественника на полученныя щедрыя „на вод-

ки", а лошадей получилъ только чрезъ два-три часа и то послѣ крика, брани и угрозъ. Солнце уже взошло, когда я, наконецъ, тронулся далѣе. Ни тряска, ни подкидыванія и толчки не мѣшали мнѣ спать, или, лучше сказать, оставаться въ томъ мучительномъ, трудно передаваемомъ состояніи, понятномъ только много и спѣшно скакавшимъ въ былыя времена на перекладныхъ, состояніи, которое нельзя назвать ни сномъ, ни бдѣніемъ, когда глаза поминутно открываются и смыкаются, а голова отуманена какими-то галлюцинаціями и человѣкъ теряетъ почти всякое сознаніе...

Проскакалъ я тогда въ первый разъ по Боржомскому ущелью (нынѣ роскошно устроенное лѣтнее пребываніе Великаго Князя Михаила Николаевича), еще мимо какого-то мѣстечка (кажется, Ацхуръ) съ остатками старой турецкой крѣпостцы, и часу въ третьемъ дня очутился въ Ахалцыхѣ, въ квартирѣ уѣзднаго начальника, капитана Городенскаго или Городецкаго, хорошо не помню. При первомъ заявленіи о цѣли моего пріѣзда и открытаго приказа, я увидѣлъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые ни на что не рѣшаются, всего боятся, а пуще начальства; вмѣсто того, чтобы только выслушать передаваемыя мною измѣненія въ маршрутѣ и затѣмъ, сообразно съ этимъ, дѣйствовать, онъ сейчасъ же принялъ видъ человѣка, совершенно потерявшаго голову, ожидающаго большихъ бѣдъ и т. п... Кончилось тѣмъ, что онъ убѣдительнѣйше просилъ меня распоряжаться какъ я знаю, а для исполненія всѣхъ моихъ требованій командировалъ своего помощника поручика барона Герта, съ которымъ мы тутъ же познакомились и рѣшили остатокъ этого дня употребить на осмотръ всѣхъ приготовленій въ городѣ, гдѣ долженъ былъ быть ночлегъ Государя Наслѣдника, а на другое утро уже выѣхать къ Ахалкалаки, крайнему пункту Ахалцыхскаго уѣзда и Кутаисской губерніи.

При осмотрѣ комнатъ въ домѣ, назначенномъ для помѣщенія Наслѣдника Цесаревича, поразила меня спальня, уподобленная усердствующимъ хозяиномъ-армяниномъ какому-то

восточному чертогу Гаруна-Аль-Рашида; все было изукрашено массой парчи, шелковыхъ тканей, ковровъ, еще болѣе перинъ и одѣялъ красно-зелено-желтыхъ узоровъ, съ такимъ же пологомъ... Я замѣтилъ хозяину, что въ Европѣ не привыкли такъ спать, что самое лучшее была бы хорошая новая желѣзная кровать съ матрацомъ, а остальное уже все есть въ собственномъ багажѣ; но почтенный домовладѣлецъ посмотрѣлъ на меня такимъ укоряющимъ взглядомъ, какъ бы хотѣлъ сказать: „эй, добрый человѣкъ, что̀ я тебѣ сдѣлалъ; за что̀ ты хочешь меня погубить!“ Я счелъ нужнымъ успокоить его, попросивъ оставить все, какъ есть, и что, безъ сомнѣнія, Его Высочество будетъ любоваться всѣми этими вещами и оцѣнитъ усердіе хозяина.

Въ это же время пришелъ туда Е. И. Золотаревъ, уже въ генеральскомъ чинѣ, выразилъ большое удовольствіе встрѣтить меня послѣ столь долгаго времени, протекшаго съ нашей неудачной аудіенціи у начальника главнаго штаба, сообщилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ производствомъ въ генералы назначенъ командиромъ бригады линейныхъ батальоновъ, изъ коихъ одинъ расположенъ въ Ахалцыхѣ, что по этому случаю онъ и пріѣхалъ сюда приготовлять почетный караулъ, ординарцевъ, часовыхъ и пр. Я тоже очень былъ радъ встрѣтиться съ добрѣйшимъ Ефимомъ Ивановичемъ, но отъ приглашенія его отправиться въ крѣпость, провести у него вечеръ, рѣшительно отказался, поспѣшилъ на отведенную мнѣ квартиру, гдѣ и повалился какъ снопъ, заснувъ мертвецкимъ сномъ на цѣлыхъ двѣнадцать часовъ.

На другое утро мы съ барономъ Гертомъ выѣхали изъ города, котораго я хорошенько и не осмотрѣлъ, такъ что сохраняю о немъ и о близь лежащей на возвышеніи крѣпости какое-то весьма смутное представленіе. Мой спутникъ Гертъ оказался очень не глупымъ, веселымъ человѣкомъ и вообще, наружно даже, совершеннымъ типомъ того мѣстнаго кавказскаго продукта, который слыветъ тамъ подъ названіемъ *катеръ*. Кличкѣ этой послужилъ поводомъ онъ же Гертъ, о

чемъ тогда и разсказалъ мнѣ слѣдующее: служилъ онъ въ ширванскомъ пѣхотномъ полку прапорщикомъ и въ пріѣздъ въ 1830 годахъ въ штабъ-квартиру полка Кусары тогдашняго главнокомандующаго барона Розена, былъ назначенъ ординарцемъ. Когда полковой командиръ, представляя его, назвалъ фамилію, баронъ Розенъ спросилъ его по-нѣмецки — Sie sind also ein Deutscher? — „Я, ваше высокопревосходительство, по-нѣмецки не знаю, родился за Кавказомъ", отвѣчалъ прапорщикъ. — А, такъ вы, любезнѣйшій *катеръ*, сказалъ, смѣясь, главнокомандующій. И съ тѣхъ поръ всѣхъ родившихся отъ русскихъ (вообще европейцевъ) отцовъ и туземныхъ матерей стали звать на Кавказѣ катерами (мулъ), происходящими, какъ извѣстно, отъ смѣси осла съ кобылой. Нужно отдать, однако, этимъ катерамъ справедливость, по крайней мѣрѣ сколько я ихъ ни встрѣчалъ, они всѣ, особенно женщины, отличались красотой, не рѣдко далеко оставляющею за собой красоту истыхъ туземцевъ. Къ сожалѣнію, менѣе чѣмъ скромное образованіе, ограничивавшееся какимъ-нибудь третьимъ-четвертымъ классомъ Тифлисской гимназіи или Душетскаго уѣзднаго училища, затѣмъ юнкерская и прапорщичья служба въ полку, не давали никакой возможности развиться природнымъ способностямъ, для употребленія ихъ съ лучшими цѣлями, а между тѣмъ знаніе туземныхъ языковъ, иногда даже лучше русскаго, и привычки къ туземному образу жизни влекли ихъ большею частью въ полицейскую службу, гдѣ они и оканчивали свою карьеру, уходя рѣдко дальше должности уѣзднаго начальника. Женились они также на туземкахъ, и такимъ образомъ за Кавказомъ у насъ есть, какъ въ Америкѣ, свои мулаты.

Проѣхали мы съ барономъ Гертомъ по всѣмъ пунктамъ, гдѣ стояли заготовленныя лошади, перевели помѣщенія и запасы съ однихъ пунктовъ въ другіе, осмотрѣли на Чебуретской возвышенности строенія штаба Донского казачьяго полка, чтобы въ случаѣ ненастной погоды и невозможности доѣхать въ одинъ день изъ Ахалцыха въ Ахалкалаки, здѣсь устроить

ночлегъ; подравняли насколько можно было дорогу до Ахалкалаки, особенно крутоватые подъемы и спуски въ безчисленныхъ балкахъ, пересѣкающихъ эту возвышенную плоскость; однимъ словомъ сдѣлали все что̀ было нужно и возможно; затѣмъ возвратились въ турецкую деревню у подножія Чебуретскаго подъема (названіе забылъ), гдѣ предполагался завтракъ для Государя Наслѣдника. Тутъ я остался отдыхать до слѣдующаго дня, когда долженъ былъ состояться пріѣздъ, а Гертъ уѣхалъ въ городъ, чтобы быть тамъ къ вечеру прежде въѣзда Высокаго Гостя и выручать своего бѣднаго уѣзднаго начальника, потерявшаго, безъ сомнѣнія, уже окончательно голову.

Оставшись одинъ въ деревушкѣ, я почти цѣлыя сутки провелъ въ бесѣдѣ съ собравшимися для встрѣчи старшинами. Хотя я говорилъ по-татарски на адербиджанскомъ нарѣчіи, а они на чисто-турецкомъ, однако мы безъ затрудненій понимали другъ друга. Проводя параллель между этими ахалцыхскими турками и мусульманами Лезгинской линіи, даже Елисаветпольскаго, Нухинскаго, Кубинскаго и другихъ закавказскихъ уѣздовъ, я замѣтилъ, что первые далеко не такъ враждебны къ христіанамъ вообще и къ русскимъ въ особенности, что они вообще какъ-то степеннѣе, болѣе заботятся о торговыхъ сельско-хозяйственныхъ интересахъ, чѣмъ о политическихъ, игравшихъ тогда въ восточной части Закавказья такую важную роль, вслѣдствіе сосѣдства съ театромъ борьбы нашей съ главой мюридизма. Если мои собесѣдники не съ особеннымъ глубокопочитаніемъ отзывались о своихъ мѣстныхъ властяхъ и судьяхъ, то не потому что они были *гяуры*, а потому что эти чиновники или ничего не понимали въ мѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ быта туземцевъ, или, еще хуже, кривили душой и угождали двумъ, тремъ мѣстнымъ аристократамъ, т. е. собственно плутократамъ, эксплуатировавшимъ жителей цѣлаго участка. Ничего въ этомъ, конечно, особеннаго и не было: вездѣ есть свои кулаки и соковыжиматели, борьба съ коими вовсе не такъ легка, какъ кажется.

На другой день я еще разъ верхомъ съѣздилъ на Чобуретъ, чтобъ осмотрѣть и дорогу, и казачьи помѣщенія, нашелъ все въ порядкѣ и около полудня вернулся въ деревню. Вскорѣ показался поѣздъ, сопровождаемый эскортомъ куртинъ, на прекрасныхъ лошадяхъ, въ живописныхъ костюмахъ, съ пиками. Погода была отличная, даже довольно жаркая. Послѣ завтрака всѣ вышли изъ палатки; подали экипажи съ новозапряженными лошадьми нѣмецкихъ колонистовъ, усѣлись и тронулись. Но не успѣли отъѣхать полуверсты, начался сразу крутой подъемъ, въ запряжкѣ экипажа Государя Наслѣдника что-то оборвалось и Его Высочество вынужденъ былъ выйти. Спросивъ у меня, длиненъ ли и все такъ же ли крутъ этотъ подъемъ, на что я доложилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще круче, Его Высочество приказалъ подать себѣ верховую лошадь и предпочелъ проѣхать до вершины верхомъ. Часть свиты осталась въ экипажахъ.

Поднявшись на гору, не вдалекѣ отъ казачьяго штаба, всѣ сошли съ коней и остановились дожидаться экипажей. Вечеръ былъ прекрасный, теплый, думали, что чрезъ какихъ-нибудь полчаса подъѣдутъ всѣ остальные; но прошло ужь и больше часу, смеркалось, сталъ дуть прохладный сырой вѣтерокъ, я нѣсколько разъ возвращался по дорогѣ съ версту, а о поѣздѣ ни слуху, ни духу. Стали уже помышлять о ночлегѣ въ казачьихъ помѣщеніяхъ, о готовности коихъ я доложилъ князю Бебутову, но Цесаревичъ, не желая терять напрасно времени, предпочелъ хоть и попозже, но достигнуть Ахалкалаки. Рѣшено было продолжать пока путешествіе верхомъ, а къ экипажамъ послать казаковъ, чтобы какъ можно скорѣе догоняли.

Не успѣли отъѣхать версты, другой, совсѣмъ стемнѣло и заморосилъ мелкій дождичекъ. Хотя у насъ были заготовлены факелы, но они остались всѣ при поѣздѣ, а дорога хоть и ровная, но въ темнотѣ, за отсутствіемъ деревьевъ или верстовыхъ столбовъ, совсѣмъ незамѣтная. Государь Наслѣдникъ, видя, что я сижу на бѣлой лошади, приказалъ мнѣ ѣхать

предъ нимъ: „вы будете проводникъ, я ужь слѣдомъ за вами буду держаться“, изволилъ пошутить Его Высочество. Такимъ образомъ я очутился очень близко Цесаревича и слышалъ разговоръ его съ генераломъ Коцебу (нынѣ варшавскій генералъ-губернаторъ), разсказывавшимъ о Турецкой кампаніи 1829 года, объ осадѣ нами Ахалцыха и пр.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ-то вдали, въ сторонѣ послышался однообразный, рѣзкій скрипъ, очень странно звучавшій среди ночной тишины.

„Это что̀ скрипитъ?“ изволилъ обратиться ко мнѣ Наслѣдникъ.

— Татарскія арбы, Ваше Высочество.

„А, это совершенно какъ описывалъ Марлинскій въ одномъ изъ своихъ кавказскихъ разсказовъ“.

Наконецъ, когда мы проѣхали уже верстъ не менѣе десяти, послышались въ тылу звонки, понуканія кучеровъ, показались факелы и вскорѣ подъѣхали экипажи. Оказалось, что, не взирая на свѣжихъ, сытыхъ лошадей, крутой подъемъ для тяжелыхъ экипажей былъ слишкомъ труденъ и одолѣли его лишь съ большими усиліями, остановками и т. п. Хорошо еще, что было сухо, а въ дождь глинистая почва надѣлала бы хлопотъ не мало. Всѣ пересѣли въ прежнемъ порядкѣ въ экипажи; я опять верхомъ у дверецъ коляски Его Высочества.

„А что̀, спросилъ меня Великій Князь, здѣсь по дорогѣ будутъ спуски и подъемы?“

— Будутъ, Ваше Высочество, и не мало.

„Ну, такъ вы всякій разъ предъ спускомъ предупреждайте меня; я буду тормозить“ (въ коляскѣ была такая пружина).

И пришлось мнѣ, я думаю, не менѣе пяти, шести разъ до Ахалкалакъ произносить: „Ваше Высочество, спускъ!“ нарушая дремоту Путешественника.

Нѣсколько разъ Государь Наслѣдникъ повторялъ кучеру колонисту „worwärst!“, но тотъ или не слышалъ, или не по-

нималъ, или не передавалъ форейтору, такъ что я наконецъ пришпорилъ лошадь и повнушительнѣе крикнулъ нѣмцамъ: Sie hoeren doch was Hoheit Ihnen sagt? vorwärts! also treiben Sie die Pferde rasch!

Тогда Его Высочество обратился ко мнѣ съ улыбкой: „да вы и по-нѣмецки говорите?“

— Говорю, Ваше Высочество.

Поздно уже, часовъ въ одиннадцать, показались наконецъ Ахалкалаки, съ иллюминованною плошками крѣпостью, толпой жителей, вышедшихъ встрѣчать Государя Наслѣдника съ чираками (длинные шесты съ смоляными фонарями); крыши саклей были усѣяны женщинами. Здѣсь на другой день Его Высочество изволилъ осматривать укрѣпленіе, роту линейнаго баталіона, и часу въ 10 утра, поблагодаривъ князя Гагарина за пріемъ, изволилъ прослѣдовать далѣе къ Александрополю и Эривани. Садясь въ экипажъ, Цесаревичъ замѣтилъ меня и милостиво изволилъ сказать: „прощайте“.

Я распространился обо всѣхъ этихъ подробностяхъ потому, что воспоминанія о нихъ, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже почти двадцать девять лѣтъ, совершенно живо представляются мнѣ и я теперь какъ бы вновь переживаю ихъ, и какъ бы вновь испытываю то удовольствіе, какое мнѣ, молодому корнету, доставилъ случай удостоиться личнаго милостиваго обращенія и похвалы отъ нынѣ царствующаго Государя-Преобразователя и Освободителя.

XXXIV.

Проводивъ Высокаго Путешественника и выслушавъ еще нѣсколько просьбъ и жалобъ ахалкалакскихъ жителей, не упустившихъ, конечно, случая воспользоваться личнымъ посѣщеніемъ ихъ губернаторомъ, мы наконецъ усѣлись въ тарантасъ и пустились въ обратный путь къ Кутаису. Легкая тряска тарантаса казалась моему избитому тѣлу самымъ комфортабельнымъ отдыхомъ...

Князь Гагаринъ, довольный вполнѣ благополучнымъ про-

ѣздомъ, пріемомъ и проводами Его Высочества, былъ въ отличномъ расположеніи духа и неоднократно выражалъ мнѣ свою благодарность за мои труды и хлопоты.

Переночевавъ въ Бѣлогорской станціи, мы на другой день пріѣхали домой. Затѣмъ начались обычныя занятія, съ ежедневными прогулками то пѣшкомъ, то верхомъ, и такъ продолжалось до двадцатыхъ чиселъ октября, когда князь Гагаринъ собрался объѣхать свою губернію, чтобы познакомиться ближе съ ея населеніемъ и съ мѣстнымъ начальствомъ. Къ намъ присоединился прибывшій изъ Тифлиса адъютантъ главнокомандующаго, князь Зайнъ Берлебургъ Витгенштейнъ (попавшій на Кавказъ съ принцемъ Александромъ Гессенскимъ, въ 1845 году въ даргинскую экспедицію, и перешедшій затѣмъ въ русскую службу) *), и мы пустились въ продолжительное путешествіе. Повторяю еще разъ, что никакихъ замѣтокъ у меня о томъ времени не сохранилось, все представляется весьма смутно и, къ крайнему сожалѣнію, объ этой интересной во многихъ отношеніяхъ поѣздкѣ приходится сказать вскользь, весьма не многое.

Были мы въ Гуріи, въ Озургетахъ (уѣздный городъ), переѣхали къ морскому берегу въ укрѣпленіе Николаевское, столь извѣстное въ послѣдствіи измѣнническимъ нападеніемъ и взятіемъ турками осенью 1853 года, до объявленія войны. Оттуда въ Редутъ-Кале, гдѣ пробыли, кажется, двое сутокъ, угощаемые на славу мѣстнымъ тузомъ негоціантомъ-грекомъ Хіонаки. Помню въ то время былъ тамъ воинскимъ начальникомъ маіоръ Флепсъ, извѣстный тѣмъ, что, служа въ Дагестанѣ, онъ былъ посланъ съ командой конвоировать до Темиръ-Ханъ-Шуры, арестованнаго въ Хунзахѣ милиціи прапорщика Гаджи-Мурата, но такъ оплошно распорядился, что арестантъ не только бѣжалъ, но еще увлекъ съ собою, бросившись въ кручу, державшаго его унтеръ-офицера, убивша-

*) Впослѣдствіи военный агентъ нашъ въ Парижѣ во время осады пруссаками, недавно умершій въ званіи генералъ-адъютанта.

гося до смерти. Впослѣдствіи этотъ Гаджи-Муратъ, бывшій заклятый врагъ Шамиля, сдѣлался самымъ преданнѣйшимъ, отважнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ помощникомъ имама, и, безъ преувеличенія можно сказать, одинъ онъ въ теченіи восьми лѣтъ (до 1851 года, время его смерти) стоилъ намъ больше крови и всякихъ жертвъ, чѣмъ весь періодъ войны на восточномъ Кавказѣ до его бѣгства!.. Вся исторія съ Гаджи-Муратомъ очень любопытный образчикъ того, какъ иногда, повидимому мелкое, недостаточно обдуманное распоряженіе ведетъ къ неожиданно-крупнымъ послѣдствіямъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

Аварское ханство въ тридцатыхъ годахъ управлялось вдовой-ханшей и ея сыновьями, сохраняя къ намъ самыя лучшія отношенія. Будучи нейтральнымъ и самымъ важнымъ владѣніемъ въ Дагестанѣ, населенное воинственнымъ и сравнительно съ другими горцами зажиточнымъ населеніемъ, оно стояло сильнымъ препятствіемъ на пути Кази-муллы, и занявшаго его мѣсто Гамзатъ-бека, стремившихся къ распространенію мюридизма и слитію этимъ способомъ подъ своею властью всѣхъ дагестанскихъ обществъ. Въ 1834 году Гамзатъ-бекъ рѣшился силой достигнуть цѣли и, собравъ значительную толпу приверженцевъ, подступилъ къ столицѣ ханства, Хунзаху. Нѣсколькодневныя атаки не дѣйствовали; онъ рѣшился прибѣгнуть къ хитростямъ и, вступивъ въ переговоры, убѣдилъ тупоумную ханшу выслать къ нему для личныхъ совѣщаній ея сыновей. Ханскій санъ пользовался такимъ всеобщимъ традиціоннымъ почетомъ, что эти молодые потомки знаменитаго нѣкогда Омаръ-хана и не допускали возможности какого-нибудь насилія противъ нихъ со стороны горцевъ. Они ужасно ошиблись: послѣ недолгихъ переговоровъ съ Гамзатъ-бекомъ и его приближенными мюридами, ханы вышли изъ его палатки; вдругъ бросилась на нихъ кучка самыхъ отчаянныхъ фанатиковъ съ кинжалами въ рукахъ и всѣ три брата съ нѣсколькими своими нукерами, не взирая на геройскую самозащиту, были умерщвлены. Хунзахъ палъ. Единственный,

оставшійся въ живыхъ потомокъ хановъ, мальчикъ лѣтъ 10-ти, былъ взятъ въ резиденцію Гамзата, Гоцатль, и тамъ впослѣдствіи сброшенъ съ кручи въ Койсу. Ханскій родъ, предметъ особаго уваженія всего Кавказа въ теченіи многихъ вѣковъ, исчезъ... Аварія очутилась въ рукахъ нашихъ непріятелей, усиливъ ихъ значеніе и власть въ горахъ до значительной степени.

Но не долго торжествовалъ Гамзатъ-бекъ свою побѣду: въ числѣ ближайшихъ приверженцевъ убитыхъ хановъ были два брата Османъ и Гаджи-Муратъ, хунзахскіе жители (первый былъ *эмджекъ,* молочный братъ, одной изъ жертвъ). Они рѣшились отмстить за смерть своихъ хановъ, и въ пятницу, пробравшись въ мечеть, убили пистолетнымъ выстрѣлоиъ молившагося главу мюридовъ. Османъ былъ тутъ же изрубленъ, а Гаджи-Муратъ успѣлъ спастись бѣгствомъ и послѣ того служилъ намъ усердно, удостоившись производства въ милиціонные офицеры и кажется ордена Св. Станислава.

Затѣмъ въ 1837 году былъ снаряженъ сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Фези для овладѣнія Аваріей. Экспедиція имѣла успѣхъ, Хунзахъ былъ занятъ, укрѣпленъ, а управлять Аваріей назначили полковника Ахметъ-хана, владѣтеля Мехтулинскаго, при которомъ состоялъ и Гаджи-Муратъ. Одно время Ахметъ-ханъ любившій выпить, сталъ что-то преслѣдовать Гаджи-Мурата, обвинялъ его въ недостаточномъ уваженіи или что-то въ этомъ родѣ, очевидно по какой-нибудь сплетнѣ; наконецъ донесъ въ Шуру начальству объ его винахъ, а оттуда, не долго думая, предписали: арестовать и выслать. И вотъ прапорщика и кавалера связали по рукамъ и поручили г. поручику Флепсу съ 30 солдатами отвести въ Шуру. Какъ сказано, Гаджи-Муратъ въ одномъ мѣстѣ, близъ аула Моксоха, смѣлымъ прыжкомъ бросился съ кручи, сломалъ себѣ ногу, вылѣчился, явился съ повинною къ намѣстнику убитаго имъ Гамзата Шамилю, и былъ имъ милостиво принятъ.

Задалъ же намъ этотъ связанный прапорщикъ въ послѣдствіи работы...

Еще лучше; въ одну прекрасную ночь, кажется въ 1846 году, онъ напалъ на Дженгутай, въ 20 верстахъ отъ Шуры, и въ присутствіи цѣлаго баталіона, охранявшаго эту столицу Мехтулинскаго ханства, захватилъ въ плѣнъ ханьшу, вдову его гонителя Ахметъ-хана... Отомстилъ!

Прошу у читателя извиненія за такое длинное отступленіе; но не могъ воздержаться, чтобы не разсказать этого, впрочемъ давно всѣмъ занимавшимся кавказскими дѣлами извѣстнаго эпизода. Вызванное неумѣлыми распоряженіями, подобно измѣнѣ Элисуйскаго султана, или возстанію въ 1840 году всей покорной Чечни, это происшествіе, можетъ служить поучительнымъ примѣромъ и предостереженіемъ...

Редутъ-Кале, расположенный у впаденія въ море двухъ рѣкъ, Хопи и Циви, окруженный болотами и топями, назывался кавказскою Венеціей, хотя все сходство состояло въ обиліи воды и необходимости сообщаться на лодкахъ; а затѣмъ это былъ жалкій городишко, гнѣздо лихорадокъ. Отсюда мы берегомъ моря, верхами, проѣхали чрезъ Анаклію и Цоти, тогда незначительный казачій постъ, съ развалинами турецкой крѣпостцы, внутри коей росло нѣсколько лимонныхъ деревьевъ и пальмъ; далѣе въ Очамчири— зимнее пребываніе владѣтеля Абхазіи князя Шервашидзе, гдѣ и были приняты съ подобающимъ почетомъ и отпущены послѣ двухдневнаго пребыванія съ подарками, кому лошади, кому ружья, шашки или пистолета. Обычай требовалъ принять эти подарки, чтобы не обидѣть владѣтеля, бывшаго тогда въ большой силѣ и уваженіи нашихъ наивысшихъ властей и имѣвшаго чинъ генералъ-лейтенанта и генералъ-адъютанта. Въ послѣдствіи, впрочемъ, обвиненный въ двуличныхъ дѣйствіяхъ во время высадки въ его владѣніяхъ Омеръ-паши въ 1854 году и вредномъ вліяніи на сосѣднихъ

горцевъ, онъ подвергся опалѣ и кончилъ жизнь въ ссылкѣ, въ Воронежѣ...

Обратное путешествіе изъ Очамчири мы совершили чрезъ Самурзакань и Зугдиды. Густые дѣвственные лѣса, громадные стволы деревьевъ, обвитыхъ дикою виноградною лозой и плющемъ, развалины древнихъ храмовъ и башенъ, тоже обросшихъ плющомъ, представляли совсѣмъ особенный, въ другихъ мѣстахъ Кавказа не встрѣчаемый видъ. Къ сожалѣнію, большею частью дождливая погода и тоши, по которымъ съ трудомъ пробирались мы верхами, сѣрое небо съ нависшими тучами, набрасывали на все мрачный, недружелюбный колоритъ.

Встрѣчали и провожали насъ, само собою, вездѣ съ почетомъ и большимъ радушіемъ. Нѣкоторыя угощенія, по своей оригинальной обстановкѣ, врѣзались мнѣ особенно въ памяти. Въ Самурзакани, на открытомъ воздухѣ, обѣдъ происходилъ на лужайкѣ, окруженной большими деревьями, на землѣ; сѣло человѣкъ сто. Тутъ же вблизи надъ большущимъ костромъ жарился на вертелѣ *цѣлый быкъ*; поворачивали его человѣкъ десять, ловкіе форшнейдеры острыми ножами нарѣзывали тонкіе ломти этого гигантскаго шашлыка, подавая сначала почетнымъ гостямъ и бросая дальше сидѣвшимъ, съ разными восклицаніями и прибаутками; вмѣсто хлѣба подавали *гоми*, родъ просяной каши; вина, понятно, было выставлено въ кувшинахъ вволю. Шумъ, возгласы, тосты, смѣхъ, выстрѣлы, все смѣшивалось въ общій гулъ.

Переѣхали мы въ бродъ быстрый разлившійся отъ дождей Ингуръ, не гадая, что чрезъ три года берега его огласятся шумомъ битвы, гдѣ нашимъ нѣсколькимъ баталіонамъ пришлось съ большимъ урономъ отступать предъ арміей Омеръ-паши. Въ Зугдидахъ, столицѣ Мингреліи, мы ночевали, осмотрѣли дворецъ владѣтельной княгини Дадіанъ, бывшей въ отсутствіи, познакомились съ однимъ французскимъ ройялистомъ, поселившимся тамъ съ нѣсколькими

французенками для производства шелка, разобрали нѣсколько сложныхъ тяжбъ и уѣхали въ Марань, мѣстечко при рѣкѣ Цхенисъ-цхали, гдѣ и ночевали у командира поселенной здѣсь роты скопцовъ, майора Гегидзе. Помню, какъ забавно было, посмотрѣвъ на выстроенную къ пріѣзду губернатора роту этихъ женоподобныхъ, изуродованныхъ блѣдныхъ лицъ, войти вдругъ въ домъ ихъ командира, встрѣтить жену его, красивую полную женщину, съ шестью-семью здоровыми ребятишками...

Отсюда мы ужь опять усѣлись въ экипажи и возвратились въ Кутаисъ, послѣ двадцатидневнаго, кажется, отсутствія. Здѣсь засталъ я прибывшихъ въ это время трехъ новыхъ лицъ: вице-губернатора, полковника Николая Петровича Колюбакина, столь извѣстнаго на Кавказѣ подъ именемъ *немирнаго*, назначеннаго совѣтникомъ въ губернское правленіе чиновника Гнилосарова и доктора Филевскаго. Оба послѣдніе служили при князѣ Гагаринѣ въ Дербентѣ, были тамъ его приближенными лицами и переведены въ Кутаисъ по его желанію. Съ первыхъ же дней, замѣтивъ мои постоянныя занятія съ княземъ, прогулки съ нимъ и вообще его расположеніе, они, должно думать, заподозрили во мнѣ соперника на исключительно присваиваемую ими себѣ привиллегію близости къ нему, и отношенія этихъ двухъ господъ, особенно доктора, стали ко мнѣ очевидно недружелюбными. Мелкія задиранія, ѣдкія шуточки и т. п. раздражали меня и еще болѣе возбуждали недовольство своимъ положеніемъ.

Переждавъ съ мѣсяцъ, я рѣшился поговорить съ Н. П. Колюбакинымъ. Я разсказалъ ему какъ попалъ въ Кутаисъ, какъ вмѣсто адъютантской должности очутился помощникомъ уѣзднаго начальника, совершенно противъ моего желанія, и что я рѣшительно стремлюсь къ военной дѣятельности, но не желалъ бы возбудить неудовольствіе князя Гагарина, которому крайне обязанъ за его расположеніе. Покойный Николай Петровичъ вполнѣ согласился съ моими доводами, высказалъ, что мнѣ слѣдуетъ идти прямою военною дорогой,

рѣшительно отказаться отъ всякихъ административныхъ обязанностей и взялся доложить объ этомъ князю. Кончилось тѣмъ, что губернаторъ, во время обычной прогулки, заговорилъ со мною о моемъ положеніи, одобрилъ мое стремленіе къ военной дѣятельности, извинялся за предложеніе адъютантства безъ предварительныхъ справокъ и обѣщалъ мнѣ полную готовность быть полезнымъ въ Тифлисѣ, при устройствѣ дальнѣйшихъ служебныхъ моихъ дѣлъ. Затѣмъ объявилъ мнѣ, что около новаго года (1851) собирается въ Тифлисъ и что мнѣ лучше будетъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, а до того остающіяся двѣ, три недѣли продолжать занятія попрежнему.

Поблагодарилъ я какъ съумѣлъ благороднѣйшаго князя Александра Ивановича за это и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать отъѣзда изъ Кутаиса, въ которомъ между тѣмъ жилось очень весело: каждый вечеръ приходилось проводить по очереди у мѣстныхъ военныхъ и гражданскихъ властей, отличавшихся большимъ радушіемъ и обильными угощеніями. Чаще всего проводилъ я вечера у Щ—ва, окончательно успокоившагося за свою судьбу...

Наконецъ, въ первыхъ числахъ января, мы выѣхали въ Тифлисъ. Н. П. Колюбакинъ при прощаніи далъ мнѣ письмо къ генералу Вольфу, съ которымъ былъ очень друженъ, и просилъ его оказать мнѣ нужное содѣйствіе къ опредѣленію въ полкъ и къ командированію меня между тѣмъ въ какой-либо отрядъ въ Чечнѣ, для участія въ зимней экспедиціи.

Такимъ образомъ разстался я съ Имеретіей, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ ней. Два главныя лица ею управлявшія — князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ и Николай Петровичъ Колюбакинъ, насколько я ихъ въ такой короткій срокъ могъ узнать, были оба благородные, честные люди, съ самыми прекрасными стремленіями и намѣреніями, но (ужь безъ этого проклятаго „но“ никакъ не обойдешься!) имѣли свои недостатки, парализовавшіе во многомъ ихъ собственныя стремленія. Князь Гагаринъ,

по своей врожденной добротѣ и мягкости, по своей джентльменской деликатности и уступчивости, принадлежалъ къ большинству тѣхъ начальствующихъ лицъ, которыя, мѣряя на свой аршинъ, готовы видѣть чуть не во всѣхъ другихъ людяхъ такихъ же честныхъ, безкорыстныхъ слугъ государству... Не обладая достаточною самостоятельностью и силою воли, онъ легко подчинялся умѣвшимъ поддѣлаться къ нему личностямъ и дѣйствовалъ по ихъ указаніямъ не всегда въ попадъ и согласно съ дѣйствительными потребностями; подчиненіе постороннимъ внушеніямъ усиливалось еще и тѣмъ, что онъ предшествовавшею дѣятельностью не достаточно былъ подготовленъ въ знаніи законовъ и вообще сложныхъ пружинъ административнаго механизма. Положеніе его въ такомъ краѣ, какъ Кутаисское губернаторство, въ составъ коего входили разнородныя владѣнія полусамостоятельныхъ князей—Мингреліи, Абхазіи, Сванетіи, права и обязанности коихъ не были въ точности опредѣлены, при массѣ разныхъ запутанныхъ дѣлъ и отношеній ихъ и между собою, и къ ихъ подвластнымъ, и къ русскому правительству,—было довольно затруднительно, и даже отъ болѣе уже опытнаго администратора потребовало бы самой энергической дѣятельности, безъ всякихъ колебаній въ разъ опредѣленномъ направленіи... Чрезъ семь лѣтъ послѣ описаннаго мною времени, достойнѣйшій князь Александръ Ивановичъ былъ опять въ Кутаисѣ уже въ званіи генералъ-губернатора, и тамъ, осенью 1857 года, окончилъ свою жизнь подъ ударами кинжала владѣтельнаго сванетскаго князя Дадешкеліяна, освирѣпѣвшаго отъ какихъ-то дѣланныхъ ему покойникомъ замѣчаній. Подробностей этого трагическаго происшествія я совсѣмъ не знаю. Извѣстно только, что Дадешкеліянъ, убивъ Гагарина, выскочилъ изъ его кабинета, какъ изступленный звѣрь кинулся на встрѣченныхъ чиновника, переводчика, лакея, всѣхъ ихъ уложилъ, ворвался за тѣмъ въ чей-то домъ и защищался отъ всѣхъ попытокъ взять

его, пока не привели цѣлую роту солдатъ. Сужденный по полевымъ уголовнымъ законамъ, онъ былъ разстрѣлянъ*).

Н. П. Колюбакинъ, напротивъ, былъ и опытнѣе и энергичнѣе, но обладалъ несчастнымъ темпераментомъ: вспыльчивый до безумія, онъ вѣчно попадалъ въ нескончаемыя непріятности, дорого ему обходившіяся; былъ разжалованъ въ солдаты, опять выслужился, ссорился, мирился, кипятился... Помню, когда онъ уже въ послѣдствіи былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія Кавказскилъ краемъ и тамъ зашла рѣчь о томъ, что съ одной стороны весьма пріятно получить товарища столь опытнаго, умнаго и благороднаго человѣка, но съ другой, что мирныя до сихъ поръ пренія примутъ бурный характеръ и, чего добраго, не обойдется безъ непріятностей,— покойный тесть мой В. И. Смиттенъ, бывшій въ это время тоже членомъ совѣта, предложилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ чернильницы и песочницы прикрѣпить желѣзными цѣпочками къ столу... Всѣ члены совѣта и самъ Н. П., узнавшій объ этомъ послѣ, очень смѣялись такому остроумному предложенію.

Сколько мнѣ кажется, былъ у Николая Петровича и еще одинъ недостатокъ: слишкомъ большая увѣренность въ непогрѣшимости своихъ мнѣній и соображеній, и поспѣшность, не дававшая достаточнаго промежутка между *задумано* и *сдѣлано*. При этомъ, само собою, ошибки неизбѣжны. Онъ также былъ впослѣдствіи и губернаторомъ и генералъ-губернаторомъ въ Кутаисѣ, но въ этой должности, какъ я слышалъ, его дѣйствіями были не совсѣмъ довольны; промаховъ сдѣлалъ онъ немало и былъ переведенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и умеръ

*) За тѣмъ произошелъ эпизодъ, могущій служить характеристикой нашей неумѣлой администраціи, нашей безсистематичности: когда вдова разстрѣляннаго Дадешкеліяна попросила разрѣшенія перевести тѣло ея мужа въ родное село для погребенія, ей отпустили изъ казны на расходъ *шесть тысячъ* рублей и покойнику были оказаны всевозможныя почести; прибыла толпа Сванетцевъ, Кутаисъ сдѣлался свидѣтелемъ наиторжественнѣйшей процессіи, совершаемой съ участіемъ и на средства той самой власти, которая была оскорблена такимъ страшнымъ преступленіемъ и воздала такимъ страшнымъ наказаніемъ. Какая послѣдовательность!...

нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Во всякомъ случаѣ, покойный, не смотря на свое названіе *немирнаго*, былъ человѣкъ, пользовавшійся на Кавказѣ общимъ уваженіемъ, прекрасный собесѣдникъ и разсказчикъ, отлично владѣвшій перомъ, хотя языкъ его и напоминалъ литературныя преданія тридцатыхъ годовъ, когда цвѣтистый слогъ à la Марлинскій былъ въ такомъ ходу.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, князь Гагаринъ помѣстился во флигелѣ намѣстническаго дворца, гдѣ онъ, какъ бывшій адъютантъ и близкій къ князю Воронцову человѣкъ, жилъ совершенно по-домашнему; къ тому тогда уже было въ ходу предположеніе о его бракѣ съ княжной Орбельянъ, въ чемъ князь и княгиня, само собою, принимали живѣйшее участіе. Стеченіе этихъ обстоятельствъ ставило меня, какъ пріѣхавшаго съ княземъ Гагаринымъ, въ особое благопріятное положеніе. Я ежедневно бывалъ у него, исполнялъ кое-какія его порученія по части дѣловой переписки, встрѣчался тутъ со всѣми приближенными къ главнокомандующему и другими высшими лицами служебнаго міра, нѣсколько разъ былъ приглашаемъ на обѣды и разъ навсегда по понедѣльникамъ на танцовальные, а Великимъ Постомъ на музыкальные вечера. Зима была отличная, теплая, сухая и жилось мнѣ тогда очень пріятно. Да и Тифлисъ былъ ужь далеко не тотъ, какимъ я засталъ его въ 1842 году. Благодаря заботливости князя Воронцова, городъ принялъ видъ, такъ сказать, средній между губернскимъ и столичнымъ: по числу различныхъ общественныхъ удовольствій, по значительности образованнаго общества никакой губернскій городъ въ тѣ времена не могъ представить ничего подобнаго. Сближеніе туземнаго, впрочемъ почти исключительно аристократическаго персонала съ русскими приняло самые широкіе размѣры. Театры русскій и грузинскій посѣщались усердно. Вообще дѣятельность незабвеннаго намѣстника, носившая явные признаки горячей любви къ управляемому имъ краю, въ этомъ отношеніи выразилась такими результатами, что заслуживаетъ подробнаго спеціальнаго описанія, опирающагося на оффиціальныя данныя.

Однако, нужно было подумать и о дальнѣйшей своей служебной судьбѣ. Генералъ Вольфъ, которому я представился и вручилъ письмо Н. П. Колюбакина на счетъ командировки меня въ зимнюю экспедицію, по всегдашнему, принялъ меня очень дружелюбно, но объявилъ, что самъ, къ сожалѣнію, ничего сдѣлать не можетъ, а доложитъ начальнику главнаго штаба и о результатѣ дастъ мнѣ знать.

Недѣли черезъ двѣ онъ объявилъ мнѣ, что согласія не послѣдовало по той причинѣ, что будто бы туда уже много прикомандировано офицеровъ. Когда я пришелъ передать объ этомъ князю Гагарину, то засталъ у него князя Илико Орбельяна, который тутъ же объявилъ мнѣ, прося не разглашать пока, что онъ вскорѣ будетъ назначенъ командиромъ грузинскаго гренадерскаго полка и что совѣтуетъ мнѣ подать просьбу объ опредѣленіи въ этотъ полкъ и заняться пока изученіемъ фронтовой службы, а затѣмъ, по вступленіи въ командованіе, онъ уже беретъ на себя заботу о моей дальнѣйшей карьерѣ. Поблагодаривъ душевно добрѣйшаго князя Илико за его расположеніе, я просилъ его о позволеніи дождаться производства въ поручики, къ чему я уже давно былъ представленъ за вышеописанную мною экспедицію въ горы съ генераломъ Б., и тогда уже подавать просьбу. Онъ это одобрилъ и даже доложилъ князю Воронцову.

Такимъ образомъ я и остался въ Тифлисѣ безъ всякаго дѣла до апрѣля мѣсяца, когда былъ полученъ приказъ о моемъ производствѣ. Въ это время главнокомандующаго въ городѣ не было; онъ выѣхалъ, кажется, въ мусульманскія провинціи на мѣсяцъ, а съ нимъ и Илико Орбельянъ. Не ожидая возвращенія его, я отправился къ начальнику главнаго штаба и подалъ просьбу о зачисленіи въ грузинскій гренадерскій полкъ. На вопросъ генерала Коцебу: почему именно въ грузинскій? я отвѣтилъ, что по близости штаба полка къ Тифлису и знакомству со всѣми почти офицерами. „Хорошо, я передамъ вашу просьбу въ штабъ для распоряженія“.

Чрезъ нѣкоторое время меня потребовали въ главный штабъ и объявили резолюцію, что по неимѣнію въ грузинскомъ полку вакансій я не могу быть туда зачисленъ, а если желаю, то буду назначенъ въ дагестанскій пѣхотный полкъ, о чемъ и долженъ заявить письменно.

Что̀ было дѣлать? Я очутился въ крайне непріятномъ положеніи, и, за отсутствіемъ князя Гагарина, уѣхавшаго въ Кутаисъ, и Ильи Орбельяна, не зналъ къ кому обратиться за совѣтомъ. Отправился я къ генералу Вольфу и разсказалъ ему всѣ подробности. Онъ посовѣтовалъ мнѣ согласиться на переводъ въ дагестанскій полкъ, ибо въ противномъ лучаѣ неизбѣжно неудовольствіе начальника главнаго штаба и тогда уже трудно будетъ попасть въ какой бы то ни было полкъ. Къ тому же, прибавилъ генералъ, дагестанскимъ полкомъ командуетъ его пріятель, прекрасный человѣкъ, полковникъ генеральнаго штаба Броневскій, къ которому онъ снабдитъ меня рекомендательнымъ письмомъ.

Нечего было дѣлать; я пошелъ въ штабъ и заявилъ о своемъ согласіи, а дней черезъ двадцать пять уже состоялся и Высочайшій приказъ о моемъ переводѣ въ дагестанскій полкъ.

Между тѣмъ возвратился изъ своей поѣздки князь съ Илико Орбельяномъ, пріѣхалъ и Гагаринъ опять. Когда я имъ объявилъ о происшедшемъ, они какъ-то загадочно взглянули другъ на друга, однако сказали, что я хорошо поступилъ, совѣтовали не медлить выѣздомъ въ полкъ, а послѣ ужь похлопочутъ о моемъ переводѣ въ гренадеры. Въ это время былъ въ Тифлисѣ и командовавшій войсками въ Дагестанѣ князь Аргутинскій-Долгорукій, которому въ тотъ вечеръ князь Гагаринъ у себя представилъ меня, какъ офицера подчиненныхъ ему войскъ.

— Очень радъ, сказалъ на это князь Моисей Захаровичъ;—мы вѣдь съ вами познакомились въ Цахурѣ?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте въ Дагестанъ. Вы попали въ

хорошій полкъ, къ отличному командиру; у него слѣдуетъ поучиться службѣ; надѣюсь, будете хорошимъ ротнымъ командиромъ.

Обмундировавшись въ новую форму, я представился главнокомандующему, встрѣтившему меня съ незабвенною для меня, молодого офицера, благосклонностью, выразивъ при этомъ увѣренность, что я и во фронтѣ, безъ сомнѣнія, окажусь также на своемъ мѣстѣ, какъ вездѣ, гдѣ служилъ до сихъ поръ, и что онъ будетъ очень радъ услышать объ моихъ отличіяхъ. Затѣмъ, благодаря участію князя Илико и генерала Вольфа, я получилъ существенное пособіе къ проѣзду въ Дагестанъ, именно — былъ посланъ курьеромъ съ какими-то бумагами отъ главнаго штаба.

Судьба! одинъ разъ Эристовъ предложилъ мнѣ перейти въ Грузинскій полкъ; казалось, чего вѣрнѣе? Внезапная смерть его разстроила дѣло. Другой разъ Илико Орбельянъ, любимецъ главнокомандующаго; казалось, еще вѣрнѣе? И тутъ не выгорѣло. Въ послѣдствіи, о чемъ разскажу въ своемъ мѣстѣ, опять была сдѣлана попытка, неожиданное обстоятельство помѣшало... Много разъ въ жизни моей бывали такіе случаи неудачъ, несбывшихся желаній, и какъ горько, какъ досадно это бывало; какой ропотъ, какія жалобы на злую судьбу вырывались!... А между тѣмъ послѣ выходило, что „нѣтъ худа безъ добра“, что человѣкъ не знаетъ гдѣ потеряетъ, гдѣ выиграетъ, и что есть высшій Промыслъ, руководящій нами на скользкомъ жизненномъ пути...

Предъ выѣздомъ изъ Тифлиса, безпокоясь о судьбѣ каверзнаго дѣла, возникшаго въ Тіонетахъ по поводу растраты умершимъ Челокаевымъ денегъ, и опасаясь чтобы оно не послужило мнѣ во вредъ на новомъ поприщѣ, я отправился къ бывшему тогда тифлисскому губернатору князю Ивану Малхазовичу Андроникову, знавшему меня лично, чтобы доложить подробно о дѣлѣ, имѣвшемъ поступить къ нему на разрѣшеніе, и просить его участія и справедливости.

Прихожу. Доложили и потребовали въ кабинетъ.

— Здравствуйте! Что скажете хорошенькаго?

— Я переведенъ въ Дагестанскій полкъ на службу и пришелъ предъ отъѣздомъ откланяться вашему сіятельству, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю и просьбу.

— Очень радъ, сдѣлайте одолженіе, скажите.

Я объяснилъ подробно все какъ было и прибавилъ, что въ полку, гдѣ я буду новый, никому неизвѣстный человѣкъ если дѣло дойдетъ туда — служба моя жестоко пострадаетъ; а между тѣмъ я ни въ чемъ не виноватъ и пополненіе недостающихъ незначительныхъ денегъ для наслѣдниковъ Челокаева не можетъ составить никакой особой важности, чѣмъ дѣло и прекратилось бы.

— *Уже, шени чири мэ, доложу вамъ, что Михейла* Челокаева я очень хорошо зналъ; еслибъ онъ нѣсколько лѣтъ еще прожилъ, то *уже* промоталъ бы не только свое имѣніе, но и жену съ дѣтьми. Вы не безпокойтесь, когда дѣло придетъ ко мнѣ, я знаю, *шени чири мэ*, какъ поступить. (Князь постоянно пересыпалъ свою рѣчь такими: *уже*, *доложу вамъ* и т. п., причемъ ударенія возбуждали трудно удержимый смѣхъ; кромѣ того вставлялъ и грузинскія употребительныя присказки. Все вмѣстѣ выходило уморительно).

Я разсыпался въ благодарностяхъ и ушелъ совершенно успокоенный.

Князь Андрониковъ, состоявшій при арміи генералъ-маіоромъ, былъ типъ истаго грузинскаго князя, обладающій значительнымъ имѣніемъ, хорошій хозяинъ, не расточительный, храбрый офицеръ, но безъ всякаго образованія и плохо владѣвшій русскимъ языкомъ, еще болѣе плохимъ произношеніемъ. По желанію князя Воронцова, онъ согласился принять должность губернатора въ Тифлисѣ, при чемъ, какъ вполнѣ добросовѣстный человѣкъ, предупреждалъ, что никакого понятія въ дѣлахъ гражданскихъ не имѣетъ и вовсе не подготовленъ къ такой дѣятельности.

Его слабыя и забавныя стороны какъ *гражданскаго* губернатора вызывали массу анекдотовъ. Разсказывали напримѣръ,

что когда въ первый же день по вступленіи въ должность правитель канцеляріи поднесъ ему къ подписи нѣсколько десятковъ бланокъ подорожныхъ и затѣмъ на вопросъ: что еще есть дѣлать, отвѣтилъ: „больше ничего“, то князь Андрониковъ сказалъ: „ну, я думалъ управлять губерніей очень трудно, а этакъ я и двумя губерніями могу управлять!“ Все это не помѣшало ему, какъ *военному* губернатору, оказать не только своей губерніи, но и всему русскому государству великія услуги: первую побѣду надъ турками, начавшими войну 1853 года наступленіемъ въ наши предѣлы, одержалъ онъ при Ахалцыхѣ, а затѣмъ лѣтомъ 1854 года въ Гуріи, на рѣкѣ Чолокѣ. Оба раза турки, не взирая на значительно превышавшія силы, были разбиты храбрымъ княземъ Андрониковымъ наголову. Дѣла эти сами по себѣ достаточны, чтобы сохранилась объ немъ и его заслугахъ добрая память на страницахъ нашей исторіи. Въ послѣдствіи онъ былъ генераломъ отъ кавалеріи и умеръ нравственно подавленный преждевременною смертью единственнаго, горячо имъ любимаго сына, молодого человѣка, погибшаго жертвой злокачественной черноморской лихорадки, схваченной въ отрядѣ за Кубанью въ 1863 году.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE JAN '72

3426 91

Canceled

WIDENER

MAR 17 1996

BOOK DUE

WIDENER

APR 22 1996

BOOK DUE

WIDENER

APR 22 1996

CANCELED

BOOK DUE